ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА ИМ. М. В. ФРУНЗЕ

А. М. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

МИРОВАЯ ВОЙНА

МАНЕВРЕННЫЙ ПЕРИОД 1914-1915 ГОДОВ НА РУССКОМ (ЕВРОПЕЙСКОМ) ТЕАТРЕ

ГЖС621
З294

С ПРИЛОЖЕНИЕМ
АЛЬБОМА СХЕМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО—1929

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА ИМ. М. В. ФРУНЗЕ

ГЖ621
3-294

А. М. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

МИРОВАЯ ВОЙНА

МАНЕВРЕННЫЙ ПЕРИОД 1914—1915 ГОДОВ НА РУССКОМ (ЕВРОПЕЙСКОМ) ТЕАТРЕ

С ПРИЛОЖЕНИЕМ
АЛЬБОМА СХЕМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

К.
П
1984
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГЖС621
3291
Р

465
29
61244 У

Главлит № А 34.935 Гиз № 20.422 Тираж 3.200

2-я типо-лит. Моск. отд. Центр. тип. НКВМ. Зубовская, 14. Телефон 4-79-55.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 5

От редакции 8

Глава первая. Театр военных действий. Силы, развертывание и первоначальные планы сторон 9

Глава вторая. От начала войны до Гумбиненского сражения включительно (24/VII—21/VIII) 44

Глава третья. Наревская операция и первый период Галицийской операции (21/VIII—4/IX) 74

Глава четвертая. Галицийская операция и очищение Восточной Пруссии (4/IX—22/IX) 116

Глава пятая. Первая операция на левом берегу Вислы (22/IX—4/XI) . 148

Глава шестая. Лодзинская и Краково-Ченстоховская операции (ноябрь—декабрь 1914 г.) 194

Глава седьмая. От Лодзи до Горлицы (январь—март 1915 г.) . . 234

Глава восьмая. Летняя кампания 1915 года. Горлица, Перемышль. Львов (апрель—июнь 1915 г.) 279

Глава девятая. Люблинско-Наревская операция (июль—август 1915 г.). 314

Глава десятая. Прорыв германцев на Свенцяны и австрийцев на Ровно (сентябрь—октябрь 1915 г.) 345

Глава одиннадцатая. Выводы 373

Приложения 395

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий труд посвящен оперативной работе враждовавших сторон в маневренный период империалистической войны 1914 и 1915 годов на русском (европейском) театре.

Предназначенный для чтения на выпускном курсе Военной академии РККА, слушатели которого уже кончают весь цикл оперативного искусства, он должен служить иллюстрацией оперативного вождения войсковых масс в широко развитой маневренной войне на обширном театре, как оно вылилось на практике в последнем грандиозном столкновении европейских регулярных армий.

Поэтому автор поставил себе целью изложить весь период маневренной войны в тесной связи всех операций по времени и во взаимодействии их в зависимости от основной идеи, положенной в основу их оперативной мыслью верховного командования.

В зависимости от этого центром тяжести работы автора является управление операциями и преимущественно верховного командования, командования группами армий, как организмов, ведущих самостоятельные операции, и отчасти командования армиями. Но вопросы управления тогда только будут ясны, а выводы читателя не беспочвенны, когда они будут основаны на совершенно достаточном фактическом материале, представленном не спорадически отдельными моментами, а в последовательной связи предшествующего с последующим, хотя бы общими штрихами с углублением в наиболее интересные операции.

Поэтому в настоящем труде изложены с достаточной подробностью все операции маневренного периода, хотя многие из них и послужили предметом отдельных монографий. В описании некоторых из операций 1914 года автор, может быть, вдается в излишние подробности, несколько выходящие из общей программы его труда, но это вызывается законной его потребностью изложить на операцию свою точку зрения, основанную на изучении первоисточников, если она отличается от точки зрения вышедших монографий.

Впрочем, автор относится очень щепетильно к времени читателя, почему подробности, которые могут заинтересовать не каждого читателя, или печатаются мелким шрифтом, что не нарушает цельности при чтении только крупного шрифта, или относятся в приложения.

Нельзя отрицать большого влияния на ход маневренной войны некоторых вопросов по подготовке России к войне, и этому отделу в настоящем труде отведено должное внимание.

Автор считал бы свою задачу выполненной, если бы ему удалось дать читателю возможно полную, ясную, логически и последовательно развивающуюся в тесной взаимной связи отдельных операций картину вождения армий, которая наталкивала бы читателя на путь самостоятельных размышлений и выводов без неизбежного давления на него со стороны автора. Но роль нейтрального историка сугубо трудная роль, и автор должен просить извинения у читателя, что значительную часть труда он посвятил некоторым выводам общего характера как из каждой операции, так и из всего труда.

Хроническим недостатком всех работ по истории последних войн является тот факт, что одновременно с описанием оперативной работы почти или весьма мало затрагивается работа тылов. Этим недостатком отличается и настоящий труд.

Вопросы снабжения и тылов приобрели такой удельный вес в настоящее время, что им нужно уделять такое же почти внимание, как и оперативной части, что требует особых монографий, которых мы, к сожалению, еще не имеем. Затрагивать же этот вопрос поверхностно, мимоходом, это значит вести читателя по неправильному пути. За отсутствием надлежащего материала лучше этого вопроса было совсем не касаться. Автор, принимая его в ходе всей работы, так сказать, на учет, привел несколько цифровых данных только в отделе подготовки к войне.

В отношении источников автор пользовался отчасти богатой литературой Мировой войны и в значительной части архивными материалами, которые в отделах, основательно разработанных в литературе, служили ему для проверки и для некоторых дополнений, а в отношении операций 1915 года легли в основание всей работы. К сожалению, в Военно-ученом архиве потеряны наиболее интересные дела за август 1914 и за март—апрель 1915 года.

Главнейшие из печатных источников, которыми пользовался автор, поименованы в прилагаемом перечне, и ссылок в тексте на них нет; на архивные же материалы имеются ссылки в тексте.

Во всей работе применяется исключительно новый стиль; в русских документах—старый и новый.

Автор приносит свою благодарность начальнику Военной академии РККА Р. П. Эйдеману, благодаря содействию которого этот труд мог быть составлен в короткое время, А. Н. Де-Лазари, за вполне самостоятельную работу по освещению его схемами в особом атласе, приложенном к труду, и В. А. Ладыженскому за подбор и группировку материала многих иностранных источников.

А. Зайончковский.

20 октября 1925 года.
Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий труд был сдан покойным А. М. Зайончковским в редакцию до выхода из печати его книги „Подготовка России к Мировой войне. (Планы войны)", в которой с достаточной полнотой освещены вопросы подготовки царской России к войне.

Так как в настоящее время эта книга уже вышла из печати, то редакция нашла целесообразным и возможным сократить настоящий труд, направляя читателя в соответствующих местах к вышедшему уже указанному труду.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Театр военных действий. Силы, развертывание и первоначальные планы сторон.

Краткое географическое описание театра, железные дороги. Инженерная подготовка театра. Вооруженные силы сторон. Численный состав армии. Дислокация русской армии. Мобилизация. Боевая подготовка армии. Состояние материальной части в русской армии. Заключение. Первоначальные планы и развертывание сторон. Россия: варианты развертывания. План основного развертывания. Проект Юго-западного фронта. Распоряжения о прикрытии границы и развертывании корпусов. Заключение. Германия: силы, сосредоточение. Австрия: развертывание. Устройство тыла. База в Восточной Пруссии и Галиции. Краткая характеристика высших руководителей операциями русской армии.

Краткое географическое описание театра.

Карта № 1.

Весь маневренный период Мировой войны на русском европейском театре разыгрался преимущественно на территории западной пограничной полосы бывшей Российской империи и сопредельных провинций Восточной Пруссии, Западной и Восточной Галиции.

В отношении подготовки театра к войне, стратегического развертывания и первоначальных планов имело первенствующее значение очертание государственной границы между воюющими странами; в данном случае эта граница приобретала еще особое значение ввиду большого различия между Россией, с одной стороны, и Австрией и в особенности Германией, с другой, в культурном отношении, а также в отношении путей сообщения и инженерной подготовки.

Государственная граница между воюющими странами представляла много оригинального. Являясь результатом тех политико-экономических отношений, которые сложились ко времени Венского конгресса, она совершенно не преследовала стратегических целей, а исключительно политические, в виде образования под скипетром русских монархов Царства Польского и вознаграждения Австрии галицийскими областями с более родным России по крови

населением, чем Польша, и оставления Пруссии ее коренной провинции—Восточной Пруссии.

Первая особенность пограничной линии состояла в том, что она нигде не совпадала с естественными преградами. Реки Неман и Висла, которые могли бы служить таковыми, пересекались границей, отдавая устья этих рек в руки Германии, а Карпатский хребет составлял ближайший тыл австрийской пограничной полосы. Вторая особенность заключалась в том, что русская граница вдалась большим четырехугольником с основанием около 360 клм. и высотою около 400 клм. в территорию враждебных России стран, что неминуемо должно было оказать большое влияние как на подготовку театра войны, так и на первоначальный ход операций.

Общий географический облик всего театра вполне пригоден для широких маневренных операций. Равнинный, отчасти холмистый, отчасти лесисто-болотистый характер его представляет, в виде холмов, лесисто-болотистых и озерных участков, только элементы тактического характера, за исключением некоторых районов, которые имеют и стратегическое значение.

К таковым принадлежат: 1) озерный район в Восточной Пруссии, известный под именем Мазурских озер; 2) лесисто-болотистый участок в восточной части театра, обнимающий бассейны под именем Полесья, и 3) на юге театра первоклассный горный Карпатский хребет, который представлял естественную преграду для русского наступления в Венгрию, но, с другой стороны, стеснял маневрирование австро-венгерской армии. Кроме обильных лесисто-болотистых участков, театр изобилует реками, текущими в большинстве в меридиональном направлении и представляющими естественные преграды для действий враждующих сторон. Впрочем, оборонительными линиями, имеющими стратегическое значение, являлись только Висла, отчасти Буго-Нарев и Неман, от устья до Гродно; все же остальные реки имели значение только как рубежи и тактические преграды.

Рассматриваемый театр может быть для удобства описания разделен на четыре района, имевшие разное оперативное значение:

1) Центральный или Привислинский, образующий на западе дугу, глубоко вдающуюся у Торна, Калиша и Кракова в пределы Германии и Австрии, с основанием на востоке, идущим, примерно, по Бобру и Зап. Бугу.

2) Северный, между Балтийским морем и северной границей Полесья.

3) Южный, между южной границей Полесья и Карпатами.

4) Полесье, в виде разъединяющего Северный и Южный районы пространства [1].

Население и средства.

Почти на всем обширном театре предстоявших операций преобладавший состав населения не принадлежал к великорусскому племени, и состав его менялся не только по отдельным разобранным районам, но и в каждом из них.

Общая отличительная черта, относящаяся к населению всего театра, за исключением Восточной Пруссии и Прибалтийского района, состояла в культурном влиянии на него господствовавшего польского класса (помещиков и католического духовенства), принадлежавшего в огромном большинстве своем к австрийской ориентации и наиболее враждебно относившегося к немцам и в частности к пруссакам. Впрочем, эти классы населения лелеяли исключительную мечту о восстановлении самостоятельной Польши и в этом отношении легко становились на сторону того из воюющих, кто вернее обеспечил бы им выполнение заветной цели—самостоятельности.

В Прибалтийском районе такую же культурную роль играл немецкий помещичий класс со своими германофильскими симпатиями. Однако, революционный шквал, прошедший здесь в 1905—1906 годах, и более политически развитые по сравнению с поляками латыши делали влияние немецкого помещичьего класса менее сильным, чем в Польше.

Другая общая всему театру особенность, также за исключением Восточной Пруссии и Прибалтийского района, заключалась в значительном проценте еврейского населения, отличавшегося сплошной враждебностью к царской России.

Железные дороги.

Развитие рельсовой сети не только на театре войны, но и на всей территории воюющих стран входит такой большой удельной величиной в оперативную работу армий, что на этом вопросе приходится остановиться более внимательно, а сильное различие в богатстве железными дорогами обеих враждебных сторон заставляет разобрать их отдельно для каждого государства.

Россия. Громадность ее территории, недостаток денежных средств, слабое экономическое развитие и неустойчи-

[1] Подробное описание театров см. книгу А. М. Зайончковского. „Подготовка России к Мировой войне (Планы войны)". Изд. ГВИЗ 1926. Глава первая. *Ред.*

вость железнодорожной политики были естественными причинами недостаточного и неравномерного роста русской рельсовой сети. Россия поражала своей отсталостью в количестве железных дорог не только по сравнению с ее западными соседями, но и сама по себе, что ее отодвигало как бы на целую эпоху назад в отношении Западной Европы.

Коэффициент обслуженности ее, даже только для Европейской России, без обширных пространств Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, был в 18,2 раза меньше Франции, Англии и Германии. Русскую сеть в указанных выше пределах необходимо было увеличить в $4^1/_2$ раза для того, чтобы сравняться с Германией, и в $3^1/_2$ раза, чтобы сравняться с Австрией.

Особенность железнодорожного строительства заключалась в том, что рельсовые пути, необходимые для экономического развития страны, не совпадали с ее военными потребностями, которые в большей своей части должны были удовлетворяться постройкой специальных стратегических линий. Другая особенность заключалась в том, что русский генеральный штаб усиленно оберегал страну от развития железнодорожной сети от пунктов предполагаемого развертывания вперед, к стороне противника. Это делалось с целью замедлить наступление в наши пределы, но зато ставило и русские армии в крайне невыгодное положение при развитии ими наступательных операций.

В таком обособленно-невыгодном положении находилась территория к западу от Вислы и Немана и к югу от Люблина, несмотря на то, что во всех наших предположениях о войне наступление на Австрию входило определенной данной.

Первоначально русский генеральный штаб придавал особое значение развитию рельсовой сети в районе между Буго-Наревом, Вислой и линией Ивангород — Люблин — Холм—Ковель, а также подвозу войск к оборонительной линии среднего Немана и к фронту Ровно—Каменец-Подольск; впоследствии он обратил особое внимание на район Свенцяны — Вильно—Лида—Волковыск – Барановичи и на обеспечение переброски войск с одной стороны Полесья на другую. Меньшее внимание обращалось на развитие сети к югу от Полесья, где генеральный штаб задавался только двумя скромными целями: 1) обеспечить армиям широкую базу по Днепру и 2) связать Дубно-Ровненский район с магистралью Московско-Брестской железной дороги.

К началу мировой войны общее состояние русской железнодорожной сети можно определить следующими статистическими данными, имеющими значение в отношении ведения войны на западном театре:

Протяжение сети, без финляндских и Восточно-Китайской дорог, около 70.000 верст.

Из Азиатской России выходили в Европейскую 4 колеи и с Кавказа —2 колеи.

К линии Северная Двина—Волга подходило с востока 6 колей.

К линии Выборг—Петроград—Москва—Курск—Харьков—Севастополь 30 колей.

К линии Западная Двина—устье Днестра, т. е. к восточной границе рассматриваемого театра, 24 колеи, из которых на фронте Рига—Волочиск 20 колей.

На фронте устья Немана и Дуная, т. е. приближаясь к границе с Восточной Пруссией и Галицией, на протяжении около 2.600 верст, выходило 13 линий, имевших 21 колею, что составляло приблизительно одну колею на 130 верст границы. У противной же стороны на этот фронт выходило 32 линии с 36 колеями.

Наконец, к самой австро-германской границе и не далее четырех переходов от нее подходило 23 колеи, из которых к Восточной Галиции 3 колеи[1], имея против себя 4 австрийских колеи; на фронте Луцк—Ивангород 7 колей[2] против 4-х австрийских; к Кракову 4 колеи[3] против 7—8 австрийских. К германской границе западнее Вислы 3 колеи[4], имея против себя около 10 германских; от Торна до Августова 3 колеи[5] и от Августова до моря тоже 3 колеи[6], имея на обоих участках против себя около 14 колей.

Рокадных линий мы имели на левом берегу Вислы одну сплошную, от Кракова до Александрова, и две между Краковом и Варшавой.

В правобережном Привислинском районе 5 колей: Люблин—Млава, Люблин—Малкин, Люблин—Ломжа и две Холм—Белосток.

Далее к востоку до Днепра только 2 колеи: Здолбуново — Вильно и Волочиск — Киев — Витебск — Двинск—Радзивилишки.

Восточнее Днепра имелись две весьма крупных рокадных линии: Жмеринка—Киев—Брянск—Смоленск—Витебск и Кременчуг—Харьков—Москва—Рига.

Пропускная способность русских железных дорог отличалась большой пестротой не только в отношении разных линий, но и на разных участках одной и той же линии.

---

[1] Волочиск и Радзивилов.
[2] Луцк, Владимир-Волынский, Холм (2), Люблин (2) и Ивангород.
[3] По две от Ченстохова и Кельц.
[4] Ченстохов, Калиш, Александрово.
[5] Млава, Граево и Августово.
[6] Сувалки и Вержболово (2).

Вилка пропускной способности колебалась на всех линиях Европейской России от 9 до 84 пар поездов в сутки и на одной линии (Петербурго-Варшавской) от 23 до 84 пар.

Такая мозаичность в пропускной способности ложится весьма невыгодным образом и на число поездов, назначаемых для воинских перевозок.

Большим недостатком русских дорог были необорудованность их для быстрой выгрузки эшелонов и бедность подвижным составом, что заставляло на время войны восточные дороги обездоливать в пользу западных и тем нарушать правильность экономической жизни страны.

В Германии за последнее время перед войной было обращено особое внимание на оборудование Восточно-Прусского плацдарма.

Число железнодорожных переправ через Вислу было доведено здесь до пяти с 10 колеями (Диршау 4, Мариенвердер 1, Грауденц 2, Фордон 1 и Торн 2). Число сквозных колей, ведущих с запада на фронт Сталупенен—Лык, доведено до 5-ти, а на фронт Лык—Торн до 10.

Вообще германские дороги, подходившие к русской границе, можно разделить на две группы—расположенные восточнее Вислы и находящиеся южнее линии Торн—Шнейдемюль.

Первая группа пролегает густой сетью по Восточной Пруссии, местности преимущественно земледельческого характера со слабой промышленностью. Линии пересекаются виадуками; много воинских платформ (всего 49 платформ, общей длиной 14 клм.). Движение на нетранзитных дорогах слабее. В этой группе железных дорог все внимание обращено на приспособление и использование их в целях подготовки и облегчения оперативных задач, тем более, что мощная сплошная линия вдоль левого берега Вислы давала возможность распределять поезда по всем переправам через Вислу.

Южная сеть обнимала промышленный район, который стоял по интенсивности коммерческого движения на втором месте в Германии.

Узловые станции представляли собой здесь промышленные центры и поэтому были развиты во много раз больше, чем требовалось для полного воинского графика.

Воинские платформы встречались на этих линиях реже.

Главный узел—Бреславльский, к которому подходило 7 линий, затем Познанский с 6-ю и Оппельн с 5-ю линиями.

Параллельно границе в этом районе шли две линии, а к границе восемь, имея не менее 13 колей. При коротких перегонах и развитых станциях здесь получались магистрали с громадной пропускной мощностью. Угольный район был способен поглотить все количество поездов

этих линий, и его можно было рассматривать как одну громадную линию.

Устройство Бреславльского узла с большим количеством виадуков допускало разнообразные комбинации соединения и совместной работы дорог по направлению к нашей границе.

Пропускная способность двухколейных дорог достигала 72—144 пар поездов, но воинским движением занималось значительно меньше, и на восток назначалось 32—42 пары воинских поездов.

Германцы оборудовали Восточную Пруссию, кроме железных дорог, и сетью водных путей, которые прорезывали эту провинцию с севера на юг и могли снять с железных дорог заботу подвоза войсковых грузов в район операций.

Железнодорожная подготовка Австро-Венгрии совершенно не могла сравниваться с подготовкой Германии, но она во всяком случае во много раз превосходила подготовку нашего Юго-западного фронта.

Число рельсовых путей, ведущих в Галицию, было доведено до семи с 9-ю колеями; из них 6 линий через Карпаты. Но так как главные магистрали по мощности своей пропускной способности превосходили в 3—4 раза обыкновенные линии, то русский генеральный штаб считал Галицию обеспеченной 12—13 колеями рельсовых путей.

Воинская провозоспособность одноколейной дороги была доведена до 12—14 пар поездов в сутки.

Галиция была широко оборудована железнодорожными платформами, которые позволяли одновременно разгружать до 362 воинских поездов в районе Перемышль—Львов и до 168 к востоку от Львова. Этого количества было совершенно достаточно, так как вся австрийская сеть могла подавать в Галицию не более 180 поездов в сутки.

Заключение.

Вышеприведенные краткие данные о развитии рельсовой сети враждовавших сторон показывают, что Россия в этом отношении отстала от своих врагов почти на целую эпоху, что клало свой мощный отпечаток не только на ее роль в Мировой войне, но и на условия ведения операций в маневренный ее период.

В то время как Германия и отчасти Австрия имели в своей широко развитой и богато оборудованной сети железных дорог не только могущественный фактор в отношении мобилизации, сосредоточения и питания массовых армий, но и в отношении быстрых переброс их как с фронта на фронт, так и в районе одной операции,

Россия с своей мало развитой и бедно оборудованной сетью получала от нее в этом отношении далеко не полное подспорье.

Все внимание русского генерального штаба было направлено к тому, чтобы скорее сосредоточить и развернуть армии в начале войны, и отчасти к удовлетворению хоть некоторой возможности перекидывать их с северной стороны Полесья на юг или обратно.

Для оперативного использования во время ведения операций рельсовая сеть была почти не подготовлена. Некоторую возможность в этом отношении представлял только участок между Вислой, Наревом и линией Ивангород—Люблин—Ковель, имевший достаточно развитую сеть для использования ее в оперативном отношении. Другим таким участком являлся район Вильно.

Русская железнодорожная сеть совершенно не была подготовлена к наступательным операциям и не могла одновременно выдержать тяжесть оперативных перевозок и питания армий; она была более развита для борьбы на германском фронте, чем на австрийском.

Таким образом, обе стороны вели маневренный период войны в совершенно разных условиях помощи со стороны железных дорог, которые поставили противника в совершенно разные условия, давшие в руки Гинденбурга такие богатейшие средства инженерной техники, которыми была так обездолена противная сторона.

Инженерная подготовка театра.

В отношении инженерной подготовки театра приходится также отдельно рассматривать территории каждого из враждовавших государств.

Р о с с и я. Мнение о том, что Россия вступила в Мировую войну почти без инженерной подготовки театра предстоящей борьбы, не будет слишком утрировано. Мы разрушили незадолго до войны систему инженерной подготовки, проводившейся в жизнь свыше 30 лет, и не успели дать ничего нового.

Существовавшая система крепостей исходила из идеи, данной Милютиным в 1873 году, и находилась в полной зависимости от предполагавшегося стратегического развертывания и намеченных планов войны.

Идея стратегического развертывания в течение свыше 30 лет сводилась к использованию выгодных свойств Привислинского района и сосредоточения в нем по обоим берегам Вислы под прикрытием содержавшейся на западной границе большей части армии мирного времени с соответствующего усиления района развертывания крепостями.

В отношении планов действий существовало определенное решение первоначально обороняться против Германии и энергично наступать против Австрии.

В зависимости от этих отправных данных система инженерной подготовки западного театра сводилась к следующему:

В центре образовался Привислинский укрепленный район.

Основой его служили три крепости на Висле, а именно: Новогеоргиевск—при слиянии Вислы и Буго-Нарева, Варшава—в центре и Ивангород—при слиянии Вислы и Вепржа. Эти крепости с мостами через Вислу и с плацдарменной укрепленной перед ними позицией давали, во-первых, свободу маневрирования на обоих берегах Вислы, Буго-Нарева и Вепржа; во-вторых, служили хорошим плацдармом для наступательных операций войск на левом берегу Вислы, в третьих, были серьезной преградой для форсирования Вислы противником.

Вслед за обеспечением фронта, начали обеспечивать фланги Привислинского района. Наибольшее значение придавалось северному флангу, как ввиду оборонительной задачи по отношении к Германии, так и ввиду необходимости обеспечить Петербурго - Варшавскую железную дорогу, проходившую близко от германской границы. Для этого воспользовались оборонительной линией Бобра и Буго-Нарева. Левый фланг этой линии обеспечивался крепостью Новогеоргиевск, слиянием Буга и Нарева и небольшой крепостью Зегрж, а правый фланг на р. Бобр большой крепостью Осовец. Кроме того, впоследствии для обеспечения переправ через Нарев были укреплены Ломжа, Остроленка, Рожаны и Пултуск. Таким образом, водная и болотистая преграда Бобра, Буга и Нарева обращалась для немцев в трудно доступное препятствие, не стесняя свободы маневривования по обоим ее берегам для русских войск.

На усиление южного фланга Привислинского района было обращено мало внимания. Предполагавшееся укрепление Ровно-Дубенского узла осталось за недостатком средств в проекте и здесь все ограничилось только обеспечением флангов: Ивангородом на Висле и крепостью Брест-Литовск на Буге.

Оборонительная линия Немана прикрывалась только одной первоклассной крепостью Ковно и временными укреплениями у Олиты и Гродно.

Крайние фланги всего западного фронта обеспечивались морскими крепостями: на севере Либавой, Усть-Двинском и Кронштадтом и на юге Севастополем и Очаковом.

61244

ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

Если к этому прибавить старые тыловые крепости—склады Двинск и Киев, то этим и ограничивалась вся система укреплений русского западного театра.

Надо сознаться, что к 1909 году почти все названные крепости пришли в архаическое состояние, совершенно отставши от современных требований как в отношении артиллерийского вооружения, так и фортификационных сооружений.

В 1909 году у нас одновременно с коренной реорганизацией армии, переменой ее дислокации и отнесением линии ее стратегического развертывания назад на фронт Немана, Брест-Литовска, Ровно и Проскурова было решено уничтожить и все выдвинутые на Вислу и Буго-Нарев крепости. На западном театре оставались только Ковно Осовец и Брест-Литовск и вновь сооружалась крепость в Гродно.

Но вслед за этим начались новые колебания, и вполне соответствовавшая идее установленного развертывания армий система четырех крепостей скоро была изменена сохранением Новогеоргиевска, одиноко выдвинутого от линии развертывания вперед километров на 200, и временным сохранением Ломжи.

Из числа приморских крепостей были сохранены Усть-Двинск на Балтийском море и Очаков и Севастополь на Черном. От Либавы и даже Балтийского порта, как оперативных баз нашего флота, пришлось отказаться ввиду гибели русского флота у Цусимы и отнести морскую оборону на линию Ревель—Паркалауд со Свеаборгом, как базой для миноносцев и подводных лодок.

Таким образом, с 1909 года в России начали разрушаться и разоружаться старые крепости и медленно составляться проекты для усовершенствования оставленных и для постройки новых. До чего медленно шла эта работа явствует из того, что только летом 1912 года были закончены проекты переустройства Ковенской и Усть-Двинской крепостей и постройки Гродненской крепости.

Германия. За последнее десятилетие перед войной центром тяжести инженерной подготовки на русской границе являлась Восточная Пруссия.

Здесь опорой полевой армии при наступлении служили первоклассные крепости Торн, Данциг и Кенигсберг и ряд укреплений по Висле, благодаря которым эта река перестала быть препятствием для германцев и стала весьма трудно одолимой преградой для русских. Для обеспечения же спокойного развертывания армий от наступления русских была сооружена передовая оборонительная линия вдоль Мазурских озер, которая в то же время служила

отличным плацдармом для наступлений в русские пределы как на восток, так и на юг.

Ближайшие пути от Варшавы на Берлин прикрывались крепостями на Одере и Варте, из которых отчасти на ход бывших операций имели влияние крепости Бреславль и Познань.

Австрия. Это государство подготавливало развертывание своих армий против России и Галиции впереди Карпат.

Для обеспечения района развертывания с запада и для прегражденія прямого пути на Вену служила крепость Краков. Для опоры наступлению главных сил и свободы их маневрирования, а также для прикрытия лучших проходов через Карпаты существовала крепость Перемышль с отдельными укреплениями по Сану. Наконец, для обеспечения правого фланга развертывания линия Днестра была усилена рядом отдельных укреплений (Галич, Миколаев, Залещики и др.). Следует упомянуть еще о временных укреплениях Львова, чем и кончается крепостная подготовка Австрии на русском фронте.

Заключение.

Характер инженерной подготовки сильно отличался в трех сопредельных государствах.

У России этот вопрос находился в периоде перестройки всего плана подготовки. Мы отказались от Милютинской системы, которая обеспечивала выдвигаемое вперед стратегическое развертывание, служила хорошей базой при переходе армий в наступление и вполне соответствовала активному характеру войны. Новая система своими тремя северными крепостями (Ковно, Гродно и Осовец) фактически усиливала только оборонительную линию Немана, оставляя для опоры против австрийского фронта только одну крепость Брест-Литовск. В ряде крепостей мы имели хорошую базу также исключительно для наступления в Восточную Пруссию со стороны Немана. На всем остальном пространстве инженерной подготовки фактически не существовало, так как Брест-Литовск оказывал влияние только после занятия противником всего Привислинского района.

Несколько в оригинальном положении оказалась крепость Новогеоргиевск, предназначенная первоначально к уничтожению, а потом сохраненная. Выдвинутая в одиночестве на 200 километров от предполагаемой в 1910 году линии развертывания армий, она могла бы сыграть плачевную роль Порт-Артура, если бы, как увидим ниже, наше стратегическое развертывание в 1914 году вновь не было

выдвинуто вперед. При такой комбинации Новогеоргиевск служил опорой левого фланга Буго-Нарева и единственной русской крепостью на Висле.

Австрийская инженерная подготовка фактически сводилась к двум крепостям, прикрывавшим Карпатские проходы и находившимся в тылу предполагаемого развертывания австрийских армий в Галиции. Роль этих крепостей ограничивалась исключительно уменьшением последствий неудачной для австрийцев битвы в Галиции и прикрытием внутренних их областей от русского нашествия.

Что касается до Германии, то надо отдать полную справедливость искусному использованию особенностей территории Восточной Пруссии не только, чтобы сделать ее отлично приспособленной к обороне незначительными силами, но и как базу для развития наступательных операций.

Вооруженные силы сторон.

В маневренный период войны на русском театре участвовали русские, германские и австрийские войска, объединенные союзными обязательствами с другими государствами. Россия была в начале войны связана таковыми с Францией, Англией, Сербией, Черногорией и Японией; Германия—с Австрией и несколько позднее с Турцией.

Эти союзные обязательства оказывали влияние не только на планы войны, но и на ход отдельных операций. Центральные державы могли, благодаря мощности своих рельсовых путей, легко перекидывать войска с одного фронта на другой, что заставляет нас ознакомиться вообще с теми силами, с которыми обе враждебные коалиции выступили на арену Мировой войны.

Начало двадцатого столетия прошло в соревновании европейских держав по увеличению своих вооруженных сил.

В наиболее худшем в этом отношении положении находилась Россия, которая расстроила свою армию в длительной войне с Японией 1904—1905 годов. Но и она приняла ряд мероприятий, благодаря которым успела подготовить к 1914 году мощную по численности вооруженную силу.

В 1909—1910 годах русская армия рядом крупных реформ улучшила свою организацию и мобилизацию, а в 1913 году приступила и к дальнейшему усовершенствованию, которое должно было закончиться к 1917 году.

Главные реорганизационные меры 1909 года сводились: 1) к усилению полевой армии путем уничтожения самостоятельных резервных и крепостных частей; 2) к уста-

новлению новой организации резервных частей ввиде скрытых кадров в полевых войсках, что при мобилизации давало 35 относительно крепких резервных (второочередных) дивизий; 3) к упрочению кадров полевых частей и к приведению организации к большему однообразию; 4) к усилению полевой артиллерии, к формированию мортирной, полевой тяжелой и тяжелой армейской артиллерии и 5) к включению в состав дивизий артиллерии, а в состав корпусов—саперных батальонов и к однообразной организации высших соединений.

В 1913 году последовало новое решение усилить армию, на что потребовалось одновременного расхода в размере полумиллиарда рублей и три года времени. Вооруженные силы России должны были увеличиться на 480 тыс., при чем большая часть их шла не на формирование новых соединений, а на усиление кадров существующих полевых войск.

Но все эти меры, а в особенности снабжение тяжелой артиллерией, могли быть проведены в жизнь не ранее 1917 года; в 1914 же году русская армия почти не имела тяжелой полевой артиллерии.

Во всяком случае, к лету 1914 года русская армия представляла собой внушительную силу.

Следует отметить, что русские дивизии несколько превосходили германские в числе штыков, но сильно отставали от них в количестве артиллерии, что при выявившемся значении объединенного огневого боя имело первенствующее значение, сводя ни к чему превосходство в числе батальонов.

Так, русская дивизия имела около 15 тыс. шт. и 48 легк. ор., германская—12—13 тыс. шт. и 72 ор., из которых 18 гауб., и австрийская—11—18 тыс. шт. и 54 ор.

Разница в количестве артиллерии особенно рельефно выявляется при сравнении корпусов двухдивизионного состава.

Так, русский корпус имел 108 ор., из которых 12 пол. гауб., германский корпус—160 ор., из которых 52 гаубицы, и австрийский—120 ор., из которых 12 тяж. гаубиц.

Из сопоставления количества перволинейных войск, которые могли выставить обе коалиции, видно, что в этом отношении положение Антанты было весьма благополучно в отношении живой силы, но Россия резко отставала от Германии в количестве тяжелой артиллерии и в обеспечении артиллерией корпусов и дивизий.

Сравнение сил обеих сторон смотри таблицу „Численный состав армий враждующих сторон“ (на 22 стр.).

Численный состав армий враждующих сторон.

АРМИИ.	Корп.	Пех. див. и стр. бр.	Кав. див. и отд. кав. бр.	Бат.	Эск. и сот.	Батар.	Штык.	Саб.	Оруд. Всего тяж.
Русская	37	104 д. 18 бр.	24 к. д. 8 к. бр.	1.830	732 520 с. [1]	792	1.830.000	109.000	6.720 1.256
Французская	21	86	10	1.049	588	1.054	1.050.000	78.200	4.248
Английская	—	6	1	73	44	84	73.000	6.500	492
Сербская	—	11	1	160	42	116	160.000	8.500	558
Всего у Антанты	58	209 д. 18 бр.	40	3.112	1.926	2.046	3.113.000	202.200	12.018
Германская	25	102 [2]	11	1.260	608	1.045	1.260.000	91.200	6.400
Австро-Венгерская	16	55½ [3]	11	820	377	569	820.000	56.000	3.096
Всего у Центр. дер.	41	157½	22	2.080	983	1.614	2.080.000	147.200	9.496

[1]) Второочередных казачьих дивизий.

[2]) Некоторые германские источники уменьшают количество резервных дивизий и общее число дивизий показывают 82, таково же было до войны мнение французского генерального штаба. Русская цифра более соответствовала истине.

[3]) Включая маршевые бригады. У Ауфенберга показано 48 дивизий без маршевых бригад. В сочинении „Reichsarchiv Der Weltkrieg 1914—18" ч. 2 стр. 20 сила австро-венгерской армии исчислялась в 49½ пех. див., около 20 ландшт. бриг. и 11 кав. дивизий.

Дислокация русской армии.

Благоприятное соотношение еще более ослаблялось благодаря отсталости России в быстроте мобилизации и сосредоточения, почему для нее имела большое значение дислокация мирного времени.

Около 60% всей нашей вооруженной силы находилось в отношении сосредоточения к западной границе в более или менее подходящих к другим европейским государствам условиях. Остальные же 40% находились в самых неблагоприятных условиях как в отношении расстояния, так и слабо развитой рельсовой сети.

Для ближайшего прикрытия западной границы, мобилизации и сосредоточения могли служить по дислокации мирного времени около 14 пех. и 14 кав. дивизий, что совместно с пограничной стражей давало 225 батал. и 379 эск. и сот.

Между границей и линией Зап. Двины и Днепра, т.-е. в районе, соприкасающемся с районом развертывания армий, было расположено 13 корпусов, или 27½ пол. и 9 второоч. дивизий, что составляет около 35% всей пехоты.

Наконец, между западной границей и линией Петербург—Москва—Харьков—Азовское море, где сосредоточивалась наиболее густо развитая сеть железных дорог, было расположено 23 корпуса, или 47½ пол. и 18 второоч. дивизий, что составляло 59% всей пехоты.

Мобилизация.

В отношении мобилизации русская армия сделала после реформ 1909 года некоторый шаг вперед и почти уравнялась со своими соседями.

Русская пехота с артиллерией мобилизовалась в пограничных округах в 4—6 дней, во внутренних—в 5—8 дней и в дальних—в 6—21 день; парки и хлебопекарни соответственно в 6—10, 8—10 и 16—36 дней. Половина второочередных дивизий мобилизовалась до 14 дней, а другая половина—до 28 дней.

В Германии полевые дивизии с обозами мобилизовались в 7—9 дней и резервные—в 9—11 дней.

В Австрии полевые дивизии—в 6—8 дней, ландверные—в 9—10 дней и маршевые бригады—в 14 дней.

Таким образом, мы сильно отставали в мобилизации только войск дальних округов и половины второочередных дивизий.

Боевая подготовка армий.

В отношении боевой подготовки армии трех столкнувшихся государств имели свои специфические особенности, которые не остались без влияния и на характер их оперативной работы.

В русской армии под впечатлением Японской войны усовершенствовалось обучение, расширились боевые порядки, начала проводиться в жизнь эластичность их, было обращено внимание на значение огня,[1] на роль пулеметов, на связь артиллерии с пехотой, на индивидуальное обучение отдельного бойца, на подготовку младшего командного состава и на воспитание войск в духе активных решительных действий. Но мы оставили без внимания выдвинутое Японской войной значение в полевом бою тяжелой артиллерии и не учли громаднейшего расхода огнеприпасов в будущей войне.

Мы совершенно игнорировали подбор и подготовку старшего командного состава и, проводя в войсках в жизнь идею дерзновения и маневра, ограничили ее только уставами и мелкими войсковыми соединениями, не практикуя в этой идее крупных войсковых начальников и крупные соединения.

В результате в русской армии не было ни однообразного понимания военных явлений, ни однообразного подхода к ним; наш порыв вперед был беспочвен и неумен, наши дивизии и корпуса медленно ходили на театре военных действий, не умели совершать в больших массах марши-маневры и в то время, когда германские корпуса легко проходили по 30 клм. много дней подряд, наши в той же обстановке с трудом делали 15—20. И германский генеральный штаб не без основания оценивал оперативные качества русской армии следующими словами:[2] „Передвижение русских войск совершается крайне медленно. Быстрого использования благопрятного оперативного положения ожидать от русского командования так же трудно, как быстрого выполнения войсками предписанного маневра".

Германская армия законно пользовалась славой лучшей армии в мире и с честью поддержала свое первенство до конца мировой войны.

Немецкому командованию удалось, внимательно исследуя опыт каждой войны, упорным и планомерным путем достигнуть возможности развить вооруженные силы до использования максимума мужского населения; при этом ему удалось сохранить почти полное однообразие боевых качеств вновь формируемых частей с кадровыми. Германия, более чем какая-либо другая страна, поняла характер

---

[1] В бою под Гумбиненом XVII германский корпус понес 50% потерь исключительно от блестящей, объединенной работы 27 арт. бригады и сильного ружейного огня 27 пех. дивизии. Очевидцы, осматривавшие поле битвы, нашли массу немецких трупов, убитых ружейными пулями в голову и грудь.

[2] Ганс Куль „Германский Генеральный Штаб". Рус. перев., стр. 66.

войны будущего и оказалась более готовой к ней, чем ее враги.

Центром тяжести немецкой армии служил однообразный, отлично подготовленный и сплоченный офицерский и унтер-офицерский состав, настолько многочисленный, что во время войны он отчасти мог обслуживать и союзные армии.

В обучении ее не только в теории, но и на практике широко проводились принципы активности, дерзости, взаимной выручки и частной инициативы.

Все эти принципы получили широкое развитие в немецкой армии уже во время франко-прусской войны, после которой немцы не только не умалили их, а обеспечили их дальнейшее развитие.

. Дисциплина, граничащая с муштровкой, и движение в атаку густыми цепями были, пожалуй, более сродны германской армии 1914 года, чем развитие индивидуального бойца. Эти характерные черты ее совместно с немецкой пунктуальностью делали эту армию наиболее способной к маневрированию и к походным движениям в крупных массах.

Немецкая военная мысль выкристаллизировалась в весьма определенную и точную величину, которая красной нитью прошла по всему командному составу армии. Она приобрела характер несколько одностороннего поклонения перед операциями с двойными охватами и вылилась, по словам Тирпица,[1] в „полную веру в рецепт победы Шлиффена", что вызывало критику многих немецких писателей, но во время войны и эта односторонность несколько сгладилась.

Австро-Венгерская армия занимала последнее место среди армий, столкнувшихся на русском фронте в 1914 году. На нее обращалось мало внимания и она страдала от недостатка денежных средств.

Хотя принципы, положенные в основание уставов, вполне отвечали времени, но учение хромало, и старшие войсковые начальники не имели опыта в управлении войсками. По мнению германского генштаба, эта армия требовала постоянной помощи германских сил, а степень обучения, организация и отчасти вооружение оставляли желать многого.

Отличительной чертой австрийской армии являлся разношерстный характер ее, состоявший из немцев, мадьяр, чехов, поляков, русинов, сербов, кроатов, словаков, румын, итальянцев и цыган, спаянных между собой только офицерским составом.

---

[1]) Мемуары. Стр. 525.

Состояние материальной части в русской армии.

Приведенный выше грозный численный состав русских вооруженных сил далеко не представлял собою действительной военной мощи страны.

Бедность наших кадров и отсутствие организации делали при богатстве людским материалом почти невозможным для нас поддерживать в течение войны действующие войска той же численности и боевой прочности, в какой находилась перволинейная армия. Мы не имели чем заменить обильно выбывающий из строя младший командный состав и не могли соответственно подготовлять пополнения. Поэтому русская армия начала после первых боев сильно падать в качественном и даже численном отношениях.

Материальная часть находилась в совершенно катастрофическом положении. Донесения командующих войсками в округах осенью 1912 года рисуют действительно потрясающую картину. Даже интенсивная работа в течение оставшихся до войны полутора лет не могла в большой степени изменить материального состояния армии.

Обувью и вещевым довольствием войска не были вполне обеспечены. Их недоставало в первоочередных частях до 7%, а в остальных до 46—97%. Запасов продовольствия и фуража нехватало в грандиозных размерах (для одной 5-й армии, например, 500 тыс. пудов муки, 1280 тыс. пудов овса, 1 мил. пудов сена и пр.), и все это приходилось начать подвозить с тыла с первых дней, когда наша слабая рельсовая сеть была исключительно занята оперативными перевозками. Отсюда перебой в продовольствии вполне естественно должен был начаться с первого месяца войны.

Еще хуже обстояло дело в отношении артиллерийского снабжения.

По установленному положению полагалось всего иметь: патронов на винтовку 1000, на пулемет 75000, снарядов на легкое орудие 100, на полевую гаубицу 1200. Но и при таких бедных нормах мы были обеспечены для войны едва 50% боевых запасов. Остальные 50% предполагалось подать войскам в течение ц е л о г о г о д а равномерными порциями, при чем е ж е м е с я ч н о подавать на винтовку—37, на пулемет—1 863 и на легкое орудие 27 патронов. Это было равносильно почти полному отсутствию огнеприпасов.

Состояние материальной части артиллерии также далеко не соответствовало бумажному исчислению. Так, в 1912 году Киевский округ мог вместо полагавшихся 42 второочередных батарей сформировать только 22. Все пять гаубичных дивизионов округа не были готовы, а тяжелый дивизион не мог даже начать мобилизоваться ввиду полного от-

сутствия материальной части. Варшавский и Виленский округа рисовали в своих донесениях такую же печальную картину.

В последние годы перед войной были приняты самые решительные меры к уничтожению недочетов, но и при этих условиях не представлялось возможным догнать хотя бы только до установленной мизерной нормы артиллерийское и интендантское снабжение ранее 1915 года.

В отношении запаса винтовок вопрос русским военным министерством был разрешен еще хуже. Весь необходимый запас винтовок исчислялся: для полевых войск в 741400 и для ополчения в 440601 винтовка преимущественно устарелого типа. При таких условиях весьма естественно, что в русской армии винтовочный голод начался чуть ли не на третий месяц войны и невольно недоумеваешь над вопросом, как русский генеральный штаб рассчитывал использовать обильный людской материал, собираемый в запасные батальоны с самого начала войны, при наличии только 740000 винтовок.

Заключение.

При таких условиях театра грядущих операций, его инженерной подготовки, развития рельсовой сети, вооруженных сил, их техники и материального снабжения начался и развивался маневренный период мировой войны на русском фронте.

Кроме географических условий, здесь все было неодинаково для обеих сторон и все не в пользу русской армии. Даже численное превосходство, которое при союзе с Францией довлело над армиями центральных держав, легко обращалось не в пользу России при возможности для немцев в две недели перекидывать свои корпуса с французского фронта на русский и легко пользоваться своей мощной рельсовой сетью вообще для оперативных перевозок.

В отношении враждебных армий русские вооруженные силы по своим качествам были безусловно выше австрийских, но уступали во многих отношениях германским, которые действовали не только бок-о-бок с австрийскими, но часто и вперемежку с ними. Россия на целую эпоху отставала от своих врагов в развитии железных дорог, в богатстве и мощности артиллерии и обилии огнестрельных припасов. Даже австрийская армия превосходила в этом отношении русскую, так как к ее услугам была вся немецкая техника, в то время как Россия была оставлена своими союзниками без существенной помощи.

Наконец, немцы сумели на территории Восточной Пруссии, которая должна была при всех комбинациях играть

выдающуюся роль, устроить отлично оборудованный плацдарм для обороны и наступления, в то время как мы совершенно разрушили Милютинскую систему инженерной подготовки Привислинского района и не успели создать ничего нового. [1]

Все эти недостатки русской подготовки к войне ложились тяжелым коэффициентом на ее оперативную работу и тем более тяжелым, чем длительнее шла война. [2]

Первоначальные планы и стратегическое развертывание сторон.

Первоначальные планы и стратегическое развертывание вооруженных сил имеют несомненное и большое влияние на ход операций первого периода войны. Они являются той данной, той отправной точкой для верховного командования, от которой оно должно исходить в работе своей стратегической мысли и которая влияет на нее даже в том случае, если оно захочет освободиться от связующих пут преподнесенного ему стратегического развертывания. [3]

РОССИЯ.

С 1880 года, когда был составлен первый план войны с Тройственным Союзом, и до 1914 года, когда эта война разразилась, стратегическое развертывание выдержало свыше 20 вариантов, которые можно свести в четыре отдельные группы.

Различные существовавшие варианты стратегического развертывания.

Схема № 2. Таблица № 1.

До 1902 года общая идея заключалась в сосредоточении большей части вооруженных сил в Привислинском районе вблизи Вислы с обеспеченными переправами через эту реку. Главный удар предполагалось наносить австрийцам в направлении примерно от Седлеца на Будапешт.

---

[1] См. книгу Зайончковского „Подготовка России к Миров. войне (планы войны)". Глава восьмая. Стр. 141—154. Изд. ГВИЗ. 1926 г. *Ред.*

[2] Какое влияние на подготовку России к войне и на первоначальный ход военных операций безусловно и сильно оказали те союзнические обязательства, которые царская Россия приняла на себя, изложено в книге А. М. Зайончковского „Подгот. России к Миров. войне (Планы войны)". Изд. ГВИЗ 1926 г. Гл. десятая, куда редакция и направляет читателя. В программу настоящего труда изложение этих вопросов не входит. *Ред.*

[3] Желающих остановиться более подробно на истории затронутого вопроса редакция направляет к труду А. М. Зайончковского „Подг. России к Миров. войне (Планы войны)". Изд. Гвиз 1926 г. *Ред.*

С 1902 по 1910 года можно характеризовать, как переломный период. Замечалось тяготение к оттяжке развертывания на востоке, но без желания совершенно очистить Привислинский район и крепости на Висле. [1]

В 1910 году одновременно с переорганизацией армии и с изменением дислокации было решено отнести развертывание армий на восток, на линию Ковно—Белосток—Брест—Ровно—Проскуров, с уничтожением крепостей на Висле, за исключением Новогеоргиевска.

Но уже в 1911 году выяснилось много отрицательных сторон такого развертывания и в 1912 году, отчасти под влиянием записки ген. Алексеева, будущего начальника штаба верховного главнокомандующего, а отчасти под влиянием протеста всех начальников окружных штабов, был выработан новый проект стратегического развертывания с выдвижением части сил в Привислинский район. Этот проект и был положен в основу нашего развертывания в 1914 году с некоторыми изменениями, сделанными в нем в 1913 году.

Те лица, которые работали над проектом 1912 года, принимали участие и в маневренном периоде войны на весьма ответственных постах. Мы встречаем здесь Жилинского, впоследствии главнокомандующего Северо-западным фронтом, Данилова, генерал-квартирмейстера Ставки, Алексеева, начальника штаба Юго-западного фронта и др. Мысли, высказываемые ими при подготовке к войне, не могли не оказать влияния и на ведение ими операций. С этой стороны нельзя их обойти молчанием.

Все последние мысли русского Большого генерального штаба, разбросанные в разных докладах и записках за 1912—1913 года, отлично резюмировались докладом начальника генерального штаба при представлении нового проекта стратегического развертывания 1913 года. [2]

Сущность этого проекта в отношении сил, районов сосредоточения и сроков готовности к наступлению изображена на схеме № 2 и в приложенной к ней таблице № 1.

План развертывания, по которому началась мобилизация в 1914 г.

Схема № 3 и таблица № 2.

Указания для стратегического развертывания, утвержденные верховной властью 1 мая 1912 года, предусматри-

[1] Этот период в свою очередь подразделяется на два—до Сухомлинова и после его вступления на пост военного министра. См. более подробно мою работу „Подготовка России к Мировой войне". *А. Зайончковский.*

[2] Подробно этот вопрос разобран в моем труде „Подготовка России к Мировой войне". *А. Зайончковский.*

вали два варианта развертывания при направлении главных сил против Австрии и против Германии. Так как в жизнь был проведен первый вариант, то мы на нем только и остановимся.

Во главе всех вооруженных сил, предназначенных действовать против держав Тройственного Союза, становился верховный главнокомандующий.

Общая задача — переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы.

Армии германского фронта.

Состав—1 и 2 армии. Штаб—Волковыск и потом Лида.

Задача—поражение германских войск, оставленных в Восточной Пруссии, и овладение последней с целью создания выгодного исходного положения для дальнейших действий.

(Вариант 1913 года первой задачей ставил готовность остановить наступление немцев до нашего полного изготовления).

1-я армия. Первоначальная задача—разведка на фронте от Полангена до Лыка; наблюдение за Балтийским побережьем в районе армии; прикрытие мобилизации и общего сосредоточения; подготовка к наступлению, обратив особое внимание на обход Мазурских озер с севера.

В варианте 1913 года задача армии уточнялась. Для наступления ее главных сил указывался фронт Гумбинен—Маркграбово, имея в виду большею частью сил армии обход Мазурских озер с севера. Кроме того, указывалось удерживать линию среднего Немана при всякой обстановке. Таким образом, командующий армией стеснялся в выборе средств для выполнения задачи; указание же на удержание Немана естественно должно было уменьшить решительность его в развитии действий, ведущих к глубокому обходу левого фланга германцев.

2-я армия. Первоначальная задача — разведка в Восточной Пруссии к западу от Лыка; наблюдение в районе армии за германской границей; прикрытие мобилизации и общего сосредоточения, подготовка к наступлению, обратив особое внимание на обход Мазурских озер с запада. Район Белосток—Гродно армия должна сохранять при всякой обстановке.

В варианте 1913 года указывался фронт наступления Лык—Виленберг, имея ввиду обход возможно большими силами Мазурских озер с запада.

Армии австрийского фронта.

Состав—4, 5 и 3 армии. Штаб—Кобрин.

Вариантом 1913 года 3-я армия разделялась на две группы: у Ровно образовывалась 3-я армию и у Проскурова—8-я.

Задача—поражение австро-венгерских армий, имея ввиду воспрепятствовать отходу значительных сил противника на юг за Днестр и на запад к Кракову.

Вариант 1913 года приэтом добавлял: так как войска 4-й и 5-й армий запаздывают с прибытием в районы развертывания, то первоначальной задачей этих армий является обеспечение своего развертывания, что должно быть облегчено энергичными действиями армий, разворачивающихся в Ровненском и Проскуровском направлениях.

4-я армия. Первоначальная задача—разведка в Галиции к западу от линии Томашев—Перемышль; наблюдение за границей в районе армии; прикрытие мобилизации и общего сосредоточения; подготовка к наступлению в общем направлении на Перемышль.

Вариант 1913 года добавлял к этому заданию указание фронта наступления Ряшев—Ярослав и задачу удержания переправ на Висле и Вепрже у Ивангорода.

5-я армия. Первоначальная задача — разведка в Галиции к западу от линии Дружкополь, Каменка (Струмилова) и Львов до линии Томашев, Перемышль включительно. Прикрытие мобилизации и общего сосредоточения; подготовка наступления на фронт Львов — Перемышль; удержание района Брест—Кобрин при всякой обстановке.

В варианте 1913 года для наступления указан фронт Любачев—Жолкев.

3-я армия. Первоначальная задача — разведка в Восточной Галиции на фронте от дороги Свинюхи, Дружкополь, Каменка, Львов до дороги Базалия, Тарнополь включительно; прикрытие мобилизации и развертывания; подготовка к наступлению на фронт Каменка—Зборов с общим направлением на Львов.

8-я армия. Первоначальная задача—разведка к югу от дороги Базилия—Тарнополь; прикрытие мобилизации и развертывания; подготовка к наступлению на фронт Тарнополь — Чортков с общим направлением на Львов, имея ввиду воспрепятствовать отходу противника на юг за Днестр.

Отдельные армии, не входившие в состав фронтов.

6-я армия. Задача—обеспечение столицы империи и наблюдение за Балтийским побережьем в районе армии.

7-я армия. Задача—прикрытие левого фланга 3-й армии со стороны Румынии, наблюдение за морским побережьем в районе армии и содействие флоту в обороне побережья.

Всего, таким образом, первоначально на всем русском западном фронте развертывалось: 86 пех. див., 9 стр. бр.,

29 кав. див., 4 отд. кав. бр. и погр. стража, что составляло 1448 бат., 1024 эск., 5194 ор., 80 пеш. и 79 кон. сотен.

Русская армия особенно отставала от своих противников в быстроте сосредоточения к границе, что видно из приводимых ниже данных.

Полное сосредоточение всех армий достигалось к 40-му дню мобилизации.

Несколько свыше 75% всей пехоты мы сосредоточивали на всем театре на 20-й день, в кавалерии — на 23-й. По армиям эта цифра варьировалась так: 1-я армия пехота 20-й день и кавалерия 10-й, 2-я армия—20 и 15 дни, 3-я и 8-я—20 и 27 дни, 4-я—27 и 30 дни и 5-я—20 и 27 дни.

Весь театр имел свыше 50%: пехоты к 15-му дню и кавалерии к 10-му (германский фронт) и 20-му (австрийский) дням, причем 1-я армия — к 15 и 10 дням, 2-я — к 20 и 10 дням, 3-я и 8-я — к 15 и 20 дням, 4-я—к 10-му и 5-я—к 20 дням.

Всего к 15-му дню армии Германского фронта имели 304 бат. и 270 эск. и армии Австрийского фронта 308 бат. и 288 эск.

Напомним, что немцы могли начать наступление всеми силами на 13-й день и австрийцы на 16-й.

Детальные проекты о действиях Юго-западного фронта.

Схема № 4.

Как во время составления вышеприведенных проектов так и в дополнение к ним шли обширные работы в округах в смысле их детализации, в особенности в отношении армий Австрийского фронта, начальником штаба которого предполагался ген. Алексеев. Эти работы представят для читателя большой интерес как потому, что они знакомят нас со стратегическим мышлением русского генерального штаба того времени, так и потому, что они не могли не оказать влияния на поведение Алексеева во время Галицийской операции. [1] Сущность предположений ген. Алексеева о действиях на австрийском фронте изображена на схеме № 4.

Распоряжения округов о прикрытии границы и о развертывании корпусов.

Схема № 5. Таблица № 3.

До прибытия вновь назначаемых командующих армиями руководить прикрытием границы и первоначальным сосре-

[1] Подробно этот вопрос изложен в книге А. М. Зайончковского „Подготовка России к Мировой войне (Планы войны)". Глава тринадцатая. Изд. ГВИЗ. 1926 г. *Ред.*

доточением корпусов должны были командующие пограничными округами.

Распоряжения их вылились в общем в следующую форму:

Германский фронт.

1-я армия предполагала расположить свои корпуса в две линии, особо опасаясь за Виленское направление. Однако, Главное управление настояло на развертывании их в одну линию, что давало ему уверенность в помощи этой армии в случае наступления немцев на выдвинутый Гродно-Белостокский район 2-й армии. Ближайшее охранение границы возлагалось на многочисленную кавалерию армии и пограничную стражу.

2-я армия — II корпус, очень сильного состава (26-я, 43-я и 76-я п. див., 2-й и 9-й морт. дивизионы, три батареи тяж. арт., 4-й и 9-й сап. бат. и 3½ кав. п.), прикрывал Гродно-Соколковский район. Разведка в районе Рачки—Лык—Райгород.

VI корпус (4-я и два полка 16-й дивизии, 6-й морт. див., три тяж. батар., 10-й сап. и 1-й понт. бат.) прикрывал Соколко-Белостокский район. Разведка на фронте Лык—Иоганисбург вкл.

XV корпус (норм. сост. с 21 эск. кав.) сосредоточивался у Замброва, занимая частью сил Ломжинские укрепления и переправы у Остроленка и Рожан. Переправы у Пултуска, Сероцка и Зегржа занимались гарнизоном Новогеоргиевска. Разведка на фронте Иоганисбург—Ортельсбург включ.

XIII корпус, 59-я, 77-я и 79-я пех. див. и 5-я кав. див. получали по прибытии задачи от командующего 2-й армией.

1-я стр. бриг. с 14-м драг. полк. обеспечивала мобилизацию на левом берегу Вислы, после чего отходила к Новогеоргиевску.

Армейская конница 6-й кав. див. разведывала между направлениями Виленберг — Ортельсбург и Сольдау—Гогенштейн включ. и 15-й кав. див.— западнее до направления Страсбург—Дейч-Эйлау. „Коннице, сосредоточившись в районе Млава—Журомин, произвести указанную выше разведку, не упуская из вида нанести, где представится случай, возможно больший вред мобилизации противника и отдельным его отрядам". Это все, в чем выразилось задание многочисленной коннице.

Австрийский фронт.

XIV корпус и 14-я кав. дивизия обеспечивали высадку 4-й армии на линии Ивангород—Люблин – Травники. Войска левого берега Вислы, входящие в состав корпуса, обеспечивали там мобилизацию. По исполнении этой задачи они отходили к Ивангородской переправе. Разведка между дорогой Красник, Янов, Кржешов и Вислой до устья Сана.

XIX корпус (1½ дивизии) обеспечивал высадку частей 5-й армии на линии Ковель—Холм. Разведка между дорогами Владимир-Вол., Дружкополь, Радзиков и Владимир-Волынск, Сокаль.

По сосредоточении кавалерии перед фронтом Юго-западного фронта было предположено:

На Владимир-Вол. и Ковельском направлениях иметь 7-ю кав. дивизию; на направлении Замостье — Холм—1-ю донскую; на направлении Красник—Люблин—13-ю кав. див. и Отд. гв. кав. бр.;

Грубешов занять тремя пешими и одной конной сотнями погран. стражи, 2-й и 3-й отд. кав. бриг. по прибытии усилить Замостское направление, а 14-й кав. див. по выполнении первой задачи дать совместно со 2-й стр. бр. новую задачу возможно продолжительного удержания в своих руках района Кельцы—Стопница—Сандомира и Ивангорода.

Предположенное развертывание корпусов к 21 — 23 дням мобилизации показано на схеме № 5.

Таковы были детализированные распоряжения по фронтам в развитие утвержденных верховной властью положений 1-го мая 1912 года о развертывании русских армий на западном театре, по которым они официально развертывались и в 1914 году. Говорю официально, так как фактически это развертывание было уже изменено проектом 1913 года, а при начале войны еще более изменилось, благодаря тем привходящим обстоятельствам, о которых будет сказано ниже.

Заключение.

В подготовке стратегического развертывания и в связанных с ним работах на местах заключается одна из самых ответственных обязанностей генерального штаба, в которой выявляется в большой степени и его стратегическое мышление. Отмечая в этом отношении работу русского генерального штаба, можно остановиться на следующем:

1. Он сумел сосредоточить для борьбы на Европейском театре около 80% всей вооруженной силы России, а с подкреплениями из азиатских округов и до 85%.

2. Но распределение войск на Европейском театре уже не представляет такой цельной картины. Здесь мы видим большое распыление войск по всему театру с целью быть всюду обеспеченным и всюду прикрытым.

Так, на Балтийском побережье и против румын оставлялось 15% всех войск Европейского театра; для прикрытия со стороны Германии—33% и для нанесения главного удара австрийцам—52%. Но, если взять во внимание противопоставленные нам силы немцев и австрийцев, а также величину территории предстоящих операций, то фактически положение австрийского фронта было хуже германского; на широком австрийском фронте мы имели максимум превосходства в 9½ дивизий, тогда как на небольшом прусском фронте оно доходило до 11 дивизий. Таким образом, вместо направления большей массы сил для выполнения одной, признаваемой главной задачи, армии были сгруппированы для решительного удара по двум расходившимся направлениям.

3. Еще большее распыление сил замечается на распределении их по армиям на обоих фронтах. Войска Северо-западного фронта были распределены равномерно между Неманской и Наревской группами, на Юго-западном фронте было такое же равномерное распределение между северной и восточной группами.

4. Обращаясь к идейной стороне развертывания, следует отметить ту положительную данную, что сосредоточение войск в Привислинском районе, наиболее богатом рельсовой сетью, давало возможность верховному главнокомандующему быстро сделать желаемые оперативные перегруппировки с одного фронта на другой.

5. В основной мысли развертывания центральный орган генерального штаба стоял на противоположной по сравнению с округами точке зрения. В то время как последние стояли за широкий маневр охвата флангов галицийского и восточно-прусского выступов, для чего и подтягивали сильные группы ближе к Висле, первый стоял за осторожное вытеснение их в лоб, почему на одном фронте тянул войска ближе к Неману, а на другом усиливал ровно-проскуровскую группу. Идея быстроты и решительности, положенная в основу действий против австрийцев, на практике выливалась в идею лобового удара в наиболее безопасном направлении с нанесением его группой, наиболее оттянутой назад.

6. Обращаясь к записке Алексеева, следует отметить ту ее особенность, что в ней действия группы армий, разбросанной на обширной территории, рассматривались не как взаимодействие отдельных организмов, а как части одного общего целого, исполняющие одну операцию, чего мы не видели в подготовке операции в Восточную Пруссию.

Благодаря этому, Алексеев не ограничивался постановкой группе армий определенных задач, а весьма часто прибегал и к указанию средств для их выполнения. Он намечал им ту линию, на которой необходимо принять бой и давал при наступлении определенные задачи взаимодействия. Но в работе Алексеева замечается и другая, на мой взгляд, отрицательная особенность, а именно чрезмерная громоздкость поставленных задач, расписания их на длительный период и детализация, которые излишне стесняют самостоятельность исполнителя.

7. В отношении первоначальных распоряжений по прикрытию границы и сосредоточения следует отметить на Северо-западном фронте исключительную пассивность, несмотря на присутствие многочисленной конницы, вся задача которой сводилась к развертыванию на фронте „от и до“. Никакой задачи, никакой мысли, которая была бы путеводной звездой начальнику кавалерийских масс. На Юго-западном фронте вопрос в этом отношении был решен несколько удачнее, так как там каждой кавалерийской массе было дано хоть определенное операционное направление.

Германия.

Центральные державы также были объединены некоторой союзнической общностью планов, которые варьировались в течение всей войны.

Германия решила бить поочередно Францию и Россию, нанося свой первый удар французам и рассчитывая вывести

их своим молниеносным наступлением из строя, а после 40-го дня мобилизации перекинуть большую часть своих сил с французского фронта на русский. Это заставляло ее первоначально выкинуть все почти свои силы на Западный фронт, временно ограничившись на Восточном фронте минимальным заслоном, который должен был только задерживать наступление русских, и прибегнуть к помощи австрийской армии. Эта последняя должна была энергично атаковать почти всеми своими силами русские армии и, в случае успеха, соединиться с германскими силами, действовавшими со стороны Нарева в направлении на Седлец. В случае же затруднительного положения австрийской армии ей была обещана поддержка давлением германцев на Нарев.

Оставляемый на востоке заслон германцы решили сосредоточить большей своей частью в Восточной Пруссии, имея 4—5 дивизий в Силезии для содействия австрийцам в направлении на Сандомир — Ивангород.[1] Нейтралитет Италии принудил их эту последнюю группу уменьшить до двух дивизий (корпус Войерша).

Силы в Восточной Пруссии.

Оставленные германцами в Восточной Пруссии силы, включая сюда и подвижные части гарнизонов крепостей, которые принимали участие в полевых операциях, определяются, по немецким источникам,[2] около 15 пехотных дивизий[3] и 19 кавалерийских полков, включая сюда и войсковую конницу. Войска эти были объединены в 8-ю армию с ген. Притвицем во главе.

Сосредоточение армии.

Угроза Восточной Пруссии с востока и с юга, решение вести активную оборону, отлично развитая и подготовленная к оперативной работе рельсовая сеть делали для немцев возможным, прикрывая границу, первоначально держать свои войска в узлах железных дорог для перекидывания их и быстрой перегруппировки в любом направлении.

Для прикрытия границы с востока предназначались I армейский корпус (1-я и 2-я пех. див. и два полка конницы), расположенный в районе Инстербург—Гумбинен—Гольдап с передовыми частями по границе и 1-я кавалерийская дивизия (6 полков) в районе Пилькалена.

---

[1] Конрад. Т. IV.

[2] Hermann v. Gierl „Tannenberg". 1923. Berlin.

[3] Герм. рейхсархив (стр. 51) определяет силы немцев в 13 пех. див., считая, что гарнизоны крепостей дали $2^1/_2$ пех. дивизии, поддержанных весьма сильной тяжелой артиллерией.

XX корпус (37-я и 41-я пех. див. и два кав. полка), расположенный в районе Ортельсбурга, прикрывал со стороны Нарева преимущественно Ломжинское направление.

3-я рез. дивизия и 6-я ландв. бригада занимали линию озер между Николайкенен и Летценом, обеспеченным, кроме того, гарнизоном в $4^1/_2$ батал.

Гарнизон Кенигсберга (3 бригады или 6 пех. полков и 8 эскадр.) выдвигался к Инстербургу.

I рез. корпус (1-я и 36-я рез. див. и два полка рез. кав.) в районе Ангербурга и Норденбурга.

XVII арм. корп. (35-я и 36-я пех. див. и два полка кав.) у Дейч-Эйлау и южнее.

Гарнизон Торна (две бригады или 6 полк. и 3 эск.) у Страсбурга.

Гарнизон Грауденца (6 батал.) у Лаутенбурга.

70-я ланд. бриг. (5 и 6 полки и 6 эск.) у Млавы и Сольдау.

Гарнизон Данцига (численность не определена) у Нейденбурга.

1-я ланд. дивизия Гольца (33-я и 34-я бригады и полк кавалерии) охранял побережье.

Такое первоначальное сосредоточение давало при обилии железных дорог возможность быстро перегруппировывать войска в любом направлении.

Австро-Венгрия.

Приведенный выше подсчет австрийских сил, сделанный русским генеральным штабом и определяющий их в 16 корпусов, 16 ландв. дивизий и 11 кав. дивизий, общим числом в 48, а с маршевыми бригадами в $55^1/_2$ пех. див. или в 820 бат., 377 эск. и 569 бат., силой в 820000 штыков, 56500 саб. и 3095 ор., можно считать при сравнении с австрийскими источниками почти верным и во всяком случае не преувеличенным. По свидетельству этих источников,[1] только на русском фронте они должны были развернуть к 1-му сентября, т. е. к тому времени, когда сюда соберутся все предназначенные войска, до 750000 шт., 56000 саб. и 2000 ор., не считая сербского и итальянского фронтов.

Стратегическое развертывание.

Но в отношении стратегического развертывания австрийских армий предположения русского генерального штаба оказались неправильными.

Русскому генеральному штабу развертывание австрийцев рисовалось в таком виде:

1-я армия (I, X и V корпуса) от Сенявы до Магирува.

4-я армия (XIV, IV, VI и III корпуса) от Жолкева на Каменку (Струмилова) и Буск.

3-я армия (IX, XI и VIII корпуса) в районе Злочева—Сасова и Зборова.

2-я армия (VII, II и XII корпуса) в районе Козова—Тарнополя и Трембовли.

Остальные войска предполагались на южном и отчасти итальянских фронтах.

---

[1] Ауфенберг.

В начале 1914 года австрийцы неожиданно для нас придвинули свое развертывание к Висле, отодвинув его несколько назад, и, кроме того, усилили за счет Галицийской группы свой южный фронт, развернув там три армии (2-я, 5-я и 6-я), общей силой в 18 пех. дивизий, в расчете принудить Сербию к выходу из войны до окончания русской мобилизации. Однако, свою ошибку они скоро сознали и, не покончив с Сербией, начали перекидывать в Галицию 2-ю армию, которая в полном своем составе приняла участие только в последнем периоде Галицийского сражения.

В 1914 году развертывание 1-й, 4-й и 3-й австрийских армий и армейской группы Кевесса было произведено между Вислой и Днестром в следующем порядке. (См. схему № 5).

1-я армия из I, V и X корпусов, 3-й и 9-й кав. дивизий, всего 9 пехотных, 2 кавалерийских дивизий и 7 ландв. и марш. бат., всего 186 бат., 77 эск. и 82 батареи, на крайнем левом фланге, от устья Сана по его течению до Сенявы включительно, имея кавалерию на левом фланге, а главные силы пехоты восточнее Низко.

4-я армия из II, VI и IX корпусов, 6-й и 10-й кав. дивизий и несколько позднее XVII корпуса, всего 9 пех., 2 кав. дивизий и 8 марш. бригад силой в 174 бат., 71 эск. и 77 бат., развернутых на фронте Сенявы—Радымно—Гусаков иск. с кавалерией перед фронтом.

3-я армия из XI и XIV корпусов, двух гонв. дивизий, трех ландш. и шести марш. бригад и 2-й, 4-й и 11-й кав. див., всего 6 пех. и 3 кав. дивизии и 9 ландв. бригад, силой в 159 бат., 100 эск. и 63 б-реи.

Армия собиралась в районе Гусаков—Самбор, имея XI корпус выдвинутым к Львову.

Армейская группа Кевесса из III и XII корпусов, трех отдельных дивизий, одной ландш. и двух маршевых бригад и 1-й, 5-й и 8-й кавалерийских дивизий, всего 9 пех., 3 кав. дивизии и 3 бригады силой в 100 бат., 108 эск. и 59 б-рей, должна была сосредоточиться фронтом на северо-восток между Стрыем и Станиславовым, имея ландверную и кавалерийскую дивизии в Буковине, на фронте Залещики—Черновцы.

Вслед за объявлением войны сюда начали перекидывать с сербского фронта 2-ю армию из IV и VII корпусов, $1^1/_2$ пех. див., 1 ландш. и 2 марш. бриг., всего $8^1/_2$ пех. дивизий и 3 бриг., силой в 135 бат. и 56 батарей. Эта армия окончательно сосредоточилась уже во время боев на Городецкой позиции. Сила австрийской армии на русском фронте достигала 772—799 бат., 383 эск. и 363 б-реи.

Наконец, на крайнем левом фланге в Кракове формировался ландштурменный корпус Куммера из 3 пех. див. и 7-й кавалерийской, силой в 45 бат., 27 эск. и 26 б-рей, назначением которого было не только прикрывать фланг армии, но и вносить смуту в левобережную Польшу, что входило одной из важных оперативных предпосылок австрийского командования.

На свою кавалерию австрийское командование возложило следующие задачи:

В группе Кевеса разведка от Днестра до линии Залоще—Шепетовка, с кулаком южнее железной дороги Тарнополь—Проскуров.

Кавалерии 3-й армии между этой линией и линией Рава Русская, Грубешов, Буг, имея кулак на дубненском и владимир-вол. направлении.

4-й армии далее до Вепржа.

1-й армии между Вепржем и Вислой.

Корпус Куммера (7-я кав. дивизия) по левому берегу Вислы.

Задача всей кавалерии—достигнуть линии Люблин—Холм—Ковель—Дубно—Стар. Константинов, приняв все меры к уяснению группировки рус-

ских войск в районе между Вислой и Бугом и определению их левого фланга севернее Днестра. [1]

Заключение.

Развертывание австро-венгерской армии грешило распылением корпусов между главным—русским фронтом и второстепенным—сербским, на который первоначально было назначено из 16 корпусов шесть, т.-е. более 1/3 всех сил.

Увлечение второстепенной политической задачей и неправильный расчет русской мобилизации были тому причиной. Но и в отношении Сербии расчет был неправильный, так как трудно было надеяться вывести эту страну из состояния войны только с 18-ю дивизиями.

Что же касается до подробностей развертывания на русском фронте, то здесь можно отметить много положительных сторон.

Задавшись целью взаимодействия с германскими войсками, действовавшими в Восточной Пруссии, австрийское командование сумело сосредоточить для этой цели на коротком фронте Висла—Перемышль семь (считая и корпус Куммера), а впоследствии и восемь (XVII) корпусов, оставив на весь остальной длинный фронт первоначально только четыре корпуса.

Оно сумело сразу своим развертыванием выиграть важный для него левый фланг, угрожало наиболее слабой и выдвинутой вперед 4-й армии русского фронта и так поставило свою 4-ю армию, что могло работать ею и к стороне Вислы и к стороне Буга.

Устройство тыла.

Карта № 1.

В период до 1909 года, когда наши армии должны были развертываться в Привислинском районе, этот последний был насыщен запасами всех видов для первоначального довольствия мобилизационной армии. Когда в 1910 году было решено оттянуть развертывание армии назад, то все эти запасы были израсходованы, базисные магазины были оттянуты на линию Днепра с тем, чтобы часть из запасов расположить впереди в промежуточных магазинах.

При новом выносе развертывания вперед необходимо было, естественно, продвинуть вперед и тылы. В этом отношении было особенно затруднительно положение втянутых в привислинский мешок и расположенных затылком друг к другу 2-й, 4-й и 5-й армий.

---

[1] Рейхсархив (план № 1) и Конрад, ч. 4-я.

Дело распределения тылов было возложено на комиссию начальников штабов округов.

Ближайшие тылы 1-й, 2-й, 4-й и 5-й армий до меридиана Вильно — Лида распределялись между армиями, а дальше на восток объединялись в руках фронтов.

Разграничительными линиями между тыловыми районами армий намечались:

Между 1-й и 2-й армиями [1]—Рачки—Августовский канал—Озеры—Мосты; между 2-й и 4-й—от Ласка по Пилице до Вислы—Гура-Кальвария — Дрогичин – Слоним; между 4-й и 5-й — Томашев — Замостье — Красностав – Травники—Дрогичин.

Базисные магазины по требованию Главного управления генерального штаба были сильно оттянуты назад: в Бологое, Смоленск, Гомель, Киев, Кременчуг и Екатеринослав.

Количество продовольствия, которое было положено хранить в них для армий, определялось: провианта на 30 дней, овса на 20, сена на 15, сухарей на 3 и мясных консервов на 6 дней. Из них в расходных магазинах хранилось на 10 дней провианта, на 10—овса и на 8—сена. Но таковых запасов для 4-й и 5-й армий в мирное время почти не было заготовлено.

Промежуточные магазины предполагались для 1-й армии в Вильно и Свенцянах (на 7 дней за счет базисных магазинов), для 2-й – в Волковыске (5 дней), для 4-й в Лукове (7 дней) и для 5-й—в Лунинце (7 дней).

Расходными магазинами для 1-й, 2-й и 3-й армий служили магазины мирного времени; для 4-й предполагалось устроить в Ивангороде (10 дней), в Люблине и Травниках (по 3 дня); для 5-й—в Бресте и Влодаве (по 8 дней), в Холме и Ковеле (по 2 дня) и в Кобрине (10 дней). Эти магазины предполагалось располагать не ближе 2-х переходов от войск.

Оборудование базы в Вост. Пруссии и Галиции.

Оборудование базы в Восточной Пруссии и в Галиции вылилось, кроме развития рельсовой сети и инженерной подготовки, в обеспечение их складами различных запасов.

В Восточной Пруссии имелось 16 продовольственных магазинов, склады переносных железных дорог, склады понтонов и в Лыке устраивался первый на восточной границе эллинг для воздушных кораблей.

---

[1] Тыловые районы были в действительности указаны административными единицами.

Все склады были распределены по территории Восточной Пруссии довольно равномерно, почему она и представляла собой сплошной базис, дававший возможность свободного маневрирования в любом направлении без опасения за потерю тыла.

В Галиции склады запасов были расположены, начиная от Ряшева к востоку. Продовольственных магазинов там имелось 33; частные мельницы перемалывали в сутки 700 тыс. дач. Артиллерийских складов имелось 5, лабораторий и пороховых складов 2, инженерных 3, складов полевых железных дорог 5, мостовых материалов 1 и пр.

Запасы были равномерно распределены по средней и восточной Галиции, почему ее можно было также считать сплошным базисом, дававшим возможность свободного маневрирования в любом направлении.

Краткая характеристика руководителей операциями русской армии.

Прежде, чем приступить к описанию военных действий, скажем несколько слов о вождях русской вооруженной силы. [1]

Верховным главнокомандующим неожиданно был назначен великий князь Николай Николаевич.

В политическом отношении это был твердый носитель принципов монархизма и консерватизма; в военных кругах о нем ходила „слава", как о человеке с железной волей и редкой жестокости.

Николай Николаевич получил высшее военное образование и посвятил свою жизнь строевой службе.

С 1908 года он находился в видимой опале и совершенно не был допускаем к вопросам подготовки к войне и предположениям о ней, так как предназначался по должности мирного времени для командования второстепенной по назначению 6-й армией. Это условие не могло не отразиться на его поведении в роли верховного главнокомандующего, в которую он не был предварительно введен ни ознакомлением с действительным состоянием вооруженной мощи страны, ни с предположениями генерального штаба, ни с удельным весом своих будущих ближайших помощников.

Обращаясь к характеристике главнейших вождей русской армии времен Мировой войны, автор невольно останавливается перед той мрачной картиной, которая рисуется перед его глазами и которая подтверждается всеми событиями войны. Здесь виноваты не отдельные лица, а вся система ни на чем не основанного случайного выбора и отсутствия подготовки в мирное время к ведению большой войны. Мы умели маневрировать с корпусами, но были чужды в общей массе высшего командного состава познания большой войны и вождения в ней масс. Наши генералы не имели своих Мольтке и Шлиффена, вся свыше полувековая деятельность которых прошла бы в под-

---

[1] Автор лично знал всех этих лиц, а потому характеристика, даваемая им, должна страдать известным субъективизмом, хотя в основу ее лег анализ документальных данных за время ведения войны.

готовке высшего командования к ясному пониманию современной войны и к умелому вождению масс.

При безответственном верховном главнокомандующем особое значение приобретал его начальник штаба. На таковую должность, естественно, переходил начальник генерального штаба Н. Н. Янушкевич. Навряд ли кто-либо, кроме бывшего военного министра Сухомлинова, мог бы объяснить тайну этого назначения за несколько месяцев до войны, когда таковая висела уже в воздухе. Написавший в молодости диссертацию по кафедре военной администрации и просидевший вслед за этим около 15 лет на должности гражданского чиновника в канцелярии военного министерства и полгода начальником Военной академии Янушкевич не имел никаких данных для занятия такого поста. Впрочем, его большая заслуга заключалась в том, что, по его же словам, он и не вмешивался в оперативную работу, предоставив ее всецело в распоряжение своего генерал-квартирмейстера Ю. Н. Данилова.

Если просмотреть послужной список Ю. Н. Данилова, то следует прийти к заключению, что это наиболее готовый генерал-квартирмейстер, почти исключительно ведавший в последние шесть лет подготовкой к войне. Если вникнуть в эту его работу, то можно составить себе представление и об определенном характере стратегического мышления Данилова, но на практике он не сохранил и этой определенности мысли и по его дальнейшей деятельности трудно составить себе какое-либо представление о Данилове, как о стратеге. Анализ всей переписки штаба верховного главнокомандующего за этот период выявляет картину такого шатания стратегической мысли Ставки, такие необоснованные скачки от авантюризма к панике,[1] такое хватание за обрывки мыслей то одного фронта, то другого, что следует признать полное отсутствие помощи верховному главнокомандующему со стороны его штаба.

Ему приходилось искать опоры у главнокомандующих фронтами.

Северо-западным фронтом первоначально командовал Я. Г. Жилинский, долгое время бывший начальником генерального штаба. В первой же операции в Восточной Пруссии он выказал полную неспособность к практическому вождению масс и был сменен. Жилинский был автором последних соглашений с французским генеральным штабом и его работа отмечается особым стараниям точно исполнить взятые на себя обязательства. Вслед за Жилинским этот пост получил Н. В. Рузский, составивший себе дутую славу победоносным взятием фактически оставленного австрийцами Львова. Рузский имел большую штабную и строевую практику, отличался большим здравым смыслом, но и он, кроме Львова, ничего не дал. Его управление Лодзинской операцией было очень неудачно, а впоследствии в трудных обстоятельствах жизни фронта он обыкновенно заболевал.

Главнокомандующим Юго-западным фронтом был Н. И. Иванов. Хороший, может быть, артиллерист Иванов, отличавшийся вообще весьма сильным рекламным характером, во время Японской войны командовал корпусом и после пребывания в 1906 г. во главе Кронштадта быстро пошел в гору по иерархической лестнице, а к началу войны оказался во главе наиболее мощного фронта, не имея для этого никакого ни умственного ни практического багажа. Иванову в начале его боевой деятельности судьба улыбнулась в лице назначенного ему начальником штаба М. В. Алексеева.

Алексеев бессменно играл самую выдающуюся роль в течение всей войны и на нем следует остановиться несколько подробнее.

Почти всю свою службу Алексеев провел в центральном органе генерального штаба, исключительно специализировавшись на разработке планов

---

[1] Желающих проверить выводы автора отсылаю к делам Воен. Уч. Арх. №№ 470, 471, 472, 664 и посл., в которых почти каждый документ представляет собой в этом отношении унику.

Бывш. военный министр А. А. Поливанов на страницах 132, 133 и 136 своих мемуаров рисует жалкую картину доклада Николаю Николаевичу со стороны его штаба.

войны и стратегического развертывания. Участие в Японской войне в должности генерал-квартирмейстера одной из армий, пребывание в должности начальника штаба Киевского военного округа и короткое время командиром XIII корпуса позволили ему затхлую атмосферу центрального органа несколько оживить в своей работе бодрящей струей практической деятельности.

Отличавшийся редкой трудоспособностью, пунктуальностью, аккуратностью в работе и любовью к своей специальности, которой он посвятил в полном смысле слова всю свою жизнь, Алексеев воплотил в себя все то хорошее и дурное, чем отличался русский генеральный штаб в последнюю четверть века перед войной.

Я не буду останавливаться здесь на командовавших армиями, предоставляя себе сказать о каждом из них несколько строк в связи с их ролью в разыгравшихся операциях.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

От начала войны до Гумбиненского сражения вкл. (24/VII—21/VIII).

Начало войны. Первоначальные планы и перегруппировка сторон. Постановка Ставкой первых задач. Заключение. Прикрытие мобилизации и сосредоточения. Распоряжения Северо-западного фронта. Заключение. Сосредоточение Юго-западного фронта. Заключение. Гумбиненская операция: район, расположение и планы 8-й германской армии. Директивы и приказы русских. Заключение. Бой у Сталюпенена. Заключение. Гумбиненское сражение. Заключение.

Начало войны.

Схема № 5.

С 24-го июля 1914 года успокоившаяся было после убийства в Сараеве австрийского эрц-герцога Европа заволновалась в виду предъявленного Австро-Венгрией Сербии неприемлемого ультиматума и видимого желания довести дело до вооруженного столкновения. Волнение это через несколько дней перешло в военные приготовления, что в свою очередь привело к открытой мобилизации, которая при массовых армиях неразрывно связана с началом войны. И, действительно, с 31-го июля по 5-е августа [1] великие державы Европы оказались в войне друг с другом при самой благоприятной для держав Антанты политической обстановке.

Россия, Франция, Англия, Бельгия, Сербия и Черногория, к которым через несколько дней присоединилась и Япония, стали на одной стороне; Германия и Австрия стали на другой. Третья держава Тройственного Союза — Италия сохранила нейтралитет; к нему примкнули и те державы, на помощь которых могли рассчитывать Германия и Австрия, а именно: Румыния, Турция, Швеция и отчасти Болгария.

Такая политическая комбинация была особенно выгодна для России, так как все указанные, заявившие о своем нейтралитете, державы, кроме Италии, должны были драться на русском фронте и их нейтралитет давал России

---

[1] Все даты будут приводиться по новому стилю.

возможность уменьшить предназначенные для прикрытия столицы и для действия против Румынии войска; вступление же в войну на нашей стороне Японии позволяло нам перетянуть и большую часть войск с Дальнего Востока на Европейский театр.

В руках русского верховного главнокомандующего образовался, таким образом, с первых же дней войны внушительный стратегический резерв, который ему и надлежало соответствующим образом использовать.

Первоначальные планы и перегруппировки сторон.

Сложившаяся вслед за началом войны политическая обстановка заставила стороны несколько видоизменить предполагавшуюся первоначальную группировку и детализировать планы первых операций. Наименьшее количество таких перемен произошло у германцев и наибольшее у русских.

В Германии нейтралитет Италии заставил уменьшить развертываемые в Силезии силы с 4-х до 2-х дивизий (корпус Войерша), а быстрое изготовление 1-й русской армии на Немане привело к убеждению в необходимости первоначально сосредоточить силы 8-й армии против этой группы русских вместо обещанного австрийцами наступления в Седлецком направлении для взаимодействия с наступлением этих последних.

В Австро-Венгрии верховное командование быстро сознало свою ошибку в неправильном подразделении сил между русским и сербским фронтами и начало перекидывать 2-ю армию с юга в Восточную Галицию. Необходимость же облегчить положение немецких войск в Восточной Пруссии, желание использовать неготовность России и надежда на совместные операции с своим союзником в Седлецком направлении заставили его торопиться началом наступления, при чем направление главного удара было намечено в промежуток между Вислой и Бугом в надежде на встречное наступление немцев.

Для России обстановка с внешней стороны складывалась вполне благоприятно. Она оказывалась обеспеченной со стороны своих флангов и тыла и могла увести оттуда значительную часть своих войск для действия на главном театре. Вопрос заключался только в том, как использовать эти новые силы—направить ли их для усиления австрийского фронта, считавшегося по плану войны главным, или же поставить им новую задачу. В разрешении этого вопроса главную роль сыграла наша союзница Франция.

Взятые на себя обязательства перед французским генеральным штабом, подкрепленные обильными займами, настойчивые требования этого последнего о скорейшем нашем наступлении вообще и в частности от Варшавы на Познань или Бреславль и, наконец, законное опасение, что Франция будет раздавлена германской лавиной, направлявшейся через Бельгию к ее открытой северной границе, решили вопрос о направлении свободных сил в пользу германского фронта. Пунктом же сосредоточения этой новой группы был избран левый берег Вислы между Варшавой и Ивангородом, т. е. фактически мы постепенно возвратились к точному выполнению отвергнутого в 1910 году плана войны, но после того как разрушили заблаговременно подготовленный для него и оборудованный плацдарм.

Вся беда заключалась в том, что Ставка очень торопилась создать Варшавскую группу и, не дожидаясь подхода дальних корпусов, начала уже с 7-го дня мобилизации делать изменения в сосредоточении войск, перекидывая корпуса и значительно ослабив 1-ю армию. [1] По широкой идее главного командования на левом берегу Вислы должно было последовательно образоваться две армии (9-я и 10-я) из шести корпусов, из которых четыре предназначались для нанесения удара в направлении Торн—Познань и два для демонстрации на фронте Познань — Бреславль.

Сибирские корпуса могли прибыть не раньше конца сентября, и Варшавская группа могла иметь к 23-му—30-му августа, т.-е. когда следовало ожидать на австрийском и германском фронтах развития наиболее интенсивных операций, не более 6½ пех. и 2 кав. дивизий, ослабив для этого группы, предназначенные действовать против Восточной Пруссии и Галиции. [2]

Фактически же там в течение августовских операций ни в один момент не было более двух корпусов, но и те, как увидим ниже, Ставка была принуждена израсходовать не по своему прямому назначению.

Таким образом, идея новой перегруппировки нарушила планомерность развертывания армий, уменьшила их силы для выполнения первоначальных задач и принесла лишь ту пользу, что дала в руки Ставки стратегический резерв, сосредоточенный в узле путей, ведущих к обоим фронтам.

---

[1] К 16-му—21-му августа в Варшаве были сосредоточены—5-я кав. див., Гвард. и I арм. корпуса. К 29-му авг. еще прибывали Кавк. кав. див., Гв. стр. бриг. и XVIII арм. корпус. (Воен.-Учен. Арх., д. № 700).

[2] Из 1-й армии были взяты гвард. и I корпуса, из Юго-западн. фр.— III Кавк. Кроме того, XIII корп. был для ускорения наступления направлен вместо Юго-западного фронта во 2-ю армию вместо запаздывавшего XXIV корпуса.

Постановка Ставкой первоначальных задач.

Верховный главнокомандующий не имел в планах стратегического развертывания определенно поставленных задач фронтам. Ему фактически приходилось иметь дело с двумя одинаково утвержденными верховной властью документами 1912 и 1913 годов, при этом первый по духу своему на много отличался от второго.

Для Северо-западного фронта первым документом указывалось поражение германских войск, оставленных в Восточной Пруссии, и овладение последней с целью создания выгодного исходного положения для дальнейших действий. Второй документ вносил в эту директиву большую струю осторожности, указывая фронту первой задачей „готовность остановить наступление немцев до нашего полного изготовления".

То же самое и относительно Юго-западного фронта. Директива 1912 года указывала фронту поражение австро-венгерских армий, имея в виду воспрепятствовать отходу значительных сил противника на юг за Днестр и на запад к Кракову. Директива 1913 года и здесь вносила элемент осторожности, указывая 4-й и 5 й армиям первоначальной задачей обеспечение их запаздывающего развертывания и облегчения положения этих армий энергичными действиями Ровненской и Проскуровской групп.

Указания 1913 года как бы подчеркивали необходимость предварительно общего наступления, полного сосредоточения и планомерного развертывания обеих групп армий. В такой постановке задач замечалась какая-то необъяснимая двойственность, несомненно, благодаря взятым нами на себя в отношении Франции обязательствам, а именно начать наступление на германском фронте тотчас же после 15 дней мобилизации, чего мы фактически не могли сделать, дожидаясь полного сосредоточения 1-й и 2-й армий.

Ставке приходилось в постановке первоначальных задач фронтам опираться на тот или другой документ; она остановилась на выполнении союзнических обязательств и на работе в широком масштабе для союзного фронта, пожертвовав для этого цельностью сосредоточения. Принятый лозунг помощи союзникам отмечает поведение русского верховного командования на всем пространстве Мировой войны.

А между тем политическая обстановка начала войны при более глубоком анализе представлялась для русского верховного командования весьма сложной.

Общая цель войны всей Антанты сводилась к уничтожению германской гегемонии в Европе, что параллельно

разрешало для Англии и Франции и все частные задачи их империалистической политики. Реальная же цель войны для России сводилась к благоприятному для нее разрешению вопроса о проливах и к уничтожению влияния Австрии на Балканах. Эти задачи могли быть выполнены только русской армией и то при скрытом недоброжелательстве ее союзников.

Россия могла достигнуть реальных целей в войне только через разгром Австро-Венгрии, что должно было оказать решительное влияние на благоприятное в отношении России поведение Балканских государств и даже Турции. А между тем вся дипломатическая подготовка России к войне ставила ее в положение, обслуживающее интересы ее союзников, и направляла все ее усилия против Германии.

Под знаком этой двойственности прошла вся работа русского верховного командования в оперативном отношении.

Перед ним могло стоять три возможных плана действий.

Нанесение главного удара немцам, но не в лоб по Восточной Пруссии, а с низовьев Нарева и по левому берегу Вислы, временно перейдя к обороне против Австрии. Этот план требовал сравнительно мелких переброс, легко передавал в руки русских Восточную Пруссию и Нижнюю Вислу, сильно облегчал положение французов, но временно делал победительницей Австрию со всеми последствиями этого факта в отношении Балканского полуострова.

Нанесение главного удара австрийцам с соответствующим усилением назначаемых для этого сил и с направлением его по обе стороны Вислы; против германцев активная оборона преимущественно на Наревском направлении. Это позволяло окончательно вывести Австрию из строя и стать твердой ногой на Балканском полуострове, но вызывало неудовольствие французов ввиду запаздывания в оттяжке с их фронта германских войск.

Оба предложенные плана требовали для начала своего исполнения полного сосредоточения назначенных сил и тылов, почему серьезное выполнение их не могло начаться в обещанный французам срок.

Наконец, третье решение состояло в исполнении расплывчатых предположений мирного времени, с буквальным соблюдением взятых на себя обязательств, что русское верховное командование поставило себе целью.

Вся его идея была с первых дней войны направлена к сгруппированию кулака в Варшаве и к скорейшему наступлению вообще и на германском фронте в частности.

При этом лейтмотивом такой торопливости всегда выставлялись необходимость и долг помочь французам;[1] о полном сосредоточении мы уже позабыли, а старались только обеспечить себе при наступлении численное превосходство.

Первоначальная основная директива фронтам была дана 12-го августа и сводилась в общих чертах к следующему:

В отношении Северо-западного фронта.

1. Силы противника в Восточной Пруссии определялись в четыре корпуса, несколько резервных дивизий, ландверных бригад и гарнизона Кенигсберга. По общему подсчету 100 бат. полевых войск, кроме резервных и ландверных частей, количеством которых директива не интересовалась, а значение их не учитывала.

2. Наша 1-я армия, после выключения из ее состава Гвард. и I корпусов, кончала сосредоточение остальных полевых корпусов к вечеру 11-го августа (12-й день мобилизации) и имела 96 бат. и 132 эск. Временем прибытия второочередных дивизий Ставка не интересовалась, так как они предназначались на потерявший значение Риго-Шавельский район. Вопроса о сосредоточении тылов Ставка не касалась.

2-я армия могла к этому времени сосредоточить все полевые корпуса, кроме XIII, что давало 112 бат. и 96 эск.

Таким образом, Ставка рисовала себе заманчивую картину двойного превосходства русских войск, при чем наши 1-я и 2-я армии каждая порознь были как бы равны противостоящей им 8-й германской армии. Но при надлежащем углублении в обстановку такую картину следовало бы признать крайне односторонней, так как:

а) В расчет не принималась со стороны противника мощная организация резервных и ландверных частей и многочисленных гарнизонов крепостей, с которыми не могли считаться наши запаздывавшие прибытием головные четыре второочередные дивизии (срок сосредоточения к пунктам высадки между 16-м и 22-м августа).

б) Обилие железных дорог и оборудование базы давали возможность немцам сосредоточивать почти все свои войска поочередно против любой русской армии, тогда как наши корпуса были пришиты к известному направлению.

в) Не учитывалось значение Мазурских озер, заблаговременно укрепленных немцами позиций и подготовка вообще всего Восточно-Прусского плацдарма, а также пре-

[1] Переписка Янушкевича—Жилинскому 6-го, 8-го, 11-го авг. (24-го, 26-го, 29-го июля) № 2727 и без номера.

восходство немцев в числе и мощности артиллерии и возможность использования ими для полевого боя части орудий и крепостей.

Если бы Ставка взвесила все это надлежащим образом, то оказалось бы, что у нас не только не было для завладения Восточной Пруссией двойного превосходства в силах (такового не было даже в людях), но что эта операция вообще имела шансы на успех только при связном действии всего фронта и при умелом, вдумчивом и детальном руководстве фронтового командования.

3. Ближайшая цель операции определялась таким абзацем директивы: „Принимая во внимание, что война с Германией была объявлена сначала нам и что Франция, как союзница наша, считала своим долгом немедленно поддержать нас и выступить против Германии, естественно, необходимо и нам, в силу тех же союзнических обязательств, поддержать французов в виду готовящегося против них главного удара немцев".

В этой фразе документа, подписанного Янушкевичем, все знаменательно—и широта политического горизонта лица, которому приходилось играть довлеющую роль в оценке международных событий, и цель торопливости в первой и весьма важной операции.

4. Для достижения указанной цели армиям фронта ставилась задача перейти в планомерное наступление, которое „могло бы" начаться 13-го августа на основании следующих руководящих соображений:

Наступление „могла бы" начать 1-я армия с целью притянуть на себя возможно более сил;[1] наступать надлежало севернее Мазурских озер с охватом левого фланга противника. 2-я армия „могла бы" наступать „в обход Мазурских озер с запада", имея задачей „разбить немецкие корпуса, развернувшиеся между Вислой и Мазурскими озерами, и тем воспрепятствовать отходу немцев за Вислу". Таким образом, общая идея операции „могла бы" заключаться в охвате противника с обоих его флангов.

В этой части директивы обращает на себя внимание условный ее характер, подтверждаемый постоянно повторяющимся словом „могла бы", что придает ей значение инструкции, и неясное указание о наступлении 2-й армии западнее Мазурских озер — понимался ли здесь обход только главной, Летценской группы озер, или всей длинной полосы их, тянущейся с востока на запад, почти до Страсбурга.

---

[1] Подготовительные (отчетные) работы Варшавского округа указывали наоборот на необходимость начать наступление 2-й армией, чтобы выровнять ее с 1-й и тем достигнуть необходимой между ними оперативной связи.

Директива-инструкция заканчивалась указанием на установление тесной связи между армиями путем выставления сильного заслона против фронта Мазурских озер и упоминанием, что левый фланг операции обеспечивается Вислой с крепостью Новогеоргиевск и прибывающими в Варшаву Гвардейск. и I арм. корпусами.

Юго-западному фронту указывался переход в наступление 3-й и 8-й армиями, не дожидаясь сосредоточения III Кавк. и XXIV арм. корпусов, которое „могло бы" начаться 18-го августа. Цель наступления ставилась приковать к себе вторжением в Галицию возможно большие силы австрийцев и „тем самым воспрепятствовать им развить наступательные действия по левому берегу Вислы и против запаздывающих в своем развертывании 4-й и 5-й армий".

Размеры труда не позволяют приводить в подлиннике основные распоряжения Ставки, обильно заполненные общими местами, но все они являются весьма типичными с отрицательной стороны.

В них отсутствует, как это видно уже из приведенной директивы, передача определенной и ясно выраженной воли верховного командования, а какие-то намеки с полуизвинениями и полуоправданиями, которые давали частным начальникам полную возможность исполнить их постольку, поскольку они этого желали. Штаб верховного главнокомандующего, видимо, более всего боялся в отличие от самого Николая Николаевича ответственности за свою идею а, может быть, просто прикрывал этим и полное отсутствие идеи. В данной директиве это еще менее заметно, так как она повторяла задачу, утвержденную уже верховной властью, но впоследствии эта особенность Ставки обрисовалась особенно выпукло. При таких условиях надо было камертон управления взять кому-нибудь в руки, и таковой взяли фронты с естественно происходившим отсюда разнобоем.

Заключение.

Таким образом, Ставка первоначально поставила себе три задачи: 1) составить новую группу армий в Варшаве, 2) наступать всем Северо-западным фронтом и 3) наступать восточной группой Юго-западного фронта с основной целью оказать скорейшую помощь французам.

Во исполнение того же желания союзников, она ослабляла оба своих фронта с целью проблематического скорейшего наступления на Познань, когда все развертывание было приспособлено к первоначальному овладению Восточной Пруссией.

С той же целью Ставка жертвовала возможностью сосредоточить все предназначенные на фронты войска.

Наконец, она поверхностно отнеслась к оценке положения сторон в Восточной Пруссии, не взвесив достойным образом всей деликатности этой операции.

При известных уже нам предположениях другой стороны распоряжения Ставки должны были вылиться в Восточной Пруссии в борьбу с решившим активно обороняться

на отлично оборудованном плацдарме энергичным противником, а в Галиции во встречную операцию сосредоточенных австрийцев с полусосредоточенными русскими. При этом операция в Восточной Пруссии значительно предшествовала во времени таковой в Галиции.

Прикрытие мобилизации и сосредоточения.

Задачи, поставленные армиям еще в мирное время на предмет действий в период мобилизации и сосредоточения, уже сами по себе заставляют предполагать, что чего-нибудь существенного, изменяющего оперативное положение сторон, за этот период ожидать нельзя было, хотя масса сосредоточиваемой на границе русской конницы и давала возможность на это рассчитывать.

Наиболее разительное превосходство русской кавалерии было на Прусском фронте (почти 9 русских дивизий против одной германской, поддержаной 10—12 полками войсковой конницы). Наиболее положительных результатов от ее работы можно было бы ожидать при выполнении следующих узловий:

1) Надлежащая организация прикрывающих границу частей. Это условие было отчасти выполнено образованием на направлении Ковно—Кенигсберг сильного конного корпуса Хана-Нахичеванского, но в смысле ближайшей поддержки как этой группы конницы, так и остальной пехотными частями ничего сделано не было.

2) Соответственная постановка задач. Таковые были очень расплывчаты—разведывать „от и до“ и разрушать железные дороги.

3) Подготовки конницы к работе в широком стратегическом масштабе. Но русская кавалерия, отлично подготовленная для атак в конном строю, была в этом отношении слаба.

4) Наличие талантливых кавалерийских генералов. Их русская кавалерия не выдвинула.

В результате вся работа мобилизационного периода в этом отношении прошла бесцветно, дав соответствовавшим командованиям только довольно верные сведения о группировке противных сторон. И с этой точки зрения командованию жаловаться на свою кавалерию не приходилось.

Уже к 4-му августа было установлено наличие в Восточной Пруссии I (район Эйдкунена), XX (Лык) и XVII (Нейденбург) корпусов (не был, вполне естественно, обнаружен I резервный) и на фронте Калиш—Бенден V и VI корпусов, при чем указывалось на передвижение этих последних в неизвестном направлении.

Кроме того, по характеру оывших столкновений для командования должна была стать ясной складывающаяся обстановка. Наибольшее сопротивление наша кавалерия встречала на Неманском фронте, где не только всякая попытка наступления вызывала сопротивление, но здесь и немецкие прикрывающие части действовали вполне активно. На этом же фронте было обнаружено заблаговременное укрепление позиции по линии восточной опушки Роминтенской рощи и далее против II русского корпуса по линии Гронскен—оз. Штацерн. На Наревском направлении, напротив, кавалерия легко могла проникнуть вглубь, не встречая серьезного сопротивления.[1] Все это рисовало для командования Северо-западным фронтом достаточно ясную обстановку для принятия первого оперативного решения.

На широком австрийском фронте существенного превосходства в кавалерии, в особенности в первое время, не было ни на одной из сторон. Здесь были более смелые и глубокие налеты конных масс (со стороны русских на Заложцы и низовья Сана, со стороны австрийцев на Владимир Волынский и,

[1] Воен.-Учен. Архив, д. № 287.

наконец, обе конные массы столкнулись безрезультатно в Томашевском направлении), но положительных результатов они дали как для русских, так и для австрийцев менее, чем на германском фронте. Кавалерия не только не выяснила для обеих сторон правильной группировки противника, но и поставила их на ложный след. Так, австрийская кавалерия преувеличивала нашу группировку на Люблинском направлении, обнаружив наступление на фронте Люблин—Холм двадцати русских дивизий в первой линии,[1] но она верно указала на сосредоточение крупных сил в районе Ковеля, Луцка и Дубно. В свою очередь русская кавалерия привела командование к превратным выводам о силе и активных намерениях восточных австрийских армий, что не осталось без влияния на осторожный характер первоначального марша-маневра наших 8-й и в особенности 3-й армий, а своим докладом об отсутствии австрийцев на правом берегу Сана от Радомысла до Вислы отвлекла внимание командования от этого угрожающего нам направления.[2]

Совершенно иное положение образовалось на левом берегу Вислы, который по плану войны мы решили очистить, прикрыв только мобилизацию. Поэтому там были оставлены только две стрелковые бригады и $1^1/_2$ кав. дивизии (половина 15-й дивизии и 1-я стр. бригада в северной части левобережной Польши и 14-я кав. дивизия с 2-й стр. бригадой в южной ее части), но с тем, что и стрелковые бригады должны отойти на правый берег реки. Все это повело к тому, что немецкая кавалерия, поддержанная корпусом Войерша из Силезии, и 7-я австрийская кав. дивизия, поддержанная корпусом Куммера из Кракова, быстро заняли весь район до линии Калиш, Петроков, Кельцы.

Но начало сосредоточения в Варшаве сильной группы войск вызывало необходимость приостановить дальнейшее продвижение противника, и прибывшие на левый берег Вислы 5-я и 8-я кав. дивизии и Гвард. корпус выдвинули здесь кавалерию и сильные пехотные авангарды, примерно, к 20-му августа на фронт Влоцлавск, Избица, Лодзь, Петроков, Солец. Это впрочем не помешало, как увидим ниже, корпусам Войерша и Куммера совершить под прикрытием своей кавалерии марш-маневр к переправе через Вислу у Юзефова.

Распоряжения о сосредоточении.

(Схема № 5 и таблица № 3).

Для того, чтобы себе ясно представить положение, в котором находились армии фронтов ко времени отдачи вышеприведенной директивы Ставки и соответствующих распоряжений фронтов, рассмотрим схему сосредоточения частей, входящих в состав каждой армии, с теми изменениями, которые последовали в период сосредоточения.

Сосредоточение Северо-зап. фронта.

Штаб Северо-западного фронта—Волковыск.

1-я армия. Кавалерия: 1-я и 2-я гв. кав. див.—Пильвишки[3] к 3-му августа; 1-я и 2-я кав. див.—Сувалки,—сосредоточение с 31-го июля по 8-е августа; 3-я кав. див.—Олита с 31-го июля; 1-я отд. кав. бриг.—Шавли 3-го августа.

Корпуса: XX—Ковна (29-го пех. див. с 31-го июля);[4] III—Симны, Ораны, Олита (полное сосредоточение с 12-го по 17-е августа); IV — Друскеники (с 6-го по 13-е августа).

---

[1] Ауфенберг. Стр. 117—126.
[2] Воен.-Учен. Арх., д. № 287.
[3] Воен.-Учен. Арх., д. № 700.
[4] Перевозка корпуса изменена на Пильвишки.

Второочередные дивизии: 56-я—в Ковно (с 12-го по 19-е августа), 54-я—Радзивилишки (с 13-го по 27-е августа), 57-я—Олиты (с 23-го по 30-е августа), 73-я—Ковно (с 14-го по 22-е августа), 72-я—Ораны (с 25-го августа по 4-е сентября), 53-я—Поневеж (с 24-го августа по 1-е сентября) и 68-я—Рига (с 16-го по 20 августа).

Из приведенных данных сосредоточения видно.

В 1-й армии: 1) полное сосредоточение кавалерии на фронте Пильвишки—Сувалки достигалось 8-го августа; 2) корпуса со своими тылами оканчивали сосредоточение на Немане 17-го августа и 3) из второочередных дивизий ближайшие прибывали—56-я в гарнизон Ковно к 19-му августа и в Ригу 68-я к 20-му августа.

Все это позволяло в крайнем случае полагать первую армию сосредоточенной на Немане, не считая армейских тылов и второочередных дивизий, к вечеру 17-го августа.

По данным Управления военных сообщений к вечеру 10-го августа [1] всего в 1-й армии было сосредоточено 67¾ бат., 129 эск., 288 ор. (из которых только 12 гаубиц и 10 инж. рот с инженерным парком).

Необходимо подробнее остановиться на времени сосредоточения именно 1-й армии, которая, опираясь на мощные железные дороги и составленная из ближайших корпусов, находилась в наиболее выгодном положении по сравнению с другими армиями, чтобы оттенить, насколько требования Ставки о раннем наступлении других армий не соответствовали их полной готовности.

13-го августа армия выступила из пунктов сосредоточения для занятия исходного для вступления в пределы Германии положения на фронте Вержболово—Сувалки. Для этого корпусам приходилось пройти от Немана от 60 до 80 клм.

Армия базировалась на Виленский военный округ, будучи прочно соединена с ним тремя колеями железных дорог (Ковно—Эйдкунен—2 колеи и одна колея—Ораны—Олита—Сувалки). Таким образом, и в отношении путей сообщения армия находилась в весьма выгодном положении.

2-я армия имела из числа предназначенных ей корпусов II, VI, XV и половину XXIII еще в мирное время в районе рек Бобра и Нарева, которые были расположены применительно к обороне этих рек и в особенности к удержанию в своих руках при всяких обстоятельствах Гродно-Сокольковского района в случае направления на русский фронт большей части германских сил. Таким образом, сосредоточение армии сводилось к перегруппировкам в пределах своего мирного расквартирования, за исключением XIII корпуса и второочередных дивизий, подвозимых с тыла.

2-я армия сосредоточивалась своими полевыми корпусами, за исключением XIII, довольно быстро, а именно—

[1] Воен.-Учен. Арх., д. № 287.

к 11-му августа, но сосредоточивалась, за исключением II корпуса, главными силами на линии Белосток—Малкин, т. е. в 40—50 клм. от Бобра и Нарева и в 80—90 клм. от прусской границы. При этом движение должно было происходить по весьма тяжелым, отчасти песчаным, отчасти болотистым дорогам.

Исходное положение для этой армии было указано на линии Августово—Граево—Мышинец—Хоржеле, куда корпуса начали выдвижение с пунктов сосредоточения с 13-го августа. [1]

2-я армия базировалась отчасти на Виленский и отчасти на Минский округа, находясь в отношении железных дорог в самом невыгодном положении. Имея в тылу параллельно фронту мощную магистраль Белосток—Малкин, она для дальнейшего подвоза могла пользоваться только двумя колеями, идущими на крайних флангах ее широкого фронта, а именно: от Белостока на Граево и от Новогеоргиевска на Млаву.

Заключение о развертывании Сев.-зап. фронта.

Все указанные особенности 1-й и 2-й армий в отношении времени, расстояний и тылов должны быть учтены командованием при постановке им задач для выполнения первой операции.

Положение фронта было при анализе всей обстановки совершенно не так благоприятно, как оно казалось Янушкевичу. Войска и в особенности 2-ю армию направляли для выполнения первой и весьма сложной операции не успевшими еще сосредоточиться, с неподтянутыми тылами и без учета времени. Погоня за скоростью шла за счет форсирования сил войск и расстройства их тылов, что не могло не отразиться печально и на их боевых качествах; это особенно касалось 2-й армии, которой к тому же предстояло наступать по району, бедному местными средствами.

Посмотрим, как же на это реагировал главнокомандующий фронтом.

Жилинский очень сочувственно отнесся к идее Ставки оказать скорейшую помощь французам и даже превзошел в этом отношении желание этой последней, предлагая выкинуть 15 августа вперед на неприятельскую территорию один III корпус, имея этим ввиду „хоть отчасти выполнить наши обязательства по отношению Франции, потому что одновременный переход всех корпусов не может быть произведен так скоро". [2] Однако, такое рвение было остановлено Ставкой, которая потребовала перехода 1-й армии

---

[1] Воен.-Учен. Арх., д. № 391.
[2] Цихович, стр. 44.

„в безостановочное и решительное наступление лишь после того, как все корпуса этой армии займут исходное положение".

Вследствие этого Жилинский указал после некоторых изменений директивой от 13-го августа 1-й армии начать наступление 17-го августа с инии Вержболово—Сувалки на фронт Инстербург—Ангербург в обход линии Мазурских озер с севера, а 2-й армии 19-го августа с линии Августово—Хоржеле на фронт Летцен—Арис—Ортельсбург, направляя главные силы на фронт Растенбург—Зеебург во фланг и тыл линии озер.

Сосредоточение Юго-западного фронта.

В отношении быстроты готовности Юго-западный фронт находился в худшем по сравнению со своим соседом положении.

Он, как известно, сосредоточивался в двух группах—северной (4-я и 5-я армии) и восточной (3-я и 8-я армии). При этом в течение самых перевозок менялись корпуса и пункты высадок, почему указать в точности эти данные в отношении каждого корпуса невозможно.

Северная группа (4-я и 5-я армии).

Северная группа получала корпуса, сосредоточенными на линии Люблин—Холм—Ковель со своими тылам и с выдвинутым вперед XXV корпусом к 22-му—25-му августа, имея кулак из трех корпусов в Ковеле.

В отношении базирования армии северная группа так же, как и 2-я армия Северо-западного фронта, находилась в невыгодном положении, так как все три базировались на Минский округ, будучи расположены тылами друг к другу на очень стесненном пространстве и пользуясь для подвоза одними и теми же рельсовыми путями, что требовало от Ставки очень сложного их регулирования.

Минский военный округ был подчинен Сев.-зап. фронту, а жел. дороги Гомель—Брест—Седлец, Гомель—Орша, Жлобин—Минск—Лунинец—Барановичи—Юго-западному с вынесением разграничительных станций в Оршу, Минск, Барановичи, Седлец и Ивангород для Сев.-Зап. фр. и Брест для Юго-западного. Участок Смоленск—Брест подчинялся Сев.-зап. фронту, но известное количество поездов на этом участке выделялось Юго-зап. фронту. Такая же чересполосица выходила и с тыловыми учреждениями Юго-зап. фронта, не входящими непосредственно в 4-ю и 5-ю армии, но расположенными на территории Минского округа. Они подчинялись этому округу, т.-е. Сев.-зап. фронту, но расходовались Юго-западным.

При своем наступлении 4-я и 5-я армии совершенно не имели железных дорог.

Восточная группа (3-я и 8-я армии).

Восточная группа была сосредоточена в двух районах, Ровненском и Проскуровском, с открытым промежутком

около 60 верст и с отнесением Проскуровских корпусов уступом назад. Готовность четырех корпусов 3-й армии определялась 17-го августа и трех 8-й армии 20-го августа.

Эта группа базировалась на Киевский и отчасти Одесский округа, имея путями для подвоза 3-й армии вполне ее обеспечивающую сеть рельсовых путей в Ровненском узле и далее мощную магистраль к австрийской границе в Броды и для 8-й только одну колею на Проскуров и далее к Волочиску.

Указанное выше сосредоточение армий Юго-западного фронта Алексеев еще на совещании начальников штабов в декабре 1912 года решил в деталях изменить. По его проекту, проведенному в общем в жизнь в 1914 году, предполагалось к 20-му—22-му августа иметь корпуса и дивизии в армиях, как указано на схеме № 5.

Заключение о развертывании Юго-западного фронта.

Подводя итоги развертыванию армий Юго-западного фронта, можно отметить:

1. В смысле управления как бы напрашивалась необходимость разделить его на две группы армий—северную и восточную.

2. В каждой группе наиболее сильными были внутренние фланги, прикрывавшие важные направления на Брест и в Дубно-Ровненский район; наружные фланговые армии были слабее, при чем Люблинская армия была наиболее сближена с предполагаемым развертыванием противника и к тому же позднее других сосредоточивалась. Проскуровская армия была, напротив, уступом назад по отношению ко всему фронту.

3. Все сосредоточение не прикрывало весьма важного направления на Варшаву и Седлец, приобретавшего большое значение, как кратчайшее для соединения с германцами и для помощи их малым силам, оставленным в Восточной Пруссии.

4. Сильная группировка в центре показывала желание при наступлении вытеснять противника лобовым ударом из Галиции. При встречной же операции 5-я и 3-я армии приобретали особенно маневренный характер не только для действий в связи друг с другом, но и для помощи соседним армиям.

5. При первоначальном развертывании 5-я, 3-я и 8-я армии не были в оперативной связи друг с другом, каковую они получали только при дальнейшем концентрическом сближении.

6. Армии для наступления были нацелены таким образом, что к концу первой операции вся их масса могла

сгруппироваться в узком мешке между Вислой и Карпатами, что требовало заблаговременного учета этого обстоятельства для занятия лучшего исходного положения к следующей операции.

Первоначальные планы Юго-западного фронта.

Мы уже говорили о том проекте первоначальных действий австрийского фронта, который так подробно разобрал и детализировал Алексеев в 1912 году. (Смотри схему № 4). Эта его работа не могла, разумеется, остаться без влияния на предположения фронта и в 1914 году.

Директиву Ставки Иванов предполагал исполнить таким образом:

19-го августа начать наступление отодвинутой назад 8-й армией, а 20-го—и 3-й, для обеспечения правого крыла которой при движении на Радзихов—Каменку 21-го числа, выдвинуть авангарды 5-й армии на линию Войславица—Владимир-Вол., а 4-й Вильколаз—Жолкевка—Избица; кавалерии же энергично действовать, особенно восточнее Буга.

Запаздывающий V корпус пододвинуть к Владимиру-Вол. по железной дороге, и 23-го августа перейти в общее наступление также 4-й и 5-й армиями.

Но Ставку эти сроки не удовлетворили, и она настаивала на „скорейшем вторжении 3-й и 8-й армий в Галицию", почему фронт приказал 8-й армии начать наступление 18-го, и 20-го достигнуть главными силами Збруча (50 клм. в два дня), а 3-й армии начать наступление 19-го числа и 20-го достигнуть авангардами линии: Остров, Рудня, Вишневец. Далее продолжается совместное наступление в Галицию.

Заключение.

Наступление Юго-западного фронта также начиналось преждевременно для всех армий, кроме 3-й. В особенности это касалось фланговых армий—8-й, которой требовалось по крайней мере дать еще два дня, и 4-й, корпуса которой кончали высадку только 25-го августа.

Наступление начиналось до сосредоточения всех предназначенных для этого войск.

Организация наступления Юго-западного фронта отличалась в положительную сторону от его северного соседа. Командование фронтом взяло в свои руки весь марш-маневр армий фронта, не ограничиваясь постановкой только дальних проблематических задач.

Здесь маневрировал весь фронт с указанными на каждый день рубежами, что обеспечивало от разрозненных действий отдельных армий.

Трудно было ожидать, чтобы преждевременное выдвижение 3-й и 8-й армий оказало влияние на действия в Восточной Пруссии, но оно приводило к большой маневренной связи армий фронта и приближало срок облегчения выдвинутой 4-й армии.

Все указанные первоначальные распоряжения естественно приводили к ряду операций в Восточной Пруссии и Галиции, которые находились в известной связи друг с другом, почему является необходимым исследование их вести параллельно, поставив в основание связь по времени. Но еще прежде, чем началось сближение армий Юго-западного фронта, в Восточной Пруссии произошло столкновение между 1-й русской и 8-й германской армиями, положившее начало всем остальным операциям.

ГУМБИНЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

Район операции.

Схема № 6.

Выше уже был сделан общий географический обзор театра войны, а потому здесь я коснусь только тех деталей, которые имели значение в ведении операции в Восточной Пруссии.

Западной его границей служила Висла в своем нижнем течении с известными нам крепостями, многочисленными переправами и мощной рельсовой сетью; северо-западной границей — Балтийское море; северной и восточной — Неман и южной—реки: Бобр, Нарев и Буго-Нарев.

Центральная большая часть района, будучи холмистой, часто покрытой лесными группами, озерами и перерезанной рядом рек, в большинстве притоков реки Прегель, представляла собою местность, имеющую тактическое значение.

Южная же часть района по обилию озер, сплошных лесов и болот приобретала и широкое оперативное значение.

Начиная от озера Спирдинга, почти сплошная цепь таковых тянулась на север до Ангербурга и отдельными группами на запад, примерно, до Хохенштейна. При этом северная группа, известная под именем Мазурских озер, образовывала ряд узких дефиле, заблаговременно укрепленных германцами. Озера, идущие к западу от озера Спирдинг, не задерживают, а только стесняют маневрирования, при чем это свойство их уменьшается по мере продвижения к западу.

Из лесисто-болотистых пространств, имеющих более широкое оперативное значение, следует отметить участок, ограниченный с севера линией Граево—Августов—Сувалки—Сейны и с юга долиной реки Бобра, и другой—к югу и западу от озера Спирдинг.

Большая часть района перерезывается рекою Прегель, текущей в верховьях (до Сталюпенена) в северном и далее в западном направлении до Инстербурга в северном направлении, и рядом его притоков в меридиальном направлении. Но все эти реки имеют только тактическое значение, представляя ряд рубежей и позиций фронтом на восток и запад. Стратегическое значение имели только Неман, как мощная водная преграда, и линия Бобра и Нарева, благодаря широкой болотистой долине с немногочисленными переправами (Осовец, Ломжа, Остроленка, Рожаны, Пултуск, Новогеоргиевск).

В отношении путей сообщения следует провести резкую грань между территорией Пруссии и России. Первая была испещрена рельсовыми путями

и шоссе, вторая была ими до крайности бедна, в особенности между Бобром, Наревом и Прусской границей.[1]

Относительно общей подготовки Прусского плацдарма мы уже говорили. В фортификационном отношении со стороны Пруссии здесь кроме известных нам крепостей на Нижней Висле имелась первоклассная крепость Кенигсберг, давившая на пути к Висле с востока, и укрепленные дефиле Мазурских озер с крепостцой Летцен в центре.

Со стороны русских имелись на Немане крепости Ковно и Гродно (недоконченная) и укрепления в Олите, а также на флангах линии Бобра и Буго-Нарева крепости Осовец и Новогеоргиевск и слабо укрепленные переправы через эти реки.

Таким образом, главными оперативными особенностями театра являлась система Мазурских озер, которая давала большие преимущества немцам, не только разделяя операции русских войск, но и представляя им в системе укреплений и озер отличный плацдарм для обороны и для перехода в наступление.

Все операции в Восточной Пруссии приводили в конечном результате обе стороны к естественным преградам Вислы, Немана и Бобра-Нарева, но первая обходилась со средней Вислы, вторая в низовьях Немана, а вторая и третья вместе направлением удара в Гродно-Соколковский район. Это и вызывало всегдашние опасения русского генерального штаба за этот район.

Весь описываемый район имел весьма ограниченный предел для насыщения его войсками. Он давал более простора и удобства для действия в направлении с востока на запад и обратно, тогда как обе стороны могли достигнуть более решительных результатов, оперируя в меридиальном направлении.

Русские армии принуждены были действовать здесь концентрически, находясь в самом невыгодном положении, пока не овладеют Мазурскими озерами; для немцев, наоборот, напрашивались, под прикрытием этих озер, действия по внутренним операционным линиям. Таким образом, центром борьбы, существенно влияющим на стратегическую обстановку, являлся плацдарм Мазурских озер.

Расположение и планы действий 8-й герм. армии.

Директива Мольтке от 6-го августа ставила 8-й армии задачи: 1) выиграть время до переброски войск с французского театра; 2) поддержать австрийское наступление и 3) удерживать в своих руках Вислу, как базу.[2]

Получив известие об ожидаемом наступлении русско-неманской армии, германское командование решило, прикрываясь со стороны Наревского направления, стянуть свои силы к левому флангу и дать русской Неманской армии отпор. При этом немцы рисовали почему-то себе наступление нашей 1-й армии на фронт южнее Ромынтенской рощи—Августов и развертывали свою 8-ю армию в обход нашего правого фланга.[3]

По директиве Притвица от 14-го августа XX корпус сосредоточивался в районе Ортельсбурга с целью прикрытия от русского наступления района южнее озера Спирдинг и имея в виду возможность активных действий в сторону

---

[1] Русские рельсовые пути указаны в отделе развертывания армий.
[2] Reichsarchiv, стр. 48.
[3] Там же, стр. 61.

Иоганисбурга. Прочие части 8-й германской армии по вышеуказанной директиве должны были к 18-му августа занять положение, как указано на схеме № 6 А.

Если считать круглым числом силу гарнизона каждой крепости в бригаду, то 8-я армия вывела в поле около 13 дивизий, что давало русским некоторое превосходство только при совместных действиях 1-й и 2-й армий.

Одну треть своих войск (4 дивизии) Притвиц оставил против удаленной 2-й русской армии и две трети против 1-й, из которых 1½ дивизии занимали озерные дефиле. Таким образом, численного превосходства при грядущем столкновении с 1-й русской армией у этой последней не было, а озера, укрепления и сеть рельсовых путей делали ее операцию без связи со 2-й армией весьма трудной.

Личная инициатива командира I германского корпуса Франсуа повела к изменению желания командования армией встретить русских на фронте Гумбинен—озера, и он выдвинул свой корпус вперед к Сталюпенену, чтобы замедлить движение русских.

При известных уже нам планах Жилинского, это должно было повести 17-го августа к столкновению 1-й русской армии с I германским корпусом у Сталюпенена.

Директива Жилинского и приказы 1-й и 2-й армиям.

Директива Жилинского была отдана 13-го августа, когда корпуса армий отчасти сосредоточивались еще по железным дорогам, отчасти продвигались к исходным пунктам своего развертывания.

Армиям фронта указывалось перейти в решительное наступление с целью разбить противника, отрезать его от Кенигсберга и захватить пути отступления к Висле. Для этого 1-й армии, перейдя границу 17-го августа, направляя левофланговый корпус на Ангербург и имея заслон со стороны Летцена, наступать от линии Вержболово—Сувалки на фронт Инстербург—Ангербург в обход линии Мазурских озер с севера с охватом левого фланга противника, а 2-й армии, перейдя границу 19-го августа, наступать от линии Августов — Граево — Мышинец — Хоржеле, направляя главные силы от линии Мышинец—Хоржеле на фронт Руджаны Пассенгейм и далее к северу во фланг и тыл линии озер.

Обеим армиям приказывалось атаковать противника энергично и с упорной настойчивостью.

Разграничительная линия между армиями—Липовка—Поломея- Петцен, все для 2 й армии.

Эта общая для фронта директива дополнялась частными указаниями для армий. Для 1-й детализировались задачи ка-

валерии, но без определенных реальных указаний,[1] и требовалось оставить сильный заслон против Летцена, а для 2-й обращалось внимание на прикрытие Гродненского направления и на интенсивную разведку к стороне Алленштейна, инстинктивно сознавая опасность западного направления.

Армии фронта к началу указанного им наступления занимали положение, указанное на схеме № 6 А.

В развитие директивы фронта командующие 1-й и 2-й армиями отдали свои распоряжения.

1-й армией командовал ген. Ренненкампф, получивший высшее и военное образование и отличившийся при подавлении в 1900 году в Манчжурии боксерского движения. В Японскую войну командовал кавалерийской дивизией и отдельными отрядами, действовавшими сравнительно удачно. После войны командовал корпусом, расположенным на Прусской границе, и потом Виленским округом. Казалось бы, что Ренненкампф имел все данные быть хорошим командующим армией, но этого не оказалось, так как он совершенно не знал большой войны, оказался незнакомым со сложным механизмом управления современной армией, отличался самодурством и боялся потерять свою дешево приобретенную боевую репутацию.

2-й армией командовал ген. Самсонов, тоже с высшим образованием и тоже составивший себе в Японскую войну некоторое имя во главе кавалерийского отряда. После войны он короткое время был начальником штаба Варшавского военного округа, а затем до самой Мировой войны Туркестанским генерал-губернатором, на каковой должности он ушел в администрацию и отяжелел на ней.

Странная судьба была Северо-западного фронта. Жилинский тоже был кавалеристом, а его начальник штаба Орановский конный артиллерист, и вот этим четырем кавалеристам судьба вручила лучшую и большую половину мощной русской кавалерии как бы для того, чтобы проявить отрицательный образец ее использования.

1-я армия отдала свои распоряжения 15-го августа директивой (почему-то за подписью только начальника штаба) и приказом, при этом директива несколько детализировала и суживала поставленную 1-й армии задачу, определяя ее „возможно глубоким охватом левого фланга неприятеля на р. Ангерапп", где предполагались его главные силы.

В этих документах указывались задачи только на 17-е августа. Кавалерия должна была перейти границу накануне (16-го августа) и далее: конному корпусу Хана-Нахичеванского направиться на Инстербург в обход Сталюпенена и Гумбинена с севера, Гурко обеспечивает левый фланг армии со стороны Маркграбова и потом Летцена, а отд. бригаде Орановского (правый фланг) достигнуть 17-го августа Шиленена.

Корпуса должны были 17-го августа главными силами овладеть линией Вилюнен—Сталюпенен — Дубенинкен — Ковален, наступая в нарезанных им фронтальных коридорах.

[1] „Заслонить, скрыть от неприятеля направление наших корпусов, закрепить за собой наиболее важные пункты, захватить переправы, помешать угону подвижного состава" и пр.

Командование 2-й армией своей директивой от 16-го августа совершенно меняло основную директиву фронта.

Жилинский указывал выдвинуть главные силы армии (VI, XIII и XV корпусов) на фронт Мышинец—Хоржеле, после чего круто повернуть на север на фронт Растенбург—Зеебург в обход узкой линии озер в меридиальном направлении, т. е. круто на север, примыкая своим флангом к озерам и торопясь непосредственно войти в связь с 1-й армией и оказать ей ближайшую помощь в первом столкновении с немцами. Самсонов на дело посмотрел несколько шире и направил свои главные силы почти на 50 клм. западнее, на фронт Ортельсбург—Нейденбург, и придал им вместо северного северо-западное направление с целью скорейшего и более глубокого охвата всех германских сил, находившихся в Восточной Пруссии, и для перехвата путей на Нижнюю Вислу.[1] В этом различии во взглядах коренилась, как увидим ниже, одна из основных причин последовавшей катастрофы.

В зависимости от своей основной идеи Самсонов решил при подходе к границе стянуть свою разбросанную на фронте—свыше 200 клм. армию на фронт Мышинец—Хоржеле—Млава (ок. 70 клм.), оторвавшись от озер и 1-й армии. Для прикрытия образовавшегося здесь разрыва и парирования возможных попыток со стороны Летценского укрепленного района он назначил II корпус, который должен был начать наступление от Августова 17-го августа, энергично действовать против фронта Арис—Иоганисбург и прикрывать себя от ударов со стороны Летцена. Обеспечение промежутка между этим корпусом и соседним слева VI им было возложено на 4-ю кав. дивизию.

Остальные корпуса должны были выступить с известных уже нам пунктов развертывания 17-го—18-го августа и, делая переход в среднем 20 — 25 клм. с неуспевшими еще сосредоточиться обозами и транспортами и сильно удаляясь от железных дорог, 20-го августа достигнуть границы.[2] Направления движений корпусов указаны на схеме № 6 А.

---

[1] Тяготение на запад объясняется также крайней необходимостью базировать хоть часть своей армии, лишенной обозов и транспортов, на железную дорогу Новогеоргиевск—Млава.

[2] К этому времени относится весьма разумный акт русского правительства с объявлением грядущей автономии Польши, что парировало враждебное отношение ее господствующих классов в России. *А. Зайончковский.*

Этот разумный акт явился, повидимому, следствием вступления 6-го августа в русскую Польшу из Австрии „легионов польских“ во главе с Иосифом Пилсудским с целью провозглашения польской независимости.

Редакция.

Заключение.

Таковы были воплощенные в жизнь результаты первой задачи, поставленной верховным командованием Северо-западному фронту.

Как мы знаем, в основу их была положена торопливость, вызванная желанием оказать непосредственную помощь нашим союзникам французам оттяжкой на русский фронт части германских сил. Между тем 12-го августа, когда Ставка отдавала свою директиву, положение французов не внушало никакой опасности для того, чтобы иметь данные компрометировать на русском театре общее положение, заставляя армии кидаться в первую операцию наспех, не сосредоточившись и без надлежащей подготовки тыла. Напротив, немцам предстояло еще на левом фланге французского театра покончить с бельгийцами, которые до 18-го августа задерживали их на реке Жет, а сами французы готовились к победоносной наступательной операции в Лотарингии. Положение несколько изменилось в худшую сторону только после 18-го числа. Когда для немцев была открыта дорога к северной границе Франции, наступление в Лотарингию захлебнулось, а Жоффр засуетился с перегруппировкой 5-й армии, не имея еще твердого, определенного решения. Обстановка давала возможность Николаю Николаевичу выждать еще несколько дней для перехода в наступление, чтобы подтянуть к войскам тылы, но он встретился с неразумно данным нашим генеральным штабом обязательством перехода в наступление тотчас после 15-го дня мобилизации (14-го августа) и считал долгом его исполнить. В остальном эта директива была нами разобрана.

Перейдем к директиве фронта, которой общая оценка тоже сделана, и нам остается отметить только ее технические особенности.

Жилинский поставил себе целью, во-первых, разбить противника, что при условиях прусского театра могло быть достигнуто только при тесном взаимодействии обеих армий; вторая задача отрезать противника от Кенигсберга требовала глубокого охвата или, вернее, обхода правым русским флангом немецких войск и внедрения между этими последними и Кенигсбергом, а это в свою очередь требовало тяготения 1-й армии на север; третья задача состояла в захвате путей отступления к Висле, что заставляло направлять 2-ю армию больше на северо-запад. Комбинируя все эти желания, необходимо было возможно более разжижать фронт и образовать значительные сгустки в направлении Гумбинен—Кенигсберг, севернее его и со стороны Нарева ближе к Висле. Только такая комбинация, основанная на точном расчете времени и пространства,

могла повести к решительным результатам и к достижению всех намеченных Жилинским целей. Но она имела и отрицательные черты. Немцы, пользуясь богатейшей сетью рельсовых путей, маневроспособностью и активностью могли разбить по частям наши медленно ползущие и прикрепленные к одному направлению корпуса.

Вот этот-то риск широкого маневра, можно полагать, и заставил Жилинского, блеснув в своей директиве большими задачами, свести ее детальными указаниями к ограниченному маневру, который имел основной целью обрушиться на живую силу немцев одновременно большей частью своей живой силы.

И, если смотреть с этой точки зрения, то директива Жилинского является по идее сообразованной, но не рассчитанной по времени.

Решая задачу за противника, были все основания предполагать, что он не оставит без решительного боя Прусский плацдарм, что он будет обороняться энергично, т. е. активно, что он принужден действовать по внутренним операционным линиям и первоначально бросится против ближайшего врага, т.-е. против 1-й армии; в этом случае немцы не могли отдать без сопротивления линии озер, тем более если наступление 1-й армии будет несколько предшествовать наступлению 2-й армии с целью притянуть на себя германские войска. Поэтому Жилинского нельзя упрекать в том, что он рассчитывал на решительную встречу с германскими войсками именно на линии озер и поставил себе целью навалиться на них всеми силами, направляя одновременно обе армии к этой линии с востока и с юга. Этим же объясняется и притягивание левофлангового корпуса 1-й армии к Ангербургу, а вместе с этим и ограничение распространения этой армии на север; только эта же гипотеза может дать законное объяснение направлению всего ядра 2-й армии прямо на север на узкий фронт Растенбург—Зеебург.

Но расчет времени фронтом был сделан совершенно неграмотно. Здесь не было учтено различное положение 1-й и 2-й армий в отношении расстояний, готовности частей, обилии железных дорог, наконец, всей сложной работы неготовых тылов 2-й армии, оторванных свыше 100 верст от железной дороги и неорганизованно пущенных за войсками по песчаным и болотистым проселкам. В результате вся задуманная идея операции разбилась об отсутствие организации и расчета времени. Когда, как увидим ниже, утром 20-го августа 1-я армия была атакована под Гумбиненом большею частью 8-й германской армии, то Самсонов находился от того места, где ему надлежало быть, в расстоянии четырех больших переходов.

Обращаясь к организации марш-маневра в армиях, мы замечаем существенную разницу между Ренненкампфом и Самсоновым.

Первый ставит задачу только на один день, так как в этот же день было возможно столкновение с противником. Главные силы армии (пять пехотных дивизий) были сосредоточены на 35-клм. фронте к северу от Роминтенской пущи, имея южнее ее на направлении Ангербург—Летцен $1^1/_2$ пех. и 1 кав. дивизии. Дивизии были равномерно разбросаны по всему фронту, а ударная масса кавалерии (Хан-Нахичеванского) направлена перед правым флангом армии без какого-либо намека на глубокий обход, а, напротив, с большим тяготением держать ее поближе к пехоте.

Основная особенность директивы Самсонова состоит в коренном изменении идеи Жилинского направлением ядра армии на 50 клм. западнее указанного ему района и в дальнейшем движении не на север, а на северо-запад. На этом вопросе мы уже останавливались. В отношении техники марша-маневра директива отдавалась на несколько дней вперед, что вполне соответствовало периоду сближения, и выводила четыре корпуса армии на фронт ок. 75 клм., равномерно распределенными. Для связи с 1-й армией и для прикрытия со стороны озер оставлялись II корпус и 4-я кав. дивизия.

Общая группировка сторон перед началом операции, т. е. к утру 17-го августа, представлялась в следующем виде.

На направлении Ковно—Кенигсберг с русской стороны было сосредоточено 5 пех. и $4^1/_2$ кав. дивизии против $6^1/_2$ пех. и 1 кав. дивизии германцев; на озерном пространстве от Ангербурга до Иоганисбурга $2^1/_2$ пех. и 2 кав. дивизии против $1^1/_2$ пех. дивизии немцев за линией озер и укрепленными дефиле и, наконец, на Наревском направлении против, примерно, 4-х германских дивизий было сосредоточено 9 русских, идущих уступом назад по сравнению с Неманской армией. Существенный перевес в силах на русской стороне был только на Наревском направлении, но для использования его требовалось, чтобы Ковенская группа прикрепила к себе находившиеся против нее германские войска.

Бой у Сталюпенена.

Схема № 6 Б. (деталь).

Положение и планы обеих сторон приводили 17-го августа к столкновению между обеими дивизиями I германского корпуса, расположенными в районе Сталюпенена (1-я див.)—

Мелькемен (2-я див.) и правым флангом армий Ренненкампфа, как указано на схеме № 6 Б.

Наступление этой последней не представляло собой планомерного марша-маневра, а ряд самостоятельно продвигавшихся корпусов, разновременно перешедших границу между 8 часами (III корпус) и 14 часами (IV корпус) русских, вследствие чего выдвинувшемуся вперед III корпусу пришлось выдержать на себе всю тяжесть боя.

Он и выдержал его победоносно против 1-й германской дивизии у Сталюпенена, но без всяких реальных результатов, так как левофланговая его 27-я дивизия во время своей удачной атаки д. Геритен попала под неожиданный фланговый удар частей 2-й германской дивизии, пришедшей на выстрелы по инициативе своего начальника ген. Фалька со стороны Мелькемена (4 бат., 1 эск. и 5 батарей), и принуждена была с большими потерями несколько отойти назад. С другой стороны 29-я дивизия XX русского корпуса, долженствовавшая выйти немцам в обход их левого фланга, вышла поздно, и успех ее ограничился разгромом у Бильдервейтшена немецкой колонны, пытавшейся охватить III корпус с севера и захватом 8 орудий; конница же Хана Нахичеванского действовала вяло.

В результате произошло лобовое столкновение почти равными силами, и немцы в ночь на 18-е отошли к Гумбинену, задержав наше дальнейшее наступление до 14 часов 18-го августа.

К вечеру 17-го 1-я армия расположилась, как указано на схеме № 6 Б.

Столкновение у Сталюпенена имело, несмотря на свой авангардный характер, большое стратегическое значение. Не нанеся существенных потерь немцам, оно исправило ошибочное предположение германского командования о направлении правого фланга армий Ренненкампфа на Ромингтенскую пущу и окончательно убедило немцев, что наступление всей 1-й русской армии предшествовало вторжению в Пруссию Наревской армии. Поэтому им и предстояло в развитие общего плана первоначально броситься именно на Неманскую армию. Притвиц и решил атаковать армию Ренненкампфа тотчас же, как только закончится переброска XVII корпуса. Являлся только вопрос, успеют ли немцы нанести ей поражение до занятия 2-й русской армией угрожающего положения, так как продвижение этой последней развивалось в глазах германского командования неожиданно быстро. [1]

---

[1] Основным источником по описанию действий германцев служит сочинение Reichsarchiv'a: „Der Weltkrieg 1914—1918".

В технике же действий следует отметить: 1) погрешности в организации марша-маневра (неуравненное движение); 2) ошибки в технике маршей, отсутствие ближайшей разведки и флангового охранения 27-й дивизии, как следствие отсутствия дивизионной конницы; 3) отсутствие инициативы и взаимной помощи, за исключением атаки 29-й дивизии при наличии таковых у немцев; 4) крепость державшихся вблизи своей пехоты кавалерийских масс и 5) в тактическом отношении войска могли убедиться в медленности наступления пехоты и громадных ее потерях без достижения превосходства в артиллерийском огне[1] и в решающем значении действий во фланг (2 герм. и 29 русск. дивизий).

Гумбиненское сражение.

Обнаружив движение двух корпусов в направлении Гумбинен—Инстербург, не выявив еще определенно направления IV русского корпуса, немецкое командование решило обойти северный фланг этой группы, а у суетливого командира I корпуса ген. Франсуа эта мысль развилась даже в желание устроить ей Шлиффенские клещи. Эта предвзятая мысль о русской группировке и идея клещей послужили основным мотивом розыгрыша сражения у Гумбинена.

I германский корпус отошел от Сталюпенена к Гумбинену, но почему-то занял позицию около 10 клм. северовосточнее его, в то время как XVII и I корпуса находились еще далеко на запад, у Даркамена и Ангербурга.

К северу от Гумбинена немцы решили сосредоточить кулак из I корпуса, Кенигсбергского гарнизона (11 бат., 6 эск. и 9 б-рей), 2-й ланд. бригады, которая от Тильзита направлялась к Краупишкену и 1-й кав. дивизии для удара в обход русского правого фланга, который своей 28-й дивизией также грозил охватом левого фланга германцев.

В свою очередь 1-я русская армия продолжала с 18-го числа наступление на запад, попрежнему мало заботясь об уравнении колонн. Два корпуса (XX и III) наступали по обе стороны шоссе на Инстербург, имея сильно выдвинутой вперед правофланговую дивизию (28-ю) и оттянутой назад левофланговую (27-ю); полторы дивизии (30-я и 5-я стр. бригады) наступали на Гольдап и одна дивизия (40-я) как бы связывала эти две группы, наступая на Мелькенен, севернее Роминтенских лесов. Конные массы попрежнему держались на флангах армии.

---

[1] Потери русских около 6700, а немцев 1500 чел.

Во время марша 19-го августа на крайнем правом фланге русской армии произошли два столкновения, оказавшие влияние на последующий бой.

Конница Хана-Нахичеванского столкнулась у Каушена с головными частями подходившей и переправлявшейся у Краупишкена 2-й ландв. бригады. Атакованная бригада была откинута за реку Инстер и начала отходить обратно, не приняв участия в назревавшем бою и потеряв связь с командиром I корпуса. В свою очередь и русский конный корпус отошел на отдых в район Линденталь, где и оставался без движения в течение всего 20-го августа, оправдываясь израсходованием артиллерийских патронов.

С другой стороны правофланговая 28-я русская дивизия наткнулась, сильно выдвинувшись вперед, на укрепленную позицию немцев у Пакальнишкен—Нибудшен, понеся частичную неудачу. [1]

К вечеру 19-го августа 1-я армия, не имея кроме этого никаких столкновений на фронте, заняла положение, указанное на схеме № 6 Б.

Фронт всей армии занимал по прямой линии около 45 клм., имея на флангах конные массы в расстоянии 10—15 клм.

Командование 8-й германской армией решило в связи со всей сложившейся обстановкой атаковать на рассвете 20-го августа армию Ренненкампфа, который с своей стороны назначил на этот день дневку.

Общий план состоял в том, чтобы утром наброситься силами ген. Франсуа и XVII корпусом на правую группу русских у Гумбинена, прикрывшись со стороны Гольдапа, а потом повернуться против этой последней. Поэтому XVII корпусу было приказано выступить 19-го вечером от Даркемена в двух колоннах, развернуться на линии Пликен—Перкален—Вальтеркемен и атаковать противника, действовавшего против I корпуса у Аугступонена (Augstupönen), в наиболее важном направлении. XVII корпус должен был прибыть своевременно, чтобы оказать решительное влияние на ход боя.

Остальные германские силы предназначались для обеспечения фланга ударной группы. I-й рез. корпус должен был обеспечивать со стороны Гольдапа, а 3-й рез. дивизии приказано было продвинуться до Куттена.

Первоначально бой развивался очень удачно для немцев, которые почти вывели из строя 28-ю русскую дивизию, но после полудня, когда продвинулись вперед 29-я, 25-я и 27-я дивизии, немецкий успех к северу от Гумбинена приостано-

[1] Н. Н. Головин в своем интересном труде „Из истории кампании 1914 года на русском фронте“ (Прага, изд. Пламя) свидетельствует, что 28-го января, напротив, оттеснили немцев от Бракупена (стр. 124).

вился, а к югу XVII корпус был в беспорядке откинут назад. Конница Хана-Нахичеванского участия в бою не приняла.

Наиболее деятельное участие в эти дни проявлял ген. Франсуа. Он ожидал охвата своего левого фланга русскими и в свою очередь готовился глубоко охватить их правый фланг. С этой целью он вечером 19-го и в ночь на 20-е перегруппировал свои войска.

Заняв Кенигсбергским гарнизоном длинную укрепленную позицию от Аугступенена до Шмильгена фронтом на восток и 1-й дивизией далее узкий участок фронтом на север (от Шмильгена до Пакальнишкена), он перекинул ночным маршем 2-ю дивизию уступом за свой левый фланг к Смайлену и решил на рассвете 20-го обрушиться против правого русского фланга этой дивизией, 2-й ландв. бригадой, долженствовавшей наступать от Краупишкена, и 1-й кав. дивизией, сосредоточенной восточнее Пелеяинкена. Но 2-я ландв. бригада ушла после боя 19-го с конницей Хана-Нахичеванского в неизвестном направлении, Франсуа связи с ней не восстановил и она участия в бою не приняла, уравновесив, таким образом, русскую конницу, также уклонившуюся 20-го от боя.

Франсуа не ограничивался занесенным против правого русского фланга кулаком, а хотел устроить ему здесь небольшие клещи при помощи подходившего XVII корпуса. Своими сообщениями Макензену (ком. XVII корпуса) вечером 19-го числа Франсуа рисовал неправильную картину, что русские силы южнее железной дороги Ковно—Кенигсберг слабы и едва доходят до параллели Вальтеркемен.

На рассвете 20-го августа бой начался по инициативе немцев одновременным наступлением I и выходившего на линию Пликен—Гудели XVII корпусов.

I корпус быстрым натиском своей ударной группы выбил 28-ю див. из Мальвишек, после упорного боя в 10 ч. занял Мингштимен, а в 11 час. атакой с фронта Бракюпенен. В то же время 1-я кав. дивизия, пройдя мимо мощной русской кавалерийской массы, хозяйничала в тылу 28-й дивизии у Пилькалена. Но этим успехи I корпуса и ограничились.

Так же удачно было первоначальное наступление XVII корпуса, командир которого решил направить свой удар в северо-восточном направлении на Щиргупенен (Szirgupönen), не зная о присутствии на его правом фланге 27-й и 40-й русских дивизий. И здесь наступление до 11 часов шло успешно и дивизии корпуса дошли до линии Иодцунен (Jodzuhnen)—Виббинен—Будзецен, тесня перед собой охранение 27-й русской дивизии.

С полудня успех перешел на сторону Ренненкампфа.

В это время Франсуа начал новую атаку центром на Каттенау, но встретил уже контр-удар со стороны русской 29-й дивизии, сопровождаемый паникой среди войск корпуса Франсуа. Немецкие войска в беспорядке отступили к Нибудзену, а русские заняли Браукунен и Мингштимен. Франсуа только в 15 часов мог перейти вновь в наступление, но через час прекратил бой, не изменив существенно положения.

Макензен вошел с полудня в соприкосновение с главными силами 27-й и 40-й русских дивизий, взявших отчасти его под фланговый огонь. Немцам не удалось обнаружить нашей артиллерии, и атака их к 19 часам захлебнулась. Вскоре после этого XVII корпус не выдержал отлично комбинированного огня 27-й дивизии и в полном беспорядке отскочил за реку Роминтен, где был с трудом остановлен лично скакавшим по фронту Макензеном. К дальнейшему наступлению он был не способен и бой заглох и на этом участке.

Столкновения южного русского крыла с I рез. корпусом носили нерешительный характер и влияния на ход боя не оказали.[1]

---

[1] Общую суть сражения у Гумбинена я изложил на основании сочинения Reichsarchiv'a, так как русские источники не дают возможности представить себе ясной картины этого боя. В настоящее время для изучения этой операции можно рекомендовать труд Н. Н. Головина: „Из истории кампании 1914 года на русском театре". (Прага, изд. Пламя).

Неспособность к дальнейшему наступлению XVII корпуса и известия от XX корпуса о приближении Наревской армии заставили Притвица в ночь на 21-е августа отвести армию с поля сражения и решить отход к Висле.

Армия Ренненкампфа осталась в общем ночевать на занятых местах, за исключением оттянувшегося на 2 – 3 клм. на восток XX корпуса и конницы Орановского, которая, обнаружив обход фланга армии, отскочила к Шиллепену и потеряла на несколько дней связь с армией.

В день боя под Гумбиненом корпуса 2-й русской армии достигли линии Юха (II корп.)—Пельты (VI)—Хоржеле (XIII)—Кржиновлога (XV)—Млава (I). Таким образом, только II корпус находился в оперативной связи с левым флангом 1-й армии и был фронтом переключен в эту армию из 2-й.

Заключение.

Дни 19-го и 20-го августа навряд ли дадут новый материал к сказанному уже в отношении оценки оперативного искусства сторон, но дадут несколько интересных заметок в отношении ведения боя.

Со стороны Ренненкампфа мы видим, я сказал бы, казенное выполнение данной ему директивы, весьма осторожное и без признаков какого-либо смелого размаха и широкого творчества. Фронтальное наступление корпусов с намеком на охват левого фланга противника XX корпусом и с намеком также на решение широкой задачи обхода большой конной массой. В отношении группировки войск он навряд ли может встретить упрек, так как на главном Инстербургском направлении на фронте в 35 клм. он сосредоточил пять дивизий пехоты и четыре с половиной конницы, оставив для обеспечения своего угрожаемого со стороны озер левого фланга только полторы дивизии пехоты и одну дивизию кавалерии. В этом отношении его надо поставить выше Притвица, который, имея превосходство в силах против Ренненкампфа, противопоставил ему на этом направлении силы равные, и все его преимущество состояло здесь в укрепленной позиции и сильной артиллерии. [1]

Но в этой группировке корпусов и кончается положительная деятельность командовавшего русской армией, а вернее, и вся его деятельность. Мы вновь встречаемся с фактом неуравнения колонн, почему 19-го числа фланговый полк 28-й дивизии терпит отдельное поражение; мы во время боя не видим личности командующего армией и даже кор-

[1] Если бы 2-я ланд. бриг. не ушла после боя 19-го с поля сражения то небольшой перевес в силах был бы на стороне Притвица.

пусных командиров, а бой почти исключительно ведут начальники дивизий.

Ренненкампф проявил преступную бездеятельность в отношении еще более преступного поведения Хана-Нахичеванского, четыре кавалерийские дивизии которого отдыхали, нависши на фланге германцев в то время, когда армия вела бой, долженствовавший иметь стратегическое значение первостепенной важности. [1]

Обращаясь к событиям собственно 20-го августа, мы встречаем в них типичные особенности обеих армий и их командного состава.

Со стороны русских тяжеловесность, любовь драться в отведенных им коридорах, отсутствие инициативы, риска и смелого маневра. Кроме того, этот первый бой остро поставил вопрос относительно подготовки кавалерийского командования для стратегической работы конных масс.

Со стороны немцев мы видим, наоборот, сильно развитую инициативу, активность, любовь к смелому маневру и риску, которые в полной мере проявило все командование I и XVII корпусов и 1-й кавалерийской дивизии. Но в этом же бою замечательно ярко выявились отличительные черты германского командования, а именно отличных, натасканных в известном направлении тактиков без надлежащего уклона в сторону учета широкой оперативной обстановки.

Пусть читатель только вспомнит, как немцы рисовали себе группировку 1-й русской армии. То они мысленно направляли ее правый фланг, южнее Роминтенских лесов, то, наоборот, считали левый ее фланг севернее этих лесов, и на таких зыбких основаниях Франсуа и Макензен базировали свой излюбленный маневр клещей, выполнение которых совершенно не соответствовало общей обстановке. Корпус Макензена был по заслугам жестоко наказан за беспечность и авантюру своего командира, потеряв почти 50% своего состава (свыше 10 тыс. человек).

Но зато в тактическом отношении мы имеем весьма красивый образец организации корпусом Франсуа обхода правого фланга 28-й дивизии, комбинированной работой его корпуса, 2-й ландв. бриг. и 1-й кав. дивизии. Маневр весьма рискованный при наличии вблизи масс русской конницы, но об угрожающем положении этой массы Франсуа, как можно понять, так же не знал, как не знал и о группировке армии Ренненкампфа. С русской стороны можно отметить отличную работу объединенной в одних руках артиллерии 27-й дивизии, которая своим комбинированным охватываю-

---

[1] Выражение Ренненкампфом Хану-Нахичеванскому неудовольствия в данном случае было недостаточно.

щим огнем положительно уничтожала зарвавшиеся части XVII германского корпуса.

В тактическом отношении Гумбиненское сражение носило нерешительный характер с большим отвесом в сторону неудачи для немцев. Их стратегическая ставка была на нанесение решительного поражения армии Ренненкампфа и этой ставки они ни в коей мере не достигли. Нанеся частное поражение 28-й русской дивизии, они разбили свой XVII корпус, не достигнув никакого результата. Трудно согласиться с немецким историком, что Притвиц мог победоносно продолжать бой на другой день. Отдохнувшие $4^1/_2$ кавалерийские дивизии на северном фланге и подход II корпуса к южному флангу русских, при неспособности к активным действиям XVII германского корпуса, сильно склоняли подсчет сил и группировки на сторону русских. К тому же немецкие войска имели в этот день панику в обоих корпусах I и XVII, так что и с этой стороны не было данных продолжать бой в особо рискованных условиях.

В отношении армии Ренненкампфа результаты Гумбиненской операции, наоборот, нельзя признать отрицательными, так как основная идея фронта состояла в том, чтобы притянуть немецкие силы на Ренненкампфа и тем облегчить нанесение удара Наревской группой. С этой точки зрения продолжение немцами боя 21-го числа сыграло бы только в руку основной идее командования Северо-западного фронта. [1]

Гумбиненская операция предшествовала началу военных действий на других фронтах. С 23-го августа таковые стали одновременно развиваться и против австрийцев, почему в дальнейшем изложении события на обоих фронтах должны быть тесно связаны по времени, так как они вместе давили на оперативную работу верховного командования.

---

[1] Н. Н. Головин, наоборот, считает, что успех левого фланга корпуса Франсуа мог при его развитии на следующий день дать немцам победу отеснения русских от единственной железной дороги Кенигсберг—Ковно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Наревская операция и первый период Галицийской операции (21/VIII—4/IX).

Общее положение после Гумбиненского сражения. Наревская операция. Наступление 2-й русской армии в Вост. Пруссии. Продвижение армии Сев.-западн. фронта с 21-го по 23-е августа. Действия сторон 23-го—26-го августа. Катастрофа 2-й русской армии 26-го—30-го числа. Заключение. Первый период Галицийской операции. Распоряжения высшего командования. Планы сторон. Действия западных групп армий. Действия восточных групп. Действия с 31-го августа по 3-е сентября. Заключение.

Общее положение после Гумбиненского сражения.

После Гумбиненского сражения операции на обоих фронтах русского театра приняли весьма неблагоприятный для русских оборот. На Северо-западном фронте они вылились в единоборство русской Наревской армии с 8-й германской, повлекшее к катастрофе первой из них; на Юго-западном началось энергичное наступление австрийцев в Люблинском направлении, едва не скомпрометировавшее всего положения правого фланга этого фронта. На французском театре обстоятельства также складывались неблагоприятно—этому периоду соответствовало неудачное Пограничное сражение и отход французских армий к Марне.

Изложенные события захватили период от 21-го августа до 4-го сентября, когда обстановка, продолжая оставаться для русских угрожающей в Восточной Пруссии, изменилась после взятия ими Львова и подхода подкреплений на Юго-западном фронте в лучшую для русских сторону и вылилась в две отдельные операции—Самсоновскую в Восточной Пруссии и Галицийскую до взятия Львова.

Самсоновская или Наревская (Танненбергская) операция, составляя второй этап похода русских на Восточную Пруссию, началась и развивалась при оптимистическом настроении русского верховного командования и разразилась неожиданной катастрофой. Галицийская операция, напротив, началась быстрым отходом русских войск к Люблину, нервировала верховное командование и заставила его израсхо-

довать сюда два корпуса Варшавского отряда (Гвард. и XVIII), третий корпус которого (I) уже самовольно был включен Жилинским в состав второй армии, и подходивший III кавказский.

НАРЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

Схема № 7.

Наступление 2-й русской армии в Восточной Пруссии.

Колебания германского командования.

Гумбиненское сражение первоначально произвело двойственное впечатление как в главной германской квартире, так и среди ближайших участников этого боя: Франсуа сообщал через Берлин о блестящей победе и о продолжении наступления на следующий день, а Притвиц доносил, что отдал приказ отходить за Вислу. Следует заметить, что в начале войны связь германской армии как между высшими штабами, так и между войсками и штабами, сильно хромала и правильная обстановка выявлялась далеко не сразу.

В среде командования 8-й армией 20-го августа вечером были разные предположения о дальнейших действиях.

Одно предположение стояло за продолжение атаки 21-го числа, но эта мысль вскоре отпала тем более, что командир XX корпуса донес о движении в направлении на Млаву целого русского корпуса, а к Насельску — русской кавалерии и что по радио обнаружены все русские корпуса Наревской армии, двигающиеся западнее, чем рассчитывали немцы, т. е. в наиболее опасном по их мнению направлении.

Другое предположение сводилось к направлению сильного удара на юг, вдоль озер в обход восточного фланга Наревской армии, но Притвиц настаивал на отходе за Вислу или первоначально, по крайней мере к Висле. В этом направлении и были отданы предварительные распоряжения о переброске войск по железным дорогам и походным порядком, предназначая для корпусов более северные пути, чтобы избежать столкновения с Наревской армией. Письменного приказа об отходе за Вислу дано не было, так как еще не теряли надежды на изменение обстановки к лучшему. Она и изменилась.

В ночь на 21-е августа XX корпус передвинулся ближе к Млавскому направлению (к Нейденбургу), но его сил, даже с крепостными гарнизонами, было, по мнению германского командования, недостаточно, чтобы задержать опасное продвижение русских между расположением XX корпуса и Вислой. Приходилось принимать меры к образованию здесь сильного кулака, к чему в ночь на 21-е и было приступлено.

Сюда начали перебрасываться по железной дороге: I корпус через Диршау и Грауденц к Гослергаузену, а 3-я рез. дивизия и 6-я ланд. бригада в Дейч-Эйлау. Этим способом надеялись к 26-му августа собрать против левого фланга Наревской армии группу в семь дивизий (I и XX корпуса, 3-я рез. дивизия, 6-я и 10-я ландв. бриг. и крепостные войска), которая задержит русских и даст возможность выйти из готового образоваться мешка остальным частям 8-й армии (I рез. и XVII кор. и 1-я кав. див.).

Таким образом, первый шаг к выполнению маневра против Самсонова был положен еще в ночь на 21-е августа, хотя первоначально еще не в целях наступательных.

21-е августа принесло немцам радостные вести о том, что Наревская армия своим левым флангом совсем не продвигалась, правым продвигалась весьма медленно, а Ренненкампф стоял на месте. В штабе армии вновь начинает преобладать дух активности, и сосредоточиваемой у Вислы группе придают уже характер наступательный, рассчитывая через 2—3 дня атаковать здесь русских, направляя движение по обе стороны Гильгенбурга и предполагая иметь дело с 2—$2^1/_2$ корпусами русских.

По свидетельству германского историка,[1] вместе с этим в головах всего генерального штаба армии вертелась мысль взять в клещи восточное крыло Наревской армии; она самостоятельно пришла в голову и командиру XX корпуса и руководила его действиями в последующие дни. Пришла она и Притвицу, столь торопившемуся за Вислу, и 22-го августа он писал: „Если неприятель потеснит XX корпус, то с I рез. и XVII корпусами атаковать противника с востока во фланг".

Но в этот день Притвиц был заменен Гинденбургом с начальником штаба Людендорфом, любимцем Мольтке. Почва для маневра нового командования была, таким образом, достаточно подготовлена, а перехватываемые русские радио с плохим управлением Северо-западного фронта и армий довершили благоприятную для Гинденбурга обстановку.

Продвижение армий Северо-западного фронта с 21-го по 23-е августа.

Тем временем армии Северо-западного фронта медленно наступали. I-я армия, совершенно не выяснив обстановку перед своим фронтом и не использовав свою мощную конницу, начала ощупью продвигаться вперед, ожидая встретить 8-ю армию на укрепленной позиции и дойдя 23-го авгу-

[1] Reichsarchiv.

ста только до линии Пеленнинген—Даркемен, т. е. продвинувшись от поля сражения на 15 клм.

2-я армия продолжала наступление, постоянно подталкиваемая Ставкой и фронтом, в интересах общесоюзного фронта и под знаком несогласия между Жилинским и Самсоновым в отношении придания армии более западного или более восточного направления; при этом Жилинский, не отдавая Самсонову определенных приказаний, давил на его психику, и корпуса 2-й армии имели при своем движении отчасти зигзагообразное направление. Основной же причиной медленного движения армии следует считать чрезмерное утомление войск и полное расстройство тыла, заставлявшее войска голодать и делавшее невозможным дальнейшее продвижение корпусов. [1] Но Ставка и фронт были немы к весьма серьезным докладам по этому поводу армейского командования.

Благодаря всем этим обстоятельствам, 2-я армия прошла в течение трех дней от 20 до 30 клм. и к вечеру 23-го августа расположилась по линии, указанной на схеме № 6.

Если мы вспомним, что 26-го августа немцы предполагали иметь только против левого фланга армии сосредоточенными 7 пех. дивизий, и еще два корпуса (I рез. и XVII) передвигались вблизи, то положение утомленной и голодной армии Самсонова не представлялось уже тогда без помощи Ренненкампфа устойчивым.

Действия сторон 23-го—26-го августа.

23-го августа Гинденбург и Людендорф прибыли в Восточную Пруссию, достаточно ознакомленные с положением 8-й армии и согласовав свои взгляды с главной квартирой. Разделение этой армии на две группы—западную (I и усиленного состава XX корпуса и 3-й рез. див.) и восточную (XVII, I рез. корпуса и 1-й кав. див.) и направление 2-й русской армии на северо-запад, предопределяло первоначальное столкновение с русскими западной группы, которая признавалась недостаточно сильной для такого единоборства.

Поэтому Людендорф решил усилить эту группу всеми возможными силами привислинских крепостей, сосредоточив их 23-го августа к Гослергаузену и Страсбургу и приказав продвинуть по железной дороге до Дейч-Эйлау I корпус. В отношении восточной группы определенного решения во время нахождения Людендорфа в главной квартире не состоялось и постановили только пока ее не передвигать к западу.

---

[1] В армию не только не прибыло положенного числа хлебопекарен, корпусных и армейских транспортов, но к некоторым дивизиям (2-й) даже и дивизионных обозов, а XII к-с уже 23/VIII весь день был без хлеба.
Редакция.

По прибытии Гинденбурга 23-го августа к армии обстановка складывалась в глазах немцев в следующем виде.

Австрийское наступление из Галиции должно развиться в течение недели, и австрийцы просили немцев ударить в это время на Нарев. Удовлетворить просьбу было признано невозможным, и вся германская помощь ограничивалась направлением из Силезии к Висле корпуса Войерша, который дошел без боев до Петрокова.

Сведения о расположении русских войск вполне соответствовали действительности. XX германский корпус так сблизился у Нейденбурга с русскими, что здесь бои должны были начаться 23-го—24-го числа, но корпус должен был обороняться, так как I корпус и бригада из Торна могли прибыть в Дейч-Эйлау и Страсбург только 25-го числа.

В виду продвижения русских корпусов и в более восточном направлении были брошены к Ортельсбургу гарнизоны озерных укреплений, а в Иоганисбургские леса—ландштурмисты, которым было указано отступать к Летцену. 6-я ланд. бригада была оставлена для укрепления озерных дефиле фронтом на запад.

Отступление Восточной группы потревожено Неманской армией не было, и I рез. и XVII корпуса продвигались по шоссе Инстербург—Норденбург и западнее его, прикрываясь с севера измотанной 1-й кав. дивизией.

С вечера 23-го августа в деятельности Людендорфа начали фигурировать такие благоприятные обстоятельства, как убитые русские офицеры с найденными на них приказами высшего командования и незашифрованные русские радио.[1] Поэтому обстановка для штаба 8-й армии становилась совершенно ясной и 23-го вечером командованием было принято уже определенное решение, а именно.

Разбить 2-ю русскую армию, пока она не соединится с 1-й, почему ее не следовало допустить сильно продвинуться в пределы Пруссии. Это возлагало на XX корпус серьезную задачу задержать движение противника до подвоза I корпуса и гарнизонов крепостей. Хотя перевозку решено было продвинуть вперед до Лебау (I корп.) и Нейдмарка (Гарн), но они могли вступить в бой только 26-го числа. Пространство к западу от Сольдау оставалось открытым для русской кавалерии.

Вопрос пока продолжал быть не совсем ясным относительно Восточной группы; германскому командованию хотелось как можно больше сил направить против Наревской армии, но это всецело зависело от поведения Ренненкампфа.

---

[1] Интересно отметить, что на французском театре немцы были принуждены в начале войны также перейти к незашифрованным радио после почти общих случаев путаницы шифра (по франц. источникам).

Однако медленное продвижение его армии за 23-е число позволило и этот вопрос разрешить в благоприятную сторону направлением обоих корпусов Восточной группы форсированными маршами на Алленштейн.

Поэтому части XVII корпуса и 1-й кав. дивизии было приказано 24-го оставаться на реке Алле, чтобы прикрывать поворот отходивших частей на юго-запад и удерживать 1-ю русскую армию, а I рез. корпус должен был в этот день отойти подальше за Шипенбейль, чтобы уже 25-го миновать Зеебург.

XVII корпусу надлежало 25-го перейти через Фридланд в Бартенштейн, чтобы в дальнейшем обоим корпусам искать фланга Наревской армии.

Таким образом, 26-го августа все германские силы, находившиеся восточнее Вислы, присоединялись к XX корпусу для маневра окружения. $11^1/_2$ пех. дивизий должны были принять участие в решительной операции против 9-ти русских, и только $1^1/_2$ див. пехоты (резерв Кенигсб. гарнизона, 2-я ландв. бригада) и 1-я кав. дивизия были оставлены против 1-й армии. В этом умении сосредоточить все силы к решению одной и притом наиболее важной задачи, в разумном риске, основанном на знании качеств своего врага, и в отличном использовании образцово подготовленного плацдарма, каковым была Восточная Пруссия, и состоит главное величие маневра Гинденбурга.

Судьба Самсоновской армии, тяжеловесной по свому характеру, измученной и голодной, официально перешедшей уже на довольствие только местными средствами, с корпусами, лишенными, благодаря полному расстройству тыла, широкой маневренной способности, была решена уже 23-го августа вечером. Ее могли спасти или энергичные и правильные действия Ренненкампфа или хорошее управление. Отсутствие того и другого, как мы сейчас увидим, только ухудшило это положение.

В то время как немцы в точности знали не только положение наших корпусов, но и наши планы, русские находились хуже, чем в неведении; они нарисовали себе несуществующую картину о бегстве немцев частью к Висле, частью к Кенигсбергу, совершенно не зная в каком порядке бегут и где находятся беглецы. Поэтому, естественно, что 2-я армия, долженствовавшая их перехватить, направлялась как бы в пустое пространство и на авось. Это авось и выливалось в тяготении Жилинского к северному направлению, а Самсонова—к северо-западному, которого так опасались немцы.

Распри в этом смысле возобновились 23-го августа, когда Самсонов вновь просил разрешения направить армию на линию Алленштейн—Остероде и вновь получил приказа-

ние, оставив I корпус у Сольдау, свернуть севернее, а именно на фронт Зеебург[1]—Алленштейн, который и занять 25 августа, так как неприятель поспешно отступает. оставив, повидимому, перед Самсоновым незначительные силы: „Движение Ваше,—кончал Жилинский,—имеет целью наступление навстречу противнику, отступающему перед армией Ренненкампфа, с целью пресечь немцам отход к Висле". Из дальнейших директив Жилинского видно, что он имел целью отрезать отступление немцев и к Кенигсбергу.

Самсонов директивой 3-го августа направил свою армию на указанный ему фронт в порядке, который виден из схемы № 7 А.

23-го и 24-го числа у XV корпуса при поддержке части XIII впервые произошло столкновение с частями XX германского корпуса на позиции Орлау—Франкенау—Михалкен, при чем линия, достигнутая 1-й русской армией и положение частей 2-й русской и 8-й германской армий к вечеру 24-го показано на схеме № 7 Б.

XX корпус с приданными ему частями откинул свой левый фланг, как результат боя и выхода на фронт Орлау—Куркен частей XIII русского корпуса, к Мюлену, передвинув в течение дня 3-ю рез. дивизию к Хохенштейну.[2]

В 1925 году немцы словами сочинения Reichsarchiv'a приписали отход их фланга к Мюлену, после чего их фронт принял восточное направление тылом к Висле, умышленному желанию притянуть на себя в западном направлении XIII русский корпус, который подставлял, таким образом, свой тыл Восточной группе немцев; но в 1914 году обстановка была иная, и на север они в присутствии частей XIII корпуса на фронте Куркен—Орлау отходить и не могли. XX корпус сделал то, что в его положении только и можно было сделать.

Ожидая, что 25-го августа XX корпус будет атакован русскими I, XV и XIII корпусами, немцы решили не отступать, так как дальнейшее продвижение русских стесняло, в виду наступления 1-й их Неманской армии, пространство для маневра и боя. Решено было головные части I корпуса и 5-й ландв. бригады присоединить к правому флангу XX корпуса (до Лаутенбурга) и атаковать русских, насту-

[1] У Циховича (стр. 81) Зенсбург.

[2] Против частей XV корпуса на укрепленной позиции между оз. Дамерау и Орлау на фронте ок. 25 клм.—крепостные войска Унгерна (10 бат. и 9 батарей), XX корпус и 70-я ландв. бриг., всего 3½ дивизии, имея 3-ю рез. дивизию в Алленштейне. Таким образом, превосходство в силах всецело находилось на стороне немцев. Даже, считая с русской стороны XIII корпус, мы имеем почти равенство в силах, да на стороне немцев еще укрепленная позиция. Несмотря на это, 8-я рус. дивизия взяла укрепленную д. Ланну, а части XIII корпуса участия в бою не приняли, но, выйдя на фронт Куркен—Орлау, воздействовали только на более беспорядочный отход 37-й дивизии, часть которой оказалась в Хохенштейне. Направленную командиром XX корпуса к себе поддержку 3-ю рез. дивизию армией было приказано оставить в Алленштейне.

пающих на XX корпус, во фланг. Кроме того, с 25-го утра к полю битвы была двинута ландверная дивизия ф. д. Гольца, которая охраняла побережье. Она прибывала к 27-му и высаживалась у Неймарка и Страсбурга.

И в этот день немцы с замечательной точностью знали расположение всех русских частей, знали поэтому и об отделении VI русского корпуса к Бишофсбургу и объясняли его выделение желанием непосредственно войти в связь с Ренненкампфом. Таким образом, Восточная немецкая группа при своем движении на Алленштейн невольно должна была столкнуться с VI русским корпусом.

I резервн. корпусу было приказано 25-го августа с рассветом двинуться на Зеебург, присоединить к себе 6-ю ландв. бригаду из Растенбурга, откинуть свой тыл на запад, к Гутштадту, и атаковать русских там, где он их встретит. XVII корпус, совершая марши в 40—50 клм., должен был к вечеру одной дивизией достигнуть Бишефстейна и другой Гр. Швансфельда.

Таким образом, за 24-е число положение немцев на много улучшилось, войска их определенно сгруппировались и им оставалось пережить только относительно трудное 25-е число, пока все их войска не сосредоточатся. Даже неудача XX корпуса у Орлау—Франкенау послужила им на пользу, заставляя русских постепенно откидывать их тылы на восток.

Посмотрим, каковы же были распоряжения русских на 25-е августа.

Между Жилинским и Самсоновым все еще продолжались разногласия на почве направления 2-й армии, и 24-го было принято компромиссное решение, согласно которому армия направлялась на фронт Алленштейн—Остероде, оставляя VI корпус в движении на Бишофсбург, т. е. отдаляя его от остальной армии на $2^1/_2$ перехода. Эти переговоры, а также переговоры о дневке, которую настоятельно требовал Самсонов, привели к тому, что, как видно из схемы № 6, кроме VI корпуса, армия за 25-е число почти не подвинулась.

Сведения о противнике были у Самсонова весьма скудные. На западе было обнаружено скопление немцев у Гр. Гардинен—Страсбург, а на востоке проход значительных германских сил 24-го августа через Растенбург. Кроме того, были получены сведения о наступлении немцев со стороны Лаутенбурга и оз. Дамерау.

Оценивая складывающуюся обстановку, Самсонов 26-го августа утром решил задержать движение XV и XIII корпусов, но под влиянием молодой части своего штаба приказал продолжать движение, порядок которого показан на схеме № 7 Б.

Между тем еще 25-го августа Гинденбург решил, не ожидая полного сосредоточения I корпуса и прибытия ди-

визии Гольца, начать с утра 26-го августа общую атаку, направляя главный удар на левый фланг русских у Уздау и далее на Нейденбург во фланг и в тыл XV корпусу.

В этот день немцы перехватили все радиотелеграммы с оперативными распоряжениями Ренненкампфа и Самсонова,[1] которые давали Гинденбургу ясную картину расположения, движения и действий русских войск.

Вечером 25-го немецкие войска расположились, как указано на схеме № 7 Б.

Всего на фронте около 40 клм.—7 пех. дивизий в общей сложности 95 батальонов. Против них могли действовать 7 пех. дивизий русских (I, XXIII, XV и XIII корпуса) силой в 126 батальонов,[2] разбросанных от Алленштейна до Уздау на фронте свыше 60 клм.

Напомним, что к утру 26-го числа у Бишофсбурга сблизились V русский корпус, с одной стороны, и I рез. и XVII герм. корпуса и 6 ландв. бригада, с другой, т. е. 4½ герм. пех. дивизии силой в 54 батальона против 2-х дивизий русских силой в 32 батальона.

В то время, когда 2-я армия усиленно велась фронтовым командованием к катастрофе, Ставка пребывала после Гумбиненского сражения в оптимистическом настроении и в лице своего оперативного отдела представила именно в день 26-го (13) августа соображения о скорейшем давлении на Германию по кратчайшему направлению на Берлин. Записка предлагала:

1) „Торопиться с овладением низким течением Вислы", для чего развить наступление по ее левому берегу от Варшавы, где к этому дню находился гвард. и один полк XVIII корпуса.

2) „Торопиться с очищением от противника Восточной Пруссии", для чего перебросить армию Ренненкампфа в составе 4—5 корпусов на левый берег Вислы, а на правом берегу оставить армию Самсонова, соответственно ее перегруппировав.

3) На левом берегу Вислы развернуть 9-ю, 1-ю и 10-ю армии в составе, примерно, 15 корпусов для развития действий в глубь Германии.[3]

---

[1] В течение первого месяца войны радиотелеграммы эти совсем не зашифровывались, а после этого немцам был открыт русский шифр.

[2] Из 3-й гв. пех. дивизии только головной полк.

[3] Этот документ я цитирую по упомянутому выше труду Н. Н. Головина, стр. 182—183, так как дела Ставки за август 1914 года из русских архивов исчезли. К сожалению, документ не приводится в полном виде. Весьма возможно, что предположения оперативного отдела Ставки относятся только к далекому будущему, а не к 26-му (13) августа, но от этой мысли приходится отказаться, так как автор записки именно указывает о необходимости „торопиться с очищением от противника Восточной Пруссии".

Есть весьма редкие документы, перед которыми у автора опускается перо. Что можно сказать про записку оперативного отдела Ставки после описания того, что в это время, т. е. 26-го (13) августа, происходило в действительности. Она принадлежит к числу документов, которые хочется отнести к разряду апокрифических. Отметим только, что авторы стратегического развертывания по расположению № 19 этой записки сами сознавались в своих погрешностях мирной подготовки и что предлагаемые массовые переброски должны были начаться с 27-го дня мобилизации, когда далеко еще не было закончено сосредоточение всех тылов.

Катастрофа 2-й русской армии с 26-го по 30-е августа.

Изложенными событиями кончается подвод командованием своих войск к полю сражения, кончается операция и начинается ряд боев, в которых общее управление отходит на второй план, а в первую линию выходят корпусные командиры и начальники дивизий. Но настоящее исследование не спускается до описания боев, почему мы в нескольких словах очертим только общий характер дальнейших событий.

26-го августа у Бишофсбурга произошло столкновение IV русского корпуса с XVII, I рез. немецкими корпусами и 6-й ланд. бригадой, в результате которого русский корпус отскочил к Ортельсбургу и юго-восточнее его, а немцы имели возможность, следя частью сил за ним, направить остальные на Пассенгейм, чтобы замкнуть кольцо окружения XIII и XV русских корпусов. В западной группе в этот день, несмотря на всю энергию Гинденбурга, дела не приняли решительного оборота, I корпус, на который была возложена главная задача — атаковать русских во фланг у Уздау и направиться в дальнейшем на Нейденбург, фактически топтался на месте. Но и эта неудача послужила немцам на пользу, так как XV и XIII русские корпуса продвинулись еще вперед и еще больше завернули свой фронт на запад. Они расположились на ночлег в тесном соприкосновении с противником, сохранившим в общем положение 25-го августа, при чем немцы этот день использовали для подтягивания всех своих сил. Армия Ренненкампфа достигла линии Дамерау—Велау—Алленбург—Гердауэн.

На 27-е число Гинденбург приказал продолжать выполнение ранее поставленной задачи, т. е. обрушиться всеми силами I корпуса на Уздау и далее направиться в тыл XV корпусу на Нейденбург; XX корпусу южной частью поддержать атаку I, а остальными атаковать XV до подхода к нему частей XIII корпуса. Дивизия Гольца была направлена севернее Хохенштейна.

Самсонов, не зная еще об отступлении VI корпуса, также приказал армии продолжать выполнение ранее поставленной задачи, а VI корпусу направить часть сил к Алленштейну.

День 27-го августа ознаменовался неудачей на крайнем левом русском фланге, а именно быстрым отступлением I корпуса, преимущественно под влиянием мощного огня немецкой тяжелой артиллерии, к Сольдау; благодаря этому на пути немцев к Нейденбургу оставались только слабые части 2-й[1] и передовые 3-й гвард. пех. дивизий.

На 28-е августа Самсонов, все еще не зная об отступлении I корпуса, приказал удерживаться ему севернее Сольдау, частям 3-й гв. и 2-й пех. дивизий у Франкенау, VI корпусу направиться к Пассенгейму, а XV и XIII под общим начальством Мартоса (ком. XV кор.) наступать в общем направлении на Гильгенбург—Лаутенбург с целью атаковать противника, находившегося против I корпуса, в тыл и фланг.

Утром 28-го Самсонов узнал об отходе I корпуса, но не отменил своего приказания, а только сам отправился в Нейденбург в штаб XV корпуса для ближайшего руководства боем, порвав связь с фронтом и фланговыми корпусами. В это же время Жилинский отдал приказ об отходе 2-й армии на линию Ортельсбург—Млава, но его Самсонов уже не получил.

В результате боев этого дня русские ударные корпуса не имели нигде решительного успеха, и Самсонов отдал ночью приказ об отходе в общем направлении на Янов, начиная с 2-й пех. дивизии и под прикрытием боковых авангардов. I же корпусу было послано приказание о наступлении на Нейденбург.

Но отступать было уже поздно. Стратегическое окружение XV и XIII корпусов обратилось в ночь на 29-е почти в тактическое. Положение могло облегчить только быстрое наступление VI корпуса, но он еще 27-го отскочил на 15 клм. юго-восточнее Ортельсбурга, к Валену и Ольшинену, а 4-я кав. дивизия на Нейгоф.

О подробности положения сторон в ночь на 29-е указано на схеме № 7 Б.

29-го и 30-го августа XIII, большая часть XV и часть 2-й дивизии XXIII корпуса, окруженные в своем отступлении со всех сторон, сдались в плен, в то время как фланговые корпуса, двинутые на их выручку, дошли в своем наступлении: VI—до Ортельсбурга и I—до Нейденбурга.

---

[1] По свидетельству участников этой дивизии, люди были совершенно переутомлены, патронов не было, хлеба и сухарей не выдавалось уже третий день.

Действия 1-й русской армии с 26-го по 30-е августа.

Схема № 7 А.

Ближайшую реальную помощь 2-й армии, естественно, должна была и могла оказать соседняя 1-я армия, которая выполняла одну общую с ней операцию.

Но у фронта не было мысли объединить работу обеих армий, фактически направив к выполнению одной задачи, а у командования 1-й армией не было ни надлежащей связи, чтобы восполнить паралич фронтового управления, ни инициативы, ни энергии, ни способности ясно схватить обстановку в общем и направить свои мысли к разрешению задачи во фронтовом масштабе. В отношении 1-й армии замечается еще одна особенность, это какое-то своеобразное „непротивление злу" со стороны всего высшего командного состава. Конница Нахичеванского не желала отделяться от пехоты и итти свыше 20-ти верст в сутки и заставить ее это сделать никто не догадался; Ренненкампф двигался со скоростью 10 верст в сутки, не имея против себя неприятеля, и никто его не подгонял. Наконец, все командование составило себе превратное понятие о положении немцев в Восточной Пруссии на основании односторонних донесений Ренненкампфа, и все высшее управление не догадалось критически отнестись к сведениям, сообщаемым командованием 1-й армии. Отметим еще одну особенность в поведении этой армии. Ее тянула к себе крепость Кенигсберг, которую не хотели оставить на фланге.

В результате всего изложенного, 26-го августа к вечеру, когда для командования фронтом должна была быть уже ясна группировка противника, а окружение центральных корпусов 2-й армии было уже нацелено, 1-я армия считала, достигнув линии Дамерау—Велау—Алленбург—Гердауен, свою первоначальную задачу исполненной. Так же смотрело на дело и высшее командование.

Фронт в этот день (26-го) отдал новую директиву 1-й армии, представляющую собой документ, который свидетельствовал о путанице понятий, существовавшей в высшем управлении фронтом. Суть директивы сводилась к трем противоречащим друг другу пунктам.

1. Целью 1-й и 2-й армий ставилось прижать отступавших к Висле германцев к морю и не допускать до Вислы, что шло совершенно вразрез со всегдашним притягиванием Жилинским 2-й армии к востоку.

2. Обложить, примерно, двумя корпусами Кенигсберг, что не только оттягивало половину сил к крепости, но тянуло к северу и остальную часть армии.

3. Остальными силами преследовать германцев, отходивших к Висле.

Трудно догадаться, что было общего между поставленной целью, которая тянула 1-ю армию в южном направлении, и данными ей задачами, привязывавшими ее к северу.

Что касается до Ставки, то она в этот день заботилась только о том, как бы отнять от Северо-западного фронта еще II корпус и перебросить его в Варшавский отряд. Вопрос для Ставки все еще сводился к скорейшему наступлению на Берлин, для чего Восточная Пруссия являлась досадной препоной, с которой 2-я армия не спешит справиться, чтобы дать возможность скорее перебросить 1-ю армию на левый берег Вислы. [1]

Ренненкампф выполнил вышеприведенную директиву фронта в духе присущей ему в этой войне пассивности и осторожности. Он поставил армии задачей: 1) прочно обложить Кенигсберг, для чего овладеть линией реки Дейме, „тщательно подготовившись к ее форсированию в виду ожидаемого сильного ее занятия", и 2) по занятии Дейме двумя правофланговыми корпусами и только после „ее укрепления левофланговым корпусом продолжать наступление".

27-го августа корпуса 1-й армии заняли положение, указанное на схеме № 7 А.

Только 27-го фронт, но не Ставка, начал сознавать тяжелое положение 2-й армии и потребовал от Ренненкампфа оказания ей помощи „движением возможно далее вперед своим левым флангом на Бартенштейн и выдвижением кавалерии к Бишофсбургу".

Ренненкампф реагировал на это только на следующий день и совершенно казенным образом, направив корпуса, как указано на схеме № 7 А и Б куда они и прибыли, не встретив по пути сопротивления противника. Таким образом, пехота Ренненкампфа отстояла от места катастрофы в расстоянии около 60 клм., а кавалерия 40—50 клм.

В ночь на 30-е командование 1-й армии получило приказание приостановить дальнейшее продвижение левофланговых корпусов в виду того, что „2-я армия отошла", и к ночи на 31-е эти корпуса отступили на линию Гр. Шенау—Дидрихсдорф (IV) и Пааріс—Растенбург (II).

Второй акт борьбы за Восточную Пруссию окончился временным выводом из строя 2-й русской армии и пленением ее двух корпусов.

Заключение.

Изложенная операция принадлежит к числу тех, которые первоначально наиболее сильно бьют по воображению,

[1] Цихович. Стр. 55.

производят наибольший эффект и, как следствие этого, ведут к одностороннему увлечению эффектной частью дела, заставляя недостаточно вникать в его сущность и не извлекать поучительности из той его части, которая является наиболее полезной.

Шлиффеновские Канны и победный рецепт двойных охватов—такова казовая сторона операции; отличная подготовка и использование театра, правильно, последовательно и логически развивающаяся идея операции, основанная на реальном положении вещей, определенная постановка задач, действительное управление войсками и вождение их, подготовка частных начальников и воспитание войск, таковы несомненно поучительные и положительные стороны операции с немецкой стороны; убитые русские офицеры с неизменно находимыми на них приказами высшего командования и незашифрованные радио—такова привходящая сторона дела, которая весьма рискованную по существу операцию превращает в простую игру с открытыми картами противника, которая немного уменьшает и поучительность всей операции.

Характерная особенность—до Гумбинена немцы были так же слепы в отношении сведений о противнике, как русские после Гумбинена; с 24-го же числа они знают расположение каждой русской части с той точностью, которая заставляет предполагать, что, кроме войсковой разведки и перехватываемых радио, у немецкого командования был введен и иной элемент разведки, который не мог быть приведен в действие в первые дни войны. При таком положении командование обеих сторон находилось совершенно в разных условиях, что и необходимо иметь в виду при сравнении их работы.

Положение сторон в Восточной Пруссии перед началом всей операции представляло большие выгоды для немцев. Их армия, превосходившая по численности каждую из двух русских групп в отдельности, занимала центральное положение, опираясь на мощную сеть рельсовых путей и охватывающую базу. Русские войска, наоборот, были разъединены на две не находившиеся в оперативной связи группы, опиравшиеся на весьма бедную сеть железных и шоссейных дорог.

Такое положение указывало и естественные задачи для обеих сторон.

Для немцев—бить русских по частям и не дать их группам войти в оперативную связь; как средство для выполнения этой задачи—активность, доведенная до высшей степени, и быстрота перегруппировок, т. е. пользование теми средствами, которыми не обладала другая сторона.

Немцы эти элементы и поставили в основу своей работы.

Для русских, для которых район маневренности каждого корпуса определялся быстротой работы его ног по тяжелым песчаным дорогам, необходимо было использовать свое численное превосходство и наваливаться на немцев всеми своими силами, действуя обеими группами в тесной взаимной связи. В теории они поставили себе эту задачу и в отчетных работах мирного времени было обращено особое внимание на арифметический подсчет выхода армий на исходное положение и на дальнейшую оперативную связь их. Но при начале войны все эти расчеты разбились о желание верховного командования помочь французам, что повело к пренебрежительному отношению к вопросам техники работы войсковых масс во образе расчета маршей, сил человеческих и сложной работы тылов. Основной задачей при этом русское командование поставило себе охватывание немцев с обоих флангов.

Гумбиненское сражение, если бы оно произошло на два дня позднее, т. е. тогда, когда русские армии выровнялись в своем наступлении, могло сделать дальнейшее пребывание немецкой армии в Восточной Пруссии невозможным. Но даже и в этой обстановке, в которой оно произошло, сражение это сильно ухудшило положение германцев. Им не удалось разбить 1-ю русскую армию, а в то же время 2-я армия принимала угрожающее положение. Приходилось ставить себе новую задачу, и в постановке ее мы видим некоторое, вполне естественное после сражения с нерешительным исходом, колебание германского командования.

Из трех вариантов мы выбираем наиболее осторожный, а именно отход к Висле. И в организации этого отхода мы находим весьма много поучительного как в технике, так и в жизненном подходе к определенной идее грядущей операции.

Ночь на 21-е августа была наиболее тяжелая ночь для немецкого командования. Надо было опасаться Наревской группы, но еще более Неманской, которая могла не дать своей многочисленной кавалерией спокойно уйти немцам с поля битвы. Первой задачей ставится сохранение армии, для чего применяется весьма удачный маневр перекидывания половины армии по железным дорогам в направлении Сольдау—Нейденбург и оставление половины ее против 1-й русской армии. Обе эти группы помогали друг другу при отходе к Висле. Как только 21-го выяснилось топтание обеих русских армий на месте, к немцам вернулась идея активности, а нахождение их войск в двух группах, естественно нависших на флангах русской Наревской армии, пронизывает все командование, как электрическим током, мыслью о двойном окружении. Бездействие Ренненкампфа 22-го дает свободу германскому маневру, а ме-

дленное наступление его в северо-западном направлении 23-го позволяет уже укрепить за Восточной группой немцев ее активную роль в операции по окружению армии Самсонова.

Работа немецкого командования до 24-го августа является наиболее трудной, интересной и поучительной. Здесь в ней преобладал элемент творчества, логического развития и учета всей обстановки. Здесь мы встречаемся с тем разумным риском, который так отличал германскую армию в положительную сторону от всех остальных.

Но с 24-го августа, когда германскому командованию были открыты все русские карты, когда оно знало не только то, что русские войска делают сегодня, но и что они будут делать завтра, вопрос о риске и творчестве отходит в сторону; остается только техника выполнения, которая также дает исследователю весьма много поучительного.

Мы встречаемся здесь с определенной, ясно очерченной себе командованием задачей на каждый день и с постановкой таких же задач частным начальникам. Мы видим этих последних всегда перед ясно поставленной им целью в пределах, не превышающих возможного, почему командование и могло быть уверено, что задачи, которые оно дает, неизменно будут исполнены. Немецкое командование дает нам пример образцового использования всех сил для решения одной важнейшей задачи и той массы тяжелой артиллерии в полевом бою, которая дала ему бескровную победу над I русским корпусом почти без участия немецкой пехоты.

Переходя к русскому командованию, невольно останавливаешься перед недоуменным вопросом, как могла так печально разыграться вся операция и навряд ли мы будем правы, если ответ на это будем исключительно искать в полном невежестве Северо-западного фронта. Над русской армией довлела какая-то привходящая причина, которая, впрочем, выявлена с полной определенностью, а именно спасение Парижа и французской армии.

Кипучая энергия верховного главнокомандующего, выдвинувшая принцип союзнической верности, как бы переродила основную ячейку русского генерального штаба, перекочевавшую из его Главного управления в Ставку. Дух, присущий ему при разработке планов войны сугубой осторожности, перевоплотился в дух кавалерийского наскока. Операция в Восточной Пруссии мало его интересовала; единственным лозунгом здесь было „скорее“ и от несчастной 2-й армии требовали быстроты в то время, когда довольствовались от конной массы переходами в 10—15 клм. в сутки.

Все внимание Ставки фиксировалось на скорейшем наступлении от Варшавы, для чего не останавливались перед желанием отнять от фронта в самую решительную минуту операции целый корпус (II).

Этот дух торопливости передался и Жилинскому, который оставлял без внимания категорические доклады Самсонова о полной неспособности армии к дальнейшему наступлению, благодаря катастрофическому состоянию тылов, что вынудило Самсонова зафиксировать приказом переход армии на довольствие местными средствами.

Первоначальный план Северо-западного фронта состоял в охвате противника с обеих сторон с целью оттеснить его от Кенигсберга и от Вислы. План этот соответствовал и группировке русских войск и значительному их превосходству в силах. Русскому командованию удалось при этом угадать первоначальное расположение немцев на Ангераппе, куда и были направлены обе группы. Но расчет марша был сделан так, что 2-я армия лишь только отчасти воздействовала на результаты Гумбиненского боя.

Русскому командованию приходилось ставить себе новые задачи, и оно их ставило, но в столь неясной форме, что они не имели никакого реального значения.

Первоначально, когда фронт находился еще под влиянием неправильного донесения Ренненкампфа о том, что немцы остановились на сильно укрепленной позиции к востоку от Инстербурга, намечалась задача отрезать немцев от Кенигсберга, совершенно не сообразованная с расчетом расстояний. Потом, когда немцы исчезли с фронта 1-й армии, решили их охватить от Вислы, а в конце были поставлены две задачи—обложить Кенигсберг и отбросить немцев к морю. При этом все время продолжали считать, что большая часть немецких сил находилась перед 1-й армией.

Но эти широкие цели были намечены только общими мазками, как бы в безвоздушном пространстве, без участия циркуля и карандаша, без учета сложной работы тылов, без постановки армиями конкретных задач и при полном неведении хоть о приблизительной группировке противника, что заставляло 2-ю армию маневрировать с завязанными глазами.

Русское командование не спускалось в своем управлении войсками далее общих идей, не ставило армиям частных задач в развитие своих общих целей, а потому и не следило за выполнением их. Армия Ренненкампфа, например, пользовалась какой-то непонятной автономией во вред общему делу, и мы не видим попытки Жилинского взять ее в свои руки. В работу армии Самсонова фронт вмешивался, но не в смысле предъявления ей определенных за-

дач, а как-то спорадически в технику марша-маневра, что и привело ее к разделению на две группы.

В результате такого маневрирования армий фронта без руля и без ветрил они потеряли со времени решительного боя все преимущество охватывающего положения и приняли форму, наиболее невыгодную для боя и для маневра.

К 27-му августа, когда наступил конечный, решающий всю операцию акт боя, группировка сторон представлялась в следующем виде:

На Кенигсбергском направлении на фронте Дамерау—Велау—Гердауэн, протяжением около 40 клм., $3^1/_2$ русских корпуса[1] и $5^1/_2$ кав. дивизий, имея против себя одну ландв. бригаду и одну кав. дивизию; уступом на 50 клм. вперед и на 40 клм. к югу на линии Алленштейн—Уздау, длиною в 50 клм. и фронтом почти на запад, также $3^1/_2$ русских корпуса или семь пехотных и две кав. дивизии, имея против себя семь дивизий пехоты с сильным уплотнением к западу от Уздау.

И если по количеству батальонов русская дивизия была на 25% сильнее немецкой, то обилие тяжелой артиллерии у немцев покрывало во много крат это незначительное превосходство живой силы. При этом немцы стояли спиной к своим тылам, а русские имели их отходившими от фланга.

Наконец, к юго-западу от Бишофсбурга у немцев было два корпуса в кулаке, имея против себя отброшенный к юго-востоку от Ортельсбурга один русский корпус.

Такова была группировка сторон к концу второго этапа Восточно-Прусской операции, как результат оперативного их творчества, управления и техники маршей-маневров. И, если редко выгодное положение немцев было во многом результатом игры их по открытым картам противника, то отвратительное положение русских являлось результатом особенностей управления, неустройства тылов, медлительности 1-й армии, а, главное, лейт-мотива верховного командования—спасти во что бы то ни стало Париж и французскую армию.[2] Какое же было стратегическое значение операции? Немцы его считают ничтожным, но навряд ли можно с этим согласиться.

Русское верховное командование поставило себе доминирующей задачей, в пользу которой жертвовало интересами русского фронта, спасение союзников, и оно достигло этой цели в полной мере, так как заставило немцев снять

---

[1] 26-я пех. див. стояла у Растенбурга.

[2] Интересующий военную литературу вопрос о виновности Ренненкампфа в катастрофе армии Самсонова в виду его полной пассивности 25-го—30-го августа, ясно выявляется из изложения фактической стороны операции, согласно которого вина эта ложится одинаковым бременем и на Жилинского и на Самсонова.

с своего правого фланга французского фронта два корпуса, которые могли сделать немцев на Марне победителями, а не побежденными. Трудно предвидеть во что при таких условиях обратилась бы Мировая война.

Таким образом, в общем масштабе для союзников жертва Самсоновской армией послужила тем поворотным пунктом, который заставил понять немцев всю несбыточность их надежды на молниеносную войну, а, следовательно, должен был дать почувствовать и всю ее конечную неудачу. Для русских же это было поражение, грозное не по своим реальным последствиям, а по моральным, воздействовавшим на психику русского командования, что положило тяжелый отпечаток на всю последующую трехлетнюю войну.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ГАЛИЦИЙСКОЙ ОПЕРАЦИИ.

Схема № 8.

Распоряжение верховного командования сторон.

Еще 12-го августа директивой русской Ставки было указано 3-й и 8-й армиями перейти 18-го августа в наступление, чтобы в связи с наступлением 1-й и 2-й армий приковать к себе вторжением в Галицию возможно большие силы австрийцев, облегчить этим запаздываемое развертывание 4-й и 5-й армий и воспрепятствовать противнику развить активные действия на левом берегу Вислы.

В свою очередь, австрийцы также торопились и первоначальное свое предположение наступать 27-го августа, выждав полного сосредоточения, перенесли на 25-е, а потом и еще раньше, из опасения, что русские сильно займут трудно проходимую лесистую полосу к северу от Сана и по обоим берегам реки Танева, а также под влиянием полученного известия о наступлении 3-й русской армии, чтобы сохранить за собой инициативу. [1]

Директивой 18-го августа Краковскому корпусу Куммера было приказано возможно скорее войти в пределы России и достигнуть Вислы между Аннополем и Юзефовым („западнее Красника“, подлинное выражение директивы). Надо полагать, что ему предназначалась роль угрозой русскому флангу и тылу способствовать фронтовому продвижению австрийцев на правом берегу Вислы.

1-я и 4-я армии должны были к 24-му августа выйти на линию устье Сана—Немиров, а 3-я армия и группа Кевеса выдвинуться к северу и востоку от Львова с целью удержания этого района.

[1] Существование 8-й армии для них оставалось некоторое время закрытым.

Мотивами скорейшего наступления австрийское верховное командование выставляло: 1) не дать русским возможности помешать победоносному наступлению немцев во Франции; 2) не подставить германцев в Восточной Пруссии под изолированные удары русских и 3) помешать русскому сосредоточению.

Но и со стороны немцев австрийцы требовали неуклонного наступления $4^1/_2$ корпусов на Седлец.

Когда выяснилось продвижение 3-й и 8-й русских армий, то директивой 25-го августа австрийское верховное командование указало 1-й и 4-й армиям наступать на север между Вислой и Бугом, а 3-й армии ударить на Злочев с целью нанести решительное поражение южной группе русских.

К 20-му—22-му августа обе стороны заканчивали развертывание своих корпусов, что указано на схеме № 7.

Ближайшим резервом для Юго-западного фронта могли служить Гвард. и XVIII корпуса, оканчивавшие к 25-му августа свое сосредоточение у Варшавы.

Всего, таким образом, могло принять участие в Галицийской операции со стороны русских: 18 корпусов силой в 734 бат., 603 эск. и сот. и 26667 ор.,[1] но к началу операции в четырех армиях фронта было всего 14 корпусов силою 450—470 батальонов.

Со стороны австрийцев вся австро-венгерская армия, выдвигаемая в Галицию, после своего полного сосредоточения, 772 батальона, 386 эск. и 353 батар. Без 2-й же армии, т. е. к началу операции австрийские силы в Галиции все-таки доходили до 600 бат., считая, что маршевые бригады к этому времени еще не прибыли.

Кавалерия обеих сторон работала перед фронтом своих армий.

Планы сторон.

В исполнение директивы Ставки, командование Юго-западным фронтом указало армиям.

Наступление, не ожидая полного сосредоточения, вызывается общим стратегическим положением французского театра и наших северо-западных армий.

Задача фронта—нанести поражение австро-венгерским войскам, имея в виду воспрепятствовать отходу значительных сил противника на юг за Днестр и на запад за Краков.

3-й и 8-й армиям наступать на Львов, при чем 3-й армии на фронт Куликов—Миколаев, имея задачей энергично атаковать находящегося перед ней противника и способствовать выполнению 8-й армией возложенной на нее задачи, состоявшей в наступлении на фронт Ходоров—Галич с целью воспрепятствовать отходу противника за Днестр.

[1] Циховичъ. Стр. 134.

8-я армия начинает наступление 18-го и 20-го и достигает главными силами реки Збруч (в три перехода меньше 50 клм.). 3-я армия выступает 19-го и достигает 20-го авангардами линии Остров—Рудня—Дунаев—Вишневец; Днестровскому отряду (бригада 12-й пех. див. и кавалерия у Ларги) наступать между Днестром и Прутом, сообразуясь с 8-й армией.

4-й армии атаковать противника, обнаруженного на линии Тарноград—Янов—Закликов, и далее наступать на Перемышль, имея в виду воспрепятствовать отходу значительных сил противника на запад к Кракову. 21-го августа авангарды армии должны быть выдвинуты на линию Вильколаз—Жолкевка—Избица.

5-й армии наступать на фронт Мосциско—Львов, содействуя выполнению задач, возложенных на 4-ю армию; 21-го августа ее авангарды должны утвердиться на линии Войславице—Грубешов—Владимир-Волынский.

Главные силы 4-й и 5-й армий должны были перейти в общее наступление 23-го августа.

Таким образом, русские армии, почти одинаковой силы с противником, занимавшие в отношении его охватывающее положение, направлялись, наподобие Северо-западного фронта под Гумбиненом, с севера и востока на узкий треугольник Ярослав—Львов—Галич (по 50 клм. в стороне). Алексеев, как и Жилинский, боится широкого маневра и торопится сдвинуть все свои армии плечом к плечу, с риском подвергнуть их удару во фланг от Вислы и Кракова, и только с боязливым намеком со своей стороны на охват флангов противника. И это тяготение к чрезмерному сжатию флангов к центру проходит доминирующей чертой во всей Галицийской операции. Невольно является недоуменный вопрос, как же командование фронтом предполагало в дальнейшем распутать этот клубок из четырех армий, собранных на пятачке, и какое исходное положение для следующей операции получал фронт, как результат только что заканчиваемой.

Если Жилинский со своим штабом более витал в области общих идей, то Алексеев детально обдумал всю операцию и изложил ее в обширном докладе Иванову от 23-го августа, написанном под влиянием начавшегося опасения за возможность развертывания австрийцев западнее, чем мы предполагали. Доклад Алексеева достоин особого внимания, как руководящий при ведении всей Галицийской операции.

Записка Алексеева не меняет основной идеи операции, а приспосабливает ее к обнаруженному сдвигу австрийского развертывания к западу.

Он считал вероятным развертывание 5—6 корпусов австрийцев на линии Перемышль—Ярослав—Тарнов, оставление 2—3 корпусов для удержания плацдарма Ярослав—Перемышль—Львов и обеспечение всей этой операции с востока 3—4 корпусами, опирающимися на Львов и укрепленную линию Днестра.

Исходя из этих соображений и существенно не нарушая данных армиями указаний, Алексеев при таких обстоятельствах предлагал.

Сделать 4-ю армию возможно сильнее, влив в нее подходившие III кавк. корпус и две казачьи дивизии.[1] Этой армии, заходя левым плечом вперед, овладеть Саном от устья до Лежайска и далее продвинуться на линию Мелецк—Ледайск, чтобы обеспечить за собой прочное владение промежутком между Вислой и Саном и принять на себя страховку всей операции и сообщений 4-й и 5-й армий. Эта же, т. е. 4-я, армия должна будет ударом в направлении Дембица—Ряшев (Ржешув) воспрепятствовать отходу австрийцев к Кракову. Обеспечение ее фланга со стороны левого берега Вислы желательно возложить на Варшавский отряд.

5-я армия, также заходя левым плечом и поддаваясь вправо, выходит на линию Цемяшаков—Рава Русская—Магирув. Отсюда она может оказать помощь 4-й армии (2—2½ перехода), 3-й армии под Львовым и атаковать промежуток между Львовым и Перемышлем.

На 3-ю армию возлагалась важнейшая задача привлечения на себя сил противника и нанесения удара важному в военном и политическом отношениях пункту. Поэтому фронт ее наступления ограничивался линией Каменка (Струмилова)—Бобрка.

8-я армия изменяет от Стрыпы фронт своего наступления, имея осью дорогу Бережаны—Рогатин—Подкамень и ведя левофланговые корпуса уступом для обеспечения себя со стороны Днестра.

Записка Алексеева не изменяет основной идеи операции, а только применяет ее к новой обстановке, т. е. сдвигает 4-ю армию на запад не с целью более широкого обхода, а в целях скорее пассивных, вызванных охватывающим положением сдвинувшегося на запад противника. Но это примыкание 4-й армии к Висле делит фронт как бы на две отдельные группы—Краковскую (4-я армия) и Львовскую (3-я и 8-я) с открытым промежутком, который, постепенно уменьшаясь, все-таки составлял на параллели Перемышль—Львов свыше 160 клм. Это обстоятельство придает особое маневренное значение действующей в этом промежутке

[1] Т. е. то, что было изменено в мартовском проекте 1912 г.

5-й армии, которая должна помогать обоим соседям, имея и свою самостоятельную задачу на фронте.

Алексеев видит конечную цель операции в бое всего фронта и, пожалуй, даже плечом к плечу всех армий он же думает о том, чтобы сражение привело к наиболее решительным результатам, почему у него вся забота сводится к успешному бою, ставя использование последствий его как бы на второй план. При таких условиях трудно было рассчитывать на окончательное поражение австрийцев, тем более, что, как выше было сказано, Алексееву приходилось для продолжения операции распутывать армии, собравшиеся на небольшом пространстве; впрочем, при новом варианте откидывания 4-й армии на запад этот недочет сильно уменьшался.

Положительная сторона записки Алексеева заключается в ясной постановке себе командованием не только общей идеи операции, но и определенного жизненного достижения, с ясно поставленными задачами армиям и с зачатками несомненного руководства действиями всех армий, как элементов одного целого, ведущего не четыре, а одну операцию.

Что касается до австрийского командования, то оно за это время переживало период некоторых колебаний, которые касались вопроса о направлении 2-й армии с сербского на галицийские фронты, невыясненного положения восточной группы русских армий—будут ли они наступать или нет, а также угрожающего, но совершенно невыявленного положения Варшавской группы русских.

У Конрада (начальника штаба австрийских армий) так же, как и у русской Ставки, союзническая верность взяла верх, и он решил скорее наступать, при чем вопрос у него сводился только к выбору направления наступления.

Если русские сами перейдут к активным действиям, то главный удар австрийцы наносят на север, между Вислой и Бугом, но если они останутся на месте, то у Конрада явилась мысль 1-й и 4-й армиями наступать на Брест.

Сосредоточение 4-й русской армии и Варшавской группы и авангардный бой у Красника 17-го августа указали на активный характер действий русского фронта, и Конрад, чтобы сохранить в своих руках инициативу, а также, чтобы скорее помочь немцам, решил наступать возможно скорее и именно в северном направлении.

В этом духе им и был отдан ряд распоряжений между 16-м и 19-м августа в развитие приведенной выше директивы 18-го августа.

Корпусу Куммера дано общее направление на Аннополь, но указана и возможность атаки Ивангорода, для чего ему будет подана тяжелая артиллерия из Кракова; 1-й армии

к 21-му числу выйти на линию Щоцин—Закликов—Модлиборжице—Янов, а кавалерии поставлена довольно непонятная задача не переходить крупными частями линию Юзефов—Красник—Замостье—Радзивилов—Каменец-Подольский. [1]

Приведенные распоряжения командований обеими сторонами и расположение войск указывает на то; что операция в Галиции должна была начаться встречными столкновениями западных групп противника, при чем эти столкновения должны были произойти раньше, чем предполагало командование, так как русские 4-я и 5-я армии к 23-му августа выдвинулись вперед по сравнению с указанной фронтовым командованием линией.

Еще 19-го августа к вечеру русские армии заняли положения, указанные на схеме № 8.

Из этого положения командующий 4-й армией решил наступать в одну линию корпусов на фронт Закликов—Янов—Щебрешин, т. е. лобовой удар против 1-й и отчасти 4-й австрийских армий.

Обращаясь к новому положению армий фронта, можно отметить: 1) сильный сдвиг 4-й и отчасти 5-й армий к западу под влиянием раскрытия хоть отчасти настоящей обстановки боя у Красника 17-го августа; 2) образование трех групп корпусов—XIV и XVI, Грен. и XXV и третья группа из XIX, V и XVII и 3) равномерное распределение по всему фронту корпусов 3-й и 8-й армий. К 23-му августа в западной группе армий стороны заняли положение, указанное на схеме № 8 А.

Прежде, чем перейти к описанию операций, я дам краткую характеристику непосредственным руководителям этих операций, командующим армиями.

4-й русской армией командовал бар. Зальца, участник еще Турецкой войны, уже совершенно отяжелевший и после первых боев отчисленный.

Он был заменен Эвертом. Бывший начальником штаба армии в Манджурии, потом командир корпуса и командующий войсками округа, с здравым смыслом, знавший войну не только в теории, но и на практике, с решительным характером, Эверт выявил свои некоторые положительные качества, как командующий армией. Но, будучи в августе 1915 года назначен главнокомандующим Западным фронтом, он, после неудачного наступления в марте 1916 года, проявил совершенно непонятную осторожность и даже неумение справиться с фронтом.

5-й армией командовал Плеве, также прошедший службу генерального штаба и строевую. Навряд ли кто иной выдвигал на войне так мало свою личность вперед, как это делал Плеве, и так много принес пользы. Всюду, где нам придется встречаться с армией Плеве, мы видим маневренность, связь и помощь соседям и всюду этот больной старик был на месте. Судьба Плеве заключалась в том, чтобы помогать соседям и даже спасать их, и он делал это и в Галиции, и под Лодзью, и на Нареве.

Во главе 3-й армии стоял Рузский, о котором мы уже говорили, а после него Радко-Дмитриев (болгарин), один из героев недавно законченной Балканской войны. Хороший корпусный командир, он не выявил талантов при командовании армией.

---

[1] К этому же времени относится письмо Конрада к начальнику генерального штаба турецкой армии о желательности непонятного наступления турок через Одессу на Проскуров. (Конрад. Часть IV, стр. 418).

8-я армия имела во главе Брусилова. Кавалерист-техник, он с 1906 года сильно пошел в гору, как начальник высших войсковых соединений. В Мировой войне и последовавших событиях падения царизма Брусилов сыграл видную роль, которая еще преждевременна для оценки историка.

Вновь формируемой 9-й армией (Варшавская группа) командовал Лечицкий. С низшим военным образованием, он провел всю службу в строю, составил себе выдающееся имя, как командир полка в войне с Японией, после чего быстро повышался на командных должностях, занимая перед войной уже пост командующего войсками округа. Сильный волей, большой практик, знаток войск, Лечицкий упорным трудом развивал свой военный кругозор и всегда с честью справлялся с возлагаемой на него задачей, проявляя со своей армией редкую стойкость и успешное выполнение возлагаемых на нее большей частью трудных работ.

23-го августа Юго-западный фронт отдал новую директиву в духе известной нам записки Алексеева, согласно которой армии должны были начать наступление, сделав 4-й и 5-й армиями захождение левым плечом. На 4-ю армию ставилась задача постепенного овладения р. Сан от устья до Ярослава, прочно обеспечив переправы через реку. 3-я и 8-я армии должны овладеть течением реки Стрыпы, выдвинув правые корпуса 3-й армии до линии Радзиков—Сасов—Плугов. За 5-й армией сохранялся связующий две группы характер; ей указывалось энергично выдвигать два левофланговых корпуса, направив XVII к Бугу так, чтобы он мог маневрировать на том или ином его берегу, т. е. оказывать помощь той или другой группе армий. Срока достижения намеченных рубежей указано не было.

Выполнение этой директивы фронта ставило армии в оригинальное положение. Западная группа (4-я и правый фланг 5-й армии) становилась на юго-запад на линию Сана, которую она могла занять только после упорных боев имея на своем левом фланге крепость Перемышль, в то время как восточная группа тоже фронтом на юго-запад уступом влево за первой, но лишь входя в соприкосновение с противником; между этими двумя группами в открытом промежутке около 150 верст маневрировала 5-я армия. При таких условиях австрийцы получали возможность обрушиться своими сконцентрированными силами на западную группу русских армий в то время, когда восточная группа не была еще с ней в оперативной связи, что являлось следствием опять-таки строгого исполнения русским верховным командованием односторонне понимаемых обязательств в отношении французов, так как по предположениям мирного времени западная группа армий должна была выжидать в своем наступлении выравнивания с восточной группой.

Переход в общее наступление 23-го августа со стороны австрийцев не предполагался, чему не соответствовало и отнесенное уступом почти на переход назад положение 4-й армии в отношении 1-й. Такое общее наступление на-

мечалось на 26-е—27-е числа. Поэтому директива Конрада указывала на 23-е 1-й армии—занять выгодные высоты для обеспечения своего положения севернее Таневских лесов и крепко их удерживать, а 4-й—выдвинуть 10-ю дивизию (IX корпуса) к Тарноватке и быть готовой к наступлению в северном или в северо-восточном направлениях. В случае серьезного натиска на 1-ю армию, 4-я должна оказать ей содействие своим левым корпусом и быть готовой отразить наступление противника со стороны Замостье и Грубешова. 3-й армии быть готовой отразить наступление со стороны Сокаля, Радзихова и Броды. Группе Кевеса—замедлять наступление противника со стороны Тарнополя и южнее (австрийцы не могли открыть нашей 8-й армии и считали, что южнее Тарнополя наступает только кавалерия) и быть готовой нанести ему сильный удар, если он перейдет линию Дунаюв—р. Стрып.

Таким образом, распоряжения Конрада на 23-е носили оборонительный характер.

Общую идею грядущей операции, которую Конрад все еще рассчитывал начать 26-го—27-го числа, он рисовал себе в виде разгрома двумя армиями (1-й и 4-й) при помощи корпусов Куммера и Войерша северной группы русских, обеспечивая эту операцию с востока остальными войсками, причем 3-й армии надлежало иметь в виду вероятную необходимость наступления частью сил на север на линию Каменка (Струмилова)—Рава Русская. Когда 23-го он получил известие о наступлении сильных колонн русских на Броды и Тарнополь, то отдал 3-й армии дополнительное приказание нанести им решительный удар.

Действия западных групп армий обеих сторон.

Схема № 9 А.

При таких условиях начались 23-го августа встречные столкновения первоначально 4-й русской и 1-й австрийской армий, к которым с 26-го числа присоединились и столкновения откинутых назад 5-й русской и 4-й австрийской армий, разросшиеся в одну общую сильно маневренного характера операцию, первый этап которой заканчивался 3-го—4-го сентября.

23-го августа XIV русский корпус столкнулся с I и отчасти V австрийскими у Красника, Потока В. и Полихне, и командование 4-й русской армией, под влиянием обнаруженного обхода своего правого фланга значительными силами, а больше под влиянием царившей растерянности, решило отвести армию назад, объясняя свой отход тем, что наступление левого фланга армии при глубоком обходе его правого фланга играло бы только в руку австрийцам.

В результате 4-я русская армия, подставив под отдельные удары первоначально свой правый, а потом и левый фланг, к вечеру 25-го августа отошла и заняла расположение, указанное на схеме 9 А.

На эти события австрийское командование реагировало директивой 24-го августа, согласно которой было указано 1-й армии наступать на Люблин, имея правый фланг в направлении на Бискупице и обеспечивая себя со стороны Ивангорода. 4-й армии также наступать на север, имея правый фланг вдоль реки Гучва. Из 3-й армии выделить отряд Иосифа-Фердинанда (XIV корпус и 41-я гон. див.), который предполагается направить на Грубешов. Остальной части 3-й армии и группе Кевеса продолжать выполнение поставленных ранее задач. Корпус Куммера направлялся на Завизост, что указывало на отсутствие надежды у Конрада на легкое наступление его левого фланга. В своем резерве главное командование оставило $1^1/_2$ дивизии, кроме подходивших частей 2-й армии.

Юго-западный фронт отдал свои распоряжения директивой 25-го августа, согласно которой, упоминая, что исход боя 4-й армии будет зависеть от результата действий против обходной колонны, для чего там собирается пять полков кавалерии и часть XIV корпуса (район Ополе — Белжица), он ставил задачу 5-й армии.

Ближайшая цель этой армии собрать свои корпуса для нанесения удара во фланг и тыл противника, атаковавшего 4-ю армию, при чем считалось необходимым обеспечение со стороны Равы Русской левофланговым корпусом. 3-й армии указывалось направить часть сил на Каменка (Струмилова)—Рава Русская.

Частным распоряжением в этот же день было указано 5-й армии удерживать правое крыло севернее Замостья и, оказывая частью его сил помощь 4-й армии, остальные корпуса двинуть уступами и к вечеру 25-го августа достигнуть линии Шевня—Лащув—Варенж—Сокаль.

Эти обоюдные распоряжения сторон перенесли центр тяжести действий на 5-ю русскую и 4-ю австрийскую армии и вылились в так называемую Томашевскую операцию.

В 4-й русской армии было обращено все внимание на сохранение Люблина и на усиление ее правого фланга.

Поэтому к Люблину был направлен XVIII корпус из Варшавы, который начал 27-го августа высаживаться у Вонвольницы и занял открытый промежуток до Вислы, III Кав. корпус к Ивангороду и, наконец, к 30-му августа 1-я гв. пех. дивизия к Люблину и далее на помощь левому флангу армии. Кроме того, в армию были влиты четыре второочередные дивизии. Таким образом, два корпуса Варшавского

отряда и III Кавк. корпус были распылены для подпорки отхлынувшей 4-й армии.

Но до сбора всех этих подкреплений армии пришлось пережить несколько тяжелых дней, что выдвинуло вопрос о постановке новых задач на случай отхода за Вепрж. Иванов при этом указал XVIII корпусу, опираясь на Ивангород, прикрыть пути на Варшаву—Седлец; прочим силам 4-й армии упрочиться на Вепрже и прикрыть пути на участок Буга—Дрогочин—Брест и 5-й армии стать на путях к Бресту, развивая полную активность своим левым крылом, чтобы не поставить в опасное положение правого фланга 3-й армии.

Тем временем австрийцы продолжали теснить 4-ю армию, хотя, после вступления в командование Эверта и начала прибытия подкреплений, эта армия получила устойчивость, и наступление австрийцев выдохлось 28-го августа.

27-го и 28-го августа австрийцы теснили центр 4-й армии (XVI корпус), а с 29-го начали угрожать обоим флангам переправой у Юзефова на правый берег Вислы первоначально корпуса Куммера, а потом и Войерша и выдвижением своих колонн на Травники.

Наступление XVIII корпуса к реке Ходель обеспечивало правый фланг армии, а направление 1-й гв. пех. дивизии от Люблина на Скржинице в стык между XVI и Грен. корпусами делало относительно устойчивым ее фланг.

30-го августа 4-я армия заняла приблизительно линию от Вислы на Ходлик, Лоппенник Рус, находясь в тесном соприкосновении с 1-й австрийской армией и имея устойчивым правый фланг и центр, а левый фланг под угрозой накапливающегося обхода. При этом на правом фланге фронта из прибывающих подкреплений и XIV корпуса образовалась новая 9-я армия.

На левом берегу Вислы, за израсходованием Варшавского отряда, осталась кавалерийская масса из трех дивизий (5-я, 8-я и 14-я), поддержанная 75-й пех. дивизией и опирающаяся на гарнизоны Ивангорода и Варшавы.

Положение 5-й русской и 4-й австрийской армий к вечеру 25-го августа показано на схеме № 9 А.

5-я армия делала захождение левым плечом вперед и разбросалась на фронте свыше 100 клм. от Тарногуры через Замостье на Сокаль, имея общее направление на юго-запад. При этом три корпуса (XIX, V и XVII) были в более тесной оперативной связи друг с другом, а один (XXV) был очень отброшен к северу и растянут в юго-западном и западном направлениях для содействия неустойчивому левому флангу 4-й армии.

Группировка австрийской армии была совершенно аналогичной с группировкой русской. Также один корпус (II)

в направлении на Замостье в тесной связи с 1-й армией и также 3½ корпуса (считая отряд Иосифа-Фердинанда), откинутыми на восток на Томашевском направлении. Так как директивой 25-го августа 1-й армии было приказано наступать, имея правый фланг на Красностав, а 4-й между Замостье и Тышовцами, то столкновение между 5-й русской и 4-й австрийской армиями произошло в одинаковых условиях группировки и встречных боев, но в общем при несравненно худших для русских, чем для австрийцев, обстоятельствах. Плеве не имел в течение всей операции помощи ни от соседа, ни от фронта, а Ауфенберг (командующий 4-й армией) имел существенную помощь от 1-й армии в лице X корпуса и с тыла в подошедшем XVII корпусе.

Томашевская аперация.

Схема № 9 Б.

Томашевская операция весьма маневренного характера продолжалась с 26-го по 30-е августа и вылилась в бои двух групп. На Замостье—Красноставском направлении XXV русский корпус столкнулся с II и X австрийскими, при чем 30-го к вечеру бои закончились удержанием у них в тылу Красностава частями X и II австрийских корпусов, что совместно с отходом левого фланга 4-й армии на Хмель образовало прорыв свыше 30 клм. в направлении на Холм и что заставило отвести XXV корпус к востоку Красностава для контр-атаки этого пункта. На Томашевском направлении XIX, V и XVII русские корпуса столкнулись в пятидневном жестоком бою в районе Комарова—Тышовцы—Лащова с IX, VI, частью II, подошедшим XVII корпусами и группой Иосифа-Фердинанда, при чем русские сохранили свое выдвинутое положение, но обнаружили, не имея резервов, 30-го августа обход австрийцами обоих флангов южной группы своих корпусов.

При таких условиях русскому и австрийскому командованию серьезно приходилось подумать—что же делать дальше.

Плеве решил восстановить положение у Красностава и южной группой удерживаться в занятом положении до подхода правого фланга 3-й армии. Но если Красностав окажется занятым большими силами и выбить их оттуда не удастся, то отходить на линию Холм—Владимир-Волынский для прикрытия путей на Брест, последовательно занимая линии, указанные на схеме № 9 Б, при чем на последней из них укрепиться.

Австрийцы также ставили свое решение в зависимости от наступления 3-й русской армии, о продвижении дивизии которой в районе Мосты—Вельки было донесено воздушной разведкой. Все это заставило Конрада, если не

будет разрешен кризис у Комарова в течение 1—2 дней, наметить отход армии, при чем восточное крыло должно отходить в направлении на Раву Русскую.

Таким образом, вопрос сводился к разрешению кризиса в двух узлах — Красноставском и Комаровском, на что влияло поведение соседних армий, а в особенности восточной группы их.

Действия восточной группы армий до 31-го августа.

Схема № 9 В.

Если работа 5-й русской и 4-й австрийской армий представляла большой интерес по своей маневренности и по работе командования, то нельзя того же сказать относительно действий восточных групп армий обеих сторон. Со стороны австрийцев мы видим какие-то спорадические несвязные потуги к активным действиям при отсутствии надлежаще налаженной связи и управления; со стороны русских фронтальное, лобовое грузное движение вперед в линии почти равномерно разбросанных корпусов с зачаточной идеей какого-либо маневрирования, с почти полным отсутствием руководства армиями при встречных боях корпусов и с фиксированием своего почти исключительного внимания на Львов и Днестр, в чем следует винить и командование фронтом, которое в своих первых директивах ставило взятие Львова главнейшей задачей. Операция эта представляет зато значительный интерес в тактическом отношении ведения встречных боев в масштабе корпуса и армии.

Тяжелое положение 4-й армии потребовало от фронта теснее объединить работу обеих групп. Поэтому директивой 24-го августа было указано достигнуть 25-го августа 3-й армии, базируясь на Ровно,—линии Каменка—Дунаюв и 8-й армии, базируясь на Проскуров и Жмеринку—линии Выдубов—Подгайцы.

В действительности же армии в этот день не дошли до указанной линии на один переход и вышли, примерно, на линию, указанную на схеме № 9 А и В.

При дальнейшем наступлении 3-я армия должна была сузить свой фронт и выйти на линию Жолкев — Бобрка, уперев свой центр в Львов; 8-й армии наступать на Рогатин, ведя корпуса уступами, чтобы развить удар на Львов или на Днестр. В Галиции приходилось восстанавливать австрийские дороги.

25-го августа в связи с ухудшением положения 4-й армии 3-я армия предупреждалась о том, что ей предстоит выдвинуть главные силы к северу от Львова, примерно, на Мосты В.—Куровице, т. е расширить свой фронт к северу

на один переход. Эта полумера ничуть не улучшала положения 5-й армии, у которой завязывался уже узел у Томашева, так как удаление 3-й армии все же превосходило 50 клм. 8-я армия в этом случае также сдвигалась на север на фронт Львов—Миколаев с задачей прочного обеспечения фланга армий и прорыва впоследствии на Яворов.

Верховное командование австрийской армии, получив сведения о наступлении восточной группы русских, решило собрать 3-ю армию, усилить ее, для чего ей был передан из группы Кевеса XII корпус, и нанести русским короткий, но сильный удар; командование армией предполагало операции придать более широкий размах.

25-го августа к вечеру XI австрийский корпус продвинулся к Буску, III—на фронт Борткув—Гологуры и XII—Перемышлян—Блотня, имея для обеспечения северного фланга 44-ю дивизию из группы Иосифа-Фердинанда у Куликова и для обеспечения правого у Бржезаны 11-ю пех. и 8-ю кав. дивизии. Далее на юг по Днестру и в Буковине были разбросаны отдельные дивизии и бригады. Напомним, что австрийцы не ожидали наступления серьезных сил русских южнее параллели Тарнополя, 2-я армия высаживалась в Станиславове и Стрые.

На 26-е они поставили себе задачей нанести русским главный удар силами III и XII корпусов к югу от Злочева. Таким образом, в этот день должны были произойти встречные бои у Буска и на Золотой Липе.

Результаты этих боев были неудачны для австрийцев, и к концу дня русские заняли с боя линию, указанную на схеме № 9 А и В.

Конрад приписывал неудачу 3-й армии вводу ее в дело по частям и принял меры для ее усиления. Группа Иосифа-Фердинанда была возвращена в эту армию и усилена на одну пехотную дивизию и ландштурменную бригаду, а с сербского фронта был вызван IV корпус.

На 27-е Брудерман (команд. 3-й австрийской армией) поставил своей армии задачу сделать клещи левым корпусам 3-й русской армии, для чего III корпусу приказано удерживаться у Злочева, XII наступать на Чижев, а XI на Белый Камень. Иосиф-Фердинанд должен был наступать на Каменку (Струмилова).

С русской стороны командование 3-й армией первоначально отдало приказ о направлении XXI корпуса на фронт Каменка—Мосты В. в видах связи с 5-й армией и подготовки к наступлению на Львов по путям на Жултанице, но вследствие разыгравшегося встречного боя этот приказ был отменен, хотя необходимость движения на север и была вновь подтверждена фронтом.

В этот день 27-го августа 3-я русская армия сбила после упорных боев противника с Золотой Липы при поддержке VII корпуса и 12-й кав. дивизии из 8-й армии и расположилась, как указано на схеме № 9 А и В.

У австрийцев с утра была большая паника и 3-ю армию решили отвести на линию Жолкиев—Миколаев, а группе Иосифа-Фердинанда отойти в район Жолкиев—Магирув—Крешов. 2-й армии указано собираться в районе Жидачев—Журавно—Стрый.

В течение дня паника у австрийцев несколько улеглась, были даже неудачные попытки перехода в наступление, но к вечеру 3-я армия начала отход на Гнилую Липу, хотя 2-я армия и сообщила о своем переходе 28-го в наступление на Рогатин—Подвысоке. VII австрийский корпус развернулся в районе Ходоров—Журавно—Галич.

Тяжелая для австрийцев обстановка и на фронте 4-й армии принудила их вновь группу Иосифа-Фердинанда передать в эту армию и направить на север.

27-го и 28-го августа командование русским фронтом дало восточным армиям два противоречащих приказания: первым 3-й армии приказывалось атаковать находившиеся против нее корпуса, ведя лишь настойчивую разведку на Жолкев—Магирув, а 8-й ставилась главная задача помочь 3-й армии, парализуя австрийцев, находившихся на берегах Днестра. Следующим же распоряжением указывалось 3-й армии переместиться вправо, сообразуясь в дальнейшем с действиями 8-й армии, которой указывалось VII корпусом наступать на Данюв, а двумя на Бобрку.

28-го 3-я австрийская армия продолжала свой отход на линию Львова—Перемышляны, имея в резерве севернее Львова $1^1/_2$ дивизии.

Конрада особенно беспокоило свободное пространство, образовавшееся с уходом группы Иосифа-Фердинанда на север в районе Куликов—Жолкев—Магирув—Рава Русская, куда, естественно, должен был направиться XXI русский корпус. Поэтому он сосредоточивал в районе Крешев—Магируз 10-ю и 11-ю кав. дивизии, поддержанные маршевой бригадой, а из подходивших резервов образовал у Жолкева группу в $3^1/_2$ дивизии. Сосредоточение 2-й армии было отнесено к Рогатину, где к 30-му собирался весь VII корпус.

Командование 3-й русской армией не реагировало на нерешительные пожелания фронта о сдвиге на север, и 28-го и 29-го армия продолжала свое движение прямо на Львов, перед которым она должна была приостановиться на 2—3 дня и подготовиться к атаке Львова. Что Рузский в своем стремлении к успеху только своей армии позабыл о тяжелом положении северной группы, объяснимо, но при-

соединение Иванова к решению остановиться на два дня вызывает недоумение. В дело вмешался верховный главнокомандующий, приказавший 3-й и 8-й армиям непрерывно продолжать самое энергичное наступление, при чем 3-й армии развивать своим правым флангом действия в обход Львова с севера.

Как следствие распоряжения обеих сторон, 28-го и в особенности 29-го 3-я и 8-я русские армии атаковали австрийцев на фронте Никуловице—Куровице—Ферлюев и сами были угрожаемы их попыткой атаковать 8-ю армию во фланг со стороны Рогатина. В результате всех этих столкновений к вечеру 29-го армии заняли авангардами линию Сопежанка — Хренюв — Унтервальд и далее по Гнилой Липе.

Что касается до австрийцев, то у верховного командования надежды на упорное сопротивление 3-й армии больше не было, хотя она и продолжала делать разрозненные, конвульсивные попытки к контр-атакам. Положение Конрада было особенно трудно, так как в это же время назревала развязка кризиса у Комарова, и теперь для нас понятно намерение его отойти и 4-й армией, если кризис в ней не будет благополучно разрешен 31-го августа.

30-е августа ознаменовалось полной неразберихой в управлении русским фронтом.

На этот день Рузский, объединявший действия 3-й армии с 8-й, поставил своей армии задачу отбросить противника ко Львову, а 8-й армии содействовать ее выполнению направлением VII корпуса на северо-запад для помощи X, а остальными обеспечивать операцию со стороны Днестра.

Против такого распоряжения возражал Иванов как по форме, что право ставить задачи армиям принадлежит только ему, таки по существу. Директивой 29-го августа он ставил ближайшей задачей 3-й армии действия против Львова с северо-востока и одновременную угрозу Городокской позиции (около 30 клм. западнее Львова) с фланга. Операцию эту он указывал обеспечить с севера и с запада силами до двух корпусов, что составит связь и с 5-й армией, но тут же оговаривался, что окончательное решение этого вопроса предоставляет Рузскому. Впрочем, ниже он приказывал на 30-е августа половиной конницы 3-й армии осветить пространство Мосты В.—Рава Русская—Немиров и выдвинуть один корпус на линию Мосты В.—Каменка или Мосты В.—Теодорсгоф. В отношении 8-й армии Иванов признал нецелесообразным обращать ее всю в прикрывающий отряд.

Все эти распоряжения не могли быть проведены в жизнь в полной мере еще 30-го августа и на фронте 3-й армии бои

носили тот же фронтальный характер действий отдельных корпусов; наоборот, в 8-й армии в этот день сражение велось в армейском масштабе. Ввиду обнаруженного к вечеру 29-го накопления внушительных австрийских сил у Галича и наступления их на Жилеборы, т. е. во фланг общему фронту 8-й армии, Брусилов решил 30-го августа, задерживаясь своим левым флангом, нанести удар правыми корпусами (VII и XII).

Бой этого дня вновь был неудачен для австрийцев. Уже в два часа дня 2-я армия была отброшена от Рогатина (VII корпус, который был приведен в небоеспособное состояние); отошла в тет-де-пон и галичская группа австрийцев. В виду отхода 2-й армии, отошла и 3-я, при чем обе армии должны были собраться на линии, указанной на схеме № 8 В. Кроме того, был подтвержден приказ об образовании конной группы уже из четырех дивизий для действия в промежуток между 4-й и 3-й армиями в виду наступления русских на Мосты В.

Однако, вечером выяснилось, что XII корпус проскочил линию Бобрки, и Брудерман не надеялся остановить его раньше Городокской позиции.

Русские войска к вечеру 30-го достигли, примерно, линии, указанной на схеме № 9 В.

В этот день фронт вновь объединил командование 3-й и 8-й армиями в руках Рузского, приказав ему развить энергичные действия и поставив ему задачи: 1) нанести удар войскам противника в районе Львова — Миколаев — Городокская позиция, сковать их и исключить всякую возможность выделения подкреплений на Северный фронт; 2) обеспечить выполнение этой операции с севера прочным овладением путями от Равы Русской, Цешанув, Немиров, Яворов; 3) деятельно разведывать конницей вне пространства левого фланга 5-й армии и установить с ней непрерывную связь кавалерией по фронту и 4) обеспечить основную операцию со стороны оборонительной линии Днестра.

Из четырех поставленных Ивановым задач мы не видим ни одной, которая клонилась бы к действительной и скорой помощи 5-й армии, совершенно истощившей в этот день силы в борьбе за Томашевский узел и долженствовавшей решить вопрос о том, продолжать ли сражение или начать отход на север.

Одновременно фронт начал придавать особое значение Днестровскому отряду, который усиливался пехотной дивизией (71-й) и получал задачу очистить правый берег Днестра и произвести глубокую разведку к стороне Коломыя—Надворная—Стрый и к стороне Карпатских проходов.

Действия с 31-го августа по 3-е сентября.

Схема № 10.

31-го августа Рузский поставил себе задачей отбросить противника ко Львову, во исполнение чего в этот день XXI корпус должен был двумя дивизиями достигнуть линии Мосты В.—Туринка, не доходя все-таки полутора переходов до района боев 5-й армии и одной дивизией района Дзибулка—Куликув для действия против Львова. XI, X и VII корпуса направлялись к Львовским фортам, а XII—к Миколаеву для обеспечения операций под Львовом с этой стороны. Бои произошли только в XXI корпусе у Дзибулки и Жултанице с частями сосредоточиваемой здесь, как известно, группы австрийцев и, хотя они были успешны для русских, но оттянули направление этого корпуса на юг, и он вместе с остальными корпусами армии занял фронт Дзибулка—Борщевице.

5-я армия, обходимая с своего левого фланга, имела на крайнем правом занятый австрийцами Красностав, т. е. фронт между этой армией и 4-й был фактически прорван. Поэтому командарм 5 решил отводить с вечера 31-го августа южную группу корпусов на фронт Красностав — Владимир-Волынский, возложив на XXV корпус задачу вновь овладеть Красноставом.

4-я армия отбила атаки австрийцев на свой левый фланг.

Таким образом, к 1-му сентября у русских оказывался вполне устойчивым правый фланг фронта, в критическом положении стык между 4-й и 5-й армиями с обнаруженным прорывом на Холм, в тяжелом отступлении южная группа 5-й армии и с вполне выяснившимся полным успехом восточная группа армий. Для скорейшего минования кризиса в русском центре необходимо было быстрое овладение Львовом, чтобы освободить боязливо сдвинутые перед ним Рузским пять корпусов.

Суть операций этих дней сводилась к парированию австрийского прорыва на Холм и к боям севернее Львова. Первый был ликвидирован 2-го сентября разгромом X и части II австрийских корпусов у Суходола сборным отрядом из 30 бат., наступавшим от Пяски (2-я грен. и 1-я гвард. див.) и от Холма (бригада подвозившегося туда III Кавк. корпуса). Так как у австрийцев резервов здесь больше не было, то прорыв можно было считать ликвидированным, и командование 4-й армией решило 4-го сентября перейти в наступление по всему фронту. Несколько сложнее была обстановка севернее Львова.

Положение австрийского командования было здесь весьма затруднительным. Клещи над группой Ауфенберга во образе 5-й и левого фланга 3-й армии должны были сомкнуться

не сегодня—завтра, несмотря на всю медлительность Рузского в отношении продвижения своего фланга на север, поэтому в то время, когда Плеве отдал уже приказ об отходе, Конрад тоже решил таковой начать на следующий день, если кризис не будет 31-го окончательно ликвидирован в ту или другую сторону. Так, почти исключительно на силе характера и воли к победе был поставлен важный в оперативном отношении вопрос о ликвидации Томашевского узла.

3-я армия Брудермана видимо разваливалась, и армейское командование решило отводить ее на Городокскую позицию. Поэтому армии было указано 31-го числа задержаться на линии восточных фронтов Львова и далее уступом назад на фронте Сокольники—Дорнфельд, имея севернее Львова в районе Куликов—Жолкев группу в две дивизии пехоты (23-я п. д.,[1] 93-я ланд. и 97-я ландш. бригады) и две кав. дивизии (10-я и 11-я). В течение же 1-го и 2-го сентября армия должна была отойти на Городокскую позицию, имея на фронте от Комарно до Городка XII и III корпуса с приданными им частями и от Городка до Яворова XI корпус.

Но к вечеру 31-го для командования 4-й австрийской армии ясно определились признаки начавшегося отхода Плеве, и генерал-квартирмейстер штаба Ауфенберга предложил начать 1-го сентября преследование Плеве двумя крайними с обоих флангов дивизиями, а остальные войска повернуть на юг и направить их на Белз и Унов, где вместе с группой у Жолкева образуется кулак в 7 пех. и 4 кав. дивизии.

В виду этого Конрад вечером 31-го указал 3-й и 2-й армиями удерживаться до последней крайности на линии Львов—Миколаев и во всяком случае не отходить далее Городокской позиции за рекой Вережца. Одновременно Конрад настоятельно требовал от Гинденбурга, у которого только что закончилась Танненбергская операция, наступления на Седлец, от чего тот категорически отказался, поставив себе очередной задачей вытеснение армии Ренненкампфа из Восточной Пруссии.

День 1-го сентября принес Конраду мало утешения на Львовском направлении. 3-я армия окончательно разваливалась и XII ее корпус самовольно отскочил на Городокскую позицию, вслед за которым туда же начала отходить и вся 3-я армия, что Конрад должен был 1-го сентября в 10 часов утра утвердить. Между нею и 2-й армией, разбросанной отдельными отрядами по линии Миколаев

---

[1] 23-я пех. дивизия разбежалась, после чего не состоялось и формирование всей группы.

(здесь был VII корпус)—Жидачев—Журавно—Войников—Галич и далее по Днестру, образовался разрыв.

Поэтому Конрад отдал 1-го сентября вечером 2-й армии директиву о сформировании в районе Угартсберга (южнее Днестра) из двух дивизий VII корпуса (одна оставалась в Миколаеве) группу, которой атаковать наступавших русских во фланг; если же таковой атаки не последует, то присоединиться к 3-й армии у Комарно.

Что же в это время делали русские 3-я и 8-я армии?

Они медленно пододвигались к Львову и 1-го сентября к вечеру развернулись на линии, указанной на схеме № 9 Б.

1-го сентября Рузский начинает в виду отхода 5-й армии сильно беспокоиться за свой правый фланг. Это характерное чувство эгоизма, работы только для себя, а не в масштабе всего целого, присуще большинству лиц, и искоренение его требует длительной воспитательной работы еще в мирное время. Директивой 1-го сентября он принимает уже внушительные меры для обеспечения своего правого фланга. На помощь 11-й кав. дивизии перекидывалась с левого фланга 9-я, и эта конная масса сосредоточивалась в районе Витков—Мосты В.—Бутыни, имея опору в XXI корпусе, выдвигаемом в район Добротвор—Стржеменец—Каменка, при чем командование всей группой объединялось в руках командира XXI корпуса. Если бы Рузский эту группировку произвел на два дня раньше, то результат Томашевской операции был бы иной. Все остальные свои силы Рузский попрежнему направлял для штурма Львова.

В этот день отдал свою директиву и фронт.[1] Основываясь на решении Плеве остановить 2-го сентября свою армию на линии Красностав—Грабовец—Теребин—Крылов, Иванов ставил Рузскому следующие задачи: 1) оказать помощь переходящим в наступление 4-й и 5-й армиям; 2) приковать на себя противника, действующего на Днестре и у Львова. Для этого к вечеру 3-го сентября собрать в районе, примерно, Жолкев—Мосты В.—Каменка из общих армий не менее трех корпусов под непосредственным начальством Рузского, с целью действовать против неприятеля, оперирующего в Томашево-Грубешовском районе, или со стороны запада; 3) 8-й армии обеспечивать фланг и тыл со стороны Львова и Миколаева и линию реки Днестра.

2-го сентября русские заняли Львовские передовые позиции и все еще продолжали весьма методично готовиться к штурму 4-го сентября этого пункта, который фактически был занят ими уже 3-го сентября.

---

[1] К сожалению, в печатных источниках нет указаний, которая из этих директив была отдана раньше, а архивы за этот месяц растеряны.

В этот же день Иванов, не зная еще о взятии Львова, вновь писал Рузскому уговаривающего характера директиву (№ 737) о необходимости действовать в северо-западном направлении.

Отход 5-й русской армии совершался спокойно. 2-го сентября она заняла XXV корпусом район Красностава, опасаясь за свой правый фланг в виду задерживавшихся еще здесь остатков отступавших от Суходола австрийцев, XIX корпус у Грабовца, V у Грубешова и XVII у Владимира-Волынского.

С своей стороны Конрад директивой 1-го сентября указал главным образом силам 4-й армии выйти 3-го сентября на линию Унув—Белз для атаки русских в направлении на Львов, если 3-я армия не отойдет еще; в противном же случае она предназначалась „для маневра в районе Ярослав—Лежайск". Для действия в северном направлении указывалось оставить столько сил, чтобы русские не обнаружили отхода австрийцев. Конрад считал достаточным двух пехотных дивизий между Гучвой и Бугом и одной к западу от него.

Армейское командование разрешило эту задачу направлением на север фланговых корпусов (II и XIV) и 9-й кав. дивизии с уплотнением на путях к Грубешову под общим начальством Иосифа-Фердинанда и трех центральных корпусов (IX, VI и XVII) с двумя кавалерийскими дидизиями на флангах на юг.

3-го сентября группа Иосифа-Фердинанда оттеснила V-й корпус от Грубешова на Рацiборовице и этим ограничилось наступление австрий ъ и отход русских. 4-го сентября северная группа русски армий решила перейти в наступление вне зависимости от взятия Львова, падение которого только облегчало для них переход к этому последнему акту Галицийской операции.

Заключение.

Изложенный период Галицийской операции настолько богат разными вопросами оперативного характера, что дает много материала для выводов стратегии и тактики, и я в данном случае ограничусь только подведением общего итога в рамках затронутой фактической стороны.

Верховное управление. Первоначальные задачи обеими сторонами были намечены еще в мирное время, но при начале войны начинаются колебания и изменения. В обеих армиях они выразились в известной торопливости, в целях лучшего исполнения союзнических обязательств. Эта торопливость передается фронтом и армиями. Только этим можно объяснить выдвижение 4-й и 5-й русских армий

к 23-му августа на один переход вперед по сравнению с намеченным, что вызвало для этих армий лишний день кризиса в виду чрезмерного удаления восточной группы русских от западной.

Русское верховное командование не изменило основной идеи операции, проводя ее неуклонно в жизнь со всеми отмеченными уже выше ее особенностями.

Австрийское командование вначале проявило ряд колебаний между направлением удара на Седлец и на Брест, между обороной впереди Таневских лесов и энергичным наступлением после неожиданной удачи под Красником.

Оба командования проявили в течение всей операции полную активность; оба, ведя операции на двух фронтах, щедрой рукой посылали подкрепления на галицийский фронт.

У русских фронт настолько доминировал над Ставкой, что ее роль сводилась почти исключительно к функциям карательным, подбадривающим, а иногда и корректирующим распоряжение фронта, так что со стороны русских нельзя было избежать некоторой двойственности в управлении операцией.

Положение Конрада с его сконцентрированной армией было более выгодное, чем Иванова, армии которого были разделены на две, первоначально не находившихся в оперативной связи, группы. Конрад отлично использовал это положение в виде образования маневренной группы Иосифа-Фердинанда, могущей почти одновременно обслуживать и 4-ю и 3-ю армии. Подобной возможности у Иванова не было, а его попытка образовать такую же из правых корпусов Рузского разбилась об упрямство этого последнего.

Конрад в ходе операций легко менял объекты главных ударов, что не вело к упорству в достижении поставленной цели; удары вдоль Вислы, прорыв на Травники с обходом левого фланга 4-й армии и Томашев следовали один за другим, но без надлежащего, кроме Томашева, упрямства, без соответствующей подготовки группировкой войск, а являлись как бы следствием случайно сложившейся обстановки и делались больше на авось. На прорыв к Травникам иначе и нельзя смотреть.

У Иванова, напротив, было упрямство в преследовании одного намеченного образа действий. Взятие Львова было в начале операции поставлено главным объектом действий, и оно таковым и оставалось до 4-го сентября, несмотря на весьма выгодно сложившуюся у Томашева 29-го—30-го августа для русских обстановку, если бы туда подошла к этому времени часть 3-й армии, что было вполне возможно, при условии придания второстепенного значения факту взятия Львова. Выигрыш русскими Томашевской операции (вопрос был в одном дне) менял бы в корне все дело в Галиции.

Русские армии в Галиции оказались в начале военных действий в самом невыгодном положении, благодаря неправильному представлению о развертывании австрийцев. Эта неправильная, но столь важная отправная данная должна была в корне изменить или план действий или группировку, для чего нахождение войск у железных дорог и сравнительно богато развитая здесь сеть их давали известную возможность. Но Иванов выбрал наиболее оригинальный способ перегруппировки, а именно захождение двумя армиями левым плечом вперед, что даже при удачном окончании этого маневра ставило северную группу русских армий в весьма невыгодное положение.

У Иванова в течение всего этого периода операции замечается какая-то односторонняя боязнь удара из-за Днестра—направления, наиболее безопасного для наших тылов. Один подсчет австрийских сил указывал к тому же на невозможность ожидать там появления крупных масс, а между тем в критические минуты боев у Томашева мы держали почти всю 8-ю армию в виде обеспечения со стороны Днестра.

Разделение русских армий на две группы с отдельными первоначально для каждой из них задачами вызывало естественную необходимость каждую из них объединить в руках одного начальника; это в конце концов и было сделано, но в неудачной форме соединения командования группой с командованием армией, что повело к решению этим лицом вопроса об управлении почти исключительно с точки зрения интересов своей армии.

И Конрад и Иванов бросили на галицийский фронт все наличные резервы верховного командования, но первый бросал их в одном направлении на свой правый фланг, а Иванов мощный Варшавский кулак (Гв., XVIII и III Кавк. корпуса и несколько второочередных дивизий) распылил по разным участкам своего фронта для подпирания их. В результате русские лишились варшавской группы и не собрали кулака на Юго-западном фронте.

Обе стороны, несмотря на свою многочисленную кавалерию и большие агентурные силы, работали в мало выясненной обстановке. Иванов не знал, что делается за Днестром, а Конрад долго не подозревал о районе развертывания и наступления 8-й армии.

Австрийцы использовали два своих корпуса левого берега Вислы (Куммера и Войерша) не с целью маневра с угрозой правому флангу русских, а с целью подпирания своих войск.

Командование обеих сторон придавало особое и правильное значение району Рава Русская—Мосты В.—Жолкев, но ни одному из них, хотя и по разным причинам, не удалось добиться здесь образования сильной группы.

Австрийское командование проявило большую живость и разнообразие в применении оперативных комбинаций, но и большой риск, а отчасти и авантюризм в них; русское— большую тяжеловесность в этом отношении, большое постоянство и осторожность, но и большую фундаментальность.

И то и другое командование принимало близкое участие в руководстве действиями армий, стараясь работу их свести к одной операции, но это больше удалось русскому командованию, которое к концу рассматриваемого периода так или иначе, но выполнило свою задачу, тогда как для австрийцев уже определенно выявился полный ее неуспех.

В обеих сторонах замечается некоторое стеснение воли высшего командования, иногда излишней эгоистической самостоятельностью командования армиями.

Управление со стороны частных начальников. Ни у австрийцев, ни особенно у русских не проглядывало в достаточной мере сознания о тесной связи операций всех армий в одно целое; этот недостаток особенно бросается в глаза в русских 3-й и 4-й армиях, которые совершенно не признавали взаимодействия с соседями. Поведение Эверта в этом отношении во время кризиса 5-й армии у Замостья и Красностава являлось грозным указателем болезни русского высшего командования, которую следовало оценить и обезвредить с самого начала.

Мы, за исключением 5-й и в конце рассмотренного периода отчасти 8-й армии, не встречаем в работе командовавших русскими армиями зачатков какой-либо маневренности. В особенности этим отличались Зальца, Эверт и Рузский, что, совместно с Ренненкампфом на прусском фронте, возводит такую инертность в своего рода доктрину русского высшего командования. Вся маневренность заключалась в том, что, если один корпус потеснен в отведенном ему коридоре, то другому приказано помочь наступлением в своем коридоре и только.

Мы всюду с русской стороны встречаемся с боями корпусов, а не армий, и счастливым исключением в этом отношении является Томашевская операция и отчасти бои 8-й армии на Гнилой Липе. Русское армейское командование полагало свою задачу оконченной, когда оно нацелит корпуса, не считая себя как бы обязанным при начавшемся на фронте одного из корпусов бое объединить его в армейское сражение под своим личным руководством.

В этом периоде операций можно отметить и особенности оперативного искусства обеих сторон. У австрийцев высшее командование находилось под влиянием германской доктрины, которую оно и старалось применять, но с неподходящими для нее исполнителями и войсками.

Оперативное искусство русских не прониклось опытом Японской войны в смысле твердости современных широких фронтов и отсюда свободы маневра на флангах. В этом отношении их мысль не работала далее трусливого охвата, и эта трусливость распространялась даже на конные массы. Работа плечом к плечу более соответствовала русской привычке. Иначе мы наверное видели бы южнее Днестра и западнее Вислы сильные маневрирующие части. Они большею частью не отвечали на маневр противника своим активным контр-маневром, а чаще пассивным противодействием ему.

В русской армии более процветали упорство, стойкость и осторожность по сравнению с риском и смелым маневром.

Обе армии выказали общее отрицательное качество, а именно почти постоянное отсутствие точного выполнения даваемых им свыше задач, что до крайности затрудняло ведение операции высшим командованием.

Собранные с обеих сторон громаднейшие массы конницы фактически не выполнили ни одной возложенной на них широкой стратегической задачи.

Из тактических вопросов в широком масштабе наиболее интересными и поучительными являются Томашевская операция и техника поворота армии Ауфенберга с ее тылами с севера на юг.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Галицийская операция и очищение Восточной Пруссии.

Общий обзор периода с 4-го по 22-е сентября. Галицийский фронт: распоряжение сторон. Действия западной группы армий до 10-го сентября. Действия восточной группы армий до 11-го сентября. Отход австрийцев к Кракову и за Карпаты. Преследование Юго-западным фронтом. Влияние Ставки на ход операции. Заключение о Галицийской операции. Отступление армии Ренненкампфа из Восточной Пруссии. Положение сторон. Планы сторон. Ход операции. Группировка Северо-западного фронта после операции. Заключение.

Общий обзор периода с 4-го по 22-е сентября 1914 года.

Взятием русскими Львова, парированием прорыва австрийцев на Холм и выходом из окружения 5-й армии кризис для русских в Галиции миновал, и они могли перейти к общему наступлению на всем фронте. Поражение Гинденбургом армии Самсонова и подход к германцам подкреплений с французского театра в размере двух корпусов и одной кав. дивизии позволяли германцам предпринять в Восточной Пруссии новую операцию. Наконец, во Франции закончился отход англо-французов после Пограничного сражения и начиналось их наступление на Марне.

Все эти события объединяются в один этап операций союзных фронтов, охватывающий первую половину сентября и находившийся, в отношении принятия верховным командованием решений, в тесной между собой связи.

ГАЛИЦИЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

Схема № 10.

В Галиции этот период ознаменовался, во-первых, медленным фронтальным продвижением 9-й и 4-й армий, примерно, в направлении Висла—Перемышль, с оттеснением 1-й австрийской армии; во-вторых, весьма маневренной встречного характера операцией 5-й и 3-й русских против 4-й и 3-й австрийских армий севернее и северо-западнее Львова и, в-третьих, боями на Городокской позиции 3-й и

8-й русских армий против 3-й и 2-й австрийских. Вся эта операция закончилась вытеснением австрийцев из Галиции к Кракову и за Карпаты.

Распоряжение сторон.

Падение Львова ставило войскам новые задачи.

Тотчас же после его занятия, т.-е. 3-го сентября, распоряжением Рузского 3-я армия выдвигалась для нанесения поражения 4-й австрийской армии, оперировавшей против 5-й русской, а 8-й армии указывалось ускорить движение к Городокской позиции, для обеспечения обходного движения 3-й армии между Немировым и Томашевым.

Во исполнение этого 3-я армия должна была 4-го сентября выдвинуться тремя корпусами (IX, X и XII) на фронт Куликов—Лелеховка (ок. 30 клм.), одновременно угрожая левому флангу Городокской позиции и тылу армии Ауфенберга, а двумя корпусами (XXI и XI) наступать на фронт Пархач—Мосты В. В последующие дни предполагалось сделать этой армией захождение правым плечом и достигнуть рубежа, указанного на схеме № 10Б.

Три кавалерийских дивизии получили задачу разведывать перед фронтом и впоследствии на фронте Сенявы—Ярослав—Радымно—Перемышль, т. е. и здесь задача была поставлена на много дней вперед, как будто бы армия готовилась маневрировать в пустом от противника пространстве.

В 8-й армии на 4-е сентября указывалось VIII корпусу овладеть Миколаевым, VII и 10-й кав. дивизии обеспечить эту операцию с тыла и фланга занятием линии Нагоржаны—Зыравка и XXIV подтянуться от Галича к Миколаеву. На взятие Львова реагировала и Ставка, требуя со стороны Юго-западного фронта самых энергичных действий, чтобы скорее вырвать от австрийцев окончательную победу, которая так нужна в виду создавшегося положения в Восточной Пруссии и на французском театре.

Иванов свои стратегические мышления выявил в двух директивах—от 3-го и 6-го сентября. В первой из них он, уменьшая 8-ю армию до трех корпусов, ставил ей задачей занятие линии Днестра с авангардами, выдвинутыми к Коломые, Делатыню, Долине, Стрыю и Дрогобычу и обеспечение района Львова. 3-я армия доводилась до пяти корпусов и направлялась на фронт Белгорой—Ярослав, а 5-я, 4-я и 9-я армии должны были неотступно следить за неприятелем, находившимся между Вислой и Бугом, принудить его к бою и отбросить к Висле.

Автору трудно дать оценку этой директиве, так как он ее не совсем понимает. С одной стороны, направление 3-й армии по тылам 4-й и 1-й австрийских армий как бы

указывает на намерение отрезать им пути отступления; с другой стороны, задачи, данные северной группе армий о вытеснении австрийцев к Висле, идут вразрез с изложенным предположением.

6 го сентября, когда выяснился отход австрийцев перед 5-й армией, штаб фронта находился в самом оптимистическом настроении, считая противника в полном отступлении. Директива в этот день получила более широкий маневренный характер, при чем эта маневренная роль передавалась от 3-й армии 9-й и 4-й.

Было решено попытаться окружить 1-ю армию Данкля, для чего 9-й армии указывалось наступать на Юзефов и далее по левому берегу Вислы на Опатов — Сандомир, а 4-я должна была, развивая успех своим левым крылом, отбрасывать противника к Висле; 5-я и 3-я армии наносили фронтальные удары, а 8-я обеспечивала обладание Львовским районом. В этой директиве закладывается совершенно новая идея маневра, 9-я и 4-я армии предназначаются для охвата 1-й австрийской, а остальные для действия против восточной группы. Но в обоих случаях маневр против флангов намечен только в зачаточном состоянии и скорее в виде охватов.

Управление австрийского высшего командования было более эластично и менялось почти каждый день, в зависимости от складывавшейся обстановки, и касалось отдельных групп армий. Поэтому мы будем говорить о нем последовательно.

3-го сентября австрийским армиям было приказано:

2-й—сосредоточиться в районе Самбор—Дрогобыч.

3-й—занять Городокскую позицию, как указано на схеме № 10 Б. имея на северном фланге сильную группу из опасения обхода ее русскими через Яворовские леса.

4-й—нанести сосредоточенными силами удар по северному крылу противника, охватывающего 3-ю армию. Ей иметь на левом фланге уступ и общее направление удара на фронт Немиров—Магирув. Группе Иосифа-Фердинанда—частью сил прикрыть восточный фланг 1-й армии (района Замостья), а с остальными составить крайний уступ для обеспечения левого фланга 4-й армии.

Центр тяжести этой директивы заключался в том мешке, который мог быть при удаче приготовлен армии Рузского 4-й и левым флангом 3-й австрийских армий.

Первоначальные операции, примерно, до 11-го сентября развивались в двух группах—западной, где действовали 9-я, 4-я армии, правофланговые корпуса (XXV и частью XIX) 5-й армии против 2-й австрийской; и восточной—левофланговые корпуса (V и XVII) 5-й армии, 3-й и 8-й армии против 4-й, 3-й и 2-й австрийских.

Действия западных групп армий до 10-го сентября.
Схема № 10 А.

На 3-е сентября 5-я русская армия фактически еще несколько отошла на северо-запад и к вечеру расположилась, как указано на схеме № 10 А.

XXV и XIX корпусам было дано для наступления юго-западное направление, с целью своим действиями во фланг и тыл австрийцам помочь армии Эверта сбить их с сильно укрепленной позиции.

4-го сентября XXV корпус совместно с гвардейским, наступавшим от Лоппеники, окончательно растрепал западнее Красностава X австрийский корпус и подошедшую от Вислы к нему на помощь 12-ю пех. дивизию, и 5-го сентября занял Жолкиевку, а также переправы на нижнем течении реки Пор, войдя своим правым флангом в непосредственую связь с гвардией, наступавшей на Гелчев.

XIX корпус занял Замостье.

Остальные корпуса 4-й и вся 9-я армия все эти дни продвигались весьма медленно вперед, отдельными фронтальными ударами корпусов, без зачатка какого-либо армейского маневра, атакуя укрепленную австрийскую позицию, опираясь на которую противник переходил в ряд частных контр-атак.

Но положение и австрийцев было на восточном фланге их 1-й армии тяжелое. 5-го сентября они были принуждены уйти за реку Пор, поставив себе в дальнейшем ограниченную задачу притянуть сюда больше неприятельских сил и помешать продвижению русских на Томашев. С этой целью в ночь на 4-е сентября корпус Войерша переправился на правый берег Вислы и направился вдоль фронта на восток к Тарнавке, где он 8-го числа вошел в боевую линию. В то же время австрийское командование потребовало от Иосифа-Фердинанда оказать помощь восточному флангу 1-й армии направлением к Замостью флангового (II) корпуса его группы, но развивавшееся наступление 5-й армии сделало эту попытку невыполнимой.

Безуспешные фронтальные бои 4-й армии вызвали 7-го сентября со стороны Эверта доклад о приостановке наступления, если 8-го сентября армия не сломит сопротивления австрийцев. В этот день армия ничего не сделала, и успех был только в корпусах 5-й армии, из которых XXV выбил австрийцев с позиции Жураве—Заложье, а XIX утвердился на переправах через Вепрж в районе Дешковице—Бодачева. Кавалерия же 5-й армии, сведенная в сводный корпус, сделала удачные налеты на Красноброд и Фрамполь.

И только 9-го сентября, когда XIX корпус начал глубокий обход 1-й австрийской армии на Гораец — Андржеювка, а XXV на Хржанов—Отрочь, гвардии и гренадерам уда-

лось сбить австрийцев и Войерша с высот Зарашов—Тарнавка и нанести им решительное поражение.

К этому времени остальные части 4-й и 9-й армии вели наступательные бои на фронте Ополе—Ходель—Зарашов, имея на левом берегу Вислы кавалерийскую группу Новикова, южнее Юзефова.

При таких условиях австрийцам приходилось в ночь с 9-го на 10-е сентября начать отход, при чем Конрад поставил конечным пределом его реку Сан. Первым этапом отхода намечалась линия от Вислы на Лесник, Горай, Фрамполь. К этому времени Конраду была уже известна директива Иванова с предложением направить 9-ю армию на левый берег Вислы к Сандомиру.

Действия восточной группы армий до 11-го сентября.

Схема № 10.

По окончании Томашевской операции австрийское командование задумало весьма рискованный поворот 4-й армии кругом для маневра против 3-й русской армии севернее Львова, имея у себя в тылу 5-ю русскую армию, сдерживаемую двумя корпусами Иосифа-Фердинанда.

Первоначально здесь до сближения 5-й и 3-й русских армий ключ событий завязывался около единоборства 3-й русской армии с 4-й австрийской, т. к. наступление Плеве против отходившего Иосифа-Фердинанда не вылилось во что-либо интересное в оперативном отношении.

4-го—5-го сентября армия Ауфенберга без боя достигла линии Томашев—Кормчин и, заходя правым плечом вперед, вышла на линию Немиров—Рава Русская. Корпуса Иосифа-Фердинанда держались еще у Грубешова и в Замостском направлении.

3-я австрийская армия располагалась на Городокской позиции севернее Черланя, южнее которого оканчивала сосредоточение 2-я армия, при чем ей возвращался из 3-й XII корпус.

На 6-е сентября австрийские армии получили задачи, которые сводились к защемлению в клещи всех русских войск, которые могли оказаться в узком пространстве, ограниченном с севера линией Рава Русская—Немиров, с запада Городокской позицией и с юга линией Черлань—Львов.

4-й армии было приказано[1] наступать на фронт Вержбяны—Рженна Польска, т. е. вновь в южном и даже отчасти в юго-западном направлении; Ауфенберг изменил его на более восточное и указал линию наступления Старжиска—Жолкев.

---

[1] Конрад. Ч. IV, стр. 652.

2-я армия, уже заканчивая свое сосредоточение к югу от Черланя,[1] должна была наносить главный удар, заходя правым плечом вперед на фронт Черлань—Навария—Салонка и южнее, обеспечивая в то же время отдельными отрядами линию Днестра.

3-й армии указывалось, когда выяснится продвижение 4-й армии, в свою очередь наступать уступами слева на Старжиск и южнее.

Связь между 3-й и 4-й армиями держала 23-я гонв. дивизия.

Пять кавалерийских дивизий было предположено сосредоточить на левом фланге 4-й армии.

В этом плане Конрада мы встречаемся с типичным Шлиффеновским рецептом клещей, которые могли иметь смысл, если бы действительно 3-я русская армия направлялась, как это было до взятия Львова, на запад в компактной массе, а 8-я бездействовала. Но этого не было, а пять кавалерийских дивизий не сумели осветить для австрийского командования обстановки.

Восточная группа русских армий к вечеру 5-го сентября достигла линии, указанной на схеме № 10 Б, при чем 3-я армия была разбросана на 70 клм. в одну линию корпусов фронтом на северо-запад, имея три корпуса сгруппированными на крайнем левом фланге и два откинутыми на широком фронте на север для связи с 5-й армией (пока интервал 30 клм.) и для глубокого обхода армии Ауфенберга, а промежуток между 8-й и 3-й армиями в направлении от Городка на Львов был слабо занят.

На 6-е сентября 5-я и 3-я армии должны были продолжать свое наступление, а 8-я решила завладеть Миколаевым для обеспечения своего левого фланга.

Изложенная группировка сторон и их планы привели к длительной Городокской операции, в начале которой австрийцы имели на своей стороне все выгоды прорыва русского центра на фронте Магирув—Львов, но при условии, что операция будет развиваться быстрым темпом; в противном же случае продвижение армии Плеве и левого крыла Рузского ставило Ауфенберга и Бороевича (заменил Брудермана) в критическое положение.

Центром тяжести боев 6-го сентября—начала шестидневной Городокской операции, были упорные встречные столкновения между IX и X русскими и XVII и VI австрийскими корпусами, которые имели для обеих сторон нерешительный характер, и взятие 8-й армией Миколаева, что обеспечивало левый фланг всего фронта. В частности к вечеру 6-го русские и австрийские корпуса заняли положение, указанное на схеме № 10 Б.

---

[1] За исключением IV корпуса, который весь сосредоточивался к 9-му сентября.

Такие результаты должны были показать Конраду, что операция по прорыву русского центра принимает затяжной характер, при чем 4-я армия Ауфенберга, вместо южного направления, уже под влиянием боев изменила его на юго-восточное и даже на восточное. Шлиффеновские клещи постепенно превращались в лобовой удар.

На 7-е сентября австрийское командование приказало 3-й и 4-й армиям продолжать дальнейшее наступление, а 2-й армии, не дожидаясь полного сосредоточения IV корпуса, перейти 8-го сентября в наступление на Львов и южнее.

С своей стороны 3-я русская армия решила продолжать наступление, направление которого указано на схеме № 10 Б.

8-й армии была поставлена задача обеспечить Львов и прикрыть операцию 3-й армии со стороны Городокской позиции.

Получив сведения о сосредоточении на этой позиции до трех австрийских корпусов, Брусилов перегруппировал корпуса, как указано на схеме № 10 Б.

В течение дня 7-го сентября опять шли наиболее интенсивные бои на фронте 3-й русской армии, успешные для нас на правом фланге (в XXI и XI корпусах) и нерешительные на всем остальном фронте, положение сторон к вечеру 7-го видно из схемы № 10 Б.

Положение Конрада становилось на его северном фланге угрожающим в виду продолжающегося обхода XXI и XI русских корпусов и сближения их с 5-й армией. Ему было необходимо торопиться с прорывом центра на Львов, и он решает бросить 8-го сентября в дело 2-ю армию, не дожидаясь полного сосредоточения IV корпуса.

В виду этого директивой на 8-е сентября указывалось: 4-й армии, которой вновь передавалась группа Иосифа-Фердинанда, сдерживать контр-удар противника, развивавшийся северо-западнее Львова; 3-й армии поддержать 4-ю атакой наступающего противника во фланг и 2-й опрокинуть русских южнее Львова и затем продолжать охватывать с юга.

Со стороны русских 7-го сентября 8-я армия получила самостоятельность, будучи изъята из подчинения командующему 3-й армией; ей был возвращен XII корпус и поставлена задача овладеть Городокской позицией, на что Брусилов предназначил 2½ корпуса (XII, VII и часть VIII), сосредоточив их на правом своем фланге.

День 8-го сентября вызвал кризис на стыке 3-й и 8-й русских армий, где для австрийцев наметился уже удачный прорыв русского фронта.

V и XVII русские корпуса достигли, медленно продвигаясь вперед, авангардом Тарнаватки и главными силами фронта Поляны—Звяртувек. Действующему против них Иосифу-Фердинанду была подчинена армейская кавалерия (2-я, 9-я, 10-я и 11-я дивизии) и ему приказано удерживать наступление 5-й и правого фланга 3-й армий.

Положение XXI и XI русских и XVII австрийских корпусов почти без перемен. Но далее на юг успех переходил на сторону австрийцев. Здесь VI, IX и XI австрийские корпуса несколько потеснили IX, X и XII русские корпуса, заставив XI корпус очистить Янув. III австрийский корпус завладел высотами к востоку от Городка; XII занял Ставичаны и развивал дальнейшие действия своим правым флангом; наступление VII корпуса на Щержец захлебнулось у Гуменца; IV корпус подходил к полю сражения в затылок VII. Правый фланг 2-й армии грозил русским обходом их XXIV корпуса с южного берега Днестра.

Фронт русских угрожал быть прорванным занятием австрийцами Янува и продвижением их 2-й армии, но к ночи положение несколько улучшилось, благодаря тому, что XII австрийский корпус с наступлением темноты отскочил в панике назад.

Для заполнения возможного прорыва на стыке 3-й и 8-й армий было приказано сгруппировать 11-ю, 10-ю кав. и 3-ю Кавк. каз. дивизии к северо-западу от Львова.

9-го сентября интенсивные бои происходили по всему фронту 3-й и 8-й армий, в общем не изменив положение сторон. На северном фланге V и XVII корпусами был взят Томашев, и у Ярчева они вошли в связь с продвинувшимся туда XXI корпусом, о направлении которого на Любуш командование 3-й армией любезно известило австрийцев нешифрованными радио, как об этом они были извещены по радио и о всех передвижениях 5-й армии.[1]

Соединение флангов 5-й и 3-й русских армий, постановка трех корпусов (V, XVII и XXI) в тесной связи друг с другом фронтом на юг и наступление их в ближайший тыл 4-й австрийской армии собственно заканчивали оперативную часть Городокской операции. Изменение в ней могло произойти только в случае решительного тактического успеха, но такового на всем широком фронте от Рава Русская до Миколаева не имела ни одна сторона. Поэтому, когда 11-го сентября V, XVII[2] и XXI русские корпуса дошли до линии Ново-Село, Гребенка и австрийцы были принуждены очистить Раву Русскую, то Конрад решил вывести армии из боя.

На это решение не остался без влияния и начавшийся отход 1-й армии Данкля на Сан.

Отход австрийцев к Кракову и за Карпаты.

Схема № 11.

Относительное расположение сторон ко времени решения Конрада прекратить операцию, отойти назад и перегруппироваться указывало для австрийцев два опасных на-

---

[1] Конрад. Ч. IV.

[2] 10-го к вечеру XVII русский корпус находился, по австрийским источникам, между Наролем и Плацувым, а авангардом подходил в Цешанув.

правления: одно из них, имеющее значение для всего фронта, это направление удара 9-й и 4-й русских армий с севера на юг, прикрываемое ослабевшей 1-й австрийской армией. Энергичное наступление здесь русских отрезывало пути отступления австрийцам к Висле и могло даже повести к их окружению. Другой узел, имевший частное значение, вытекал из относительного положения армий Плеве и Ауфенберга, что давало возможность отрезать этой последней пути отхода на запад, а при удаче и на юг.

На практике не вышло ни того ни другого. Хотя спешное отступление вконец расстроило австрийцев и заставило их побросать массу имущества с целью сохранить кадры войск, но медленное наступление русских, утомление их после трехнедельной операции, естественное расстройство далеко отошедшего от рельсовых путей транспорта, сугубая осторожность и отсутствие определенного плана преследования со стороны командования не дали возможности русским армиям использовать плоды своей победы и окончательно доконать врага. Вся операция вылилась в спешное отступление австрийцев и в следовании за ними русских, почему и интерес ее намного умаляется. Он почти исключительно концентрируется на колебаниях стратегической мысли Иванова.

В директиве об отступлении, отданной вечером 11-го сентября, Конрад объяснял необходимость отхода армий за Сан начавшимся отступлением 1-й армии и образовавшейся угрозой тылу 4-й.

Конрад[1] ставил себе ближайшей целью вывести живую силу армии из-под ударов противника, для чего предполагалось, не задерживаясь долго на Сане, отойти за Дунаец и даже к Кракову, где получить подкрепление от Германии для перехода вместе с ней в общее наступление против России. В виду этого Конрад просил Мольтке прислать ему через Краков 2—3 немецких корпуса.

Участки, предназначенные армиям, по отходе за Сан указаны на схеме № 11, при чем группе Иосифа-Фердинанда указывалось для использования при отступлении дороги Нароль—Ярослав перейти в наступление против обходившей части 5-й армии. За Саном 4-я армия должна была сосредоточить сильную группу в районе Пржеворска.

Отход начать в ночь на 12-е и форсированным маршем 2-й, 3-й и 4-й армиям достигнуть линии—река Верещица ниже Черляны. При отходе в Перемышле оставлялся гарнизон в 43 батальона.

---

[1] Мемуары. Часть IV, стр. 710.

Если 2-й и 3-й армиям приходилось отступать, имея перед собой противника только с фронта, то 4-й надо было избежать ударов с фланга.

Первоначально она наметила себе отход группой Иосифа-Фердинанда по шоссе Нароль—Оленица—Ярослав; XVII корпусом от Равы Русской на Краковец; VI — р. Вышенки на Кохановку и IX от Курники на Яворов.

Но так как шоссе оказалось занятым русскими, а войска Иосифа-Фердинанда не были способны к атаке, то его группе пришлось отклониться к югу на Кровицу—Чернявку, что вызвало отклонение к югу и корпусов 4-й армии, направлением северной колонны их на Вержбяны.

3-я и 2-я армии совершали беспрепятственное фронтальное отступление, но корпуса 2-й армии, сгруппировавшись большей частью на Самборском шоссе и задержанные обозами и дурной дорогой, прошли головой этот пункт только 13-го сентября.

13-го сентября 4-й армии пришлось еще раз уклониться к югу от продвигавшейся армии Плеве, и группа Иосифа-Фердинанда, атакованная русскими, свернула на В. Очи и далее на юг, на Краковец, а корпуса отступали еще южнее, направив южную колонну по дороге Рогузно—Сокаль. Только здесь кризис для армии миновал и она стала на прямом пути отхода за Сан.

Соответственно с 4-й армией 3-я и 2-я армии в этот день достигли линии Лацки В.—Самбор и южнее, а 1-я армия отошла за Сан. 14-го и 15-го сентября к Сану подошли и отчасти его перешли также 4-я, 3-я и 2-я армии.

В этот день Конрадом была отдана новая директива для дальнейшего отхода на линию Дунайца.

В ней австрийское командование указывало, избегая решительных действий до подхода германских войск, 1-й, 4-й и 3-й армиям отойти на линию р.р. Бяла—Дунаец; 2-й в район Збора—Бартфель, 2-й и 3-й армиям начать отход с Сана 17-го, а 4-й—19-го. 1-я армия должна была сообразовать свой отход с положением 4-й армии, что весьма смущало Данкля, так как он не считал возможным оборонять со своей армией фронт в 100 клм.

После ряда арьергардных боев австрийцы отошли 22-го сентября на линию Вислоки, а к 26-му—Дунайца и Бялы, где расположились, как указано на схеме № 11.

Преследование Юго-западным фронтом.

За время описанного отступления австрийцев командование русским фронтом проявило кипучую деятельность в виде большой массы директив, последовательно друг друга изменявших в зависимости от того или иного напра-

вления стратегических мыслей Иванова и перехода его от оптимизма к пессимизму. Под влиянием катастрофы с Самсоновым дух чрезмерной осторожности все более и более овладевал Ивановым, мысль которого сохранить за собой славу победителя занимала сильнее, чем возможно большее уничтожение врага, что все-таки было сопряжено с известным риском.

10-го сентября, когда только обнаружился успех 9-й и 4-й армий, Иванов, несмотря на то, что узел в восточной группе еще не развязался, поставил своей северной группе задачу в самых решительных наступательных тонах. Общий смысл ее заключался в оттеснении армии Данкля 4-й армией к Висле и в переброске 9-й на левый берег реки; конницу же, наоборот, предполагалось перекинуть с левого берега Вислы на правый к Сану, для работы в ближайших тылах австрийцев. Поэтому 4-й армии было указано наступать на участок Сана Развадув – Кржешов, а 9-й на линию Завихост—Соха, имея в виду при первой возможности часть или всю армию переправить у Завихоста на левый берег Вислы.

В этой директиве мы видим отказ от фронтального наступления к Перемышлю, прегражданшегося армией Данкля и рядом естественных преград, и широкий маневр обхода, который, при переброске на левый берег крупных русских сил, мог преградить австрийцам отход на запад.

Одновременно XXV и XIX корпусам 5-й армии было приказано не увлекаться движением на северо-запад, имея в виду, что им предстоит от линии Отрочь—Фрамполь поворот в южном направлении на Фрамполь—Зверинец и далее на линию Цешанув—Нароль для совместных действий с восточной группой.

11-го сентября, когда русские вырывали под Львовом победу из рук австрийцев, Иванов переходит к пессимизму и не только не думает уже о переброске 9-й армии на левый берег Вислы, но намечает приостановку всего фронта для отдыха войск и устройства тыла. При этом, армиям даны были задачи укрепиться на линиях, указанных на схеме № 11. Охрана левого берега Вислы возлагалась на конницу, поддержанную пехотными частями от 9-й армии.

В этой директиве проглядывают уже совершенно оборонительные тенденции. Приостанавливая наступление, Иванов считал возможным, следовательно, ограничиться только вытеснением противника из пределов России и постановкой всех армий фронта локоть к локтю. Трудно доискаться причины такой перемены настроения в один день. Войска к этому времени не были еще утомлены и даже 9-я и 4-я армии не страдали от чрезмерного удаления от железных дорог. 9-я и 4-я армии продолжали 11-го и

12-го сентября медленно продвигаться к Сану, а правые корпуса 9-й армии повернули на юг и достигли XXV—района Горай—Фрамполь и XIX—Зверинец — Терешполь, исполняя опять роль связывающих обе группы армий без участия в оперативной работе той или другой группы.

13-го сентября, когда определенно выяснился отход австрийцев от Львова, Иванова вновь одолевает оптимизм, и он торопит 4-ю и 5-ю армии в развитии энергичного преследования, но на этот раз имея целью сбивать австрийцев уже в юго-восточном направлении, т. е. директива совершенно обратная директиве 10-го сентября. Но уже через несколько часов он отказался от развития энергичных действий и вновь переходит к мыслям об отдыхе и связанном с ним оборонительном положении.

Причину такого решения русские источники видят в том, что австрийцы перевозили значительную часть своих войск на запад по железной дороге (чего нельзя усмотреть из австрийских источников) и в очень быстром отходе противника. Документальные данные, приводимые Конрадом, указывают, наоборот, что корпуса, двигаясь по грязным и запруженным обозами дорогам, не выполняли полностью тех маршей, которыеим указывались приказами. Настоящая причина заключалась в том, что положение северных групп русских армий 13-го—14-го числа, как видно из схемы № 11, не давало уже надежды перехватить пути австрийцев.

Развитию преследования мешало также и то, что левофланговые корпуса 5-й армии не были своевременно направлены для параллельного преследования, а потрепав накануне арьергард Иосифа-Фердинанда у Змиевска и Краковца, сгруппировались 14-го сентября почти перед фронтом противника на путях наступления 3-й армии, чем и задержали ее продвижение вперед. Последняя же оказалась вздвоенной назад, а 8-я дошла до линии Каменноброд—Комарно.

Напомним, что австрийские армии в этот день подходили к Сану и опасность в дальнейшем отходе для них представляла только слабая, из трех корпусов, 9-я армия, оперировавшая к тому же в неудобных лесисто-болотистых низовьях Сана.

Второй директивой, отданной 13-го сентября, армиям опять, как сказано выше, указывались оборонительные задачи укрепиться на линии, показанной на схеме № 11.

Всем войскам указано было на этой линии приостановиться, укомплектоваться и устроить тыл.

Австрийцам приготавливался золотой мост для отхода в наиболее трудный для них период операции.

В ночь с 17-го на 18-е сентября, когда должен был начаться отход австрийских 4-й, 3-й и 2-й армий от Сана на Вис-

локу, русские армии заняли положение, указанное на схеме № 11.

9-я и 4-я русские армии все еще могли захватить в клещи 4-ю австрийскую, задержанную к тому же у Сана на два лишних дня перекрещиванием обозов двух армий, но на это нужны были объединенные и энергичные действия обеих русских армий. Энергии быть не могло, так как все заботы Иванова направлялись к тому, чтобы не поставить выдвинутую несколько вперед 9-ю армию в рискованное положение.

Австрийцы окончательно вышли из-под ударов русских, которые при отходе противника на Дунаец продвинулись к 22-му сентября своим центром только на линию Ланцут — Пржеворск — Ярослав. Внимание Иванова было обращено на обложение Перемышля,[1] а внимание Ставки вновь тяготело к наступлению на Берлин. Галицийская операция интерес потеряла.

Роль Ставки на ход операции.

Схема № 12.

Командование русским Юго-западным фронтом не было самостоятельно; над ним тяготела воля верховного командования или, вернее, коллективная воля Ставки, так как при детальном ознакомлении со всеми оперативными распоряжениями первого года войны этого учреждения весьма трудно установить, кто в нем играл руководящую оперативную роль — Янушкевич, Данилов или анонимный переписчик всех многоречивых, но совершенно неясных телеграмм-директив, почти всегда сводящихся к перефразированию мотивов и докладов одного из фронтов, с постоянной заботой свалить с себя ответственность на исполнителей. Только в редком случае, когда в дело вступал непосредственно верховный главнокомандующий, распоряжения Ставки имели характер определенно выявленного решения, но это большей частью касалось принципиальных вопросов, а не порядка управления.

При таких условиях Ставка мало помогала фронтам, но много им мешала.

Мы уже знакомы с первыми директивными указаниями Ставки, с тем значением, которое она придавала союзным

---

[1] Согласно утвержденному Ивановым плану Алексеева предполагалось этого достигнуть, отрезав крепость от Карпат прочным занятием промежутка между верховьями Сана и Днестра по линии Хыров — Старо-Място (Старым Самбор)—Дрогобыч (задача 8-й армии) и сформировав на нижнем Сане ударную группу для наступления на Перемышль (задача 9-й, 4-й и отчасти 5-й армии). 3-я же армия производит самое обложение крепости. (См. схему № 10 а).

обязательствам России и с желанием во что бы то ни стало скорее наступать от Варшавы на Берлин, почему операции в Восточной Пруссии и Галиции рассматривались ею, как досадные препоны.

Первоначальная заминка Юго-западного фронта заставила Ставку израсходовать войска всей варшавской группы и ко времени катастрофы с Наревской армией она осталась без ближайших резервов; только XXII корпус, перевозившийся из Финляндии, мог оказать своими головными частями некоторую помощь; вслед за этим надо было поджидать подхода III Сибирского и I Туркестанского корпусов. Поэтому думать о наступлении на Берлин пока не приходилось, и директива Ставки от 31-го августа заботится только об удержании за собой полосы Восточной Пруссии к северу от линии Мазурских озер.

1-й армии указывалось удержаться „во что бы то ни стало“ [1] севернее озер на путях от линии Инстербург — Ангербург к линии Вильковишки — Сувалки, проявляя в своих действиях полное упорство; 2-й армии отходить в район Соколки — Осовец — Ломжа с сильным уступом за левым флангом у Замбров, снабдив Новогеоргиевск необходимым гарнизоном; кавалерии этой армии стягиваться к ее левому флангу с целью разведки к стороне Торна и Нижней Вислы.

В отношении Юго-западного фронта [2] также был намечен отход на Зап. Буг с общим направлением Дрогочин — Брест-Литовск — Кобрин, к которому предполагалось приступить в том случае, если „в течение ближайших дней невозможно будет достигнуть решительных над австрийцами успехов“.

Если вспомним, что в этот день кончалась Томашевская операция отходом армии Плеве, а Львов еще не был взят, то данная Ставкой директива чисто оборонительного характера приводила к отходу армий и фронтальному выравниванию их на линии Мазурских озер, Ломжи, Дрогочина и далее по Бугу, т. е. имела вполне определенный оборонительный облик, очень напоминавший идею стратегического развертывания по проекту 1910 года (как указано на схеме № 12). Армии вновь выравнивались в одну линию, имея перед собой изолированную крепость Новогеоргиевск и свободное пространство не только для соединения австро-германцев, но и для совместного маневра их.

---

[1] Это любимое выражение Ставки применялось ею очень часто, размельчалось, почти никогда не исполнялось, но стесняло необходимую самостоятельность исполнителей.

[2] Очевидно автор говорит о западной группе армий Ю.-з. фронта. *Прим. ред.*

Во избежание громоздкости 1-й и 2-й армий, было решено образовать между ними из вновь подходящих корпусов 10-ю армию.

Через два дня после отданной директивы, 2-го сентября, генерал-квартирмейстерская часть Ставки вошла с докладом своих „стратегических соображений" в весьма панических тонах и с весьма путанным проектом отхода на Буг,[1] который, к счастью для войск, кажется, не был им сообщен.

Но на следующий день, т. е. 3-го сентября, получив известие о взятии Львова, Ставка переходит к крайнему оптимизму и уже запрашивает Юго-западный фронт, когда можно начать переброску части войск в Варшаву, что признавалось крайне необходимым с точки зрения общего положения. Таким образом, в один день Ставка сделала скачок от трусливого отхода за Буг до авантюристического перекидывания к Варшаве с целью развития наступательных операций на Берлин, и все это под впечатлением частного в смысле всей операции успеха у Львова. Невольно задаешься вопросом, как же Ставка представляла себе всю Галицийскую операцию и какова же была ее стратегическая мысль? Автор не ошибется, если в ней не найдет никакой стратегической мысли.

Мысль была одна — скорее и крепче помочь французам, которым 4-го сентября телеграфировали: „Как только выяснится ожидаемое отступление австрийцев, то немедленно будут приняты меры к переброске больших сил на германский фронт, при чем имеется в виду также развитие наступательных операций по левому берегу Вислы".

Трудно при этих условиях обвинять исключительно Иванова в том, что он не довел своей победы до конца, зная затаенную мысль Ставки и постоянно опасаясь изъятия у него части войск, попытки к чему продолжались и при развитии Галицийской операции.

Но начавшиеся в это время развертываться в Восточной Пруссии события заставили о Варшаве опять временно позабыть.

Заключение.

Второй период Галицийской операции проходил со стороны русского высшего командования в последовательном развитии основной идеи с некоторыми отмеченными в описании отклонениями и колебаниями командования то в сторону более широкого ее развития (направление 9-й армии на левый берег Вислы), то в сторону постановки себе

[1] Цихович. Стр. 59.

более узкой задачи ущемления 4-й австрийской армии (поворот армии Эверта на юго-восток), что в свою очередь привело только к излишней потери времени и к вытеснению австрийцев из Галиции вместо того, чтобы защемить их там. В общем же операция шла в духе той идеи, которая была положена в основу ее в самом начале.

Совершенно иное мы видим со стороны австрийского командования. У Конрада с первых дней не было, как мы видели, точно установленной идеи всей операции. Он колебался между обороной и наступлением то на Люблин, то на Брест. Надежда на движение немцев также к Седлецу останавливает его выбор на первом направлении.

Но у Конрада нет упрямства в достижении поставленной себе цели; он, последовательно выбирая различные направления для наступления, не сосредоточил для этого ни на одном из них необходимых сил и скоро выдохся.

Вслед за этим австрийцы переносят все свое внимание на промежуток между северной и восточной группами русских армий. Здесь вновь у них не оказалось необходимого кулака ни на Холмском ни на Владимир-Волынском направлениях, и они достигли успеха только тогда, когда использовать его в виду подхода вплотную к их правому флангу 3-й и 8-й русских армий не представлялось возможным.

Конраду предстояло ставить себе новую задачу, и навряд ли он мог рассчитывать при сложившейся обстановке на выигрыш широкой наступательной операции.

Ему оставалось или своевременно отскочить назад, чтобы сохранить армию и поставить ей новую цель, или же продолжать рвать русских, чтобы сохранить за собой инициативу, отвлечь их внимание от германского фронта, а, может быть, при удаче и улучшить свое положение.

Видимо, этой целью австрийское командование и задается, направляя бешеные удары на Львов и затягивая свою 4-ю армию в мешок.

Могла ли победа под Львовом оказать результаты на решительное изменение хода всей операции? Учитывая положение на всем русском фронте, а также выявленную паничность русской Ставки, приходится предполагать, что такая победа австрийцев заставила бы русских откинуться в исходное положение проекта 1910 года и начать новую операцию в несравненно худших условиях. Но в свою очередь поражение австрийцев при излишнем затягивании боя должно было повести почти к окружению их армий и, если этого не произошло, а дело ограничивалось только сильным расстройством живой силы и материальной части, то таковое находилось вне зависимости от австрийского командования.

В Галицийской операции как бы противоставляются осторожный Иванов и живой, подвижной, рискующий иногда до авантюризма, Конрад.

Это различие проглядывает и дальше в самой технике предпринимаемых маневров, и поворот армии Ауфенберга на 180 градусов достоин детального изучения, как редкий тактический пример перекидывания тылов.

Маневры русских армий отличались большой тяжеловесностью, а потому и медлительностью; они отставали от часто менявшейся мысли командования. Эта тяжеловесность встречается и в каждом частном случае—маневр части 5-й и 3-й русских армий северо-западнее Львова был так медлителен, что едва не повел к прорыву русского фронта.

Вообще весь этот эпизод представляет большой интерес с точки зрения сражения группы корпусов в тесной взаимной связи друг с другом и с точки зрения борьбы охвата с прорывом.

В изложенной операции мы встречаемся с оригинальной ролью XXV и XIX русских корпусов, которые исполнили свое большое дело работой на фланге 4-й армии, и их дальнейшее здесь пребывание могло ускорить ее продвижение вперед, но почему-то без расчета времени и пространства они от Фрамполя были направлены к Цешанув и в результате в самый решительный период операции гуляли между двумя группами армий, непомогая ни той ни другой.

Следует отметить еще одну особенность Галицийской операции. При решении каждой очередной задачи ни та ни другая сторона не принимали во внимание при своих распоряжениях дальнейшего хода по окончании выполняемой задачи. Вся мысль была направлена только на выполнение очередного хода, без учета ближайшего будущего. Например, борьба северо-западнее Львова ставила 4-ю австрийскую армию в самое невыгодное, в случае ее неудачи, положение, а между тем никаких подготовительных мер на случай отступления принято не было; между тем она была на краю катастрофы. Чем рискованнее задача армии, тем должно быть более обращено внимание на то, чтобы неудача эта ограничилась только неудачей, но не обратилась в катастрофу.

То же самое можно сказать и относительно русских. Никаких мер для преследования отступавших из-под Львова австрийцев принято не было, хотя отступление это можно было ожидать уже 10-го числа, и левофланговые корпуса 5-й армии (V и XVII) вместо того, чтобы быть нацеленными в более западном направлении для параллельного преследования группы Иосифа-Фердинанда, пошли на юг, выпустили эту группу из своих объятий и преградили на

целые сутки наступление корпусов соседней 3-й армии. Не то же ли самое мы видим и во всей операции, когда пять русских армий полукругом окружили большое пространство, по хорде которого находилась выскочившая из окружения австрийская армия.

Обе стороны имели на Галицийском фронте громадные массы кавалерии, и командование не скупилось в назначении им разнообразных и широких задач, но соответствующего выполнения этих задач, которое оправдало бы пользу существования массы конницы, мы в Галицийской операции не встретим.

Галицийская операция, даже при том медленном темпе, с каким развивалось наступление 9-й и 4-й русских армий, могла и должна была закончиться более полным результатом, если бы желание добить австрийцев доминировало в воле Ставки и фронта. Предвзятая идея о наступлении на Варшаву у первой и дух чрезмерной осторожности у второго были, пожалуй, главными причинами неполного его успеха. Была и третья причина: в парках оставалось по 25 патронов на орудие, и Иванов приостановил операцию на Перемышль, пока число это не будет доведено до 100 патронов.

ОТСТУПЛЕНИЕ АРМИИ РЕННЕНКАМПФА ИЗ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Положение сторон к началу операций.

Схема № 12.

Когда, после пленения двух корпусов армии Самсонова, войска несколько распутались, то ко 2-му сентября стороны приняли положение, указанное на схеме № 12.

В данном случае мы имеем относительное положение сторон, весьма схожее с тем, которое было перед началом войны, но в несравненно лучших для немцев условиях.

Силы почти уравнялись — 18½ германских пех. дивизий против 17½ русских 1-й и 2-й армий. (10-я армия собиралась не раньше 15-го числа). При этом 2-я армия не могла, по расчетам самих немцев, считаться боеспособной.

Германцы вновь занимали центральное по отношению русских армий положение, которое, благодаря железным дорогам, давало им возможность быстро сконцентрироваться в любом направлении; к моменту сосредоточения оно было более приноровлено к наступлению в Седлецком, Белостокском направлениях или в обход левого фланга 1-й армии через озерные пространства.

Русские войска были опять разбросаны в трех отдельных группах, приноровленных благодаря бедности в рельсовых путях, к определенным направлениям. При этом в бли-

жайшие две недели две из этих групп фактически были небоеспособны; 2-я армия—после перенесенной ею катастрофы, а 10-я—потому, что подходили только ее головные части.

Гинденбург вновь находился в том счастливом положении, когда мог поочередно и безнаказанно бить каждую из русских групп в отдельности, будучи в $1^1/_2$—2 раза сильнее каждой из них.

Планы сторон.

При указанном соотношении сил и их группировки для германцев был применим только один способ действий, а именно развитие активности до крайних пределов, так как всякое промедление ухудшало их положение как в отношении силы, так и группировки. Оставалось решить вопрос относительно направления грядущего удара.

Здесь представлялись три комбинации—средний Неман, Белосток и Седлец.

Неманское направление (около 160 клм. длины) приводило к столкновению с наиболее сильной русской армией, но было почти безопасно со стороны флангов в виду небоеспособности 2-й и неготовности 10-й русских армий. Действием в этом направлении достигалась только пассивная цель очищения Восточной Пруссии, так как развить удар за Неман немцы были не в силе.

Белостокское направление такой же длины ставило германцев на главный коммуникационный путь русских армий, передавая в их руки наиболее важную рельсовую артерию и вклиняясь между обоими их фронтами. Району Белосток—Соколка русский генеральный штаб придавал весьма важное значение и относился очень нервно к безопасности его.

Но наступление в этом направлении находилось под непосредственным ударом 1-й армии по тылам.

Третье направление на Седлец длиною около 200 клм. имело на своей стороне весьма много шансов. Кроме того, что оно вело к выполнению немцами их союзнических обязательств по отношению к австрийцам, наступление в этом направлении могло оказать существенную пользу Конраду, так как в этот период победа между австрийцами и русскими еще колебалась, и оно же передавало в руки австро-германцев все течение Вислы и весьма серьезно изменяло положение на Восточном фронте. Но Седлецкое направление имело и свою опасную сторону, так как весь маневр находился под ударом с фланга сосредоточиваемой у Ломжи армии и с другой стороны был стеснен Вислой. Для того, чтобы вполне обеспечить эту операцию от армии

Ренненкампфа, немцам приходилось быть готовыми перенести коммуникацию на Варшаву и на левый берег Вислы.

Австрийцы и русские ожидали, что немцы выберут Седлецкое направление, но они остановились на более для них легком и более эгоистичном, а именно на очищении Восточной Пруссии от армии Ренненкампфа, имея в виду в дальнейшем использовать 8-ю армию в Варшавском направлении (директива Мольтке 31-го августа). В отношении действий против 2-йрусской армии высказывалось пожелание ее преследовать по направлению к Варшаве строго необходимыми силами.

Командование 8-й германской армии решило выполнить задачу, направив третью часть своих сил для охвата левого фланга Ренненкампфа на фронте Иоганисбург — Летцен и для выхода на его сообщения, а двумя третями атаковать укрепленный фронт русских, чтобы не дать им возможности перейти здесь в наступление и сорвать всю операцию. Обходному крылу указывалось иметь в виду возможность контр-маневра русских со стороны Гродно — Ломжа.

В этом плане мы не видим присущего немцам широкого размаха в маневре на фланге, для которого они назначают только треть сил. Чрезмерный, проявляемый почти в течение всей операции страх перехода Ренненкампфа в наступление его правым флангом не позволил им на этот раз собрать в пункте главного удара возможно сильный кулак.

Директивой от 3-го сентября указывалось:

Трем дивизиям (35-я рез. и ландв. Гольца, 70-я ландв. бриг. и рез. Грауденца) обеспечивать границу от Торна до Хоржеле и преследовать части Наревской армии, имея в виду возможность переброски к полю нового сражения. 3-я рез. дивизия занимает Мышинец, имея задачей обеспечение правого фланга нового развертывания. Следовательно, остальные 14½ дивизий направлялись против 11½ дивизий армии Ренненкампфа. Здесь, наоборот, мы вновь встречаемся с образцовой группировкой, в смысле назначения наибольшего числа войск для выполнения основной задачи.

Против армии Ренненкампфа германские войска развернулись в порядке, указанном на схеме № 11.

1-я и 8-я кав. дивизии сосредоточивались на правом фланге и должны были выйти перед этим флангом через расположение XVII корпуса после прохода им Летцена..

В виду загруженности железных дорог и необходимости дать войскам некоторый отдых, общий переход в наступление предполагался 9-го сентября, хотя развертывание на вышеуказанной линии было закончено уже к 5-му сентября.

В этой задержке наступления на 4 дня нельзя не видеть некоторого колебания со стороны Гинденбурга, который, как можно судить по общему тону описания германского

официального историка, сильно опасался перехода в наступление Ренненкампфа его правым флангом и, видимо, выжидал начала его маневра, чтобы потом вернее направить свой удар.

Время с 5-го по 9-е сентября было употреблено немцами на сближение с позицией русских, на лучшее выявление обстановки, путем ряда мелких столкновений в районе озер, и на занятие выгодных исходных пунктов для перехода в общее наступление.

Если у германского командования не было никаких колебаний в выборе плана дальнейших действий и он сразу вылился в определенную форму, при чем германцев можно упрекнуть только в медлительности и первоначальной чрезмерной осторожности, то русское командование выявило между 31-м августа и 9-м сентября образец колебания и полного отсутствия ясно себе поставленных целей и планов действий.

Известная уже нам директива Ставки от 31-го августа намечала выжидательно-оборонительный образ действий, указывая 1-й армии удержаться на линии севернее Мазурских озер, а 2-й стянуться в районе Соколка — Осовец — Ломжа. Жилинский ставил своей директивой от 2-го сентября 1-й армии ту же задачу, но 2-ю армию решил сосредоточить не на Белостокском, а на Седлецком и Варшавском направлениях, а именно в районе Ломжа—Прасныш—Цеханов—Млава. Вновь же прибывающие корпуса (XXII, III Сибирский и I Туркестанский) сосредоточить в районе Лык—Арис—Иоганисбург — Ломжа с подчинением их 2-й армии. При переходе армий фронта в наступление главный удар должен был, таким образом, вновь наноситься Наревской армии.

Но 4-го сентября Жилинский меняет свой план и решает наступать 1-й армией, которой подчиняет пребывающие около 15-го сентября (в район Лыка — Ломжа — Осовец — Граево) XXII и III Сиб. корпуса. При этом Ренненкампфу разрешалось, если он считает возможным, вести наступление только своими войсками, начать его немедленно в „направлении Бишофштейн—Растенбург, обеспечив себя надлежащим образом со стороны Кенигсберга". В этом случае новые корпуса пойдут по мере прибытия уступом на левом фланге армии, при чем, в виду появления немецких частей у Рейна и Иоганисбурга, XXII корпус должен был выдвигаться через Арис — Рейн и III Сибирский через Иоганисбург.

Таким образом, в течение двух суток Жилинский совершенно изменил свой план и хотел сделать то, чего так боялся Гинденбург. В чем искать причины такой быстрой перемены во взглядах? Намеком на это может служить, судя по записке, обсуждавшейся на совещании 2-го сен-

тября, ожидание наступления Гинденбурга на Седлец, как бы подтверждавшееся их демонстративным продвижением к Млаве.

Однако, 5-го и 6-го сентября наступательный порыв у фронта и Ставки поколебался, и оба начали беспокоиться о возможности глубокого обхода флангов I-й армии. Поэтому наступление было отложено до 14-го сентября; пока же намечалось только овладение Летценом. Подходящие корпуса были изъяты из 1-й армии и образовали новую 10-ю; головные части этой последней продвигались по мере прибытия вперед, а именно: XXII корпуса—к Лыку для занятия промежутков между озером и Левантштин и Шпирдинг, а III Сибирского—к Иоганисбургу и Руджанам.

Это продвижение заставило немцев постепенно сдвигать свои войска, развернутые на Наревском направлении, на восток, что и повело к разрозненным и неудачным для нас столкновениям 6-го и 7-го сентября передовых частей XXII и III Сиб. корпусов у Иоганисбурга с частями I германского корпуса, и у Бялы с 3-й рез. дивизией.

Одновременно Жилинский опасался обхода северного фланга Ренненкампфа, почему ему и было указано держать у Тильзита не менее дивизии. [1]

Наконец, 8-го сентября, под впечатлением неудачного боя у Бялы, Жилинский предупреждал Ренненкампфа, что ему неизвестно сколько действует в этом направлении немецких войск, но „если обнаружится наступление нескольких корпусов, то положение вашего левого фланга будет небезопасно, что вам надо иметь в виду".

Когда читаешь такого рода распоряжения, которыми было так богато управление высшего командования русскими армиями в мировую войну, то невольно задаешься вопросом, зачем они писались и стоило ли писать командующему армией, что, если на его фланге собирется несколько корпусов, то он будет в опасности. Но еще характернее этот способ управления выявляется из последующей телеграммы Жилинского Ренненкампфу, отправленной в тот же день 8-го сентября. В ней сообщается, что у немцев юго-восточнее озер пока обнаружены незначительные силы, которые будут отброшены, и левый фланг Ренненкампфа обеспечивается таким образом 2-й и 10-й армиями. Телеграмма заканчивается: „Великий князь рассчитывает, что 1-я армия проявит полное упорство в отношении своего положения, что является безусловно необходимым в виду ожидаемого на этих днях окончательного решения на Юго-западном фронте".

[1] Во время операций об этой дивизии забыли, и она подверглась отдельному поражению.

Можно ли после этого удивляться, что Ренненкампф, насыщенный подобного рода распоряжениями, остался упорно стоять на одном месте, пока не был обойден со стороны обеспеченного, по словам Жилинского, его левого фланга.

Ход операции.

Схема № 13 А и Б.

К утру 8-го сентября 1-я русская армия занимала то же положение, что и 2-го сентября, и только 43-я пех. дивизия II корпуса, бывшая в резерве, раскинулась заслонами против озерных проходов на фронте в 40 клм., от дер. Штренгельм через Видминен до Ариса.

2-я армия была сдвинута больше к центру и расположилась на фронте Остроленка (VI), Красносельц (XXIII), Щуки (I корпус), получив приказ 8-го сентября начать выдвижение на линию Мышинец — Хоржеле для оказания поддержки 1-й армии. Занятие этой армией Нейденбурга и Ортельсбурга, как предполагал Жилинский, окажет влияние на обход и даже на действия немцев на фронте Ренненкампфа.

Между тем немцы начали в этот день на своем правом фланге продвижение передовыми частями для образования восточнее озёр выгодных для развития наступления плацдармов.

Немцы из боевых столкновений 7-го сентября вывели заключение, что левый фланг 1-й русской армии защищается только 43-й дивизией, позиции которого обходятся с обоих флангов, что угроза у Бялы ликвидирована, что русские войска сосредоточиваемые на фронте Бялы — Граево, участия в операции принять не успеют, а со стороны 2-й армии ничего угрожающего не предвидится.

На 8-е число заходящей группе было приказано продвигаться вперед, кроме XX корпуса, который задерживался, чтобы не привлечь внимания русских к их левому флангу до выхода обходящей группы. Центр и левый фланг немцев сближались с укрепленной позицией 1-й армии, готовясь к ее атаке, при чем главный удар предполагалось наносить на выступ ее у Гердауна силами XI и I рез. корпусов, и в результате к утру 9-го сентября обходящее крыло немцев достигло положения, указанного на схеме № 13 А.

Но все развивающееся продвижение немцев против левого фланга 1-й армии заставило Ренненкампфа обратить на это внимание, и он начинает с 8-го числа усиливать его, направив к Бенгейму 72-ю пех. дивизию из Даркемена и 54-ю из Инстербурга, а к Даркемену начал перекидывать с правого фланга XX корпус.

9 сентября немцы начали наступление по всему фронту, при чем против центральной позиции русских у Гердауна должна была начаться артиллерийская подготовка, а штурм предполагался только 11-го числа. С полной интенсивностью развивались действия против левого фланга русских. При этом к концу дня немцы заняли дивизией Гольца, постепенно передвигаемой с Наревского направления на восток, Бялу, 3-я рез. дивизия вела бой под Лыком, а I и XVII корпуса сбили слабые части 43-й дивизии с позиции Круглянкен — Поссесерн, которые отошли в район Лиссен — Кальнишкен. 1-я и 8-я кав. дивизии вышли на фронт Юха—Грюндейде. Далее на север положение оставалось без перемен.

Германское командование получило известие о переходе в наступление 2-й русской армии.

Обстановку на 10-го сентября стороны представляли себе в таком виде.

Германское командование было довольно достигнутыми успехами, но его смущало продвижение 2-й армии и сосредоточение III Сиб. корпуса у Граево. Все это ставило всю операцию под угрозу, если решение не будет достигнуто в скором времени. Поэтому 10-го числа было приказано на главном фронте продолжать подготовку к штурму; XVII же корпусу развивать успех, двигаясь правым флангом через Кутен на фронт Буддерн – Ангербург, а I—обеспечивать продвижение XVII корпуса. Кавалерии двигаться на Гольдап.

В этот день немцы направили свои обходящие колонны прямо на север, имея, очевидно, главной целью содействовать наступлением во фланг фронтальному штурму русской укрепленной позиции.

Для русского командования выяснился глубокий обход левого фланга 1-й армии, и здесь мы встречаемся с оригинальным фактом в управлении войсками. В то время, когда положение 1-й армии могло быть спасено энергичным наступлением головных частей 10-й армии и в особенности XXII корпуса в тыл I германскому корпусу на Видминен, командир XXII корпуса отказывается туда наступать под предлогом переутомления и расстройства его войск после боев у Ариса и Бялы. Командующий же фронтом не только не возражает против такого поведения, но разрешает корпусу отойти к Августову, оттягивая к Граеву и голову III Сибирского корпуса.

В самую решительную минуту Ренненкампф был лишен поддержки соседа, так как 2-я армия, выходившая на фронт Мышинец—Хоржеле, не могла изменить обстановки.

Для командования 1-й русской армией 9-го сентября обстановка совершенно разъяснилась, и оно, продолжая

перекидывать XX корпус к Гольдапу и направляя туда всю кавалерию, решило начать в ночь на 10-е отход всей армией. В результате этого армия, почти не останавливаясь, в два перехода отошла на линию, указанную на схеме № 12, оторвавшись от противника почти на 45 клм.

В то же время Жилинский приказал 2-й армии прекратить наступление и укрепиться на линии Мышинец (VI корпус)—Бржески – Колаки (XXIII) и Кржиновлога В. (I).

10-го сентября утром немцы обнаружили очищение русскими своих позиций, но не верили в общий отход и начали продвигаться вперед с большой осторожностью и первоначально не далее линии Ангербург—Реушенфельд—Георгенфельд — Фридриксвальде. [1] Но около полудня летчиками был констатирован полный отход русских, и германское командование перешло к самому энергичному преследованию „для уничтожения живой силы врага".

Задачей для преследования было поставлено перерезать сообщение Гумбинен—Ковно, для чего кавалерии было дано направление на Гольдап, 3-й рез. дивизии—на Маркграбово, I корпусу—на Гольдап и XVII — на Даркемен. Направление 3-й рез. дивизии в этот день не могло оказать влияния на отход русских войск, а остальным приходилось с полудня сделать от 20 до 39 клм., чтобы занять по отношению к ним угрожающее положение. К тому же им приходилось на своем пути преодолеть на фронте Даркемен—Гумбинен и южнее сопротивление 4-х русских кавалерийских и 5-ти пехотных дивизий, как указано на схеме № 13 Б.

Но все эти внушительные силы вступали в бой с германцами отдельными пакетами, без общего руководства, почему или принуждены были отступать или (72-я) подверглись отдельному поражению. Многочисленная же кавалерия оказывала попрежнему помощь очень незначительную, хотя и была сосредоточена в очень выгодном направлении на фронте Ковален—Филиппово, кроме 2-й гв. кав. дивизии, отошедшей из района Гольдапа к Клешовен.

Как ни были разрознены действия русских, но все-таки они представляли сильную препону быстрому наступлению обходящих германских корпусов, которые к вечеру 10-го сентября достигли линии Лык — Бенгхейм — Ангербург — Домбровкен — Маттенанке, имея гв. рез. корпус за левфлангом у Мюльдзена за отсутствием путей для преследования и кавалерию на правом фланге в районе Маркграбово—Ковален—Гольдап.

Русские войска достигли указанной им линии Спангельм—Гр. Бубайонен—Дидлякен—Домбровкен, имея диви

[1] Повторили ошибку Ренненкампфа после Гумбинена.

зии, обеспечивающие левый фланг сгруппированными южнее и юго-западнее Даркмена на фронте Бейнунен—Гр. Медунишкен—Витгирен.

К вечеру 10 го сентября положениие армии Ренненкамфа, таким образом, с одной стороны, улучшилось, так как обходившие ее 3-я рез. див., I и XVII корпуса отстали и на ее тылах (у Гольдапа) фактически находилась только 8-я кав. дивизия. Но, с другой стороны, русские и германские корпуса вновь сошлись вплотную, и вся трудность для первых заключалась в возможности вновь оторваться от противника. С рассвета 11-го сентября русские корпуса получили задачу отойти одним переходом на 45 клм. назад и, исполняя этот марш круглые сутки, к утру 12-го сентября достигли линии Куссен—Тракенен—Тольмингкемен. Отход этот должен был прикрываться II корпусом, увеличенным 72-й и 57-й пех. дивизиями, и XX корпусом, которому было приказано развить энергичные действия в направлении на Гольдап.

Из прикрывавших отход армии корпусов II своей контр-атакой выбил немцев с опушки Стабригкеленского леса и не развил успеха в виду полученного приказа об отходе, а XX действовал пассивно, отбив, однако, все атаки противника на фронте Варпен—Гавайтен. Конница попрежнему держалась пассивно.

К рассвету 12-го русские корпуса достигли указанной им линии, кроме IV, который решил заночевать на реке Ангерапе в районе Буйлен — Дингляукен. Прикрывающие отход армии корпуса достигли фронта Кариоткемен — Гавайтен—Варпен, имея кавалерию в районе Шиткемен—Коссубен и южнее Роминтенской рощи.

Таким образом, русские войска в течение 50—60 часов сделали с коротким перерывом около 100 клм., а прикрывающие корпуса и особенно II с постоянными боями—свыше 50 клм. В спешном покрытии такого расстояния не подготовленными к быстрому маневрированию русскими войсками и следует искать главную причину расстройства армии Ренненкампфа, а не в быстроте маневра Гинденбурга, которой в действительности не было.

В вечеру 11-го сентября войска германцев достигли линии: Маркграбово—Гольдап—Инстербург, не доходя в общем 20 клм. до русских войск, при чем кавалерия, которой было приказано выйти на линию Мариамполь — Вильковишки, была задержана русской конницей у Дюбенингена и южнее.

Интереснее всего, что в то время, когда 1-я армия только выпутывалась из критического положения, а войска были до крайности расстроены и утомлены беспрерывным 100-километровым отступлением, у Ренненкампфа и Жи-

линского 11-го сентября вновь явилась мысль о переходе в наступление. При этом Ренненкампфу было приказано наступать только левофланговыми, наиболее потрепанными корпусами, а правофланговыми, напротив, отходить назад. Одновременно было приказано XXII корпусу наступать из Августова на Маркграбово; прибывавший II Кав. корпус направлялся к Филиппову; III Сиб.—из Граево на Лык и 2-й армии—вновь возобновить наступление с целью препятствовать переброске немецких войск из Вилленберга к Иоганисбургу.

Но уже 12 го сентября приказ о наступлении был отменен в виду „невозможности более рассчитывать на 1-ю армию для атаки противника". При этом 2-й армии приказано было занять положение, указанное на схеме № 12.

12-го сентября XXVI и III русские корпуса оставались на месте, не тревожимые противником. IV II и XX корпуса начали со второй половины дня отход назад отчасти во вторую линию за правофланговые корпуса, а именно: IV—в район Геритен—Пилюпенен, II—Энзунена и XX — Эйдкунена, при чем только одна дивизия этого корпуса выдержала натиск неприятельской пехоты. Остальные корпуса отошли без соприкосновения с противником, но попали под огонь 8-й германской кав. дивизии, находившейся на правом фланге своего I корпуса на северной опушке Роминтенской рощи. Это повело к излишнему беспорядку и панике в колоннах, чем немцы не имели сил воспользоваться.

12-го сентября германцы продвинулись своими главными силами только до линии Толминкгкемен — Вальтеркемен—Мальвишкин, имея на своем правом фланге I корпус на старом месте, кавалерию в Выштинце и 3-ю рез. дивизию в Сувалках.

Дальнейшее преследование русских велось только кавалерией, нападавшей на отставших; за ней следовали авангарды.

13-го числа немецкая кавалерия дошла до Вильковишек, а корпуса до линии Вержболово—Пилькален, имея XVII и XX корпуса во второй линии. Русские корпуса заняли в этот день линию Владиславов—Вильковишки—Будезеры—Гесторишки, имея конницу Нахичеванского в Кальварии и 2-ю гв. кав. дивизию в Пильвишках за своей пехотой.

14-го числа немцы достигли кавалерией линии Мариамполь—Вильковишки и передовыми корпусами линии Вильковишки—Ширвинты—Шаки. Русские—линии Средники—Шумск — Мариамполь — Симно в порядке, указанном на схеме № 13 А.

Отход армии Ренненкампфа стоил ему потерь около 80 тысяч человек и 150 орудий, которые почти исклю-

чительно следует отнести на долю управления русскими войсками, а не на оперативное искусство Гинденбурга, которое в данном случае сильно страдало нерешительностью и вялостью.

Группировка Северо-западного фронта после операции.

С 15-го по 19-е сентября боевые действия на Северо-западном фронте в широком размере прекратились, так как германцы начали перебрасывать свои войска для новой операции с целью спасения австрийцев. На границах же Восточной Пруссии происходили лишь частные передвижения, преимущественно с демонстративной целью.

Но эти маневры немцев волновали Жилинского, который почти каждый день отдавал своим армиям новые распоряжения и передвигал их с одного места на другое без точного представления о том, какую собственно ближайшую задачу он им ставил.

В конце концов все это закончилось его последней директивой от 16-го сентября (17-го Жилинский был заменен Рузским), которая ставила армиям фронта оборонительную задачу, группируя фланговые армии для обороны Немана и Нарева и центральную для защиты Гродно-Белостокского района. Во исполнение этой задачи, войска в период с 15-го по 19-е сентября, т. е. одновременно с приостановкой операции в Галиции, заняли следующее положение: 1-я армия на правом берегу Немана, 10-я армия в районе Гродно—Августов—Ломжа и 2-я армия на Нареве. Подробное расположение корпусов указано на схеме № 13 А.

Заключение.

Изложенная операция являлась естественным последствием поражения 2-й русской армии, как бы ее вторым актом.

С германской стороны она велась в осторожных и вялых тонах, тогда как моральные последствия эффектной победы над Самсоновым давали немцам полное право использовать психическое воздействие происшедшего для развития самых решительных действий, а колебания русского командования, благодаря которому 1-я армия оставалась на месте до 9-го сентября включительно и спокойно ожидала результата своего обхода, давали Гинденбургу второй случай подряд устроить русским шлиффеновские клещи.

Но немецкий полководец был уже не тот. Его давила слава Танненберга, и он не хотел второй раз подвергать испытанию своего счастливого бога. Сугубая осторожность—таков был лейт-мотив этой операции.

Она проглядывает и в выборе объекта действий (Немана вместо Седлеца), и в сосредоточении для обхода только 1/3 всех сил, оставляя для фронтального наступления 2/3 их, и в постоянном страхе контр-удара правого фланга Ренненкампфа, и, наконец, в откладывании штурма русских позиций до 11-го числа, давая им время выяснить всю обстановку и ускользнуть от удара. Эту осторожность можно усмотреть и в направлении удара обходивших частей, который в первые дни операции нацеливался прямо на север, по ближайшим тылам русских, вместо того, чтобы захватить их более глубоко.

Осторожность высшего командования отражается и на войсках. Они работали вяло. Иначе трудно объяснить, каким образом I и XVII корпуса не уничтожили в первые дни слабой русской 43-й дивизии, которую смело можно признать в этой борьбе победительницей, так как она преградила немцам доступ в тыл русских корпусов. То же самое относится и к IV корпусу, который безнаказанно проводит ночь с 11-го на 12-е впереди всей армии на реке Ангерапне, и к II русскому корпусу, который ускользает в ту же ночь от приготовленных ему I и XVII корпусами клещей, что подтверждается и тем, что на протяжении всей операции фактически действовали по тылам русских войск только две бригады 8-й кав. дивизии, да и те ограничились лишь огнем, не соблазнившись поработать саблей в беспорядочной толпе отходящих русских.

Гинденбург, строго говоря, следовал за 1-й русской армией, а не преследовал ее, и не его вина, что она понесла такие сильные потери в людях и в материальной части. Виновного можно найти исключительно на другой стороне.

Русское командование действительно находилось перед началом операции в весьма затруднительном положении. Неожиданная для него катастрофа с армией Самсонова не только рушила все его оперативные и политические расчеты, но и должна была сильно давить на его психику и на нравственное состояние войск.

Вопрос о наступлении от Варшавы, на котором так бесцеремонно и упорно настаивали французы, приходилось отложить в долгий ящик; невыясненное положение Юго-западного фронта заставляло опасаться движения германцев к Нареву, чему противодействовать русские могли только активной работой своей 1-й армии; наконец, внушительные силы этой армии и подход свежих корпусов также вполне допускали попытку Северо-западного фронта к продолжению наступательной операции. Все это делает вполне понятными бродившие в головах Жилинского и Ренненкампфа мысли о продолжении активных действий в Восточной Пруссии.

Но эти понятные мысли вылились на практике в какую-то неразбериху. Мы не видим здесь логической работы командования по оценке обстановки, по подсчету сил и по выработке основной идеи операции, которая только потом передавалась бы в ясной и определенной форме для исполнения войскам. Весь ужас управления этого периода именно и заключался в том, что все решения Жилинского являлись не следствием обдуманной мозговой работы его и его штаба, а как-то спорадически. Получены новые сведения, блеснула новая мысль и она сейчас же передается для исполнения для того, чтобы завтра быть измененной на совершенно противоположную. Навряд ли можно определенно выяснить по многоречивым распоряжениям Жилинского, каким оперативным багажем он зарядил командующего 1-й армией. Здесь было все, что хотите — и блокада Кенигсберга, и нанесение удара центром 1-й армии, и наступление 2-й армией, при содействии 1-й, и наоборот. Все это перепутывалось указанием Ренненкампфу, то об особой опасности, которая грозит его левому флангу, то о полной его безопасности, благодаря сосредоточению вблизи вновь прибывающих корпусов. А между тем, для 1-й армии, действуя против такого активного противника, как немцы, имелось только два решения, к выполнению которых надо было приступить немедленно, а именно: или переход в энергичное наступление, или отход назад, чтобы выждать подходившие корпуса и стать с ними в оперативной связи.

Весь же богатый сборник распоряжений Жилинского привел как раз к противному, т.-е. к установке ее на месте в течение девяти дней, что не только парализовало ошибку Гинденбурга в оттягивании начала операции на несколько дней, но и дало ему возможность совершенно спокойно закончить свою перегруппировку и расширить выходы из озерных пространств.

Замечательно, что даже настойчивое продвижение немцев на этом фланге с боями вперед не заставило командование подумать об усилении здесь 43-й дивизии, оборонявшей пространство в 40 клм.

Но с того момента, когда решено было отступление 1-й армии и были выяснены размеры обходивших ее частей, меры, принятые Ренненкампфом, не вызывают, казалось бы, осуждения. Он своевременно успел перекинуть туда 5 пехотных и $4^1/_2$ кавалерийских дивизий, т.-е. силы, вполне достаточные для противодействия двум немецким корпусам. И эти силы, вводимые в бой по частям и без общего руководства, все-таки сделали свое дело, т.-к. парировали выигранный уже I и XVII германскими корпусами русский фланг. Обстановка могла здесь разительно измениться в сторону русских, если бы вновь не было преступной бездеятельности масс русской конницы.

Даже в необходимости отхода в 2½ суток на 100 клм. целой армией навряд ли можно строго упрекать Ренненкампфа, хотя он должен был знать, что такое форсирование приводило к расстройству всякую армию, а русскую в особенности, в виду того, что дисциплина маршей больших масс у ней совершенно не культивировалась в мирное время. Ренненкампф имел возможность, если бы он самую технику отхода взял в свои руки, упорядочить и облегчить этот акт, но вся беда в том, что командующий армией, а за ним и часть корпусных командиров выпустили управление из своих рук до того, что Ренненкампфа в течение двух суток никто не мог найти. В беспорядке и в панике в обозах, а также и в больших потерях не так виноваты германцы с их 8-й кавалерийской дивизией, как полная безграмотность (более мягкого слова я подобрать не могу) управления русским фронтом и 1-й армией.

Описанными действиями закончилась первая операция на русском европейском театре, которая имела со стороны России целью: 1) поражение живой силы противников; 2) уничтожение невыгодных выступов Восточной Пруссии и Галиции; 3) приобретение выгодного исходного положения для наступления к Берлину и 4) спасение Франции отвлечением на себя возможно большего количества германских войск.

Почти месячная напряженнейшая борьба всех развернутых на западной границе России вооруженных сил позволила им в полной мере достигнуть спасения Франции и отчасти сильного поражения австрийской армии, поплатившись за это со своей стороны поражением армии Самсонова и сильным расстройством армии Ренненкампфа. Галиция была занята, но восточная Пруссия осталась за немцами и послужила в будущем камнем преткновения для всех наступательных попыток со стороны русских. Неудача, понесенная ими здесь, имела не столько материальный ущерб, сколько нравственное влияние на весь командный состав русской армии, которое в будущем проходило красной нитью во всех операциях против германцев и, в особенности, в Восточной Пруссии.

Обращаясь к причинам, послужившим к полной неудаче русских на германском фронте и к неполному уничтожению австрийской армии в Галиции, следует отметить основную из них, которая повлияла и на все остальные. Эта причина—торопливость и импровизация, которые нарушали основную природу ведения войны массовыми армиями. Многочисленная русская армия обращалась в какой-то демонстрирующий отряд, который преждевременно бросался вперед для спасения частных интересов французских банкиров, забывая, что войну вела великая русская нация, которая должна была больше заботиться о своих, а не о французских интересах.

Откуда-то был дан лозунг „вперед", который заразил и причастных и не причастных к франко-русской конвенции, и под влиянием его благоразумные предупреждения, как например, Самсонова, совершенно не принимались во внимание. Дух какой-то суетливости царил над русским командованием, в особенности, над командованием германским фронтом, во главе которого стоял автор данных французам обязательств.

Самсоновская катастрофа придала особый привкус этому духу, а именно: привкус паничности, который особенно ярко проглядывает в последней операции Ренненкампфа и отчасти Иванова.

Этот период войны должен был показать верховному командованию все недочеты подготовки русской армии по вождению и управлению войсками и слабые стороны подготовки самих войск. Все это могло быть учтено, но все это будет повторяться и в последующих операциях.

Мы встречаемся здесь с двумя применяемыми формами управления войсками—широкие директивы, которыми оперировал Жилинский, и вождение армий с указанием им определенных частных коротких задач, зачаток которого выявил в Галицийской операции Алексеев и которое он развил до широких размеров в 1915 году на посту самостоятельного главнокомандующего. И немецкий официальный источник свидетельствует, что победа русским в Галиции досталась, благодаря лучшему управлению и губительному огню их артиллерии.

Изложенные операции довольно ярко намечают и главные отличительные особенности каждой из столкнувшихся армий. Немецкая армия, пропитанная едиными взглядами со своей однообразной, несколько шаблонного характера, стратегией и со своей тактикой, основанной на взаимной помощи соседей, на принципе контр-маневра и на значении широкой работы на флангах не только в тактике, но и в стратегии. Австрийское командование было отчасти пропитано учением немцев, но далеко не во всем своем составе; в нем и, в особенности, у Конрада, проявляется в большей, чем у немцев, дозе эластичность оперативной мысли. В русском оперативном искусстве, если очистить его от некоторой безграмотности отдельных исполнителей, проглядывает стремление к компактности, к маневру плечом к плечу с боязнью широкого маневра на флангах и с тяжеловестностью самого маневрирования; вопрос о взаимодействии, о прорыве, о комбинированных действиях соседних частей стоял далеко не на высокой степени развития.

Напомним еще о коннице. И русская и австрийская выказали себя малоподготовленными для выполнения боевых задач в широком стратегическом масштабе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первая операция на левом берегу Вислы.

Планы сторон. Ход операции до 13-го октября: действия в Восточной Пруссии, на левом берегу Вислы и в Галиции. Второй период от 13-го октября до конца. Действия в Восточной Пруссии. Действия на левом берегу Вислы: планы и перегруппировки; действия под Варшавой и Ивангородом; дальнейший план сторон и переход русских в наступление; распоряжение русского командования 22-го октября. Отступление и преследование. Заключение.

Операции на левом берегу Вислы.

Схема № 14.

Центр тяжести следующего периода войны на русском театре переместился на левый берег Вислы и оставался там до конца 1914 года.

Желание русской Ставки сбывалось, но далеко не при той обстановке, как она это предполагала. Инициатива перенесения борьбы на запад от Вислы принадлежала немцам и только временно, во второй половине октября, она перешла к русским, чтобы в ноябре вновь и на этот раз до конца маневренного периода стать исключительным достоянием германцев.

Одновременно с операциями в левобережной Польше шли военные действия в Восточной Пруссии и на Карпатах, оказывающие несомненное и весьма печальное влияние на положение дел на главном фронте.

Марнское сражение с его последствиями и разгром австрийской армии показали германскому командованию, что его расчеты на молниеносное окончание войны не оправдались. Участие в войне Англии заставляло предвидеть назревающий новый способ борьбы на истощение, что вызывало со стороны Германии необходимость принять меры предосторожности не только для сохранения своей территории и всех средств для ведения длительной борьбы, но даже для приобретения новых богатых топливом и сырьем областей. Первостепенное значение в этом отношении, участие в войне на стороне центральных держав еще колебавшихся Турции и Болгарии заставляло воздействовать на их психику. Наконец, „бег к морю“ на французском театре и последовавшие вслед за этим бои на Изере

не давали немцам возможности немедленно увеличить свою восточную армию за счет западной и заставляли временно поставить себе здесь ограниченную цель.

Такова была общая обстановка, при которой начинался новый этап кампании 1914 года на русском театре.

Планы сторон.

Верховным командованиям обеих сторон предстояло, вслед за очищением русскими Восточной Пруссии и австрийцами Галиции, поставить армиям новые задачи. Оно к этому и прибегло уже с того времени, когда операции на обоих фронтах постепенно ликвидировались. Со стороны центральных держав в этом важном акте приняли участие оба верховные командования и отчасти командование 8-й германской армией; с русской стороны в нем приняло участие командование обоими фронтами и отчасти Ставка.

В обеих сторонах выработка новых задач не прошла без трений, но у центральных держав скоро восторжествовала твердая воля германского командования, и единство действий, хотя и с некоторыми погрешностями, было достигнуто. В русской же армии две воли главнокомандующих фронтами давили на Ставку, которая по самому своему характеру была бессильна объединить их или провести в жизнь свою мысль; поэтому мы здесь встречаемся с разнобоем в течение всей операции.

Центральные державы.

Еще 11-го сентября Конрад просил у германского командования непосредственной помощи 2—3-мя немецкими корпусами. Но, если в начале войны он видел эту помощь в совместном с австрийцами наступлении германцев к Седлецу, то теперь он вполне естественно хотел помощи плечом к плечу, почему и просил у Мольтке присылки корпусов к Кракову для непосредственного усиления левого фланга австрийских войск.

Германцы ясно сознавали, что настало время спасать свою союзницу, и вопрос заключался только в том, как и какими силами это сделать.

У Гинденбурга не было намерения развивать свою операцию далее за Неман, что явствует из того, что, подходя к русской границе, он еще 13-го сентября вывел во вторую линию четыре корпуса (гв. рез., XX, XI и XVII) и 8-ю кав. дивизию, которые предполагал перекинуть на Наревское направление для дальнейшего наступления к Седлецу.

Трудно понять это запоздалое решение Гинденбурга. Оно имело значение в то время, когда австрийцы подхо-

дили к Люблину, но когда они откатились на Дунаец, то помощь в этом направлении могла рассчитывать на успех только в случае совершенно пассивного поведения русской Ставки. Можно полагать, что подобного рода решение со стороны Гинденбурга более всего базировалось на нежелании попасть под австрийское командование. Впрочем, мысль о Седлеце скоро была оставлена и Гинденбургом, когда он узнал, что надежды на удержание австрийцев на Сане нет и они откатываются на Дунаец.

Фалькенгайн, заменявший к этому времени Мольтке, решал вопрос о новой операции на востоке не только с точки зрения помощи Австрии, но и с точки зрения создания более выгодного положения в предвидении длительной борьбы на истощение.

Дальнейшее наступление русских грозило полным распадом Австро-Венгрии, в чем не оставляло сомнения внутреннее политическое состояние двуединой монархии; оно же угрожало захватом промышленного района Верхней Силезии. Это, так сказать, две пассивные цели, которые легли в основу намечаемых задач; активные же стороны заключались в важности путем успеха на восточном фронте воздействовать на выступление Болгарии и Турции на стороне центральных держав. Приведенные соображения вылились в сформировании (14-го сентября) южной германской армии, первоначально силой в два корпуса, в Верхней Силезии, несмотря на протест Конрада на большое удаление этой новой армии от левого фланга австрийцев.

В постановке двух германских корпусов не плечом к плечу с австрийцами следует видеть не только желание обеспечить Верхнюю Силезию, но и выполнение излюбленной доктрины немцев — широкого маневра на флангах. Исходное положение русских к окончанию Галицийской операции давало все данные предполагать, что Иванов будет продолжать свое наступление к Кракову, и в таком случае Силезская группа предназначалась сыграть роль I рез. и XVII корпусов в Самсоновской катастрофе.

Назначение начальником штаба новой армии честолюбивого Людендорфа не осталось без влияния на решение усилить эту армию уже не только с целью оказать помощь австрийцам и обеспечить Силезию, но и с целью нанести сокрушительный удар русским на Висле севернее Сандомира. Поэтому 15-го сентября было решено перебросить в Силезию $4^1/_2$ корпуса и сформировать 9-ю армию, во главе которой был поставлен Гинденбург. Состав 8-й и 9-й армий и район сосредоточения последней указан на схеме № 14.

Прибытие войск в район нового сосредоточения, каковым первоначально был избран фронт Олькуш—Кемпен, должно было начаться с 19-го сентября.

Конрада беспокоил выбранный немцами район, находившийся далеко уступом сзади за расположением австрийской армии на Дунайце, почему возник вопрос об отводе этой последней еще далее на запад. Но опасение наступления русских на Венгрию заставило Конрада сохранить расположение австрийской армии на Дунайце, откуда она могла парализовать фланговым ударом эту опасность.

Перемышль был предоставлен собственным силам (величина его гарнизона определялась в 62 бат.) и должен был держаться до крайности.

В дальнейшем разработка плана операции Людендорфом шла совместно с Конрадом.

Первоначальная идея ее заключалась в том, что 9-я германская армия наносит удар наступающим русским во фланг и тыл в то время, когда 1-я австрийская, усиленная в своем составе за счет правого фланга, встречает русских своим фронтальным ударом. При этом, германцы должны были наступать севернее Вислы, а австрийцы южнее. Начало наступления было назначено на 30-е сентября. Если же русские останутся в занимаемом ими положении, то Конрад переходит в общее наступление с целью отнятия Галиции, а Гинденбург завладевает русской Польшей. Продвижение русских в Венгрию признавалось не опасным, а, напротив, желательным. [1] 2-я австрийская армия, защищая проходы через Карпаты от Ворохты через Ужок до Дуклы, стягивается к западу и сосредоточивает свои главные силы в районе Яслиска — Лупков (Мезалаборч).

К этому времени (18-го—19-го сентября) у Конрада были уже данные от разведки о возможности перекидывания 9-й русской армии к Ивангороду. [2]

По всей вероятности, под впечатлением этого известия, а также в виду приостановки русских на Сане, Гинденбург начинает торопиться с переходом в наступление, предполагая направить свой обход севернее и наступать правым флангом на Кельцы. Он обращается к австрийцам с просьбой перекинуть часть их сил на левый берег Вислы, чтобы закрыть промежуток между двумя армиями. В то же время эти последние должны были развить наступление и южнее Вислы, имея уступ за правым флангом.

Обозначившаяся перегруппировка русских армий срывала идею задуманных клещей, и Гинденбург начинает заметно нервничать. Он эгоистично рискует бросить во фрон-

---

[1] Immanuel в своем „Siege und Niderlagenen im Weltkriege" на стр. 25 говорит, что имелось в виду достигнуть линии Вислы и принять меры к отражению наступления русских до тех пор, пока австрийцы, взяв Львов и освободив Перемышль, развернутся для удара на фронт Холм—Люблин.

[2] Часть IV. Стр. 807.

тальное наступление еще расстроенную австрийскую армию для того только, чтобы задержать перегруппировку армий Иванова и выполнить заученный рецепт Шлиффена.

Колебания Конрада заставляют германского вождя перейти к угрозам. 23-го сентября он сообщает австрийцам, что время не ждет и 9-я армия переходит в наступление, для удержания инициативы в своих руках, 29-го числа, которое было впоследствии еще раз изменено на 27-е сентября. При этом Гинденбург грозил, что если Конрад не развернет части своих сил на север от Вислы, то немцы поведут самостоятельную операцию на Варшаву — Ивангород. „В успехе,—хвастливо писал Людендорф,[1]—штаб 9-й армии не сомневается даже и в том случае, если австрийцы и не перебросят части сил на Вислу, но тогда это будет Мукден, а не Танненберг".

Так была велика слепая вера этого безусловно выдающегося штабного работника в целительную силу рецепта Шлиффена.[2] Имея сведения о переброске целой русской армии к Ивангороду и произведя учет состояния австрийской армии, соотношения сил и расстояний, он, анализируя беспристрастно всю обстановку, должен был бы понять, что в данном случае погоня за Танненбергом сильно припахивала необдуманным авантюризмом. Конечная ограниченная цель операции, поставленная Фалькенгайном, была в данном случае более жизненна и более соответствовала сложившейся обстановке.

Гинденбург знал, чем воздействовать на Конрада.

Угроза ухода немцев в северном направлении была для последнего очень рискованна, почему он и согласился сосредоточить к 30-му сентября пять дивизий на фронте Нов. Корчин—Пинчов, направив на левый берег и корпус Войерша. Гинденбург в свою очередь согласился направить правый фланг своей армии южнее, а именно на Андреев.

К 27-му сентября, к началу наступления австро-германцев, их армии заняли положение, указанное на схеме № 14.

Общее развертывание армий центральных держав вылилось в занятие австрийской армией фронта Лупков—Дукла—Горлица — Н. Корчин — Пинчов, с сосредоточением пяти

---

[1] Конрад. Часть IV. Стр. 837.

[2] Один из моих рецензентов упрекнул меня в нерасположении к „рецептам" Шлиффена. Здесь явное недоразумение. Из всех разбросанных в этом труде моих мыслей проглядывает мое глубокое уважение к мыслям Шлиффена, который лучше, чем кто-либо из современников, резюмировал суть военного искусства начала XX столетия. Я борюсь не против учения Шлиффена, а против применения его в формах, не соответствовавших обстановке, при чем оно действительно обращалось в зловредные рецепты. Впрочем, в этом взгляде я не одинок: Фалькенгайн, Мозер, Тирпиц и многие другие также намекают на рецептурное применение Шлиффеновского учения многими немецкими генералами.

дивизий на левом берегу Вислы, и в занятие пятью германскими корпусами (включая сюда и корпус Войерша) фронта Краков—Люблинец, уступом слева за австрийцами. Далее на север до Калиша фронт был занят 2-й пех. и 1-й кав. дивизиями. Наконец, в районе Мазурских озер имелось около четырех корпусов. Напомним, что за линией развертывания германских армий проходила одна из наиболее мощных в Европе рельсовых сетей, что группировку немецких сил делало фактором далеко не постоянным. Но зато, по мере продвижения к Висле, их положение в этом отношении не только уравновешивалось, но и делалось хуже русских.

План русского командования.

В организации русского командования была особенность, которая играла большую роль в выработке основных идей операций. Я говорю о разделении вооруженных сил не на эластичные группы армий, а на два тяжеловесных фронта, представлявшие по своей силе, значению и удельному весу столь мощные организмы, что с ними приходилось Ставке считаться. И давление фронтов на Ставку мы видим в течение всей войны и в особенности в маневренный ее период, при начальнике штаба Янушкевиче.

17-го сентября во главе Северо-западного фронта был вместо Жилинского поставлен Рузский с раздутой славой завоевателя Львова. Анализ всей сохранившейся в архивах переписки этого генерала рисует его облик в довольно ясных чертах. Это был человек, не обездоленный талантом и знаниями, но как бы природный критик. Как я уже говорил, Ставка редко выступала со своими оперативными предложениями; она хваталась за мысли, полученные ею от того или другого фронта, и облекала их в форму своих директив. И в этом отношении всякая мысль Юго-западного фронта встречала со стороны Рузского самую беспощадную критику, сбивавшую Ставку с ее и без того слабого фундамента. Что же касается до созидательной работы Рузского, то она всегда выливалась в требование передачи его фронту лучшей и большей части сил и средств, в оплату за что он ограничивался узкими, большей частью охранительного характера, целями, боясь подорвать свою репутацию победителя, и только в далеком будущем обещая дать нечто большее и наступательное.

Высшее управление в предстоящих операциях, где весьма тесно соприкасались интересы обоих фронтов, сводилось, следовательно, к какой-то коллегии, где два противоположные полюса представляли Рузский и Алексеев с примесью большого влияния на верховного главнокоман-

дующего генерал-квартирмейстерской части его штаба. Компромиссное управление со всеми присущими ему недостатками и с полным отсутствием единоличной ответственности.

Первоначально у Ставки не было мысли объединить операцию фронтов в одну общую, и каждый из них работал как бы отдельно; только полное несогласие во взглядах Рузского и Иванова, при чем первый тянул свою группировку на восток к Гродно, а второй на запад, на левый берег Вислы, заставило Ставку попытаться свести к одному знаменателю расползающиеся в разные стороны фронты.

Все известные нам во время Галицийской операции колебания Юго-западного фронта вылились в конце концов в намерение Иванова принять к исполнению план Алексеева, который он сообщил в Ставку 20-го сентября. [1]

В основу этого плана ложилось постепенное выдвижение армий фронта на левый берег Вислы, первоначально на линию Ниды, а потом и Пилицы от Петрокова до Мехова. Отсюда армии могли развивать удар или через Краков на Вену или через Калиш на Берлин.

Автор проекта рассчитывал, что ведомые здесь 12—16 корпусов не только обеспечат Варшаву и левый фланг Северо-западного фронта, но и оттянут часть германских сил из Восточной Пруссии.

Со стороны северного соседа Алексеев первоначально ожидал только обеспечения правого фланга и тыла своих армий, большинство которых базировалось на железные дороги севернее Полесья.

Алексеев рассчитывал, что при этих условиях головы колонн Юго-западного фронта к началу октября (конец сентября по старому стилю) могут быть на линии реки Ниды и тогда уже надлежит решить вопрос, направлять ли их далее к Кракову или на Пилицу.

Особенность этого плана заключалась в том, что выдвинутые 12—16 корпусов не только подвергались удару живой силы противника в оба фланга, при чем богатая рельсовая сеть давала ему возможность сделать это неожиданно и скоро в том или ином направлении, но также и в отношении опасности сообщений этой массы корпусов. Большинство рельсовых путей отходило от правого фланга в северо-западном направлении, находясь под ударами со стороны Нарева; один путь от Львова на Ровно был в силах пропитать только фланговую 8-ю армию, и только путь на Ивангород—Ковель—Сарны мог считаться безопасным.

---

[1] В архивах мной не найден.

Если Юго-западный фронт мог собственными силами обеспечить свой фланг и южную коммуникационную линию, то его наиболее опасный правый фланг находился всецело на попечении Северо-западного фронта. Этому же последнему приходилось обеспечивать активными действиями больших сил непосредственно фланг Юго-западного фронта и, кроме того, обеспечивать на длинном протяжении Нарева и Немана коммуникации обоих фронтов. Такая двойственность задач невольно должна была тянуть Северо-западный фронт в двух противоположных направлениях, причем чувство безопасности заставляло придавать особое значение восточному направлению. Правда, сравнительно богатая рельсовая сеть между Варшавой и Вильной облегчала переброску войск одного направления на другое, но такой способ использования железных дорог в то время совершенно не культивировался русской армией. Овладение Восточной Пруссией меняло коренным образом обстановку в пользу русских.

В своих предположениях Алексеев рассчитывал также, что наступление его корпусов притянет к ним неприятельские силы и ослабит удар на Восточную Пруссию, но автор, видимо, не учел возможности для немцев противодействовать его замыслам и другим способом, способом широкого наступательного маневра в опасном и неожиданном для противника направлении.

Новый главнокомандующий Северо-западным фронтом Рузский потребовал для своих активных действий усиления фронта еще одним—двумя корпусами, что можно было только сделать за счет его соседа и, кроме того, уширения тылового района для свободы маневра в случае неудачи. На последнее Ставка согласилась, уширив тыловой район до линии Ивангород—Брест-Литовск, чем передала главные пути снабжения фронта Иванова в распоряжение Рузского, но в корпусах отказала.

Рузский, не удовлетворенный отказом в свежих корпусах, перешел, под предлогом исправления растянутого кордонного расположения, к обороне и, кроме того, оттянул свой фронт на линию Ковно—Гродно—Бельск.

Директивой 19-го сентября он указал 1-й армии отойти для восстановления своих сил на Неман и оборонять участок от Прены до Мереча; 10-й армии отойти на Бобр и оборонять участок от Друскеники (на Немане) до Визны (на Нареве) и 2-й—отойти на фронт Златория—Бельск. Варшавскому отряду оборонять „до крайности" Варшаву, после чего отойти одной дивизией к Ивангороду, а другую оставить в Новогеоргиевске.

Таким образом, в то время, когда один фронт предполагал выдвинуться вперед до линии Петрокова, дру-

гой откидывался к Бельску уступом на 400 километров назад.

Но Рузский, отдав подобное распоряжение, потребовал от Ставки подтверждения его особой директивой. Янушкевич также не хотел брать ответственности на себя, что и отразилось в отданной им директиве 20-го сентября:

„В виду Вашего запроса,—писалось в ней,—[1] сообщаю директиву верховного главнокомандующего армиям Северо-западного фронта на ближайшие дни, согласованную с Вашим заявлением".

„Главнейшей целью должно служить улучшение развертывания армий фронта в общей их совокупности для достижения должной взаимной связи в действиях и уменьшения растянутости, могущей привести к поражению отдельных армий по частям.

„В частности надлежит: 1) отвести 1-ю армию за Средний Неман, где энергично заняться ее восстановлением; 2) в случае серьезного наступления германцев против 1-й армии, отводить эту армию в направлении на Вильно, прикрывая пути на Москву и отчасти на Петроград; 3) 10-ю и 2-ю армии сосредоточить в районе Бобра и Верхнего Нарева для удержания Гродно-Белостокского района и занятия угрожающего положения на случай перехода противником в наступление в направлениях к Среднему Неману или к Нижнему Нареву[2] и далее на юг и притом во всех случаях при условии тесного взаимодействия обеих армий.

„Вместе с тем, армиям фронта надлежит деятельно готовиться к возможности перехода в решительное наступление всеми силами. Цель и направление такого наступления будут сообщены дополнительно".

Читатель по достоинству оценит эту оригинальную директиву с обилием общих поучений, с глубоко отступательными тенденциями и с маловероятной помощью Юго-западному фронту, если немцы обрушатся на его тыл и фланг. Более интереса представляет вопрос о том, как же Ставка рисовала себе картину работы Юго-западного фронта при таком оттягивании на восток армий Рузского?

На это некоторый намек дает письмо Янушкевича, отправленное им в тот же день Иванову с целью как бы оправдать отданную Рузскому директиву.[3] В нем автор, сознавая, что отход 2-й армии к Бельску открывает немцам пути на Варшаву и Новогеоргиевск, считает, однако, что наличие двух армий на фронте Гродно—Бельск едва ли по-

[1] От 7-го сентября старого стиля № 4137. Воен.-Уч. Арх., д. № 470.
[2] До последнего 160 клм., т. е. не менее 8 переходов.
[3] От 7 (20)-го сентября № 316/65. Военно-Ученый Архив., д. № 470.

зволит немцам развить широко к югу их наступательные действия. Но в конце письма автор, забывая свое оптимистическое начало, требует готовности Брест-Литовской крепости, которая „при новом положении вещей является опорой левого фланга армий Северо-западного фронта".

Вероятно, мысли, изложенные в стратегических соображениях генерал-квартирмейстерской части Ставки, о которых упоминалось в предыдущей главе и которые сводились к отступлению Юго-западного фронта за Буг, не потеряли в Ставке почвы и после Галицийской победы.

День 21-го сентября был катастрофический и для Ставки, которая получила письмо от Алексеева с его наступательным планом выдвижения на Пилицу, и для Юго-западного фронта, узнавшего о начале отхода Рузского к Бельску.

Иванов реагировал на это известие длинной телеграммой,[1] в которой выдвигал следующие положения: 1) отход Рузского на Бельск кладет предел наступательным действиям Юго-западного фронта; 2) занятие противником Варшавы произведет такое нравственное впечатление, с которым приходится считаться, и 3) расширение тыла фронта Рузского заставляет армии Иванова базироваться только на пути южнее Полесья, едва достаточные для двух армий, при чем для перекидывания тылов трех северных армий потребуется длительное время и Иванов требовал задержать на этот период отход Рузского. (Интересна пометка Данилова на этой телеграмме — „выяснить причины страха за сообщения").[2]

Ставка же, попавшая в тупик, безуспешно старалась задержать отход 2-й армии на восток пока все вопросы не будут разрешены на съезде главнокомандующих в Холме 22-го сентября.[3]

Положение Ставки особенно осложнялось тем, что верховный главнокомандующий, видимо, стал на сторону Иванова и личной телеграммой указывал ему искать живую силу противника и разбить ее, действуя в направлении Краков—Познань и прочно закупорив выходы из Карпат.[4]

На совещании в Холме 22-го сентября в общем победа осталась на стороне Иванова. Было решено не только отменить отход 2-й армии, но фронту Рузского увеличить Варшавский отряд на два корпуса, а Иванову перекинуть

---

[1] От 8 (21)-го сентября № 1339. Воен.-Уч. Арх., д. № 470.

[2] Размеры труда не дают, к сожалению, возможности подробно анализировать всю оперативную переписку Ставки, которая представляет интерес всеми своими нюансами. В дальнейшем я ограничусь поэтому приведением в выдержках только особо типичных образчиков.

[3] Разговор Данилова с Орановским 8 (21)-го сентября по прямому проводу Воен.-Уч. Арх., д. № 470.

[4] Телеграмма от 8 (21)-го сентября № 4147. Там же.

в район Ивангорода армию из трех корпусов (была назначена 4-я). В остальном Ставка, уклонившись от указания общего плана действий, предоставила фронтам свободу при выполнении их частных задач, чем дала повод и к будущим между ними несогласиям. [1]

Но приведенное выше постановление совещания в Холме имело силу только до отъезда Ставки из Холма.

Уже в тот же день Янушкевич успокаивал Рузского, что время отхода 2-й армии к верхнему Нареву предоставляется его усмотрению при условии не подвергать ее опасности отдельного поражения. [2] Таким образом, влияние Рузского вновь получило доминирующее значение, а совещание в Холме имело только один практический результат, а именно направление 4-й армии из трех корпусов с Сана к Ивангороду.

Влияние Рузского на Ставку так увеличилось, что в последующие за совещанием несколько дней его можно считать почти единственным руководителем оперативной мысли Ставки. Правда, эта последняя была в своих симпатиях не постоянна и через несколько дней, как увидим ниже, влияние перешло также на несколько дней к Алексееву и т.д. [3]

25-го сентября для Ставки, наконец, определенно выяснилась переброска значительных германских сил на левый берег Вислы и она в этот день разражается грозной директивой Иванову, [4] в которую были вложены мысли, сообщенные Рузским в телеграфной переписке 23-го и 24-го числа.

Директива Янушкевича начинается подтверждением сообщений фронтов о том, что противник развертывается на левом берегу Вислы, примерно, на фронте Влоцлавск—Избица—Серадзь—Ченстохов—Мехов, и жалобой, что он ничего не знает о его группировке. Во всяком случае Янушкевич считал возможным подход противника к линии Радом—Илька—Опатов—устье Вислоки уже 16/29-го сентября.

Только теперь начальник штаба верховного главнокомандующего обратил внимание на уже существовавшее в течение двух недель неудобное скопление армий Юго-западного фронта в узком мешке между Карпатами и верховьями Вислы и обрушился на Иванова всей силой критики Рузского.

Обращаясь к созидательной части директивы, можно отметить, что она выражалась только в одном требовании,

---

[1] Г. Корольков. Лодзинская операция. Стр. 19—20.

[2] От 9 (22)-го сентября № 4167. Воен.-Уч. Арх., д. 470.

[3] Автор основывает свой строгий вывод на детальном изучении всей переписки Ставки, но размеры и назначение настоящего труда не позволяют ему подтвердить свою мысль широким цитированием документов.

[4] 12 (25)-го сентября № 4269. Воен.-Уч. Арх., д. № 470.

а именно поставить армии фронта лицом к лицу с живой силой противника.

Янушкевич сообщал, что Рузский не желает оставлять 2-й армии на нижнем Нареве, а поведет, начиная с 3-го октября, наступление всеми тремя армиями фронта в общем направлении от Гродно, чем, по мнению Янушкевича, лучше всего прикроет тыл фронта Иванова. К сожалению, авторы директивы не объясняют на чем было основано такое их мнение.

Считая, что до одержания Рузским победы мы не можем наступать ни на Карпаты ни на верхний Одер, Янушкевич требовал принятия Ивановым такого расположения, при котором можно было считать себя готовым „встретить попытку противника развить наступательные действия по левому берегу Вислы, а также иметь возможность, при первом успехе на Северо-западном фронте или другом благоприятном случае, перейти самим в решительное наступление по обоим берегам Вислы на Краков—Ченстохов—Калиш".

Если резюмировать всю длинную директиву Янушкевича, то она сводится к указанию Иванову принять выжидательное положение на Висле и Карпатах фронтом на запад и юг, имея большую часть сил фронтом на запад, пока Рузский, сосредоточив три свои армии в районе Ковно—Белосток—Брест, не разобьет противопоставленных ему на Мазурских озерах четырех германских корпусов.

Иванов, сознавая при этих условиях всю бессмысленность не только своих наступательных порывов, но даже оставления армии в занимаемом положении, имея в необеспеченном тылу разлившуюся реку и полосу болотистых Таневских лесов, а также будучи легко обходим со стороны Карпатских проходов, решил последовать примеру Рузского и отвести свои армии назад, поставив их в более выгодное положение и в тактическом (атаковать противника, расстроенного проходом через Таневскую полосу) и в стратегическом (возможность развития наступательных действий на запад и юг) отношениях.

Поэтому он приказал отвести армии к 30-му сентября на фронт Ивангород—Яворов, выделив особый корпус для обеспечения Львова.

Мнение Иванова в отношении дальнейших действий сводилось к тому, чтобы, оставив для обеспечения Галиции и действий на Краков и Карпаты 8 корпусов, направить 10 корпусов по операционному направлению Ивангород—Бреславль. Северо-западный фронт должен был, обеспечивая себя на правом берегу Вислы 5-ю корпусами и резервными дивизиями, направить 8 корпусов по операционному

направлению Варшава — Познань. Это составляло угрозу Берлину 18-ю корпусами. [1]

Таким образом, решением Рузского, поддержанного Ставкой, и вынужденным решением Иванова мы отходили в положение начала войны, но при лучшей группировке армий Юго-западного фронта; при этом сводились почти на нет результаты трехнедельного Галицийского сражения, а, главное, в глазах Ставки этим вызывалось бы негодование французов.

Немудрено, что верховный главнокомандующий пришел „в неописуемый ужас“ [2] от такого решения и лично поехал к Иванову. На совещании в Холме 26-го сентября было принято компромиссное решение, формулированное Ивановым в своей директиве от того же числа. „По личному повелению верховного главнокомандующего, говорится в ней, надлежит переместить на участок Вислы Ивангород—Завихост не менее двух армий и обеспечить фронт активными действиями со стороны Венгрии“. В результате этого решения с берегов Сана потянулась на берега Вислы вслед за 4-й армией и 9-я.

Ставка свое относительное определенное решение высказала, наконец, в директиве на имя Рузского от 28 го сентября. [3]

Общей задачей армиям обоих фронтов ставилась подготовка к переходу в наступление возможно большими силами от средней Вислы к верхнему Одеру для глубокого вторжения в Германию. Для этого Юго-западный фронт должен был перебросить на левый берег Вислы не менее 10 корпусов, а еще лучше три армии, обеспечивая остальными силами Галицию путем широкого развития активных действий на Краков и за Карпаты. На Северо-западный фронт возлагалось: [4] обеспечение операции на Силезию со стороны правого фланга и тыла наступлением от Варшавы возможно большими силами по левому берегу Вислы.

Эта, в общем, правильно поставленная Рузскому задача портилась дальнейшим дополнением, в котором Янушкевич указывает перейти в общее наступление в Восточной Пруссии, имея возможность левофланговой армией оказать быстрое и непосредственное содействие Юго-западному фронту при его первоначальных операциях на берегах Вислы.

В приведенном абзаце Рузский впоследствии нашел большую опору в своем нежелании пододвигать к Висле и в особенности за Вислу войска своего фронта.

---

[1] Телеграмма Иванова от 12 (25)-го сент. № 1483. Воен.-Уч. Арх., д. № 470.
[2] Из разговоров Янушкевича с Алексеевым по прямому проводу (25)-го сентября Воен.-Уч. Арх., д. № 470.
[3] № 4337 от 15 (28)-го сентября. Воен.-Уч. Арх., д. № 470.
[4] № 4337 от 15 (28)-го сентября. Воен.-Уч. Арх., д. № 470.

Наконец, к 1-му октября Ставка окончательно убедилась, что в Восточной Пруссии имеются только 4 германских корпуса, что главные силы немцев развернулись на левом берегу Вислы, но кулак их она ошибочно предполагала на фронте Лодзь—Кельцы, и что в направлении Кракова и Карпат также имеются в наличии внушительные силы.

В виду этого сверховный главнокомандующий,[1] во исполнение основной задачи, поставил ближайшей целью разбить войска, наступающие на левом берегу Вислы, стремясь развить сильный удар против левого фланга, т.-е. несколько меняя прежнее направление.

Выполнение всей операции возлагалось на Иванова, которому подчинялась и 2-я армия в составе трех корпусов (II сиб., I и XXIII арм.) и 6-й кав. дивизии, долженствовавшая спешно сосредоточиться по железным дорогам в районе Варшавы.

На Северо-западный фронт возлагалось обеспечение правого фланга и тыла Юго-западного фронта со стороны Восточной Пруссии, при чем ему указывалось быть готовым выделить на Вислу еще не менее двух корпусов.

Таким образом, от первоначальной записки Алексеева от 20-го сентября с предложением перенести активные действия на левый берег Вислы и до принятия окончательного решения в том же духе 1-го октября прошло 11—12 дней колебания, которые в корне изменили в худшую сторону обстановку и заставили русских начать операцию контрманевра, после тяжелого кризиса, с форсирования Вислы, так как немцам было дано время безнаказанно приблизиться к этой реке.

Обращаясь к группировке Ставкой сил и к постановке задач, мы видим, что четыре армии сильного состава, увеличиваемые и подходившими стратегическими резервами, были направлены для выполнения главной задачи наступления на левый берег Вислы; оставление по две армии для обеспечения флангов вызывалось как важностью этих флангов, так и опасным их положением в виде угрозы тыловым путям, которые почти исключительно сосредоточивались на флангах. Наконец, выполнение операции возлагалось на одно лицо, но, к сожалению, лицо не вполне самостоятельное, имевшее справа от себя соседа, враждебно относившегося ко всей идее операции. С этим приходилось мириться в виду неспособности Ставки взять дело управления в свои руки.

---

[1] Директива от 18-го сентября (1-го октября) № 4413. Воен.-Уч. Арх., д. № 470. Стр. 102—106.

Ход операции.

Относительное положение и планы сторон привели к длительной встречной операции на левом берегу Вислы, известной под именем Ивангородско-Варшавской, которая закончилась отходом австро-германцев и преследованием их русскими войсками. Действия на левом берегу Вислы находились в тесной связи с операцией в Восточной Пруссии и в Галиции.

Группировка войск обеих сторон перед началом описываемого периода.

Схема № 15.

Расположение сторон ко времени окончания предыдущей и начала излагаемой операций на всем русском театре, примерно, к 23-му сентября видно из схемы № 15. [1]

В последующие дни XVIII корпус 9-й армии переправился через Вислоку, а 3-я армия должна была закончить обложение Перемышля, для чего XXI и XI корпуса должны были переправиться через Сан в районе Радымно и Барич и охватить одновременно с наступлением 5-й армии крепость с севера; IX корпус укрепляется восточнее крепости на линии Старжава—Балицы, X корпус южнее этой линии, охватывая крепость; оставшийся участок обложения должен быть занят кавалерией. Подъем воды в Сане задержал переправу правых корпусов, но X корп. протянулся до Низанковицы, а кавалерия завершила к 26-му сентября обложение крепости.

Первый период операции до 13-го октября.

Схема № 16 (А, Б и В).

Первый период операции объемлет время колебания Ставки в принятии определенного решения, что закончилось возложением командования на левом берегу Вислы на Иванова и вылилось в перегруппировку русских войск, в занятие ими исходного положения и в поход к Висле австро-германцев. В Восточной Пруссии в течение этого времени Рузский вел самостоятельную операцию, которая сконцентрировалась в районе Августово и Сувалок. В Галиции обнаружилось сильное наступление австрийцев из-за Карпат. Период этот продолжался, примерно, до 19-го октября, когда руководство действиями на левом берегу Вислы было вновь разделено между Рузским и Ивановым.

---

[1] В отношении Сев.-зап. фронта приводится состав по официальным данным фронта к 12 (25)-го сентября. Воен.-Уч. Арх., д. № 137 и д. № 470, стр. 236.

Действия в Восточной Пруссии.

Схема № 16 А.

Действия в Восточной Пруссии носили за этот период оригинальный облик. Немцы оставили здесь, считая с ландверными частями, около 4-х корпусов, поставив им две задачи:

1) Обеспечить, пользуясь заблаговременно укрепленными позициями вблизи государственной границы, Восточную Пруссию от вторжения русских и 2) своими активными, демонстративного характера, действиями задержать перед Восточной Пруссией возможно больше русских войск, чтобы помешать переброске их к Варшаве.

Немцам блестяще удалось выполнить и ту и другую задачу. С своими 4-мя корпусами они приковали к себе на целый месяц сначала свыше 13, а потом свыше 10 русских корпусов, получив в конце операции сами в подкрепление один корпус (XXV рез.); они измотали русскую армию в бесплодных фронтальных атаках и не дали ей возможности своевременно подкрепить свои войска на левом берегу Вислы. Наконец, они не допустили русских вновь вступить в пределы Восточной Пруссии.

С противной стороны мы, к сожалению, в этой операции ничего поучительного в положительном смысле отметить не можем.

Три русские армии были загипнотизированы 4-мя германскими корпусами; Рузский же упорно желал считать не менее 7-ми, несмотря на то, что даже Ставка уверовала в четыре корпуса, а Юго-западный фронт вполне точно выяснил всю группировку противника.

Рузский применял все доступные и недоступные способы, чтобы задержать отправку войск к Варшаве.

Вся операция вылилась во фронтальное массовое наступление с незначительными попытками охвата, со стеснением частной инициативы, но с более широким, чем прежде, тактическим взаимодействием корпусов, к технике которого войска попрежнему оказались неподготовленными. В работе Рузского здесь мы видим повторение той же доктрины, которой он руководствовался в операции под Львовым с учетом тактического опыта этой последней.

Рузский считал, что он своими действиями лучше помогает Иванову, обеспечивая его фланги, под предлогом чего он и задерживал отправку подкреплений в Варшаву.

В деталях ход Августовской операции (схема № 16 А) сводился к следующему:

26-го 8-я герм. армия перешла в наступление. Дивизия Гольца атаковала Осовец. [1]

---

[1] Во время этого демонстративного продвижения, когда немцы закупоривали своими авангардами все восточные выходы из Августовских лесов,

I рез. корпус, следуя за отходившей 1-й русской армией, выдвинулся на линию Симно—Серее—Лейпуны, имея целью задерживать продвижение противника от линии Ковна—Олита на линию Ширвинты—Вержболово, где готовилась сильная укрепленная позиция. За левым флангом этой группы двигался резерв Кенигсберга. Друскеники (на Немане) были заняты небольшим отрядом.

Инцидент с Друскениками заставил Ренненкампфа направить туда XXVI корпус и сдвинуть всю армию влево, а Флуга[1] ввести в линию, между Неманом и XXII корпусом, II Кавк. к-с для действия немцам в тыл у Друскеник, подтягивая к Осовцу I Турк. корпус.

Августовская группа, I корпус, в районе Сувалки—Августово, имел задачей оттеснить русских на восточную окраину Августовских лесов.

Немецкая демонстрация у Друскеник была ликвидирована, и Рузский 28-го сентября сам решил перейти в наступление всем фронтом, что вызвало медленный отход I рез. герм. корпуса на линию Кальвария — Лодзее—Копциово.

1-я армия начала в этот день переправу через Неман (III корпус у Прен, XX—у Олиты, XXVI—у Мереча; IV и II—сосредоточивались к переправам у Олиты и Мереча). Наступление шло очень вяло, задерживаемое немецкими арьергардами.

10-я армия наступала: II Кавк.—на Сейны, XXII—на Гибы, III Сибирский—на Августов, которым он и завладел, и имела I Турк. разбросанным на помощь остальным корпусам и Осовцу. От последнего противник, угрожаемый обходом с востока левым флангом 10-й армии, а с запада VI корпусом 2-й армии, направленным от Ломжи, начал 28-го сентября отходить.

Ободренный первоначальным успехом, Рузский отдал 29-го сентября директиву, согласно которой 1-й и 10-й армиям ставилась задача достигнуть к вечеру 5-го октября линий Сталюпенен—Сувалки—Райгрод—Граево—Стависка. В виду передачи 2-й армии в Юго-западный фронт он перечислял VI корпус с 4-й и 15 кавалерийскими дивизиями в состав 10-й армии. Подходивший же II Сибирский корпус был непосредственно направлен к Варшаве.[2] Кавалерию Рузский объединил в корпус, которому поставил задачу разведывать на фронте Иогашисбург—Ортельсбург—Нейденбург и поддерживать связь со 2-й армией.

Наступление 1-й и 10-й армий шло медленно в виду сопротивления, встреченного XX корпусом у Красно, и к вечеру 1-го октября армия достигла только линии Вейверы—Красно—Лодзее.

10-я армия продолжала захождение правым плечом, при чем 1-го октября достигла линии Сейны—Гибы—Ольшанка—Граево. У Ольшанки III Сиб. корпус встретил сильное сопротивление противника, которое повело к двухдневному бою у Сувалок, начавшемуся помимо воли Рузского и приведшему к сворачиванию на Сувалки XXII, II Кавк. и даже XXVI корпусов. Германцы, обнаружив готовившееся им здесь окружение, ускользнули в ночь со 2-го на 3-е октября из Сувалок своими главными силами под прикрытием арьергардов.

1-я армия беспрепятственно вышла 3-го октября на линию Пильвишки—Кальвария—Пунск, предназначив для отправки в Варшаву II и IV корпуса.

После некоторого перерыва Рузский указал армиям новое наступление, которое должно было начаться с 4-го октября с исходной линии Владиславов—

10-я армия хотела перейти в наступление и выбить их оттуда. Но Рузский запретил ей сделать это, так как это могло повести к изолированному бою одной этой армии. (Разговор Данилова с Орановским 11 (24)-го сентября. Воен.-Уч. Арх., д. № 470.

[1] Командующий 10-й армией.

[2] На совещании в Холме 22-го сентября Рузскому было указано направить к Варшаве 2 корпуса; он отправил один и на запрос Ставки, где же другой, сказал, что таковым он считает XXVII, который с самого сформирования был в Варшаве.

Сувалки—Августов и привести к занятию 11-го октября фронта Бокален—Домбровкен—Регуловкен—Арис—Иоганисбург—Остроленка. [1] Марш-маневр вновь носил характер лобового удара против сильно укрепленной естественно и искусственно неприятельской позиции с Летценом в центре.

Эти распоряжения привели к ряду столкновений по всему фронту, из которых наиболее упорные были у Хмелювки на фронте Пржеросль—Бакаларжово и у Владиславова.

В первом—против I германского корпуса приняли участие II Кавк., XXII, XXVI и даже часть XX корпуса, направляемые разрозненно и без общего руководства, в результате чего они успеха не имели. У Владиславова дрались части III русского корпуса, 5-я стр. бриг., 53-я и 56-я пех. див. против I герман. рез. корпуса и перекинутой от Лыка 3-й рез. див. и также потерпели неудачу.

10-го октября Рузский приказал, в виду больших потерь и утомления, 10-й армии отойти главными силами на укрепленную позицию Еленево—Рачки — Скоминтен, а 1-й армии укрепиться на занимаемой позиции, очистив от неприятеля район Вержболово.

13-го октября армии Сев.-зап. фронта укреплялись главными силами на указанных позициях.

Немцы сохранили неприкосновенность своей границы. У Летцена начал высаживаться вновь прибывший XXV рез. германский корпус.

Действия на левом берегу Вислы.

Схема № 16 Б.

Действия на левом берегу Вислы сводились за этот период к быстрому наступлению немцев и австрийцев к Висле, первоначально с целью удара по тылам русских войск на Сане в то время, когда они ввяжутся здесь в бой с наступающими с фронта австрийцами. Этот план не удался, благодаря своевременной перемене 4-й и 9-й русскими армиями фронта. Тогда немцы начали переносить центр своего удара более на север и постепенно довели его до Варшавы, имея целью сорвать атакой этого пункта возможный обход русскими их левого фланга, а при удаче захватить Варшаву.

Со стороны русских рассматриваемый период свелся к перемене фронта 4-й, 9-й и 5-й армиями, к первоначальному желанию развернуть их на левом берегу Вислы, а когда по расчету времени этого нельзя было сделать, то к удержанию на левом берегу плацдармов для переправы и к борьбе за Варшаву.

Отправной точкой принятого русским командованием решения следует считать совещание в Холме 22-го сентября, которое пока на практике вылилось только в направлении 4-й армии из 3-х корпусов с Сана к Ивангороду.

Первоначальная задача этой армии состояла в обеспечении правого фланга и тыла Юго-западного фронта в случае наступления немцев со стороны Цеханова и Ломжи и

---

[1] Директива от 21-го сентября (4-го октября) № 15. Воен.-Уч. Арх., д. № 470, стр. 149.

атаки совместно с другими армиями фронта на левом берегу Вислы при наступлении оттуда противника. [1] Это был период, когда Ставка, не имея еще ясного представления о том, чего она хочет, смотрела на перекидываемую армию, как на связующее звено между расползающимися фронтами, и, кажется, больше боялась наступления немцев с севера, чем с запада.

4-я армия из Грен., III Кавк. и XVI корпусов и Уральской каз. див. совершила маневр перемены фронта без помехи со стороны неприятеля. Переброска корпусов показана на схеме № 16 Б.

Марш около 200 километров был выполнен в 6 форсированных переходов с одной дневкой под прикрытием XVI корпуса, двинутого 23-го сентября по правому берегу Вислы, и Уральской казачьей дивизии, направленной тогда же по левому берегу.

Верховному главнокомандующему понравилась в общем идея Алексеева с перенесением действий Юго-западного фронта на левый берег реки, почему она постепенно принимала все более и более реальную форму. 25-го сентября Ставка рекомендовала Иванову образовать сильную группу, кроме Ивангорода, также и в районе Сандомир—Завихост. [2] На такое предложение живо откликнулся и Алексеев, который рисовал себе предстоящую операцию в виде быстрой переброски 9-й, 4-й и 5-й армий на левый берег Вислы. Для обеспечения развертывания 2-й армии имелась Варшава; развертывание 4-й предполагалось обеспечить продвижением по железной дороге одного корпуса к Радому, а 9-й армии рекомендовалось выдвинуть для этой же цели стрелковую бригаду к Опатову. [3] Доктрина грузных авангардов, подставляемых под удары сплошной массы германских корпусов, была еще не изжита в русской армии.

Переход в наступление Алексеев соображал со сбором у Варшавы 2-й армии. „Если,— писал он,—к Варшаве войска начнут кучно прибывать 30-го—1-го числа, то необходимое время мы получим". Но перекидывание войск к Варшаве совершенно не входило в расчеты Рузского, в распоряжении которого находились предназначенные для этого части.

Он направлял их (I и XXIII корпуса) не в Варшаву, а в Пултуск и Сероцк и уверял Янушкевича, что таким образом будет лучше содействовать операции на левом берегу Вислы. [4]

Ставке оставалось на пальцах гадать, кто же из двух ее советчиков в данном случае прав.

---

[1] Янушкевич Рузскому 11-го (24-го) сентября № 4238. Воен.-Уч. Арх., д. № 470.

[2] Янушкевич Алексееву 12-го (25-го) сентября № 4270. Там же.

[3] Разговор с Янушкевичем 16-го (29-го) сентября. Воен.-Уч. Арх., д. № 470, стр. 82.

[4] Рузский Янушкевичу 16-го (29-го) сентября № 4097. Там же, стр. 90—92.

1-го октября последовала новая известная нам директива Ставки, которая передавала всю операцию на левом берегу Вислы в руки Иванова и была составлена исключительно в наступательных тонах. При этом Янушкевич успокаивал Иванова, что вслед за 2-й армией к Варшаве пойдут II, IV арм. и I Сиб. корпуса, что вместе с новой второочередной дивизией даст ему к 14-му октября еще $7^1/_2$ дивизий. [1] Вообще Ставка в это время своими мыслями всецело стала на сторону Иванова, а Данилов считал, что „на берегах Вислы будет решена участь первого периода кампании, а может быть и всей войны". [2] Нельзя отрицать подобной возможности, если бы Ставка имела силу воли настоять на своевременной отправке Рузским требуемых войск.

В тот же день отдал свою директиву и Иванов. [3] Он верно определил развертывание 9-й германской армии на фронте Петроков — Буск (29-го сентября) и считал силы ее около 8 корпусов. Движение значительных частей австрийцев по левому берегу Вислы им еще не было обнаружено.

Для выполнения задачи Иванов делил силы фронта на три группы:

а) Главные силы из 2-й, 4-й, 9-й и 5-й армий и конного корпуса Новикова, под личным начальством Иванова, развертывались на правом берегу Вислы от Яблоны до Сандомира с обеспеченными переправами через Вислу.

При этом 2-я армия развертывалась от Яблоны до устья Вильчи с предполагаемым наступлением на фронт Лодзь—Опочно для удара в левый фланг главной группы противника. Для обеспечения своего правого фланга от германцев, могущих появиться с линии Торн—река Варта, 2-й армии указывалось иметь при наступлении уступную форму.

4-я армия развертывалась от Вильчи до устья Илжанки; после переправы через Вислу, она занимала для дальнейшего наступления линию Козиницы—Зволин—устье Илжанки и направлялась на фронт Опочно—Скаржиска.

9-я армия—от Илжанки до Сандомира, сильно укрепив участок между Вислой и Саном и с обеспеченными переправами не только на Висле, но и на Сане. Наступление на фронт Скаржиско—Сандомир. Обращалось внимание на возможность удержания в своих руках района Сандомир—Развадув, в виду возможности направления германцами части сил через Стопницу и Мелец против галицийской группы.

5-я армия оттягивалась с Сана в резерв в район Люблин—Красник.

Конный корпус Новикова перекидывался правым берегом Вислы в район Лодзь—Костынен—Сохачев.

б) Галицийская группа, 3-я, 8-я блокадная армия, под начальством Брусилова, получала задачу действовать на правом берегу Висды, обложить Перемышль, прикрыть Львов и левый фланг всего фронта. При этом 8-я армия

---

[1] Янушкевич Иванову 19-го сентября (2-го октября) № 4462. Воен.-Уч. Арх., д. № 407, стр. 102—106.

[2] Разговор его с Рузским того же числа. Там же, стр. 119.

[3] От 29-го сентября (10-го октября) № 1678. Там же, стр. 131.

обеспечивала блокадную армию со стороны линии Дынув—Санок—Лиско—Устржики Дольние—Старое Място—Дрогобыч, прикрывала Львов, Миколаев и тыл на Киев. Конница должна развить свои действия за Карпаты. 3-я армия, обеспечивая блокаду со стороны Кракова, должна наступать на этот последний в связи с наступлением на левом берегу Вислы.

в) Принаревская группа, гарнизон Новогеоргиевска, XXVII корпус, 6-я кав. див. и 9 конных сотен пограничной стражи, удерживает в своих руках район Варшава—Яблона—Новогеоргиевск—Зегрж и наблюдает к стороне Млавы и Торна.

Наступательная директива Ставки, данная под давлением Иванова или, вернее, Алексеева, обратилась чисто в оборонительную директиву фронта. При этом от движения корпуса к Радому уже отказались, но выдвижение стрелков к Опатову осталось в силе. Вся активность сохранилась в желании иметь обеспеченные переправы на левый берег Вислы. Причины такой перемены следует искать как в быстром наступлении германцев, так и в задержке в сосредоточении 2-й армии к Варшаве по известным уже нам причинам.

В директиве Иванова обращает на себя внимание характер постановки задач разным группам армий. Фланговым группам они поставлены вполне определенно, и исполнители при всяком изменении обстановки знали, что от них требуется и могли выбирать подходящие средства.

В отношении центральной группы такой ясности в постановке задач не видно.

Иванов ко времени отдачи директивы знал, что неприятель находился 1-го октября своими главными силами на фронте Петроков—Буск и выравнивал свою группу параллельно фронта противника, забывая, что для выхода на указанную линию 2-й армии предстояло сделать 100 клм. и что германцы стоять на месте не будут.

При положении немцев 1-го октября 2-я русская армия как бы нацеливалась в обход их левого фланга. Директива, с одной стороны, прикрепляла эту армию к определенному рубежу Лодзь—Опочно, с другой же, она могла быть истолкована и в смысле сохранения обхватывающего по отношению к немецкому флангу положения.

Увлекаясь управлением при помощи рубежей и разграничительных линий, русское командование прикрепляло исполнителей к местности вместо постановки эластичных задач, легко применяемых ко всем меняющимся комбинациям встречных операций.

Выполнение директивы на практике свелось к ряду перегруппировок для занятия исходного положения. Все

эти перегруппировки происходили без давления со стороны противника, за исключением выдвижения стрелков к Опатову, что привело к отдельному столкновению их с главными силами германцев.

Тем временем и австро-германцы приступили к выполнению своего плана. Мы привели его уже в общих чертах. Людендорф в своих воспоминаниях не приподымает завесы над сокровенными идеями германского командования; официальное описание Рейхсархива еще не вышло, и только Конрад намекает на настоящие вожделения союзных полководцев. Это должен был быть Танненберг в том случае, если австрийцы перекинут часть своих сил на левый берег Вислы, и Мукден, если не перекинут. Австрийцы их перекинули в достаточном количестве, и мы вправе ожидать Танненберга. Обстановка указывала таковой устроить в болотистой долине Сана наступлением австрийцев (часть 1-й, 4-я, 3-я и 2-я армии), по правому берегу Вислы с охватом левого фланга русских и германцев им в тыл, примерно, на фронт Завихост — Юзефов. Такому предположению вполне соответствует и первоначальное направление германских корпусов в их начавшемся 28-го сентября наступлении:[1] 11 пех. дивизий наваливались на фронт Сандомир—Островец, длиною в 50 клм., имея 6 дивизий на фронте Скаржиско—Колюшки для обеспечения всей операции со стороны Ивангорода—Варшавы.

Совершая переходы по 30 клм. в сутки и легко тесня перед собой конный корпус Новикова, левобережные части 1-й австрийской армии и корпуса 9-й германской армии достигли 4-го октября Климонтова, Опатова, Островца, Скаржиска, Радома, Опочно, Рава.

К этому времени командование 9-й русской армии выдвинуло к Опатову Гвард. и 2-ю стрелковую бригады, которые слишком затянули здесь бой с тремя немецкими корпусами, с трудом вышли из грозившего окружения и отошли 5-го у Сандомира за Вислу с потерей 7 тыс. чел. Немцы того же числа тоже подошли к Висле.

Тем временем 9-я и 5-я армии делали предназначенную им перемену фронта и перегруппировку, которая началась 28-го сентября и окончилась 4-го—8-го октября.

9-я армия, которой вместо отошедшего в 4-ю армию XVI корпуса был передан Гвардейский, направила этот последний с левого фланга армии на правый по тылам армии к Чекаю, и он должен был итти по правому берегу Вислы по пути XVI корпуса; XVIII корпус должен был итти через Радомысль к Аннополю—Юзефово и XIV, прикрывая переправу остальных корпусов, отходил на Развадув, прикрываемый в свою очередь 13-й кав. дивизией.

5-я армия первоначально сдвигалась фланговым маршем вправо, чтобы сблизиться с 9-й армией и заняла XXV корпусом место Гвардейского, подо-

[1] Этот план подтверждается и Конрадом. Часть IV, стр. 900.

двинув на его место XIX, а на место этого последнего V. Все эти передвижения были закончены к вечеру 30-го сентября, а после этого, согласно директивы от 1-го октября, 5-я армия начала отходить, передав XXV корпус в 9-ю армию, во фронтовой резерв в район Люблина — Красник, где и сосредоточилась к вечеру 8-го октября.

9-я армия заняла указанный ей директивой район по Висле, Солец—Завихост, Гвардейским и XVIII корпусами 4-го октября и по правому берегу Сана XIV и XXV корпусами в ночь на 7-е октября. Мосты на Висле и Сане были сняты.

Этим кончается борьба за подступы к Висле и начинается борьба за обладание этой рекой.

Бой у Опатова и полученные германским командованием сведения о перегруппировке русских и о том, что против 9-й германской армии „подготовляется русскими крупная операция“, [1] указывал, что Танненберг не удался и приходилось переходить к Мукдену. Людендорф ставит, судя по его „Воспоминаниям“, такие задачи:

Немцы должны захватить линию Вислы и держаться на ней, а австрийцы, которые только 5-го октября кончили переправу через Вислоку, должны тем временем провести на Сане решительную операцию — атаковать и разбить русских. Предполагалось между Саном и Ивангородом захватить те пункты, где возможна переправа русских, завладеть или блокировать левобережные укрепления этого последнего, разбить русские войска к югу от Варшавы и завладеть или блокировать эту „крепость“. Но для выполнения всего указанного немцам нужна помощь австрийцев, которых они и потянули по левому берегу Вислы на север.

Во исполнение этого плана войска левого берега были разделены на три группы и потянулись на север.

Группа Макензена (корпуса XVII и Фроммеля при 7-й австрийской кав. дивизии) направлялась на Варшаву; группа Гальвица (XX и Гвард. рез. корпуса при 3-й австр. кав. дивизии) закрепляла за собой Вислу по обе стороны Ивангорода и 1-я австр. армия, усиленная для бодрости XI герм. корпусом, должна у Аннополя переправиться через Вислу, как только перейдет через Сан главная масса австрийцев. Корпус Войерша связывал армии обоих союзников. Фактически немцы, следовательно, не отказывались от маленького Танненберга, но предназначали для этого исключительно австрийские войска, вынужденные сами прикрываться от обнаруженных у Варшавы русских масс. По разумной же немецкой доктрине прикрываться, значит атаковать.

9 го октября корпус Фроммеля продвинулся с фронта Скерневицы—Рава на фронт Блоне—Гройцы, а XVII корпус подошел к этому пункту от Радома через Бялобржеги. Здесь

[1] Людендорф. Воспоминания. Том I, стр. 72.

они столкнулись с авангардами 2-й русской армии, что и послужило началом девятидневных боев за Варшаву.

Группа Гальвица развернулась по обе стороны Пилицы и далее на юг, где она столкнулась с русскими у Козеницы, Ново-Александрии и Казимержа. Войерш и австрийцы развернулись по Висле к югу до Сана, но переправляться не решились, так как на Сане их южные армии потерпели неудачу.

Иванов, в общем, правильно определял направление и силы главной массы германских войск, но считал, что, кроме того, со стороны Торна также наступают два корпуса, что его заставило принять меры к усилению его правого фланга. С этой целью он приказал 8-го октября [1] сократить фронт 2-й армии до реки Свидер, а в промежуток между 2-й и 4-й вклинить находившуюся в резерве 5-ю армию; до прибытия же этой последней образовавшийся промежуток занять подошедшими с фронта Рузского II и XXIII корпусами, которые переключить из 2-й в 5-ю армию. В таком положении предполагалось ожидать сбора к вечеру 12-го октября подкреплений и тогда только перейти в общее наступление, сохраняя до того времени переправы у Ивангорода, Варшавы, Яблоны и Новогеоргиевска.

Но на следующий день Иванов от совершенно пассивного выжидания хочет перейти к более активному и перекинул до общего перехода в наступление на левый берег реки 4-ю и 5-ю армии.

Вся директива Иванова от 9-го октября [2] представляет существенный принципиальный интерес. В ней фронт ведет оперирующую группу армий совершенно так же, как командир полка свои батальоны. В 1915 году мы увидим такое вождение, применяемое Алексеевым, при маневрировании восьми армий.

Ближайшей целью армиям Иванов ставил: 1) переправу и утверждение 4-й и 5-й армий на левом берегу Вислы; 2) развертывание всех сил 2-й, 5-й и 4-й армий и занятие ими „общего фронта для дальнейшего наступления и атаки противника".

Для этого приказывалось исполнить:

4-й армии перевести к утру 10-го октября все корпуса на левый берег и утвердиться в течение 10-го и 11-го на линии Козеницы—устья Илжанки; 12-го желательно утвердиться на линии Едлинск — Зволень — устье Илжанки и 13-го овладеть линией Радом—Казанов и нижним течением Илжанки.

---

[1] Иванов Янушкевичу 25-го сентября (8-го октября) № 1946. В.-Уч. Арх., д. № 470.

[2] Директива 26-го сентября (9-го октября) № 1998. Воен.-Уч. Арх., д. № 470, стр. 185.

5-й армии 10-го переправить у Гура-Кальварии II и XXIII корпуса, которые выдвинуть в этот же день на линию Хинов—Варка, и 11-го занять ими линию Гройцы—Варка. Остальные корпуса последовательно переправлять у Козениц или Ивангорода и выводить на высоту головных. Желательно 13-го достигнуть линии Могельница—Едлинск, имея два оставшиеся корпуса эшелонированными на шоссе Козеницы—Радом.

На линии Могельница—Радом — нижнее течение Илжанки предполагалась приостановка на один день для устройства тыла.

2-я армия обеспечивает выдвижение 5-й армии, сообразуясь с ней, и к 15-му октября утверждается на линии Скерневицы—Рава—Ново-Място, имея уступом, примерно, у Гродиска, не менее корпуса.

Конный корпус Новикова к 15-му октября должен прибыть в район Сохачев, Лович.

9-й армии оставлялась попрежнему задача оборонительная.

Далее директивой нарезываются полосы для наступления вперед, свыше, чем на 100 клм. Так, 2-я армия должна была наступать своим левым флангом севернее дороги Гура-Кальвария, Гройцы, Могельница, Ново-Място, Орживал, Опочка, не занимая этой дороги, которая предназначалась для 5-й армии. Южная граница этой последней шла по дороге Козеница, Радом, Вонхоцк. Левая граница 4-й армии пока не была определена.

По существу, в директиве Иванова можно отметить несколько сторон.

Задача, поставленная группе трех армий, сводилась к развертыванию их сил и занятию ими общего фронта для дальнейшего наступления и атаки противника. И это делается в то время, когда противник силой около 8 корпусов приблизился уже к Висле. А между тем для такого выравнивания фронта 2-я армия должна продвинуться от Варшавы на 60 клм. в местность, уже прегражденную противником, 5-я и 4-я—около 40 клм. с форсированием такой преграды, как Висла. В данном случае занятие указанной армиям линии не является только занятием исходного положения, а выполнением целого этапа сложной операции с рядом встречных боев, что не дает возможности 9-го расписать роли по дням до 15-го числа включительно.

Иванов ожидал наступления двух германских корпусов от Торна в кратчайшем направлении на Варшаву. Заходя своими армиями правым плечом круто на юг, он оставлял для защиты этого направления только один корпус у Гродиска, так как на кавалерию по бывшему опыту нельзя было рассчитывать, как на оборонительную силу.

Фронтальное форсирование реки делало работу 5-й и 4-й армий наиболее трудной, а между тем именно они, без всякой помощи обеспеченной переправами 2-й армии, должны были первыми ее произвести. Происходило какое-то выпячивание центра, за которым следовала 2-я армия.

Здесь мы вновь видим излюбленное стягивание армий локоть к локтю, чтобы даже при маневре обхода тесниться к оси захождения.

С точки зрения техники директивы можно отметить излишнее ее детализирование и к тому же на много дней вперед. Управление при такой скученности армий рубежами—вещь большей частью неизбежная, но, во-первых, как производная данная боевой работы каждого дня, рубежи могут указываться только на следующий день, а не на целую неделю вперед, так как их все равно придется переменять и, во-вторых, назначением рубежей надо стеснять исполнителя только тогда, когда это нужно для уравнения действий нескольких армий. С этой стороны назначение первых рубежей после переправы 5-й и 4-й армий только напрасно стесняло их командование в самый важный и опасный период операции, где при успехе может быть необходимо сделать сразу возможно больший скачок вперед.

В результате, до выхода на указанную директивой Иванова линию, армиям пришлось пережить кризис под Варшавой и тяжелые бои за переправы через Вислу. Директива, как нежизненная и написанная без учета воли противника, была уже на следующий день видоизменена.

Продвижение германцев к Варшаве вызвало решение командования 2-й армией сосредоточить свои корпуса на левом берегу Вислы для лучшей обороны города (первое невыполнение директивы Иванова). II Сиб. корпус был 9-го октября видвинут к Гродиску с авангардами у Скерневице, Мщонова и Гройцы; I корпус перешел с правого берега Вислы через Яблону и Варшаву в район Ожарова; прибывшая дивизия I Сиб. корпуса сосредоточилась в районе Пясечно. Пассивная оборона $2^1/_2$ разбросанных корпусов против 2-х совместно действовавших германских привела в ночь на 11-е октября русских к отходу на позицию Брвинов—Надаржин — Пясечно, где командование 2-й армии решило выждать помощи переправлявшейся у Гура-Кальвария 5-й армии.

Но переправа этой армии шла медленно, а между тем Иванов изменил свою директиву (второй случай), вернул днем 11-го числа переправившиеся части на правый берег и направил II и XXIII корпуса для непосредственной помощи Варшаве.

Действия 4-й армии в течение 10-го числа также были неудачны. III Кавк. корпус переправил одну бригаду

у Козениц и, несмотря на атаки противника (части XX корпуса), удержался на левом берегу, но Гренадерский и XVI корпуса были после неудачного боя гренадер (против гв. рез. и Войерша корпусов) оттянуты в ночь на 11-е на правый берег.

11-го числа Иванов для того, чтобы отвлечь силы противника от Варшавы, приказал, одновременно с прекращением переправы частей 5-й армии, 4-й армии развить наступление на Козеницы, пользуясь уцелевшей в ее руках переправой. На помощь III Кавк. корпусу был придан случайно проходивший около Ивангорода XVII корпус 5-й армии. Это привело, начиная с 12-го октября, к четырехдневным боям двух русских корпусов, на фронте Кемпа—Волчанска и далее на передовой Ивангородской позиции до Славчин, с германскими XX (часть его была направлена к Гура-Кальвария против XXIII корпуса), Гвард. рез., Войерша и пододвинутым от австрийцев XI корпусами. Немцам не удалось сбросить русских в реку, за которыми остался и плацдарм у Ивангорода. Тем временем 2-я армия решила, в виду неудачи в переправах 4-й и 5-й армий, отвести в ночь на 12-е свои войска за линию Варшавских фортов на позицию Скорше—Служев (16 клм.) и, пользуясь сокращением фронта, образовать несколько уступом вперед сильный в две дивизии (IV и II Сиб. корпусов) „маневренный резерв" в районе Войцешен.

Немцы 12-го числа не вели атак, а к 13-му у русских западнее Варшавы собрались все направленные подкрепления, что образовало на узком фронте кулак из I, IV, I Сиб. и II Сиб. корпусов, в ближайшем резерве которых были 50-я и 13-я Сиб. дивизии и подходил XXIII корпус.

Пользуясь таким сосредоточением сил, командование 2-й армией 13-го с рассветом решило перейти в наступление и легко вышло на линию Збиков, Повсин.

Кризис под Варшавой миновал. Мукден сорвался так же, как и Танненберг. Но, кроме Варшавы, на немецком фронте остался и другой уязвимый пункт—Козеницы—Ивангород.

В этой операции в поведении Иванова заметна безусловная нервность и ряд распоряжений, которые могут вызвать недоумение. У Гура-Кальвария, в 15 клм. от места боя за Варшаву, уже переправлялся XXIII корпус, который выходил во фланг XVII германскому, но, вместо возможного маневра против фланга противника, корпус ведут кружным путем к Варшаве, чтобы подпереть дерущихся с тыла. Прекратив переправу корпуса, который безусловно мог оттянуть на себя войска от Варшавы, Иванов возлагает эту задачу на войска, собранные у Козениц, в 60 клм. от места боя, что навряд ли могло воздействовать, когда участь Варшавы должна была решиться в 1—2 дня.

Действия на правом берегу Вислы.

Схема № 16 В.

Мы уже знакомы с задачами, поставленными в Галиции обеим сторонам. Для группы Брусилова (3-я, 8-я и Блокадная армии) она состояла в обеспечении блокады Перемышля, в прикрытии путей на Львов и вообще левого фланга всего фронта и в наступлении своим правым флангом от Сана к Кракову, совместно со всей развивающейся операцией фронта. Со стороны австрийцев, отступивших за Карпатские проходы, предполагалось наступление $2^1/_2$ армиями на Сан тоже для совместной операции с 9-й германской армией и для освобождения Перемышля; 2-я австрийская армия должна была наступать из-за Карпат для овладения Львовом.

Далее на восток отдельные отряды группы Пфлянцер-Балтина, в состав которой входил корпус Гофмана, и отдельные группы должны были наступать на перевалы Тухла, Вышков, Пантер и Яблоницкий.

Отправное положение сторон перед началом операции указано схеме № 15.

Всего у австрийцев было с отрядом Пфлянцера 14 корпусов и крепость; у русских 10 корпусов и Блокадная армия около 3 корпусов. Группировка обеих сторон была почти одинакова—7 австрийск. корпусов против 6 русских от Вислы до Ярослава; 2 австр. корпуса направлялись на Перемышль; 3 корпуса против 2 русских—к югу от Перемышля и 2 корпуса Пфлянцера против неполного одного корпуса Днестровского отряда.

Только 5-го октября закончилась переправа австрийцев через Вислоку, и армии их были направлены к Сану, при чем 5 корпусов на фронт Кржешов—Ярослав.

Брусилов, стесненный в своем маневрировании Перемышлем, решается на штурм этой крепости, чтобы развязать себе руки. 7-го октября штурм кончился неудачей; повторить его, в виду подхода австрийцев, не было времени, и Брусилов решает снять осаду. Австрийцы в это время подошли уже к реке Ленг.

Снятие осады Перемышля освобождало армии для маневра, но Брусилов пока счел возможным поставить им только оборонительные задачи.

3-я армия должна была прикрыть эвакуацию Ярослава, для чего она расположилась перед Саном на фронте Рудник—Боратынь, имея впереди конный корпус и на своем левом фланге XXIX корпус Блокадной армии.

8-я армия, наоборот, для прикрытия Львова решила принять оборонительный бой за Саном на фронте Накло-Мизинец—Старо-Място тремя корпусами (XXVIII из Блокад-

ной армии, VIII и XXIV); XII корпус оставался в резерве. 8-го октября все перегруппировки были закончены.

4-я австрийская армия задерживалась в этот день на переправах через Ленг; 3-я заняла своими передовыми частями Дынув и вошла в связь с гарнизоном Перемышля, а 2-я вышла передовыми частями от Лиско к Хырову и от Ужока к Турку. У австрийцев в это время начал чувствоваться недостаток в артиллерийских припасах, подвозимых через Карпаты по грунтовым дорогам.

Таким образом, Брусиловская группа, усиленная тремя корпусами Блокадной армии, совершенно отказалась от активных действий против немного ее превосходящего противника, который, если и привел себя несколько в порядок, но все-таки только что перед этим понес серьезное поражение.

Тем временем австрийцы продолжали свое наступление к Сану 5-ю корпусами на фронт Рудник—Пржеворск, при чем два их корпуса (XVII и IX) обрушились на IX русский корпус и 10-го октября, нанеся ему сильное поражение, заняли Пржеворск. 3-я их армия выдвинулась в этот день на линию Ракитница—Рыботыч, а 2-я заняла Хыров и подошла к Дрогобычу. Корпус Гофмана спускался с перевалов и угрожал Стрыю.

При таких условиях 3-я русская армия перешла в ночь на 11-е за Сан, сохранив ту же группировку.

Под впечатлением быстрого отката группы Брусилова Иванов начал уже подготовлять Ставку к необходимости, может быть, в будущем перенести линию обороны левого фланга 9-й армии на Аннополь—Красник. [1]

Вслед за этим начинаются с 12-го октября затяжные бои на Сане и к югу от Перемышля при почти равных силах обеих сторон, бои фронтального характера с редким упорством, но бои, которые не сдвинули с мертвой точки ни русских ни австрийцев. Только победа русских на левом берегу Вислы и занятие ими Сандомира заставили австрийцев начать отход.

Эти бои совпали по времени с следующим периодом операции на левом берегу Вислы, но, чтобы к ним не возвращаться, мы здесь закончим их сжатое описание.

По занятии линии Сана австрийцы поставили своим армиям новую задачу, а именно овладение Львовом.

Выполнение ее было распределено таким образом: 4-я армия форсирует Сан, 3-я наступает от Перемышля в район западнее Львова, 2-я направляется ко Львову через Самбор, а группа Пфлянцера содействует ее наступлению, овладевая районом Стрый—Миколаев.

Брусилов, несмотря на настойчивые требования Иванова о переходе в наступление, что вызывалось необходимостью задержать переброску австрийцев на левый берег Вислы, отказался от этого как в виду расстройства армии после неудачного штурма Перемышля, так и в виду непролазно раз-

---

[1] Иванов Янушкевичу 25-го сентября (8-го октября) № 1946. В.-Уч. Арх., д. № 470.

мокших дорог. Он решил обороняться и поставил группе армий две задачи. 3-я армия под самостоятельным командованием Радко-Дмитриева [1] обороняет нижний Сан севернее Перемышля, а 8-я под непосредственным командованием Брусилова обороняет участок к югу от Перемышля. Таким образом, группа армий сама по себе упразднила, и дальнейшие операции велись самостоятельно на двух отдельных участках, хотя войска всей группы и были растянуты сплошной кордонной линией от устья Сана до Старо-Място включительно, как указано на схеме № 16 В.

Бои на Сане с 17-го октября по 4-е ноября. Здесь против шести корпусов 3-й и части 9-й армии австрийцы развернули свои шесть корпусов. Одинаковые силы и растянутые фронты заставили первоначально обе стороны перейти к пассивной обороне. Но это намерение у Радко-Дмитриева вскоре сменилось желанием помочь Брусилову, для чего он приказал каждому корпусу начать переправу самостоятельно, что вызвало австрийские контр-атаки. В результате русским удалось, частью после кровопролитных боев с 18-го октября по 1-е ноября, занять и удержать в своих руках предмостные позиции у Развадув и Низко, Заржице и Белина у Лезахово, Монастерж и Высоцко. Развить дальнейшее наступление русские не были в силах, хотя к концу операции 9-я армия сосредоточила к низовьям Сана группу Крузенштерна из 3-х дивизий.

3-го ноября австрийцы узнали о падении Сандомира и 4-го оттянули свой левый фланг на линию Тарнобржег—Лежайск.

Бои южнее Перемышля с 11-го октября по 4-е ноября. Эта затяжная операция, известная под именем сражения под Хыровым, ничего интересного в оперативном отношении не представляет, но дает много тактических примеров боев отдельных корпусов.

Сначала 4 австрийских корпуса [2] против 3 русских столкнулись в ряде лобовых разрозненных атак, потом обе стороны увеличились притягиванием с низовьев Сана подкреплений до 5—6 корпусов, но характер боев не изменили, все время продолжая без какого-либо существенного результата бросаться друг другу в лоб.

Маневренный характер имели только действия на Карпатских проходах. Здесь, на фронте от Стрыя до Румынской границы столкнулись: с одной стороны, группа Пфлянцера, имевшая на своем левом фланге корпус Гофмана, а с другой, Днестровский отряд, имевший на своем правом фланге 71-ю пех. дивизию и далее на юг кавалерийскую группу.

Первоначально Гофман сильно теснил русских, занял Стрый и 23-го октября Бригидич на пути к Миколаеву, грозя этим отрезать Днестровский отряд от XXIV корпуса. Но подошедшая на помощь 78-я п. дивизия, а потом брошенная к Миколаеву прибывающая на театр войны 12-я Сиб. дивизия решили дело в пользу русских, и уже 25-го октября Гофман был принужден отступить на фронт Сколья—Мизун. Остальные части Пфлянцера не оказали поддержки Гофману, так как только 25-го, когда он находился в полном отступлении, они достигли фронта Долина—Злотвина—Надворная—Кирлибаба, вытеснив здесь русскую кавалерию не только из венгерской долины, но и из Карпатских проходов. 1-го—4-го ноября бои по всему фронту заглохли, не изменив относительного положения сторон, и только на Стрые австрийцы вновь были оттеснены к перевалам Турка и Тухла.

Австрийские армии в связи с событиями на левом берегу Вислы получили приказ готовиться к отходу, который и начал приводиться в исполнение 4-го ноября. 4-я армия отходила между Вислой и линией Ярослав—Дембица; 3-я между этой последней и линией Добромиль—Санок—Дукла; 2-я по пути южнее Дукла на Гуменное и Пфлянцер на перевал Тухла и южнее.

---

[1] Командующий 3-й армией.

[2] III от Низанковице до Ново-Място, VII и XII от Домбромиля до Стрельжбице и IV от Млыны до Турка.

Второй период операций от 13-го октября и до конца.

Схема № 17 (А, Б и В).

12-го октября состоялось в Холме совещание между верховным главнокомандующим и Ивановым. На этом совещании было принято оригинальное решение. Так как у Ставки не было силы воли заставить Рузского быстро перекидывать к Варшаве войска, туда предназначенные, то было решено сделать его ответственным за этот пункт, а потому разделить командование на левом берегу Вислы между обоими фронтами. Рузский вступал в командование, когда кризис у Варшавы уже разрешился, но, несмотря на это, он немедленно сделал то, что за день до этого считал невозможным, а именно направил к низовьям Нарева I Турк. и VI арм. корпуса, несмотря на действительное на этот раз усиление германских войск в Восточной Пруссии XXV рез. корпусом и на удачную атаку им у Лыка I Турк. корпуса.

Операции в Вост. Пруссии по 3-е ноября.

Схема № 16 А.

Чтобы не отвлекать в будущем внимания читателя от операции на левом берегу Вислы, предпошлем ей краткий очерк действий в Восточной Пруссии.

Уход из 10-й армии двух корпусов (VI и I Турк.) на нижний Нарев в состав Приаревской группы заставляет 1-ю и 10-ю армии сделать ряд перегруппировок для выделения к Граево III Спб. корпуса. Но покуда эти перегруппировки делались с присущей русским медленностью и распрями между командующими 1-й и 10-й армиями, XXV рез. германский корпус продолжал свое наступление от Лыка и 21-го октября занял Граево.

Однако, к этому времени туда подходили уже направленные с разных сторон русские части и окружили его полукругом. III Спб. корпус сосредоточился полутора дивизиями в районе Райгрод — Лаботник и одной бригадой у Ленкова, XXII корпус выдвинул одну бригаду к Райгроду, а 59-я дивизия, подвезенная к Ломже, выдвинулась к Щучину. Все эти части перешли в наступление, потеснили немцев и 24-го октября вышли на линию Писаницен—Остроколен.

Немцы решили продолжать выполнение в Восточной Пруссии прежнего плана, т. е. рядом энергичных демонстративных действий приковать здесь возможно больше русских сил и прикрыть свою границу. Со стороны русских задача состояла в вытеснении немцев из Восточной Пруссии и обеспечение этим правого фланга всего фронта.

Первоначальный этап выполнения задачи, а именно овладение районом Мазурских озер, Рузский возложил на 10-ю армию при содействии 1-й. При этом Сиверсу[1] было указано продолжать то же фронтальное наступление, которое вел сам Рузский и целью которого был Летцен. Напрасно Сиверс несколько раз просил разрешения наносить главный удар в обход Мазурских озер с юга, ему категорически было приказано вести фронтальное наступление.

Это странное пристрастие Рузского к фронтальному наступлению и преступное при данной обстановке стеснение воли и мысли исполнителя совер-

[1] Это был командующий 10-й армией. Рузский любил после каждой своей неудачи сменять командовавших армиями.

шенно лишает дальнейшие действия в Восточной Пруссии какого-либо оперативного интереса, сохраняя за ними, впрочем, небольшую поучительность в тактическом отношении. Здесь полные подвижности короткие демонстративные удары немцев сталкивались с грузностью наступления русских, у которых, впрочем, все более и более культивировалась не только взаимная помощь крупных единиц друг другу на поле сражения, но и оказание этой помощи, вместо подпорок с тыла, действиями на флангах.

Длительные перегруппировки русских заставили немцев опасаться, что первые приступили к массовой переброске войск к Варшаве, почему командующий группой Франсуа решил со своей стороны продемонстрировать присутствие здесь большой массы войск, для чего перейти в наступление широким фронтом, предоставив каждому корпусу организовать наступление самостоятельно, а при неудаче отходить на ныне занимаемые позиции.

Во исполнение этого, 29-го октября произошло наступление частей I рез. корпуса на Вейлишки, южнее Владиславова, и XXV рез. на Граевском направлении, впрочем, оба отбитые. Более серьезное наступление немцев произошло 27-го в районе I корпуса от Бакаларжева на стык между II Кавк. и XXII корпусами. 28-го и 29-го оно разгорелось в большое частное сражение, в котором с русской стороны приняли участие целых три корпуса (XXII, II кав. и XXVI) и которое фактически не привело ни к каким результатам.

Тем временем 25-го октября командование войсками с русской стороны было объединено в руках Сиверса, так как управление 1-й армией перекидывалось к Варшаве и Ставка настоятельно требовала скорейшего перехода в наступление.

28-го Сиверс намечает такой план наступления: III корпус, при содействии кавалерии правого фланга, объединенной в конный корпус, атакует Вержболовскую группу немцев; XX и II Кавк. корпуса наступают с занимаемого ими фронта; XXII и XXVI обороняются и III Сиб. овладевает районом оз. Зельмент. Трудно сказать можно ли видеть в этом плане хоть намек на желание развить действия на флангах, так зачаточно обрисован этот намек. Трудно было многого ожидать от такого наступления; оно, встреченное контр-ударом немцев в центре, позволило иметь небольшой успех только на флангах и 2-го ноября приостановилось в виду полного недостатка в огнестрельных припасах. На правом фланге русские заняли Владиславов, в центре Добасен и на левом фланге утвердились в районе озера Зельмент.

Действия на левом берегу Вислы.

Схема № 17 Б.

С 12-го—13-е октября на дальнейшие действия обеих сторон на левом берегу Вислы оказали влияние новые факторы.

На убитом русском офицере в авангардном бою у Гройцы был найден приказ, который выявлял Людендорфу весь план русской Ставки. [1] Германское командование увидало опасное положение своего левого фланга и решило принять меры к его усилению, что можно было сделать только при помощи австрийцев, постепенно перетягивая их из Галиции на север. К этому и было приступлено, но при большом сопротивлении со стороны Конрада.

[1] Сказку об убиваемых офицерах, на которых Людендорф находил необходимые ему приказы, пора бросить. Автор в этой операции командовал сводным корпусом и не знал всего плана; почему же офицер, участвовавший в авангардном столкновении, имел их на себе. Мы уже знаем, что для того, чтобы ознакомиться с предположениями и группировкой русских сил, надо было прочесть много документов. Несомненно Людендорф имел их, но не через посредство убитого офицера.

Планы и перегруппировка.

Трудно, собственно, выяснить причину дальнейшей приостановки немцев под Варшавой. Людендорф объясняет это тем, что, если бы на Сане австрийцы продвинулись вперед, то можно было бы примириться с опасностью, складывавшейся у Варшавы. Но к тому времени уже выявился неуспех австрийцев на Сане и странно было ожидать в будущем успеха, когда Людендорф тянул оттуда к себе на север корпус за корпусом.

Для обеспечения крайнего левого фланга немцев у Сохачова была образована группа из дивизии XVII корпуса, подошедшей от Торна бригады Врохема из ландштурменных частей и 7-й австр. кав. дивизии. Для усиления же группы Макензена к нему была пододвинута 37-я дивизия XX корпуса. Между Гура-Кальвария и Козеницы Вислу наблюдала 41-я дивизия XX корпуса и 3-я австр. кав. дивизия; на участке от Козениц до Ново-Александрии боролись III Кавк. и XVII корпуса с Гв. рез., Войерша и XI корпусами. Далее на юг по Висле—австрийцы, к которым с низовьев Сана были направлены V и X корпуса. В дальнейшем весь Ивангородский участок должен был перейти к австрийцам, но не путем смены немцев, а группировкой за ними, чтобы атаковать русских, когда они начнут наступать от Ивангорода. Такая перегруппировка должна была быть закончена 20-го—21-го октября.

Со стороны русских новым фактором являлась передача Варшавского направления Северо-западному фронту, что закреплялось директивой Ставки от 13-го октября.[1]

Правильно определив группировку и силы противника и поставив задачей нанесение сильного удара его левому флангу, директива возлагала развитие этого удара со стороны Варшавы на Рузского, вменяя ему „в особую обязанность собрать для нанесения этого удара возможно больше силы". В его руках объединялись Принаревская группа, 2-я и 5-я (в составе трех корпусов) армии и конный корпус Новикова. Ближайшей задачей ставилось Рузскому удержать более широкий район на левом берегу Вислы до окончательного сбора всех сил.

К фронту Иванова переходила здесь второстепенная роль приковать к себе силы противника, удерживаться на Висле, Сане и в Галиции, стремясь при первой возможности перенести действия на левый берег этих рек, развивая при этом особенно энергично удар своим правым флангом.

Но до перехода в наступление русским приходилось еще делать ряд перегруппировок, цель которых в обоих

[1] 30-го сентября (13-го октября). № 4755. Воен.-Уч. Арх., д. № 470, стр. 213.

фронтах сводилась к сосредоточению войск на их правых флангах.

В Северо-западном фронте эти перегруппировки сводились между 14-м и 19-м сентября к передвижению и занятию положения, показанного на схеме № 17 Б.

Нахождение 5-й армии во время последних боев у Варшавы между Карчевом и Вильчой против занятого немцами участка Вислы вызвало со стороны Алексеева предположение переправить здесь эту армию на левый берег для удара по тылам немецкой позиции у Варшавы. Такую операцию, обеспеченную с флангов 2-й и 4-й армиями, он считал безопасной; удачные же результаты ее не дали бы возможности немцам отойти на нижнюю Пилицу. Но Рузский и Ставка считали это опасным и предпочитали переправу 5-й армии совершить за флангом 2-й [1].

На Юго-западном фронте: 4-я армия суживала свой участок до Вепржа, 9-я армия расширяла и ослабляла свой участок, для чего обе армии переводили корпуса, как указано на схеме № 17 Б.

Произведенные перегруппировки обеих сторон давали к 21-му октября следующее соотношение сторон между Ново-георгиевском и Ново-Александрией: у союзников около 7 германских и 3 австрийских корпусов и стратегические резервы только за счет дальнейшего ослабления австрийцев в Галиции, у русских 14 корпусов, 2 в ближайшем резерве и полная возможность в дальнейшем при настойчивости черпать силы с Восточно-Прусского театра.

Действия под Варшавой и Ивангородом.

Тем временем, до 19-го числа включительно, на Варшавском и Козеницком плацдармах шли ожесточенные, но безрезультатные бои. У Варшавы немцы беспрерывно атаковали русских, заставив их израсходовать бригаду своего резерва (XXIII корпуса); все попытки русских к переходу здесь в наступление не достигали результата. 19-го из 5-й армии XIX корпус переправился у р. Свидер за левым флангом 2-й армии.

У Козеницы, напротив, 8-дневные атаки III Кавк. и XVII корпусов не дали им возможности продвинуться вперед и только заставили немцев притянуть к Гв. рез. и Войерша корпусам еще XI корпус.

При таких условиях немцы решили начать 19-го отход от Варшавы, а русские—перейти в наступление и вырвать у них инициативу.

Дальнейшие планы сторон; переход русских в наступление.

19-го октября Макензен решил отступать от Варшавы. Людендорф предложил Гинденбургу новый план, который довольно ярко выявляет, как буквально понималось, широ-

[1] Переписка между Алексеевым, Даниловым и Рузским 1-го—2-го (14—15-го) октября №№ 2151, 2167, 4804, 4819 и др. Воен.-Уч. Арх., д. № 470, стр. 240—260.

кое учение Шлиффена его прямолинейными последователями.

Зная отлично планы русской Ставки, с широким по замыслу, но не по выполнению, охватом левого фланга немцев, следовательно, зная о присутствии против этого фланга почти двойного превосходства противника, он решает применить рецепт шлиффеновских клещей в обстановке, совершенно им не соответствовавшей. Местом для таких клещей он выбирает реку Пилицу в уверенности, что русские пойдут от Варшавы кратчайшим направлением на Ново-Място.

С этой целью он предложил отвести группу Макензена, усилив ее корпусом Войерша, на фронт Лович—Скерневицы — Ново-Място; сосредоточить из корпусов Гв. рез., XX и XI ударную группу за Пилицей между Ново-Място и Бялобржеги, а подходившими австрийскими войсками прикрываться со стороны Ивангорода. Все было, как видим, отлично расписано, и вопрос сводился только к одному, чтобы русские выбрали на всем обширном фронте именно только этот не имевший никакого оперативного значения мешок, чтобы направить туда свои силы. Они этого не сделали.

Группа Макензена отошла за болотистые ручьи на фронт Лович—Скерневицы—Рава, Войерш—далее на юг до Ново-Място; XX корпус по Пилице между Ново-Място и Бялобржеги; Гв. рез. с 3-й кав. дивизией южнее Варка между Пилицей и Радомкой, имея возможность поддержать или группу Гальвица или австрийскую армию; XI корпус перебрасывался в резерв в Радом. 1-я австрийская армия сосредоточила свои два корпуса (I и V, всего 6 дивизий) по обе стороны шоссе Радом—Ивангород; ее X корпус задержался в пути и еще не прибыл. Вся перегруппировка заканчивалась 21-го октября.

Такова была искусственная постройка Людендорфа.

16-го октября был захвачен в плен немецкий летчик, и документы, у него найденные, нарисовали полную картину австро-германской группировки. Поэтому русский верховный главнокомандующий в тот же день отдал директиву о скорейшем переходе в наступление. [1]

Армии Рузского должны были выйти на фронт Лович—Ново-Място, прикрывая себя со стороны Торна и Млавы конными массами и образованием уступа за правым флангом общего фронта. Армии Иванова должны были сообразовать свои действия с соседом и, выигрывая постепенно пространство на левом берегу Вислы, выйти на фронт Высмержице—Радом—Сенно—Завихост.

---

[1] От 3 (16)-го октября № 4838. Воен.-Уч. Арх., д. № 470, стр. 279.

Подходившие V Сиб. и VI Сиб. корпуса Ставка оставляла в своем резерве.

В этой директиве нет намека не только на глубокий охват левого фланга противника, но и вообще на обход его. Она указывала прямое фронтальное наступление с выдвижением более сильного правого фланга вперед и с общим направлением на юго-запад.

Уже по Восточной Пруссии мы познакомились с любовью Рузского к фронтальным ударам, а в это время он был камертоном Ставки. Мысли Иванова или, вернее, Алексеева за этот период были более смелого нападательного характера, но Ставка их не принимала.

Директиву Ставки Рузский решил выполнить фронтальным наступлением 2-й армии на линию Блоне—Голков, при чем идея маневра обозначалась здесь только тем, что на Блоне было направлено вместо одного два объединенных в одних руках корпуса (II и XXIII), 5-я армия все еще в это время возилась с переправой через Вислу, так как Рузский считал рискованным переправить оба ее корпуса сразу под прикрытием переданного в нее из 2-й армии I Сиб. корпуса, а переправлял их поочередно с правого фланга, один вслед за другим, под прикрытием ранее переправившегося. I Сиб. и XIX корпуса должны были выйти на линию Голков — Гура-Кальвария, а V все еще возился на переправах около этого пункта.

Фактически наступление Рузского началось только 20-го октября, т.-е. когда немцы начали свой отход, прикрываясь арьергардами. Производимая противником коренная порча путей делала это продвижение медленным. 21-го октября 2-я и 5-я армии, наступая в 2-х группах, вышли на линию, показанную на схеме № 17 Б, из которой видно, что наступление фронта Рузского пока выразилось в выпячивании центра с загибом назад обоих флангов.

Иванов свою задачу решил иначе. Он направил Грен. корпус для переправы через Вислу к Тарнову, южнее Пилицы, чтобы этим облегчить переправу 5 й армии и содействовать наступлению 4-й у Козениц; XVI—для переправы у Павловицы, а Гвардейский—у Ивангорода, где образовался сильный кулак в четыре корпуса. Если сюда прибавить XXV корпус 9-й армии, который был перекинут к Новой Александрии, где и начал переправляться, и XIV, находившийся в резерве и перекинутый в Ополе, то в этом направлении образовывался на узком фронте мощный кулак в 6 корпусов. Но все эти перегруппировки могли быть закончены только 22-го октября; 21-го же лишь продвинулись III Кавк. и XVII корпуса на фронт Козеницы—Полична, при чем такое медленное продвижение вызвало неудовольствие со стороны Рузского.

Если проследить создавшуюся группировку русских войск при первоначальных после долгого топтания на месте шагах к наступлению, то с самого начала она совершенно изменила облик основной идеи операции. На фронте Рузского—кордонное расположение корпусов, так как даже группа из II и XXIII корпусов уже 21-го рассосалась на фронте 25 клм., и, наоборот, в центре, у Ивангорода, образовалась сильная маневренная группа в 6 корпусов, которая как бы наталкивала оперативную мысль Ставки на использование этой группы с целью прорыва на Радом, чтобы отбросить Гинденбурга на север, а Конрада на юг.

Такая независимая от воли Ставки коренная перегруппировка корпусов в самом начале операции показывает только до чего она находилась в отношении оперативного мышления в руках фронтов, а в отношении фактического руководства операций в немощном состоянии.

Распоряжения русского командования 22-го октября.

Схема № 17 В.

Сдвиг с мертвой точки на Висле придал Ставке очередное оптимистическое настроение. „Спешный отход" противника в ее глазах продолжался, и она ставила фронтам задачу преследовать германцев в то время, когда армии Рузского только что подходили к ловушке, устроенной им Людендорфом на Пилице.

Отданная 22-го октября директива о преследовании,[1] отличалась от предыдущих только расширением фронта Рузского более на север, благодаря чему маневр действительно приобретал характер легкого обхода левого фланга германцев. Северо-западный фронт направлялся уже не на юго-запад только, как прежде, но и на северо-запад на линию Кутно — Пионтек — Стрыков — Брезины—Колюшки—Томашев и должен был принять „все меры" к обеспечению этого наступления со стороны Торнского района. Юго-западному фронту указывалось наступать на линию Опочно — Конск — Скаржиско — Опатов — Сандомир, имея частную цель прочно утвердиться в районе этого последнего и сообразуя свое движение с армиями соседа. Галицийские армии должны были удвоить энергию и оказать содействие левобережной группе в районе Опатов — Сандомир.

Таким образом, оптимизм Ставки вызвал в ее решении некоторую смелость, что приводило к обходу левого фланга

[1] Директ. 9 (22)-го октября № 5002. Воен.-Уч. Арх., д. № 470, стр. 338.

позиции немцев у Ловича, а не к выходу на ее фронт, как это было намечено раньше.

Но Рузский не воспользовался предоставленной ему свободой и направил на Кутно к северу от долины Бзуры только один корпус (II) и между Бзурой и Вислой конницу Новикова и незначительные отряды Наревской группы. В остальном же вся его директива[1] состояла, как видно из схемы № 17 В, исключительно в нарезывании полос и рубежей для наступления.

Директива Иванова существенно отличалась от директивы Рузского.[2] В ней, как, впрочем, и во всех оперативных распоряжениях Алексеева, заложен известный оперативный замысел и регулируется роль армий в достижении поставленной фронту цели.

Так и в данном случае ближайшей задачей было поставлено занятие линии Бялобржеги—Радом—устья Илжанки и потом овладение линией Опочно — Конск — Опатов—Сандомир. Но для выполнения этой последней задачи предполагались бои в лесисто-гористом районе Конск — Островец, и директива определяет в этом случае роль обеих соседних армий. Указывается способ овладения этим районом охватом обоих флангов с осторожным продвижением с фронта вдоль железной дороги; поэтому главную часть сил 4-й армии Иванов направляет на Конск, а 9-й на Островец и Опатов. Такая группировка 9-й армии ближе к своему правому флангу отвечала, по мнению фронта, как маневру против немцев, оборонявших лесисто-горный район, так и против австрийцев, если бы они пытались прочно удержаться на верхней Висле.

3-й армии ставилась задача выхода на Вислоку для содействия 9-й и 8-й, а этой последней ставилось дальнейшей целью овладение Карпатскими проходами.

В директиве Иванова управление армиями, исполняющими самостоятельную задачу, носит совершенно иной характер, чем армиями, тесно связанными в выполнении общей задачи. Директива Рузского фактически почти не проявляет руководства своими армиями, и каждая из них может принять любую комбинацию, которая не составит общей комбинации всего фронта; директива Иванова определенно указывает, что она требует от каждой армии, не стесняя излишне их самостоятельности, но проводя в жизнь общую комбинацию фронта.

Отметим еще одну особенность директивы Юго-западного фронта. Она строилась не только в предвидении одного-двух ближайших ходов, а составляла часть широко

---

[1] Директ. 9 (22)-го октября № 4357. Там же, стр. 391.
[2] От 9 (22)-го октября № 2393. Там же, стр. 395—402.

задуманного плана, с которым Алексеев знакомил Ставку в своем докладе от 21-го октября. [1] (См. деталь к сх. № 17 В).

Алексеев левобережную дугу делил линией от устья Пилицы на Петроков и Бреславль на два естественных участка фронтов; северный, с кратчайшими путями на Берлин для Северо-западного фронта и южный, с путями на Берлин и Вену для Юго-западного. Для этого последнего Алексеев рисовал себе всю операцию в смысле выхода армий фронта, имея осью путь Завихост—Андреев—Щекотин—Козель, на линию Бриг — Освецин, где они обходят Карпаты и Краков, угрожают Вене и Берлину и обеспечивают прорыв Северо-западным фронтом линии Бреславль—Познань—Торн.

Нельзя не сочувствовать такому методу решений штаба Иванова, где каждый шаг армий сообразован с предвидением будущего развития операций, а не является каким-то самодовлеющим, когда армии в конце концов упираются как бы в тупик, как это было после окончания Галицийского сражения.

Но до начала преследования противника русскими войсками пришлось выдержать еще ряд серьезных боев на всем фронте к северу от Новой Александрии.

На фронте 2-й армии и I Сиб. корпуса 24-го октября русскими войсками была занята после ряда боев линия Кернозя—Лович—Скерневицы и до Равы исключительно, для взятия которой пришлось сюда направить и дивизию XIX корпуса. В дальнейшем продвижение правого фланга продолжалось легко, и к вечеру 26-го октября он вышел на линию Жихлин—р. Мрога, западнее Гловно и восточнее Ежова, у которого завязался узел неудачных боев IV и I корпусов, потребовавших помощи со стороны XXIII корпуса. Далее на юг I Сиб. корпус овладел Равой, и фронт тянулся от Ежова на Богуславку. Это продвижение русских вызвало со стороны немцев перекидывание их резерва (XI корп.) от Радома к Лодзи, северо-восточнее которой он и сосредоточился 26-го числа. Кутно было занято частями, прикрывавшими границу.

Более тяжелый характер имели бои на Пилице и под Ивангородом.

Здесь 4-й и правому флангу 9-й армии пришлось столкнуться с образовавшимися ударными группами австрийцев и немцев. 23-го октября продолжалась переправа через Вислу гренадер у Скурча, XVI корпуса у Павловице, Гвардейского у Ивангорода, XXV у Ново-Александрии, а XIV подходил к Казимерж. Но покуда эти части выравнивались с III Кавк. и XVII корпусами, на эти последние обрушилась

---

[1] Алексеев Данилову 8 (21)-го окт. № 2370. Воен.-Уч. Арх., д. № 471, стр. 1.

ударная группа 1-й австрийской армии, усиленная подошедшим V корпусом, и им приходилось выдерживать тяжелые бои с угрозой обхода обоих флангов. Выход 24-го октября гренадер на фронт Н. Воля—Грабна Воля облегчил положение XVII корпуса, но гренадеры сами попали под сильный удар Гвард. рез. корпуса из сосредоточенной на Пилице группы Гальвица. Потребовалась помощь 5-й армии, которую Рузский хотел оказать направлением XIX и V корпусов через Пилицу между Бялобржеги и Ново-Място. Но XIX корпус столкнулся у последнего пункта с укрепленной позицией XX герм. корпуса и в борьбе за нее потребовал помощи V, половина которого двинулась уже на помощь гренадерам с другой стороны. Тяжелое положение австрийцев заставило направить на усиление их Войерша. Таким образом, уже 24-го числа группа Гальвица перестала существовать, как ударный кулак, и распылилась по трем направлениям. Этим обстоятельством, а также выходом на линию XXV и XIV русских корпусов, при чем последний, продвинувшись на фронт Ишалда—Кианка, выходил во фланг австрийцам, участь боя была решена.

26-го октября XIX корпусом была занята часть укрепленной позиции немцев у Ново-Място, гренадеры восстановили свое положение и откинули Гв. рез. корп. на фронт Бялобржеги — Едлинск. XVI корпус обеспечил правый фланг XVII, Гвардейский—левый III Кавк., а XXV и XIV начали угрожать правому флангу австрийцев, откинув их на Зволень, при чем подходивший к ним X корпус был задержан демонстративной переправой русских у Солеца.

К вечеру 26-го октября общий фронт русских к югу от Пилицы шел по линии, указанной на схеме № 17 В.

27-го корпусам было приказано занять линию Горынь—Едльня—Цепелев.

Рузский, опасаясь образовавшегося разрыва и своего выдвинутого положения, 27-го октября оставался на месте (только II Сиб. корп. занял Стрыков), ожидая выравнивания 5-й армии со 2-й.

Отступление армий союзников и преследование их русскими.

Создавшееся на фронте положение делало необходимым начать для австро-германцев полное отступление. Приказ о таковом и был отдан 27-го октября. Но при этом отступлении задачи обоих союзников были совершенно противоположны. Немцам дано было задание скорее выйти из соприкосновения с противником и подготовиться к выполнению нового плана; австрийцы, связанные своими действиями на правом берегу Вислы, должны были возможно дольше задерживать наступление русских на левом берегу, чтобы

дать своим галицийским армиям время или разбить русских или безопасно отойти от Сана.

Немцы решили больше не считаться с интересами австрийцев и, подготовив все заблаговременно к отступлению, возможно быстрее отойти на линию Калиш—Ченстохов; австрийцам же приходилось при отходе принять ряд боев, из которых наиболее сильными были у Кельцы, на Опатовке и на параллели Сандомира.

В соответствии с этим дальнейшее наступление Северо-западного фронта проходило без боев, но проходило так медленно, что фронт совершенно потерял соприкосновение с противником; Юго-западному фронту, напротив, приходилось продвигаться вперед с боями, при чем в связи с операциями в Галиции для фронта имел большое значение берег Вислы, что невольно тянуло его на юг. Интересы Северо-западного фронта, напротив, тянули его на запад. Таким образом, по мере продвижения вперед между фронтами должен был образоваться разрыв, который в известных пределах не должен был бы быть страшным для армии, воспитанной в духе маневренности и хорошего управления. Но в данном случае это обстоятельство привело не только к чрезмерной растяжке Северо-западного фронта, но и к сдвигу его на юг; привело оно и к распре между фронтами, что в свою очередь отразилось на распоряжениях не имевшей своего лица Ставки — за несколько дней она отдала четыре видоизменявшие одна другую директивы, то в смысле продолжения наступления, то в смысле его приостановки и развития действий на флангах. Эти колебания Ставки вызвали категорическое требование со стороны Иванова поставить определенную задачу его армиям, не ограничиваясь указанием ничего не говорящих рубежей. [1]

Германцы в основу своего отступления положили следующие данные: 1) задержать на возможно долгое время вступление русских в германские пределы, что достигалось разрушением железных дорог и вообще путей сообщения, и 2) выйти скорее из района охвата, что достигалось принятием для отступления более западного направления. Дороги действительно были весьма основательно разрушены под личным руководством Людендорфа, и германские войска к 3/XI беспрепятственно отошли на линию, указанную на схеме № 17 В.

Австрийцы, отойдя предварительно на линию Радом—Скаришев—Казанов, решили оказать русским серьезное сопротивление на укрепленной позиции севернее Кельцы—Сандомир и заняли ее, как указано на схеме № 16 В.

---

[1] Иванов Янушкевичу 19-го окт. (1-го ноября) № 2749. В.Уч.-Арх., д. № 472.

Рузский не торопился наступать; он выжидал выравнивная с иего левым флангом 5-й армии и фронта Иванова. Поэтому за четыре дня его армии продвинулись только на 17 клм. и к вечеру 31-го октября достигли линии, указанной на схеме № 17 В, при чем фронт по сравнению с 26-го октября растянулся с 80 клм. на 140 и сдвинулся на юг.

До 31-го октября 4-я и 9-я армии наступали без особого сопротивления австрийцев и в этот день левофланговыми корпусами подошли вплотную к их укрепленной позиции по реке Опатовка. Детальное расположение корпусов указано на схеме № 17 В.

Здесь по всему фронту начались трехдневные (1-го—3-го ноября) бои, особенно упорные на фронте Влостов — устье Опатовки, где XIV и сводному русским корпусам пришлось столкнуться с 37 гонв., 106 ланд. дивизиями, X корпусом и частями австрийцев, подошедшими с правого берега Вислы через Сандомир. Прорыв сводным корпусом австрийцев у Кихуры, занятие им Сандомира и направление его во фланг австрийцам у Влостов окончательно решили участь боя в пользу русских.

Во время этих боев Северо-западный фронт медленно и спокойно продвигался вперед и 2-го ноября вышел на назначенную линию Унион—Пжедборж, где и остановился, потеряв соприкосновение с противником.

Описанными действиями кончается изложенная нами операция, так как в дальнейшем она развивалась почти исключительно на Юго-западном фронте в связи с планами следующей операции, где действия этого фронта и будут изложены.

2-го—3-го ноября русские армии на левом берегу Вислы заняли расположение, указанное на схемах №№ 14 и 17 В.

Заключение.

Полуторамесячные операции на всем русском европейском театре представляют богатейший материал для всестороннего исследования многочисленных вопросов оперативного искусства. Даже в настоящем труде, почти по своим размерам конспективного характера, выявляется канва для самой разнообразной работы в таком направлении. Это не входит в задачу автора, и мы ограничимся лишь подытоживанием изложенной фактической стороны описанных событий.

1. По сравнению с предшествовавшими первоначальными операциями командование обеих сторон находилось совершенно в иной обстановке. Там война только начиналась; первые задачи вырабатывались путем длительной работы мирного времени; они базировались на соответствующих подготовительных работах и на обеспеченной для этого

группировке войск. Здесь задача являлась производной от результатов законченных операций и создавшихся группировок совместно с развитием общего плана войны, если таковой существовал. В первых операциях командование не было стеснено во времени подготовки, в последней таковое было на учете, так как трудно было рассчитать, что противная сторона не постарается захватить инициативу в свои руки.

И с этих точек зрения положение австро-германцев было выгоднее положения русских. Германцы к концу предшествовавшей операции вывели во вторую линию четыре корпуса, которые могли быть быстро перекинуты в любом направлении; австрийцы сохранили кадры своей разбитой армии и поставили ее под прикрытие Кракова, Перемышля и Карпат близко к рельсовым путям, дававшим возможность сгруппировать ее и для действий на левом берегу Вислы и для охвата восточного крыла русских. У союзников была, следовательно, свобода в постановке себе новой задачи в виду того, что армии в Галиции были прикрыты для маневра и опирались на рельсовые пути, а в Восточной Пруссии они были обеспечены разгромом живой силы противника.

Группировка русских была совершенно в ином положении. Их войска компактно сгрудились на двух флангах: Северный фронт, проигравший первый этап войны, центром в Гродно-Белостокском районе и Южный, выигравший его, в мешке между Вислой и Карпатами, удаленном на расстояние около 150 клм. от ближайшей линии железных дорог.

Такое положение не стесняло союзников в выборе новых задач и ставило в этом отношении существенный предел русским, так как для занятия выгодного исходного положения большей части их армий приходилось делать походным порядком 100—200 клм.

В отношении выполнения общего плана войны положение союзников также было более выгодно. Для немцев оно сводилось к прикрытию своей территории от наступления русских и к оказанию помощи ослабевшим австрийцам, что лучше всего достигалось действиями на левом берегу Вислы, которые прикрывали Познань и Силезию и допускали непосредственную работу с австрийцами. Лейт-мотивом русской Ставки было оказание помощи французам и в этом отношении положение их фундаментально испортилось. Они были откинуты от кратчайшего направления на Берлин, и варшавская группа их израсходована. Восточная Пруссия попрежнему висела у них на правом фланге, а занятая Галиция не являлась, благодаря отходу недобитых австрийцев за Карпаты, достаточным обеспечением их левого фланга.

2. В постановке новых очередных задач союзники также нашли в предшествовавшем периоде лучшую обстановку, чем русские. Для них логически вытекало два решения: более рискованное—наступать на Седлец и более верное—действовать рука об руку с австрийцами по обоим берегам Вислы. Почти без колебаний они остановились на последнем. У русских попрежнему внимание разбивалось между недоконченной задачей обеспечения флангов и тяготением на левый берег Вислы, тем более, что иной задачи для армий Юго-западного фронта не намечалось. Русскому командованию, действительно, приходилось много подумать над постановкой армиям новых задач, но эта работа мысли командования никаким образом не должна задерживать хода действий, а предшествовать им, чему мы видим хороший пример не только у германцев, но и у австрийцев. 12 дней прошло в колебаниях русского командования по принятию определенного решения, и эти колебания продолжались и в дальнейшем.

3. По существу коллективное управление союзными армиями дало нам пример почти полного единоначалия, и, наоборот, полновластное управление всеми русскими армиями одного лица дает на практике образец коллективизма в самой злостной его компромиссной форме. В чем же дело?

На той стороне, до мозга костей проникнутое одной доктриной, немецкое командование, к которому в большой степени примкнули и лица австрийского высшего управления, и твердая воля Гинденбурга, которая не стеснялась с свободной волей своего союзника. Со стороны русских, наоборот, полный разнобой во взглядах, понятиях и методах подхода к оценке разных явлений войны. Номинально они имели во главе одну волю, но орган этой воли совершенно не имел фундамента, на котором он мог бы оперировать с ней. Русская Ставка самоупразднилась; она шла на поводу двух мощных организмов, фронтов, которые по богатству своего волевого, умственного и практического багажа доминировали над Ставкой. Не она властвовала над фронтами, а эти последние, со своими частными эгоистически сталкивающимися интересами, над ней. Ставка оставила за собой только роль уговаривающего и неудачно согласующего аппарата.

4. Гинденбург, решив перенести центр тяжести операций на левый берег Вислы, всем жертвовал для этой цели. Он перешел к обороне в Восточной Пруссии и не постеснялся тянуть из Галиции все, что мог. Русские, наоборот, решили всюду быть сильными и всюду наступать самым серьезным образом и не с демонстративными целями, как немцы в Пруссии. Выход к нижней Висле, глубокое вторжение в Германию, наступление к Кракову и за Карпаты—

таковы, не считая рейда в Венгерскую равнину, наступательные задачи, поставленные русским армиям, и Ставка не хотела поступиться ни одной из них.

5. В постановке задач следует отметить еще одну сторону, с которой мы встретились и в предшествовавших операциях. У немцев и даже у австрийцев преобладала нападательная дерзновенность с быстрым выходом в случае неудачи из боя. У русских, в особенности после катастрофы в Восточной Пруссии, сугубая осторожность и желание обеспечить свою операцию чуть ли не на 100%. Русское высшее командование было дерзновенно только на бумаге и все его распоряжения дышали энергией и наступательным порывом, на практике же все выливалось в полумеры.

По расчету времени и расстояний русским представлялась, начиная даже с 22-го сентября, полная возможность встретить немецкий удар контр-ударом на левом берегу Вислы. Большая часть 9-й, 4-й и 2-й армий могла быть своевременно перекинута на левый берег реки и такая мысль была даже в голове осторожного Алексеева, но боязнь разумного риска все свела к совершению непонятным и пагубным полумерам в виде Опатова и Козениц.

6. Во всей операции русские, поставившие себе наступательные задачи на всем театре, фактически почти нигде не были хозяевами положения. Причина этому заключается в отсутствии у них гибкости оперативной мысли и в боязни ответить на маневр противника своим смелым контр-маневром, для чего представлялось несколько случаев. Удар от Варшавы в самом начале германского маневра в северо-западном направлении был одним из них.

7. В то время как немцы отказывались от всякой операции, когда она принимала фронтальный характер, русские, напротив, чувствовали какую-то боязнь к широким маневрам на флангах даже тогда, когда обстановка, как в данном случае со стороны Варшавы, напрашивалась на такого рода маневр. Эта особенность проходит красной нитью по всем операциям. Рузский в Восточной Пруссии с негодованием отвергает мысль Сиверса о фланговом ударе. Брусилов в Галиции с тремя армиями бьется лоб в лоб с австрийцами, и даже на левом берегу Вислы зачаточное охватывающее движение от Варшавы вылилось в лобовое и повело только к пагубному сдвигу на юг.

8. Но, если русское высшее командование было пристрастно к лобовым столкновениям, то использование частными исполнителями фланговых ударов на полях сражений встречается все чаще и чаще. Мы видим это и в Восточной Пруссии и под Ивангородом.

9. Мы не имеем в своем распоряжении деталей техники управления войсками у противника. В отношении же рус-

ской стороны материал очень богатый и отчасти отмеченный выше. Если читатель возьмет любую директиву Ставки, то навряд ли он составит себе представление о том, в какую форму выливала она выполнение основной идеи своей операции. Все ограничивалось указанием разграничительных линий и рубежей, в пределах которых предоставлялось бить живую силу противника. В остальном давалась полная мощь исполнителю. Но в предоставленной фронту полосе в 150 клм. может быть масса вариантов группировок, которые, не объединенные одной рукой, могут вырвать розыгрыш операции из рук ее руководителя. В изложении фактической стороны мы уже отметили случай, когда, вместо ожидаемого образования кулака в Варшавском направлении, таковой образовался в центре. Директивы Алексеева постепенно принимают иной более практический характер.

10. Во всех комбинациях, встречаемых в этой операции, поражает пристрастие к равномерному распределению корпусов на отведенном участке. Исключением опять-таки являются директивы Алексеева, в которых он старался регулировать этот вопрос как у Ивангорода, так и при подходе к Опатовке.

11. В германской армии управление и исполнение войсками шло рука об руку; при этих условиях, являющихся следствием правильной подготовки войск и командования еще в мирное время, рассчитанное управление операцией является возможным. В австрийской и русской армиях управление шло отдельно от исполнения, и случаи невыполнения отдельных боевых распоряжений доминировали над обратным порядком, как результат мирной подготовки, когда высшее командование чуждо армии и не знает, что может от нее потребовать, а армия не воспитана в жажде победы, не подготовлена к быстрому и точному маневрированию и бедна техническими средствами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Лодзинская и Краково-Ченстоховская операции.

(Ноябрь—декабрь 1914 г.).

Общий обзор. Планы и организационные работы германского командования. Планы русского командования. Ход операции. Период с 11-го по 16-е ноября. Бои у Влоцлавска, Кутно и Ленчицы. Действия на флангах в Восточной Пруссии и на Ченстоховско-Краковском направлении. Действия с 17-го по 24-е ноября. Действия на флангах: в Восточной Пруссии, на Ченстохов-Краков и в Галиции. Последний период операции. Ход действий с 25-го по 29-е ноября. Колебания русского командования. Отход на позицию четырех рек, от Кракова и Карпат. Заключение.

Схемы №№ 18, 19, 20 и 22.

Общий обзор.

Боями у Опатовки и Сандомира закончилось первое наступление австро-германцев на Вислу и Варшаву, и союзники приступили к перегруппировкам для новой операции. Таковая должна была наступить в самом скором времени, так как предшествовавшие действия не привели к решительным результатам ни для одной из сторон. Грандиозно задуманная операция союзников сорвалась, и они были вытеснены обратно из пределов Польши, из Галиции, но армии их сохранили боеспособность, а приближение русских к границе Силезии заставляло предвидеть со стороны германцев новую попытку отбросить их от заветной черты.

Варшавская операция, даже при неудаче для немцев, принесла им существенную пользу. Они обратили в пустыню всю левобережную Польшу и до основания разрушили ее железнодорожную сеть.[1] Они втянули в это бездорожное пространство большую часть русских вооруженных сил, неспособных для дальнейшего наступления и быстрых перегруппировок до восстановления рельсовых путей.

В каком состоянии находились армии к началу ноября можно судить по тому, что 4-я армия оказалась с израсходованным запасом сухарей, пройдя без дневок и по дурным дорогам 10—14 переходов. „Железные дороги,—пишет

---

[1] Янушкевич Рузскому 31-го октября (13-го ноября) № 3118. Воен.-Уч. Арх., д. № 472, стр. 196.

Янушкевич со слов Алексеева,—[1] от самых фортов Ивангорода разрушены самым варварским способом. К 5-му ноября удалось наладить движение только до Радома. Страна окончательно истощена... О правильном кругообороте транспортов, при беспрерывном без дневок движении, не может быть и речи. Нужно было итти, войска и шли, расходуя временами весь свой запас и пополняя недостачу сухарей картофелем. 4-я армия может сделать еще только два перехода вперед".

Русские на границе Силезии и под Краковом были в худшем положении, чем были на берегах Вислы, и Людендорф был прав, говоря, что своей разрушительной работой он задержал на продолжительное время наступление русских в Силезии и тем дал себе возможность успеть сделать необходимую перегруппировку для нового контрманевра и принять ряд организационных мер для усиления своей армии. Положение немцев на Ипре не давало возможности рассчитывать на немедленное усиление армий русского фронта на счет французского; таковое могло начаться только через несколько дней и итти мелкими пакетами.

Планы и организационные работы германского командования.

1-го ноября Гинденбург был назначен „главнокомандующим Востоком", и все германские войска на русском театре, объединенные в 8-ю и 9-ю армии, группу Войерша и отдельный корпус Цастрова, были подчинены ему. Его энергичный начальник штаба Людендорф принял героические меры, чтобы путем многочисленных ландверных, ландштурменных и крепостных формирований увеличить вооруженные силы Востока. (Сх. № 18).

По имеющимся источникам, трудно проследить с точностью все эти новые формирования, но сила их по минимальному подсчету доходила до 11 пехотных дивизий, не считая „нескольких ландверных дивизий, сформированных 8-й армией". [2]

Все эти формирования приняли участие в операции и многие из них с самого ее начала. Кроме того, в течение самой операции с французского театра были перекинуты на восток еще четыре корпуса (II, XIII и XXIV полев. и III рез.). Если прибавить сюда и всю австрийскую армию, то в руках Гинденбурга образовались силы настолько внушительные, что в данном случае намерение Людендорфа

[1] Людендорф особенно гордится в своих воспоминаниях фундаментальным разрушением железных дорог.

[2] Корпуса Цастрова, XVII рез., Дикгута, Познанский и Бреславльский, ландш. бриг. Вестергагена и пр. (Людендорф. „Воспоминания", ч. I и Шварте, ч. V).

нанести русским удар „решительный“ и стремиться „к уничтожению их“ следует признатьимеющим за собой известный raison d'être. [1]

В отношении плана дальнейшей операции Гинденбург находился в редко счастливых обстоятельствах. При нелюбви немцев к фронтальным атакам, им было необходимо найти участок для флангового удара и таковой, как бы нарочно, был подготовлен русским командованием. В своем движении на юго-запад оно открыло фронт между Вислой и Вартой с кратчайшими путями на Варшаву. Гинденбург и выбрал его для нанесения главного удара, чем одновременно достигал глубокого обхода правого фланга русских и возможности действовать по их тылам. Богатейшая рельсовая сеть давала ему возможность перегруппировку сделать быстро, а увязшая в бездорожье русская армия обеспечивала его от неожиданного контр-маневра.

Составив общий план действий, Гинденбург переходит к вопросу о группировке войск, и здесь достойны внимания те решительные меры, которые он принял для сосредоточения возможно больших сил с целью выигрыша операции в главном направлении. Гинденбургу вновь не удалось взять Варшавы, и его операция вновь сорвалась, но это не умаляет достоинства ее блестящей подготовки.

Из Восточной Пруссии было решено взять два корпуса (XXV рез. и I рез.) и в 8-й армии оставалось только $5^1/_2$ пех. и $1^1/_3$ кав. дивизий, которые могли сохранить свое положение только при помощи сильно укрепленной позиции. 8-й армии и было указано отойти и удерживаться на позиции между озерами Шпирдинг и Мауер и по реке Ангерапп.

Усиление русских войск на нижнем Нареве и продвижение их к Сольдау заставили несколько увеличить прикрывшие здесь границу ландштурменные части, из которых были образованы, совместно с Торнским гарнизоном, корпуса Цастрова, Дикгута и бригада Вестергагена, а также направлен сюда прибывший с французского театра кавалерийский корпус, всего $4^1/_2$ пех. и 2 кав. дивизии, расположенные у Сольдау—Нейденбурга и частью на пути от Торна к Плоцку. Этим войскам было приказано своими демонстративными действиями отвлечь сюда силы и внимание противника.

Для главного удара, между Торном и Врешеном, было на коротком фронте сосредоточено около 6 пех. и 2 кав. корпусов; сюда же направлялись и подходившие 4 корпуса с французского театра.

К 10-му ноября эти части сосредоточились, как указано на схеме № 18.

---

[1] Известное основание.

Все эти корпуса общей силой в 12 пех. и 2 кав. дивизии составили ударную группу 9-й армии Макензена и, будучи первоначально развернуты на фронте около 100 клм., при продвижении к противнику ко времени встречи с ним концентрически сближались на фронт в 50 клм.

Несколько южнее ударной группы, составляя как бы ось ее захождения, находился сосредоточенный у Калиша конный корпус Фроммеля, под прикрытием которого заканчивал формирование Познанский корпус, а промежуток далее на юг прикрывался формируемым Бреславльским корпусом. Все они входили в состав 9-й армии.

От Велюна через Ченстохов и далее до Огродзенец укрепленную позицию занимала группа Войерша в 5 дивизий, входившая в состав австрийского командования. Сюда же, к северу от Ченстохова, перевозилась (к 17-му ноября) с Карпат 2-я австрийская армия в составе двух корпусов и $2^1/_2$ кав. дивизий.

Между Бендиным и Краковом сгруппировалась главная масса австрийских сил, их 1-я и 4-я армии. В Галиции была оставлена только незначительная по составу 3-я армия, усиленная VII корпусом 2-й. Из ее состава X корпус прикрывал подступы к Кракову со стороны низовьев Сана и, в случае натиска русских, должен был отходить под защиту фортов крепости; остальные части этой армии были сосредоточены за перевалами Дукла и Лупков. Далее на восток Карпатские перевалы попрежнему прикрывались отдельными отрядами группы Пфлянцера.

Эта группировка австро-германцев почти совершенно очищала от войск Восточную Пруссию и Галицию при наличии в них крупных сил русских и сосредоточивала всю их массу на левом берегу Вислы. Здесь же группировка вполне соответствовала идеям Шлиффена, а обстановка на этот раз вполне благоприятствовала их применению. Ударная группа в 6 корпусов, вполне сосредоточенная к 10-му ноября на кратчайшем и важнейшем направлении, наносит, начиная с 11-го числа, молниеносный и неожиданный удар во фланг русских сил, работает по их тылам и отбрасывает их от Варшавы к югу. За это время, к 17-му ноября, заканчивает свое сосредоточение грандиозный кулак из 1-й, 2-й и 4-й австрийских армий и группы Войерша, который в свою очередь переходит в наступление и принимает на себя обойденных Макензеном с тыла и лишенных путей подвоза русских. Обе ударные группы связаны слабым центром, примерно, от Калиша до Велюна. Канны двадцатого века должны были заменить славу своих прародителей. Солнце Гинденбурга — Людендорфа должно было воссиять ярче солнца Ганнибала.

И, если мы ознакомимся теперь с положением русских, то увидим, что нарисованная картина далеко не является утопией, а план Гинденбурга в отличие от Ивангородского включал в себя только разумную долю риска.

Планы русского командования.

Со 2-го ноября, т.-е. с того времени, когда Иванов потребовал от Янушкевича в категорической форме определенной постановки задач армиям его фронта и до начала германского наступления, среди русского высшего командования шли обычные колебания и пререкания в отношении цели и планов дальнейшей операции.

В течение этого времени 1-я, 2-я и 5-я армии почти неподвижно стояли на занятых ими местах, 10-я изнывала в бесплодных фронтальных атаках линии Мазурских озер, 4-я и 9-я наступали на фронт Ченстохов—Краков, тесня перед собой арьергарды противника, а 3-я и 8-я следовали за отступавшими австрийцами к Кракову и Карпатам. Немцы в Восточной Пруссии решили не принимать серьезного боя и отойти на укрепленную позицию реки Ангерапп; австрийцы быстро отходили к Кракову и за Карпаты, поэтому операции русских войск на том и другом фланге не представляли интереса.

Все эти передвижения вылились в занятие русскими войсками, в общем, к началу наступления немцев следующего положения, детально указанного на схеме № 18:

Сев.-зап. фронт: 10-я армия дотянулась к 16-му ноября вслед за отходившими немцами линии Пилькален—Арис; 1-я армия, медленно сбивая корпус Цастрова, дошла 8-го ноября до линии Сольдау—Плоцк, имея на лев. бер. Вислы у Влоцлавска V Сиб. к-с и у Избицы Св. каз. див.

2-я и 5-я армии с 2-го ноября стояли на линии Униов—Ласк—Корчма Бельхатов—Пржедборж, имея армейскую конницу впереди на р. Варте в районе Кола—Серадзь и Новорадомск.

Юго-зап. фронт: 4-я и 9-я армии к 12-му ноября находились на линии Пржедборж—Щекошин, Мехов—Тарнов; 3-я армия 10-го ноября в районе Сендзишев — Блазув—Радымно, заняв 16-го указанный порядок на линии Дунаевец—Фриштын—Стришев; 8-я армия 10-го ноября на линии Кросно—Санок—Турка и прикрывая далее восточные перевалы.

На ближайшие дни эту группировку следовало считать более или менее постоянной в пределах передвижений походным порядком, так как переброски по железным дорогам могли производиться только к северо-востоку от линии Варшава—Ивангород—Люблин—Львов.

Является почти невозможным сделать точный подсчет сил обеих сторон перед началом грядущей операции; его можно сделать только в грубых чертах. Но для выяснения относительной группировки сторон и вопроса о том, было ли чрезмерное превосходство в силах одного противника перед другим, можно ограничиться и грубым подсчетом. Мы

его делаем в корпусах, сводя всевозможных наименований германские бригады и дивизии в двухдивизионные корпуса. Нас могут упрекнуть, что часть русских корпусов состояла из 3-дивизионного состава, но таковой же имели и все австрийские корпуса.

В таких грубых чертах картина соотношения сил и группировки перед началом операции показана в таблице к схеме № 18.

О внушительном превосходстве русских, разумеется, вопроса быть не может, в особенности, если мы вспомним о наличии у союзников на флангах крепостей Торна и Кракова (Перемышль был блокирован тремя русскими корпусами и в расчет не принимается) и богатых железных дорог, в то время как русские войска местами отошли от них на 150—200 клм.

Обращаясь к частностям, мы видим со стороны русских двойное превосходство в Восточной Пруссии и почти двойное в Ченстоховском направлении, а со стороны союзников почти тройное превосходство в наиболее опасном и важном для русских направлении от Торна на Варшаву и их двойное превосходство в районе Кракова, т. е. на флангах сильного русского центра.

Таково было реальное соотношение сил, когда русское командование вело дебаты о плане дальнейших действий.

В течение всей Варшавской операции Ставка повторяла при всяком удобном случае, что основная ее идея заключается в глубоком вторжении в пределы Германии, но, как она себе представляла это глубокое вторжение, она не высказывалась.

Впервые она высказалась более реально в директиве от 2-го ноября по требованию Юго-западного фронта. Директива эта вышла в свет еще в то время, когда только обнаружился сдвиг австрийцев на Опатовке и Сане, почему она включает уже неинтересные для нас подробности, но в общем она в большей своей части касается будущей операции, почему будет законно положить ее в основу разбираемых планов. [1]

Правильно определив направление отходивших германских частей, Ставка переходит к созидательной части.

Конечную цель, к которой должны быть направлены все усилия, авторы директивы на этот раз ставят весьма мелкую, а именно „вторжение в Германию“ даже не глубокое.

---

[1] Директива от 20-го октября (2-го ноября) № 5366. В.-Уч. Арх., д. № 472. Как в геометрии имеют значение доказательства от противного, так и нам полезно знакомиться с отрицательными образцами. Настоящая директива и разбор ее изложены *в приложении № 1*.

При этом главную массу войск предположено направить на фронт Висла—Судеты (свыше 260 клм.), т. е. на линию, обнимающую не более, не менее, как всю границу между Германией и Россией на левом берегу Вислы. Таким образом, этот абзац директивы исполнителям ничего не говорил.

Для выполнения задуманной операции Ставка предварительно выдвигает два требования—постепенное достижение линии Кола—Ченстохов—Освецим (200 клм.) и прочное обеспечение флангов со стороны нижней Вислы и Галиции. При этом дальнейшее продвижение 2-й и 5-й армий запрещалось, пока „не будут достигнуты более решительные результаты в Восточной Пруссии и на Сане".

Во исполнение намеченного, указывалось Рузскому сломить упорство немцев в районе Мазурских озер и утвердиться на Нижней Висле, а Иванову одержать решительный успех над австрийцами в Галиции и оттеснить их к западу.

После одержания успеха на Сане указывалось 4-й и 9-й армиям выйти на линию Пржедборж—Андреев—река Нида при соответственном продвижении 2-й и 5-й армий на линию Униов — Шадек — Ласк — Распржа — Пржедборж, где „сгруппироваться в соответствии с данными о противнике".

Начавшись, таким образом, грозной фразой о вторжении в пределы Германии, директива заканчивалась указанием о пассивной обороне на левом берегу Вислы с развитием энергичных действий на крайних флангах, которые по соотношению сил в Галиции и по способу работы в Пруссии не могли дать быстрых и решительных результатов. Главная же масса корпусов, расположенная кордонным порядком по выпуклой дуге германской границы, оставалась инертной, как бы нарочно для того, чтобы дать немцам полную свободу перегруппировок. Гинденбург был редким по счастью человеком. Ставка пожелала узнать мнение командований фронтами о своей директиве. Оба командования высказались отрицательно.

Бонч-Бруевич (генерал-квартирмейстер штаба Рузского), к советам которого Данилов часто прибегал, наметил свой план действий, к которому присоединился и Рузский.[1]

Он предлагал разделить армии на три отдельные группы и в зависимости от этого вести три отдельные операции. Одну—в Восточной Пруссии имевшимися там войсками, другую—по очищению Галиции, усилив 3-ю и 8-ю армии 9-й и частью 4-й (в виду начатого быстрого отхода австрийцев, этот удар приходился по воздуху, если его не развить дальше за Карпаты) и третью—2-й, 5-й и остатком 4-й наносить удар, примерно, вдоль Пилицы, чтобы не дать немцам устроиться и перебрасываться вдоль фронта.

---

[1] Разговор с Даниловым по проводу 21-го октября (3-го ноября). В.-Уч. Арх., д. № 472.

Из обмена мнениями между Даниловым и Бонч-Бруевичем, происходившего 3-го ноября, видно, что Ставка уже в то время начала беспокоиться о правом фланге, обнаружив подвоз немцев к Калишу, но штаб Рузского считал здесь свое положение крепким.[1]

Со стороны Иванова директива Ставки тоже подвергалась суровой критике в образе представления верховному главнокомандующему обширного доклада Алексеева с оценкой общего стратегического положения.

Суть его сводилась к следующим выводам:

1. Одновременное преследование двух одинаково важных целей—решительного движения на Берлин и решительных действий в Галиции для уничтожения австрийских армий—непосильно.

2. Прежде развития решительных операций в пределах Германии, необходимо окончательно расшатать и разбить австрийскую армию и

3. Для этой цели необходимо сверх имеющихся в Галиции корпусов направить за Вислу во фланг и тыл австрийцам 9-ю, 5-ю и 4-ю армии, обеспечив район средней Вислы с запада 2-ю и 1-ю армиями.[2]

Мы, таким образом, имеем перед собой три документа. Ставка предлагала держать большую часть сил пассивно на левом берегу Вислы, пододвинув их вплотную к германской границе, и вести меньшей их частью решительные операции на флангах, для чего там, судя по бывшим действиям, было безусловно мало войск. Рузский поддерживал усиление войск в Галиции и ведение трех самостоятельных операций, при чем на левом берегу Вислы временно операция демонстративного характера; в результате это предложение сводилось к грамотному исправлению директивы Ставки.

Наконец, Иванов поддерживал идею Алексеева перейти против немцев к обороне, чтобы обрушиться силой в 21 корпус на австрийцев и сокрушением их военной мощи открыть себе путь на Берлин.

По замыслу, план Алексеева являлся более цельным, приводил к разгрому врага русской армии, мог при удаче повести к прекращению войны, но вызывал и некоторые сомнения как в отношении тылов и путей подвоза всей этой массы, так и в отношении возможности быстрой перегруппировки в случае контр-маневра внушительными силами германцев для спасения своего союзника. Янушкевич совершенно не разделял[3] соображений Алексеева.

Вообще в данном случае Ставка выказала редкую самостоятельность в деле настойчивого проведения в жизнь своей идеи вторжения в пределы Германии, которое под впечатлением быстрого отхода австрийцев вновь приобрело размеры „глубокого“.[4] Для этого директивой 6-го ноября требовалось, чтобы ко времени подхода к меридиану Кракова не только вся 9-я армия была двинута севернее этого пункта с общим направлением на Освецим, но и 1—2 корпуса 3-й армии были переброшены с правого берега Вислы на левый. При этих условиях Янушкевич оставлял для обеспечения „фланга и тыла в виде обложения Перемышля и Кракова и занятия Карпатских перевалов“ 23—26 дивизий.

Тщетно взывал Иванов к благоразумию Ставки, указывая, что расчет на блокирование двух крепостей и пара-

---

[1] Разговор с Даниловым по проводу 21-го октября (3-го ноября). В.-Уч. Арх., д. № 472.

[2] Записка Алексеева помещается *в приложении № 3.*

[3] Пометка на докладе Алексеева.

[4] Директива Иванову 24-го октября (6-го ноября) № 5468. В.-Уч. Ар., д. № 472, стр. 98.

лизование 10—11 боеспособных австрийских трехдивизионных корпусов, имеющих сильную фланговую позицию в виде Карпат, с 25-ю дивизиями—расчет опасный,[1] Янушкевич настоял на своем. Окончательное решение Ставки было закреплено директивой 10-го ноября,[2] т. е. когда немцы уже начинали свое наступление.

В этот день Ставка все еще считала немцев отходившими к своей границе, при чем на беспокоившем ее Калишском направлении вновь предполагалась только конница, поддержанная пехотой, на Велюнском около 2-х корпусов и на Ченстоховском около 4-х.

Ставка считала, что армии Северо-западного фронта будут готовы к наступлению 11-го ноября, хотя Рузский определенно заявил в этот день, что 4-я армия совершенно не обеспечена запасами, что 2-я и 5-я имеют сухарей на 7 дней вместо 12-ти, а Иванов предупреждал, что имеет только 5 легк. местных парков.[3] Указывая далее известную истину, „что потеря соприкосновения с германцами при условии отхода их на свои железнодорожные линии чрезвычайно для нас невыгодна", Янушкевич требовал перехода в наступление не позже 13-го ноября.

Глубокое вторжение в Германию представлялось Ставке в оригинальном виде. Оно должно было состоять в том, чтобы первоначально сломить сопротивление германцев на фронте Калиш — Ченстохов, а потом, не останавливаясь, прочно утвердиться на линии Ярочин—Остров—Кемпен—Крейцбург—Люблинец—Катовиц—Освеним.

Выполнение этого акта Ставка указывала сделать так.

Две центральные армии (надо полагать, 5-я и 4-я, которые передавались фронту Рузского) должны атаковать ченстоховскую группу германцев; 2-я армия должна наступать уступом назад за правым флангом, развивая удар на фронт Калиш—Велюн, а 9-я должна была продолжать преследование противника в направлении на Краков и обеспечивать левый фланг центральных армий. Группы галицийская, торно-млавская и восточно-прусская должны энергично продолжать выполнение задач по обеспечению флангов; кроме того, галицийская должна „закупорить Карпаты" и вывести большее число войск к верховьям Вислы.

Разбор этой директивы займет много места. К ней каждый исследователь подойдет с разных точек зрения. Поэтому я ограничусь только небольшой сводкой того, что имела бы русская Ставка при выполнении ее предначертаний и в каком положении она находилась, когда отдавала свои распоряжения.

---

[1] Иванов Янушкевичу 25-го октября (7-го ноября) № 2951. Там же, стр. 93.

[2] *Приложение № 3.*

[3] Иванов Янушкевичу 29-го октября (11-го ноября) № 3030 и Рузский Янушкевичу того же числа № 2910. Воен.-Уч. Арх., д. № 472, стр. 157 и 158.

Русские выходили бы своими 15-ю корпусами (включая и 4 корпуса 9-й армии) на фронт в 225 клм., с единственной конечной железнодорожной станцией у Радома в расстоянии не менее 175 клм. от фронта; в течение операции рельсовые пути подвинулись бы несколько вперед, но тягостное положение армий от этого мало изменилось бы к лучшему. При кордонном расположении и движении всех корпусов некоторое уплотнение, в виде 9-й армии, они получили бы только на своем крайнем левом фланге—у Освецима. На их ближайших флангах висели две крепости—Познань, наблюдаемая только кавалерией, и Краков, на прочное изолирование которого ушло бы 4 корпуса 3-й армии.

Далее, северный фланг русской громады имел открытый промежуток в 125 клм. между Познанью и Торном с мощной рельсовой сетью, против которого у русских было один, максимум два, корпуса (V Сиб. и VI Сиб.) на Висле и конница в 125 клм. промежутка.

Обращаясь к более глубоким флангам, мы видим на севере 2 корпуса, болтавшиеся без определенного назначения на Млавском направлении, и 6 корпусов, атакующих без тяжелой артиллерии Мазурскую и Ангерапписку позиции немцев. На южном же фланге слабую 8-ю армию (VIII, взятый из блокадной армии XII, XXIV, VII корпуса и Днестр. отряд), охраняющую фланг 3-й армии и „закупоривавшую" все Карпатские проходы от Кракова до румынской границы, имея в тылу у себя осажденную крепость Перемышль.

Невольно задаешься вопросом, какой же следующий ход мыслила себе Ставка, так как надлежащей группировкой войск в этом деле она должна была подготовить себе соответствующую почву. Для автора этот вопрос остается открытым.

Обращаясь к тому положению, в котором находились русские армии, когда отдавалась директива, приходится прийти к заключению, что Ставка не имела права рассчитывать на полное и быстрое ее выполнение.

Не изменив в корне способа действий Рузского в Восточной Пруссии, состоявшего в упрямых лобовых атаках на позиции Мазурских озер и в неопределенном болтании слабого Ренненкампфа на Млавском направлении, надежды скоро раскусить восточно-прусский орешек не было никакой. Надо было или серьезно приняться за дело, или же ограничиться здесь заслоном, как это предлагал Алексеев.

На юге, у Кракова, узел событий только завязывался. Ставке было известно о направлении к Кракову 1-й, 4-й, а может быть и 2-й австрийских армий. Русской 9-й армии предстояла длительная и даже почти непосильная работа борьбы под крепостью, в то время как 3-я армия отставала в своем наступлении на 4—5 переходов и легко могла быть задержана при приближении к Кракову австрийцами на правом берегу Вислы, как это и случилось в действительности. При таких условиях надежды на скорый выход 9-й армии к Освециму не было никакой.

Является еще один вопрос. Неужели же Ставка не могла за три месяца войны изучить однообразный рецепт действий Людендорфа, оперативную роль германских железных дорог и завидную маневренную подвижность германских войск?

На директиву Ставки реагировали своими распоряжениями и фронты.

Распоряжения Рузского сводились к уплотнению одного из участков его фронта путем изменения разграничительных линий вперед. Читатель ожидает этого уплотнения на опасном правом фланге. В действительности оно коснулось центральной 5-й армии, которая с 40-клм. фронта Грохолице — Пржедборж была направлена на 30-ти клм. Питшен — Розенберг. Относительно обеспечения правого фланга было указано только II корпусу наступать север-

цее линии Ленчица—Униов—Калиш—Остров, действуя совместно с прочими корпусами 2-й армии и в связи с левофланговым корпусом 1-й армии, действовавшем на левом берегу Вислы[1] (от Влоцлавска до Униова 75 клм.). Начало наступления 14-го ноября.

В свою очередь и Ставка пошла навстречу уплотнения войск на Ченстоховском направлении и, передавая Рузскому 4-ю армию, сдвинула ее южную разграничительную линию на север от Мехова на Козегловы,[2] еще более затрудняя этим положение 9-й армии под Краковом.

Иванов отнесся к требованиям Ставки исключительно с формальной стороны. Он приказал 9-й армии обеспечить наступление 4-й со стороны Кракова, для чего, оставив временно XVIII корпус на правом берегу Вислы, с остальными силами наступать, сообразуясь с 4-й армией, на фронт Олькуш—Бржеско.[3]

Но все предположения и переписка русского командования имели исключительно академический характер, так как 9-я германская армия Макензена перешла в наступление 11-го ноября и сорвала все предположения русских.

Ход операции.

Центр тяжести операции, как уже видно из группировки сторон и планов германского командования, должен был разыграться на стыке между 1-й и 2-й русскими армиями, что и будет положено в основу дальнейшего ее изложения. (Сх. № 19 А и Б).

Период с 11-го по 16-е ноября. Бои у Влоцлавска, Кутно и Ленчицы.

Первый период операции, с 11-го по 16-е ноября, характеризуется полной неожиданностью ее для русских и непонятным упрямством Северо-западного фронта рисовать себе превратную обстановку при обилии данных схватить ее правильно, что повело, с одной стороны, к замедлению в принятии необходимых мер для контр-маневра и, с другой стороны в совокупных, объединенных действиях германцев против разрозненных действий русских.

Это был период наибольшего преимущества немцев над их противником, гвоздь всей операции, результаты розыгрыша которого должны были указать, насколько она удалась. В дальнейшем шанс неожиданности и сосредоточен-

[1] Директива 31-го октября (13 ноября) № 4489. В.-Уч. Ар. д. № 472, стр. 181.
[2] Директива 30-го октября (12-го ноября) № 5632. Там же, стр. 177.
[3] Директива того же числа № 3080. Там же, стр. 164.

ного кулака уже в значительной степени переставал играть роль, так как противник имел время для парирования удара.

С русской стороны все действия за эти дни носили какой-то стихийный характер при полном отсутствии какого-либо фактического управления. Правда, Ставка высказывала за это время ряд положений, а Рузский отдавал ряд директив, следовавших одна за другой и меняющих одна другую через два часа, но директивы эти запаздывали, и командования 1-й и 2-й армиями должны были взять управление в свои руки; но и это не удалось, так как события развивались быстрее, чем приказания доходили до масс. Соотношение сил и разница в маневренной способности сторон были очень велики. Только 15-го ноября Рузский принужден был признать, что он прозевал маневр германцев, и только с этого времени начинается его действительный контр-маневр.

Германцы за дни 11-го—16-го ноября были настоящими хозяевами положения. Заняв пятью корпусами линию Плоцк—Кутно—Ленчица—Домбе, они могли придать своей операции или более широкий размах направлением главного удара на Лович или сузить ее до размера частного успеха поворотом на юг, за Бзуру. Они выбрали последнее, чем как бы предопределили ограниченный характер Лодзинской операции даже при ее успехе.

11-го ноября, к вечеру разведка 1-й армии определила подход к Влоцлавску 3 пех. и 2 кав. дивизий противника и в этот же день началась переброска из Плоцка на левый берег Вислы VI Сиб. корпуса. 12-го с утра V Сиб. корпус был атакован XXV рез., I рез. и конным Рихтгофена корпусами немцев и избежал окружения только потому, что XX германский корпус не выполнил дневной задачи и отстал из-за скверных дорог (за 1½ суток немцы прошли в среднем около 50 клм.). После целого дня тяжелых для немцев боев (свидетельство Людендорфа), русский корпус отошел с большими потерями назад.

13-го числа предполагалось перейти вновь в наступление при содействии II корпуса, долженствовавшего наступать от Кросневице в северном направлении; непосредственной же охраной фланга 2-й армии к Грабова была выдвинута 1-я стр. бригада. Разрозненные попытки двух русских корпусов успеха иметь не могли, и к 13-му ноября вечером стороны заняли положение, указанное на схеме № 19-Б.

Рузский и его штаб 13-го и утром 14-го ноября считали, что между Вислой и Калишем никаких новых сил немцев не обнаружено, что здесь наступает „свыше корпуса“ с многочисленной кавалерией, что V Сиб. корпус отскочил даром, почему армии 14-го начнут предназначенное наступление для вторжения в Германию, при чем II корпус уже ночью направляется на Ходеч.[1]

На 14-е ноября армиям было приказано начать вторжение в пределы Германии, при чем Рузский ставил 1-й армии ближайшей задачей „обеспечить правый фланг 2-й армии действиями против неприятеля, наступающего между реками Вартой и Вислой“, для чего V Сиб. и VI Сиб. корпусами действовать в районе Влоцлавска—Любранец — Избица в связи со II корпусом, не-

[1] Рузский Янушкевичу 31-го окттября (13-го ноября) № 4491 и разг. Б.-Бруевича с Даниловым 1 (14)-го ноября. Воен.-Уч. Арх., д. № 472, стр. 201 и 209

посредственно обеспечивающим правый фланг 2-й армии. VI арм. корпусу указывалось сосредоточиться на правом берегу Вислы, а I Туркестанскому не углубляться далеко в пределы Пруссии. 2-й армии указывалось, что в виду того, что „как будто бы" имеются признаки о сосредоточении германских сил в направлении между Калишем и Вислой, было бы осторожнее наступление вести уступом правым флангом назад, и тогда перемена фронта армиями на северо-запад будет легче.[1]

Во исполнение приведенной директивы, 1-я армия решила 14-го ноября обороняться на занимаемых позициях; 2-я—передвинуть всю армию вправо сосредоточением XXIII корпуса в районе Домбе—Униов и направлением остальных (II Сиб., IV и I арм.) в полуоборот направо до реки Варты, а 5-я—перейти в наступление и достигнуть линии Шерцов—Новорадомск—Плавно, что должно было повести к разрыву фронта между 2-й и 5-й армиями.

Немцы в этот день окончательно решили наносить главный удар не на Варшаву, а на юг, почему XXV рез. корпус был от Влоцлавска направлен через Кутно к Бзуре.

Результаты боев 14-го числа свелись к следующему (схема № 19 Б):

I рез. корпус не смог сбить V Сиб. и заночевал перед его позицией, имея правее себя конницу Рихтгофена; XXV рез. заночевал в своем движении к Кутно восточнее Любень; XX потеснил фланг II русск. корпуса на позиции севернее Кросневице; XVII продвинулся до Ксаверова, угрожая флангам II корпуса и 1-й стр. бригады, которая отошла поэтому к переправам у Ленчицы; XI немецкий корпус атаковал у Домбе XXIII русский и оттеснил его за реку Нер. Остальные корпуса 2-й армии вышли на Варту в районе Униов—Серадзь, имея конный корпус Новикова в районе Варта—Серадзь, а 5-я армия на линию Шерцов—Новорадомск—Плавно.

На 15-е ноября обе стороны продолжали выполнение прежних задач, при чем русские все еще ограничивались полумерами. Ренненкампф, которому был передан II корпус, решил атаковать противника, а немцы своей конницей и XX, XXV рез. и XVII корпусами рвались в открытый промежуток Кутно—Ленчица. 2-я армия, для которой был уже невыполним приказ Рузского защищать XXIII корпусом участок Грабово—Домбе, приняла самостоятельное решение обороняться на р. Нер на фронте Ленчица—Домбе, сосредоточить II Сиб. корпус у Униова на случай содействия XXIII, а IV и I корпусами наступать на фронт Блашки—Злочев с переправой через Варту. 5-я армия решила продолжать свое наступление на запад.

Таким образом, Рузский совершенно терял управление фронтом, а ударные армии его, продолжая наступать в пределы Германии при ясно изменившейся обстановке, расползались в разные стороны на север (XXIII и II Сиб. корп.), на запад (IV и I корп.) и на юго-запад (5-я армия).

В результате упорных боев и движений, к вечеру 15-го ноября стороны заняли положение, как указано на схеме № 19 Б.

2-я армия отказалась от своего наступления на левый берег Варты и направила II Сиб. корпус от Униова на Ленчицу (ночевал частями на пути у Янова, Клудно и Униова); IV и I пододвинулись к северу и эшелонировались между Униовом и Вартой. 5-я армия продолжала беспрепятственно свое движение и достигла I Сиб. корпусом района севернее Дзялошина, XIX корпус перешел Варту и выровнялся с I Сиб., а V также, перейдя Варту, держался в полупереходе сзади. Промежуток между 2-й и 5-й армиями достиг 60 клм. 4-я армия атаковала Ченстоховские позиции.

Несмотря на всю разрозненность в распоряжениях и действиях русских, их положение против ударной группы Макензена значительно улучшилось. Вместо двух корпусов они имели уже здесь пять (V Сиб., VI Сиб., II арм., XXIII арм. и II Сиб.), число которых с каждым днем должно было увеличиваться. Для немцев должно было быть ясным, что широкий размах их операции сорвался, но у Ченстохова в линию входила 2-я армия Бем-

---

[1] Ораповский Янушкевичу 1 (14)-го ноября № 7000; там же, стр. 211.

Эрмоли, что давало еще возможность нанести частное поражение 2-й и 5-й армиям.

Только 15-го числа Рузский признал истинное направление главного удара немцев, неправильно сваливая всю вину за позднее осведомление на кавалерию.[1] Только 16-го, таким образом, могла начаться планомерная борьба с немецким маневром.

15-го ноября, не зная еще исхода боев этого дня, Рузский ставит[2] ближайшей задачей 1-й и 2-й армиям разбить противника, наступающего между Калишем и Вислой. Для этого 1-й армии немедленно атаковать противника, отбросив его к границе, и перекинуть на левый берег реки VI корпус. 2-й армии наступать вместо западного в северо-западном направлении на фронт Клодава—Калиш и атаковать противника в связи со II корпусом, переданным 1-й армии. 5-й армии также указывалось переменить фронт и наступать на северо-запад на линию Бржезины—Верушев, уступом за левым флангом 2-й армии. XIX корпус предполагалось перевезти в район Скерневиц, 4-я армия должна овладеть Ченстоховским районом.

Трудно понять смысл этого тяжеловесного маневра захождения плечом двумя армиями с общим направлением на Познань. Если это должно было повести к окружению группы Макензена, то, надо сознаться, что Рузский выбрал наиболее длительный метод. Ставка смотрела на этот раз яснее, предложив еще за два дня оттянуть I корпус для того, чтобы его кинуть в северном направлении.

Но едва Рузский успел отдать эту директиву, как узнал, что она невыполнима, так как занятием Кутно (на рассвете 16-го конницей Рихтгофена) и Ленчицы фронт его фактически оказался прорванным. Поэтому в ночь на 16-е директива вновь меняется[3] и 1-й армии ставится задача перейти с утра в наступление вместе с правофланговыми корпусами 2-й армии. XXIII и II Сиб. корпусам этой последней атаковать противника между Домбе и Ленчицей, нанося главный удар на эту последнюю и прикрывая отход IV и I корпусов в район Ласк—Лютомерск. 5-й армии указывалось отойти 16-го на линию Вильковья—Каминск, а 4-й оставаться на месте. Для занятия Ловича выдвигались 2 полка с тыла. Из 10-й армии направлялась 6-я Сиб. стр. дивизия. Для выполнения этой директивы корпусам 2-й армии пришлось сделать 35 клм. в один день, а 5-й—50 клм.

Но ни одно из предначертаний Рузского на 16-е ноября не сбылось.

V Сиб. и VI Сиб. корпуса, не имея сил перейти в наступление, начали постепенный отход и потянули назад и II корпус, пассивно отходивший при угрозе обхода конницей его флангов. В конечном результате неудачны были для русских и бои у Ленчицы и за р. Нер.

Все это повело в результате 6-дневной операции к серьезному прорыву фронта, при чем 1-я армия отошла, примерно, на линию Плоцк—Гомбин—Лович, а 2-я, потеряв оборонительные линии Бзуры и Нера, на фронт Озорков—Сарнов—Ласк, при чем все армии фронта Рузского находились в периоде перегруппировки для действия против фланга и ближайших тылов армии Макензена. Со стороны русских в дело было пока введено не полных 5 корпусов, но зато у австро-германцев к этому времени (16-го числа) окончательно сосредоточились на фронте Велюнь—Ченстохов группы Войерша и Бем-Эрмоли, т. е. они получили свое окончательное развертывание.

---

[1] Рузский Янушкевичу 3 (16)-го ноября № 7018. В.-Уч. Арх., д. № 472, стр. 239.

[2] Воен.-Уч. Арх., д. № 138.

[3] Рузский Янушкевичу 3 (16)-го ноября № 7018. Там же, стр. 239.

В подробностях расположение сторон в ночь на 17-е ноября на левом берегу Вислы показано на схеме № 19 А и 19 Б.

Действия на флангах в Восточной Пруссии.

Действия центральных групп находились в непосредственной зависимости от действий на флангах, в особенности ближайших.

Положение сторон на Мазурских озерах 16-го ноября нам уже известно. Русская 10-я армия уперлась там в сильно укрепленную позицию озер и реку Ангерапп, защищаемую более слабой 8-й германской армией. Быстрой перемены в положении сторон там быть не могло, и этот участок мог служить только источником подкреплений на главном фронте.

Большее значение могли оказать события на правом берегу Вислы, где со стороны русских действовали три корпуса и большое количество кавалерии, а со стороны немцев два корпуса (Цастрова и Дикгута) с тоже многочисленной кавалерией. (Схема № 19 А).

По мере развития операции на левом берегу Вислы, VI Снб. и часть VI арм. корпусов были перекинуты туда и, таким образом, на правом берегу осталось не более 1½ корпусов, из которых половина отошла под натиском противника к Бельску и один (I Турк.) от Сольдау к Млаве (17-го ноября) и потом на Цеханов (21-го числа). Немцы также не имели сил развивать дальнейшего здесь наступления и ограничились занятием Плоцка и Цеханова.

Действия на Ченстохово-Краковском направлении.

Несравненно большее значение на действия под Лодзью имела Ченстохово - Краковская операция. Здесь были сосредоточены крупные русские и союзные силы, при чем русские, как известно, предполагали первоначально наносить здесь сильный удар, а союзники до подхода Бем-Эрмоли обороняться, чтобы потом перейти в наступление навстречу Макензену.

Мы оставили Ченстоховскую группу 12-го ноября, когда 4-я армия была передана во фронт Рузского и получила задачу овладеть районом Ченстохов и в дальнейшем достигнуть, принимая несколько вправо, линии Кемпен — Крейцбург, где и укрепиться. 9-я армия должна была обеспечить ее наступление со стороны Кракова.

Расположение сторон к этому времени указано на схеме № 19 А.

14-го ноября обе русские армии начали наступление, при чем 9-я армия стягивала свои корпуса к правому флангу, введя в первую линию на правом фланге и корпус резерва — XIV, а XVIII направила на левый берег Вислы. Свою помощь 4-й армии она решила оказать, наступая уступами с правого фланга.

В результате к вечеру 15-го ноября 4-я и 9-я армии достигли после ряда авангардных боев линии, указанной на схеме № 19 А.

16-го ноября 5-я армия получила приказание отходить, а 4-я приостановиться. Но эта приостановка не удовлетво-

ряла Ставку, которая приказала продолжать наступление и передала 4-ю армию обратно Юго-западному фронту. Этот последний поставил задачу обеим армиям разбить противника, сосредоточенного на линии Ченстохов—Краков.

Положение осложнялось как отходом 5-й армии, что вызывало необходимость обеспечения правого фланга, так и окончанием сосредоточения Бем-Эрмоли, что вызывало в свою очередь переход в наступление и австро-германцев. Соотношение и группировка сил (8 русск. корпусов против 9 союзных, опиравшихся на Краков) указывали на серьезный характер предстоявшей здесь борьбы и на трудность ожидать решительного для одной из сторон результата.

16-го ноября продвижение русских встречало уже сильное сопротивление, а 17-го им удалось овладеть только на фронте III Кавк. корпуса районом Влодовице и Гвардейского — Скала и отбить ряд сильных контр-атак.

Для обеспечения своего правого фланга пришлось к Новорадомску последовательно сосредоточить дивизию Гренад. корпуса, а к Дзялошину сосредоточивался конный корпус из трех дивизий армейской конницы (Туманова).

4-я и 9-я армии в виду обнаруженного обхода противника на Новорадомск и нажима на стык обеих армий у м. Пилицы решили приостановиться и перегруппироваться. Общий фронт их к вечеру 18-го шел по линии Мыканов—Лущин—Янов—Влодавице—Дзвоновице—Заленже—Вольбром—Янгрот—Скала—Посквитов—Лышковице—Злотники.

Завязавшийся у Ченстохова—Кракова узел не давал, таким образом, возможности черпать обеим сторонам из этих групп войск для помощи на главном фронте и придавал особое значение направлению Новорадомск—Петроков, на котором русские были особенно слабы.

Действия с 17-го по 24-е ноября.

Действия с 17-го по 24-е ноября представляют собой как бы второй период всей обширной операции, который имеет свои отличительные черты. (Схема № 20).

Немцы вклинились между 1-й и 2-й русскими армиями и имели почти открытым путь на Лович и Скерневицы, по достижении которых следующий скачок был или на Варшаву или на юг для глубокого маневра по тылам русских армий. Направленные на помощь с французского театра 4 корпуса давали им свободу в выборе того или иного объекта дальнейших действий.

Но 16-го ноября вся армия Макензена, кроме I рез. корпуса, оказалась уже повернутой фронтом на юг по Бзуре и Неру, чем и определялся характер дальнейшего маневра Гинденбурга, т.-е., вместо широкой работы по русским

тылам, отхватить что можно. Он бросает поэтому на Брезины 1½ пехотных (XXV рез. корп. и 3-ю гвард. рез. див). и I конный (Рихтгофена) корпуса.

Гинденбург знал к этому времени уже об отходе 5-й русской армии, следовательно, мог ожидать при своем наступлении на юг встретить не только 2-ю, но и 5-ю армию. При таких условиях и при обеспечении всей операции со стороны Варшавы только одним корпусом (I рез.) она могла бы казаться авантюрой, если бы не одновременное наступление Войерша и Бем-Эрмоли, с нанесением главного удара в направлении на Петроков. При этих условиях операция приобретала вид не авантюры, а точного выполнения Шлиффенского рецепта и должна была, по мнению Гинденбурга, повести к уничтожению 2-й и 5-й русских армий.

Гинденбург и ставит эту задачу своим армиям, бросая 1½ пех. и 1 кав. корпуса на Брезины и далее на запад навстречу Войершу.

Эта красивая операция не удалась, так как Войерш и австрийцы не выполнили своей задачи, а Гинденбург мало учел значение Ловича, как железнодорожного узла, откуда и был нанесен роковой удар в спину прорвавшимся германским корпусам. Эти последние попали южнее Брезины в мешок, из которого сравнительно благополучно выпутались только благодаря отличной тактической выучке своих войск и тому, что русское командование завязало этот мешок тонкой и гнилой бечевкой.

Положение русских к началу этого периода операции было несравненно лучше, чем раньше, если рассматривать его исключительно с точки зрения группировки сил. Против втягивавшихся в мешок немцев они имели две уплотненные группы на флангах, т. е. в свою очередь неожиданно создалось положение, грозящее армии Макензена защемлением в Шлиффеновские клещи. Говорю неожиданно потому, что Рузский был очень недоволен вынужденным отходом 2-й армии на юг к Озоркову, а не на восток к Пионтеку.

Таким образом, русские имели 3½ корпуса (V Сиб., VI Сиб., II арм. и часть VI арм.) висящими над левым флангом Макензена, примерно, на фронте Плоцк, западнее Гомбина и Ловича; в центре Ловичский отряд в три полка, который мог постепенно увеличиваться подвозом с тыла, и сборный отряд из частей II Сиб. корпуса и 1-й стр. бригады у Озоркова. Против правого фланга Макензена сосредоточивалась большая группа из 2-й армии (XXIII, IV и I корпуса) и 5-й (I Сиб. и XIX корпуса).

Но в действительности положение не было для немцев таким грозным. Корпуса 1-й армии положительно иссякли

в своей боевой годности за период предшествовавших боев и совершенно не были способны к решительным активным действиям; корпуса же 2-й и 5-й армий были измотаны рядом форсированных маршей, при чем для принятия угрожающего относительно немцев положения им приходилось сделать еще ряд таких же маршей. Кроме того, русские уже потеряли оборонительные линии Нера и верховьев Бзуры и первоначально принуждены были подставлять себя под удары немцев по частям.

Однако, следует отметить, что русское командование уже привыкло к однообразным маневрам Гинденбурга и сделало попытку ответить ему тем жеманевром, но в зачаточном виде, так как Рузский все еще больше тянул к своему излюбленному лобовому удару, более всего добиваясь поставить свои разошедшиеся армии вновь плечом к плечу и вытеснять противника вместо того, чтобы действовать против его флангов и тыла.

В начале операции связь между фронтом и 2-й и 5-й армиями порвалась, и вся операция разделилась на действие двух отдельных групп, что, пожалуй, послужило ей на пользу, так как управление 2-й и 5-й армиями попало в самостоятельные руки более опытного стратега Плеве. Наконец, следует отметить чрезмерную утомленность войск и тактическую их неподготовленность к такого рода тонким операциям. „У нас войска как-то не ходят,—сообщал Орановский Данилову,[1]— несмотря на самое энергичное подталкивание".

Ченстоховская группа русских в отличие от немцев выполнила свое назначение и обеспечила с этой стороны Лодзинскую операцию.

Изложим в кратких чертах фактическую сторону этого периода.

Гинденбург поставил себе с 17-го ноября задачу вести бой „на уничтожение" 2-й и 5-й русских армий у Лодзи. В выполнении этой задачи должна была принять участие и ченстоховская группа, наступая на фронт Новорадомск—Щекоцины.

Макензен решил достигнуть указанной цели, ведя с 17-го ноября „охватывающее наступление на Лодзь", как детально указано на схеме № 20 А.

I рез. корпусу указывалось прикрыть операцию с востока, выйдя на нижнюю Бзуру от устья на Сохачев и Лович; коннице Рихтгофена перерезать пути Томашев—Пабянице; XXV рез. корпусу наступать на Брезины; XX—па Лодзь с севера, а XVII и XI охватывать ее с запада. Кавалерии Фроммеля прервать движением южнее Пабянице сообщение Лодзи с Петроковом. Выполнение должно было начаться 17-го ноября.

Рузский с своей стороны указывал 17-е ноября 1-й армии перейти в наступление правым флангом вдоль Вислы и левым на Кутно, а 2-й армии сосредоточиться тремя корпусами (II Сиб., IV и XXIII) на линии Стрыков—Згерж — Константинов и одним (I) в районе Брезин, чтобы с утра 18-го перейти в общее наступление на Пионтек — Ленчицу. 5-й армии двумя корпусами (I Сиб. и XIX) сосредоточиться на линии Пабянице—Ласк для

[1] 7 (20)-го ноября. Воен.-Уч. Арх., д. № 464, стр. 27.

наступления на фронт Ленчицы—Домбе; V же корпус перевозится в Скерневице, кроме одной бригады, которая остается в Петрокове.[1]

Но в тот же день он заменил свою директиву новой,[2] согласно которой 1-й армии надлежало 18-го ноября утвердиться на линии Н. Дунинов—Орлов на Бзуре, а 2-й — на линии Орлов—Пионтек—Озорков; обеим армиям войти у Орлова в прочную связь внутренними флангами. 5-й армии наступать на линию Александров — Прживорница, а Новикову держаться в районе Варта—Серадзь.

Но эта директива оказалась запоздавшей: 17-го ноября 1-я армия, отбив у Лонска атаки немцев, отошла к вечеру на более узкий фронт Илов—Кернозя—Здуны. На фронте же 2-й армии немцы имели значительный успех и к вечеру заняли положение, указанное на схеме № 20 А.

При таких условиях 2-я армия могла развернуться только на фронте Андресполь, Новосольна, Константинов, при чем I корпус сделал за 2 дня 110 клм.

Все эти обстоятельства заставили Рузского в тот же день отдать новую директиву,[3] которой он утвердил отход 1-й армии на фронт Илов—Шимановице, приказав II корпус расположить южнее для прикрытия Ловича; 2-й же и 5-й армиям приказал атаковать противника, направляя правофланговый корпус на Белявы.

Но и эта директива не могла быть исполнена, так как 2-я армия решила для наступления выждать выхода на одну с ней линию 5-й армии.

В результате наступления 18-го ноября немцы глубоко проникли в расположение русских, прервав связь 2-й и 5-й армий с фронтом и закрепив за собой Згерж и потеснив XXIII корпус. К вечеру 18-го стороны заняли положение, указанное на схеме № 20 А. С этого дня 2-я армия действовала под управлением Плеве.

Все старания Плеве сводились к тому, чтобы раздвинуть сжимавшие его клещи, а немцев, чтобы их окончательно сжать.

В виду этого на 19-е ноября Макензен приказал XI и XVII корпусам приковывать к себе силы русских; Познанскому корпусу наступать на Шадек, Бреславльскому на Серадзь и Фроммеля на Вадлево для охвата Лодзи с юга; XX, XXV рез. и кавалерии Рихтгофена наступать на фронт Видзев—Монкоцин с целью перерезать дорогу Лодзь—Петроков.

В результате боев этого дня русские были потеснены несколько с востока, но на западе корпуса 5-й армии расширили фронт, перейдя в наступление и выбив немцев из Лютомерска. К вечеру 19-го фронт русских шел вокруг Лодзи по линии, указанной на схеме № 20 Б. Части 10-й дивизии V корпуса, задержанные на ст. Бабы, должны были принять участие в дальнейшем наступлении.

Познанский корпус потерпел неудачу при столкновении с XIX русским корпусом в районе Шадека.

Со стороны Ловича Рузский решил в этот день наступать для выручки 2-й и 5-й армий.

Эту ответственную задачу Рузский возложил на 1-ю армию, которой приказывалось „наступать во фланг германцам, не ограничивая линии этого наступления, *а стремиться дойти до непосредственного соприкосновения с частями 2-й армии*“.[4]

Исполняя поставленную 1-й армии задачу, Ренненкампф решил нанесение главного удара возложить на Ловичский отряд, усиливаемый 6-й Сиб. стр. дивизией, который, вследствие различных причин (организационного, оперативного и пр. характера), только 21-го ноября получил окончательное направление наступления на фронт Стрыков—Брезины.

---

[1] Директива 4 (17)-го ноября № 7034. В.-Уч. Арх., д. № 472, стр. 252.
[2] Директива 4 (17)-го ноября № 7038. Там же, стр. 256.
[3] Рузский Янушкевичу 5 (18)-го ноября № 5011. Там же, стр. 273.
[4] Корольков „Лодзинская операция“, стр. 76.

С своей стороны, немцы направили корпус Дикгута на левый берег Вислы[1] и произвели запоздалый удар на Лович. Однако, этот удар был отбит частями 1-й армии и вновь организованного, в виду наступления Ловичского отряда на запад, гарнизона этого местечка.

20-го ноября части II корпуса и Ловичский отряд силой в два корпуса начали свое наступление и к вечеру 21-го достигли линии Белявы—Гловно—Колацинек, а конницей Брезины.

Тем временем Плеве под Лодзью решил продолжать наступление, видя в этом единственный выход. Наступление как в этот, так и в последующие дни почти не сдвинулось с места, хотя XX немецкий корпус и принужден был 20-го ноября выделить от Лодзи часть сил к Стрыкову против приближавшегося Ловичского отряда.

XXV рез. корпус и 3 гв. рез. див. заняли 21-го ноября Рзгов и Филиксин, отрядив часть сил в направлении Петрокова. Познанский корпус достиг головой Виламова и Бреславльский Здунска Воля, где задерживался конницей Новикова. В дальнейшем эти корпуса вперед не продвинулись, задерживаемые корпусами 5-й армии.

Наступление Ловичского отряда и положение сторон с 21-го ноября показаны на схеме № 20 Б.

22-го ноября части II корпуса и Ловичский отряд вышли с боем на фронт Воля Рогозинска—Стрыков—Брезины. Попытки XXV корпуса продвинуться от Рзгова на Пабянице и 3-й гв. рез. див. к Лодзи не увенчались успехом. К вечеру они занимали фронт Рзгов—Старова Гура—Ст. Вискитно—Андресполь. Части 10-й русской дивизии, наступавшие со ст. Бабы, были задержаны заслоном XXV рез. корпуса к юго-востоку от Тушина. Остальные германские корпуса, включая Познанский и Бреславльский, продвинуться не могли. Ченстоховская группа реальной помощи не оказывала.

Таким образом, надежды на продвижение вперед было мало; Ловичский же отряд прервал тылы XXV рез. корпуса. Но немцы получили неправильные сведения, что русские очистили Лодзь, и упорствовали в своих атаках.

22-го ноября успех заметно перешел на сторону русских. I рез. корпус едва сдерживал перешедшие в наступление V Сиб. и VI Сиб. корпуса; 10-я дивизия заняла Тушин, I сиб. корпус Рзгов.[2] XX германский корпус был оттеснен на фронт Москуле—Добре. На остальном фронте наступление немцев успеха вновь не имело.

При таких условиях вечером 22-го числа Макензен приказал XXV рез. корпусу оторваться от противника, отойдя за реку Мязга, а 23-го атаковать Брезины, чтобы оказать содействие XX корпусу, сильно атакованному Ловичской группой.

23-го ноября XXV рез. корпус столкнулся у Борова с 6-й Сиб. стр. дивизией, составлявшей левый фланг Ловичской группы, сбил его при содействии своей сильной артиллерии, а 24-го завладел Брезинами, выйдя на свой путь отступления и войдя в связь с XX корпусом.

Одновременно части XX германского корпуса, поддержанные XVII корпусом, атаковали части II русского корпуса, которые в своем наступательном движении угрожали уже от Стрыкова Озоркову. 25-го ноября русские должны были здесь отступить к востоку от Гловно, заняв промежуток между Гловно и Брезинами кавалерией Казнакова. Благодаря этому XXV рез. корпус и 3-я гв. рез. див. пробились к Гловно и примкнули к левому флангу XX корпуса.

Остается упомянуть об остальных корпусах 1-й армии левого берега Вислы (V Сиб., VI Сиб. и часть VI армейского).

Во время борьбы за Лович они были оттеснены восточнее Илова на фронт Арцихов—Рыбно—Сверыж, но потом они потеснили I рез. корпус и 25-го вышли на линию Кернозя.

---

[1] Он пришел туда через Торн и очень поздно, почему был возвращен обратно на Млавское направление.

[2] Сюда была перекинута одна дивизия (I-я сиб. стр.) этого корпуса и корпусное управление. Другая дивизия осталась в составе 5-й армии, куда позднее было перекинуто управление I Сиб. корпуса.

Вся операция Брезинского прорыва свелась к вытеснению немцев обратно и к образованию вновь сплошного фронта, при чем 2-я и 5-я русские армии переменили фронт с запада на север и оторвались от Юго-западного фронта, который попрежнему смотрел на Ченстохов и Краков. С другой стороны, и немцы сгрудили массу своих корпусов между Вислой и Вартой. Не получив помощи ни от своих Познанских и Бреславльских формирований, ни от австрийцев, они выдержали операцию на одних своих плечах, показав высокие образцы своей тактической подготовки и достигнув минимальной стратегической цели перевернув группировку русских войск.

Положение сторон 25-го ноября к вечеру показано на схеме № 20 Б.

К немцам начали подходить первые подкрепления. Из Восточной Пруссии 1-я пех. дивизия, которая 26-го ноября достигла Гостынина, и с французского театра II-й корпус, который 26-го ноября высаживался в Острове и Калише.

Действия на флангах.

На ход событий на главном фронте за последний период оказывали влияние исключительно действия на Ченстоховско-Краковском фронте.

Восточная Пруссия.

В Восточной Пруссии обе армии попрежнему стояли друг против друга, при чем русская 10-я армия, бедная техническими средствами и с громадным некомплектом, медленно пододвигалась, прибегая к способам крепостной войны, к укрепленной позиции немцев и к 20-му—24-му ноября достигла линии, указанной на схеме № 21 А.

На Млавском направлении положение оставалось без перемен, так как обе стороны черпали оттуда силы для переброски на левый берег Вислы и были там слабы.

Ченстохово-Краковский фронт.

Мы оставили Ченстохово-Краковский фронт, когда 2-я австрийская армия закончила свое сосредоточение к северу от Ченстохова и когда, таким образом, перевес в силах перешел на сторону союзников (11 корпусов против 8).

Наступление отсюда австро-германцев входило отправной данной в план Гинденбурга по разгрому 2-й и 5-й русских армий. С этой целью напрашивался сам собой удар левым флангом на Новорадомск и Петроков. Но австрий-

ское командование задалось более широкими целями. Оно решило в то время, когда Гинденбург будет уничтожать 2-ю и 5-ю русские армии, разбить 4-ю и 9-ю. План разгрома русских рисовался Конраду в образе охвата их обоих флангов и одновременно прорыва фронта в двух местах.

Правый фланг 4-й русской армии должен быть обойденным 2-й австрийской армией, для чего XII корпус был направлен с пункта высадки у Люблинца на Бржезницу, а IV для более глубокого обхода через Дзялошин. Центральные удары должны быть нанесены с фронта Жарки—Пилица на Щекоцины правым флангом группы Войерша и левым 1-й австрийской армии, и у Скалы правым флангом 1-й и левым 4-й австрийской армии. Наконец, левый фланг русского фронта должен быть обойденным правым флангом 4-й австрийской наступлением на фронт Прощовице—Сломники. (См. схему № 21 Б).

Столь многочисленные и сложные задачи не соответствовали количественному и качественному превосходству австрийских войск и привели к их распылению и неудаче.

В свою очередь Иванов решил рвать центр австрийцев в направлении Влодовице внутренними флангами 4-й и 9-й армий, которая ввела в линию между Гвард. и XXV корпусами подошедший с правого берега Вислы XVIII корпус.

Все это привело к встречной операции, которая развернулась в ряд встречных тяжелых боев по фронту с большими потерями для обеих сторон, но ни в чем не изменивших относительное их положение. На флангах же австрийцы имели первоначально незначительный успех, но скоро выдохлись, заставив, впрочем, русских перевести с правого берега Вислы на левый XXI корпус 3-й армии.

В своем наступательном движении на Новорадомск австрийцы обрушились двумя корпусами на Гренадерский корпус. Их IV корпус вышел 20-го ноября на фронт Сульмержице—Вевец, а конный к Едльно, но здесь они были встречены конным корпусом Туманова, развернувшимся на фронте Куцов—Вевиоров, и 1-й грен. дивизией на фронте Вевиоров—Воля Едлинска и дальше продвинуться не могли. XII корпус обошел правый фланг 2-й грен. дивизии и вышел в район — Клекоты, но на помощь к ней подошла 47-я див. XVI корпуса. 22-го ноября фронт был восстановлен и атаки австрийцев выдохлись.

На противоположном фланге русского фронта австрийцы переправились 21-го ноября через Вислу у Бржеско, что заставило левый фланг XXV корпуса отойти к Прощевице. Переправа русского XXI корпуса через Вислу у Рогова и наступление его 22-го числа на Донатковице заставили и здесь отойти австрийцев назад.

Лобовой удар 2—3 корпусов со стороны русских на укрепленную позицию без соответствующей подготовки тяжелой артиллерией и желание сразу вести четыре распыленных главных удара со стороны австрийцев, не сосредоточив для этого достаточных сил, ни к чему не привели.

Галицийский театр.

Мы оставили Галицийскую группу русских армий после боев на Сане и у Хырова, которые закончились в связи с общей обстановкой на левом берегу Вислы отходом австрийцев к Кракову и за Карпаты и переброской их 2-й армии к Ченстохову.

Галицийская группа русских находилась в этот период войны в трудном положении. На нее возлагались три растягивавшие ее в разные стороны задачи, выполнению которых не соответствовали их силы, а, главное, до крайности ослабленный некомплектом состав армий.

Основная задача этой группы, казалось бы, должна состоять, при сложившейся на левом берегу Вислы обстановке, в удержании Галиции и в обеспечении длинной коммуникационной линии на Львов. Другая задача, неразрывно связанная с первой, заключалась во взятии или в обезвреживании крепости Перемышля. Но Ставка, а вслед за ней и фронт, возлагали на Галицийскую группу и третью задачу, которая шла вразрез с первыми двумя, а именно оказание помощи левобережной группе войск не только в образе действий против Кракова, но и в перекидывании части 3-й армии на левый берег Вислы для замены 9-й, которая должна была наступать на запад.

Для выполнения всех этих задач у Галицийской группы нехватало сил и, кроме того, она невольно тянулась в двух разных направлениях, имея в центре Перемышль, к которому Иванов, в виду шаткости положения в Галиции, боялся сосредоточивать артиллерию особо сильных калибров. [1]

Под таким знаком двойственности задач и недостатка средств и прошла осенняя кампания в Галиции, которая вылилась в маневр 3-й армии между Вислой и Карпатами и в длительные бои 8-й армии за обладание Лупковским перевалом.

По окончании перегруппировки австрийские войска на правом берегу Вислы расположились к 20-му ноября, как показано на схеме № 21 Б.

Задача австрийцев заключалась в прикрытии Кракова и путей через Карпатские перевалы.

---

[1] Он держал ее в Бродах.

С русской стороны на 3-ю армию первоначально было возложено прикрыть фланг 9-й армии и для этого скорее достигнуть линии Дунаевцы, а на 8-ю — прикрытие всей операции со стороны Венгрии.

Силы обеих сторон были почти равные, по 9 корпусов в каждой. Во исполнение данной задачи 3-й армии приходилось двигаться форсированно вперед, держась ближе к Висле, а, с другой стороны, обеспечивать и фланг 8-й армии, которая оказывалась уступом назад. Командующий армией решил двигаться в уступном порядке, примыкая правым флангом к Висле, и 20-го ноября после сильных боев правофланговых корпусов с XVII австрийским корпусом 3-я армия (XXI, IX и X корпусами) вышла на фронт Устье-Сольне—Заключин — Горлица, растянувшись на 100 клм. В дальнейшем, как известно, началась переброска части армий на левый берег Вислы и начались ее совместные действия с Ченстоховской группой в последний период операции.

Командующий 8-й армией решил выполнить свою задачу оттеснением части противника к Карпатским перевалам, для чего усилил свою армию за счет блокадной XII корпусом. Пока же этот корпус подойдет, Брусилов решил задержать VIII корпус на месте и наступать только левофланговым, XXIV. Таким образом, вся Галицийская группа наступала своими крайними флангами, имея отставшими центральные корпуса. Наступление корпусов с 13-го по 27-е ноября показано на схеме № 21 Б.

13-го ноября XXIV корпус подошел к сильно укрепленной позиции австрийцев у Болигрода. Фронтальные атаки ни к чему не привели, но когда правый фланг австрийцев начала обходить 12-я Сиб. дивизия, подошедшая из резерва и переправившаяся через Сан у Мычковице, а VIII корпус дошел к вечеру 15-го до района Новотанец — Буковска и 16-го занял с боя Воля Петрова, то неприятель отошел на следующую позицию. XII корпус дошел к этому времени через Улус и Яжмира до Риманува, и Брусилов имел, таким образом, в оперативной связи три корпуса.

Австрийцы отошли на весьма сильную и более длинную позицию Кролик—Суровица—Яворник—Каменка—Воля Михова, которую обороняли III и VII корпуса. Брусилов направил против этой позиции все свои $3^1/_2$ корпуса, действуя XII в обход левого фланга австрийцев и XXIV в обход правого.

XII корпус занял 19-го ноября Дукла и 10-й кав. дивизией Змигрод и далее, сбивая противника, 21-го ноября вышел на фронт Тылава—Яслиска, чем обошем фланг австрийской позиции. Здесь 22-го числа он был атакован противникол (видимо IX корпус) и, желая его охватить, протянул свой правый фланг до Кремпны. Продвигаясь далее вперед, 27-го ноября корпус вышел своей обходной колонной к Жидовска.

XXIV корпус, сбивая арьергарды противника, быстро подошел к Ростоки. Здесь он встретил упорное сопротивление вновь подошедших частей и только после трехдневного боя 18-го ноября овладел им. 20-го он занял Воля Михова, 21-го Лупковский перевал и уже 24-го Гуменное, где были захвачены большие запасы продовольствия и подвижного состава.

Под прикрытием продвижения фланговых корпусов продвигался и центральный VIII корпус, который занял Мезолаборь и 27-го ноября продвинулся до линии Микава—Коскоч.

Но в этот день австрийцы получили из-за Карпат подкрепления и развернулись на фронте Дабра—Стакчин, что заставило и XXIV корпус очистить Гуменное и осадить свой фронт на линию Чапина—Теленоч. Наступление русских приостановилось.

Так закончился поход за Карпаты, предпринятый Брусиловым с тремя корпусами на собственный риск, так как фронт указывал ограничиться здесь оборонительной задачей. „Втягивание,—доносил Алексеев,[1] в упорный бой двух корпусов армии на направлении Змигрод—Дукла до завершения дел под Ченстоховом—Краковом мало соответствует общей обстановке. Сближение правого фланга к Дукльским проходам облегчило бы трудное положение 3-й армии и двойственность ее задачи".

Израсходовав всю свою армию, Брусилов перевалил, вне связи с обстановкой всего Юго-западного фронта, через Карпаты и, не имея возможности развить дальнейшее наступление, поставил свою армию в самое невыгодное положение, привлекши сюда внимание и свежие силы австрийцев и положив основание зимнему походу за Карпаты.

В то время, как 8-я армия вела бои за Карпатские перевалы, Ставка и фронт давали Галицийской группе ряд разноречивых распоряжений.

19-го ноября Ставка высказывала пожелание о переброске двух корпусов 3-й армии на левый берег Вислы,[2] но Иванов на это еще не решался и только указал[3] ей оказать решительными активными действиями помощь 9-й армии, тесня противника правым флангом вдоль Вислы. Обеспечение операции со стороны Карпат возлагалось на 8-ю армию, при чем ей указывалось энергично действовать к стороне Дукла — Змигрод, не допуская значительного ослабления австрийской Карпатской группы. Но уже 21-го числа взгляд фронта на назначение Галицийской группы несколько изменился под впечатлением трудных боев у Ченстохова и Кракова.

3-й армии указывалось[4] оставить на правом берегу Вислы два корпуса и всю кавалерию, а остальные ее силы перевести на левый берег реки. 11-й армии образовать из состава двух блокадных корпусов резерв, ограничившись временно наблюдением за Перемышлем. Обеспечение всей операции со стороны Карпатских проходов, ведущих к Устржики, Хырову, Самбору, Стрыю и южнее, возлагалось также на эту армию, которой передавались VII корпус и Днестровский отряд. 8-й армии, перед которой фронт считал силы противника уменьшающимися, указывалось оставить на перевалах заслоны, а остальные войска собрать в районе Громник—Горлице—Дукла—Ясло с целью

---

[1] Директива Юго-западного фронта 5 (18)-го ноября. № 3262. Воен.-Уч. Арх., д. № 472, стр. 275.

[2] Янушкевич Иванову 6 (19)-го ноября № 5809. В.-Уч. Арх., д. № 464, стр. 4.

[3] Директ. Иванова 6 (19)-го ноября № 3286. Там же, стр. 6.

[4] То же 8 (21)-го ноября № 3362. Там же, стр. 40.

атаковать неприятеля как в сторону Дуклинских проходов, так и в сторону Кракова. Для 8-й армии, втянувшейся на Карпатах в тяжелый бой, быстрая перегруппировка в духе желания фронта, естественно, была невыполнима. И здесь, хоть и в меньшем размере, чем у Рузского, шел разнобой между тем, что приказывал фронт и что делали войска, которые вместо того, чтобы группироваться более к западу, втягивались в Карпатские горы.

Последний период операции.

Схема № 21 В.

Последний период операции, после благополучного выхода XXV рез. германского корпуса из Брезинского мешка, характеризуется теми тяжелыми днями нерешительности, которые переживала русская Ставка. Между главнокомандующими фронтами вновь начались принципиальные несогласия о том, что же делать дальше. Рузский настаивал на отходе к Варшаве, а Иванов требовал оставления Северо-западного фронта на месте, чтобы иметь возможность закончить Краковскую операцию. Ставка, не имеющая своей собственной мысли, не способная охватить всей обстановки в целом, бессознательно металась от одного решения к другому.

Но все эти колебания происходили на фоне тех событий, которые происходили на левом берегу Вислы, почему мы первоначально и остановимся на кратком изложении фактической стороны.

Ход действий с 25-го по 29-е ноября.

Рузский остался очень недоволен результатами операции, обвиняя во всем бездеятельность Ренненкампфа и Шейдемана. [1] Его более всего беспокоил существовавший еще разрыв между V Сиб. и VI Сиб. корпусами (левый фланг расположения их был у Мауржицы) и II корпусом (правый фланг которого отскочил к Лубянкову). Поэтому он ставил очередной задачей 1-й и 2-й армиям образовать сплошной фронт от Санники до Лодзи со стыком между двумя группами у Белявы. Вновь прибывшие части образовали VI корпус, который был сосредоточен у Лышковице, к югу от Ловича. Рузский приказал обеим армиям наступать. (Схема № 21 В).

Положение Гинденбурга к этому времени значительно улучшилось. К нему прибыла 1-я пех. дивизия из Восточной Пруссии и II корпус из Франции, а также начали сосредоточиваться оттуда XXIV и XIII корпуса. Он решил

[1] Командовавший 2-й армией.

воспользоваться этими новыми силами и охватить расположение русских у Лодзи на этот раз с юга. Для этой цели он предназначил конный корпус Фроммеля, Познанский, Бреславльский, II и XXIV корпуса и 48-ю рез. дивизию. 2-я австрийская армия также предложила свое содействие. Наступление должно было начаться 1-го декабря.

Обнаружившееся наступление Ренненкампфа должно было парироваться контр-ударом на Лович, для чего 1-я лех. дивизия была выдвинута к Орлову, а XIII корпус подвозился к Гостынину.

Все это привело в промежуток 25-го и 28-го ноября к ряду маневров и боев, центром тяжести которых были атаки немцев на Лович.

V Сиб. и VI Сиб. корпуса и подошедшая 2-я стр. Турк. бригада перешли в наступление и начали теснить I рез. корпус немцев. 27-го ноября они продвинулись до линии Чермно—Гржибов—Лазники, где встретили сильное сопротивление немцев и 28-го отошли своим правым флангом на старую позицию Илов—Кернозя.

Атаки на Лович велись с громаднейшей энергией, но подвоз русскими туда свежих $1^1/_2$ дивизий [1] (бриг. 76-й див. и 3-я Сиб.), а главное, атака VI корпусом немцев во фланг, позволили им удержать город.

Этот корпус 28-го ноября одной частью выбил немцев из Белявы, а другой удачно атаковал во фланг у Вержновице. II корпус медленно продвинулся на фронт Гловно—Веселов. Сборный отряд, под общей командой командира I Сиб. корпуса наступавший от Брезины, дошел с боями до фронта Гловно—Скошевы. Дальнейший фронт как немцев, так и русских оставался без перемен, и здесь бои постепенно приняли позиционный характер. (Детально положение сторон указано на схеме № 21 В).

На Ченстоховском направлении бои шли только на крайнем правом русском фланге, где гренадеры и конный корпус Туманова постепенно выдвинулись на линию Осины—Вевец—Прусицко. В свою очередь 2-я австрийская армия, получая постепенно помощь от группы Войерша, старалась все более продвинуться к северу и 28-го ноября вышла на линию Керузели — Дембовец, не имея возможности продвинуться далее.

В Краковском районе боевые действия за этот период происходили только в 3-й русской армии, которая последовательно перекинула на левый берег Вислы XXI и X корпуса и вышла 27-го ноября рядом удачных боев на фронт Коваль—Кошице, а на правом берегу Вислы XI и

[1] Кроме того, сюда раньше подошли 55-я и 67-я див. В.-Уч. Арх., д. № 464, стр. 104.

IX корпусами на фронт Непололище—Неговице—Гора Св. Яна, оттеснив австрийцев на линию Краковских фортов.

Эти последние, отойдя за линию фортов, начали с 26-го ноября перекидывать оттуда войска (первоначально три дивизии) в Карпаты для действий против левого фланга 3-й русской армии. К ним присоединилась и 47-я рез. германская дивизия.

Колебания русского командования.

В ночь с 22-го на 23-е ноября, в то время, как Ставка расчерчивала по 2-верстной карте свои предположения, как будет пленен у Брезин XXV рез. германский корпус, совершенно не учитывая ни состояния войск, ни их утомления, ни большого некомплекта, ни постановки задач — в образе покрытия в 2 суток 110 клм. расстояния, Рузский вызвал к аппарату Янушкевича,[1] заявил ему об отсутствии боеспособности войск и о том, что он решил отвести свои армии на фронт Илов — Лович — Скерневицы — Томашев. Янушкевич, первоначально ошеломленный, стал через несколько минут на точку зрения Рузского.

Одновременно и Алексеев,[2] обеспокоенный отходом 5-й армии на север, рекомендовал направить ее на Петроков—Новорадомск, чтобы не отрываться от 4-й армии; при этом предполагалось и Юго-западный фронт отвести на линию Пржедборж—Щекоцины—р. Нидзица.

Ставка заколебалась, не зная куда отводить 5-ю армию, что вновь заставило Иванова категорически поставить перед ней вопрос[3] — какова же цель наших ближайших операций. На 8 страницах бисерным почерком исписанной телеграммы[4] Ставка тщетно старается дать Иванову определенную задачу, которая в конце концов выливается для группы армий в следующую странную форму: „если на Стрыковском и Ловичском направлениях будет все благополучно, то 5-я армия отойдет на Томашев, а если нет, то на Петроков; Юго-западному же фронту сообразовать свои действия с северным соседом и облегчать его положение".

Таким образом, утро 23-го ноября прошло во всех инстанциях в отступательных тонах, хотя и по разным причинам. Но к вечеру, под впечатлением маленького успеха в 5-й армии, в Ставке появились тенденции наступательные. 5-й армии приказано развить преследование, а Юго-западному фронту перейти с удвоенной энергией к настой-

---

[1] Воен.-Уч. Арх., д. № 464, стр. 89.
[2] Алексеев Янушкевичу 10 (23)-го ноября № 3531. Там же, стр. 73.
[3] 10 (23)-го ноября № 3253. В.-Уч. Арх., д. № 464, стр. 78.
[4] 10 (23)-го ноября № 5883. Там же, стр. 80.

живому выполнению прежней задачи.[1] И это в то время, когда Иванов докладывал о грозном уменьшении численности полков. Корпусные командиры и начальники дивизий получили в период сильных боев приказ об отходе и через несколько часов его отмену. Их боевая энергия от этого пострадала, а в душу проникло подозрение о бессмысленности кровопролитных боев.

В последующие дни наступательная тенденция Ставки продолжалась, и попытки Рузского отвести 5-ю армию назад, чтобы ее выровнять с 1-й, получали отпор.[2]

Разногласия между фронтами заставили Ставку прибегнуть к обычной мере, а именно собрать совещание, которое и состоялось в Седлеце 29-го ноября. На нем Рузский признал свое положение на фронте Илов — Шадек — Щерцов флангом к Варшаве очень рискованным, в особенности в виду крайне ослабленного состава частей (были дивизии, в которых считалось 15 оф. и 2000 солдат) и недостаточного притока пополнений и огнестрельных припасов. Иванов доложил, что, хотя его армии и одерживают частные успехи, но рассчитывать на полную победу над австрийцами в ближайшие дни невозможно. Верховный главнокомандующий указал армиям Рузского отойти на линию Илов — Петроков, а Иванову постепенно осадить свои армии на линию реки Ниды.[3]

Но как только Иванов вернулся из Седлеца, то под влиянием отхода австрийцев за линию фортов Кракова вновь начал требовать оставления армий обоих фронтов на занимаемых позициях, так как рассчитывал нанести австрийцам решительное поражение.[4] Одновременно он приостановил отход своих армий, чем вызвал бурю восторгов со стороны Николая Николаевича.[5] На войсках все это отразилось только новым распоряжением об отходе и новой отменой этого распоряжения.

Таким образом, фронты опять расползались в разные стороны и в то время, когда Рузский отступал на восток, Иванов все еще рвался вперед, а Ставка тщетно искала в своих мыслях, где же истина.

Разрешению этого вопроса помог противник.

Мы уже знаем, что Гинденбург, пользуясь прибытием четырех свежих корпусов с французского театра, решил атаковать с 1-го декабря русских в обход Лодзи с юга;

---

[1] 10 (23)-го ноября № 5887. Там же, стр. 95.

[2] Разговор Орановского с Даниловым 15 (28)-го ноября. Там же, стр. 158.

[3] Проект телеграммы Ник. Ник. Николаю II 17 (30)-го ноября. Там же, стр. 174 и директива № 6045, стр. 178.

[4] Телеграммы от 17/30-го ноября №№ 3814, 3816, 3818 и 6054. Там же, стр. 187, 191, 192 и 201.

[5] То же.

австрийцы со своей стороны, отойдя за линию Краковских фортов, перекидывали свои войска на правый берег Вислы для атаки левого фланга 3-й и правого 8-й армий. Всего туда в первых числах декабря было направлено из-под Кракова и Ченстохова 7 австрийских и 1 германская (47-я) дивизии. Это наступление союзников должно было перевесить чашу весов в сторону отхода наших армий, каковое решение и было принято окончательно на совещании 13-го декабря.

Но в промежуток между 1-м и 13-м декабря, в то время, как Рузский неуклонно пользовался каждым случаем, чтобы отойти назад, армии Иванова цеплялись за всякую возможность удержать свое выдвинутое положение, пока наступление четырех австрийских корпусов из-за Карпат сделало это невозможным.

Гинденбург, как известно, направлял большую часть подходивших подкреплений к своему правому флангу и меньшую к левому. (См. схему № 22 А).

В районе Вислы он, на правом ее берегу, перешел в неудачное наступление (4-го декабря) на Прасныш, которое скоро захлебнулось, и немцы отошли к Млаве, а на левом берегу 30-го ноября выбил русских из Илова, сдерживая их наступление со стороны Ловича. Этим фактически и ограничились все успехи немцев на северном направлении.

1-го декабря начала свое наступление и южная группа Макензена на фронт Здунска Воля — Згерж. II корпус наступал по обе стороны железной дороги Ласк—Пабянице, имея южнее 48-ю рез. див. и кавалерию Фроммеля; севернее, между Пабянице и рекой Нер, наступали Познанский и Бреславльский корпуса, а вдоль реки Нер правофланговая (38-я) дивизия XI корпуса. Все эти корпуса должны были обрушиться на 2½ корпуса 5-й армии.

По свидетельству германских источников, это наступление 1-го и 2-го декабря ознаменовалось упорными боями и отсутствием решительных результатов. 2-я австрийская армия все еще только собиралась оказать помощь немцам своим наступлением на Петроков. 2-го же числа к немцам подошли новые подкрепления (26-я див. и III рез. корпус), которые они направили на нижнюю Бзуру.

Тем не менее, эти события утвердили Рузского в необходимости начать отход своим левым флангом с одновременной попыткой утвердиться правым флангом (1-я армия) на фронте Слубице — Санники — Собота — Белявы—Гловно.[1] 2-го декабря 2-я и 5-я армии спокойно отошли на фронт Бехлице—Высерадзь—Могильно—Оржек—Хинов[2]. (См. схему № 18 А).

Отход Рузского совместно с наступлением австрийцев в Петроковском направлении на фронт Белхатов—Грохолице заставил Иванова принять меры для обеспечения этого направления сосредоточением двух корпусов 4-й армии в районе Новорадомска, Каминск и двух корпусов 9-й армии в резерве у Пржедборжа, удерживая весь остальной фронт на месте.

На крайнем левом фланге фронта, в виду появления свежих войск австрийцев против левого фланга 3-й армии, ей было приказано атаковать их, а 8-й армии сдвигать свои корпуса ей на помощь.

3-го декабря Макензен вновь меняет свой план. Затяжные бои заставляют его отказаться от охвата лодзинской группы русских с юга, и он делает перегруппировку для того, чтобы прорваться на Пабянице. 2-я же австрийская армия продолжала свое наступление и, потеснив русскую кавалерию, заняла Белхатов.

---

[1] Директива 17 (30)-го ноября № 7127. В.-Уч. Арх., д. № 464, стр. 195

[2] Алексеев Данилову 20-го ноября (3-го декабря) № 3900. Там же, стр. 232.

Угроза Петрокову и дальнейший отход левого фланга 5-й армии еще назад заставили Иванова принять особые меры для помощи этой армии. Его идея состояла в том,[1] чтобы путем маневрирования заставить противника выйти из укрепленных позиций. Для этого армии должны были отойти на линию Сулеев—р. Пилица — В. Шренява, при чем 4-й армии указывалось главную массу иметь на путях Новорадомск, Пржедборск, Конск и южнее, обеспечивая направление на Петроков — Сулеев конницей, поддержанной одним корпусом. 9-й армии иметь XIV корпус в резерве в районе Влощова.

На правом берегу Вислы 3-й армии замедлить свое наступление до подхода 8-й армии, которой приказано срочно сосредоточиваться к Н. Сандецу.

Но так как противник перед фронтом Рузского временно приостановился, и у него явилась мысль, что он отходит или перегруппировывается, то Иванов вновь остановил свой отход (третий раз). В оправдание Иванова напомним, что основной задачей его армиям Ставка поставила сообразовать его действия с фронтом Рузского.

4-го и 5-го декабря правому флангу 4-й армии удалось потеснить IV австрийский корпус обратно на фронт Белхатов — Грохолице, но это не спасло от дальнейшего отхода Рузского, который, мотивируя усилением германцев против 1-й армии, в ночь на 6-е декабря отвел 2-ю и 5-ю армии на линию Гловно—Куровице—Вольборж.

Общий фронт его в этот день шел от Илово западнее Ловича, Гловно Куровице—Вольборж уступом на 30 клм. за осаженным назад левым флангом 4-й армии.

Армия Макензена примыкала правым флангом на Петроковском направлении к группе Войерша и 2-й австрийской армии. Состав ее корпусов так же, как и корпусов 2-й и 5-й русских армий, показан в таблице на схеме № 21 В.

С 10-го декабря немцы повели сильный натиск на Бзуру с вводом многочисленной тяжелой артиллерии до 30,5 снм. калибра. Особенным упорством отличались бои у Собота, Ловича и Сохачева, хотя реальных результатов немцам они не дали. Но зато окончательно лишили нравственного равновесия Рузского, который требовал: скорейшего отхода Юго-западного фронта, чтобы самому отойти на Бзуру и Равку, оттяжки 7-й дивизии от Петрокова на север и совещания фронтов со Ставкой.

Более серьезно и в невыгодную для русских сторону развернулись за это время события в Галиции и на Карпатах. (См. схему № 21 Г).

Левый фланг 3-й русской армии продвигался до 30-го ноября вперед и в этот день вел удачные бои на линии Величка и Касина В. С 1-го декабря сюда начали подходить австрийские подкрепления (13-я ланд. див., XIV корп. и 47-я герм. див.) и 2-го декабря заставили русских отойти к Лиманову, что передало в руки австрийцев железнодорожную линию, как базу дальнейшего наступления на север в направлении на Бохнию и в тыл русскому XI корпусу у Величка. К 6-му декабря они вышли на фронт Тржцяна—Райброт, имея в центре германскую дивизию и прикрываясь у Лиманова со стороны Н.-Сандеца, куда собиралась армия Брусилова, мелкими отрядами. В дальнейшем на фронте Неполомице — Бохния — Гдов австро-германцы встретили сильное сопротивление со стороны XI и IX русских корпусов. VIII русский корпус оттеснил прикрывающие части противника от Н. Сандеца к Лиманову. Это потребовало со стороны австрийцев ввода здесь новых подкреплений (по дивизии XI и X корпусов и три дивизии кавалерии) и направления из 1-й армии $1^1/_2$ дивизий (II и VI корпусов), которые находились еще в пути.

Иванов направил 6-го декабря XXI корпус на правый берег Вислы и приказал 3-й армии принять более сосредоточенное расположение в районе Устье-Сольне—Бохния—Липница—Гдов.[1]

Тем временем в районе Гуменное — Эперьеш сосредоточилось три корпуса 3-й австрийской армии (III, VII и IX) и начали наступать на фронт

[1] Директ. 23-го ноября (6-го декабря) № 3399. В.-Уч. Арх., д. № 465, стр. 5.

Н.-Сандец, Дукла, угрожая флангу растянувшейся 8-й армии, которая перегруппировывалась к стороне Н.-Сандеца. 9-го числа 3-я австрийская армия достигла правой колонной Лаборча, средней—Зборов и левой—Грибова.

Иванов, перейдя на левом берегу Вислы к обороне и обеспечив связь между 5-й и 4-й армиями образованием сильного уступа за правым флангом этой последней, перекинул X корпус на правый берег Вислы, приказав 8-й армии при содействии 11-й разбить противника, наступающего из-за Карпат, отбрасывая его в юго-западном направлении.[1] Для удобства маневрирования 8-й армии тыловой ее район был расширен до линии Любовка—Н.-Сандец—Закличин — Тухов—Пильзно — Ропчица — Ряшев — Стоберне—Жолыня — Лежайск—Тарноград, с одной стороны, и реки Ветлина—Сан до Лиско и далее Дубецк—Радымно, с другой.

В то время, как положение 3-й армии укреплялось и она 10-го—11-го числа вела удачные бои на фронте Неполомице—Ксенжице—Лещина, имея конечной целью отрезать одну группу австрийцев, наступавшую от Кракова, от другой, наступавшей со стороны Карпат,[2] положение 8-й армии изменилось к худшему, австрийцы 10-го—11-го декабря заняли 4-мя корпусами линию Н.-Сандец—Грибов—Змигрод—Дукла, оттеснив 8-ю армию, в составе 3-х корпусов, на длинный фронт Ценжковице—Биеч (XXIV кор.)—Змигрод—Дукла—Риманув (XII кор.)—Буховско (VII кор.). При таких условиях и Иванову понадобилось совещание со Ставкой.[3] Оно и состоялось 13-го декабря.

На совещании в Седлеце 13-го декабря выяснилось, что в армиях Рузского наличность частей равняется трети нормального состава; в отношении артиллерийских припасов затронуты уже подвижные запасы парковых бригад. Для войск в зимнее время недоставало 500 тыс. пар сапог. В армиях Иванова наличный состав частей достигал $^2/_3$ нормального; артиллерийские парки израсходованы. Положение армий признано весьма серьезным, неспособным к дальнейшему ведению активных операций и требующим принятия самых решительных мер по устранению приведенных недочетов. Поэтому решено отойти за линию рек Бзуры, Равки и Ниды, чтобы сохранить за собой достаточный плацдарм на левом берегу Вислы.[4]

Отход этот и совершился без помехи противника между 14-м и 19-м декабря, и 1-я, 5-я, 4-я и 9-я армии расположились, как указано на схеме № 21 Б, при чем 4-я и 9-я армии выделили резервы. Галицийские же армии, тоже оттянутые, имели в дальнейшем целью—„нанесение удара противнику, наступающему против 8-й армии".[5] 3-й армии приказано сосредоточиться на линии рек Дунаец и Бяла, имея главные силы на своем левом фланге, а 8-й армии собрать свои силы, примерно, на линии Бржостек — Фриштак — Доморадзь — Бржозов, надежно обеспечить линию железной дороги Ярослав — Тарнов и прикрыть действия под Перемышлем. 11-й армии указывалось обеспечить занятием района Санок — Лиско важней-

[1] Директ. 26-го ноября (9-го декабря) № 6095. Там же, стр. 10.
[2] Директ. 28-го ноября (11-го декабря) № 6165. Там же, стр. 27.
[3] Иванов Янушкевичу 29-го ноября (12-го декабря) № 6188. Там же, стр. 37.
[4] Доклад Николаю II и журнал заседания. Там же, стр. 62 и 176.
[5] Директ. 30-го ноября (13-го декабря) № 6214. Там же, стр. 52.

шие подступы к Перемышлю.[1] VII и XXX (бывший Днестровский отряд) корпусам действовать частью сил против правого фланга противника, спускающегося с Карпат в направлении Санок—Низко.

Переброска на правый берег Вислы XXI и X корпусов, а также двух дивизий из 9-й армии (61 и 70) дала возможность Галицийской группе армий перейти 21-го декабря в наступление и, несмотря на упорство противника и неблагоприятную погоду, к 27-му декабря выдвинуться главными силами на линию, указанную на схеме № 21 Г.

На этой линии русские войска приостановились.

Что касается австрийцев, то положение их на Карпатах к концу 1914 года соответственно ухудшилось. Их 4-я армия с трудом удерживалась на Дунайце, 3-я потеряла главный хребет Карпат от Ужока до Дуклинского прохода (Горлица была ими оставлена 3-го января, а Ужокский перевал занят русскими 1-го января) и группа Пфлянцера с трудом держалась на хребте лесистых Карпат и в южной части Буковины.

У германского командования серьезно стал вопрос о непосредственной помощи австрийцам.

Отходом на позицию 4-х рек и временным отказом от активных действий на левом берегу Вислы кончается самая сложная операция кампании 1914 года под Лодзью, Ченстоховом и Краковом. Здесь фронт на долгое время стабилизировался, хотя и были частные попытки со стороны немцев к прорыву через Бзуру и Равку, а со стороны русских наступлением в Петроковском направлении улучшить стык между 5-й и 4-й армиями.

Боевые действия постепенно приняли характер позиционной войны.[2] Но разногласия между фронтами и колебания Ставки продолжались и впредь. Они касались как мелочей (желание Рузского отойти на варшавские укрепленные позиции и противодействия этому со стороны Иванова и споры о стыке между фронтами), так и существенного вопроса об основном плане кампании 1915 года.

Заключение.

Изложенная операция является наиболее интересной из всех операций 1914 года как по количеству войск, принявших в ней участие с обеих сторон, так и по сложности

---

[1] Директ. 3 (16)-го декабря № 6289. Там же, стр. 112.

[2] Германские войска здесь установились таким образом: по Бзуре, начиная с левого фланга, конница III рез. корп. и 26-я див. XIII корп.; от Бзуры до Скерневицы (район Болимова) XVII, 1/2 II и I рез. корп.; далее на юг по обе стороны Равы XXV, XX и XI корп. и на изгибе Пилицы и до шоссе на Ново-Място 1/2 II Бресл. корпуса, 48-я и 1-я гв. рез. див. Далее на юг до Вислы шли группы Войерша и 2-я и 1-я австр. армии.

управления (со стороны союзников германское и австрийское командование, со стороны русских два фронта и Ставка) и по той массе интересных комбинаций, которые выявились в развитии самой операции. Она интересна и потому, что здесь впервые русское командование активно боролось с излюбленной немецкой системой Шлиффеновских клещей и боролось не без успеха, хотя борьба началась в самой неблагоприятной для русских обстановке и при отсутствии пресловутого превосходства русских сил на всем длинном фронте Лодзинско-Краковской операции.

Широко задуманный германским командованием план ущемления русских армий на левом берегу Вислы, начатый при весьма благоприятных условиях в отношении сил, группировки и неожиданности, рухнул и, несмотря на массу погрешностей в управлении русскими войсками и в действиях самих войск, вылился в простое оттеснение их на восток без существенного изменения их стратегического положения; к тому же, чтобы достигнуть и этого минимального результата, немцам пришлось истомить свои войска, случайно избежать плена $1^1/_2$ корпусов, и, главное, перебросить с французского театра 4 корпуса.

Чему же приписать эту неудачу? Недостатку сил, как это делают немцы? Но превосходства таковых не было на русской стороне ни в начале, ни тем более в конце операции. Ошибкам Макензена—таковых было очень много. Он, желая сохранить в своих руках инициативу, вырвался очень рано, не выждав сосредоточения Ченстоховской группы австрийцев и подхода корпусов из Франции. Имея в начале операции почти тройное превосходство сил в пункте удара и на своей стороне элемент неожиданности, он действовал медленно против двух разрозненных русских корпусов и не развил своего удара на восток, хотя бы до естественной оборонительной линии Бзуры, и тем облегчил удар Ловичского отряда. Но и самый характер маневра сыграл свою большую роль в постигшей его неудаче. Течение Вислы не давало для него необходимой широты, а самый примитивный, громоздкий контр-маневр русских, произведенный к тому же с изумительной медленностью и нерешительностью (было потрачено не менее трех дней, пока русское командование ориентировалось в обстановке и, отказавшись от своих фронтальных и облических наступлений, перешло к контр-маневру, форсируя затем до крайности силы войск), едва не поставил немцев в катастрофическое положение. Мы склонны увлекаться эффектом Танненберга, забывая всю односторонность его, а потому весьма полезно при изучении его остановиться на результатах Лодзинского окружения и почти одновременно бывшего с ним на турецком театре Сарыкамышского.

Мы уже сделали короткую оценку планов сторон, но остановимся еще на этом важном факторе операции. Здесь опять приходится отметить положительную сторону германской стратегии в отношении быстроты принятия решения, сконцентрирования всего внимания на главной операции, для чего снимается половина войск из Восточной Пруссии и почти оголяется Галиция, и конкретной и ясной постановки отдельным группам задач.

С русской стороны при выработке плана мы видим применение коллективного творчества в самом отрицательном его виде. Два мощные организма в виде фронтов, из которых каждый твердо преследует свою идею, и над ними Ставка, которая совершенно не выявила хоть какой-нибудь своей оперативной идеи, забывая при этом о сложном вопросе питания армий, почему 4-й армии и пришлось наступать, не имея даже сухарного запаса. Самая выработка плана была поэтому нудная, тягучая, запоздалая и компромиссная. Всего этого можно было ожидать, следя за развитием составления плана операции, но в постановке задач Ставка превзошла сама себя.

Русские имели выдвинутыми вперед армии двух фронтов в самой тесной связи друг с другом и с двумя идейно враждовавшими главнокомандующими во главе каждого из них. Перед ними сильный враг на заблаговременно укрепленной позиции, за флангами которой первоклассные крепости. Ближайший шаг вперед приводил к борьбе с этим сильным противником. Какую же конкретную задачу поставили обоим фронтам? Общая—глубокое вторжение в Германию; частная—занятие исходного положения по ту сторону немецкой укрепленной линии, вдаваясь в промежуток между крепостями. Пусть читатель поставит себя на место Иванова или Рузского и решит, что положительного, определенного в смысле руководящих оснований Ставка дала каждому из них. Таковых он не найдет.

Русское командование не сконцентрировало ни своих сил, ни своего внимания на выполнении одной задачи, которую оно признало бы в данном случае главной. Одновременно с „глубоким вторжением в Германию“ оно задавалось целью завладения Восточной Пруссией и удержанием в своих руках всей Галиции, не желая поступиться, исключительно из политических соображений, хотя бы временно этой провинцией. Поэтому оно держало в Восточной Пруссии войск вдвое больше, чем требовалось для обороны, а галицийскую группу поставило в самую невыгодную обстановку, фиксируя ее внимание в двух расходящихся направлениях—левый берег Вислы и Карпаты.

Русское командование вообще не отличалось даром предвидения, но в данном случае положительно удивля-

ешься упрямству Северо-западного фронта в нежелании распознать маневра немцев между Вартой и Вислой даже в то время, когда для этого были все признаки налицо.

Обращаясь к ходу самой операции, следует прежде всего отметить разницу в тактической подготовке германских и русских войск, а также в умении управлять ими.

Не подготовленные в мирное время к быстрому маневрированию, имея во главе корпусных командиров и начальников дивизий, привыкших действовать в отведенных им коридорах, не приученных к рискованным широким маневрам на флангах, для русских корпусов было непосильно выполнение тех полных маневренного риска задач, которые давались, например, в начале операции II корпусу, а в середине ее всему Ловичскому отряду. В этом отношении постановка задач русским командованием совершенно не соответствовала мирной подготовке войск.

Обращаясь к самому управлению операцией, можно отметить много весьма поучительных сторон не только принципиальных, но и в отношении техники управления.

Если читатель откинет в сторону Ставку, которая вообще не управляла, а только остановится на характере управления Рузского и Иванова или, вернее, Алексеева, то увидит существенную разницу. Последний, действительно, управлял войсками и в его директивах командующие армиями всегда получали конкретное указание того, что они должны сделать на фоне общей операции фронта. У Рузского же часто замечались скачки от неопределенной постановки армиям задач во образе указания тех рубежей, которых они должны достигнуть без какого-либо намека на группировку, что вообще приводило к равномерному распределению корпусов между разграничительными линиями до вмешательства в такие детали, которые посильно разрешить только на месте. В результате мы видим, что первая категория директив Рузского приводила к разнобойному ее выполнению каждой армией, которая группировала свои войска по собственному усмотрению, не улавливая общей идеи фронта, а вторая категория директив всегда являлась запоздалой, так как до времени дохода их до войск обстановка в деталях сильно менялась. В результате во время всей операции Рузский пишет одно, а войска делают совершенно другое. Навряд ли я буду очень неправ, если скажу, что благополучному окончанию операции много содействовал перерыв связи между Рузским и 2-й и 5-й армиями. У Иванова этого не замечалось; у него одно время вырвался из рук только Брусилов со своим закарпатским походом, но и тот скоро был взят в руки и правильно или неправильно, но принужден был исполнить волю фронта и направить свои корпуса к Ново-Сандецу.

Я не буду останавливаться на характерных эпизодах выполнения всей операции, так как это направило бы мою работу по другому руслу, но отмечу один факт, являющийся общим для русского командования того времени.

В начале первой Галицийской операции, когда Алексеев ошибся в развертывании австрийской армии, он решил исправить свою ошибку захождением левым плечом 4-й и 5-й армиями. Впоследствии мы у него уже не встречаемся с такого рода сложными маневрами, и необходимые перегруппировки он делает или при помощи рокировок или еще чаще выводом корпусов в резерв и затем перекидыванием их в новое направление.

Под Лодзью мы видим то же у Рузского. Первоначально его 2-я и 5-я армии продолжают наступление в западном направлении, думая этим сорвать Макензенский маневр; следующий день они уже двигались облически в северо-западном направлении; на третий день обеим армиям было указано захождение плечом для атаки неприятеля почти в северном направлении и только после этого перешли к контр-маневру, соответственному сложившейся обстановке. [1]

---

[1] Оба мои высокоуважаемые рецензенты, В. Ф. Новицкий и С. К. Добророльский, несколько упрекают меня за выводы, сделанные из Лодзинской операции. В. Ф. Новицкий считает мою оценку немецкого командований весьма строгой; она таковой и есть, но вилка между широтой задуманной операции и ее результатами была так велика, что это невольно заставляло останавливаться на каждой мелочи, чтобы выявить причины ее неудачи, так как она все-таки привела немцев только к полууспеху на русском фронте и к неуспеху на французском.

Мнение же С. К. Добророльского я приведу в подлиннике: „В Лодзинской операции,—пишет он,—эпизод прорыва у Бржезины 24-го ноября, завершивший означенную операцию, представляет один из самых красочных образцов сопоставления и оперативного искусства и тактических приемов немцев и русских. Нужно при этом иметь в виду, что этот эпизод произошел уже на четвертый месяц войны, когда обе стороны достаточно закалились боевым опытом. На стр. 323 (труда) сказано, что вся операция Бржезинского прорыва свелась к вытеснению немцев обратно и к образованию вновь сплошного фронта, и что германцы выдержали операцию на одних своих плечах, показав высокие образцы своей тактической подготовки и *достигнув минимальной стратегической цели перевернуть группировку русских войск*" (курсив С. К. Добророльского).

„Трудно согласиться с таким выводом автора. На стороне русских было значительное превосходство сил, было задумано вторжение в Силезию; сражение для немцев при неблагоприятном исходе грозило самыми гибельными последствиями... (Здесь рецензент приводит выдержку со стр. 84 мемуаров Людендорфа, которую я опускаю)... А в результате блестящий исход для немцев и полный крах для русского командования".

„По моему мнению, на конечном эпизоде Лодзинской операции желательно было бы дольше остановиться и прийти к иному выводу. *Эта операция для русского военного искусства была потрясающим конфузом* (курсив рецензента), выявившим все непоправимо отрицательные стороны нашего полководчества".

Кончилась пятимесячная кампания 1914 года—срок, который многими считался достаточным для окончания всей войны.

Кампания, веденная при полном напряжении сил и средств обеих сторон, привела к совершенно неожиданным результатам—к позиционной войне на всем французском театре, на левом берегу Вислы и в Восточной Пруссии, с открытыми для маневра промежутками у Тильзита, между Мазурскими озерами и Вислой, в Галиции и на вновь образовавшемся Кавказском театре.

Каких же положительных результатов достигла Россия, израсходовав кадры своей постоянной армии и все свои боевые запасы?

Восточная Пруссия попрежнему опасно висела на ее правом фланге; на левом берегу Вислы она сохранила удобный плацдарм для наступления, что Обручев в одном из своих планов девяностых годов прошлого столетия считал возможным достигнуть стратегическим развертыванием в начале войны, и, наконец, она два раза разбила, но не добила австрийцев, заняла Галицию, но висела в ней на воздухе.

Я не думаю, чтобы между С. К. Добророльским и мною было в этом смысле принципиальное разногласие, но различный подход к оценке Лодзинской операции безусловно существует.

Вряд ли кто-нибудь из читателей упрекнет меня в том, что я не страдал на протяжении всей моей работы желанием „выявить все непоправимо отрицательные стороны русского полководчества“, но, должен сознаться, что, помоему убеждению, они разительнее проявились во всех предшествовавших и последовавших его творениях, чем в узко Лодзинской операции.

Достаточно вспомнить хотя бы весь подход к „глубокому вторжению в Германию“, чтобы с этим согласиться. Напротив, в самом ходе этой операции я вижу даже некоторые попытки к улучшению творчества высшего русского управления. В его действиях мы видим здесь попытку к контрманевру, хотя и организованному с весьма большими отмеченными мною недостатками; впрочем, после перерыва связи между Рузским, с одной стороны, и командовавшими 2-й и 5-й армиями, с другой, контр-маневр Плеве приобрел даже вполне положительный характер и, если не привел к более решительным результатам, то только потому, что Рузским было упущено время, и войскам приходилось к месту прорыва у Бржезин делать посильные форсированные переходы (I и др. корпуса), что, несомненно, влияло и на их боевые качества.

С. К. Добророльский не согласен с моим мнением, что Гинденбург достиг Лодзинской операцией минимальной стратегической цели. От этого моего взгляда я отказаться не могу.

Конфуз для русского главного командования отскочить от границы Силезии к Варшаве действительно был потрясающим, но надо разобраться, что в данном случае сделано Гинденбургом, а что приходится отнести на долю Ставки помимо Лодзинской операции.

Во-первых, значительного превосходства в силах со стороны русских не было.

Во-вторых, вторжение в Силезию действительно было задумано, но при таком комплекте армий, полном параличе их тыла, подвоза и отсутствии

В чем же коренная причина таких ничтожных результатов? В той политической обстановке союзной войны, на которую русский генеральный штаб пошел до начала войны и следовал ей в течение всей кампании 1914 года.

По расчету русских сил и средств не считалось возможным одновременно вести наступательную войну против Австрии и Германии. При Сухомлинове русский генеральный штаб дал зловредное для России обязательство оттягивать на себя германские корпуса, которое к началу войны приняло неприемлемую форму.

Ставка с первых дней войны поставила себе целью возможно усерднее проводить в жизнь эгоистические желания французского штаба.

„Французский министр,—доносит русский представитель в Париже, [1]—совершенно серьезно полагает возможным для нас „вторжение в Германию и движение на Берлин со стороны Варшавы". Послушная Ставка отвечает на это импровизацией Варшавского отряда. 23-го августа французы выражают нетерпение в отношении нашего медленного продвижения в Восточной Пруссии, и Ставка вместе с Жилинским берут в два кнута армию Самсонова. Правда, Ставка имела мужество отказаться в это время от предложения англичан предпринять сильную десантную операцию на северное германское побережье в обход Одера для дальнейшего наступления на Берлин и от отправки 3—4 корпусов на французский театр, но в остальном она слепо следовала указаниям Жоффра, который клал в основу своих действий поход обеих армий навстречу друг другу. [2] Французский главнокомандующий упрямо отрицал возможность пере-

---

огнестрельных припасов, что это вторжение в ближайшее время могло свершиться только на бумаге. Достаточно было хоть маленького толчка, который и без грандиозно задуманного маневра Гинденбурга заставил бы развалиться этот карточный домик и, наконец,

в-третьих, самый маневр Гинденбурга. К оценке его результатов надо подходить с трех точек зрения—количества сосредоточенных сил, поставленной себе цели и достигнутых результатов.

В отношении сил—сюда, кроме мощной 9-й армии, к началу и в ходе самой операции были подтянуты два корпуса (XXV и I) из Вост. Пруссии, четыре из Франции, около 11-ти дивизий новых формирований, 1-я, 2-я и 4-я австрийские армии, т. е. было брошено все, что можно, и обездолен французский театр.

Что касается цели, то она сводилась к полному уничтожению 2-й, 5-й 4-й армий и к поражению 9-й армии.

При таких условиях результаты операции, которые сводились к перевертыванию группировки русских войск, иначе, как минимальными, по моему мнению, назвать нельзя. И это тем более, что отход армий на линию четырех рек был произведен против определенно высказанного мнения командованием Юго-западным фронтом и исключительно под влиянием неврастении генерала Рузского.

[1] Воен.-Уч. Арх., д. № 391, стр. 6—25.

[2] Телеграмма 8(21)-го сентября № 2809. Там же.

броски германских войск с западного на восточный театр и „полагал желательным направлять главное наше усилие в сторону левого берега Вислы. [1] В дальнейшем он упрекал русских в том, что они не могут справиться с 1/6 частью германцев в то время, когда французы удерживают против себя 5/6 их сил, совершенно не учитывая, что русским приходилось, кроме того, иметь дело почти со всей австрийской, а с конца октября и турецкой армией. Жоффр уверял, что германцы выставили против русских только заслоны, что они сосредоточили против французов 50 корпусов и в течение всей поздней осени, когда немцы перекидывали свои корпуса к Лодзи, ограничивался только обещанием своего грядущего наступления.

А между тем вся обстановка невольно тянула русские армии в сторону Австрии. Сюда их влекла не только вся суть империалистической политики России, но и тот узел, который с начала войны завязался на Балканском полуострове. Вопрос о поведении Турции, Болгарии, Румынии и даже Греции мог быть благополучно разрешен для Антанты только в случае окончательного разгрома Россией Австрии. Это хорошо понимали немцы, которые не позволяли России окончательно добить Австрию, и делали вид, что не понимают французы, которые учитывали, что эти новые враги лягут всей своей тяжестью исключительно на Россию, отвлекут, может быть, туда часть немцев и этим облегчат узко-эгоистические задачи французского командования.

Такое двойственное положение Ставки, совершенно подчинявшейся указке союзников и взявшей на себя неблагодарную роль служить интересам французского фронта, является отчасти объяснением непонятного шатания мысли русского командования и отсутствия у него строго определенного плана.

Под давлением указанного политического элемента русская Ставка провела весь маневренный период войны и, загипнотизированная долгом союзной верности, попрала все указания военного искусства в пользу меркантильных интересов своего французского союзника.

---

[1] Телеграмма посла в Париже 8(21)-го сентября № 420. Там же.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

От Лодзи до Горлицы.

Январь—март 1915 года.

Кампания 1915 года. Планы сторон австро-германского и русского командования. Ход военных операций. Карпаты до 10-го февраля. Восточная Пруссия: план и группировка Гинденбурга и Рузского. Ход августовской операции. Новые планы сторон. Активная роль Ставки. Заключение. Ход Наревской операции. Действия в Карпатах до взятия Перемышля. Заключение.

Кампания 1915 года.

Схема № 22.

Кампания 1914 года не дала на русском театре ни для одной из сторон какого-либо определенного решения и мало изменила обстановку.

Ни одна из очередных задач на русском театре не была разрешена. Восточная Пруссия, левый берег Вислы и Галиция вновь, как и в начале войны, притягивали к себе внимание командования враждовавших сторон и ожидали своего решения от кампании 1915 года.

Следует, однако, отметить и одну существенно изменившуюся с начала войны данную. Кампания 1914 года роковым образом тянула Германию на восток. Заставляя ее все более и более отходить от заветов Шлиффена и, уменьшая силу французского театра, направлять все новые корпуса на второстепенный театр. Это была существенная победа русской Ставки но, к сожалению, победа во французском, а не в русском масштабе.

Твердый характер Гинденбурга и Людендорфа, их чрезмерное честолюбие заставляли их с завидной настойчивостью тянуть германские силы на русский театр в уверенности поставить Россию „на колени“ и этим разрешить гордиев узел борьбы мощного капитала Запада и центра Европы. Победы этих генералов, а, главное, умелая реклама, образовали сильное течение общественного мнения страны в пользу их планов. Фактический руководитель войны, Фалькенгайн, остался в одиночестве с своим мнением о нанесении главного удара на западе, он не имел силы и

характера разорвать цепи Гинденбурга, и кампания, 1915 года легла всей своей тяжестью на русский театр, отвлекая туда массу сил и давая в течение года передышку англичанам и французам. Гинденбург и Людендорф своими руками сорвали конечную победу Германии в Мировой войне.

Планы сторон.

После Лодзинской, Ченстоховской и Краковской операций положение сторон на левом берегу Вислы и в Галиции стабилизировались не сразу.

Немцы все еще делали попытки прорваться к Варшаве и Ивангороду или, по крайней мере, оттолкнуть еще ближе к Висле русские войска. Попытки эти, не приведшие ни к каким решительным результатам, все-таки оказали большое нравственное влияние на главнокомандующего Северо-западным фронтом. Первоначально Рузский рвался отступить под самые стены Варшавы, а потом долгое время его внимание было фиксировано исключительно левым берегом Вислы, откуда он ожидал удара. Рузского задержали на фронте четырех рек, за которыми приступили к возведению, по проекту Алексеева,[1] сильной укрепленной позиции с выдвинутым центром и с уступными флангами, прикрывающими переправы у Варшавы и Ивангорода.

В Галиции или, вернее, на Карпатах русские войска после некоторого отхода вновь вышли на линию главного хребта и фактически частные операции здесь не прекращались ни на один день.

Утомление обеих сторон после пятимесячных тяжелых операций и зимнее время года позволяли рассчитывать на некоторый перерыв в действиях, что дало бы возможность произвести необходимые перегруппировки, в зависимости от постановки новых задач, к выработке которых обе стороны приступили с декабря месяца.

Планы австро-германского командования.

Израсходовав все предназначенные ему по плану войны корпуса и прихватив таковые (не менее шести) с французского театра, Гинденбург, собственно, остался к концу 1914 года при разбитом корыте, вытянувшись в одну линию против, хоть плохо, но все-таки укрепленной позиции русских. У него не было сил предпринять хоть какой-нибудь решительный маневр против своего врага; оставалось одно—истощаться в бесплодных лобовых ударах, что он и делал в течение декабря. События могли быть сдвинуты с мерт-

[1] Алексеев Данилову 5 (18)-го декабря № 6354. В.-Уч. Ар., д. № 465, стр. 134.

вой точки только в случае получения новых войск. Военное министерство подготавливало внутри страны к февралю четыре новых корпуса, удачной организацией которых немцы особенно гордились. Было пущено в дело все влияние, чтобы получить их на восток, и это в конце концов Гинденбургу и удалось достигнуть.

Но, пока шли эти переговоры, план предстоявших действий выливался в несколько последовательных вариантов.

Первое предложение о начале решительной зимней кампании против России принадлежало Конраду и по времени (19-го декабря) совпало с некоторыми успехами австрийцев на Карпатах. Общая идея, на которую согласился и Фалькенгайн, не предполагая еще передавать на восток четыре новые корпуса, состояла в наступлении на Седлец австрийцев из Галиции вдоль правого берега Вислы и немцев из Восточной Пруссии, надо полагать, в Наревском направлении.

Но последовавшие вскоре неудачи австрийцев заставили Гинденбурга (31-го декабря) поднять вопрос о непосредственной им помощи. Фалькенгайн первоначально решил это сделать путем частных активных действий на германском участке русского фронта, но Гинденбург стоял за непосредственное усиление австрийцев германскими войсками, чтобы „гальванизировать их разлагающийся труп". С тех пор главнокомандующий Востоком стал щедро снабжать австрийцев германскими войсками, которые вклинивались между ними как отдельными дивизиями и корпусами, так позднее и целыми группами в виде южной армии Линзингена.

Мы увидим ниже, что 18-го января русским командованием было решено сформирование на Наревском направлении новой 12-й армии, и это намерение вскоре стало известно германскому командованию.

Наступление на Седлец естественно приводило теперь к фронтальному столкновению с сильной 12-й армией, а такие фронтальные столкновения не соответствовали доктрине Гинденбурга; надо было искать фланга, который можно было найти только на северном участке Восточной Пруссии между Инстербургом и Тильзитом. Удар по флангу и тылам 10-й русской армии и был положен в основу ближайшей операции германских войск.

Параллельно с более широким замыслом германского командования, в отношении удара по русскому флангу и тылам с перенесением центра операции от Седлеца на Ковно и Гродно, задавался более широкими целями и идейный единомышленник Гинденбурга—Конрад. Он отказывался от более подходившего ему по силам наступления вдоль Вислы, а задавался более широким охватом южного рус-

ского фланга с нанесением главного удара на фронт Перемышль—Львов, имея осью захождения Дуклинский перевал и обеспечивая правый фланг наступлением группы Пфлянцера.

Подготовления к операции начались с половины января и велись как в Восточной Пруссии, так и в Карпатах.

Таким образом, план союзного командования сводился, не более не менее, как к удару по двум крайним флангам длиннейшего русского расположения с весьма жидким, на фронте, свыше 600 клм., центром, соединявшим два фланговые кулака.

Правда, Людендорф и Гинденбург обходят молчанием в своих мемуарах предполагаемые конечные цели задуманной операции, но завесу над ними неосторожно подымает Фалькенгайн, определенно говоря в своих мемуарах о надежде командования Востоком вывести Россию из строя и законно критикуя это одностороннее увлечение Гинденбурга.

Планы русского командования.

Чтобы ознакомить читателя со всеми колебаниями русской Ставки в выработке плана предстоявшей кампании, пришлось бы исписать многие десятки страниц. Приходится ограничиться только главными этапами этого оригинального строительства.

Все дело сводилось к спорам между Рузским и Ивановым, из которых каждый проводил свою противоположную друг другу точку зрения, и из колебаний Ставки, тщетно искавшей так упорно ускользавшую от нее истину. Впрочем январский период отличается безусловным давлением воли Рузского на генерал-квартирмейстерскую часть Ставки.

Вопрос о постановке определенной цели дальнейших действий естественно возник тотчас же после отвода русских армий на позицию четырех рек и впервые был поднят Ивановым еще 17-го декабря.[1] Он считал невозможным вести одновременную операцию против германцев и австрийцев при условии, что свыше 17 дивизий отвлечены в сторону Восточной Пруссии, и требовал определенного решения вопроса о том, где мы хотим добиться какого-либо успеха. С своей стороны Иванов предлагал два варианта — левый берег Вислы или австрийцы.

В первом случае он предлагал возложить защиту Варшавской позиции на 1-ю часть 2-й армии и перебросить остальную часть 2-й и 5-й армий на правый берег Пилицы. Сюда же перекинуть из Восточной Пруссии 4—5 дивизий и всей этой массой войск, усиленной 4-й и большей частью 9-й армий, перейти в решительное наступление с определенно поставленной целью. При такой группировке следовало заблаговременно помириться с утратой большей части Галиции.

Другой вариант, которому Иванов наиболее сочувствовал, заключался в первоначальном разгроме австрийцев на правом берегу Вислы, для чего требовалось усиление там войск и обеспечение всей операции с левого берега Вислы сохранением расположения на позиции четырех рек.

---

[1] Иванов Янушкевичу 4/17-го декабря № 6331. В.-Уч. Арх., д. № 465, стр. 98.

Первый вырнант Иванова развивал и Алексеев, ограничиваясь пока частной целью.[1] Он предлагал собрать возможно скорее кулак в районе Конск—Опочна, направив сюда также Гвардию, 3—4 дивизии из Восточной Пруссии и присоединив XIV корпус своего резерва. С этими силами он рассчитывал разгромить правый фланг немцев, что приведет к крушению всю их операцию „и будет нашей победой".

С контр-проектом против предложений Юго-западного фронта выступил Рузский,[2] который вообще был противником преждевременных активных действий на левом берегу Вислы. Как крайность, он признавал возможность наступления только между Вислой и Пилицей, считая Краковский район потерявшим свое значение, а австрийскую армию утратившей боеспособность. Поэтому Рузский предлагал наносить главный удар 1-й армией между Вислой и Бзурой при одновременном наступлении 2-й и 5-й армий левым флангом на Калиш и 4-й и части 9-й за Пилицу в направлении на Ченстохов—Велюнь.

Рузским предлагалось, таким образом, повторение ноябрьской операции глубокого вторжения в пределы Германии, но только со сдвигом всего фронта на север и с направлением главного удара в больное место между Вислой и Вартой и почти с полным необеспечением всего левого фланга Юго-западного фронта со стороны Кракова и Карпат. Рузского особенно привлекало в этом плане обеспечение Варшавы и взаимодействие его частей на правом и левом берегу Вислы.

Но и подобное наступление Рузский считал возможным только при доставлении вооруженных пополнений и артиллерийских патронов, которых даже и в подвижных запасах нехватало от 20% до 50%. Янушкевич, отметив, что в отношении пополнений и патронов „будет именно обратно", поставил на докладе Рузского следующую вдумчивую пометку: „Для меня это имеет определенный признак понижения энергии Северо-западного фронта".

На доклад Рузского в свою очередь реагировал Юго-западный фронт двумя документами—длинной телеграммой Иванова[3] и докладом Алексеева.[4]

Первый интересен только тем, что Иванов докладывал о весьма невыгодном и растянутом положении 3-й армии, сильно выдвинутой вперед на укрепленной позиции у Горлицы (ее фронт шел в это время по Дунаевцу до Войнича и далее на Хмельник, Ржепеник, Горлица, загибая далее под прямым углом на Биеч и Ясло), и просил разрешения отнести его от Войнича прямо на Ясло, что даст армии возможность выделить значительные резервы. Ставка признала такое изменение нежелательным, так как оно может быть принято за отступление,[5] и этим поставила армию в особо тяжелое положение при майском прорыве у Горлицы.

Гораздо интереснее является доклад Алексеева, который разбирал вопрос и с точки зрения контр-маневра, в случае более раннего перехода союзников в наступление, и с точки зрения непосредственного наступательного маневра русских армий.

Удара союзников Алексеев ожидал одновременно на левом берегу Вислы с фронта Опочно—Конск на Радом или с фронта Кельцы — Пинчов на Юзефов—Сандомир и из-за Карпат на Старый Самбор—Устржики.

При этом русские имели развернутыми на 90 клм. от Вислы до Пилицы 13 корпусов и на 150 клм. к югу от Пилицы до Вислы только 7 корпусов. Успешный удар противника на Радом или Сандомир заставит русских очистить линию Бзуры и Равки, а 3-ю и 8-ю армии отойти к востоку, что, в связи с наступлением из-за Карпат, поведет к снятию блокады Перемышля.

---

[1] Алексеев Данилову 10 (23)-го декабря № 6494. Там же, стр. 224.
[2] Оператив. доклад Рузского 14 (27)-го декабря № 7336. Там же, стр. 297.
[3] От 31-го декабря (13-го января) № 7097. В.-Уч. Арх., д. № 466, стр. 118.
[4] От того же числа № 7125. Там же, стр. 124.
[5] Янушкевич Алексееву 2 (15)-го января № 7331. Там же, стр. 127.

Алексеев рекомендовал расширить Северо-западный фронт до Опочни, что даст возможность 4-й армии держать в резерве в районе Скаржиско — Шидловец два корпуса, и передвинуть из резерва Ставки Гвард. корпус в район Бялобржеги — Пржитык, а IV Сиб.—к Гройце. Эти меры дадут на фронте Рава — Конск (70 клм.) вместе с перволинейными корпусами не менее семи корпусов, что позволит ответить противнику встречным маневром.

Удар на Сандомир Алексеев предполагал отразить 2—3 дивизиями резерва 3-й армии, расположенного в районе Щутин—Мелец, резервным корпусом 9-й—в районе Хмельника и резервом 4-й у Скаржиско-Шидловец, что вместе с перволинейными корпусами составит до пяти корпусов.

В наиболее трудных условиях находилось противодействие удара на Старый-Самбор—Перемышль. Здесь, на перевале Бескиды—Ужок, находился один VII корпус, который можно было усилить только корпусом из 8-й армии и двумя дивизиями из Блокадной.

Переходя к вопросу о наступательной операции русских, Алексеев вновь повторяд, что по недостатку сил нельзя одновременно вести две операции. Со своей стороны, он отдавал преимущество наступлению на левом берегу Вислы перед таковым в Галиции и ближайшей целью ставил разгром живой силы противника, размер которого обусловит дальнейшую постановку задачи. Предложение Рузского атаковать правым флангом он считал невыгодным, так как дальнейшее наступление на запад обнажает наш правый фланг и дает возможность повторить Лодзь. Напротив, удар на участок Томашев—Петроков — Новорадомск встречает более растянутое расположение противника и сразу выводит русские армии во фланг германцам. Указанная выше группировка резервов для контр-маневра соответствовала и наступательному маневру.

Переброску значительных германских сил на Млавском направлении Алексеев считал предприятием сложным и длительным.

В общем, Ставка обогатилась тремя проектами будущей операции, принадлежащими трем наиболее видным деятелям войны того периода. При этом Рузский вообще не торопился наступать и в крайнем случае считал возможным наносить главный удар от Варшавы, севернее Калиша, совершенно игнорируя существование австрийских вооруженных сил; Алексеев стоял за развитие активных действий на левом берегу Вислы, за постановку ближайшей задачей разбитие вооруженной силы противника ударом по стыку между германскими и австрийскими войсками, с обходом правого фланга немцев и с выявлением дальнейшей задачи в зависимости от результатов сражения. Иванов, поддерживая в общем своего начальника штаба, предпочитал нанесение главного удара австрийцам в Галиции.

С проектом о плане дальнейшей кампании выступила на этот раз и генерал-квартирмейстерская часть во образе длиннейшего доклада, составленного в обстановке, которая невольно заставляет задуматься о том, кто же был вдохновителем этого доклада.

Дело в том, что доклад Данилова был подан 5 (18)-го января[1] и сопровождался особой запиской Данилова же о ре-

---

[1] В.-Уч. Арх., д. № 466. Пакет на стр. 139. Доклад Данилова почти в полном виде помещен в 3 части „Стратегических очерков войны", стр. 35—41, а результат совещания в Седлеце на стр. 43—46.

зультате секретного совещания в штабе Рузского, на котором решалась участь ближайшего периода кампании. Я назвал это совещание секретным потому, что на нем не только не было представителя Юго-западного фронта, но Иванов долгое время был даже в полном неведении о принятом решении. Завидное единомыслие замечается в докладе между Даниловым, с одной стороны, и Рузским и его штабом, с другой.

Записка генерал-квартирмейстера Ставки прежде всего рисует картину относительного положения сторон, которая видна на схеме № 22 Б.

Если сравнить по участкам, чего Данилов в своем докладе не сделал, то окажется, что незначительная по размерам Восточная Пруссия бесплодно поглощала 19 русских дивизий против 10 немецких, и фронтовое начальство считало себя бессильным к маневру.

Длиннейшая Галиция, от Кракова до румынской границы, имела 29 русских дивизий против 31 австро-германских, и Иванов с ними успешно отражает третье наступление врага.

На левом берегу Вислы Варшава прикрыта 38 (включая и резерв Ставки) дивизиями против 25, а на всем остальном фронте равенство сил.

Северо-западный фронт имел 52 $^1/_2$ дивизии против 35, а Юго-западный—46$^1/_2$ против 48.

Данилов признавал стратегическое положение достаточно прочным, „вполне обеспечивающим достигнутые за первые 5 месяцев успехи“, и считал его выжидательным до приведения в настоящий вид армии, некомплект которой в бойцах достигал полумиллиона, а в подвижных запасах артиллерийских патронов до 200 тысяч; винтовок тоже. О позициях, на которых стояли войска, Данилов говорил, что они должны быть хорошо укреплены, но фактически они почти не были укреплены в соответственном смысле этого слова.

Полное восстановление армии по расчету генерал-квартирмейстера должно было начаться с апреля, когда закончится обучение новобранцев 1915 года и когда начнется массовое поступление с иностранных заводов артиллерийских запасов и винтовок, чего в действительности не случилось. Частичное восстановление армии предполагалось к февралю.

Данилов не рассчитал, что противная сторона скоро начнет крупные операции на русском фронте. Австрийцев для этого он считал слишком расстроенными и внутренно разлагавшимися, что же касается немцев, то их действия на русском фронте „будут находиться в прямой зависимости от событий на их западном фронте, где началось

наступление наших союзников, заверяющих нас, что это наступление будет вестись с возрастающей энергией и упорством", чего, прибавим от себя, по обыкновению, не случилось.

Переходя к выработке тех целей, которые должны быть положены в основу будущих операций, если противники дадут время привести армии в порядок, Данилов сводит вопрос к выбору операционного направления на Вену (Будапешт) или Берлин.

Весьма сухо и поверхностно отметив положительные стороны первого направления и его невыгодность „с точки зрения общих интересов наших союзников, требующих сконцентрированного удара против главнейшего противника—немцев", Данилов становится со всей силой на сторону нанесения главного удара Германии. Однако, такой удар может быть нанесен только после завладения Восточной Пруссией, в сторону которой автор и направляет внимание верховного командования, считая, что эта частная задача может, по состоянию армий, быть выполнена уже в феврале.

Таким образом, Гинденбург и Данилов не только оба направляли удар в Восточную Пруссию, но и нацеливали его почти одновременно в феврале с выгодой для Гинденбурга только в отношении разницы в силе. В отношении сил для выполнения задуманного плана также получилось замечательное единодушие: Гинденбург направлял сюда 9 дивизий, а Данилов 8½, при чем дальнейшее усиление оба решили производить с берегов Бзуры и Равки.

Что касается до направления удара, то русское командование впервые после Самсоновской катастрофы вспомнило о многих положительных сторонах Наревского направления. Здесь, с фронта Остроленка—Пултуск на фронт Ортельсбург—Солдау, Данилов и рекомендовал нанести удар, который должен быть поддержан и атакой остальных армий фронта.

На этот раз, в отличие от операции в августе, было решено обратить особое внимание на ее подготовку в железнодорожном и транспортном отношениях, а также в отношении сбора запасов, команд пополнения и технического оборудования.

В конце своей записки Данилов выражал надежду на захват в первой половине февраля (по старому стилю) инициативы в свои руки.

Тайное совещание в Седлеце, состоя исключительно из единомышленников, диссонанса в доклад Данилова не внесло; от людей, стоявших на совершенно противоположной точке зрения, Иванова и Алексеева, оно было скрыто.

Рузский вполне стал на точку зрения Данилова (или наоборот), но потребовал для операции на Наревском на-

правлении 10 пех. и 7 кав. дивизий, оставив в своем резерве еще 4 дивизии и прося включить в состав фронта Гвард. корпус. Для ведения операции было решено сформировать новую 12-ю армию, поставив во главе ее Плеве, а 5-ю армию Ставка предполагала вручить неудобному для нее Алексееву.

Замечательна формулировка цели формирования 12-й армии, как она вылилась в докладе штаба Северо-западного фронта.

Ближайшей целью ей ставилось „вызвать перегруппировку германских сил в Восточной Пруссии в надежде на то, что при такой группировке можно будет обнаружить ослабление германцев в некоторых районах, куда и можно направить наши усилия для прорыва неприятельского расположения и дальнейшего развития успеха в этом направлении". [1]

Цель мелкая, демонстративная и совершенно не соответствовавшая положению русской армии, которая при бедности в рельсовых путях не имела возможности использовать с выгодой для себя германскую перегруппировку.

Решение верховного главнокомандующего было сообщено Рузскому в несколько непонятной форме одобрения формирования 12-й армии и подготовки к предстоявшей операции в Восточной Пруссии. [2]

Этим документом следует считать законченную работу верховного командования по выработке плана на предстоящую кампанию. В дальнейшем оно было увлечено ходом свершавшихся событий и самостоятельностью, отчасти вынужденной, Юго-западного фронта, которых она не смогла подчинить своей воле.

Обращаясь к докладу генерал-квартирмейстера Ставки, который лег в основу плана кампании, в нем можно отметить три существенные данные.

Переход в общее наступление предполагался только летом. До этого времени Ставка считала свое положение „выжидательным" и, судя по смыслу доклада Данилова, считала возможным пассивно обороняться от всех маневров противника, вытянувшись в длинную почти сплошную линию с большим уплотнением только на Варшавском и Ковенском направлениях и с сильным разжижением Галицийского фронта. Мысль Алексеева о сильном контр-маневре в этом случае на левом берегу Вислы и отчасти в Карпатах не удостоилась не только оценки, но даже и упоминания в докладе Ставки. Пассивная кордонная обо-

---

[1] Доклад 4 (17)-го января. Стратег. очерки, ч. 3, стр. 60.

[2] Янушкевич Рузскому 5 (18)-го января № 7373. В.-Уч. Арх., д. № 466, стр. 141.

рона в течение долгих месяцев—таков был лозунг Ставки при наличии уже определенно выявившегося активного противника, который не подарит даром ни одной минуты.

Летом предполагалось итти на Вену или Берлин. Сторонников того или иного направления могло быть одинаковое число, но генерал-квартирмейстер Ставки не имел права давать поверхностной оценки несимпатичного ему направления. Идея разгрома Австро-Венгрии традиционно проводилась русским генеральным штабом в течение многих десятков лет, но в Мировой войне этот разгром имел особое значение для всей коалиции, так как передавал в ее руки весь Балканский полуостров и проливы, чем фактически делал для немцев невозможным продолжение войны. Даже близорукая и эгоистичная политика французов, которая более всего тянула Данилова на Берлин, поняла в конце 1916 года все значение разгрома Австрии и тянула русскую армию на Балканы.

Все оперативное творчество Данилова выразилось в данном случае в решении овладеть Восточной Пруссией со стороны Нарева. Навряд ли кто-либо будет возражать против важного значения при всяких условиях войны завоевания Восточной Пруссии и именно с южного направления. Но поднятие этого вопроса после того, как русская армия пробывала под Калишем и Ченстоховом, а две из них в течение сентября и октября изнывали в лобовых атаках Мазурских озер с запретом маневра с южной стороны, это значит сознаться в своих пагубных заблуждениях всех пяти месяцев войны.

Но особенно красочной стороной является полное забвение Даниловым в своем докладе о существовании и роли Юго-западного фронта и австрийцев, о которых автор совершенно не упоминает. Немудрено, что Иванову пришлось самому подумать о задачах своему фронту и потянуть совместно с австрийцами Ставку совершенно не в том направлении, куда ее тянули Данилов и Рузский.

С таким жидким багажем начало русское верховное командование кампанию 1915 года, которая с первых же шагов повела ее вплоть до июля без руля и ветрил по воле свершающихся событий, к изложению которых мы и перейдем, параллельно рассматривая и последующие распоряжения Ставки.

Ход военных операций.

В то время, как шла вышеописанная работа мозгов армий, ход военных действий продолжался своим чередом. В Восточной Пруссии он характеризовался почти полным затишьем; на левом берегу Вислы происходили отдельные

боевые столкновения, особенно сильные на Варшавском направлении и имеющие преимущественной целью занятие выгодных участков при складывавшейся здесь позиционной войне, а со стороны немцев—отчасти и демонстративный характер. Только на Карпатах бои продолжались почти беспрерывно.

Карпаты до 10-го февраля.

Мы оставили здесь Иванова вновь укрепившимся на Дунайце и овладевшим главным хребтом гор, как указано на схеме № 22 В (положение на 8-е января). Австрийцы, удерживаясь 4-й армией на Дунайце, были принуждены на всем остальном фронте отойти за перевалы, и только Пфлянцер продолжал занимать лесистые Карпаты.

При таких условиях Иванов временно решил приостановить свое наступление, за исключением Буковины, где оно продолжалось, преимущественно в целях политических, левым флангом XXX корпуса, занявшим к 19-му января линию Ворохта, Кирлибаба, Кимполунг.

В то время, когда Ставка вместе с Рузским тайно решала вопросы о дальнейшем направлении войны, Иванов, находясь в полном относительно этого неведении и не получая ответов на свои оперативные предложения, решил предпринять самостоятельную операцию с целью „нанести австрийцам хотя бы частное поражение, поставить в угрожающее положение Венгрию и занять более выгодный фронт, не растягивая его". [1]

С этой целью он предполагал, не больше не меньше, как совершить зимний поход через Карпаты в Венгерскую равнину и первоначальной задачей своим армиям ставил выход на линию Дунайца до Нового-Сандеца—Эперьеш—Кошау — Уйхель (Угель) — Чап—Хуст — Сигет—Румынская граница.

Главная роль возлагалась на 8-ю армию, к шести дивизиям которой прибавлялось пять из 11-й армии. [2]

3-ю армию предполагалось усилить одним корпусом с левого берега Вислы. Конница распределялась—три дивизии в 3-ю армию, восемь—в 8-ю и одна в 11-ю.

8-я армия должна была выйти на линию Эперьеш—Кошау — Чап, а в дальнейшем ее предполагалось направить на Мишковец. Свои предположения Иванов сообщал для подготовки в смысле тылов армиям и для сведения Ставки, которая первоначально совершенно не реагировала на столь важный ход своего подчиненного.

---

[1] Директивы 7 (20)-го января № 276. В.-Уч. Арх., д. № 466, стр. 152.
[2] Армия, блокировавшая Перемышль, была переименована в 11-ю.

Задуманная Даниловым—Рузским операция в Восточной Пруссии и смелый бросок Ивановым одиннадцати дивизий 8-й армии в Венгерскую равнину служат как по замыслу, так и по группировке войск обоих фронтов представлением о двух противоположных полюсах оперативного мышления русского генерального штаба.

И здесь, как и на севере, русские предположения столкнулись с контр-предположением противной стороны. Австрийцы, как известно, также решили наступать через Карпаты на фронт Перемышль—Стрый и далее на Львов. Разница заключалась только в том, что у союзников это наступление входило в общий план операций, развивалось во взаимной связи с Восточно-Прусской и непосредственное выполнение ее было обеспечено не только почти всей австрийской армией, но и внушительной германской поддержкой (по Фалькенгайну в январе ок. 50 тыс. и в апреле ок. 90 тыс.).

С начала января австрийцы начали подвозить свои войска к исходным пунктам; на усиление их пошли, кроме германцев, части сербского фронта и 1-й армии левого берега Вислы (2-ю армию опасались до февраля ослаблять).

Примерно, к 19-му января сосредоточение австрийцев закончилось и развертывание их вылилось в общих чертах, как указано на схеме № 22 В.

Из сравнения расположения обеих сторон видно, что в то время, когда Иванов только задумал свою операцию и еще не приступал к перегруппировке, австрийцы уже успели сосредоточить превосходные силы и были готовы к наступлению, при чем наибольшее превосходство их сил было на путях от Румынской границы до Самбора, где против двух русских корпусов (XXX и VII) сосредоточилось 7—7 ½ австро-германских корпусов (армии: 5-я, Линзингена и правая колонна 3-й).

По соотношению сил и степени их готовности участь Карпатской операции предрешалась уже не в пользу русских.

22-го—24-го января, когда австрийцы начали свое наступление по всему фронту от Буковины до Мезо-Лаборча, Иванов угадал обстановку и доносил в Ставку,[1] что следует ожидать решительного наступления союзников на Галицийском фронте, при чем указал направление главного удара на Стрый—Самбор, где он на 75 клм. участке (Самбор—Долина) имел только три дивизии VII корпуса. Не отказываясь от своего контр-маневра, Иванов просил усилить фронт 3—4 пех. и 1—1 ½ кав. дивизиями.

Эта просьба вызвала бурю негодований со стороны Данилова, который требовал обоснованных доказательств

[1] Иванов Янушкевичу 11 (24)-го января № 387. В.-Уч. Арх., д. № 466, стр. 178.

серьезного наступления австрийцев.[1] В скором времени в таких доказательствах не было недостатка.

24-го января армия Линзингена сильно атаковала корпусом Гофмана дивизию Альфтана у Ниж. Верецка; правая колонна 3-й армии атаковала с обходом флангов авангард Экка на фронте Лубня—Тиха (пока противник развернул против обоих флангов 4 дивизии), и значительные силы австрийцев появились против кавалерии VIII и XII корпусов на линии Буковец—Балигрод—Яворник—Вислок В.—Воля- (средняя и отчасти левая колонны 3-й армии), но их атаки были отбиты.

Эти сведения встревожили и Ставку, следствием чего был разговор между Алексеевым и Даниловым по прямому проводу 26-го января.[2] Здесь впервые Данилов приоткрыл тайну решенной Ставкой операции на Нареве, что вызывало необходимость ограничиться в Галиции только локализацией австрийского наступления. В свою очередь и Алексеев сознался, что с 20-го декабря он ведет постепенную подготовку вторжения в Венгрию, не предполагая от задуманной операции отказаться и после обнаруженного наступления австрийцев.

Этот обмен сокровенными тайнами между руководителем операции Ставки и фронта является курьезнейшим случаем в верховном управлении и прямым следствием того факта, что фронт в течение шести месяцев войны отвык получать определенные оперативные указания от Ставки и должен был ставить себе самостоятельные задачи.

И Данилов и Алексеев остались в отношении наступления в Венгрию при разных мнениях, но угрожающее положение в направлении на Львов и в Буковине все-таки заставило Ставку направить сюда XXII корпус.

В последующие дни натиск союзников особенно усилился на фронт Самбор—Стрый—Долина, т. е. в наиболее уязвимом для русских направлении на Перемышль—Львов, а также от Мармарош-Сигета на Зелена и Надворную и в Буковине. С другой стороны русские перешли в контратаку против левого наступающего крыла австрийцев и потеснили их.

Против Экка на Самборском направлении и против Альфтана на Стрыйском и Долинском направлениях велись атаки совместно всей армией Линзингена и правой колонной 3-й армии, усиленной частью средней колонны, действовавшей в направлении на Санок. Исключительно путем длительных комбинированных обходов всех колонн австрийцам удавалось медленно оттеснять русский корпус. 27-го января они заняли Ужокский перевал, а к февралю русские отошли здесь: кавалерия на Данцув (восточнее Лутовиска), а VII корпус на фронт Яблонна ниж. — Молдавско — Мохнате — Тухолка—Бескид—Вышков—Клаусе, при чем правая колонна 3-й армии, несмотря на полученное от средней колонны подкрепление, выдохлась и приостановила свои атаки.

---

[1] Телеграмма от 12 (25)-го января № 7523. Там же, стр. 187.
[2] Разговор 13 (26)-го января. Там же, стр. 197.

Второй сильный удар австрийцев шел от Мармарош-Сигета на фронт Ясень—Ворохта отрядом около 20 бат. 5-й армии. Австрийцы энергично атаковали Зелена, стремясь охватить здесь оба фланга русских и ограничиваясь у Ясеня и Ворохты менее решительными действиями.

В Буковинском направлении австрийцы пока вели безрезультатные атаки от Кирлибаба и Дорна-Ватра. XXX русскому корпусу к 1-му февраля удалось сохранить свое положение от Ясеня на Зелена, Ворохта и Кимполунг.

На правом русском фланге XXIV, XII и отчасти VIII корпуса перешли в контр-удар, откинули левую колонну 3-й австрийской армии и заставили отойти среднюю. 1-го февраля фронт русских здесь шел: XXIV корпуса от Конечна на Ниж. Полянку и Орлик; XII—на Свидники, Семеткоц, Щуха, Калено; VIII от Ясель на Яворник, Балигрод и Волковые. Кавалерия, поддержанная пехотой, наступала на Лутовиску.[1]

Иванов, разрешив в крайнем случае XXX корпусу отходить своим левым флангом на линию Коломыя—Черновцы и потребовав от 8-й армии удерживаться к востоку от Ужокского перевала, для чего сюда направлялся XXII корпус, приказал 3-й армии наносить своим левым крылом удар на Нов. Сандец, а Брусилову одновременно атаковать своими главными силами на Эперьеш — Гуменное—Ужгород и угрожать флангу и тылу наступавших на Самбор—Стрый—Долину австрийцев.[2]

В следующие дни австрийцы развили наступление от Кирлибаба на Селетин и далее к Черновцам (здесь наступали дивизия Цибульки и сводная колонна Лилиенгофа) и, тесня Терскую казачью дивизию, 9-го февраля заняли Сучаву, а 10-го—Радауц.

В центре армии Линзингена удалось 2-го февраля занятием обходной колонной (3-я гв. герм. див.) деревень Сморзе и Анноберг заставить пасть проходы Верецке, Бескид и Вышков, вследствие чего русские здесь отошли на Стрыйском направлении на позицию Козювка—Славско и на Долинском—к Людвиковке.

На правом фланге русские удачно наступали на Бартфельд. Заняли 3-го февраля Зборов и при 25° морозе и вьюге атаковали австрийцев на высотах восточнее д. Хоссурет, обходя с запада 48-й дивизией.

У Иванова чувствовался недостаток сил для широко задуманной операции; он 9-го февраля просил у верховного главнокомандующего еще два корпуса, но в это время разразился гром в Восточной Пруссии.

Восточная Пруссия.

Схема № 23.

Подготовка сторон к Восточно-Прусской операции началась с января и выразилась в демонстративных действиях на левом берегу Вислы и в тайном сосредоточении войск на левом и правом флангах их 8-й армии. Этой тайне Людендорф придавал большое значение, гордился достижением ее и ролью германской контр-разведки, которая там много способствовала успеху сохранения тайны. С русской стороны шла длительная перегруппировка войск и солидная на этот раз подготовка тылов. (См. схему № 23 А).

План и группировка Гинденбурга.

Демонстрации на левом берегу Вислы происходили на низовьях Равки, в районе Болимова, и сводились к жела-

[1] В.-Уч. Арх., д. № 467, стр. 4.
[2] Директива 20-го января (2-го февраля) № 712. Там же, стр. 7.

нию немцев вытеснить русских из мешка, образуемого Бзурой и устьем Равки, имея, между прочим, целью сократить здесь фронт. Сюда немцы сосредоточили XVII и I рез. корпуса с 1-й пех. дивизией и с сильной тяжелой артиллерией. С 31-го января здесь на фронте Суха—Воля—Шидловска немцы в течение трех дней жестоко атаковали русский VI корпус без каких-либо реальных результатов для обеих сторон, кроме громаднейших потерь (в VI корпусе выбыло из строя до 40 тыс. чел.). [1] Под прикрытием этих боев немцы начали переброску своих войск в Восточную Пруссию, а Рузский и Данилов, наоборот, начали, в виду удачно выбранного немцами направления демонстраций (кратчайший путь на Варшаву), особенно опасаться за левый берег Вислы и проявили колебание в перегруппировках, почему и была задержана отправка IV Сиб. корпуса.

Широкий охват всех русских армий от Балтийского моря и с Карпат должен был вылиться в Восточной Пруссии в двойной охват 10-й русской армии и в дальнейшее развитие удара на фронт Гродно—Осовец (по Людендорфу) или Лида—Гродно (по Мозеру). Гинденбург вновь ставил в вершину угла неожиданность операции двойного охвата и этому элементу жертвовал элементом сосредоточения всех предназначенных для операции сил. Поэтому вместо одновременного удара на Неманском и Наревском направлениях у него произошли на пользу русских два последовательных удара.

Для всей операции в Восточной Пруссии немцам, в дополнение к имевшимся там войскам, сосредоточивалось 4½ корпуса (XXI, XXXVIII рез., XXXIX рез., X рез. и 5-я гв. бригада) изнутри страны и 3½ корпуса (XX, I рез., 3-я пех., 1-я гв. рез., 11-я ланд. и 6-я кав. див.) с левого берега Вислы. Всего 7½ корпусов и 1 кав. дивизия. „В дальнейшем еще много дивизий было взято с фронта западнее Вислы", загадочно пишет Людендорф. [2]

Опыт Танненберга показал ему, что скорый и крупный успех может быть достигнут только при условии нападения на противника с двух сторон. Поэтому всю собираемую массу корпусов приходилось разделить, включая сюда и Наревское направление, на три группы и ослабить левое крыло германского фронта, которое нацеливалось на Неман и при удаче выводило внушительные силы немцев на коммуникацию русских армий с Петроградом, к чему

[1] В последующие дни русские собрали здесь до 11 дивизий, которые бросались в бесконечные контр-атаки, прекратившиеся только с началом наступления немцев на Немане.

[2] Воспоминания, часть 1, стр. 99.

русская Ставка относилась чересчур нервно. Но удар с одного фланга не соответствовал букве шлиффеновского рецепта.

Соответственно сгруппировав свои войска (как указано на схеме № 23 А), Гинденбург для начала операции отдал две коротких директивы. Первую предварительную 28-го января: „Я предполагаю направить 10-ю армию на Тильзит—Вилковишки для охвата северного фланга; ландверной дивизии Кенигсберга и левому флангу 8-й армии связать противника боем на фронте, а ее правым флангом наступать на Арис—Иоганисбург и южнее". 5-го февраля уже из Инстербурга он отдал вторую директиву: „8-я армия начинает 7-го февраля наступление правым флангом с фронта Курвен—Рудшаны на фронт Кольно-Иоганисбург, а 10-я 8-го числа (XXXIX XXXVIII и XXI корпусами) через позиции 1-й кав. дивизии правым флангом на Куссен и левым, совершая глубокий охват, вдоль или севернее Немана".

Поражаешься замечательным однообразием оперативных ходов Гинденбурга. В этой операции мы видим точный сколок Лодзинской. Главный удар вновь наносится на избранный свободный участок на русском фланге, а более слабый—с противоположной стороны; попрежнему один удар предшествует другому и попрежнему операция начинается раньше, чем собраны все предназначенные для нее силы. В обоих случаях первой задачей ставится уничтожение противостоящих сил противника и потом уже предполагается постановка дальнейшего стратегического хода. Танненберг дал возможность это сделать; Лодзь и, как увидим ниже, предстоявшая операция не дали возможности довести дела до такого положительного конца. Мы можем только по некоторым намекам догадываться о дальнейших ходах Гинденбурга, если бы окружение намеченных им армий состоялось.

По сравнению с Лодзью в предстоявшей операции замечается маленькое изменение, вызванное, по всей вероятности, опытом Лодзинской операции. Там обход был стеснен Вислой и в отношении 1-й русской армии вылился в лобовой удар. В данном случае Гинденбург подчеркивает своей второй директивой о необходимости производства более глубокого обхода, не стесняясь указанием противоположного берега Немана.

Достойна внимания краткость директив Гинденбурга и ясная постановка задач Командования армиями, имея готовую группировку, которую Гинденбург не выпускал из своих рук, получали в его директивах точно поставленную и простую по замыслу задачу, которая не могла иметь двоякого толкования.

План и группировка Рузского.

Подготовка русских к операции сводилась к медленному сосредоточению корпусов, предназначенных в 12-ю армию, и в составлении планов предполагаемой операции, при чем и то и другое делалось так открыто, что немцы чересчур рано узнали о русских предположениях.

Первоначально 12-я армия должна была состоять из 7 кав. дивизий, объединенных в три конных группы, и 4-х корпусов (I Турк., IV Сиб., XXVII и вновь формируемого в Гомеле XV). На месте имелись только I Турк. корпус и кавалерия—две дивизии Ванновского, поддержанные бригадой пехоты в районе Иоганисбурга, и пять дивизий Ореновского и Эрдели, примерно, между Млавой и Плоцком.

Рузский в своей директиве формулировал предстоявшую задачу 12-й армии следующими словами: [1]

„Решающих результатов в войне с Германией можно достигнуть наступлением в ее пределы по левую сторону Вислы, возможность чего еще не назрела. Это наступление должно быть обеспечено со стороны Восточной Пруссии, для чего необходимо продвижение 10-й армии за линию Мазурских озер. Продвижение 10-й армии возможно только при содействии наступлением с юга, в виду этого главной целью вновь формируемой армии ставится действиями в Восточной Пруссии с юга помочь 10-й армии продвинуться через линию больших Мазурских озер“... Далее директива указывала на тесное взаимодействие обеих армий и на непременное обеспечение операции слева, где в районе Торна обнаружена переброска свежих сил. Конечной целью действий обеих армий указывалось „расширение занятого нами района в Восточной Пруссии насколько это окажется возможным и... быть может, даже до нижней Вислы“.

Ко времени начала операции, т. е. к 7-му февраля, 12-я армия имела налицо, кроме кавалерии, только два корпуса, расположенные: I Турк. на позиции между Праснышем и Цехановом и IV Сиб. у Плонска, т. е. более нацеленные на Торн, чем на помощь 10-й армии.

В ответ на эту директиву Плеве представил свой план действий, одобренный Рузским и Ставкой. [2] Он сводился к сосредоточению двух остальных корпусов юго-восточнее Прасныша, после чего предполагалось немедленное наступление на фронт Виленберг—Нейденбург, при чем „наиболее решительного результата можно ожидать от удара нашими правыми корпусами в левый фланг противника“.

---

[1] Директива 12 (25)-го января № 7642. В.-Уч. Арх., д. № 467, стр. 40—41.
[2] 20-го января (2-го февраля) № 148. В.-Уч. Арх., д. № 467, стр. 46.

Удар правым, но не левым флангом приводил к выполнению поставленной Рузским задачи расширения плацдарма, но не к решительному поражению живой силы противника.

Я нарочно остановился на распоряжениях Рузского, хотя они и не успели быть проведены в жизнь, чтобы читатель мог сопоставить оперативный багаж двух сторон.

Если у немцев первоначальные их замыслы превосходили предел возможного, то, даже не выполненные в полной мере, они давали им большие результаты. У Рузского весь предел достижения поражает своей узостью—помочь 10-й армии пройти озера и расширить плацдарм. Не только о разгроме, но вообще и о поражении живой силы противника ничего не говорится. Желание Плеве наносить удар своим правым флангом как бы помогает противнику ускользнуть из того мешка, который ему должна была подготовить 12-я армия.

Если Гинденбург сам сгруппировал свои войска и исполнителям поставил вполне ясные задачи, то пусть читатель станет на место Плеве и Сиверса и разберется в многословной директиве Рузского. Плеве тянули направо на помощь Сиверсу, с которым он по расстоянию, их разделявшему, не был в оперативной связи, и налево к Висле и, пожалуй, к этой сильнее.

Оригинально также указание о „тесной связи в действиях", не подчиненных друг другу Сиверса и Плеве, которую каждый из них мог понимать по-своему. Опыт Самсонова и Ренненкампфа, видимо, ни к чему не послужил.

Оба командующие армиями были пущены на произвол судьбы и, я думаю, что Рузский сам себе не представлял во что, по его мысли, должна была бы вылиться операция.

Гинденбург вел операцию, а Рузский прикрывался самодеятельностью своих командующих армиями, не поставленных им на твердые рельсы.

Во что же вылился весь план зимней кампании 1915 года, задуманный Ставкой?—В оказание помощи к продвижению 10-й армии через Мазурские озера и в расширение плацдарма в Восточной Пруссии, что, поистине, не делало весны для летней кампании укомплектованной и снабженной, как ожидалось, русской армии. Немудрено, что Николай Николаевич обратил свои взоры на поход в Венгрию и направил туда, как мы уже знаем, из 10-й армии XXII корпус.

Остается сказать еще несколько слов о 10-й армии. Мы ее оставили продвинувшейся к укрепленной позиции немцев на линии озер и реки Ангераппа. Она и оставалась в таком положении, медленно продвигаясь вперед способами крепостной войны и подвозя тяжелую артиллерию для действия против Летцена.

Ход операции в Августовских лесах.

Схема № 23 Б и В.

В январе, в связи с поступающими сведениями о начавшейся у немцев перегруппировке, командование русским фронтом обеспокоилось нахождением на правом фланге 10-й армии незанятой лесной полосы к северо-востоку от Инстербурга. Ее было приказано очистить.

Первоначально это было возложено на небольшие кавалерийские отряды, которые, разумеется, ничего не могли сделать, так как немцы тщательно охраняли район сосредоточения подвозимых корпусов. Постепенно кавалерийские отряды были увеличиваемы, потом к ним начали прибавлять пехоту и объединили их под руководством командира соседнего III корпуса. Однако, пускаемые мелкими пакетами, эти отряды не могли прорвать сильную немецкую пехотную завесу, хотя и давали возможность русскому командованию выявить факт внушительного занятия немцами этих лесов и серьезного значения, придаваемого ими этому району.

Перед началом операции здесь, на фронте Гриклаукен—Ласденен—Абшрутен, последовательно сосредоточилось четыре русских отряда общей силой в 24 бат., 52 эск. и 94 ор., из которых 22 тяжелых. [1]

Остальные корпуса 10-й армии, после переброски XXII корпуса ко Львову, растянулись тонкой линией без армейского резерва от Гумбинена до Ариса.

7-го февраля началась, таким образом, длительная операция, которая по времени распределилась на два периода. Первоначально она сконцентрировалась на Неманском направлении, и инициатива в этот период всецело принадлежала немцам; потом центр тяжести ее перешел на Наревское направление, и постепенно инициатива перешла на сторону русских.

Как и в Лодзинской операции, удар для русских был совершенно неожидан, повел к весьма тяжелому положению их 10-й армии, угрожал оборонительной линии Немана, но немцы выдохлись, а русские, успев сделать соответствующую перегруппировку, ответили им контр-маневром во фланг с Наревского направления. Первый период известен под именем операции в Августовских лесах, а второй—Ломжинско-Праснышской. [2]

---

[1] В.-Уч. Арх., д. № 136, стр. 395 и 398.

[2] В скором времени ожидается выход в свет подробного описания этой операции, составляемого А. К. Коленковским. Здесь автор приводит только краткий очерк операции, составленный исключительно по архивным материалам.

От русской разведки не ускользнуло накапливание крупных сил в Тильзитском районе и прибытие, в Восточную Пруссию XX корпуса.[1] Но, как под Лодзью, все внимание Рузского сконцентрировалось на левом берегу Вислы и отчасти на Млавском направлении, и растянутая в линию 10-я армия считалась никем не угрожаемой.

Ударная группа 8-й армии (Лицмана), силой в три дивизии, начала свое наступление 7-го февраля и, оттеснив к Кольно и Щучину конницу Ванновского и поддерживавшую ее 57-ю дивизию, 8-го заняла Иоганисбург, Вробелен и Гехсен, прикрывшись со стороны Кольно. Одновременно русскими было обнаружено наступление около дивизии (XX корпуса) на фронт Мышинец—Завады, а конница левого фланга (Орановский и Эрдели) донесла, что на нее наступают значительные силы, будто бы XX корпуса, под натиском которых она отошла к р. Скрве, а поддерживавшая ее пехота (76-я див.)—к Серпецу. Эти донесения еще более убедили Рузского в грозящей Млавскому направлению опасности, и он принял исключительные меры к усилению Наревского направления. Плеве был передан XXVII корпус, расположенный в Новогеоргиевске, в Ломжу направлялась из 10-й армии 1-я Кавк. стр. бр., возвращалась 5-я стр., и в Пултуск направлялась с левого берега Вислы 2-я кав. дивизия.[2] 1-я и 5-я армии выводили в резерв по одному корпусу.[3]

9-го февраля начала наступать ударная группа 10-й германской армии и, тесня русскую кавалерию, вышла на фронт Славики—Куссен—сев. Гумбинена, направив к Неману для обеспечения левого фланга 5-ю гв. бриг. и 1-ю кав. див. и имея в порядке слева направо корпуса XXI, XXXIX и XXXVIII. Южная ударная группа подготовлялась к наступлению на Лык, направив XL корпус в обход Лыка с юга на пути к Августову.

Противопоставленные северной ударной группе растянутые на длинном фронте части III корпуса, естественно, не могли оказать упорного сопротивления и начали быстро отступать. Русское командование предполагало здесь наличие только трех германских дивизий и продолжало считать, что немцы наносят главный удар в обход Мазурских озер с юга. Только этой предвзятой идеей, как следствие предположений мирного времени, что немцы будут бить в направлении Гродно—Соколка, и можно объяснить чрез-

---

[1] Данные 6-го февраля. В.-Уч. Арх., д. № 136, стр. 433.

[2] Гулевич Янушкевичу 26-го янв. (8-го февр.) № 7563. В.-Уч. Арх., д. № 467, стр. 66.

[3] Бонч-Бруевич Данилову 27-го янв. (9-го февр.) № 8592. Там же, стр. 75

мерные надежды командования на сопротивляемость III корпуса.[1]

Ему было приказано 10-го осадить на Сталюпененские позиции, но он отошел в этот день под натиском неприятеля на фронт Владиславов—Вержболово, а 27-я дивизия присоединилась к XX корпусу. Немцы в тот же день атаковали на Вержболовских позициях III корпус, который начал быстро отступать в двух направлениях—на Ковно (эта часть задержалась до 15-го февраля на Козлово-Рудских позициях) и через Мариамполь к Неману, перестав временно существовать, как отдельная боевая единица. Пути на Неман для 10-й германской армии были совершенно открыты. Это вызвало в русской Ставке такую панику, что было приказано бросить к Неману для разведки эскадроны конских депо.[2]

Тем временем Рузский, наученный опытом Лодзинской операции, предоставил 10-й армии действовать по обстоятельствам, поставив конечной целью остановить немцев на линии Ковно—Сейны—Августов—Осовец, чтобы иметь выгодное исходное положение для перехода в наступление одновременно с войсками, сосредоточиваемыми на Нареве.

Центральные корпуса 10-й армии и 27 дивизия III корпуса, преследуемые немцами, отошли в этот день, согласно полученному приказу, на позиции, указанные на схеме № 21 В. При этом были вывезены от Летцена в Осовец все 78 тяжелых орудий.

Рузский продолжал все еще считать, что его правый фланг обходится одним корпусом и, преувеличивая по донесению кавалерии силы немцев на Наревском направлении, отдал 11-го февраля предварительную директиву о контр-маневре[3] (См. схему № 23 Б).

В 12-й армии в это время находилось уже три корпуса в районе Прасныш, Цеханов, Плонск. К последнему пункту сосредоточивался XIX корпус для смены IV Сиб., переводимого к Остроленке, а к Ломже сосредоточивался Гвардейский корпус.

По окончании этого сосредоточения указывалось 10-й армии перейти в решительное наступление в связи с 12-й и сбить германцев. При этом 12-й армии ставилась двойная задача—активно прикрывать подступы к Варшаве и Нареву от Новогеоргиевска до Бобра и своим решительным наступлением от Ломжи до Остроленки содействовать левому флангу 10-й армии.

---

[1] В этом корпусе должно было собраться с ожидавшимися подкреплениями 48 бат. и 50 эск. В.-Уч. Арх., д. № 136, стр. 530.

[2] Янушкевич Менгдену (11-го февраля) № 467, стр. 96.

[3] От 29-го января (11-го февраля) № 467, стр. 96.

Тем временем 11-го февраля 10-я германская армия повернула от Вержболова круто на юг, только слабо прикрываясь со стороны Немана.

Центральные русские корпуса продолжали свой отход. XX корпус в ночь на 12-е достиг линии Выштынец—Филиппово, но, угрожаемый с севера 10-й немецкой армией, должен был начать отход к Сувалкам, куда он и собрался 14-го числа.

Немцы к вечеру 12-го вышли здесь на линию Людвиков—Кальвария—Вижайны—Шиткемен, а 3-й рез. и 1-й ланд. дивизиями на фронт Роминтен—Гольдап—Свескен. XXVI русский корпус спокойно вышел к Маркграбову, а III Сиб. успел перехватить дорогу от Лыка на Бялу и нанести сильное поражение у Байтковена левой колонне южной ударной группы, что заставило XL корпус направить часть сил ей на помощь. [1]

Группа Гальвица, для обеспечения операции захватом инициативы, начала в этот день наступление в Наревском направлении.

13-го февраля [2] Рузский, в виду быстрого продвижения немцев на юг, приказал 10-й армии отходить на линию Осовец—Липск—Сопоцкин—Олита—Ковно, [3] а Ставка для усиления неманского фронта направила XV корпус из Гомеля в Гродно—Соколку, приказав Иванову направить III Кавк. корпус из 4-й армии в Ораны, чем лишила его возможности поддерживать галицийскую группу. II корпус перекидывался с левого берега Вислы в Белосток.

В этот день шли сильные бои только к западу от Лыка и Райгрода между III Сиб. корпусом и южной ударной группой.

14-го февраля XXI германский корпус занял Сейны, чем отрезывал XX русский корпус от Немана, который, ведя бой у Сувалок против XXXIX и XXXVIII корпусов, принужден был затянуть его на 15-е февраля. (Надо помнить, что маневрирование русских войск было стеснено массой загромождавших дороги обозов, а погода изменилась, и после морозов и вьюг наступила оттепель). XXVI корпус спокойно отошел на фронт Гендаловка—Клешевен, а III Сиб., удерживая еще Райгрод, был принужден очистить Лык и начать отход к Августову.

Русское командование все еще не уяснило себе обстановки операции. Считая, что в Восточной Пруссии действует около 11-ти германских корпусов, оно продолжало

---

[1] В.-Уч. Арх., д. № 136, стр. 156—169.

[2] Директива № 7576. В.-Уч. Арх., д. № 467, стр. 115.

[3] III Сиб. должен был отходить на Штабин—Липск, XXVI—на Сопоцкин и XX—на Неман между Гродно и Меречь. Там же, стр. 131.

ожидать нанесения главного удара с юга, со стороны Райгрода, с целью отрезать армию от Гродно. Поэтому 14-го числа Сиверс решил перейти в наступление на юг, в общем направлении на Райгрод.

Он направил на санях к Августову от Сувалок 28-ю дивизию XX корпуса, которая вместе с III Сиб. корпусом должна была атаковать Райгрод. Для содействия этому Осовецкий отряд должен был энергично наступать на Граево. XXVI корпусу было приказано отходить на Августов, прикрывая фланг и тыл сибиряков, а 3-й кав. дивизии двинуться из Олиты для занятия Сейны. [1]

Но уже на следующий день распоряжение это было отменено. XXI германский корпус быстро продвигался от Сейн к Августову, отрезывая XX русскому корпусу пути отхода. Сиверс решает отвести армию на фронт Сопоцкин – Липск—Штабин. [2] Для этого XX корпусу—отойти на Гибы и Махорцы, для обеспечения отхода прочих корпусов, XXVI перейти на фронт Юзефова—Яблонске, а III Сиб.—к Барглову и обеспечить слева отход XXVI корпуса.

Движение XX корпуса 15-го февраля к Гибы, занятым уже немцами, предрешило участь этого корпуса. Здесь началась его доблестная шестидневная агония в выполнении святого долга арьергарда гибнуть за свою армию. Он начал с полного уничтожения у Махорцы бригады 42-й германской дивизии, и русские разъезды еще в течение нескольких дней [3] слышали стрельбу в направлении Махорцы, где XX русский корпус дорого отдавал свою жизнь за ошибки других. Одна—полторы дивизии его и многочисленные обозы стали единственными реальными трофеями четырех свежих германских корпусов, [4] которыми Людендорф так умиленно гордится в своих мемуарах. И невольно задумываешься, неужели более талантливый полководец не нашел бы им лучшего применения в той обстановке, в которой обрисовалась Мировая война в начале 1915 года.

XXVI и III Сиб. корпуса отошли в этот день на Августов, севернее, западнее и южнее которого началась их борьба с 3½ корпусами немцев (XXXVIII, XXXIX, XL и 2 пех. див.), которая кончилась занятием 17-го февраля нем-

---

[1] Там же, д. № 141, стр. 1.

[2] Там же, стр. 28.

[3] Остатки корпуса положили оружие 21-го февраля.

[4] Трагическая судьба XX корпуса достойна внимания. 21-го февраля при наступлении частей 10-й русской армии из Гродно на Рыгаловку начали со стороны д. Курианки подходить части трех полков, составлявших авангард этого корпуса и прорывавшихся через немецкое окружение. По словам прорвавшихся, корпус, сохранив всю артиллерию и ведя большое количество пленных, вышел в район Волкуш—Богатыри (между Сопоцкиным и Липском), где остатки его, расстреляв все патроны, гибли, не подымая белого флага. (В.-Уч. Арх., д. № 468, стр. 57).

цами Августова и отходом русских к 19-му февраля на позицию Ягинты—Нов. Каменная — Домураты, на которую XXVI корпус выходил частями, пробиваясь через противника. Немцы к этому времени заняли Копциево, Сопоцкин, Голынка и позицию от Липска до Штабина.

Операция в Августовских лесах закончилась. Немцы выдохлись у порога Гродны и Немана; к русским же подходили два свежих корпуса к Гродно (II и XV), а гвардейская кавалерия и III Кавк. корпус перевозились к Олите. Обновленная 10-я армия была готова перейти в наступление, хотя бы и медленное.

Центр тяжести переносился к Ломже и Праснышу, но этому предшествовало совещание верховного главнокомандующего с Рузским и Ивановым в Седлеце 17-го февраля.

Во время операции в Августовских лесах Наревское направление играло второстепенную роль. Здесь с русской стороны сосредоточивалась 12-я армия Плеве, а с германской—группа Гальвица; пока же находились те части, которые оставались здесь после Лодзинской операции.[1] Впрочем, Гинденбург для поддержания наступления 10-й и 8-й армий направил, как известно, XX корпус к Ортельсбургу, который и должен был одновременно с ними наступать на Остроленку. С своей стороны и южная ударная группа немцев, наступая на Райгрод, выделяла на Щучин и, в особенности на Граево заслоны, которые, по мере замыкания кольца у Августова, все более увеличивались, а Гинденбург придал им для действия против Осовца тяжелую артиллерию.

В результате ряда встречных столкновений на отдельных направлениях от Осовца до Вислы русские, отойдя большей частью под натиском противника, заняли 17-го—18-го февраля положение, указанное на схеме № 23 Б.

Новые планы сторон.

Схема № 24.

17-го февраля командование обеими сторонами поставило новые задачи своим войскам. У русских они явились следствием совещания Ставки с фронтами, состоявшегося в этот день в Седлеце, у немцев—следствием решения Гинденбурга.

На совещании Рузский нарисовал такую картину предполагаемых действий немцев:

Он преувеличенно считал перед своим фронтом общие силы германцев до 21 корпуса и предполагал, что против-

[1] Группа бывшая Цастрова, примерно, ок. 2 пех. и 1 кав. корпусов.

ник, поставив в критическое положение 10-ю армию,[1] постарается достигнуть решительных результатов на Млавском направлении, чтобы давлением здесь в связи с дальнейшим одновременным давлением на Белосток попытаться охватить с обоих флангов русские войска на фронте Нарева—Бобра. С своей стороны Рузский предлагал ответить на это перегруппировкой, которая по наружному виду вполне соответствовала шлиффеновскому рецепту. (См. схему № 24 А.)

На левом берегу Вислы он оставлял 5—6 корпусов, но требовал оттянуть их к Варшаве на более сокращенные позиции Новогеоргиевск—Гура-Кальвария, к которым его неизменно тянуло еще с Лодзинской операции.

На правом берегу, на Наревском направлении, он предлагал образовать два сильных фланга и слабый центр. Для этого 1-я армия, силой в 3½ корпуса (I Турк., XIX, XXVII и 77-я пех. див.), развертывалась на Млавском направлении; 1½ корпуса (IV Сиб., 1-я Кавк. стр. и 5-я стр. бриг.) 12-й армии в районе Рожаны—Остроленка—Ломжа и 7 корпусов в районе Гродно—Соколка—Белосток, из которых 5 (III Кавк., Гвардейск. и перевозимые с левого берега Вислы II Сиб., I и V) в районе Белостока и по одному в районе Соколки (II) и Гродны (XV). Эти два последние корпуса намечались в состав 10-й армии. Кроме того, предполагалось 1—2 корпуса перекинуть с левого берега Вислы в общий резерв у Острова и Вышкова. Сосредоточение всех этих сил могло быть закончено к 3-му марта.

Если это развертывание рассматривать только относительно Наревского направления, то, как я уже сказал, мы имеем скопированную германскую доктрину. Отличие будет заключаться только в наличии за центром общего резерва, которому место было скорее на одном из флангов. Но если взять весь Восточно-Прусский театр, где операция не могла иначе развиваться, как в тесной связи, и присоединить сюда развертывание 10-й армии, то картина будет иная: мы будем иметь сильнейший центр, от Гродно до Рожаны, в 9 корпусов со слабыми флангами, по 3 корпуса каждый, т. е. построение, приспособленное к весьма трусливому маневру вытеснения немцев центром, а не к уничтожению их сильными флангами. В отношении Наревского направления мы видим большую странность в группировке. Для уничтожения немцев в Восточной Пруссии имел особое значение русский левый фланг, где на Млавском направлении и необходимо было иметь особо сильный кулак. Рузский же делал таковой в Белостокском районе, откуда мог только вытеснять немцев, а не работать по их тылам. В таком решении можно видеть влияние двух факторов. Во-первых, утрированное значение, которое придавалось Гродно-Соколковскому району, и, во-вторых, пристрастие полководца к тяжеловесным фронтальным маневрам, с трусливым их характером и с боязнью развить смелые, широкие операции на флангах.

---

[1] В это время не были еще выяснены результаты отхода 10-й армии.

Но читатель окончательно придет в недоумение от такого сосредоточения 14½ корпусов на Нареве, если познакомится с первоначальной задачей, которую ставил им Рузский. „1-я армия должна была обеспечить подступы к Варшаве и к нижнему Нареву на участке Новогеоргиевск—устье реки Оржиц со стороны Торна и с линии Страсбург—Виленберг".[1] 12-й армии задача оставалась прежняя, т. е. наступлением в северном направлении помогать 10-й армии. Вот этой-то почти оборонительной постановки задачи, имевшей целью отбивать врага, а не уничтожать его, никак нельзя было ожидать от такого мощного построения, каким задавался Рузский. Можно было полагать, что по окончании всего сосредоточения армии получат более активные задачи. Их мы не увидим.

Верховный главнокомандующий утвердил проект Рузского, но не разрешил отходить на Варшавские позиции, против чего восстали Иванов и Алексеев, так как такой отход, не улучшая положения Рузского, в корне компрометировал положение галицийской группы армий.

17-го февраля намеченная группировка была в корне изменена полным ослаблением белостокской группы в пользу излюбленного Рузским центра.

В этот день французский генеральный штаб сообщил некоторые из распоряжений Гинденбурга, из которых Рузский вывел заключение, что 8-я германская армия может наступать не только в направлении на Гродно, но и на Ломжу—Остроленку. Этого вполне естественного предположения было достаточно, чтобы отбить у Рузского охоту от какого-либо намека на маневр флангом, и он немедленно принял меры к усилению своего центра.

Гвардейский корпус был возвращен в Ломжу, II Сиб. направлен в Малкин—Остров и только III Кавк. направлен в Белосток.[2]

Вместе с этим армиям была дана новая формулировка задач.[3]

10-й армии, в состав которой 20-го февраля прибыли в Гродно два свежих корпуса (XV и II), удерживать район Гродно — Штабин — Соколка для прикрытия флангов и сообщений остальных армий фронта при возможности занять Сопоцкинские высоты.

12-й армии, которая между прочим уже перешла 20-го числа своими двумя корпусами (Гв. и IV Сиб.) и двумя стр. бриг. в наступление от Ломжи—Остроленка на Радзивилов—Стависки—Кольно—Вах, указывалось удерживать линию

[1] Директ. 2 (15)-го февраля № 815. Там же, стр. 164.
[2] Директ. 5 (18)-го февраля № 26/Б. Там же, стр. 227.
[3] Директива 7 (20)-го февраля № 52/Б. В.-Уч. Арх., д. № 468, стр. 17.

Бобра и Нарева от устья Березовки до Оржица; „по окончании же сосредоточения перейти в общее наступление в соответствии с обстановкой и отбросить немцев". Таким образом, конечная цель весьма сильной 12-й армии сводилась к тому, чтобы только в далеком будущем „отбросить" немцев.

1-й армии „во что бы то ни стало" удерживать линию Прасныш—Цеханов—Плонск—Вышегород.

И в этой директиве строго-оборонительные задачи всему фронту сохранили свое место с отдаленной приманкой в будущем для 12-й армии перейти в наступление и „отбросить немцев".

Надо ли удивляться, что при подобного рода оборонительных тенденциях высшего командования у частных начальников атрофировалась наступательная энергия, что мы и увидим на поведении командования $2^1/_2$ корпусов 12-й армии, начавших наступление от Ломжи и Остроленки.

Через два дня после оттягивания Рузским белостокской группы к центру получилось 20-го февраля известие о движении двух немецких корпусов к Неману, что заставило Ставку нарисовать себе грозную картину грядущего форсирования реки и перерыва путей на Петроград. Это вызвало указание Рузскому[1] иметь в районе Оран для контр-маневра 2—3 корпуса и требование еще одного корпуса от Иванова.

Таким образом, когда Рузский тянул свои корпуса к западу, Ставка их тянула к востоку.

В свою очередь Гинденбург, оттеснив русскую 10-ю армию к Неману и не довершив здесь операции до конца, решил попытаться прорвать линию реки Бобра. С этой целью он директивой от 17-го февраля поставил новые задачи своим армиям: 10-й (усиленной XL корп., 2-мя пех. и 4-мя кав. див.) — преследовать русских до Немана; 8-й — прорвать укрепленную линию Бобра на участке Осовец — Ломжа; группе Гальвица — наступать на Прасныш — Цеханов, угрожая Варшаве с тыла.

Три отдельных почти равносильных группы с тремя задачами лобового наступления на широком фронте. Здесь чувствуется какая-то недоговоренность, которую можно объяснить только полным крушением широких замыслов Гинденбурга и желанием его оттеснить русских, хотя бы до естественных преград Немана и Бобра—Нарева. Трудно было серьезно рассчитывать на прорыв этих последних слабыми силами 8-й армии и Гальвица, а тем более угрожать Варшаве при легкости переброски русских войск между нею и Гродно. Между тем Гинденбург, по словам Фалькенгайна,[2] именно

[1] Янушкевич Рузскому 7 (20)-го февраля № 8158 и Иванову 8 (21)-го февраля № 8194. В.-Уч. Арх., д. № 468, стр. 5 и 38.

[2] Стр. 65.

и рассчитывал наступлением группы Гальвица принудить русских оттянуть свой фронт с левого на правый берег Вислы.

Активная роль Ставки.

Боязнь Ставки за Неманское направление и скромно выраженное ею Рузскому желание о сосредоточении в Оранах 2—3 корпусов вызвало весьма язвительную переписку между ними, которая по пережевыванию все одних и тех же старых мыслей не представляла бы интереса, если бы не повела вновь к перемене влияний в Ставке от Рузского к Иванову.

Главнокомандующий Северо-западным фронтом был далеко не чужд боязни за Неманское направление, но в данном случае он совершенно основательно придавал особое значение Наревскому району. Выделение же отсюда трех корпусов могло, по его мнению, повести к необходимости отойти за линию Нарева и Бобра. Снятие этих корпусов с левого берега Вислы приводило к очищению его и, таким образом, к коренному изменению всей группировки и возлагаемой на фронт задачи. [1]

Янушкевич с своей стороны признавал, что обеспечение правого фланга армий настолько важно, что для этого следует отказаться от других частных задач, но каких-либо определенных указаний или ясной задачи фронту Ставка, по своей немощности, давать не решалась. [2] В ответ на это Рузский находил только одно решение—поставить армии его фронта в нормальное положение относительно тыловых путей, что может быть достигнуто отнесением на восток линии развертывания, очищением совершенно ненужного, по его мнению, в военном отношении Варшавского района и средней Вислы и соответствующей перегруппировкой армий Иванова. [3]

Ставка бросилась к этому последнему. На семи страницах исписанной телеграммы [4] она с запозданием констатировала давление противника на оба фланга широкого русского фронта, чему, по состоянию армий, противодействовать сильным ударом на левом берегу Вислы нельзя. Остается усиливать за счет левого берега Вислы войска на ее правом берегу и в Карпатах, чтобы соответственным маневром разрушить планы противника. В результате Иванова запрашивали, не может ли он вывести с левого берега два корпуса, из которых один направить на свой левый фланг, а другой передать Рузскому.

Насколько Ставка писала длинно и неясно, свидетельствует начало ответной телеграммы Иванова. [5] „Что такое массовая переброска войск Северо-западного фронта, сколько сил оставляется на левом берегу Вислы, какая задача поставлена обоим фронтам?"—запрашивал выведенный из терпения Иванов и требовал определенных решений по этим вопросам.

Юго-западный фронт смотрел на складывающуюся обстановку иначе. Он видел в действиях противника на флангах мощную демонстрацию с целью направить потом главный удар против центра на Варшаву и от Кракова вдоль Вислы. Сосредоточение немцами, по агентурным сведениям, 40 бат. резерва у Одерберга (к западу от Кракова около 120 клм.) и нали-

[1] Рузский Янушкевичу 7 (20)-го февраля № 51/Б. В.-Уч. Арх., д. № 468, стр. 8.
[2] Янушкевич Рузскому 8 (21)-го февраля № 8178. Там же, стр. 22.
[3] Рузский Янушкевичу 8 (21)-го февраля № 62/Б. Там же, стр. 25.
[4] Янушкевич Иванову 8 (21)-го февраля № 2194. Там же, стр. 36.
[5] Иванов Янушкевичу 9 (22)-го февраля № 1459. Там же, стр. 45.

чие между Неманом и Оржицем только 9 корпусов Иванов старался подтвердить правильность своей мысли. Совершать при таких условиях полную перемену фронта—значило окончательно подчинить свою волю желаниям и намерениям противника. Иванов требовал дать себе ясный отчет о том, какие последствия для галицийской группы будет иметь отход Рузского к Варшаве и рисовал их в виде отхода чуть ли не на Сан и снятия блокады Перемышля. При таких условиях он отказывался принять на себя ответственность за успешное выполнение разнообразных и сложных задач на обширном фронте против превосходного по числу неприятеля (по подсчету фронта 40 русских и 54 австро-германских дивизий).

Но Ставка в длиннейшей директиве от 23-го февраля[1] настаивала на своем предположении об общей обстановке и целях, преследуемых противником, и ставила фронтам задачу ослабления до крайнего предела войск левого берега Вислы, чтобы частными контр-маневрами на ее правом берегу и на Карпатах в направлениях, самостоятельно избираемых фронтами, остановить попытки противника и нанести ему „хотя бы частичное поражение".

В частности Северо-западному фронту указывалось на необходимость обеспечения операции со стороны правого фланга, для чего „крайне желательно" 1—2 корпуса направить на средний Неман; от Юго-западного фронта требовалось прочно обеспечить сообщения с Киевским округом, на который перенести базирование своих армий, чтобы фронту Рузского передать Александровскую дорогу на случай базирования на Москву. Кроме того, Иванову было приказано подготовить корпус на случай выделения его в резерв Ставки.

Что же дала эта директива фронтам? Если ее перевести на краткий язык, то она выливается в такую фразу — постарайтесь остановить противника и где-нибудь на флангах нанести ему хотя бы частичное поражение. Но это была только официальная редакция. Пометка на ней Янушкевича указывает и дальнейшие намеченные Ставкой фазисы, а именно отход к Варшаве и оставление этой последней, т. е. возвращение к положению перед войной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

С 17-го декабря и по 23-е февраля члены той большой коллегии, которая фактически руководила операциями русских войск, Ставка и фронты, решали вопрос о текущей зимней кампании. Ставка на этот раз не была сторонницей коллегиального решения и из трех представленных ей вариантов она остановилась на безопаснейшем, а именно на завладении Восточной Пруссией, ведя по этому поводу частные переговоры с Рузским и предоставив Иванову ставить себе самостоятельные задачи.

Несмотря на единогласное мнение о необходимости направить усилия всех армий к достижению одной определенной цели, каждая группа армий выбрала себе самостоятельную задачу без какой-либо связи друг с другом. Предложение Алексеева объединить действия обеих групп наступлением на левом берегу Вислы, что являлось бы естественным продолжением кампании 1914 года, не встретило сочувствия Ставки, и она вновь вернулась к половинчатому разрешению вопроса о Восточной Пруссии

[1] Директива помещена в полном виде в Приложении № 4.

(расширить плацдарм), что в ту или другую сторону должно было быть решенным еще в сентябре. Ставка определенно отказывалась строить кампанию на своих собственных маневрах, задаваясь исключительно целью противодействовать маневру врага самым примитивным способом его вытеснения. Вопрос о собственном маневре не выливался у нее ни в какую реальную форму и витал во образе отдаленных мыслей наступления на Берлин.

В то время как вырвавшийся из рук Ставки Юго-западный фронт проявлял завидную активность и не оставлял ни одной наступательной попытки противника без того, чтобы немедленным контр-маневром не вырвать инициативы из его рук, Северо-западный проявлял полную пассивность при походе Гинденбурга на 10-ю армию. И только с 17-го февраля начинаются серьезные перегруппировки под влиянием ожидания похода Гинденбурга на Нарев. И эти перегруппировки имеют исключительной целью непосредственно защитить то место, на которое ожидается новый удар. 18 корпусов окружают кольцом Восточную Пруссию, но в директивах Рузского мы не видели намека на желание использовать их с решительной целью. Все то же осторожное вытеснение противника. Малейший намек Гинденбурга на движение к Неману вызывает страх Ставки за эту реку, несмотря на то, что удар 14 корпусов с Нарева должен был в корне пресечь всякую попытку немцев на Немане.

Чтобы прикрыть новое место, на которое ожидался удар, Ставка директивой 23-го февраля дает еще более мелкую и пассивную задачу всем армиям и еще более ослабляет единственно действовавший активно и боровшийся за сохранение в своих руках инициативы фронт Иванова.

Если Гинденбург и был чем велик в своих планах операций, то это—пониманием психологии русской Ставки и части командования. На этой струне он играл как по открытым нотам и своими ударами неизменно производил мешанину в русских корпусах с неизбежным отскоком их назад.

Явление, нами описанное, которое сводится в грубых чертах к стратегии сплошной стены, локтя к локтю, к боязни пустых пространств, к парированию удара, а не к нанесению его, к боязливому маневру охватов, но не к смелому маневру глубоких обходов, не является чем-то случайным, но его нельзя также приписать и всему генеральному штабу старой армии. В нем на том же театре войны мы видим мысли и действия, совершенно отличные по духу от изложенных выше. Юго-западный фронт в бытность Алексеева его начальником штаба и Кавказский театр дают нам иные образцы оперативного мышления.

Но неоспоримо, что такова была доктрина значительной его части. Куропаткинское „терпение“ 1904—1905 годов и планы стратегического развертывания 1908—1910 годов являются лучшим тому доказательством. [1] Основная ячейка Главного управления генерального штаба перекочевала в Ставку, и читатель в февральских ее решениях узнает те же особенности, которые так отличали детище Главного управления—развертывание по проекту 1910 года. Богатое наследие XIX века было использовано только по форме, но не по духу и без учета массовых армий, роста артиллерии и опыта войн 1904—1905 и 1912—1913 годов.

Я жду возражения, что русские войска были мало пригодны к сложным маневренным операциям, но в Галиции они были того же состава, как и в Восточной Пруссии, и недостатки, им свойственные, были в значительной степени присущи, как то видно из иностранных источников, и германским войскам. Но роль исполнителей весьма велика в замыслах полководца, почему генеральный штаб должен еще в мирное время готовить войска соответственно своему оперативному мышлению или это последнее приспосабливать к качествам войск. Во всяком случае ни то, ни другое не терпит стратегии, состоящей в накладывании пластыря на ушибленные места.

Ход Наревской операции.

Схема № 24 Б.

Наревская операция не представляет интереса в смысле ее розыгрыша ни с одной стороны. Она вылилась в три отдельные группы боевых действий на Немане, в Ломжинском и в Млавском направлениях, которые развивались почти независимо друг от друга. Только Остроленское направление могло и в действительности сыграло некоторую маневренную роль в отношении обеих групп, ломжинской и праснышской. Большим недостатком в отношении описания боевых действий является полное отсутствие в иностранных источниках указаний о перебросках германских сил, поэтому вопрос о действительном количестве их войск остается открытым и можно только с уверенностью сказать, что их было гораздо больше, чем может дать делаемый подсчет.

На Неманском направлении 19-го—20-го февраля стороны занимали положение, указанное на схеме № 24 Б.

Немцы не предпринимали никаких серьезных мер, чтобы оттеснить русских за Неман, что является лучшим доказательством полного истощения их 10-й армии. С своей сто-

[1] А. М. Зайончковский: „Подготовка России к Мировой войне“.

роны русские делали трусливые попытки гродненской группой к переходу в наступление на Липск—Сопоцкин,— первоначально для помощи XX корпусу, а потом с целью упрочить свое положение под Гродной, но эти наступления быстро прекращались и никаких результатов не дали.

Фалькенгайн не видел надобности в продолжении этой затянувшейся и бесплодной операции, почему предупредил Гинденбурга, что в марте возьмет обратно данные ему 4 корпуса для переброски их на французский театр. Впрочем, пассивное поведение французов, несмотря на данное ими Ставке обещание энергично наступать, позволило отменить эту угрозу, и корпуса остались у Гинденбурга. Поэтому последнему нужны были войска для развития удара на Наревском направлении, почему 22-го февраля он приказал 10-й армии отойти на линию Шаки—Пильвишки—Мариамполь—Кальвария—Сувалки — Августов, что она и выполнила, прикрываясь сильными арьергардами, богато снабженными тяжелой артиллерией.

При общем наступлении всего фронта русский III корпус и Гвардейская кавалерия, двигаясь 8-го и 9-го марта через Симно и Сейны, оттеснили немцев до Сувалок и грозили захватом города; немцы перешли с фронта Кальвария—Мариамполь в контр-удар против правого фланга русских и начали охватывать III корпус. Под давлением этого охвата 10-го марта русские атакующие части отошли назад. К 30-му марта боевые действия здесь совершенно прекратились, и 10-я русская армия приостановилась на линии Козлова Руда, Поталина, Калишедзе, западнее Сейны и до Саенек, восточнее Августова.

Мы ничего не говорили о действиях Тильзитского отряда, как не оказывавшего никакого влияния на ход операции. Но в скором будущем этот отряд выступит на арену общих действий, почему о нем следует упомянуть.

Здесь с обеих сторон действовали небольшие отряды, силою менее дивизии. Первоначальное наступление русского отряда и захват им Мемеля заставили немцев усилить здесь свои войска дивизией XXXVIII корпуса, после чего они начали теснить русских, которые к концу операции отошли к Шавлям; немцы же заняли Тауроген, где и остановились.

На Осовецком, Ломжинском и Остроленском направлениях немцы, как известно, начали свое наступление вместе с наступлением у Немана. Сюда были с самого начала двинуты 11-я ланд. дивизия с тяжелой артиллерией на Осовец и XX корпус с 41-й дивизией от Иоганисбурга через Кольно на Ломжу и 37-й через Мышинец на Остроленку. Кроме того, на Щучин были двинуты заслоны от южной ударной группы при движении ее к Августову.

Со стороны русских Ломжинское направление прикрывалось только конницей, поддержанной пехотными частями. Поэтому сюда были срочно направлены 1-я Кавк. стр. бриг. на Кольно, 5-я стр. бриг. на Мышинец и Гвард. корпус к Ломже.

Незначительный Осовецкий гарнизон (6 ополч. друж., 9 кон. сот. и 25 пол. ор.) перенес оборону на передовые позиции, начиная с Граево, и этим выиграл время для подготовки крепости к упорной обороне. Дальнейшие действия 11-я ландв. дивизии и гарнизона Осовца видны из схемы № 24 Б. Отступая шаг за шагом и упорно задерживая противника у Граево, Руда и на Бялашевско-Капицкой позициях, передовые войска гарнизона сосредоточились 21-го февраля на Соснянской позиции.[1] Тогда Гинденбург решил

[1] Рапорт коменданта креп. В.-Уч. Арх., д. № 1155.

атаковать Осовец при помощи огня сверхтяжелых калибров и сосредоточил к нему пять 42 и 30,5-сант. германских и 30-сант. австрийских батарей.

С 22-го февраля и по 8-е марта продолжалась почти непрерывная бомбардировка Осовца, после чего немцы перешли к обороне на линии Климашевище—Белашево—Цемношие—Капице, увезя в тыл свою большей частью подбитую сверхтяжелую артиллерию.

На Ломжинском направлении колебания Рузского в отношении Гвард. корпуса, который он начал уже переправлять в Белосток, а потом вернул обратно, повели к отходу его от Стависко к Ломже и к усилению противника в этом направлении первоначально $1^1/_2$ дивизиями (20-го февраля), а потом и еще больше. С русской стороны гвардия была усилена 9-й Сиб. дивизией и к ней присоединилась 1-я Кавк. стр. бриг., отходившая от Кольно. На Остроленском направлении оставались 5-я стр. бригада и 10-я Сиб. дивизия. Далее между Оржицем и Вислой положение к 20-му февраля было без перемен. Прибывающие резервы в этот день находились: III Кавк. корпус, направляемый вместо Немана к Осовцу, на пути к Визне; XXIII перевозился с левого берега Вислы к Острову; II Сиб. на пути в Остроленку; I Сиб. у Новогеоргиевска; I арм. у Варшавы на правом берегу Вислы.

20-го числа группа Гальвица начала наступление на Прасныш двумя корпусами (I рез. и Сурена), нанося главный удар со стороны Еднорожца с целью отрезать туркестанцев от Остроленского отряда и от путей на Нарев. 21-го Прасныш был взят немцами, которые отбросили русских на Лазы и Антоносы и старались развить свой удар в промежуток между этими группами.

Этим собственно и ограничился весь успех Гальвица, так как его правофланговая группа, действовавшая к югу от Дробина—Рационж, была атакована XIX и XXVII корпусами и потеснена на линию Дроглин—Вробоцин.

Одновременно с атакой Гальвица и Прасныша Плеве перешел в наступление от Ломжи и Остроленки с направлением гвардии на фронт Радзивилов—Стависки, 9-й Сиб. дивизии на Кольно, 10-й—на Вах и 5-й стр. бриг. на Караска. Наступление это, дойдя до линии Евдабно—Вах, захлебнулось, благодаря встречным контр-атакам и завязавшемуся узлу кровопролитных боев у Евдабно, где успех не склонялся ни на одну из сторон.

С тех пор, как 10-я германская армия начала свой отход на линию Кальвария—Сувалки—Августов, у немцев появился источник новых сил, перекидываемых из 10-й армии как к Гальвицы, так и в Ломжинском направлении. При этом здесь немцы особенно усиливали свой левый фланг, и их сильные колонны начали наступать на Моцарже, что заставило направить сюда подходивший к Визне III Кавк. корпус. Здесь, у Моцарже, завязался новый узел кровопролитных боев.

Успех немцев под Праснышем должен был произвести особое впечатление на Рузского, который опасался за тыл Варшавы.

Подошедший к Остроленке II Сиб. корпус был направлен к Красносельцам (прибыл 23-го февраля) и I Сиб. из

Новогеоргиевска к Плонявы—Щуки (прибыл 24-го числа). С этими силами 1-я армия предприняла атаку Прасныша, которая увенчалась блестящим штурмом города 27-го февраля, стоившим немцам, кроме расстройства группы Гальвица (здесь были I рез. кор., 3 рез. див. и 9 ланд. бриг.), пленением свыше 6 тыс. человек и 58 оруд. Немцы отступили от Прасныша к Хоржеле, а своим правым флангом (корпус Сурена) к Млаве.

Взятие Прасныша заставило Рузского усилить натиск со стороны Ломжи, для чего в 12-ю армию был передан I корпус, подвезенный 24-го к Острову и 26-го к Ломже. К Острову же 23-го сосредоточился, как резерв фронта, и XXIII корпус. [1]

К 1-му марта Рузский сгруппировал, таким образом, на Наревском направлении все предназначенные туда войска, всюду задержал противника и даже нанес ему решительное поражение в самом щекотливом для Рузского Млавском направлении. Все говорило за то, что необходимо развить достигнутый успех решительным наступлением, что Рузский и указывает своим армиям директивой 1-го марта. [2]

К этому времени русский фронт, находясь в тесном соприкосновении с немцами, шел от Моцарже на Едвабно, Тартак, Еднорожец, Дембск, Выхово, как указано на схеме № 24 Б.

Наиболее сильно занятым со стороны немцев оказался район между Бобром и Писсой, при чем Рузский считал между Неманом и Писсой 6—8 немецких корпусов. Дальше на запад положение было легче. Между Писсой и Оржицем пока были обнаружены незначительные части противника, группа же Гальвица, отойдя двумя разбитыми корпусами к Млаве, перешла остальными войсками между Цехановым и Вислой к обороне.

Общую идею наступления Рузский рисовал себе в таком виде: [3] центральная 12-я армия в составе пяти сильных корпусов и четырех стрелковых бригад, развернувшись между Ломжей и Остроленкой, наступает главными силами на Бялу—Щучин, обеспечивая слева свое наступление уступным расположением; 10-я армия своим наступлением от Гродно и Штабина облегчает задачу 12-й; 1-я армия развивает успех, одержанный под Праснышем, и подготовляет сосредоточением трех армейских и одного конного корпуса на своем правом фланге возможность дальнейшего наступления на Хоржеле, что поведет к сближению ее с 12-й армией.

---

[1] Материалом для изложения хода операции с русской стороны послужили почти исключительно дела В.-Уч. Арх., д. №№ 141 и 468.

[2] Рузский Янушкевичу 17-го февраля (2-го марта) № 144/Б, стр. 180.

[3] Рузский Янушкевичу 17-го февр. (2-го марта) № 143 б. Там же, стр. 205.

Во исполнение этого было приказано 10-й армии наступать III корпусом с 1-й и 2-й гв. кав. дивизиями от Олиты к Серее (мы уже знаем о результатах этого наступления) и остальными силами „продолжать энергично развивать свои действия для очищения от германцев района Липск—Сопоцкин, и стремиться занять выходы из Августовских лесов", а при случае и линию Кальвария—Сувалки—Августов. 12-й армии указывалось перейти в наступление из района Ломжи—Новогрода в общем направлении на Вонсош—Щучин—Бяла с охватом левого фланга противника, чтобы его отрезать от войск, действовавших против Осовца, и с обеспечением своего левого фланга до реки Оржица. Для усиления ударного фланга этой армии I корпус был направлен к III Кавк., к Моцарже. 1-й армии перейти тремя корпусами в наступление для овладения районом Хоржеле—Млава и одним—Рационж—Дробин—Плоцк. Один корпус оставить в армейском резерве к западу от Прасныша. XXIII корпус оставался в распоряжении Рузского. 2-й и 5-й армиям удерживать свое расположение на Бзуре и Равке.

Редкостное странное впечатление производит эта директива со своими расползающимися в северо-восточном и северо-западном направлениях фланговыми ударными группами 12-й и 1-й армий, соединенных слабым и тоже расползающимся центром.

На что мог рассчитывать Рузский при самом удачном развитии его операции? 12-я армия могла заставить войска, атаковавшие Осовец, постараться уйти, для чего у них имелся прямой путь на Лык и Арис; она могла даже нанести частичное поражение противостоящим ей войскам, но и сама выходила к востоку от Мазурских озер, при чем требовалась длительная перегруппировка, чтобы вновь направить ее к западу от этих озер. 1-я армия, имея небольшое превосходство над противником, получила направление для фронтального удара, которое вело только к постепенному его выжиманию. Мощный фронт разбивался на отдельные группы, не связанные никакой общей идеей, и в результате на главном направлении Млава—Плоцк, которое должно было решить участь Восточной Пруссии, оказывалось только пять корпусов. Группировка, направленная к накладыванию пластырей, привела к своим естественным результатам.

Стоит ли жалеть, что при таких условиях наступательные порывы Рузского столкнулись с совершенной переменой во взглядах верховного главнокомандующего на дальнейший план войны.

„Верховный главнокомандующий не находит возможным, — писал Янушкевич Рузскому 1-го марта,[1] — переход

[1] Янушкевич Рузскому 16-го февр. (1-го марта) № 8407. Там же, стр. 167.

нами границы и вторжение в пределы Восточной Пруссии, где мы снова подведем наши войска под неблагоприятное влияние прусских железных дорог. Великий князь находит, что задача войск фронта должна ограничиться нанесением сильных, но коротких ударов с преследованием лишь до границы, после чего армии фронта должны занять положение, выгодное для активного прикрытия подступов к Неману, Бобру и Нареву, удерживая и плацдарм на левом берегу Вислы".

Вновь складывавшаяся политическая обстановка и требования союзников заставили, как увидим ниже, Ставку присоединиться к мнению Иванова. Вместе с этим Рузский получил приказание готовиться к усилению войсками его фронта галицийской группы армий. [1]

Странное стечение обстоятельств. Фалькенгайн, с одной, и Ставка, с другой стороны, почти одновременно решили ослабить войска Гинденбурга и Рузского. Не было ли это следствием признания бесполезности затеянной обоими полководцами операции в Восточной Пруссии.

В действительности дальнейшее наступление Северо-западного фронта вылилось в топтание на месте и только потребовало усиления здесь с обеих сторон войск, при чем Рузский еще на один корпус ослабил левый берег Вислы.

5-го марта немцы прекратили атаку Осовца и могли, таким образом, усилить свои войска у Моцарже, который попрежнему вместе с Евдабно оставался мертвой точкой наступления русских, несмотря на подход сюда I корпуса. Это заставило Рузского переменить направление главного удара и наносить его в правый фланг ломжинской группы со стороны Писсы, для чего в Остроленку 5-го марта был направлен XXIII корпус. [2] Но и немцы, в виду упорных боев здесь с IV Сиб. корпусом, направили сюда из 8-й и 10-й армий свежие 4 пех. и 1 кав. дивизии, что сводило новый план Рузского ни к чему.

Одновременно Гинденбург начал с 5-го марта усиливать преимущественно из средств той же 10-й армии группу Гальвица, для чего сюда были направлены $2^1/_2$ пех. и 1 кав. дивизии.

С этими силами немцы повели с 7-го марта наступление против II Сиб. корпуса от Хоржеле в направлении на Еднорожец—Прасныш и оттеснили русских почти до этого последнего. Для противодействия этому XXIII корпус был повернут на запад и, разгромив левый фланг группы Гальвица (уничтожение 24 рез. полка с потерей 16 орудий),

---

[1] Тоже 18-го февр. (3-го марта) № 8477. Там же, стр. 220.
[2] В.-Уч. Арх., д. № 468, стр. 228.

восстановил здесь положение. Немцы вновь отошли к Млаве и Хоржеле.

Бои начали постепенно принимать характер затяжных, позиционного вида и после 16-го марта совершенно заглохли, при чем общая линия фронта сохранила то же направление, которое она имела и 1-го марта, т.-е. перед началом наступления Рузского. Он только увеличил 1-ю армию II Кавк. и 12-ю—XV корпусами.

Кончилась зимняя Восточно-Прусская эпопея, почти не изменив стратегического положения сторон, но истощив живую их силу и средства и перетянув сюда с левого берега Вислы значительное число корпусов.

Обращаясь собственно к технике выполнения операций, приходится на этот раз отметить очень много общих Гинденбургу и Рузскому черт.

Первый имел большое преимущество в начале операции в смысле инициативы и неожиданностей. Мы уже останавливались на том, как он воспользовался этими элементами, повторим только, что он достиг минимальных результатов несколько большего расстройства русской армии по сравнению со своей. В дальнейшем ни одна из сторон никаких результатов, кроме самоистощения, не имела.

Я склонен причину этого видеть в том факте, что Рузский с самого начала операции, а Гинденбург после окружения XX корпуса, в своих дальнейших перегруппировках невольно уклонился от удовлетворения общей идеи их оперативного замысла в пользу потребностей настоящей минуты. Они хотели быть сильными всюду, бросали прибывавшие войска в том направлении, где в них являлась потребность в данную минуту, не хотели поступиться второстепенным для главного и в тот момент, когда все войска были подвезены, они оказались почти равномерно разбросанными по разным направлениям. Задачи пришлось ставить в зависимости от создавшейся случайной группировки войск, которая вместо элемента обслуживающего обратилась в решающий фактор операции, подчинив себе волю полководца.

В действиях западной группы русских войск можно отметить один положительный факт—это все большее и большее вкоренение в привычку частных начальников отвечать на удар контр-ударом. Праснышская операция является в этом отношении положительным образцом.

Действия в Карпатах до взятия Перемышля.

Схема № 24 Г.

Мы оставили галицийскую группу армий с того времени, когда неожиданное наступление Гинденбурга на Восточную Пруссию (10-го февраля) заставило Ставку не

только отказаться от помощи Юго-западному фронту войсками, но и предупредить его о возможности брать от него на помощь Рузскому, что в скором времени и последовало в виде переброски из 4-й армии на север III Кавк. корпуса. В последующий период Иванов должен был вести операцию только со своими войсками, маневрируя внутренними перегруппировками.

По общему подсчету некоторыми источниками, [1] силы сторон в Галиции были в это время почти равны с превосходством австрийцев на 16 бат. и русских на 180 эск. Источником пополнения их служили у русских—силы левого берега Вислы, где они имели над австрийцами превосходство около 30 бат., а у этих последних, кроме того, сербский фронт и щедрая германская помощь.

Положение сторон сводилось к все продолжавшемуся медленному продвижению вперед правого фланга 8-й русской армии на фронт Эперьеш — Гуменное, к сильному давлению все усиливавшихся австрийцев на Стрыйском направлении, где части VII и вновь прибывшего XXII корпусов едва сдерживали их натиск на фронте Козювка—Славско, и к энергичному наступлению австрийцев в Буковине в обход крайне слабого левого фланга русских. По сведениям, две дивизии немцев высаживались у Мишкольца и Чапа.

Все это не заставило Иванова отказаться от своего наступательного контр-маневра против австрийцев, но сократить несколько его размеры. Он поставил ближайшей целью фронта сдерживать противника 4-й, 9-й и 3-й армиями, а также левым флангом 8-й и разбить его правым флангом и центром этой последней на фронте Бартфельд—Ужок. Путем внутренней перегруппировки он усиливал на одну бригаду XXX корпус и сосредоточивал к себе в резерв за стыком 3-й и 8-й армий в районе Пильзно—Змигород XVII корпус. [2] Одновременно он сообщал в Ставку, что наличные его силы не дают возможности завершить операцию ударом и вывести 8-ю армию из того тягостного состояния, в котором она находится в горах в суровое время года. При слагающейся обстановке он видел два возможных решения—или отвести войска с Карпат, что считал пагубным в моральном отношении, или боем спуститься в Венгерскую равнину, на чем он и остановился. [3]

Приняв такое смелое решение при общем превосходстве в Галиции противника (по его подсчету на 12—15 дивизий), Иванов старался воздействовать на верховного главно-

---

[1] Стратег. очерк, ч. 3, стр. 56.
[2] Директ. 28-го янв. (10-го февр.) № 1031. В.-Уч. Ар. д. № 467, стр. 83.
[3] Иванов в Ставку 29-го янв. (11-го февр.) № 1050. Там же, стр. 92.

командующего[1] в смысле установления определенного плана кампании во образе направления главного удара в Венгрию и просил усилить свой фронт четырьмя дивизиями. Но почва для такой просьбы была еще несвоевременна, так как Ставка переживала кризис в Восточной Пруссии.

Между тем в Буковине наступление австрийцев, как видно из схемы № 24 Г, быстро развивалось. 14-го февраля была ими занята Надворная. 17-го—Коломыя, Стороженец, Снятынь и Черновцы; они начали продвигаться к Станиславову, занятие которого на несколько дней было пределом их наступления. XXX корпус отходил к Днестру на широком фронте Долина—Нижниев—Залещики, и командир корпуса считал необходимым отходить за Днестр.

При таких условиях Иванов все-таки не перешел к пассивной обороне. Так как наступление к западу от направления Мезо-Лаборч—Гуменное почти захлебнулось и не могло скоро воздействовать на положение в Буковине, а австрийцы начали сильно давить на направлениях Мункач—Стрый и Хуст—Долина, то Иванов, перейдя к обороне на всем фронте к западу от Гуменное,[2] решил нанести противнику контр-удар в направлении Гуменное—Мункач—Хуст.

При этом для удобства управления XXIV и XII корпуса, действовавшие западнее Гуменного, были переданы в 3-ю армию, а для развития главного удара Иванов 22-го февраля передал в 8-ю армию свой резерв из XVII корпуса и 1 ½ кав. дивизии, направив его в район Стрый—Болехово.

XXX корпусу была придана 74-я дивизия и дана задача разбить противника, наступавшего со стороны Коломыя—Надворная. 11-я дивизия была сосредоточена в районе Станиславова.

Ставка очень несочувственно относилась к идее Иванова наступать на Гуменное—Мункач—Хуст и стояла за стягивание сил к крайнему левому флангу.[3] Но Иванов в данном случае лучше предугадал обстановку.

Почти одновременно с направлением им главного удара к востоку от Гуменного, и австрийцы начали усиливать этот участок.

Сюда, на фронт от Лупковского до Ужокского перевала, начала с 20-го февраля сосредоточиваться с левого берега Вислы 2-я австрийская армия, имея целью освобождение Перемышля. Для усиления же 5-й армии, действовавшей против Буковины, между нею и армией Линзингена образовывалась новая группа Гофмана, в которую, кроме австрийских частей, входила и 4-я дивизия прибывающего сюда II германского корпуса.

23-го—25-го февраля австрийцы приступили к последнему наступлению с целью выручки Перемышля. Западнее Лупков-

---

[1] Иванов верх. главнокомандующему 31-го янв. (13-го февр.) № 1099. Там же, стр. 118.

[2] Директ. 5 (18)-го февраля № 1345. Там же, стр. 244.

[3] Янушкевич Иванову 9 (22)-го февраля № 8214. В.-Уч. Арх., д. № 467, стр. 67.

ского перевала наступала 3-я армия, восточнее его—2-я [1] и на Стрый— южная армия.

Но к концу месяца наступление захлебнулось, не достигнув никаких результатов; 3-я армия добилась совершенно незначительных успехов у Лупкова; 2-я, наступая вдоль шоссе на Болиград, заняла ряд позиций, но израсходовала все силы, не добившись прорыва, а южная совсем не продвинулась вперед. 22-марта Перемышль сдался.

Сильный нажим австрийцев заставил Иванова принять более решительные меры к усилению своей галицийской группы перекидыванием с левого берега Вислы к Тарнополю и Станиславову управления 9 й армии и XVIII корпуса. В эту армию переходили XI, XVII, XVIII, XXX и II кон. корпуса, 1-я Куб. и 1-я Дон. каз. дивизии, всего 9½ пех. и 5 кав. дивизий, которые развертывались между Долиной и Днестром.

Ей ставилась задача, по сосредоточении своих сил, решительно атаковать противника, действующего от Надворная и Мармарош-Сигета в направлении на Галич и Делатынь. Этой атаке должен был предшествовать удар XXIV, XII, VIII и VII корпусов на Варанно, Гуменное, Токошаны, чтобы воспрепятствовать переброске противником войск против 9-й армии. [2]

Но покуда происходили все указанные перегруппировки, на Карпатах наступило сравнительное затишье, так как австрийцы окончательно выдохлись. К тому же холода в горах и снежные вьюги сделали действия войск затруднительными.

Все австро-германские войска на Карпатах были введены в дело. Немцы вновь пришли на помощь, сформировав во второй половине марта из трех дивизий фронта Гинденбурга Бескидский корпус Марвица, который в виду особо тяжелого положения австрийцев у Мезо-Лаборча был направлен туда.

В свою очередь и Иванов 28-го февраля, когда положение на Северо-западном фронте выровнялось, вновь вошел к верховному главнокомандующему с докладом [3] о необходимости радикально изменить план войны, поставив себе задачей сохранение левого берега Вислы, удержание противника на Северном фронте и нанесение ему решительного удара на юге. На этот раз ходатайство Иванова совпало, как нам известно, и с мыслями верховного командования.

Начинается новый период кампании под лозунгом „поход на Будапешт".

---

[1] Состав 2-й армии, перекинутой на Карпаты, определить не удалось.
[2] Директива 16-го февр. (1-го марта) № 4699. В.-Уч. Арх., д. № 468.
[3] От 15 (28)-го февраля. Там же, стр. 214.

При таких условиях Рузский просил увольнения по болезни от должности, и на его место 20-го марта был назначен Алексеев. Оперативная физиономия Юго-западного фронта резко переменилась и не в пользу последнего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Кончился зимний период кампании 1915 года. Излагая фактическую сторону, я давал и краткую оценку развертывавшихся событий. Мне остается их резюмировать.

Кампания 1914 года, полная напряжения обеих сторон, не дала ни одному из противников решительных результатов.

Более мощная организация германской армии была способна к немедленному началу зимней кампании и в ее расчеты не могло входить дать русским время для приведения в порядок их армий. Скорое возобновление действий надо было ожидать, и все варианты планов русского командования предвидели случай наступления противника до полного устройства русской армии. Поэтому на предстоявший удар решили ответить своим контр-ударом, имея даже поползновение захватить инициативу в свои руки; но об этом контр-ударе начали думать так поздно и спорили так долго, что катастрофа разразилась раньше, чем русские войска начали свою перегруппировку.

Вот эта-то особенность русского командования не намечать себе в период окончания предыдущей операции нового шага и не принимать мер к своевременной подготовке к этому шагу и служила всегдашней причиной к его запаздыванию. Но для того, чтобы в таком духе работала мысль высшего командования, ему необходимо иметь перед глазами определенную цель и с некоторым предвидением вперед рисовать себе следующий шахматный ход в строго обдуманном плане игры. Именно у русского командования эта сторона была атрофирована, за исключением Юго-западного фронта, который нельзя за истекший период упрекнуть в отсутствии идейной связи последовательных ходов и в своевременном предвидении каждого из них.

Обе стороны отказались от продолжения активных действий на левом берегу Вислы. Немцы это сделали смело, без боязни некоторого риска; русские—трусливо и с тем запозданием, которое помешало им выиграть операции на обоих флангах. Правда, риск немцев страховался их богатейшей рельсовой сетью, но в этом отношении переброски русских войск от Пилицы к Нареву и обратно не находились в особо худших условиях.

Обе стороны решили вести зимнюю кампанию на флангах. Австро-германцы сделали это быстро, планомерно и

без колебаний; у русских наступление на Карпаты было вырвано захватным порядком и прошло при враждебном к нему отношении со стороны Ставки. Правда, союзникам другого ничего и не оставалось делать, так как при постоянном продвижении Иванова на Карпатах австрийскую армию в ином месте нельзя было и применить; русские же имели возможность нанести, с риском потерять часть Галиции, немцам серьезный удар в Восточной Пруссии, но у них нехватило мужества временно потерять Галицию для нанесения решительного поражения немцам. Эта одновременная погоня за несколькими целями с раздвоением внимания и с разброской поэтому сил была отличительной чертой русского командования.

В теории оно отлично сознавало необходимость наброситься на одного врага, на практике же все время тянулось в разные стороны. Источником таких колебаний следует признать тот неправильный уклон в сторону импровизации, который был принят с начала войны и который обыкновенно довлеет в течение всего ее хода. Тридцать лет русская армия готовилась первоначально разгромить Австрию и потом броситься на немцев; с такой группировкой она начала войну. Щепетильно понимаемый долг союзника увлек Ставку в сторону Германии, в то время как все военные и политические интересы России влекли ее в сторону Австрии. Недобитая в Галиции, она в течение всей войны лежала тяжелым бременем на русском командовании.

При составлении плана операции и при самом выполнении ее две союзные самостоятельные армии действовали в полном единении, направляемые одной твердой мыслью, и с разумной взаимной помощью, в то время как находившаяся в руках одного лица русская армия представляла редкий образец не только самостоятельных отдельных действий двух фронтов, но и фронтов, враждебно друг к другу настроенных. Это не являлось следствием только личных качеств верховного командования, но и системы подразделения вооруженных сил на два крупных фронта и положенных в основу управления систем согласований, вместо определенных указаний и коллегиальных решений, проводимых в самой уродливой их форме — споре двух заинтересованных лиц при не имеющем своего мнения посреднике.

Вопрос о движении на Берлин или Будапешт найдет одинаковое число сторонников и не в этом в данном случае его интерес, а в докладе генерал-квартирмейстера Ставки. В нем только мельком и в весьма узких штрихах проглядывает взгляд на политическое значение австрийского фронта. Первенствующая роль балканского и малоазиатского клубка на грандиозном фоне всей Мировой

войны совершенно не была учтена, и план дальнейшего хода операций был принят без надлежащей оценки всей политической обстановки. Из того факта, что с начала войны узел операций на русском фронте постепенно приближался к югу, можно уже видеть, какое значение немцы придавали Балканскому театру. Современные войны сделали в смысле учета в оперативных соображениях политического элемента большой скачок вперед, и в этом отношении Ставка смотрела с кругозором, отставшим на целое столетие.

Если союзники ставили целью зимней кампании нанесение решительного поражения русским армиям, то при известном им сосредоточении большей части русских сил в центре и их откинутых флангах удар против этих последних имел серьезное значение. Если они ограничивались нанесением частного поражения, имевшего целью перепутать русские корпуса и вырвать инициативу из их рук, то удар Гинденбурга был нацелен в наиболее уязвимом для русских направлении на пути—сообщения северных армий с их основной базой Петроградом. Все поведение Ставки во время операции показывает, что с этой точки зрения направление удара было выбрано правильно, но широкая задача была не по плечу тем силам, которые имелись в руках главнокомандующего Востоком. Для Конрада было два направления для удара—деблокада Перемышля и Львов, взятие которого спасало и Перемышль. В этих направлениях Конрад и разделил свои силы с отделением еще части их для завладения Буковиной, что имело исключительно политическое значение. Погнавшись сразу за многими целями, Конрад всюду был слаб и не достиг ни одной из них.

Навряд ли кто-нибудь будет оспаривать значение для русских Восточной Пруссии и в особенности Наревского направления. Но покончить с нею следовало и было возможно в октябре, когда Сиверс, имея там громаднейшее превосходство в силах, настойчиво просил разрешения произвести тот маневр двойного удара, который на февраль наметил Рузский. Тогда Рузский категорически потребовал фронтального удара и не дал возможности покончить с Восточной Пруссией. Теперь же, когда русские войска сгруппировались уже на левом берегу Вислы, приостанавливать весь наступательный ход войны для того, чтобы починять оставшиеся прорехи, навряд ли было полезно, и Алексеев протестовал всеми возможными способами против этой операции. Успехи на левом берегу Вислы и необходимый заслон на правом достаточно обеспечивали правый фланг армий.

Варианты планов, предложенные Алексеевым и даже Ивановым, шли в развитие общего хода войны и являлись

естественным продолжением предшествовавших операций, тогда как вариант Ставки оттягивал их назад, уменьшал силу удара в Галиции, т. е. фактически действовал в пользу союзников.

Что касается до выполнения задуманных операций, то здесь мы встречаемся с тремя отдельными ее частями, из которых каждая имеет свои особые черты.

Операция в Августовских лесах имела со стороны немцев все типичные стороны шлиффеновского рецепта, несмотря на то, что в данном случае обстановка наталкивала и на некоторые изменения его, в виде ли направления главного удара за Неман или же в Гродно-Соколковский район, что быстрым перерывом железнодорожного пути серьезно затрудняло не только питание армий фронта, но и переброску войск. Но зато обеспечение операции, где немцы освобождались от гнета рецептуры, было произведено с присущим им искусством. Одновременный удар на Осовец, демонстрация на Ломжу, Остроленку и на левом берегу Вислы, активность, имевшая целью сбить противника с толку, и, наконец, назначение для этого только строго необходимых сил, таковы были отличительные черты по обеспечению главной операции.

Со стороны русских все более и более вырабатывается привычка ускользать от излюбленного маневра немцев, которая не переходит еще к активному против него контрманевру отчасти по вине корпусных командиров, отчасти же по вкоренившейся в мирное время медлительности всех маневров русских войск. При тех крайне неблагоприятных для них условиях, при которых началась и протекала операция в Августовских лесах, немцы на этот раз достигли минимальных результатов, не дойдя даже до Немана.

Ломжинская операция протекала для обеих сторон в одинаковых условиях затыкания опасных мест без ясно выявившейся определенной идеи. Следует отметить одну черту немецкого командования, а именно прекращение боев там, где они начинали приобретать характер затяжной позиционной борьбы, несмотря на обилие тяжелой артиллерии.

На Юго-западном фронте следует отметить с русской стороны одну положительную сторону. Этот фронт не стоял в Галиции на месте во время всей операции. Он по принуждению отступал, но при первой возможности бросался вперед; он все задачи разрешал наступлением не только на словах, но и на деле, хотя и войска и частные начальники прошли одинаковую школу подготовки, как и Северо-западного фронта. Здесь во всех фазисах операции мы видим одну хозяйскую руку, которая твердо вела все части к выполнению одной задачи, не стараясь всюду быть

сильным и все удержать. Здесь не было примера ответа на операцию противника исключительно накладыванием пластыря, но всегда соответствующим смелым контр-маневром. Оперативная идея командования не застывала в одной мертвой форме, а эволюционировалась совместно с изменявшейся обстановкой. Иванов три раза во время зимней операции менял направление главного удара на Карпатах, и все это делалось с даром предвидения ближайшего хода противника. Но ведь и дар предвидения являлся исключительным следствием вдумчивого, основательного и беспристрастного изучения обстановки.

Каковы же результаты месячной, героической по условиям борьбы, работы войск обеих сторон в смысле изменения стратегического положения противников? Я бы сказал никаких, и это в особенности относится к союзникам. Какое-то самоуничтожение живой силы и отчасти технических средств без определенного сдвига с мертвой точки.

Силы сторон перекочевали с центра на фланги и не к выгоде для союзников, так как положение русских в Восточной Пруссии стало крепче, чем было, а на Карпатах были введены в дело без какого-либо успеха вся австрийская и часть германской армий. Участки затяжных боев, а вместе с ними и начала позиционной войны растянулись по всему обширному русскому фронту, оставив для маневра только низовья Немана и Буковину. На левом берегу Вислы русские попрежнему сохранили свой крепкий плацдарм. И в истекшей операции на весы войны легла только серьезная угроза Венгрии, а вслед за ней и Балканскому полуострову. Вопрос о более существенной помощи Австрии стал перед Германией во всем его грозном объеме, а это выдвигало и другой вопрос—против кого же направить в летнюю кампанию главный удар. Начинается серьезная борьба идей Шлиффена и старого Мольтке, с одной стороны, и Гинденбурга и Людендорфа, с другой. Борьба, как увидим ниже, кончилась в пользу Востока, что дало Франции и Англии год времени на подготовку вооруженной мощи их стран для грядущего полного порабощения Германии.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Летняя кампания 1915 года. Горлица, Перемышль, Львов.

Общее положение к весне 1915 года. Планы и подготовка союзников. Заключение. Планы русского командования. Ход операции. Прорыв у Горлицы. Борьба за Сан и Перемышль. Работа мысли русского командования. Борьба за Львов. Заключение.

Общее положение к весне 1915 года.

Кончилось „затишье“ 1914—1915 годов, которое таковым оказалось только для французского театра. Вся австрийская, значительная часть германской и вся русская армии, за исключением нескольких корпусов левого берега Вислы, выдержали длительные зимние операции в особо тяжелых местных климатических условиях. Наступало второе лето войны, и вместе с тем боевые действия должны были, естественно, развиться с наибольшей интенсивностью при обстановке, значительно отличавшейся от кампании 1914 года. За истекшее время война расширилась в пространстве и во многом изменила совершенно свой облик.

Оптимистические надежды на скоротечность войны канули в Лету. Нерешительные результаты бывших операций показали, что столкнулись две равнозначащие силы, что немцам не удалось кончить войну с одного налета, что она приобретает длительный характер—характер блокады и экономического истощения. И в этом отношении положение центральных держав, отрезанных от своих колоний и почти всех нейтральных стран, лишенных морских сообщений и предоставленных исключительно своим собственным средствам, грозило им в грядущей борьбе на истощение почти верной гибелью.

Разорвать тем или иным способом кольцо экономического окружения или покончить войну мощным ударом в то время, когда средства их не истощены, таков был у центральных держав выбор в постановке задач на ближайший период войны.

Ясно определившаяся неудача шлиффеновского плана войны ставила перед австро-германцами вопрос о выработке

дальнейшей линии своего поведения. Использовать ли наступающим летом все свои еще мощные превосходившие англо-французов силы и средства для того, чтобы окончательно их разбить, что при новых условиях позиционной войны являлось делом более сложным и трудным; использовать ли все свои силы против России, чтобы, выведя ее из строя, обеспечить свой тыл и приток необходимых средств; искать ли новых путей, чтобы, не добиваясь сразу таких решительных результатов, обеспечить себе более выгодные условия при предстоявшей длительной борьбе на истощение,—вот те вопросы, которые должны были волновать германское военное командование, а среди них приобретало весьма важное значение положение Балканского полуострова.

Вовлечение в ноябре 1914 года Турции в войну на стороне центральных держав было большой их победой. Этим не только уничтожался единственный путь относительно удобного сообщения России с ее союзниками, но немцы получали охватывающую базу для своей дипломатической борьбы на Балканском полуострове и для военной борьбы с Сербией. Победоносная Австрия с севера и воюющая Турция с юга окружали бы кольцом Болгарию и Румынию и могли воздействовать на линию дальнейшего поведения этих колеблющихся сторон.

А между тем вовлечение Балканских государств в орбиту центральных держав было бы для них единственным средством разорвать кольцо блокады, если бы пришлось отказаться от громового удара на Россию или Францию, или если бы эти удары не достигли цели. С этой точки зрения необходимо было иметь, если не победоносную, то, по крайней мере, крепкую Австрию. Как следствие такого положения Балкан, политическая борьба там достигла своего апогея, что вело к чрезмерному вздуванию маленькими народцами этого полуострова себе цены.

Политическая борьба между воюющими сторонами шла и в Италии. Привлечение ее к участию в войне на стороне Антанты имело преимущественное значение для западных держав, и оно было достигнуто в апреле 1915 года отчасти путем экономического на нее воздействия, а отчасти щедрыми подачками, обещанными ей англо-французами большей частью за счет интересов славянских народностей. Для России выступление Италии имело значение только в смысле отвлечения от ее фронта части австрийских сил.

Не менее изменилось положение и в чисто военном отношении.

Французский театр оделся в сплошную броню временных укрепленных позиций, достигших благодаря длительному затишью и богатому применению техники таких размеров,

которые делали неприменимыми существовавшие доныне приемы полевой войны; они переносили ее в область техники, к широчайшему изготовлению которой привлечением для работы всего государства и приступили все воюющие страны, за исключением пока России. Но в 1915 году Германия в этом отношении занимала еще первое место и была сильнее своих врагов.

Вслед за французским театром полосы укрепленных позиций появились и на восточном, но здесь с русской стороны они имели еще характер слабых полевых укреплений без всякого технического оборудования.

На западе авиация из эпизодически-разведывательного средства обратилась в мощный разведывательный и боевой аппарат. Немцы впервые начали применять удушливые газы. Позиционная война ввела в жизнь орудия ближнего разрушения—минометы и бомбометы.

Враждовавшие стороны изыскивали, пока неудачно, способы борьбы при новых условиях.

Самый состав армии совершенно изменил свой облик. Громаднейшие потери современной войны вывели из строя значительную часть их кадрового и командного состава, что в особенности относится к русской армии, которая весь предшествовавший период войны вела исключительно на своих кадрах. Армии приняли облик милиционный, а во Франции к тому же и цветной. В наилучшем положении оказалась Германия, военная подготовка народа которой и отличная организация мало чем изменили качества ее армии. В худшем положении находилась русская армия, получавшая пополнения нерегулярно, плохо обученными и часто невооруженными. Англия начала принимать героические меры для того, чтобы получить сильную армию по европейскому образцу.

Вопрос о пополнении огнестрельных припасов и снабжении винтовками, тяжелыми орудиями и прочими средствами техники принял в России грозные размеры—фактически для современной войны армия была не вооружена и не снабжена. Обещанная союзниками помощь оказалась мифом.

Таково было общее положение, когда сторонам пришлось решать вопрос о планах летней кампании 1915 года.

Планы и подготовка союзников.

Схема № 25.

Фалькенгайн на 12 страницах своих воспоминаний [1] излагает мотивы, которые побудили его направить главный удар против России, а не против Франции, чем показывает,

[1] Стр. 75—86.

что и после окончания войны он не был совсем уверен в справедливости принятого им решения.

Положение германского командования действительно было весьма трудно. Восточный фронт нельзя было оставить без дальнейшего усиления германскими войсками. А между тем их и без того собралось там очень много. Кроме фронта Гинденбурга, поглотившего их в большой степени, немцы уже израсходовали и весьма внушительные силы для „гальванизации" австрийской армии. На левом берегу Вислы эту роль играла сильная группа Войерша; в Галиции в 4-ю армию была вдвинута дивизия Бессера; в Бескидах поколебленный фронт 3-й армии был только что подкреплен сильным корпусом, вернее армией, Марвица; восточнее Мункача находилась южная армия Линзингена и в Буковине—кавалерия Маршаля. Но, несмотря на такое обилие германских войск, успехи русских развалили австрийскую армию и угрожали ее фронту в той степени, „которая в дальнейшем становилась невыносимой".

Фалькенгайну предстояло или бросить своих союзников на произвол судьбы, что вело к несомненному выходу Австрии из войны и полной гибели для Германии Балканского полуострова, или оказать им существенную поддержку, что совершенно раздваивало германские силы между обоими театрами и делало невозможным нанесение решительного удара на французском театре. Если сюда прибавить еще известное уже нам влияние Гинденбурга и существовавшую, по всей вероятности, у Фалькенгайна неуверенность в скорой победе на западе, то навряд ли его можно упрекать в том, что он склонился в пользу нанесения удара на русском театре, даже сознавая, что конечного результата войны этим ударом он не достигнет. У него не был, может быть, только надлежащим образом учтен тот размах организационного таланта и энергии, который англичане проявили в строительстве своей армии, а французы в производстве средств борьбы.

Решив вопрос в пользу русского театра, Фалькенгайн определенно восставал только против повторения излюбленного Гинденбургом двойного охвата крайних флангов; он был также против простой смены австрийских сил немецкими на Карпатах—местности, „непригодной для активного ведения войны". При таких условиях оставался один способ действий,—это рвать фронт русской растянутой линии и притом в таком месте, успех в котором немедленно же отразился бы на положении австрийской армии и в первую очередь освободил бы ее фронт „от тяготевшего над ними гнета". Всем этим условиям соответствовал удар, наносимый по тому или другому берегу Верхней Вислы.

Район правого берега этой реки, выводивший непосредственно на тылы углубившихся в Карпатские проходы русских войск, более соответствовал поставленной себе австро-германским командованием задаче, почему оно на нем и остановилось. Участок русского расположения Горлица—Громник, наиболее выдвинутый вперед, допускавший охват его с флангов и наиболее слабо занятый, лучше всего удовлетворял прорыву в тактическом отношении, почему и был выбран. [1]

Фалькенгайн приписывает идею всего плана себе. По сопоставлению чисел правильнее ее приписать Конраду, так как она входила в число нескольких вариантов, предложенных им германскому командованию. Еще 1-го апреля он просил у Фалькенгайна четыре дивизии для нанесения удара на Горлицу с ограниченной целью облегчения критического положения на Карпатах. Правда, когда предложение встретило сочувствие, то мысль Конрада заработала в более широком масштабе и ему представлялся уже решительный разгром русских армий путем двойного охвата: немцами—на Белосток—Волковыск, с целью угрозы железнодорожным сообщениям русских, и австрийцами южной и 5-й армиями, подкрепленными свежими германскими дивизиями, на сообщения в Галицию, но мы знаем, что Фалькенгайн изверился уже в целебности шлиффеновского рецепта от всяких болезней.

14-го апреля союзным командованием был окончательно установлен план предстоявшей операции, который заключался в прорыве русского фронта между Бескидами и Вислой на участке Горлица—Тарнов, чтобы „опрокинуть его на Карпатах до Лупковского прохода и тем облегчить положение австрийских армий". Одновременно Конраду было предложено отвести войска с Карпат, чтобы втянуть русских в долину и тем успех союзников сделать еще более внушительным, но австрийцы не пошли на это, считаясь с моральной неустойчивостью своих войск.

К предстоявшей операции немцы готовились с особой тщательностью.

Для этого была на западе сформирована 11-я германская армия из 4-х лучших корпусов (Гвард., XLI, X и Свод.), в состав которой австрийцами был включен VI корпус и 11-я дивизия. Во главе армии был поставлен Макензен, как бы специализировавшийся на производстве таранных ударов, при начальнике штаба, столь известном в настоящее время, Секте.

---

[1] Напомним, что Юго-западный фронт еще в декабре поднимал вопрос об оттяжке этого участка назад, но Ставка этого не разрешила.

Кроме того, на французском театре начали подготовляться первые резервы в размере трех дивизий для отправки их на восток.

На снабжение и подготовку этой армии, которая предназначалась для производства собственного прорыва, было обращено особое внимание. Она была в избытке снабжена тяжелой артиллерией,[1] всеми видами еще не имевшей применения на русском театре техники, газовыми баллонами и огнестрельными припасами. Нарочно сформированная на западе, чтобы отвлечь внимание, она там тренировалась в предстоявшей ей работе.

Для достижения полной скрытности во время сосредоточения был принят ряд мер. Неизвестность войскам мест их назначения, широкое использование движения эшелонов в ложных направлениях, обыкновенные размеры воздушной разведки и даже переодевание германских офицеров, производивших рекогносцировки, в австрийскую форму,—таковы главные из них. Но все эти меры не достигли своей цели, и русское командование узнало о сосредоточении достаточно заблаговременно, чтобы своевременно принять меры, если бы оно того пожелало.

С австрийской стороны ближайшее участие в операции должны были принять 4-я армия из 5-ти дивизий и X корпус 3-й армии из 3-х дивизий.

Всего, таким образом, на слабый центр и отчасти левый фланг 3-й русской армии готовились обрушиться 18 пех. дивизий, богато снабженных тяжелой артиллерией и всеми средствами новейшей техники.

Управление предстоявшей операцией пришлось сделать довольно сложным как в виду необходимости щадить австрийское самолюбие, но не выпускать его командования из рук, так и в виду желания устранить Гинденбурга от влияния на ход операции и от возможности срыва задуманного плана. Поэтому прорыв должен был производить Макензен, в руках которого объединялось и командование 4-й австрийской армией, но он сам подчинялся Конраду, который в свою очередь находился под контролем Фалькенгайна, переехавшего в Плесс, на границе с Австрией. Для успокоения Гинденбурга ему было предложено демонстрировать в излюбленном им направлении на Ригу.

Прорыву группе Макензена должны были содействовать отчасти своими демонстрациями, отчасти наступлением почти все германские армии русского театра.

На крайнем севере, между Балтийским морем и Инстербургом, была образована группа Лауенштейна (2-я пех. и 3-я кав. дивизии), которой была

[1] Кроме положенных артиллерийских частей корпусам этой армии было придано 154 тяж. и 12 горн. орудий.

поставлена задача вторжения в Литву и Курляндию и производство рейда для разрушения железных дорог на правом фланге и по возможности в тылу русских. 10-я армия должна была наступать из района Сувалки и 9-я—из района Скерневиц.

Австро-венгерская армия также должна была наступать, при чем 3-я (XIII, XVII, Св. и герм. Марвица корпуса) и 2-я (XIX, VII, IV, XVIII и V корпуса) армии с фронта Бартфельд—Гуменное на фронт, примерно, Кросно—Санок, южная—на Стрый и Пфлянцера по всему фронту.

С 16-го апреля 11-я германская армия начала сосредоточиваться в районе Грибова—Старый Сандец—Райброт—Закличин (см. сх. № 26), при чем австрийские железные дороги довели свою провозоспособность до 56 пар.

Германское верховное командование первоначально конечной целью прорыва ставило достижение линии Сана, предполагая, что наступление итальянцев начнется не ранее июля и позволит вырвать инициативу у русских, оттеснить их и иметь свободу для переброски на итальянский фронт.

22-го апреля Конрад отдал общую директиву для производства операции.

11-й армии указывалось сменить 4-ю австрийскую армию на участке Ропица Р.—Громник, прорвать на этой линии фронт русских и в дальнейшем наступать на восток правым флангом на Змигрод—Дукла—Санок. 4-я армия обеспечивала операцию слева до Вислы, атакуя своим правым флангом высоты между Дунайцем и Бялой, для чего ей придавались две дивизии из 3-й армии. Этой последней прикрывать южный фланг 11-й армии по долине Пржегонина, сосредоточив на своем левом фланге все свободные силы для наступления южнее этой долины. Остальным силам—3-й так же, как 2-й и южной армиям, связать активными действиями противника перед собой.

29-го апреля отдал приказ по своей группе и Макензен.

На фронте намеченного прорыва русские имели три полосы весьма слабо развитых почти полевого характера позиций. Первая из них шла по линии Сойник (восточнее Громника), Сташковка, Подлисе, кладбище Горлицы, Мепцина; вторая—от Тухова на Ольшины, Либуша, Радзеле и третья—по левому берегу Вислоки на Колачице и далее на Цеклин.

11-й германской армии было указано сменить 4-ю австрийскую на участке прорыва. Сводный корпус расположился от Ропице-Р. до Горлицы, XI—до Подлисе, VI австр.—до Сташкова и гвард.—до Громника, т.-е. 4 корпуса занимали фронт в 30 клм., имея на корпус по $7^1/_2$ клм. и один корпус (X) в резерве за центром у Янкова.

Согласно приказу Макензена, 11-я армия должна прорвать русских на фронте Ропице-Руска—Горлица—Сташковка—Ржепенник, с целью развития дальнейшего насту-

пления в направлении Колачице—Змигрод, т. е. с захождением левым плечом вперед. 4-я армия наступает совместно с 11-й для прорыва позиции и выхода на линию Рыглице—Горске (немного южнее Завады), т. е. стягиваясь к правому флангу и оставаясь уступом за левым флангом 11-й армии. На нее возлагалось после прорыва обеспечение левого фланга 11-й армии. Разграничительные линии вперед давались до третьей полосы русских укреплений.

1-го мая после полудня начиналась пристрелка артиллерии, а с утра 2-го мая — усиленный обстрел и атака с часа, который будет сообщен. Задача на 1-й день давалась на прорыв первой полосы русских укреплений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Я более подробно остановился на организации Макензенского прорыва, так как он послужил образцом для всех подобного рода операций в последующие годы войны.

Во всей работе союзного командования по выработке летней операции можно отметить несколько основных черт.

1. Весна 1915 года давала еще немцам возможность по соотношению сил, технической подготовке и качеству их армий не менять основного плана войны и нанести решительное поражение на французском театре или произвести среди англо-французов, по крайней мере, пертурбацию, которая в корне изменила бы их стратегическое положение и не позволила бы им спокойно развивать свои силы и средства для продолжения войны.

Эти действия по линии наибольшего сопротивления потребовали бы, разумеется, от немцев полного напряжения, для чего необходимо было отказаться от авантюр Гинденбурга на русском театре и сократить здесь германские силы до наименьшего предела.

Фалькенгайн не пошел на такой решительный и несколько рискованный шаг, выбрав для удара линию наименьшего сопротивления, в чем коренились и причины окончательного поражения германцев в Мировой войне.

2. Почему же такой здравомыслящий уравновешенный стратег, совершенно не одержимый Гинденбургским ражем „Drang nach Osten“,[1] коренным образом переменил план войны? Ясно выявившееся при сложившейся обстановке первенствующее значение Балканского полуострова и разгром прикрывавшей его Австрии выдвигали перед Германией весьма важный вопрос угрозы в недалеком будущем

[1] „Стремление на Восток“.

ее тылу и стеснения экономической блокады до крайнего предела.

В такое трудное положение, требовавшее коренного пересмотра центральными державами всего плана войны и приведшее для Германии к образованию нового центра для борьбы ее армий, австро-германцы были поставлены победой русских на австрийском и в особенности на галицийском театре.

Узкая и эгоистичная стратегия французов, требовавшая скорейшего движения русских на Берлин, привела к облегчению их фронта, правда, в наиболее решительную минуту войны, на какой-нибудь десяток корпусов; тогда как удар русских в направлении Балканского полуострова, произведенный при всевозможных условиях внешней и внутренней помехи, заставил немцев перенести центр удара на восток. Нужен был печальный опыт 1915 года, чтобы Ставка категорически стала на сторону окончательного разгрома Австрии только осенью этого года, а англо-французы осенью 1916 года, когда фактически этот план был уже невыполним.

Таким образом, именно победы русских в Австрии помогли больше всего французскому театру.

3. Перебрасывая центр тяжести борьбы на восток, Фалькенгайн не имел силы характера сразу придать ему надлежащие размеры перекидыванием с запада необходимого количества войск, что все равно ему пришлось сделать в течение лета, но только мелкими частями. Переоценка активных свойств французской армии может служить тому объяснением, но не оправданием.

4. Все приведенные выше распоряжения австро-германского командования показывают, что первоначальный план состоял в выполнении частной задачи оттеснения русских от Карпат и выравнивания крена на галицийском фронте. Резкий поворот армии Макензена после прорыва на восток вместо того, чтобы быстро углублять прорыв, служит тому одним из доказательств.

5. Весь план операции был построен на нанесении удара в одном направлении или, вернее, даже в одной точке (30 клм.) с последовательным развитием его вправо. Никаких второстепенных ударов серьезного значения, могущих действительно раздвоить внимание русского командования, намечено не было. Все ограничивалось казенными демонстрациями, мало действительными при современных массах войск.

6. Управление операцией было сплетено из такой паутины дипломатических тонкостей, которая еще раз показывает трудное положение полководца, окруженного сетью влияний, самолюбий и эгоистических стремлений.

7. Самый прорыв производился при наличии весьма малых резервов (один X корпус), которые при желании можно было легко увеличить из состава 3-й и 2-й армий. Но австрийским командованием была выдвинута форма одновременного нанесения частных ударов каждой армией. Если можно понять смысл таковых в отношении ударов на Стрый и Станиславов, то серьезные удары на фронте 2-й и 3-й армий никакого значения не имели, ослабляя только количество резервов на главном пункте удара. [1]

8. В технике подготовки операции и нацеливания частей для прорыва замечается использование опыта французского театра. Очевидно, Макензен рассчитывал на русском театре столкнуться с теми же условиями позиционной войны, как и на западе. Поэтому он очень осторожно подходил к атаке примитивно построенных русских укреплений.

На фронт в 30 клм. было нацелено 8 дивизий и 2 в ближайшем резерве, что составляло несколько меньше 4 клм. на дивизию. Удар этот подготавливался и поддерживался огнем 742 орудий, включая сюда и артиллерию корпусов, что составляло на километр фронта 25 орудий. Задачи первого дня были очень ограничены, а именно прорыв первой линии русских позиций. Разграничительные линии вперед дивизиям были даны до третьей полосы укреплений прямо перед собой. Время артиллерийской подготовки—в зависимости от успеха ее. Таковы общие основания техники прорыва Макензена.

Но самое интересное в маневре прорыва была предстоящая перемена фронта армии почти под прямым углом, о чем в предварительных распоряжениях Макензена ничего не сказано.

Планы русского командования.

Схема № 25.

Коренная перемена во взглядах русского верховного главнокомандующего впервые высказалась в директиве от 19-го марта, [2] в которой указывалось, что в будущем имеется в виду Северным фронтом перейти к чисто оборонительным действиям, а Южному предназначается главнейшая задача будущей части кампании. „Общая идея,—поясняла директива,—действовать активно, начиная с левого фланга

---

[1] В 1916 году, во время Луцкого прорыва, Брусилов в точности скопировал схему Горлицкого прорыва с тем же отсутствием резервов в главном направлении в пользу частных ударов каждой армией, что послужило одной из главных причин конечной неудачи его операции.

[2] Основные дела Ставки за март и апрель 1915 года в Военно-Ученом Архиве потеряны, поэтому этот период до 14-го мая автору приходится излагать по имеющимся весьма жидким печатанным источникам.

Юго-западного фронта, подвигаясь в направлении, примерно, к Будапешту и далее в обход всей линии Краков—Познань—Торн". Обещая в будущем „по мере возможности и в зависимости от обстановки" перекинуть часть сил с севера на юг, директива заканчивалась только намеком на политическое значение нового хода, в виде указания на возможность войти в связь с румынской армией, если бы она присоединилась к Антанте.

А между тем, если проследить дипломатическую переписку того времени, то будет видно, что политический клубок и для Антанты завязывался на Балканах. Она к нему относилась менее нервно, чем немцы, так как неудачное разрешение Балканского вопроса ложилось всей тяжестью на Россию, но вопрос о сжатии блокады центральных государств имел значение и для западных держав. Кроме того, в вопросе о властвовании в Константинополе занимал очень видное место в империалистической политике Европы того времени.

Успокоившись за участь Парижа, англо-французы решили в феврале 1915 года использовать свой свободный флот для форсирования Дарданелл. Этим достигалось не только удобное сообщение с Россией, но и соответствующая опора в дипломатическом давлении на Болгарию и Румынию. Дарданелльская экспедиция вызывала необходимость содействия русского флота и особенно десанта со стороны Черного моря. К нему Ставка и готовилась, первоначально определив величину десантного отряда в один корпус. При такой политической комбинации имело естественное значение и направление главного удара именно со стороны Галиции.

На решение верховного главнокомандующего не остались, разумеется, без влияния и разочарование в Наревской операции Рузского—Данилова, где бои принимали затяжной характер, не обещавший в будущем решительных результатов, и настояния Иванова, подкрепленные видимыми успехами его фронта, несмотря на недостаток сил.

Русское верховное командование, спустя почти год после начала войны, и наполовину разочаровавшись в своих союзниках, которые, выжимая соки из русской армии, мало сообразовались не только с русскими, но и с общесоюзными интересами, вернулось к основному плану войны, который вырабатывался еще в мирное время. Таким образом, в то время, когда немцы отказались от своего первоначального плана, русские к нему перешли.

Общая идея операции, насколько ее можно понять из неясных слов директивы Ставки, состояла в грузном захождении всех армий фронта левым плечом вперед, начиная с левофланговой 9-й армии, которая для этой цели не была даже надлежащим образом усилена. Наступление сплошной почти одинаковой силы на всем фронте линии без уплотнения на заходящем фланге и почти без резервов не могло рассчитывать на достижение решительного результата и даже на какой-либо успех общего характера.

Приведенным основным распоряжением, собственно, и исчерпывается вся работа Ставки по выработке плана. Подготовка и выполнение операции базировались на той работе, которую Алексеев вел с декабря 1914 года частным образом для намеченной в то время самостоятельной операции фронта за Карпаты. Никакой заботливости о том, чтобы, ставя вооруженным силам новую цель, произвести необходимый подсчет и группировку сил и подготовить операцию соответственно задуманной грандиозной задаче, мы в работе Ставки не видим. Решили продолжать опера-

цию Иванова, подбавляя ему сил „по возможности, в зависимости от обстоятельств".

Таким образом, работа вновь ложилась на фронты и теперь, когда во главе их стояли Иванов и Алексеев, казалось бы, разногласий между фронтами ожидать нельзя. Но на деле вышло иное: разногласия продолжались, хотя и не в форме вставления палок в колеса друг другу.

Чтобы познакомиться с подготовкой к операции с русской стороны, нам необходимо затронуть в кратких чертах переписку за этот период времени между фронтами и Ставкой, но предварительно остановимся на расположении русских армий к концу марта—начала апреля, которое после ряда мелких перегруппировок было, как указано на схеме № 25.

Северо-западный фронт.

По побережью Балтийского моря, от Виндавы до Немана, были разбросаны отдельные мелкие отряды, преимущественно состоявшие из второочередных частей, ополчения и пограничной стражи (3 бат. и 2 сот.—на Виндавском направлении, 3½ бат. и 1½ с.—на Либавском и 4 бат. с 7 сот.—на Мемельском); на направлении Таурроген—Шавли—отряд Апухтина (11 бат. и дружин, 5 пех. и 14 коп. сот.).

Восточную Пруссию огибали 10-я, 12-я и 1-я армии.

На левом берегу Вислы—2-я и 5-я армии (слабого состава), по Бзуре и Равке до Пилицы.

III Кавк., XIX и XV корпуса находились в передвижении.

Юго-западный фронт.

4-я армия—от Пилицы до верховьев Ниды, по Ниде до Вислы.

3-я армия—по Дунайцу до Войнича и далее к югу на Горлице и Мепцину.

Остальные части 3-й армии, ведя совместно с 8-й бои в Карпатах, медленно продвигались вперед.

На левом фланге 8-й армии положение было более серьезное: на Самборском направлении VII корпус отошел почти до Турка, а на Стрыйском — XXII вел бои на фронте Козювка—Славско и Альфтан у Людвиновки.

9-я армия прикрывала долины Ломницы и Быстрицы и занимала линию Сливки — Марковце и далее до Днестра у Одое. Конница прикрывала Днестр до румынской границы.

После взятия Перемышля 3-я армия была усилена из блокадной армии (11-й) XXIX и 8-я XXVIII корпусами. Это дало возможность правому флангу и центру продвинуться несколько вперед. К востоку от Ужока XXII корпус вел упорные бои у Козювки до 26-го апреля, когда ключ позиции был взят немцами и бои затихли.

В это же время вместо Алексеева был назначен Драгомиров (Владимир), человек способный, с боевой, штабной и строевой практикой, но меньше, чем Алексеев, знакомый со всей сложной техникой ведения такой громоздкой машины, как штаб фронта, не пользовавшийся большим авторитетом ни у Иванова, ни у войск и к тому же весьма нервный. Роль Иванова в деле управления фронтом вышла на первое место. Когда разразилась горлицкая катастрофа, Драгомиров был вскоре смещен в виду настоятельно выраженного им мнения о необходимости скорейшего отхода за Сан, что было противно мыслям Ставки и Иванова. После Драгомирова начальники штаба фронта быстро менялись, и руководящая роль еще более совмещалась в одной личности Иванова.

В первой самостоятельной директиве Иванова от 25-го марта,[1] отданной

[1] 12 (25)-го марта № 3839.

после взятия Перемышля, уже можно видеть залог последовавшей катастрофы. „Западный фронт 3-й армии, — писалось в ней, — ныне еще более уменьшает свое значение, так как противник не имеет здесь важной реальной цели действий". А между тем одного взгляда на карту было достаточно, чтобы увидеть, что именно этот участок был ближайшим и удобнейшим для излюбленного германского маневра по тылам и в данном случае по тылам втянувшихся в Карпаты русских армий.

Напротив, Иванов предполагал по данным разведки, что австрийцы сосредоточивают свои войска на крайний правый фланг, и он решил предпринять контр-маневр „против левого фланга и тыла неприятельских сил, действующих против 9-й армии". Оставив в силе прежнюю идею нанесения главного удара внутренними флангами 3-й и 8-й армий, Иванов указывает „способ исполнения" иной и до того сложный по замыслу и путанный по изложению, что для автора он является не совсем ясным, почему он и приводит его в подлинных выражениях.

„8-я армия должна прорвать центр неприятельского расположения и поставить себе целью развернуть свои силы на фронт Чап—Ужгород—Турка, чтобы отсюда развить последующий удар на Сатмар-Немет — Хуст" для действия по тылам противника. Что предполагал автор директивы, отдавая такое распоряжение? Развернуть ли главные силы 8-й армии вдоль по горному дефиле, лицом к горам, фронтом на юго-восток и подставленным правым флангом под удары с Венгерской долины и с единственной коммуникацией вдоль фронта, или же он предполагал, что 8-я армия спустится в долину и там уже сделает захождение для наступления на фронт Сатмар-Немет—Хуст По смыслу выражений директивы 8-я армия именно должна была наступать с фронта Чап—Ужгород—Турка на фронт Сатмар-Немет—Хуст. И если это так, то читатель по достоинству оценит всю оригинальность подобного маневра в недрах Карпат, о существовании которых командование фронтом, видимо, забыло.

„3-я армия всеми мерами содействует 8-й, настойчиво развивает свой успех, усиливает свое левое крыло, продвигает его на Гуменное, чтобы занять линию Варанно-Над—Михаль-Чап". Таким образом, если бы армии выполнили данные им задачи, то получилось бы построение в виде острого угла у Чапа, при чем армии тылами были бы направлены друг к другу, а вершиной в Венгерскую долину. [1]

Построение настолько странное, что автор готов признать, что он не понял всего смысла двух абзацев директивы Иванова, помещенных подлинными словами в кавычках, и в одном этом уже заключается весь ужас подобной ясности отдаваемых распоряжений.

Указанная разграничительная линия между 3-й и 8-й армиями Воля Михова—Смольник—Сина—Капош не помогли ему уяснить настоящую мысль директивы.

Она, понимаемая, как расширение прорванного фронта, могла бы иметь некоторый смысл на местности обыкновенной, но не в недрах первоклассного горного хребта.

9-й армии временно ставилась задача оборонительная и только высказывалось желание „упрочить свое положение на левом фланге для последующего охватывающего движения от Залещик".

Таковы были первоначальные распоряжения Иванова после передачи в его руки главной роли на русском театре.

После небольшого продвижения в центре, наступление русских войск приостановилось, при чем было обнаружено усиление противника. Иванов просил в добавление к перекидываемому ему уже III Кавк. корпусу направить еще подкреплений, пополнений и огнестрельных припасов. Но за это короткое время Ставка заколебалась, и это отразилось на усилении фронта. Чтобы понять причину колебания, нам надо обратиться на север.

Первоначальная задача была поставлена Алексееву, по вступлении в командование фронтом, строго оборонительная. Беспрекословно выделив

[1] Эта директива помещена у Незнамова „Стратег. очерк", ч. 4, стр. 4—5.

в распоряжение Иванова III Кавк. корпус, Алексеев запиской от 6-го апреля [1] высказывал соображения об общем плане действий.

Напомним, что еще в декабре он стоял за нанесение главного удара на левом берегу Вислы, и только, после замолчания его мнения Ставкой, стал на сторону Иванова относительно частной операции на Карпатах.

Теперь он вновь указывал, что основной задачей оставался разгром германской армии, но основной операционной линией на Берлин на этот раз считал сеть путей от Варшавы.

В результате он предлагал ответить немцам на их переброску войск в Венгрию контр-маневром на левом берегу Вислы, совместно с немедленной переброской войск за Карпаты.

В этой записке Алексеева нельзя не видеть некоторой двойственности. Первоначально он считал возможным для русских армий выполнение только одной широкой наступательной задачи, а теперь он возлагал на них две; первоначально он предпочитал на левом берегу Вислы удар от Петрокова и опасался такового от Варшавы; в последней же записке стал на сторону Варшавского направления. Но, что подкупает в записке Алексеева, — это всегдашняя погоня за широкой активностью.

Мы хорошо уже знакомы со Ставкой, чтобы после этой записки понять новые ее колебания.

12-го апреля, т. е. за 18 дней до начала операции, Ставка получила агентурные сведения о переброске немцев в Галицию с совершенно правильным указанием и пункта нанесения ими главного удара. Она реагировала на это требованием от Алексеева себе в резерв еще одного корпуса.

Вопрос о выступлении Италии вновь положил предел колебаниям Ставки. На этот раз она твердо стала на сторону похода на Будапешт и 27-го апреля подтвердила Алексееву [2] строго оборонительный образ действий, запретила ему думать даже о коротком ударе в Восточную Пруссию и потребовала на усиление Карпатского фронта одну пехотную дивизию.

В этот же день немцы начали свою операцию сильной демонстрацией в Риго-Шавельском районе.

Такова была подготовка русских к одной из труднейших операций в виде направления главного удара от крайнего фланга длиннейшего фронта через первоклассный горный хребет.

Автор неправильно выразился, употребив слово подготовка. Было принято решение вполне, может быть, обоснованное, и только. О какой-нибудь подготовке говорить, собственно, и не приходится. Возложив выполнение столь важной задачи на полководца, весь военный багаж которого должен был в течение года войны выявиться, с захлебнувшейся уже армией, с совершенно расстроенными тылами, Ставка все свое участие ограничивала только последовательным подкидыванием ему то корпуса, то дивизии, то 8 батальонов.

Я не подвожу итога работы русского командования, так как он выявляется сам собою из предшествовавшего изложения.

Ход операции.

27-го апреля союзники начали свою операцию наступлением отряда Лауенштейна в Риго-Шавельский район тремя колоннами. Разбросанные слабые отряды русских, объединенные в руках Сирелиуса и подчиненные 10-й армии, быстро отступали. Ко 2-му мая они отошли к Митаве и Бауску, в то время как подошедшие от Немана 2-я и 3-я

[1] Незнамов, стр. 11—12 и Бонч-Бруевич, стр. 84.
[2] Янушкевич Алексееву 14 (27)-го апреля. Незнамов, стр. 23.

кав. дивизии заняли Кейданы, а 56-я и 68-я пех. дивизии расположились по реке Дубиссе.

Немцы 8-го мая взяли при помощи флота не обороняемую Либаву, подошли своей кавалерией к Митаве, направив пехоту на Шавли (заняли 30-го апреля) и к реке Дубиссе. На этой последней бои продолжались в течение всего мая и кончились отходом немцев и необходимостью усилить отряд Лауенштейна еще 2-мя пех. и 2-мя кав. дивизиями. Из ожидаемого широкого рейда в тыл на русские железные дороги ничего не вышло.

Но и Алексееву пришлось начать переброску сюда войск.

Две кав. дивизии были с Наревского направления направлены в Ковно в виду угрозы охвата немецкой кавалерией правого фланга 10-й армии, 38-я див. (XIX корпус)— в Митаву и бригада из 10-й армии—на Дубиссу.

Таким образом, обеими сторонами начинается последовательное накапливание в Риго-Шавельском районе внушительных сил. Одновременно начались демонстрации во многих местах германского фронта, включая бомбардировку Осовца и газовую атаку в районе Болимова. Никакого реального результата эти демонстрации не дали.

Прорыв у Горлицы 1-го—14-го мая.

Схема № 26.

С 30-го апреля начались операции союзников против 3-й армии, характеризующиеся, с одной стороны, неожиданным прорывом немецким кулаком у Горлицы русского жидкого фронта, а с другой — полным неуяснением себе Ставкой общей картины и совершенно не подходившим к обстановке желанием ликвидировать прорыв, не нарушая положения соседних армий и не отказываясь от общей идеи наступления на Будапешт. Это повело к бесцельному истреблению 3-й армии, к переживанию ряда кризисов 8-й и закончилось, примерно, 14-го мая принятием решения отойти за Сан и выходом 8-й армии из ее критического положения в Карпатах.

27-го—28-го апреля командование 3-й русской армией не только имело достаточные сведения о сосредоточении армии Макензена, но и точно знало день атаки. Однако, высшее командование не придало полученным известиям надлежащего значения и направило в район 3-й армии только III Кавк. корпус (вечером 3-го мая у Кросно) и бригаду 37-й дивизии (3-го мая у Старо-Място).

1-го мая дивизия 4-й австрийской армии сбила у устьев Дунайца русских ополченцев и приостановилась. Этим и переходом Бялы южнее Тарнова IX корпусом ограничился

весь успех 4-й армии, так как в будущем она только очень медленно тянулась своим правым флангом за 11-й армией.

2-го мая, после жесточайшей артиллерийской подготовки, которая смела русские примитивные укрепления, армия Макензена, отбив на своем правом фланге и в центре две контр-атаки, заняла первую линию русских окопов.

Неожиданное[1] упорное сопротивление русских потребовало уже 3-го мая ввода в дело X корпуса (последнего резерва) и посылки с французского театра еще одной дивизии. Дальнейшее продвижение Макензена было замедлено 4-го мая контр-атакой III Кавк. корпуса с фронта Иодлово—Колачице, которая, хотя и была отбита, потребовала перегруппировки левофлангового Гвардейского корпуса с целью образования резервов за левым флангом. Поставленная 11-й армии на этот день задача достигнуть р. Вислоки не была ею выполнена. В результате боев армия за три дня углубилась в русское расположение всего на 16 клм. (Продвижение 11 герм. арм. по дням показано на схеме № 26).

Из начальствующих лиц русского фронта Радко-Дмитриев (командарм 3) и Драгомиров[2] сознавали необходимость скорейшего отхода армии, чтобы избежать при отсутствии резервов стихийного отскока; Ставка же и Иванов стояли за необходимость не срывать операции в Венгрии и только спорили о том, какой корпус послать на помощь 3-й армии. Спор был разрешен направлением к месту прорыва с Северного фронта 13-й Сиб. стр. дивизии.

Столь медленное продвижение немцев, вызванное упорством X русского корпуса, дорого ему обошлось; от него осталось 4—5 тыс. человек. Кроме того, командование жаловалось на полный недостаток огнестрельных припасов.

Наступление Макензена не ставило еще весь фронт в тяжелое положение и могло бы быть ликвидировано или задержано, если бы к месту прорыва были сразу брошены резервы (за три истекших дня они могли подойти на 80—90 клм.) Ввод в дело III Кавк. корпуса и отсутствие свежих резервов, о которых все еще спорили, заставило Иванова согласиться на отход 3-й армии к Вислоке с зада-

---

[1] По свидетельству иностранных источников.

[2] Из рецензии С. К. Добророльского (начальника штаба Радко-Дмитриева): „Нельзя не упомянуть также при исследовании причин пассивности 3-й армии перед очевидным за две недели до начала ударом Макензена о крайне ненормальных отношениях, которые создались между Радко-Дмитриевым и Драгомировым. При этом крупное значение сыграло то обстоятельство, что Радко-Дмитриев был чужой, был пришелец, и, сознавая это, он не имел достаточно силы воли, чтобы так или иначе выйти из ненормального положения полной личной изолированности".

чей на 4-е мая удерживать линию этой реки от Пильзно до Мисково, а к северу до Щучина, что позволяло еще не изменять положения 8-й и 4-й армий. Только в крайности допускался отход на линию р. Вислоки от устья до Бржезницы и далее на Кросно—Беске—Выдраны.

Драгомиров считал такое решение по состоянию 3-й армии невыполнимым и предлагал немедленный отвод ее за Сан до Перемышля, с соответствующим отводом 4-й армии на укрепленную позицию от Ново-Място на Илжу и Юзефов и далее по Висле до Сана, а 8-й от Перемышля до Завадки. 11-я оставалась на своем месте, а 9-я переходила своим левым флангом в наступление, чтобы упрочить общее положение.

Но Ставка на этот именно раз была очень настойчива в своем решении и „не допускала возможности отхода 3-й армии восточнее линии реки Вислоки", хотя левый фланг этой армии, теснимый с фронта австрийцами (3-я их армия) и угрожаемый с тыла немцами, с трудом выходил из Карпатских дефиле, при чем 48-я дивизия XXIV корпуса вывела из гор только 8 баталионов и 14 орудий.

Требование Ставки было исполнено распоряжением фронта, отданным 6-го мая 3-й армии—„перейти в наступление и чем скорее, тем лучше". Радко-Дмитриев мог это исполнить только XXI корпусом, выведенным им в резерв. На крайнем левом фланге фронта 9-я армия перешла в наступление по обоим берегам Днестра (XXX и XXXIII корпуса).

Союзное командование также переживало критическую минуту. Выступление Италии на стороне Антанты сделалось несомненным фактом; назревал вопрос об образовании нового театра. Союзное командование решило против Италии временно обороняться, перекинув туда два корпуса с сербского театра, а в Галиции продолжать наступление с целью достигнуть Сана. 4-я и 11-я армии должны были наступать севернее Перемышля, 3-я—на западный и южный его фронты, а 2-я и южная—на Днестр, с целью облегчить положение правофланговой 7-й (бывш. Пфлянцера, а потом 5-я) армии, сильно теснимой 9-й русской армией.

На 5-е число Макензен поставил 11-й армии задачу начать захождение левым плечом и наступать на Дукла—Рувка—Кросно, что поставило бы XXIV русский корпус в совершенно критическое положение, но она в этот день не выполнила своей задачи. К вечеру 5-го мая фронт 4-й и 11-й армий тянулся только от Тарнова на Пильзно и далее по Вислоке до Змигрода. Левый фланг 3-й армии вышел в этот день к Кремпне (XVII корпус) и Яслиске (VII корп.).

6-го мая фронт русских тянулся от устья Ниды до Выдраны. Положение правофланговых корпусов 3-й армии,

IX и X, было прочно, так как главный удар немцев (11-я армия) развивался против центра и левого фланга армии к югу от Иодлово. Здесь положение III Кавк., XXIV и XII корпусов, атакованных всей 11-й и большей частью 3-й армиями, было весьма тяжелое.

III Кавк. корпус начал отступать на фронт Велеполе—Стришов—Лутча. Чтобы спасти положение, Радко-Дмитриев бросил в контр-атаку с фронта Ясионов—Беско выведенный им в резерв XXI корпус, что не спасло его армию от необходимости отойти на линию Щучин—Велеполе—Лутча—Буковска.

11-я германская армия, сворачиваясь уже в походные колонны, достигла 7-го мая линии Фриштак—Кросно—Римунов, а левый фланг 3-й австрийской—Дукла и Яслиска. Для дальнейшего наступления армиям были указаны полосы: для 4-й—между Вислой и Ржешувом, для 11-й—между Фриштак—Тычина и Заршин—Мржиглод с целью запереть выход из Карпат; 3-я направлялась на Заршин—Санок.

Глубина наступления Макензена достигла за 6 дней 40 клм., приведя исключительно к оттеснению русских армий не действиями против их тылов и флангов, а только угрозой им. И, если русским корпусам приходилось переживать тяжелые минуты, то исключительно в виду колебания высшего командования своевременно начать отход из Карпат.

Только 10-го мая Ставка решила признать свершившийся в Галиции факт и поставила фронту новую задачу—„отстоять завоеванную нами часть Галиции, пользуясь для этого, как крайним восточным рубежом, оборонительными линиями Сана и Днестра".

Решение запоздалое, так как 3-я армия сама отходила к Сану, а 8-я, получив только 8-го разрешение начать отход из Карпат, совершила таковой уже форсированным порядком под сильным натиском австрийцев.

На схеме № 26 показан последовательный отход 8-й и общий фронт армий Юго-западного фронта к 14-му мая.

9-я армия развивала свое удачное наступление на фронт Коломыя—Надворная.

Ставка для усиления фронта Иванова направила от Алексеева с Сев.-Зап. фронта XV и из Одессы, предназначенный для десанта, V Кавк. корпуса.

Австро-германцы продолжали следовать за русскими, совершая чуть ли не каждый день перегруппировки, что показывает отсутствие у них в данном случае определенной идеи дальнейшего развития операции. Отправив две дивизии на помощь 4-й австрийской армии и потребовав с фронта Гинденбурга две дивизии, Макензен 13-го числа занял своими корпусами район Красичин— Свентонюва, имея X корпус в резерве Ланцута.

Первый акт операции кончился. Сторонам было необходимо ставить себе новые задачи.

Макензенский прорыв был в оперативном отношении построен совершенно на тех же основаниях, как и Лодзинский. Тот же бросок против слабейшей части русского фронта, с целью дальнейшего поворота потом, для действия по тылам соседних русских частей. Но хоть силы, предназначенные на этот раз для удара, были во много раз более мощны, а фронт прорыва равнялся только 30 клм., действия Макензена отличались большой медлительностью.

Если в первый день атаки это можно было объяснить опасением встретить укрепленные полосы такой же силы, как во Франции, то уже 2-го мая он мог убедиться в самом примитивном их устройстве. А между тем медлительность действий Макензена продолжается до 14-го мая; мы с ней встретимся и позднее. Замечается также опасение его направить часть сил в тыл Карпатской группы, как он это сделал под Лодзью с XXV корпусом. Можно отметить только весьма осторожные зачатки этого маневра. Вообще Макензен был не тот, да и войска его не те, так как чуть ли не каждый день войска не выполняли даже тех скромных задач, которые он им ставил. Правда, 3-я русская армия действовала несравненно лучше, чем 2-я под Лодзью, но перевес немецких сил был чересчур велик, чтобы серьезное сопротивление наличных сил русских могло бы оказать действительное влияние на медленность Макензена. Причину таковой я склонен видеть в печальном опыте Лодзинской операции; он боялся русского контр-удара, хотя именно Галиция в отличие от Варшавы не представляла для него опасности в быстрой перегруппировке русских войск. Здесь он имел все основания действовать гораздо смелее.

В отношении русских, прибавить к сказанному выше нечего—Ставка ни в чем не изменила присущего ей поведения.

Борьба за Сан и Перемышль.

Следующий период операции сконцентрировался в борьбе за Сан и Перемышль, которая потребовала свыше трех недель времени и полного напряжения союзных сил.

К 14-му мая 3-я русская армия с очень перепутанными дивизиями в корпусах собралась без натиска со стороны противника на Сане, от Развадува до Лезахова, на правом и далее до Журавцы на левом берегу реки.

8-я армия, выйдя из Карпат, и 11-я заняли линию Седлиска—Сусулов, Волоща—Крековице; 9-я армия, развивая свой успех, взяла Надворную и Снятынь и подходила к Чернов-

цам. В районе Рава-Русская—Любачув—Краковец собирался резерв из 3 дивизий, присылаемых Ставкой.

Дальнейшая задача фронта оставалась прежняя, т.-е. удерживать в своих руках Галицию, развивая энергичный удар левым флангом. С этой целью 4-й армии [1] (XIV, XVI, Грен., XXV и XXXI корпуса) указывалось задерживаться на линии Высмержица—Копрживница (или Сандомир)—Развадув; 3-й, 8-й и 11-й армиям—на занимаемых ими позициях, а 9-й давалась широкая задача утвердиться в районах Делятыня, Яблонна, Коссов, Куты, Черновцы, Сторожинец, очистив Буковину от противника до линии Ворохта—Сипот Приват—Радоуц [2], без предоставления ей необходимых средств.

Со стороны австро-германцев 4-я армия подошла к линии Тарнобржег, Развадув и западный берег Сана, до Лежайска, только 18-го мая; лишь правый ее фланг, который тянулся за 11-й армией, подошел к Сану, между Лежайском и Сенявой, 14-го числа. 3-я армия подошла с юга к фортам Перемышля, а остальные—далее на юго-восток в соприкосновении с русскими войсками.

Макензен поставил очередной задачей завладеть восточным берегом Сана и укрепиться на нем. Во исполнение этого на 14-е мая он указал Сводн. корпусу прикрывать армию со стороны Перемышля, XLI наступать на Радымно, VI и Гвард.—на Ярослав и X—на Монастерж, прикрываясь со стороны Сенявы.

Это повело к трехдневному бою частей XXIV русского корпуса с двумя германскими, поддержанными многочисленной тяжелой артиллерией, и к занятию немцами 16-го мая Ярослава. X корпусу также удалось переправиться передовыми частями на правый берег у Везовницы, но все остальные атаки Макензена и 3-й армии были отбиты так же, как и на всем фронте прочих армий.

Русские (XXIV и часть III Кавк. корп.) отошли на атакованном участке по Любачевке до Радова и далее на юг до Ветлин.

Образовавшееся вдавливание фронта заставило Иванова передать 16-го числа XXI и XII корпуса в 8-ю армию и приказать ей перейти не менее, как двумя дивизиями, в контр-атаку из Перемышля во фланг Сводному и XLI германским корпусам, которые упорно атаковали XXI и XII корпуса в направлении на Радымно—Перемышль, но небольшой нажим австрийцев на Гусакув заставил его отказаться от этой контр-атаки.

---

[1] Директива Иванова 1 (14)-го мая № 6192. В.-Уч. Арх., д. № 437, стр. 6
[2] Тоже 2 (15)-го мая № 6224. Там же, стр. 20.

Кризис на Сане для союзников затягивался, а, между тем, объявление Италией войны заставляло их торопиться стать прочной ногой на этой реке, чтобы выделить хоть незначительные австрийские силы на новый фронт.

Это заставило Макензена рвать русский фронт в двух пунктах—между Любачевкой и Сенявой (правый фланг 4-й армии и X герман. корпус) и у Радымно.

Первое им удалось 18-го числа, и III Кавк. корпус отошел здесь на фронт Циганы—Тварды—Быки, что наделало большой переполох, так как XXIV корпус отошел 19-го к Молодыч и между ними образовался небольшой разрыв. Но немцы не воспользовались тем, что открытый промежуток был занят только кавалерией, и лишь 26-го мая подошли к Радаве.

Неудачи отдельных попыток корпусов оттеснить русских и завладеть левым берегом реки заставили Макензена объединить всю операцию в своих руках. Он поставил армии задачу рвать фронт противника с линии Кашице—Маковиско (Мацковице) в направлении на Буцов и вдоль южного берега реки Скло, имея дальнейшей целью облегчить выходом на сообщения Перемышля продвижение 3-й и 2-й армий.

Главный удар должны были нанести Сводн. XLI и корпуса, поддержанные VI и Гвард.; австрийцы должны были прикрывать операцию с севера, удерживая укрепления Сенявы. Одновременно ими была сделана неудачная попытка атаковать на левом фланге Сандомир.

С 22-го австро-германцы после длительной перегруппировки начали подготовку атаки сосредоточенным огнем своей мощной тяжелой артиллерии и медленно продвигаться на Радымно, сдерживаемые XXI и XII корпусами, и отчасти от Ярослава к Любачевке. Южнее Радымно австро-германцы продвинуться не могли. Только 26-го мая им удалось утвердиться у Радымно на восточном берегу реки, но одновременно правый фланг их 4-й армии понес сильное поражение у Сенявы от контр-наступления левофланговых частей 3-й армии. Удар этот, не являвшийся следствием выполнения общей идеи операции фронта, каковой командованиесобственно и не имело, послужил только к замедлению развития действий под Перемышлем.

26-го мая правый фланг 8-й армии, отойдя от Сана, занял фронт Молодыч—Млыны—Медыка и далее по старой линии. Немцы, задерживая русских к северу от Млыны, двинули корпуса VI, XLI и Сводн. в юго-восточном направлении между рекой Вишней и Буцовым с целью припереть XII корпус к Перемышлю, обойти его с востока и, соединясь с тщетно пробивавшейся на север у Гусакува и Лушкова 3-й австр. армией, окружить их бывшую крепость.

При таком положении сторон, русским приходилось окончательно решить вопрос о Перемышле, очищение которого было поставлено на очередь еще 20-го мая и последовательно откладывалось, благодаря медленно развивавшимся успехам немцев. Под прикрытием контр-атак XII корпуса у Накло и сильных боев VIII у Гусакува, Перемышль был эвакуирован, и русские войска отошли здесь 3-го июня на линию Старжава—Гусакув.

В это же время правый фланг 3-й русской армии, усиленный переброшенным с Северного фронта XV корпусом, и левый—4-й нанесли серьезное поражение левому флангу 4-й австрийской армии у Тарнобржеги. Эта победа, не развитая благодаря отсутствию резервов в наступательную операцию, привела только к частным перегруппировкам союзников с целью усиления 4-й армии.

На левом фланге усилился натиск австро-германцев на 11-ю армию на Стрыйском и Долинском направлениях, что повело к отходу 5-го июня на фронт Калуш—Журавно и к переброске на Жидачев частей XXIII корпуса для восстановления здесь положения.

9-я армия, форсировав Прут, развивала свое наступление на Делатынь.

Следует отметить, что, несмотря на видимые успехи австро-германцев, именно в эти дни успеха замечался сильный моральный гнет и развал в австрийских войсках. [1] Как близка, таким образом, была полная гибель этой армии, если бы ей не было дано полгода передышки.

По донесениям фронта в Ставку можно составить себе представление о полной небоеспособности русских войск. Между тем самая длительность борьбы на Сане и на подступах к Перемышлю и трудность, с которой союзники достигли здесь успеха, подтверждаемая всеми иностранными источниками, могут свидетельствовать не об отсутствии боеспособности войск, а только о моральной неустойчивости русского высшего командования.

Работа мысли русского командования.

Схема № 26.

В то время, когда русские армии держались на Сане и у Перемышля, выполняя данную задачу отстаивать каждую пядь Галицийской земли, высшее их командование в лице Ставки и фронтов вело длительные переговоры о том, как противодействовать совершавшимся событиям и отстоять Галицию.

---

[1] По свидетельству иностранных источников.

В этих переговорах было много оперативных мыслей, по существу, может быть, и весьма разумных, но задуманных с большим опозданием, а, главное, ни разу не доведенных до конца, в виду постоянных несогласий в мнениях и традиционных колебаний Ставки. Все эти разговоры имели в отношении хода совершавшихся событий чисто академический характер, почему я познакомлю с ними читателя в самых кратких словах.

Еще 19-го мая [1] Алексеев, от которого все брали и брали войска к Иванову, высказал мысль о бесцельности последовательного подпирания Иванова корпусами с тыла и предлагал собрать вместо этого кулак в районе Сандомир—Тарнобржег и ударом во фланг остановить развитие союзниками стратегического прорыва русского фронта. Данилову [2] эта мысль понравилась, но его оборонительные тенденции были более склонны к образованию такого кулака в районе Рава-Русская и Томашев, в виде опоры „для маневра, если мы будем принуждены откинуть фланги 3-й и 8-й армий назад". Эту перегруппировку он, между прочим, предполагал сделать отчасти ослаблением 9-й армии, которая, как известно, по требованию той же Ставки составляла ударное крыло всего фронта. Иванов же, не стесняясь переговорами, отдал приказ об отходе армиям фронта в ночь на 21-е мая на линию Высмержице—Юзефов—Щебрешин—Красноброд—Магирув—Днестр—Станиславов — Отыня—Снятынь—Черновцы; [3] в действительности ни отход, ни эвакуация Перемышля так скоро не совершились, но уже не по вине фронта и Ставки.

В этих трех предположениях можно отметить смелый наступательный контр-маневр Алексеева, который, произведенный своевременно и достаточными силами, мог коренным образом изменить стратегическое положение сторон; лобовой контр-маневр Данилова на участке, где начался прорыв, который мог повести только к вытеснению противника от Сана, и, наконец, полное отсутствие маневра со стороны Иванова и его нового начальника штаба Савича, которые в данном случае ставили себе целью выигрыш пространства для приведения армии в порядок.

В данном случае мысль Ставки взяла верх, и 23-го мая [4] было приказано приступить к немедленному образованию в районе Замостье, Томашев, Тышовцы новой армии в 3—4 корпуса и 1—2 кав. дивизии преимущественно из войск Северо-западного фронта, перекинув туда управление 12-й армии и ее командующего Плеве. [5] Но уже в тот же день Ставка почти отказалась от своей мысли.

Алексеев предложил воспользоваться ослаблением натиска на фронт Иванова и нанести хороший удар на левом берегу Вислы XIV и XVI корпусами в направлении Опочна—Гельнев. Ставка схватилась за эту мысль, предложила Алексееву расширить удар средствами 4-й и 5-й армий, для чего подчинила ему 4-ю армию и отложила образование новой 12-й армии, ограничившись направлением к Иванову только одного корпуса. [6]

Ставка опять, таким образом, оставалась как бы на перепутье, которое не было рассеяно представлением на ее усмотрение обоими главнокомандующими фронтов своих планов.

Иванов, успокоенный наступавшим в боях на Сане затишьем, вновь переходил к наступательным мыслям. Он считал, [7] что его стратегический фронт не дает благоприятного исхода положения для продолжения насту-

---

[1] Алексеев Янушкевичу 6 (19)-го мая № 1546/486. В.-Уч. Арх., д. № 437, стр. 104.

[2] Разговор Данилова с Савичем 6 (19)-го мая. Там же, стр. 92.

[3] Директива 7 (20)-го мая № 6502. Там же, стр. 119.

[4] Директива Ставки 10 (23)-го мая № 503. Там же, стр. 154.

[5] Одновременно войска 5-й армии на левом берегу Вислы влились во 2-ю армию, а управление 5-й армии объединило на Сев.-зап. фронте войска бывшей 12-й армии.

[6] Директива 10 (23)-го мая № 505. В.-Науч. Арх., д. № 437, стр. 174. От нанесения этого удара Алексеев впоследствии отказался.

[7] 10 (23)-го мая № 6599, стр. 163.

пления на запад и не обеспечен от прорыва противника к востоку от Львова. Для достижения этого необходимо перейти всем фронтом к активным действиям, но исключительно с целью создания более выгодного стратегического положения, для развития в будущем наступательных операций против Австрии. Этого он полагал возможным достигнуть выдвижением фронта, примерно, на линию Баранув—Мармарош-Сигет с уступом в районе Кимполунга. Иванов требовал поэтому усиления его войск за счет Алексеева и сосредоточения 1½ корпусов в районе Миколаева—Галич для развития главного удара на этот раз 11-й армией. Новую же 12-ю армию, когда будет решено ее сосредоточить, направить к Краснику, для усиления правого фланга его фронта.

Что же существенного давал новый план Иванова? Сказал бы—ничего. Требуя окончательного ослабления своего соседа, он задавался исключительной целью улучшить положение своего фронта, спасти Перемышль и Львов, и дробил с трудом собираемую сильную армию для подпорки зашатавшегося Щербачева (11-я армия) и своего правого фланга, где временно обнаружился частичный успех хоть и в весьма важном направлении, но для развития которого время было уже упущено.

С своей стороны Алексеев представил целый план ближайшего хода кампании.[1] Он был против того, чтобы безвозвратно упускать время, необходимое для приведения в порядок 3-й армии, считал необходимым воспользоваться выступлением Италии и начать действия не частного демонстративного характера, а общего значения.

Такую задачу Алексеев разрешал наступлением на левом берегу Вислы. Он рекомендовал усилить 3-ю армию за счет 9-й и 11-й и только в той мере, чтобы она могла удерживать свое положение, а все подкрепления направлять на фронт Илжа—Опатов—Сандомир, сосредоточив главную массу этой сильной армии южнее горно-лесистого пространства, т. е. на участке Островец—Сандомир. При этом 4-я армия, из трех корпусов, будет развивать самостоятельный удар вдоль Пилицы; новая армия, в пять корпусов,—наносить главный удар на юг вдоль Вислы; XV корпус—продолжать наступление по ее правому берегу, а остальные армии Иванова—теснить противника к Карпатам; 12-я и 1-я армии обеспечат от прорыва Наревский фронт. „Таким образом,—кончал Алексеев,—мы приведем в движение наши значительные, ныне скованные, силы по общему плану, преследующему важную цель; используем выступление Италии, облегчим положение на Сане и можем восстановить наше положение в западной Галиции". Но Алексеев ставил условием регулирование Ставкой работы обоих фронтов, а не ведение частных предприятий каждым из них, и рекомендовал ей бросить свои расчеты на обещаемое наступление англо-французов, в котором пора было извериться.

Доклад Алексеева был получен в неблагоприятную минуту, когда немцы начали 25-го мая вновь сильно развивать свое наступление у Перемышля, а 8-я армия собиралась отходить на фронт Вельки Очи, Краковец, Мосциска. Алексееву было указано на несвоевременность широких планов, на основную задачу удержать Галицию и на отправку им еще одного корпуса к Иванову.[2]

Если проследить эволюцию оперативных мыслей Алексеева с начала войны, то мы не встретим в ней чего-нибудь нового, но отметим более широкий ее размах, со смелостью замысла и с отсутствием боязни риска, которым так страдало верховное командование.

Удар, предлагаемый Алексеевым в мае 1915 года, во многом отличался от его предположений декабря 1914 года, в зависимости от различия в обстановке и поставленных себе целей; но и в том и в другом случаях его мысли отличаются завидным сочетанием расчета и смелого броска. Если и можно было спасти Галицию, то во всяком случае не подпорками в духе

---

[1] Янушкевичу 11 (24)-го мая № 1669/514. Там же, стр. 208.

[2] Янушкевич Алексееву 12 (25)-го мая № 577 и Иванов Янушкевичу 13 (26)-го мая № 6892. Там же, стр. 223 и 237.

Иванова и не полумерами Данилова. Коренной недостаток плана Алексеева заключался в том, что он был не по руке Ставке, требовал быстроты перегруппировок и мало соответствовал подготовке частных начальников и вообще русской армии, более сильной в упорной обороне и в работе сплошной массой.

Но Ставка все-таки не отказывалась от своей основной идеи нанесения удара на стыке 3-й и 8-й армий, и 28-го мая[1] Данилов предложил Иванову собрать на этот раз у Любачева соседние корпуса 3-й и 8-й армий, усилив их вновь прибывающими корпусами, и этим кулаком в пять корпусов, объединенных уже не в армию, а в импровизированную группу, наносить удар от Любачева на Радымно. Это решение и послужило, как мы увидим ниже, основанием для образования у Любачева группы Олохова.

Чем хуже было положение на фронте Иванова, тем он отдавал более грозные наступательные директивы. Так и в данном случае, накануне очищения Перемышля, он поставил всему фронту наступательную задачу атаковать противника в ночь на 1-е июня, разбить и отбросить его, стремясь выйти главными силами на линию Баранув—Ржешув—Дубецко—Вышков—Быстриц—Бродин—Кимполунг. [2]

Такое совершенно не соответствовавшее обстановке наступление встретило резкое осуждение верховного главнокомандующего, который его приостановил, указав ближайшей задачей армиям Иванова закрепить и упрочить их положение на фронте, определяемом течением Сана, Днестра и Прута, обратив особое внимание на недопущение прорыва на Днестре. При этом Ставка выражала сомнение в пользе наступления 9-й армии и требовала оттягивания в резерв бесполезно столпившихся к северу от Перемышля войск. [3]

Приведенная директива Ставки легла в основание дальнейших действий фронта.

Борьба за Львов.

К 5-му июня, когда окончились бои за Перемышль. Юго-западный фронт занимал положение, указанное на схеме № 26.

3-я армия, в составе 6 корпусов—от Тарнобржега до Запалова. XXIX корпус этой армии был оттянут в образуемую группу Олохова к Любачеву.

8-я армия, в составе 6 корпусов—на фронте Запалов—Быстрица, имея V Кавк. корпус у Любачева и XXIII у Львова.

11-я армия, в составе 4-х корпусов—от Быстрицы до Калущ, имея XXI корпус в резерве у Рогатино.

---

[1] Разговор Данилова с Савичем 15 (28) мая. Там же, стр. 263.
[2] Директива 17 (30)-го мая № 6831. Там же, стр. 332.
[3] Янушкевич Иванову 22-го мая (4-го июня) № 874. Там же, стр. 386.

9-я армия, из 4 корпусов—далее на Надворную, Коломыю, Снятынь, Котцман, Ракитно.

Всего с начала операции фронт был усилен на 15 дивизий.

В этот день Иванов, во исполнение приведенного выше указания Ставки, поставил армиям задачу[1] закрепить и упрочить их положение по рекам Сану, Днестру и Пруту и принять меры к восстановлению частей, некомплект которых превышал 300 тыс. человек, а огнестрельных припасов оставалось на наличную винтовку 240, на пулемет—9 тыс. и на орудие—230.

3-я армия должна была прикрывать с фронта Тарнобржег, Запалов направления к Люблину и Замостью; 8-я—обеспечить Львовский район с запада, прикрывая с фронта Запалов—Сусулов направление к Томашеву, Львову и Комарно; 11-я, без XXIII корпуса,—прикрывать с фронта Волоща—Холин Львовский район с юга, обеспечивая участок Днестра от Монастыржеца до Сивки; 9-я, прекратив наступление в районе Коломыя,—прикрывать направление к участку Днестра от Сивки до Хотина.

Немецкое командование считало, что при выяснившейся небоеспособности австрийской армии, оборона рек Сана, Вишни и Днестра невозможна до окончательного истощения русской армии, почему союзники решили продолжать операцию в том же направлении „до достижения достаточных результатов для поставленной цели". Так туманно была формулирована задача, которая на общепонятном языке обозначала взятие Львова, столь необходимого австрийцам в политических целях, и потребность прочно обеспечить положение австрийцев в Галиции прежде, чем перекидывать германские войска на другой фронт. Все предшествовавшие операции ясно показали немцам, что одних австрийцев нельзя оставлять против сохранившей боеспособность русской армии. Это решение не только задерживало армию Макензена на неопределенное время в Галиции, но и заставило ее усилить еще 5-ю дивизиями, взятыми с французского театра и от Гинденбурга. 3-я австрийская армия была расформирована, и в Галиции остались 4-я в 15 дивизий и 2-я в 17 дивизий, которые были объединены под командой Макензена.

4-го июня был выработан план дальнейшей операции, при чем 11-я и большая часть 4-й армии направлялись на фронт Рава-Русская—Магирув—Янув, а 2-я армия на Городок. Левый фланг 4-й армии обеспечивал операцию со стороны Танева.

---

[1] Директива 22-го мая (5-го июня) № 6982. Там же, стр. 395.

Макензен принужден был задержать дальнейшее наступление до 12-го июня. Людендорф объясняет эту задержку необходимостью исправить разрушенные русскими дороги; но, если проследить в деталях весь ход предшествовавших боев, то выявится и другая причина, а именно—большое расстройство австро-германских армий, что потребовало произвести массовые перегруппировки частей и подождать прибытия пяти свежих дивизий.

Идея маневра Макензена состояла в прорыве 30 клм. участка русской позиции между Яворовым и Любачевым, с целью обхода Львовских позиций с севера. Для этого на указанном участке было сосредоточено 6 корпусов (Св. X, XXII, Гвард., XLI Германские и VI Австр.), усиленных пятью свежими дивизиями, на флангах которых наступали: на северном — части 4-й армии и на южном — Бескидский немецкий корпус 2-й армии.

В резерве за ударной группой оставалось 2½ пех. и 1 кав. дивизии.

В данном случае Данилов оказывался правым: удар Макензена направлялся как раз на тот участок, где медленно сосредоточивалась ударная группа Олохова. Но ко времени наступления немцев ее еще не было и в Любачеве находились только XXIX, II Кавк. и V Кавк. корпуса, составлявшие резервы 3-й и 8-й армий.

12-го июня Макензен начал артиллерийскую подготовку, в ночь на 13-е—сближение пехоты, а 13-го—атаку, при чем удар главными силами пришелся на фронт III Кав. и XXIV корпусов.

Прорыв в общем удался, но немцам приходилось по три раза штурмовать русские корпуса, и союзники смогли продвинуться не более 3—9 клм. 4-й австрийской армии, напротив, пришлось отбивать на Сане сильные атаки русских.

Пять русских корпусов, не объединенные в командовании, осадили в ночь на 14-е на фронт Пискоровице — Добро—Борхув—Вельки Очи—Садова Вишня. Атаки немцев этой позиции в течение 14-го были безрезультатны, но 15 июня X, Гв. и VI корпусам удалось продвинуться на фронт Любачев—Драгомысль—Краковец, и Брусилов в ночь на 16-е отвел свою армию на Городокскую позицию, где она расположилась по линии Новины—Магирув—Вышенька — Майдан — Городок — Бурче — Поверков — Днестр, оторвавшись от 3-й армии, фронт которой 17-го июня шел по линии Бурджи—Пржендзель—Люблинец—Бусна.

В то время как Брусилов отдавал распоряжение об отходе на Городокскую позицию, Иванов отдал директиву [1]

[1] Директива 2 (15)-го июня № 284. В.-Уч. Ар., д. № 438, стр. 5.

о сформировании у Любачева группы Олохова из XXIX, II Кавк. и V Кавк. корпусов и IV конного, к которым должен был присоединиться и прибывавший XXIII корпус. Таким образом, с большим трудом и трениями собранный ударный кулак сразу оказался в боевой линии и был более тесно связан с 8-й, чем с 3-й армией, которой его подчинили. Ввязавшись в бой, группа Олохова обратилась в участок общего боевого порядка и никакой роли не сыграла.

Своей директивой Иванов ставил армиям уже чисто оборонительные задачи. 3-я армия должна была обеспечивать направления на Люблин и Владимир-Волынский, 8-я—на Раву Русскую и на Львов, 11-я—пассивно оборонять Днестр от Долобова до Сивки и 9-я—далее до Хотина.

Легкость отката Брусилова с громаднейшей армией на Городокскую позицию, при весьма незначительных и с трудом достигнутых, как теперь видно, успехов немцев, окончательно подорвала веру верховного командования в возможность удержать остатки Галиции со Львовом во главе, а тем более в возможность скорого перехода в наступление. Причины неудачи искали во всем, но не учли одного весьма важного элемента, а именно—неумения управлять войсками.

17-го июня на совещании в Холме общий некомплект обоих фронтов был исчислен в полмиллиона штыков и недостаток огнестрельных припасов до 60%; малый прилив винтовок и орудий, а также израсходование кадров командного состава и до безобразия плохо обучаемое пополнение внутри России дополняли общую печальную картину, которая и привела к решению совещания перейти к обороне.

К этому времени относится и документ, имеющий значение, как поворотный пункт в состоянии русской армии. 18 июня командовавший 8-й армией отдал приказ,[1] который вскрывал многие справедливые недочеты в управлении и действии войск, но в то же время указывал и на начавшийся разлад между командованием и войсками — приказ впервые требовал применения пулеметов для того, чтобы заставить войска наступать.

Наконец, последнее обстоятельство, которое воздействовало на решение совещания, заключалось в начавшейся усиленной деятельности на Северо-западном фронте и в особенности в Риго-Шавельском районе, которому Ставка придавала особое значение, как лежащему на кратчайших путях к Петрограду.

---

[1] В.-Уч. Арх., д. № 438, стр. 75—84.

Если мы прибавим сюда разочарование в помощи англо-французов и в том, что немцы не переставали усиливать свой восточный фронт, несмотря на объявление Италией войны, то получим полную картину той обстановки, которая заставила совещание совершенно переменить план кампании. Был забыт один вопрос—о непригодности лиц высшего командования, но судьба редко одаряет людей даром самим видеть свои недостатки.

Все совершившееся дает поклонникам стратегии на истощение богатый материал для восхваления этого способа действий. Автор придерживается другого взгляда и склонен был бы назвать такой способ действий самоуничтожением каждой из сторон. Приведение в полную небоеспособность австрийской армии, громаднейшие потери германской, потребовавшей за первые полтора месяца кампании перекидывания в Галицию 12 свежих дивизий, кроме армий Макензена и пополнений, и полное прекращение активности на французском театре рисует весьма печальную картину самоистощения центральных держав, что и отразилось на конечных результатах Мировой войны.

Основной задачей обоим фронтам[1] было поставлено прочное удержание центральной части Привислинского театра и путей, ведущих от него в пределы России из Восточной Пруссии и Галиции. Средством для этого была признана интенсивная подготовка театра войны в инженерном отношении и образование в угрожающих направлениях сильных маневренных резервов, при чем особо важное значение придавалось Гродно-Белостокскому и Холм-Ковельскому районам. (См. сх. № 25).

В частности для Северо-западного фронта основной линией обороны указывались Средний Неман, Бобр, Нарев и Висла до Ивангорода, с удержанием Варшавы до последней возможности. Юго-западному фронту указывалось отходить с боями частью армий (не менее 12 корпусов, с значительной кавалерией) на фронт Люблин—Холм—Ковель, а остальным—к границе Киевского округа. Основная позиция для фронта указывалась по линии от Вислы на Люблин, Холм и Владимир-Волынский.

Совещание в Холме знаменательно тем, что здесь впервые был принят определенный план дальнейших действий, который отбрасывал, наконец, способ цепляния за каждую пядь галицийской земли, сохранял кадры армий, давал свободу маневрирования и образованием групп резервов не лишал возможности при случае нанесения противнику частных ударов. Невольно задаешься вопросом, во что

[1] Журнал совещания и директ. Ставки 4 (17)-го июня № 2391 и 1263. Там же, стр. 11 и 31.

вылилась бы стратегия истощения Фалькенгайна, если бы Ставка пришла к такому решению на полтора месяца раньше?

Принятием указанного плана определялась и судьба Львова.

Австро-германцы, обнаружив 16-го июня отход русских на Городокскую позицию, продвинулись в этот день вслед за ними и развернулись, как указано на схеме № 26. Движение задерживалось упорным сопротивлением сильных русских арьергардов.

Макензен принял решение вновь атаковать русских, чтобы их отбросить скорее от Львова на восток, разделить непрерывную линию фронта, передать преследование Южной и 7-й армиям, а с остальными силами наступать на север. В этом решении следует видеть основу плана прорыва.

11-я армия должна была наступать четырьмя правофланговыми корпусами по обеим сторонам Магирува до шоссе Львов—Рава Русская; Сводн. и X корпуса с 11 кав. див. прикрывали прорыв со стороны этой последней. 2-й армии указывалось наступать на Львов, оттесняя противника на восток с целью в дальнейшем выйти в тыл частям русских, оборонявших Днестр. 4-я армия прикрывала операцию со стороны Вислы и Танева.

19-го июня началась атака Городокской позиции, приведшая к прорыву ее в направлении шоссе Рава Русская—Львов (у Добросина), фронтом в 3 клм. и глубиной в 12 клм. 4-я армия совершенно продвинуться не могла; в остальных частях существенных успехов не было. На 20-е немцы решили развивать свой успех. 11-я армия должна была наступать к шоссе Львов—Рава Русская, Сводн. и X корпуса—выйти на линию Домбровка—Эйзинген, а 11-я кав. дивизия—прервать сообщения русских по дороге Жолкев—Мосты Вел. 4-я армия должна была содействовать 11-й; корпус Марвица (Бескидский)—наступать на Куликов также для выхода на дорогу Львов—Рава Русская.

Но этого же числа 8-я армия отошла до атаки немцев на Львовские позиции, на которых удерживалась до окончания его эвакуации.

Макензен готовился к бою под Львовом, после взятия которого предполагал силами 4-й, 11-й и 2-й армий преследовать русских на север, а Южной, усиленной германскими дивизиями с сербского фронта, и 7-й—перейти Днестр и обеспечить правый фланг группы Макензена.

21-го июня, когда началось сильное давление противника на левый фланг 8-й армии, Брусилов приказал начать отход с Львовских позиций, и 22-го числа его армия заняла фронт Корне-Вулька Мазовецкая—Желдец—Ярычув—

Бобрка. [1] Австро-германцы вышли на линию Жолкев—Куликов—Львов—Миколаев.

В то же время 3-я русская армия начала своим правым флангом отход от Сана на север, в виду полной бесцельности при сложившейся обстановке удержания его. Левый фланг 4-й армии в связи с этим оттягивался к Завихосту, что давало возможность выделить часть дивизий в резерв. 11-ю армию немцы не беспокоили, а 9-я успешно ликвидировала все попытки австрийцев переправиться через Днестр.

В дальнейшем Иванов указал армиям отходить, задерживая наступление противника от рубежа к рубежу, до линии Белз—Пархач—р. Буг до Буска и далее на Белый Камень—Гологуры и река Золотая Липа. 3-я армия и отряд Олохова были переданы во фронт Алексеева, а в виду расхождения внутренних флангов 3-й и 8-й армий, было решено сформировать в промежутке между ними новую 13-ю армию. [2] Разграничительная линия между фронтами шла через Белз—Сокаль—Милятин — Свинюхи—Рожище—ст. Антоновка и железная дорога на Сарны.

После падения Львова, весь интерес кампании перешел к Северо-западному фронту. Туда, в направлении на Холм, вслед за отходившей группой Олохова, направилась и армия Макензена. Против ослабленного фронта Иванова остались только австрийские войска, подкрепленные частью германских сил.

Последующие операции Юго-западного фронта теряют всякий интерес. Главный удар австрийцев попрежнему направляется против 8-й армии, которая, угрожаемая со стороны своего открытого правого фланга, последовательно катилась с позиции на позицию к пределам России и влекла за собою более южные (11-ю и 9-ю) армии фронта.

Заключение.

Менее чем в два месяца русские армии Юго-западного фронта откатились от выходов в Венгерскую долину до восточных окраин Галиции; от широкого наступательного плана движения на Будапешт русское командование перешло к обороне на всем театре по тем рубежам русской территории, на которых еще Обручев предполагал разворачивать армию к началу войны. И это было только первым шагом к дальнейшему отходу на линию самого осто-

---

[1] 24-го июня Иванов предоставил Брусилову право отойти на линию Желдец—Нов. Став—Куровице—Свирж.

[2] Директива Иванова 9 (22)-го июня № 523. Там же, стр. 109.

рожного из всех вариантов стратегического развертывания ее за тридцать лет подготовки к войне.

До выхода в свет дальнейших работ Конрада и Рейхсархива мы не можем знать, какими истинными целями задавалось союзное командование, предпринимая поход на Россию, но во всяком случае оно достигло громаднейших результатов. Русские не только потеряли плоды всех своих побед над австрийцами, но и были поставлены в такое стратегическое положение, при котором армии Северо-западного фронта могли сохранить выдвинутые вперед рубежи Привислинского района только при самых счастливых обстоятельствах.

Громаднейший успех союзников был достигнут исключительно германскими войсками (которых, в конце концов, набралось до 30 дивизий), так как австрийская армия успеха почти нигде не имела и даже в период наибольшего развития наступления в рядах ее констатировался моральный упадок и развал. Но и 30 германских дивизий, последовательно вливаемых, не представляли такой силы, с которой не могла бы бороться русская армия. Обращаясь к качеству войск, мы безусловно отдаем полное преимущество германским перед русскими, но свидетельство иностранных источников подтверждает в каждом бою упорство этих последних и трудность вырвать победу из их рук. Следовательно, и в этом отношении различие между сторонами не соответствовало грандиозности достигнутых союзниками результатов.

Главные элементы разительных успехов немцев следует искать в чем-нибудь ином. Превосходство техники, калибров и числа орудий, а также огнестрельных припасов безусловно играло в этом отношении важную роль, но центр тяжести победы и поражения лежал все-таки в характере управления войсками.

Мы уже достаточно говорили об основной идее операции той и другой стороны; внимание их обеих было одинаково привлечено к Галицийскому фронту. Но в смысле подготовки и выполнения операции замечается существенное отличие между германским и русским командованием, которое периодически повторялось в каждой из них.

1. Мы видели с каким вниманием и последовательностью германское командование подходило к выбору направления главного удара и как оно логично дошло до Горлицы.

Здесь все было учтено, и легкость овладения этим участком и возможность удара отсюда в наиболее чувствительную для русских точку по ближайшим тылам втянувшихся в Карпаты их колонн.

Русское же верховное командование решило этот вопрос исключительно с точки зрения стратегического вен-

зеля; сегодня оно вело операцию через Восточную Пруссию на Берлин, а завтра перевернуло ее через Карпаты на Будапешт. И, кроме этого указания с обещанием в будущем подкинуть Иванову несколько корпусов, со стороны Ставки не выявлено никакой заботливости по выполнению фронтом столь трудной операции. По полному отсутствию в делах Ставки каких-либо мыслей, относящихся к воплощению в жизнь идеи похода на Будапешт, можно судить, что таковыми мыслями она и не задавалась.

В распоряжении Ставки находился такой мощный организм, как фронт, на который возлагалась вся исполнительная часть операции. Но и в его работе мы не видим даже намеченных отправных точек развития операции. Продолжали выполнять план Алексеева и придерживались его группировки, несмотря на различие в конечных целях частной операции улучшения своего положения на Карпатах и операции выполнения руководящей задачи всего этапа войны.

2. То же и в отношении предназначенных сил. Немцы щедро дают их, но только в соответствии с намеченной, по свидетельству Фалькенгайна, ограниченной целью достижения Сана, отказываясь от серьезной активной работы на остальных фронтах. Если же в мыслях германского командования предвиделось уже в то время широкое развитие операции с целью решительного поражения России, то и у немцев этот вопрос был решен полумерами.

Достойна внимания как бы установившаяся у них норма сил для таких бросков. Лодзь, Восточная Пруссия и Горлица, всюду фигурирует цифра 4—5 корпусов. Русские приступали к операции без какого-либо подсчета сил, ставя решение этого важного вопроса в зависимость от имеющихся сложиться обстоятельств.

Вот это-то отсутствие намеченного плана операции и подброска сил по обстоятельствам и привели к киданию подходивших резервов из стороны в сторону и к таким отрицательным фактам, когда не могли ясно определить удельный вес каждой группы и, предназначая сегодня главную ударную роль 9-й армии, завтра требовали уменьшения ее сил.

Подобное ненормальное явление можно объяснить также странной основой мыслей Ставки во время хода операции. Не старание занять выгодное исходное положение для нанесения поражения живой силе противника руководит в этот грозный час Ставкой, а забота об отстаивании каждой пяди галицийской земли.

3. В отношении технической подготовки операции мы уже знаем, как она детально была произведена немцами, а также полное отсутствие ее у русских. Ограничимся

подготовкой Алексеевым в декабре 1914 года операции для своей частной задачи, да и эта подготовка износилась уже к апрелю и совершенно не соответствовала ни новой задаче, ни новым силам. А, между тем, в переписке Ставки с фронтом столь важный вопрос совершенно не затрагивался. Эта особенность пренебрежения к вопросам подготовки операции в отношении питания и тылов не являлась случайной, если мы вспомним, что при начале ноябрьского наступления на Берлин ударная 4-я армия осталась даже без сухарей.

4. Русский генеральный штаб выявил полное пренебрежение к ознакомлению со своим противником, что особенно легко было сделать в отношении германской армии, отличавшейся определенностью и постоянством выработанных форм ее оперативного искусства.

Неожиданность, удар по открытому или слабому участку противника с обязательной целью действия по его тылам, прекращение операции, когда она выливается в ряд затяжных боев, с перенесением удара в новую слабую точку,—такова была ясно выявившаяся в предшествовавших операциях доктрина учеников и последователей Шлиффена. Почему русское командование, зная при таких условиях с половины апреля о переброске значительных сил немцев в Галицию, решило, что они будут подпирать карпатские колонны австрийцев, остается тайной, которую можно объяснить только присущей ему предвзятостью оценки обстановки, не основанной на внимательном беспристрастном и широком ее изучении.

5. Прорыв Макензена, невиданной на русском театре силы, потребовал от Ставки десяти дней, чтобы принять разумное, но запоздалое решение—отказаться от борьбы растянутой 3-й армии против сосредоточенного немецкого кулака. Недоверие к войскам и к частным начальникам, совместно с предвзятой, ни на чем не основанной, уверенностью в демонстративном характере действий Макензена и с выявленным упрямством остаться на занимаемой линии были тому причиной. Эти предвзятость и упрямство уничтожают без всякой пользы для дела 3-ю армию и заставляют переживать ряд кризисов 8-ю. Русская Ставка цеплялась за каждую пядь галицийской земли, но боялась зачатка всякого решительного маневра, в виде ли скачка назад или контр-удара на левом берегу Вислы, или на фронте 9-й армии. Система слабых подпорок, с опозданием подставляемых, была попрежнему излюбленным средством Ставки. Только 17-го июня, даром истощив войска, Ставка принимает определенное решение чисто оборонительного характера.

6. С русской стороны действовали как бы два самостоятельных организма—высшее командование, которое выра-

батывало некоторые меры противодействия, указывая их войскам с опозданием для исполнения, и войска со своими командирами корпусов и начальниками дивизий, которые дрались. Это были не только два самостоятельных, но даже два враждебных организма. При таких условиях немудрено, что корпусные командиры, как это отметил в своем приказе Брусилов, иногда только для вида исполняли указанный им с запозданием маневр. Все управление, таким образом, шло совершенно вразброд. Брусиловские контр-атаки под Перемышлем и действия группы Олохова служат тому примером.

7. Если мы обратим внимание на каждый шаг Макензена, то увидим, что он достигал победы исключительно действиями 4—5 корпусов, всегда сосредоточиваемых на узком фронте в 30—40 клм. и ведомых в том направлении, которое соответствовало главной идее операции. Все остальное было как бы фоном и весьма неудачным на всей сцене галицийского фронта. И успех Макензена покрывал все недочеты австрийского фона. С русской стороны, если и были попытки образования такого кулака (группа Олохова), то составлявшие его корпуса не действовали, как один цельный организм, как батальоны одного полка, а как рядом работавшие отдельные организмы на отведенных им участках. Доктрина сосредоточенного удара, проповедываемая в русской армии в течение всего девятнадцатого столетия, на практике вылилась в отдельно действовавшие щупальцы. Мы видим сосредоточенную группировку на главном направлении в дивизиях и корпусах, но уже не видим ее в армиях и фронтах, где преимущественно процветала равномерная нарезка корпусных участков.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Люблинско-Наревская операция.

Общее положение после очищения Галиции. Положение на фронтах Гинденбурга и Алексеева. Планы сторон после занятия Львова. Наступление на Люблин. Наревско-Люблинская операция. Заключение. Действия на флангах.

Общее положение после очищения Галиции.

Занятие союзниками Львова послужило окончанием первого длительного этапа летней кампании 1915 года.

Дальнейшее продвижение на восток могло служить исключительно интересам одной Австрии с ее украинофильскими вожделениями. В военном же отношении оно было не только бесполезно, но и опасно, ввиду наличия внушительных русских сил в Привислинском районе и относительного богатства последнего железнодорожными путями, что делало легким удар русских с линии Люблин—Холм—Владимир-Волынский по тылам зарвавшихся союзников.

Естественно, что германское командование не могло согласиться на дальнейшее продвижение армии Макензена на восток, хотя этот последний, находившийся под влиянием более умного Конрада, настоятельно требовал этого.

Армии Макензена предстояло получить новую задачу, и она давно готовилась для переброски на другой фронт.

Мирное стояние на месте англо-французов и захлебнувшееся наступление итальянцев ясно показывали, что на западе все спокойно, что туда не только не нужны войска Макензена, но, напротив, оттуда можно позаимствовать еще несколько корпусов, чтобы окончательно покончить с русским колоссом. Вопрос о продолжении кампании на востоке предрешался сам собой. Оставалось только наметить очередной этап операции с выбором направления главного удара. В этом отношении обстановка давала большое разнообразие: Люблин, Холм, левый берег Вислы, Нарев, Неман и Рига были к услугам союзного командования.

Но предварительно рассмотрения германских планов скажем несколько слов о том, что за истекшее время делалось на фронте Гинденбурга и Алексеева.

Положение на фронтах Гинденбурга и Алексеева.

Схема № 27.

Мы уже познакомились с первоначальными действиями в Риго-Шавельском районе, где внушительной силы группа Лауенштейна сделала сильный бросок вперед против незначительных отрядов русских, дошла почти до Митавы и Шавли и столкнулась с подошедшими от Немана русскими подкреплениями на реке Дубиссе. Намеченный Гинденбургом рейд не удался. Немцы усилили там свои войска на 2 пех. (1-я рез. и 23-я) и 3 кав. (Гв., 1-я и 8-я) дивизии и 1-го июня преобразовали группу Лауенштейна в Неманскую армию.

С своей стороны и Алексеев начал с половины мая увеличивать здесь войска (какими—указано на схеме № 27), имея целью придать более решительный характер действиям на крайнем правом фланге и энергичнее очищать Риго-Шавельский район от противника.[1] Постепенно закрывался, таким образом, последний открытый промежуток и на русском фронте, растянувшемся сплошной линией между Балтийским морем и румынской границей.

Здесь, в районе Митавы—Шавли, были сосредоточены уже XIX и XXXVII корпуса, на реке Дубиссе—две дивизии из 10-й армии и между ними маневрировал конный корпус. 16-го мая Алексеев направлял туда с Нарева еще две пехотных и одну кавалерийскую дивизии к Шавли и севернее, преимущественно, для усиления Рижского направления. Всего сюда было уже переброшено 7 дивизий.

Северной группе Алексеев указывал вырвать инициативу у противника, базируясь на Митаву и Ригу; южной—поддерживать связь между 10-й армией и северной группой и удерживать в своих руках Дубиссу, сковывая свободу действий противника, занимавшего Россиенский район. Конный корпус должен был содействовать выполнению задач обеими группами.

Однако, усиление войск в Риго-Шавельском районе не достигло своей цели. Немцы, стянув сюда новые подкрепления, атаковали 4-го и 5-го русских и потеснили их за Дубиссу и за Виндавский канал. Причиной неудачных действий Алексеев считал не какой-нибудь привходящий элемент, а видел ее во взглядах начальников, приемах ведения боя и операции, разброске сил, отсутствии сосредоточения их к месту главного удара, в несоответствии задач, возлагаемых на конницу, и в неестественности придачи ей таких тяжелых пехотных соединений, как целые бригады пехоты.

„Все эти наши особенности,—кончал Алексеев[2]—прочно укоренившиеся, сказываются, к сожалению, особенно резко и чувствительно, чем шире пространство, чем больше потребности в маневрировании, в последовательном сосредоточении сил, в умении забыть второстепенное. Нам все кажется важным и опасным; войска разбрасываются, фронты растянуты и нигде нет внушительного сбора сил".

Своим справедливым анализом Алексеев одинаково бил и подчиненных и Ставку.

Войска в Риго-Шавельском районе действовали в виде трех отдельных, друг другу не подчиненных, групп. Это заставило Алексеева перекинуть 6-го июня туда управление 5-й армии с Плеве во главе.

В новую армию вошли три корпуса (III, XIX и XXXVII), 6-я пех. дивизия, две стр. бригады, пять кав. дивизий и две отдельные конные бригады. Войска бывшей 5-й армии (IV и XXXVI корпуса и 5-я Дон. каз. див.) вошли во 2-ю армию.

В директиве, данной Плеве,[3] Алексеев, отмечая особое значение Рижского района, в данную минуту задачу армии видел в прикрытии сравнительно слабыми силами возможно большего пространства от истощения противником и в постепенном вытеснении его из занятого уже района. Он указывал на необходимость армии опираться на свое правое крыло (у Риги),

---

[1] Директива. 3 (16-го мая) № 1456/469. В.-Уч. Ар., д. № 437, стр. 49.
[2] Алексеев Янушкевичу 24-го мая (6-го июня), № 2068/561. Там же, стр. 460.
[3] 26 мая (8 июня) № 2131/570. Там же, стр. 495.

а маневрировать левым, для связи с 10-й армией, но не прижимаясь близко к Ковно, чтобы сохранить свободу маневрирования и избежать растяжки. При этом на Рижском направлении было собрано 80% всех сил, а на Двинском—остальные, всего только 1½ дивизии.

Алексеев придавал пока Риго-Шавельскому фронту второстепенное значение и не считал возможным туда дать больше ни одного батальона, что не нравилось Ставке, сильно беспокоившейся за Петроград. И, действительно, положение фронта было тяжелое. На 900 клм. фронта все его войска были растянуты в тонкую линию и имели только две дивизии резерва. При таких условиях он поднял вопрос о сокращении боевой линии фронта отводом левобережной армии на Гроицкую позицию, а 1-й и 12-й—на Нарев, что давало бы возможность вывести в резерв до четырех корпусов.[1]

Ставка не дала, по обыкновению, определенного ответа на сделанное ей предложение. Приведя несколько сомнительных возражений для самооправдания в будущем, она все предоставила усмотрению Алексеева, как лица ответственного.[2] Армии остались на старых местах и четырех свободных корпусов в руках Ставки не оказалось.

Временно положение в Риго-Шавельском районе стабилизировалось, и 9-го июня 5-я армия занимала фронт: Сакенгоф—Шрунден—Муравьево—Попеляны—р. Дубисса—Велюны на Немане.

11-го и 12-го июня немцы начали демонстрировать против 1-й и 2-й армий.[3] В районе 1-й армии они вели атаку против 1-й Сиб. дивизии у Кот-Огленда-Шляхетская и в районе 2-й—у Коржелин—Суха. Атака на левом берегу Вислы особенно встревожила Ставку, но у Алексеева не было средств парировать удара, если бы он и развился здесь во что-нибудь серьезное.

„Единственным средством для этого,—писал он Янушкевичу,—[4] является деятельная, энергичная переброска частей с менее угрожаемых и менее важных участков на участки, где будет решаться судьба предстоящей операции".

Систему переброски частей, используя для этого в полной мере слабую, да к тому же еще совершенно расстроенную, сеть рельсовых путей, имевшихся в его распоряжении, Алексеев и применял в течение последнего периода летней кампании, где ему принадлежала полная руководящая роль, без какой-либо помощи Ставки.[5]

В данном случае, пока этого не потребовалось, так как узел ближайших событий завязался на Люблинском направлении.

Планы сторон после занятия Львова.

Мы уже знакомы с решением, принятым русским командованием на совещании 17-го июня. Оно состояло в возможном удержании в своих руках Привислинского театра и в прикрытии путей к жизненным центрам страны. При этом Ставка в развитии немцами действий в Риго-Шавельском районе и в направлении Ковны видела намерение

---

[1] Алексеев Янушкевичу 24-го мая (6-го июня), № 2065/559. Там же, стр. 446.

[2] Янушкевич Алексееву 26-го мая (8-го июня), № 988. Там же, стр. 477.

[3] К 9-му июня остальные армии Алексеева занимали фронт: 10-я—Вилковишки—Кальвария, вост. оз. Выгры, Августова и Райгрода; 12-я—Едвабно, Серафин, Завады, Еднорожец; 1-я—сев. Прасныша, Грудуск, Стржегово, Рационж, Бодзаново, 2-я—по Бзуре на Сохачев, Ново-Място и 4-я—южнее на Вонхонск, Опатов и Сандомир.

[4] 30-го мая (12-го июня) № 2300/595. Там же, стр. 538.

[5] Полную поучительность от изучения маневрирования Алексеева можно получить только при основательном изучении и работ железных дорог за этот период и сравнения их с работой французских дорог.

растянуть русский фронт к северу, чтобы выиграть пространство по обоим берегам Немана, и подготовить благоприятную обстановку для нового решительного удара.[1]

Повторяя данные Ставкой фронту задачи (оборона основных линий по Неману, Бобру, Нареву и Висле и удержание пространства в Риго-Шавельском районе) и указывая о направлении 3-й и имеющей образоваться 13-й армий (около 12 слабых корпусов) от Львова в северо-восточном направлении с базированием на Брест и Ковель, Алексеев ставил задачу армиям фронта в своей директиве от 20-го июня.[2]

Основная цель заключалась в заботливом сохранении живой силы, в ослаблении центра и в усилении за его счет флангов. Для 5-й армии задача была в корне изменена, и центр тяжести ее действий был перенесен с Рижского на Двинское направление, чтобы быть в готовности помочь 10-й армии и затруднить противнику действия в районе Ковно.

В зависимости от этих общих указаний, Алексеев намечал уже вперед тот очередной маневр, который предстоит войскам, в случае сильного натиска противника, и к выполнению которого он приступил бы немедленно, если бы не двусмысленное отношение к нему Ставки.

12-я и 1-я армии должны были подготовиться к занятию укрепленных позиций по Нареву, при чем 12-я армия выделяла в Белосток в резерв Гвард. корпус, а 1-я в район Острова—Малкина II Сиб. Этим армиям указывалось приступить к немедленному укреплению тыловых позиций (р. Нарев на участке Малешевские болота—Сероцк, Вышков, Малкин и верх. Нарев). XXVII корпус был введен в состав Новогеоргиевского гарнизона.

2-я армия подготовлялась к переходу на позицию Блоне—Гройцы, выделив в резерв два корпуса и обеспечив им удобную и быструю посадку на железную дорогу.

4-й армии приказывалось, в виду отхода 3-й, свой левый фланг отнести на позицию Ижа — Завихост, выделив в резерв в район Казимерж—Ополе XXXI корпус.

10-я армии—усилить свое расположение на Бобре.

Выделяемые резервы намечались первоначально для борьбы на Люблинском направлении, где Алексеев справедливо ожидал очередного натиска союзников.

Приведенная директива Алексеева является типичной для всего его управления дальнейшей операцией, которое и помогло ему сравнительно благополучно выйти из ловушек, щедро расставляемых германским командованием.

---

[1] Директива. 4 (17-го) июня № 1263. В.-Уч. Ар., д. № 438, стр. 31.
[2] Директ. 7 (20) июня № 2554/632. Там же, стр. 69.

В работе Алексеева видно ясно и логически обоснованное представление о дальнейшем развитии операции, при поставленной Ставкой очередной задачей обороны и сохранения живой силы. Правда, оборона с отступлением являются одним из самых простых актов в смысле предвидения дальнейшего шага, но и в этом отношении достойно внимания правильное решение задачи за противника. Он предугадал, что первоначально удар будет нанесен с юга и что очередь за Риго-Шавельским районом еще далеко впереди.[1] Алексеев не обладал, как известно, выдающимися талантами, но это был труженик до мозга костей, и, если он здраво прозревал обстановку, то только путем внимательного и вдумчивого изучения ее с цифровыми подсчетами возможного и невозможного, без чего вся работа Генерального штаба уподобляется мыльным пузырям.

В методе распоряжений Алексеева следует отметить еще одну завидную черту. Все его подчиненные были в курсе основной идеи ее начальника и в курсе намеченных им ближайших шагов, в чем кроется залог быстрого и планомерного исполнения их, при отсутствии той неразберихи, путаницы и излишних жертв, свидетелями которых мы были только что на фронте Иванова.

Вся идея Алексеева сводилась при данной обстановке к своевременному образованию сильных резервов для быстрой переброски их по железным дорогам и к маневрированию ими в наиболее важном направлении. Но, к сожалению, эта была работа пассивного сопротивления, имевшая целью предугадать намерения противника и затруднить последнему проведение их в жизнь, а не составление собственного плана для активных действий. Он не останавливался при этом для достижения главной поставленной себе цели ни перед потерей территории, ни перед ослаблением до крайности второстепенных участков фронта, и не его вина, что верховное командование ставило ему препоны. Первая из них, а именно—скрытый отказ в отходе на Нарев и Варшавские позиции, не оказалась, как увидим ниже, без пагубного влияния на ход Люблинской операции.

Через неделю (26-го июня) Алексеев, изучая обстановку, приходит к выводу, что в дальнейшем необходимо ожидать нанесения немцами сильного удара в Риго-Двинском районе и намечает в докладе Ставке меры для парирования его, в виде образования сильной, в 6 корпусов, и хорошо снабженной техникой армии. „Все это может быть испол-

[1] Когда Иванов оттягивал после Львова свои резервы к левому флангу, ожидая оттуда нанесения главного удара, Алексеев два раза намекнул ему, что этот удар последует с правого фланга, что и заставило Иванова держать свой резерв, XXI корпус, в районе Дубно. (В.-Уч. Арх., д. № 438, стр. 283 и 285.)

нено,—кончает автор, [1]—только при условии предварительной разработки вопроса и широкой подготовки железных дорог, что потребует интенсивной и, главное, планомерной работы".

Алексеев наметил общие основы предстоявшей операции в смысле ослабления центра и контр-маневров на флангах, образования и организации крупных резервов и подготовки рельсовых путей для быстрой их переброски, которые должны были в будущем варьироваться в деталях уже в зависимости от того или иного хода противника, так как русское командование временно отказалось от захвата инициативы в свои руки и сопряженного с этим активного характера операций.

Одновременно, подобная же работа шла и среди командования противной стороны.

И здесь дело не обошлось без трений, а окончательное решение вылилось в определенную форму не сразу.

Фалькенгайн, в течение всей предшествовавшей операции, с боязнью оглядывался на запад и торопился вывести армию Макензена из Галиции. Но снотворное поведение англо-французов постепенно его успокоило, и он не ожидал с их стороны решительной операции раньше сентября. Это давало возможность германскому командованию употребить немецкие войска еще в течение 2—2½ месяцев на русском фронте, но при условии своевременно изъять их, что делало рискованным авантюры в духе Гинденбурга—Людендорфа.

Поэтому Фалькенгайн подходил к выработке плана дальнейшей операции осторожно, с оглядкой назад, чтобы своевременно ее приостановить и броситься на западного врага, тем более, что еще с июня у него имелись сведения о медленном раскачивании французов для какой-то большой операции. Типичная особенность при действии по внутренним операционным линиям.

Фалькенгайн на 12 страницах своих мемуаров [2] объясняет post factum [3] метод выработки своего решения. Чуть ли ни на каждой странице он упоминает об операциях с ограниченной целью.

Смею думать, что здесь мы вовлечены в большое заблуждение. Занятие русскими в 1853 году Придунайских княжеств или французами на наших глазах Рура была действительно стратегия с ограниченной целью. Но поход Фалькенгайна от Венгерской долины до Двины и почти до Днепра навряд ли можно отнести к такого рода операциям. Тот факт, что в данном случае полководец разумно ставил определенную и ограниченную задачу каждому шагу развивавшегося похода, не дает права квалифицировать его стратегию, как какую-то новую стратегию, которая склонна откинуть военное искусство двадцатого столетия на два века назад.

---

[1] Этот доклад Алексеева помещен в приложении № 5.
[2] Стр. 102—114.
[3] Как уже свершившийся факт.

Обращаясь в данном случае к операциям на русском театре, следует отметить, что к осторожной стратегии Фалькенгайна более всего подходил выбор направления для удара на Люблин—Холм, как потому, что здесь не приходилось делать тех перевозок и перегруппировок, которые потребовались бы при ударе на другие фронты, так и потому, что это направление не оставляло в одиночестве австрийскую армию, которая была уже совершенно непригодна для самостоятельной работы. Была еще одна привходящая причина, которая заставляла предпочесть Люблинское направление: всякая операция в более северном районе должна была вестись уже Гинденбургом.

Первоначальный план дальнейшей операции принадлежал Сексту и относится к 24-му июня.

Согласно этому проекту, 11-я армия, усиленная трехдивизионным корпусом Марвица, и 4-я австрийская армия, подкрепленная перевезенной с левого берега Вислы 1-й армией, должны наступать на север, с целью разбить русские силы между Вислой и Бугом. Для прикрытия правого фланга этой ударной группы со стороны Ковель—Брест-Литовск отделить от 2-й австрийской армии три корпуса, которыми наступать на уступе в направлении на Владимир-Волынский.

Фалькенгайн изменил этот план только в деталях. 1-я австрийская армия (3½ пех. и 1 кав. дивизии) должна была перейти только после оставления русскими левого берега Вислы и направиться не на усиление 4-й армии, а на правый фланг ударной группы, чтобы освободить 2-ю армию для действия против фронта Иванова.

Направление операции на север, естественно, вводило ее в сферу оперативных действий главнокомандующего Востоком, поэтому Гинденбургу было в конце июня предложено оказать общему делу поддержку решительной атакой сил его фронта на Нареве или Пилице. Но такому удару Гинденбург не сочувствовал и не считал возможным усилить для него войска более, чем на две дивизии. Совершенно иначе он смотрел на удар с низовьев Немана, где с прибавкой ему двух дивизий он ручался „весьма существенно помочь делу уничтожения русской армии“. [1]

Спор между поклонниками ограниченных целей и решительного удара перешел на суд Вильгельма, который стал на сторону своего начальника штаба. Гинденбургу было приказано усилить группу Гальвица из состава 9-й армии до таких размеров, чтобы на левом берегу Вислы осталась только „видимость“ войск, и 12-го июля прорвать русские позиции на нижнем Нареве по обе стороны Прасныша, для облегчения Макензену производства наступления на Буг. При этом Гинденбургу указывалось, ввиде утешения, наметить меры к быстрой переброске войск Наревской

[1] Фалькенгайн, стр. 109.

группы на север для последующего удара против русских сообщений. Но и здесь Фалькенгайн стоял за нанесение удара через средний Неман в юго-восточном направлении, а не в далеких районах севернее этой реки.

Таким образом, весь план Фалькенгайна сводился первоначально к ущемлению в клещи русских войск, находившихся на левом берегу Вислы и в низовьях Нарева, при чем главный удар наносился с юга с широким охватом тылов 1-й австрийской армией и правым флангом Макензена; последующий удар должен быть нанесенным Гинденбургом с Немана. Если мы вспомним доклады Алексеева, то увидим, что задача им была решена за противника таким же образом и он ошибся только относительно удара от Нарева, так как это совершенно не соответствовало доктрине Гинденбурга. Соответственно своим предположениям, Алексеев готовился и к парированию удара.

Обращаясь к сути плана Фалькенгайна, следует отметить, что он принадлежит к той же излюбленной германской форме двойного охвата, на этот раз сильного и глубокого с юга и вспомогательного с севера. Отличие заключается в том, что в данном случае наносивший удар фланг расползался от Вислы почти до меридиана Львова и по самой обстановке было трудно сконцентрировать на узком пространстве кулак для удара.

Но в этой форме, собственно, и заключается единственное сходство между идеей Шлиффена и выполнением Фалькенгайна. Ему должно было быть известным, что русские до крайности ослабили свои войска на левом берегу Вислы и на низовьях Нарева, поэтому удар в отношении живой силы противника наносился, собственно, впустую и мог иметь практическое значение только в смысле овладения Варшавой и оборонительной линией Вислы.

Своевременно же принятые меры, предложенные Алексеевым, выводили бы войска из охватываемого района раньше, чем удар состоялся, и он, в полном смысле, должен был бы быть ударом по воздуху.

Нет никакого основания рассчитывать на то, чтобы Гинденбург мог нанести русским решительное поражение на Немане с двумя лишними дивизиями. Но в данном случае, когда южное крыло немцев было уже на пути к Холму, удар Гинденбурга с севера вдоль Немана совершенно не походил на ту авантюру, которая предлагалась им зимой во образе охвата русского фронта от Балтийского моря и с Карпат. Теперь он был более жизненен, более по средствам и времени; он привел бы в окончательную панику русскую Ставку, перепутал бы все карты Алексеева, который, одновременно сжимаемый далеко в тылу с севера и с юга, не имел бы ни времени, ни возможности противодействовать

сразу Макензену и Гинденбургу. Последовательные удары Фальгенгайна дали возможность и Алексееву их последовательно отбивать.

Наступление на Люблин.

Схема № 28 А.

После занятия союзниками Львова и отхода 3-й армии от Сана на север, а группы Олохова на северо-восток, оба эти армейские соединения, естественно, не могли оставаться в подчинении Иванову, фронт которого отходил на восток, и были переданы Алексееву.

Директивой 25-го июня [1] он поставил Олохову и 3-й армии задачу прикрыть пути на Люблин, Холм и Владимир-Волынский, отходя медленно и только под давлением противника для упорнейшей обороны на основную позицию Ополе—Красностав—Владимир-Волынский—Свинюхи.

27-го июня 11-я германская и правый фланг 4-й австрийской армии, находясь в тесном соприкосновении с русскими, выдвинулись на линию Мосты Вел.—Домашев — Каров — Кардинальски—(11-я армия) и Нароль.

Наступательная задача союзников и оборонительно-отступательная русских должны были повести на Люблинском направлении к ряду столкновений со стороны русских для выигрыша времени к подготовке отпора на основных позициях. Этими задачами и определялся характер будущих столкновений.

Австро-германцы при своем наступлении более всего боялись удара русских в их правый фланг из района Сокаль—Добротвор. Поэтому Макензен организовал свой марш-маневр в виде маневренной группы (Гв., XXII и X корпуса), которая должна была наступать по обе стороны шоссе Томашев—Замостье, имея правый фланг на направлении Белз—Холм, и участка, обеспечивавшего ее правый фланг (Свод. герм. и VI австр. корпуса), который держался на уступе и наступал в общем направлении на Каменка (Струмилова)—Кристинополь; правее VI австр. корпуса держался корпус Марвица, который должны были сменить части 2-й армии, чтобы освободить его для маневра.

К вечеру 28-го маневренная группа вышла на линию Гопке—Верахане—Шараволя. 2-я армия дошла левым флангом до Каменки (Струмилова), чем в значительной степени облегчила положение Марвица.

Отход 27-го июня правого фланга 8-й армии к востоку от Белза, конного корпуса, действовавшего на левом фланге группы Олохова, от Ярчева на север, а кавказских стрелков

---

[1]) Директива 12(25)-го июня № 2718/674. В.-Уч. Ар., д. № 438, стр. 155.

на Томашев, заставил Алексеева экстренно перебросить (по жел. дор.) в распоряжение Олохова с левого фланга 4-й армии XXXI корпус по-дивизионно через Холм и далее (походом) к Грубешову и к Владимир-Волынскому, возложив на Олохова прикрытие путей на Холм и Грубешов, а на конный корпус путей на Владимир-Волынский. 3-я армия оттягивалась на линию Поповец—Янов—Фрамполь—Щебрешин, прикрывая промежуток между ею и Олоховым кавалерийской дивизией, поддержанной пехотой с артиллерией.[1]

29-го австро-германцы корпусами маневренной группы заняли положение, указанное на схеме. Пассивная группа (герм. к-са Сводн. и Марвица) занимали позицию по Бугу. В распоряжении Макензена оставался XLI герм. корпус, а XI австрийский был направлен на Немиров.

2-я и 4-я армии в этот день совсем не продвинулись.

Постоянное сосредоточение союзных войск на их крайнем правом фланге и вновь начавшийся отход 8-й армии беспокоили и Алексеева. 29-го июня он приказал перекинуть по железной дороге из Ломжи к Холму или Владимир-Волынскому Гвард. корпус, который, также включаясь в группу Олохова, должен был развернуться совместно с XXXI по Бугу, на фронте Грубешов—Сокаль (на 2 корпуса почти 50 клм.) и составить точку опоры для остальной части войск Олохова. 3-й армии, отходившей вместе с группой Олохова на линию Уржендов—Красник—Щебрешин—Красноброд—Лащов,—сообразовать свое дальнейшее движение с Олоховым и увеличить резерв, держа его ближе к левому флангу. Сбор подвозимых корпусов ожидался 3-го июля. 4-й армии разрешалось сократить свои позиции, отойдя левым флангом к Юзефовскому тет-депону и заняв на правом берегу Вислы подготовленную позицию между рекой и ручьем Уржендовкой. [2]

Образовавшийся открытый промежуток между Олоховым и 8-й армией прикрывался конницей этой последней.

В район Рейовца перевозился II Сиб. корпус.

Таким образом, оба противника, опасаясь за свои восточные фланги, невольно вместо меридиального направления оттягивались на северо-восток. При этом Макензен, под страхом за свой фланг, лишился с самого начала операции большей половины своей армии, употребив ее для задачи пассивной завесы, и все-таки в результате он оказывался, благодаря маневру Алексеева, обойденным.

30-го июня ударные корпуса Макензена, перешли шоссе Замостье—Щебрешин, а авангарды 4-й австрийской армии достигли линии Фрамполь—Здеховице.

---

[1] Директива 15 (28)-го июля № 2845. В.-уч. Арх., д. № 438, стр. 201.
[2] Директива 16(29)-го июня № 2884. В.-Уч. Ар., д. № 438, стр. 205.

На 1-е июля Макензен приказал этой армии энергично наступать правым флангом на Люблин и левым—вдоль Вислы. Но 1-го июля наступление австро-германцев шло с большим трудом, при чем в 4-й армии X австр. корпус потерпел сильное поражение от сводного отряда 4-й русской армии (из частей XXV к-са под командой ген. Веселовского), и к вечеру этого дня 4-я австрийская армия только приблизилась к линии Туробин—Красник, а 11-я германская армия продвинулась лишь Гвард. (до Миончин—Яновка) и X корпусами, заняв последним переправу у Заклодье.

Неудача под Красником в направлении германских тылов произвела сильное впечатление на союзное командование и временно приостановила всю операцию Макензена.

Для спасения положения была ускорена переброска 1-й австрийской армии с левого берега Вислы, причем в район Красника были направлены 4 пех. и 1/2 кав. дивизии, а 11-я армия приостановила наступление, введя в боевую линию последний резерв, XLI корпус, который развернулся между корпусами Сводным и Марвица, примерно, у Хорошице, еще более усилив правый фланг Макензена.

Алексеев определял по группировке неприятельских сил (12 дивизий в районе Белз—Томашев) ближайший в будущем удар на фронт Луков—Брест через Холм или через Владимир-Волынск., поэтому все его внимание было направлено в эту сторону. Приказав перейти на всем фронте к обороне кратчайших позиций, он весь образовавшийся избыток сил сосредоточивал у Бреста. 2-я армия направляла туда VI Сиб. корпус, 5-я—две пехотные дивизии, 10-я—одну дивизию в Ковель; 4-й армии вместе с 3-й указывалось отбить удар, направленный на Люблин. [1] Одновременно группа Олохова была переформирована в 13-ю армию.

Австро-германцы сформировали для противодействия натиску русских на Красник из вновь прибывших частей ударную группу, которая начала 3-го июля наступление по обеим сторонам Быстрицы и прорвала на фронте 10 клм. расположение XV корпуса. Одновременно с русской стороны части группы Олохова атаковали с фронта Грубешов—Сокаль центр и правый фланг Макензена, что поставило его армию в критическое положение и могло быть ликвидировано только ценою ввода в дело всех армейских резервов. К вечеру 3-го июля фронт здесь стабилизировался по линии Малков—Теребинец—Грабовец и далее по реке Волица.

Вновь усиливавшееся опасение за правый фланг Макензена заставило его прекратить наступление и потребовало усиления его группы еще на три пехотных и одну кавале-

[1] Директива 19-го июня (2-го июля) № 3055/737. Там же, стр. 274.

рийскую германские дивизии, взятые из Южной армии. Одновременно ставшую тяжеловесной 11-ю армию было решено разделить на две—11-ю и Бугскую, в зависимости от двух предстоявших операционных направлений, на Владимир-Волынск. и Холм. В Бугскую армию вошли 8 пех. и 2 кав. дивизии (корпуса XLI, Марвица и дивизии 11 бав., 107 пех., 11 и 5 кав.) под командой Линзингена, место которого во главе Южной армии занял Ботмер.

Развивавшийся удар вдоль Быстрицы сильно расстроил XV, IX и X русские корпуса, которые начали отход на следующую позицию. „Если Вам неизвестно положение 3-й и 13-й армий,—доносил Алексеев верховному главнокомандующему,[1] —то я должен сказать, что численно они ничтожны, утомлены до крайности и серьезного сопротивления оказать не могут. X корпус, на который ведется главный удар, имеет не свыше 4 тыс. штыков при почти полном отсутствии офицеров. В укомплектовании мне отказано; набираю, что могу у себя, отправляю часть постоянного состава запасных батальонов, беру из каждой дивизии по одной роте, бросаю из Седлеца с распределительного пункта выздоравливающих, но все это капля в море для двух армий, имеющих некомплект в 180 тыс. человек".

Таковы были русские силы на путях к Люблину и Холму, против которых сосредоточились Бугская, 11-я германская и 4-я австрийская армии. Алексеев требовал постановки ему новых задач; пока же директивой 4-го июля[2] указывал 3-й армии отойти на укрепленную позицию Боржехов—Быхава—Пиляшковице, оставляя свой левый фланг у Грабовца в связи с позицией 13-й армии.

Ближайшей задачей этим двум армиям ставилось упорное удержание противника на несколько дней, необходимых для подвоза подкреплений на линию Люблин—Рейовец—Холм—Дорогуск. Остальным армиям—удерживать противника и быть готовыми оказать помощь 3-й и 13-й армиям, а также выделить средства для быстрого сосредоточения войск в районе Белосток—Осовец, для чего 12-я, 1-я, 2-я и 4-я армии отводились к 7-му июля на укрепленные позиции и выделяли резервы, как указано ниже и на схеме № 28 А и Б.

2-я армия должна была, убрав крепостную артиллерию, отойти в ночь на 7-е июля на позицию Блоне—Гройце, выделив корпус в Малкин, и 4-я—оттянуть на левом берегу Вислы свой левый фланг на позицию Скарышев—Цепелев и даже Высмержице—Едльня—Анелин—Яновец, а на правом берегу отойти на подготовленную позицию Казимерж—Ополе—Боржехов и собрать возможно больше своих сил на правом берегу реки. 12-я и 1-я армии должны

[1] Разговор 21-го июня (4-го июля) в 22—24 часа. Там же, стр. 304.
[2] Директива 22-го июня (5-го июля) № 3216/477. Там же, стр. 292

занять позиции, идущие через Красносельц—Цеханов—Плонск, выделив каждая в резерв не менее дивизии. 5-й армии выполнять поставленную ей задачу, выделив в Белосток одну стрелковую бригаду.

Эти распоряжения Алексеева не только передавали в его руки еще 4½ пех. дивизии, но, сокращая число войск в Привислинском районе, уменьшали значение нацеленного Фалькенгайном удара от Прасныша и от Люблина.

5-го июля состоялось совещание в Седлеце, на котором Алексеев получил, наконец, полную свободу действий. Ему было предоставлено право отказаться от обороны Вислы и нижнего Нарева и перейти на более сокращенные позиции, намечая первую на линии Ломжа—Малкин—Луков—Парчев—Влодава—Ратно и предельную для отхода линию Бобра, верхнего Нарева и далее на Брест и Ратно. При этом разрешено было Ивангород не считать крепостью, но просьба Алексеева принять такое же решение и относительно Новогеоргиевска, чтобы не запирать там гарнизона, Ставкой была отклонена, в виду необходимости обсудить этот вопрос. Она его и обсуждала до бесславного падения этой крепости. [1]

В зависимости от принятого решения Алексеев наметил линию отхода, как указано на схеме № 28 Б.

Своевременное выполнение этого маневра приводило намеченный Фалькенгайном на 13-е июля удар впустую, но в быстром выполнении его Алексеев был связан той ответственностью, которую он брал на себя очищением Варшавы и необходимостью дать время для ее эвакуации.

Успех, одержанный ударной группой 4-й австрийской армии в направлении на Быхаву, был кратковременен и 3-я русская армия в боях 4-го—8-го июля окончательно разгромила левый фланг этой армии и откинула его обратно к Краснику, что вновь перепутало карты Макензена и приостановило его наступление к Люблину до 13-го июля.

Общий фронт к наступившему на несколько дней перерыву в боях стабилизировался по линии Ополе—Быхава—Красностав —Грубешов — Владимир - Волынск. — Свинюхи. Юго-западный фронт отошел к этому времени на линию верхнего Буга от Буска и Золотой Липы.

К 11-му июля общая группировка русских сил показана на схеме № 28 Б.

Состав всех русских вооруженных сил на европейском театре равнялся 50 корпусам или 116 пех. (из них 35 второочередных) и 35½ кав. дивизиям. [2]

---

[1] Протокол совещания № 3795 и директива 22-го июня (5-го июля) № 2793. Там же, стр. 343 и 344.

[2] В.-Уч. Ар., д. № 438, стр. 399.

Этот период операции, с 22-го июня по 13-е июля, вместе с переменой на русской стороне ее главного руководителя с Иванова на Алексеева совершенно изменил и свой облик. Она потеряла характер какого-либо бессистемного цепляния за каждую пядь земли и вела к достижению ясно поставленной цели отвода армий на определенные рубежи с ослаблением центра и усилением флангов. При этом тяжелая работа прикрытия перегруппировки ложилась на слабые 3-ю и 13-ю армии. Задача этими обеими армиями была в полной мере выполнена, несмотря на превосходство неприятельских сил,—13-я армия заставила Макензена израсходовать все свои резервы, а 3-я дала два таких сильных толчка 4-й австрийской, что задержала развитие всей операции почти на неделю.

В задачу Алексеева не входила идея наступления, а только идея вывода армий из ненормального положения, поэтому и контр-маневр его не имел пока активного характера, а сводился к предугадыванию любимого маневра немцев—двойного охвата и противодействию ему путем группировки кулаков против немецких охватывающих ударов.

Что Алексеев предугадал своим маневром намерение противника, лучше всего доказывается всем поведением за истекший период Макензена, который фактически топтался на одном месте. Его первоначальное решение—направить правый фланг своего удара от Белза на Холм, не только вылилось, в конце концов, в направлении его на Владимир-Волынский, но и в сосредоточении здесь большей и лучшей части своей армии, для чего он должен был почти совершенно обездолить немецкими войсками южные австрийские армии.

Направление немцами главного удара на Владимир-Волынский в разрез между обоими русскими фронтами казалось бы приводило союзников к более широким результатам, но по складывавшейся обстановке было им совершенно не по силам. Оставить важное Люблинское направление на одних австрийцев представлялось невозможным, так как их сильная 4-я армия откатывалась назад при всяком натиске противостоявшей ей слабой 3-й русской армии, что срывало каждую попытку Макензена к наступлению и заставило его перекидывать часть германских войск на запад. Это раздвоение немцев от Владимир-Волынского к Люблину и дало Алексееву возможность выиграть несколько столь необходимых ему дней перед началом совместного удара Гинденбурга на Прасныш и Макензена на Люблин—Холм.

Люблинско-Наревская операция.

(Схемы №№ 29 и 30).

Люблинско-Наревская операция обнимает собой период, примерно, от 13-го июля до 19-го августа, после чего центр тяжести действий обеих сторон был перенесен на Неман и к северу от него.

Этот период характеризуется подготовленным мощным ударом союзников на Нарев и на Люблин—Холм, с целью взять в клещи русские армии в районе Вислы и заблаговременно решенным Алексеевым выводом армий из-под намеченного удара. Боевые операции здесь особого развития получить, таким образом, не могли; все основывалось на маневре, и в этом отношении победу следует отнести на сторону Алексеева, что признает и Фалькенгайн, который свидетельствует, что весь германский маневр вылился в следование их армий на восток.

Выгодное для немцев положение было только в первую половину операции, когда неожиданный для Алексеева удар со стороны Прасныша и излишняя задержка на левом берегу Вислы из-за вполне понятного желания удержать Варшаву до крайнего предела заставили русские войска принять несколько боев в невыгодном для них состоянии и перенести несколько критических положений.

Комбинированный удар Макензена и Гинденбурга должен был состояться 13-го июля, а приготовления к нему начались еще с начала месяца. По первоначальному подсчету предполагалось, что ко времени удара, группа Макензена будет уже иметь в руках линию Люблин—Холм, и пространство русских для маневра будет сильно стеснено, но этого в действительности не оказалось и, напротив, его группа переживала еще кризис на путях к Люблину—Холму, в виду сильного поражения 4-й армии. Это обстоятельство неблагоприятно отзывалось на первоначальных действиях южного австро-германского кулака.

Гинденбург свою часть задачи решил выполнить, усилив армию Гальвица четырьмя дивизиями из 9-й армии и сосредоточив одну ударную группу в районе Прасныша, для прорыва в направлении Пултуск—Рожаны и другую, вспомогательную, на правом фланге 8-й армии, для наступления в районе между реками Шква и Писса. Всего армия Гальвица имела 7 корпусов (I, XIII, XVII, XI, XVII рез. и Дихгута), что вместе с подошедшими во время операции подкреплениями (5 див.) составило 18 дивизий, которые большей своей частью обрушились на слабые русские I Сиб. и I Турк. корпуса. (См. схему № 30).

В свою очередь, со стороны Гальвица идея удара сводилась к прорыву позиции русских по обе стороны сильно

укрепленного Прасныша, чтобы этим заставить их его сдать. [1]

Западная группа атаки состояла из двух корпусов (XI и XVII) и восточная из одного XIII; обе они были поддержаны огнем 60 тяж. батарей. Обеспечение правого фланга возлагалось на корпуса XVII рез. и Дихгута и левого—на I корпус. В резерве оставалось $2^1/_2$ дивизии. Все это давало более четверное превосходство в силах перед атакованными частями I Сиб. и I Турк. корпусов.

Одновременно с атакой Гальвица, на левом берегу Вислы группа Войерша должна была связать русские войска между Пилицей и Вислой и в дальнейшем наступать в связи с 4-й австрийской армией; группа Макензена (4-я, 11-я и Бугская армии)—разбить русских между Вислой и Бугом и 1-я армия, в составе двух корпусов и трех кавалерийских дивизий,—прикрыть правый фланг всей группы, наступая на Владимир-Волынский и держа связь по Бугу с 2-й армией. При этом 11-я и 4-я армии могли, в виду сильного расстройства последней, начать наступление не раньше 15-го июля. (См. схему № 29).

Группе Бэм-Ермоли (2-я и Южная армии) указывалось первоначально занимать выжидательное положение до совместного наступления с 7-й армией для овладения линией реки Стрыпы.

В дальнейшем развитии операции бои и маневры шли, перепутываясь между собою по всему обширному русскому театру. Для большей ясности, в тесной связи по дням, будут излагаться действия только центральных групп армий, а по отдельным небольшим периодам и фланговых.

13-го июля началась неожиданная для русских атака Гальвица и после целого дня упорных боев ему не удалось овладеть всеми тремя линиями первой полосы русских, „в виду упорного сопротивления пехоты противника". Одновременно 8-я германская армия, демонстрируя в Ломжинско-Остроленском направлении, сильно атаковала V русский корпус в районе реки Шквы, примерно, у Серафина.

Алексеев на эти атаки реагировал разрешением 1-й армии отойти на вторую укрепленную полосу Красносельц—Цеханов и направлением резервов к Цеханову (IV корп. из 2-й арм.), Рожанам (прибывающий XXI кор. и стр. бр. из Белостока) и к Остроленке (68-я див.); свои израсходованные резервы Алексеев пополнял переброской одной дивизии из 5-й армии в Белосток и направлением в Белосток же двух дивизий от Иванова. [2]

14-го и 15-го июля наступление немцев развивалось медленно. Западная группа Гальвица, израсходовав все армейские резервы и вновь прибывшую из 9-й армии свежую дивизию, смогла продвинуться только на 3—4 клм. в глубь второй укрепленной полосы русских, а восточная—беспросветно залегла перед проволочными заграждениями. Тем не менее, Людендорф „усматривал, что сопротивление

---

[1] В этом месте позиции русских состояли из двух сильно укрепленных полос, отстоявших друг от друга на 11—15 клм. Первая из них шла севернее Прасныша от Еднорожца на Мхово, Грудуск и Кроснице и вторая южнее его от Красносельца на Богате и Цеханов.

[2] Директива 3 (16)-го июля № 3742. Там же, стр. 40.

русских не может быть длительным" и указал в дальнейшем направить корпуса Дихгута и XVII рез.—для обложения Новогеоргиевска, XI с 1 гв. рез. див.--на Пултуск, XVII—форсировать Нарев между Пултуском и Рожанами, XIII—на Рожаны и I—на Остроленку. (См. схему № 30).

15-го июля начались бои у Сенно группы Войерша (5 пех. и 1 кав. дивизии) с задерживавшими ее арьергардами 4-й русской армии, а также наступление группы Макензена. 1-я австр. армия оттеснила русских на восточный берег Буга, Бугская армия успеха не имела, 11-я и 4-я топтались на месте.

16-го числа удары немцев на Нареве продолжались; положение I Сиб. корпуса, к которому резервы еще не собрались, делалось тяжелым, и 1-я армия начала осаживать на Пултускую позицию от Красносельца на Подосье, Облудзино, Черностово, Голендково, Цексин. Поэтому было приказано и 12-й армии, примкнув свое левое крыло к Красносельцу, отойти с остальной частью на правый или левый берег Нарева между Новогродом и Остроленкой.

2-й армии было разрешено начать задержанный отход на позицию Блоне—Гройце,[1] отправив стрелковую бригаду в Вышков.

Но уже 17-го числа Алексеев разрешил, под влиянием упавшего духом командования 1-й армии, отвести ее на левый берег Нарева, заняв предмостное укрепление у Рожан и укрепленную позицию Дзержаново, Черностово, Голендково, Цексин, выведя XXVII корпус из Новогеоргиевска к Малкину и введя в гарнизон крепости 63-ю дивизию. 12-й армии—занять кратчайшую позицию, выделив возможно большее количество войск в резерв и направив стрелковую бригаду в Вышков.[2]

Ввиду отхода русских, Гальвиц приказал правому армейскому крылу (Дихгута и XVII рез.) обложить Новогеоргиевск, XI корпусу атаковать северную часть Пултуска, XVII—подготовлять переправу между Пултуском и Рожанами, XIII—атаковать Рожаны и I—парализовать части противника у Остроленки.

На фронте Макензена 4-я армия развернула свои 6 корпусов (XVII, XIV, X, IX, VIII и Сводн.) для атаки, но 16-го—18-го июля с места не продвинулась; топтались на месте эти дни также 1-я и Бугская армии, выдерживая ряд контратак 13-й русской армии. Но зато значительный успех имела 11-я армия, которая на фронте Орлово—Борово сосредоточила три корпуса (Гв., XXII и X) и три дивизии в резерве и к 17-му—18-му числа оттеснила русских за линию Крас-

---

[1] Директива 3 (16)-го июля № 3742. Там же, стр. 40.
[2] Директива 4 (17)-го июля № 3792/908. Там же, стр. 49.

ностав—Пиляшковице (VI австр. корп. продвинулся к этому времени только до Липины).

Сильные потери, понесенные в этих боях Гвард. и XXII корпусами (последний был отброшен на направлении Рейовиц — Пяски) заставили Алексеева в ночь с 18-го на 19-е июля отвести 4-ю, 3-ю и правый фланг 13-й армии на подготовленную позицию, указанную на схеме № 30.

Алексееву было разрешено очистить Варшаву.

19-го июля на общем фронте происходил отход русских на указанные позиции; на Нареве они очистили Остроленку; на Холмском направлении германская Бугская армия вышла с боями на линию Грубешов—Войславице.

20-го июля русские перешли, после подхода направленных Алексеевым резервов, в короткие контр-удары по всему фронту. На Нареве контр-удар развился на широком фронте от Рожан до железной дороги Новогеоргиевск — Млава, угрожал окружением XVII корпусу и потребовал от немцев не только ввода здесь в дело всех своих сил, но и ослабления их правого фланга для того, чтобы к вечеру оттеснить русских в их исходное положение. Предполагаемая ими на этот день атака Рожан, естественно, была отложена, а прибывшие с запада две свежих дивизии, которые Гинденбург хотел направить на Неман, пришлось определенно оставить у Гальвица.

4-я австрийская армия наступления так и не начинала; 11-я и Бугская должны были приостановить наступление, в виду понесенных тяжелых потерь, а 1-я уступила русским ряд тет-де-понов на Буге.

21-го—22-го июля на фронтах продолжалось затишье.

У союзников продолжались пререкания между Фалькенгайном и Гинденбургом о том, куда выгоднее направлять прибывающие подкрепления, на Ковно или на Нарев, при чем вопрос был вновь решен в пользу Нарева, в виду необходимости переброски сил на Балканский полуостров. Гальвиц все еще продолжал готовиться к форсированию Нарева по известному уже нам плану. 9-я армия подходила к русским позициям у Блоне. Войерш и 4-я армия вошли в связь у устья Ходеля, и группа Макензена перегруппировывалась.

Все эти промедления в наступлении против русских войск, которые вообще решили держаться до первых серьезных столкновений, играли более всего в руку Алексееву.

Затишье на фронтах дало ему время ознакомить командовавших армиями с своими дальнейшими предположениями, касавшимися южных армий, на которые был направлен главный удар.

„Я решил,—говорилось в его директиве от 22-го июля,—[1] если дальнейшая обстановка сделает это необходимым, по-

[1] 9 (22) го июля № 2895. В.-Уч. Арх., д. № 433, стр. 112.

степенно отходить на подготовленную укрепленную позицию Ивангород—Зимне—Остров—Опалин—Ковель. Если обстоятельства потребуют, то 13-я армия отойдет на позицию Збереже—Ратно". Линия подготовленных позиций и рубежей при постепенном отходе указаны на схемах № 29 и 30. Отход указывалось произвести медленно, выигрывая у противника каждый день, портя дороги, выжидая на промежуточных позициях подхода противника и развертывания его сил, но не доводя дела до полного развития боя.

Выполнение подобного маневра нарушало связь между 13-й и 8-й армиями, и Алексеев решил ее поддерживать особыми отрядами, силой в кавалерийский полк каждый, выделяемыми 13-й армией для прикрытия путей на Пинск.

Разрыв между фронтами, который должен был при дальнейшем отходе естественно увеличиваться, обеспокоил Иванова. Из двух возможных мер обеспечения своего правого фланга, образования за ним маневренной группы или отхода назад, Иванов остановился только на последнем и предполагал на директиву Алексеева реагировать оставлением 11-й и 9-й армий на Золотой Липе и Днестре, с постепенным отводом на восток 8-й армии, но сохраняя ее левый фланг в районе Золочев. С отходом 13-й армии к Ковелю весьма вероятен отход всего Юго-западного фронта на линию Торчин—Заложце—р. Серет с выделением особого отряда (бриг. пех. и див. кав.) к Рожище для обеспечения направления на Сарны долиной Стыри. [1]

Но расчеты Алексеева на медленное оттягивание своих армий были нарушены состоявшимся, наконец, 23-го июля наступлением Гальвица для форсирования Нарева на фронте Рожаны—Пултуск. В ночь на 24-е июля 1-я русская армия, подорванная скорее морально, чем разбитая физически, отошла на левый берег реки по линии Хелсты—Лахи—Комарово—Заторы, удержав в своих руках на правом берегу Нарева Рожаны и позицию Пултуск—Насельск—Цексин, занятую целым корпусом. Вся опасность положения заключалась не в полууспехах немцев, а в том, что командовавший 1-й армией (Литвинов) потерял сердце и заявлял, что армия навряд ли удержится и на этой новой линии; [2] это же ставило в опасное положение пребывание 2-й армии на левом берегу Вислы.

При таких условиях Алексеев предупреждал к мандовавших армиями директивой от 24-го числа [3] о своем решении сосредоточить 12-ю, 1-ю, 2-ю и 4-ю армии, примерно, на линии Ломжа—Остров—Венгров—Седлец—Коцк, при чем

[1] Иванов Янушкевичу 10 (23)-го июля, № 1049. В.-Уч.-Арх., д. № 433, стр. 142.

[2] Разговор Алексеева с Даниловым 11 (24)-го июля. Там же, стр. 153.

[3] Директива 11 (24)-го июля № 4091. Там же, стр. 172.

3-я и 13-я—должны были сдерживать противника на линии, примерно, Ленчна — Владимир-Волынский или по линии Зимне—Вытычно—Опалин—Ковель.

„Армиям,—писал Алексеев,— предстоит выполнить сложную операцию, которая начнется переходом 2-й армии на правый берег Вислы, удерживая за собой укрепления бывшей фортовой линии. 1-я и 4-я оказывают ей полное содействие, держа тесную связь с ее флангами. Сосредоточение выполняется последовательно, сообразуясь с действиями противника, особенно против 12-й и 1-й армий...“

Но распоряжения Алексеева об отходе оказались еще преждевременными. Поддержанная 1-я армия оказала большую боеспособность, чем приписывал ей сам упавший духом ее командующий. На фронте Остроленка—Пултуск начались с 24-го июля длительные, но безуспешные для немцев, бои за выигрыш пространства на южном берегу реки.

23-го июля вечером Гинденбург, рассчитывая, что он одержал полную победу, отдал приказание правому крылу армии атаковать Новогеоргиевск, а остальным корпусам наступать через Вышков—Остров до Буга.

В развитие этой директивы Гальвиц на 24-ое июля поставил задачи группе Безелера (корп. Дихгута и ланд. дивизии) действовать против Новогеоргиевска; XVII рез. корпусу—занять для дальнейшего наступления линию Заторы—Пнево; XI—Пнево-Жонсник, XVII наступать на Длугоседло, XIII—на Остров и I прикрывать левый фланг операции. Но к вечеру 24-го немцам удалось переправить через Нарев у Пултуска только 5 дивизий, а у Рожан, обстреливаемых русской артиллерией, ни одной.

25-го июля немцы сразу натолкнулись на сопротивление русских по всему фронту и продвинуться нигде не могли, а 35-я дивизия XVII корпуса потерпела сильное поражение у д. Гронды, которую и уступила русским.

26-го июля армия Гальвица, хотя и была усилена двумя вновь прибывшими дивизиями (одна, 54-я, с французского театра и другая, 83-я, из 9-й армии), но в течение целого дня не могла справиться с неожиданной для нее энергичной контр-атакой русских, которая перепутала немцам карты, заставила пережить ряд критических моментов (85-я ланд., 86-я пех., 50-я рез., 35-я и 36-я див.) и понести большиепотери.

27-го июля контр-атаки русских продолжились и немцы вновь остались на месте, за исключением XIII корпуса, дошедшего до шоссе Вышков—Остроленка, и дивизии I корпуса, переправившейся через Нарев между Рожанами и Остроленкой у Каменка.

28-го июля контр-атаки русских продолжались, и немцы вновь не продвинулись вперед. Попытка 54-й дивизии переправиться через Нарев севернее Остроленки кончилась

неудачей, „благодаря упорству русских и необыкновенно искусному расположению их батарей и пулеметов".

29-го июля немцы отказались развивать операцию со стороны Пултуска и Рожан и начали делать перегруппировку для форсирования реки у Остроленки.

Я нарочно подробно остановился на этом эпизоде, изложив его исключительно по тому иностранному источнику (Шварте), который его не замалчивает, эпизоде, показывающем удачную и длительную борьбу безоружных русских корпусов, с хорошо оборудованным кулаком Гинденбурга, как следствие своевременных перегруппировок Алексеева [1] и его твердого управления. Здесь, на берегах Нарева, немцы получили тот неожиданный для них и длительный удар, который сводил на-нет всю их операцию. Для русских бои на Нареве не имели бы никакого стратегического значения, если бы очищение левого берега Вислы не было излишне задержано; они именно являлись последствием излишнего увлечения удержанием Варшавы.

Интереснее всего, что в то время, как 1-я и левый фланг 12-й русских армий наносили серьезное поражение немцам, командование этими армиями считало свое положение весьма неустойчивым и помышляло об отходе. „С грустью отмечаю,—писал по этому поводу Алексеев, [2]—что некоторые начальники сообщают в своих донесениях мало проверенные и преувеличенно тревожные сведения; некоторые утрачивают бодрость и веру. Исключительные по важности минуты требуют твердости со стороны начальников; кто утратил это драгоценное качество, пусть оставит свой пост."

Победа и поражение базировались, таким образом, исключительно на твердости духа начальствующих лиц.

На остальных участках общего фронта за этот период ничего существенного не случилось.

27-го русские отошли 2-й армией на фронт Варшавских укрепленных позиций, имея следующей за собой 9-ю германскую армию; 4-я русская армия отошла на позицию за Ходель; Бугская армия подошла к позиции русских севернее шоссе Городло—Степанковице—Ярославиц—Ухане;

---

[1] Маневры Алексеева за этот период носили очень однообразный и поучительный характер. Он имел в каждой армии выделенные в его распоряжение резервы, пододвинутые к станциям посадки и с подготовленным подвижным составом. Эти резервы не могли быть расходуемы частными начальниками без его разрешения. При обнаружении немецкого удара на какой-нибудь участок, все выделенные резервы быстро сосредоточивались к угрожаемому пункту, а на их место выделялись новые. Это тот способ, который был принят французами три года спустя, летом 1918 года, и мог быть ими широко развит, благодаря богатейшей рельсовой сети.

[2] Директива 14-го (27) июля № 4215. В.-Уч. Ар., д. № 433, стр. 209.

2-я боролась за Бугские тет-де-поны и, наконец, 11-я заканчивала перегруппировку для очередного удара на фронт Травники—Бискупице $3^1/_2$ корпусами, поддержанными 21 тяжелыми батареями до 30,5 ст. калибра.

С 29-го июля союзники вновь начали наступление по всему фронту. На Наревском направлении они решили перейти к обороне на своем правом фланге и, перекинув три дивизии к Рожанам, переправить их там на левый берег Нарева и, усилив I корпус, атаковать Остроленку с юга. После длительных боев, этот маневр удался и оставленная русскими Остроленка была 3-го августа вечером занята I германским корпусом. Это дало возможность развить в будущем наступление к югу от Нарева 8-й германской армии, которой до того времени не удалось переправиться через реку.

9-я германская армия занимала очищенные русскими передовые Варшавские укрепления.

Группа Войерша, сосредоточив три дивизии, начала переправу через Вислу у устья Радомки и вела бои за Ивангород (1-го августа).

Но решительный результат на дальнейший ход операции оказал за эти дни большой успех группы Макензена или, вернее, 11-й ее армии. В результате боев 29-го—30-го июля шести с половиной корпусов (VI австр., Гвард., XXII рез., X рез. и X корпуса, 103-я, 22-я и 119-я пех. и Гв. кав. дивизии) с левым флангом 3-й русской армии немцам удалось заставить русских отступить, и самим занять 30-го вечером линию Загрода—Рейовец—Павлов—Антонев. Бугская армия продвинулась с боем на линию Корчевники—Лещаны — Весолувка. 4-я австрийская армия начала, наконец, преследование своими 4-мя корпусами (XIV, IX, X и VIII) 4-й русской армии и 30-го июля, заняв Люблин, вышла на линию Габров — Куров — Ново-Александрия.

На 1-е августа Макензен приказал Бугской армии наступать на Буг—Холм; 11-й—на Холм—Ленчну и 4-й—западнее Ленчны. В результате, к вечеру 3-го августа 1-я и Бугская армии занимали течение Буга до железной дороги Холм—Ковель и далее по линии Турка — Холм; 11-я — по линии Ольховец—Ленчна и 4-я, продвинувшись правым флангом до впадения Быстрицы в Вепрж, на остальном фронте не могла преодолеть сопротивления русских.

Создавшееся положение на фронте 3-й армии заставило Алексеева решиться 3-го августа на постепенный отвод всех армий на позиции, определяемые общей линией Моцарже — Едвабно — Ломжа — Остров — Брок — Жулин — Чаплы — Едлянка — Коцк — Остров — Опалин — Турийск. (См. схему № 29).

В отношении способа выполнения указанного маневра, Алексеев отдавал командовавшим армиями длинную директиву-инструкцию. [1]

Маневр должен быть выполнен последовательно и спокойно под стойким прикрытием 12-й и 1-й армий. 2-я армия получила разрешение перейти на правый берег Вислы еще в ночь на 3-е, удерживая в своих руках позицию на линии бывших фортов Варшавы, что и исполнила беспрепятственно. Для 4-й, 3-й и 13-й армий указывалось отходить в ночь на 4-е августа на линии, указанные на схемах №№ 29 и 30.

12-я и 1-я армии продолжают задерживать противника, а в подготовляемых укреплениях на линии Новогород – Будное—Трошин—Вышков и в нижнем течении Буга они найдут для этого хороший способ.

Дав подробные указания для первого этапа отхода, Алексеев дальнейший этап намечает лишь в общих чертах, так как он во всем будет зависеть от складывавшейся обстановки. Согласно его предположениям, 2-я армия должна оставить левый берег реки в ночь с 4-го на 5-е августа и достичь тремя небольшими ночными переходами своей основной позиции. 4-я армия сообразует отход со 2-й, а 1-я соответственно откидывает свой левый фланг. По мере отхода армий, они должны возможно большую часть войск выделять в резервы.

4-го августа Гинденбург вновь изменил направление главного удара на Нареве. Таковой впредь должен был наноситься на стыке 8-й и 12-й армий (группы Гальвица) в направлении на Снядово, почему Гальвицу подчинялся и правый фланг 8-й армии в составе двух дивизий. Наступление должно было вестись, примерно, с фронта Прабуты—Юзефово—Грабово—Лясковице на фронт Снядово—Остров.

Наступление шло, благодаря сопротивлению 12-й русской армии, очень медленно. Только 6-го числа немцы достигли фронта Хростов—Юзефов, оттеснив 12-ю армию на фронт Едначево—Дембово—Дамяны, и 8-го числа дошли до линии западнее Ломжа—Снядово—Остров—Вышков. Эти обстоятельства заставили Алексеева в ночь на 8-е августа отвести армии на указанные на схеме позиции, кроме 13-й, которая сохранила свое положение.

В дальнейшем операция в центре потеряла всякий интерес. Русские армии спокойно вышли из окружающего их положения и продолжали свой медленный уже фронтальный отход на восток, при малейшем давлении армии Гальвица, наступавшей вверх по Нареву и Бобру, на правый фланг 12-й армии. 13-го августа они вышли на линию, указанную на схеме № 29. При этом активная роль воз-

---

[1] От 21-го июля (3-го августа) № 4454/12138. В.-Уч. Арх., д. № 433, стр. 290.

лагалась только на 13-ю армию, которая получала задачу прочного поддержания связи между обоими фронтами и обороны района восточнее Буга. С этой целью ей указывалось всеми силами сохранить свое положение на восточном берегу Буга и только в крайнем случае разрешалось отвести левый фланг на линию Любомль—Турийск.

На берегах Вислы остался только один Новогеоргиевск доживать без всякого стратегического смысла и благодаря исключительно упрямству Ставки, свои бесславные дни.

Так называемый передовой театр для русских армий был потерян. Они отошли на линию среднего Немана, Белостока и Брест-Литовска. Операция между Наревом и Люблином—Холмом кончилась. Приходилось переходить к ее новому очередному шагу, и взоры сторон невольно обращались к флангам. Что же в это время делали немцы? Они медленно продвигались по всему фронту вслед за отходившими русскими, успешно задерживаемые их арьергардами. и нигде не представили помехи планомерному отходу Алексеева.

С другой стороны, немцы спорили о планах дальнейших действий. Здесь спор шел в двух областях—в более широкой, между Фалькенгайном и Гинденбургом, и в более узкой,—между Макензеном и Линзингеном.

Гинденбург при каждом удобном случае доказывал необходимость перекинуть центр удара с Нарева на Неман, и, надо сознаться, что, по мере развития событий, его взгляд приобретал все больше и больше жизненный реальный характер.

Безрезультатное наступление Гальвица 4-го—8-го августа окончательно убедило Гинденбурга в неудаче всей Наревской операции, и он вновь возбудил вопрос об усилении Неманской группы войск, но вновь получил отказ от Фалькенгайна, который продолжал конечной целью операции считать не разгром русской армии, а расстройство ее с оттеснением за Буг. Какое-то странное, с трудом объяснимое, упрямство со стороны Фалькенгайна остановить занесенный над русской армией удар, причину которого следует искать или в опасении назревавшего удара на французском театре, или в нежелании дать чрезмерно разыграться фантазии Гинденбурга или же, наконец, в разочаровании последним периодом кампании, который развернулся из рук вон плохо, потребовав полуторамесячных трудов от всей австро-германской армии, чтобы вытеснить русских из передового театра, откуда Алексеев и сам решил уходить.

Спор между Макензеном и Линзингеном шел в том же духе широкого охвата и лобового удара. Последний предлагал наносить главный удар вдоль левого берега Буга, с целью отрезать русских от переправ, но Макензен, ожи-

дая сильного сопротивления русских, оставался при мысли наносить им лобовой удар. Это решение приводило к раздвоению союзных сил, так как все большее и большее сосредоточение русских войск на Владимир-Волынском направлении невольно отвлекало туда и немецкие силы.

По проекту Макензена от 4-го августа главный удар должна была наносить 11-я армия в направлении на Парчев; слева ей содействовала 4-я, ударом на Коцк, а справа Бугская армия обеспечивала удар со стороны Влодавы; 1-я армия овладевала Владимир-Волынском и направляла кавалерию для разрушения железной дороги Холм—Любомль.

В виду полного расстройства тылов, начало операции было первоначально отложено до 10-го, а потом до 12-го августа.

Все продолжавшееся сосредоточение русских сил на левом фланге их расположения, чего фактически в угрожающих для немцев размерах сделано не было, заставило Макензена сильно опасаться удара противника с этой стороны, что, естественно, стесняло его собственный удар. Он ожидал наступления русских или против Бугской армии между железной дорогой Холм—Ковель и Влодавой на запад, или же против 1-й армии в юго-западном направлении. Противодействовать ожидаемому маневру имелось в виду обороной атакованной армии и ударом во фланг другой.

Отход русских армий 13-го августа вновь придал Фалькенгайну наступательный порыв. Группе Макензена было приказано преследовать русских левым флангом 11-й армии через Бялу на Янов и обеспечивая себя со стороны Брест-Литовска; группе Леопольда Баварского, объединившей 9-ю армию и Войерша, наступать правым флангом на Немиров с конным корпусом на Клещели; 12-й армии направиться на Бельск во фланг и в тыл отступавшего на Буг противника.

В развитие этой директивы, Макензен 13-го августа приказал 1-й армии продолжать исполнение прежней задачи; Бугской—обеспечивать участок Буга в районе армии и производить частные операции к востоку от Брест-Литовска; 11-й армии наступать гвардией и VI австр. корпусом через линию Кодень—Добрынка—Горбов на Брест; X рез.—левым флангом вдоль рек Зелава и Кшна севернее крепости, и 4-й армии согласовать движение между 11-й армией и группой Леопольда Баварского. 13-го августа к вечеру группа Макензена вышла на фронт Влодава—Луков, и дальнейшее развитие операции относится уже к следующему ее периоду.

Заключение.

Изложенный эпизод месячной борьбы на берегах Нарева и на линии Люблин—Холм фактически сводился к борьбе шлиффенских клещей с желанием ускользнуть от них и от решительного боя ценою минимальной потери территории. И надо отдать справедливость, что в этой месячной борьбе двух начал победа оказалась на стороне Алексеева,[1] который, благополучно выведя свои войска из Вислинской ловушки, дал им возможность избежать решительного боя и к концу операции поставил свои армии в такое положение, когда союзникам приходилось начинать новую операцию с несравненно худшего исходного положения, чем они находились 13-го июля.

В чем же причина такого явления? Ведь положение сторон 13-го июля давало все шансы союзникам на разгром русских армий—на южном их крыле мы видим, хоть и утомленную, но победоносную и разросшуюся до громаднейших размеров группу Макензена с сильным германским центром и с артиллерией 30,5 ст. калибра; на севере дело обстояло для русских еще хуже. Армия Гальвица, силой в 18 дивизий, совершенно свежая, отдохнувшая с февраля месяца, с отличной коммуникацией, готовилась обрушиться на растянутую 1-ю русскую армию. И фактически ни там, ни здесь немцам не удалось достигнуть решительных результатов.

Причины этому заключаются в особых условиях, в которых приходилось вести операцию, в поведении немцев и в поведении русских.

Центр тяжести операции лежал на Наревском направлении, быстрый удар на котором лишал русских свободы маневра. Но здесь немцам пришлось столкнуться с хорошо укрепленными полосами русских позиций; они, несмотря на всю свою богатую технику и сосредоточение сильного кулака у Прасныша, увязли в этой борьбе за укрепленные полосы, борьба с которыми была менее знакома Гинденбургу, чем его собратиям на французском театре. Начались затяжные бои, которых так избегал Гинденбург, и было потеряно время, на котором базировалась вся суть шлиффенского маневра. На юге этого условия не было. Там война носила чисто маневренный характер, но там было

[1] Говоря о победе, я рассматриваю ее с узкой точки зрения тех целей, которые были поставлены Алексееву (вывести армию) и тех, которыми задался Фалькенгайн (разгром русских армий захватом их в тиски). Говорить же о победе в широком смысле, при потере русскими всего передового театра, разумеется, не приходится, но этот вопрос и не решался с русской стороны разбираемой операцией.

другое превходящее обстоятельство. Во главе группы стоял Макензен, небольшой охотник до сложных маневров, а специализировавшийся на лобовых ударах. Все его помыслы направлялись прямо на север, на Холм и Брест, а между тем обстановка грозно тянула его на фланги. На правом образовался опасный для него узел у Владимир-Волынска, а на левом, не менее опасный, узел в лице 4-й австрийской армии, которую нельзя было ни на минуту оставить одну, так как она неминуемо откатывалась назад. Кроме того, вопрос о снабжении стоял здесь настолько остро, что требовал отсрочки нацеленных уже операций на много дней.

Что касается поведения германского командования, то мы уже отчасти отметили бросание Макензена из стороны в сторону, что подарило Алексееву много драгоценных дней. Очень сложный механизм управления южной группой, где перепутывались функции Фалькенгайна, Конрада и Макензена, из которых каждый тянул в свою сторону, вели к еще большим колебаниям Макензена в смысле выбора направления удара и неразрывной с этим разброске сил и потери времени. Мы не видим уже у немецкого генерала того отчеканенного удара, который он произвел под Горлицей; да и русские, ожидая эти удары, были более подготовлены к противодействию, чем Иванов под Горлицей.

Обращаясь к действиям на Нареве, необходимо отметить непривычно вялую работу германских войск. Ведь мы хорошо знаем, что русские укрепления, сделанные только из земли и дерева, не могли представлять грозной преграды для немецкой тяжелой артиллерии. Причину вялости германских войск следует искать в других фактах—или в умелом сопротивлении русских войск, или в несимпатии Гинденбурга ко всей операции, которая невольно распространялась на весь командный элемент и оказывала несомненное влияние на энергию войск.

Обращаясь к русским, следует отметить три положительные стороны, которые оказали безусловное влияние на ход операции. Как сам Алексеев, так и ближайшие его помощники, заблаговременно знали о том шаге, который им предстоит предпринять; поэтому они могли своевременно подготовиться к этому шагу и, доведя бой до желаемого предела, начать без колебаний планомерное отступление. Правда, это вело к тому, что иногда частные начальники выводили войска из боя раньше, чем это следовало, но с этим недостатком приходилось мириться в видах планомерного хода весьма трудной операции.

Второе обстоятельство, это постоянная забота Алексеева о том, чтобы в его руках всегда находились обильные

стратегические резервы вблизи станций посадок, которые он всегда употреблял только на флангах и крупными соединениями. Поэтому совершенно ослабленная галицийским походом 3-я армия переходит под Красником в решительное наступление и на-голову бьет австрийцев, которые и позднее продвигаются вперед медленно и неуверенно и то только тогда, когда русские уже оставляют позиции. Быстро отступавшие на Нареве 1-я и 12-я армии не только приостанавливаются, при влитии больших резервов, но в течение четырех дней не дают немцам сделать шага вперед и заставляют их переменить план операции.

Алексеев для сбора резервов ничего не жалел; он оголял от войск такие важные районы, как Рижский, зная, что он его своевременно поддержит, но в данную минуту все его внимание фиксировалось направлением главного удара, и для него он был готов пожертвовать всем.

Алексеев учел любовь русских вводить резервы по частям и в виде подпорок, и с этой особенностью он боролся самыми крайними мерами. „Разрешаю командующему 12-й армией употребить 57-ю дивизию для помощи атакованному левому флангу его армии", и такого рода указаниями пестрят его директивы.

Правда, это пахнет некоторой утрировкой, но, строя весь маневр на переброске резервов, у главнокомандующего нет других средств быть уверенным, что выделяемые им резервы не будут преждевременно израсходованы на подобие группы Олохова у Иванова.

Наконец, самый способ образования резервов также достоин внимания. Все они оставались в районах тех армий, которые их выделяли, а не уводились куда-то в глубину. Они могли при надобности обслуживать свою армию, но, в случае фронтовой потребности, были готовы к немедленному перекидыванию в другом направлении.

Остается еще упомянуть о директивах-инструкциях Алексеева, которые, не стесняя самостоятельности командовавших армиями, вводят их в круг мышления руководителя всей операции, а всю их работу—в планомерное выполнение одного общего акта.

Об управлении армиями приказами, о постановке им строго определенных конкретных задач, иногда на один день, мы уже говорили, и управлять группой армий в том тесном соприкосновении, как это было на берегах Нарева, Буга и Вепржа, другого способа и нет. Опыт Танненберга, Марны, Лодзи служит тому ясным доказательством.

Действия на флангах.

Схема № 29.

Юго-западный фронт служил за все это время источником пополнения армий Алексеева и играл совершенно второстепенную роль прикрытия Киевского округа. Одновременно и союзники снимали с этого фронта излишние войска и здесь взаимные действия ограничивались стоянием обеих сторон друг против друга или постепенным оттягиванием русских войск, в зависимости от действий правофланговой 8-й армии, вся трудность положения которой заключалась во все увеличивающемся разрыве между ею и 13-й армией.

Это обстоятельство заставляло последовательно увеличивать состав обеих армий и по возможности задерживать отход назад. В конце концов обеспечение связи между фронтами предполагалось достигнуть постановкой соседним армиям следующих задач (см. сх. № 29):

Отход 13-й армии на север не должен был служить причиной отхода от Буга и 8-й армии. Только фактическое давление противника могло быть основанием для постепенного отвода 8-й армии на тыловые рубежи с уклонением ее правого фланга к Рожище-Луцкому району. Брусилову надлежало озаботиться обеспечением своего правого фланга от обхода сосредоточением сильной кавалерийской массы с пехотной поддержкой в одну бригаду в районе Порицк—Милятин. Если бы обстоятельства вынудили к отходу в Луцк-Дубно-Ровненский район, то на правофланговый корпус 8-й армии возлагалось: 1) обеспечение правого фланга фронта от обхода его по путям, ведущим с линии Рожище—Луцк на фронт Сарны—Александрия и 2) обеспечение возможной связи с Северо-западным фронтом. Выполнение этих обеих задач лучше всего достигалось, по мнению Иванова, маневрированием главными силами правофлангового корпуса, примерно, на направлении Луцк—ст. Олыка—Дережно—Костополь.[1]

Во время общего отхода армий Алексеева из передового театра, Ставка настоятельно требовала оставления 13-й армии в районе Буга, для обеспечения связи с Юго-западным фронтом. Но такое оставление 13-й армии вне связи с остальными легко приводило ее к отдельному поражению и образовывало на общем фронте вместо одного слабого промежутка между 8-й и 13-й армиями еще и другой между 13-й и 3-й армиями. Алексеев настоятельно требовал свободы для маневрирования 13-й армии и постепенного отвода ее на линию Влодава—Ратно, а может быть, и на линию Леплевка—Ниша—Шацк—Ратно, продолжая, по мере возможности, удерживать конницей район Любомль—Ковель.

Только 12-го августа Алексеев получил право свободного распоряжения 13-й армией и поставил ей задачу оборонять пути к линии Брест—Кобрин, прикрывать пути к Пинску—Лунинцу и держать связь с правым флангом Юго-западного фронта. Алексеев предлагал эту задачу решить направлением по одному корпусу по четырем путям на Брест—Кобрин, одной дивизии, с придачей кавалерии для обеспечения путей на Камень-Каширский, Пинск и прикрытием всех остальных путей конными отрядами. Ядро кавалерии предлагалось держать на направлении Ковель—Кобрин.

На много сложнее была обстановка на северном фланге (см. сх. № 30).

Здесь мы оставили со стороны русских сформированной 5-ю армию, в составе VII Сиб. корпуса на Митавском направлении, XIX—на Шавельском и слабые XXXVII и III корпуса на Дубиссе. Между пехотными корпусами были разбросаны отряды кавалерии. Со стороны немцев, к июлю Неманская армия была доведена до 6½ пех. и 5½ кав. дивизий, из которых 2½ пех. и 3½ кав. дивизии действовали на Митавском направлении и остальные южнее.

С этими силами немцы решили нанести русским ряд отдельных коротких ударов, которые, благодаря разрозненным действиям 5-й армии, имели успех, повели к оттеснению русских, и 18-го—19-го июля бои велись уже в рай-

---

[1] Директива Иванова 19-го июля (1-го августа) № 1158. Там же, стр. 263.

оне Митавы, Бауска, Поневежа и Кейдан. Однако, все попытки сильной германской кавалерии прорваться в тыл и произвести рейд, для разрушения железных дорог Ковно—Вильно и Двинск—Рига, не привели ни к чему и были ликвидированы русской кавалерией севернее реки Свента.

Особенно сильным был натиск немцев 22-го—23-го июля, что повело к беспорядочному отходу трех русских корпусов на линию Посволь—Поневеж,—Ремигола и к открытию путей на Вильно. Это повело к спешному перекидыванию из 10-й армии на Вилию и к Янову первоначально кавалерии и потом пехоты. [1]

Большие успехи немцев в Риго-Шавельском районе произвели сильное впечатление на Ставку, которая начала беспокоиться за Ригу, за Неман и за Белостокский район. Вообще, во время развития самого сильного кризиса на Нареве, Ставка перестала интересоваться передовым театром и после очищения Варшавы обратила исключительное внимание на сохранение в своих руках другого политического центра, а именно, Риги. Для нее как будто бы вся соль очередных операций сводилась к удержанию политически важных пунктов, а не постановки армий в выгодное стратегическое положение.

Как только Варшава была сдана, Ставка начала требовать от Алексеева скорейшего очищения передового театра с целью усиления войсками всего пространства от Балтийского моря до Белостока. Это приводило к излюбленной Даниловым форме развертывания армий по прямой линии (проект развертывания 1910 года), против чего восставал Алексеев до войны, восставал и теперь. Алексеев придавал большое значение сохранению передового театра хотя бы до Буга, что давало русским охватывающее положение относительно Восточной Пруссии. Предвидя в будущем удар Гинденбурга к северу от Ковно, Алексеев считал, что время для него еще не назрело и торопиться с переброской туда войск не следует. Даже если бы не удалось совершенно удержать передового театра, то длительная борьба в нем заставит немцев потратить много времени для того, чтобы им завладеть. На этом вопросе о сохранении передового театра или переброски войск к северу от Немана шли большие разногласия между Алексеевым и Ставкой, при чем требования об удержании во что бы то ни стало Риги исходили и от верховной власти и от председателя Государственной Думы. [2]

Нечего и говорить, как все это должно было действовать на нервы Алексеева, все помыслы которого были направлены к тому, чтобы благополучно распутать Наревский узел. [3] А между тем положение в Риго-Шавельском районе становилось все хуже и хуже.

27-го июля Плеве решил перейти в наступление XIX корпусом из района Соломеец, Скопишки, Алехов, обороняясь в то же время III и XXXVII корпусами по берегу рек Шатекшня и Яр, между Юркупе и Свядосце. Но при первых выстрелах немецкой тяжелой артиллерии левофланговые корпуса отскочили на целый переход назад и заставили отступить также XIX корпус [4]. Таким образом, русские войска были оттеснены к Двинску и противник угрожал прорывом между 5-й и 10-й армиями.

Алексеев правильно оценивал, что силы немцев были недостаточны для нанесения здесь серьезного поражения, но предвидел увеличение их в скором будущем и давал Плеве соответствующие инструкции.

Из всех возможных, со стороны немцев, способов действий он считал наиболее вероятным и для русских наиболее опасным—прорыв на Вильно и Свенцяны. Для противодействия этому, он считал наиболее выгодным

---

[1] Алексеев Данилову 10 (23)-го июля № 4016/988. Там же, стр. 132.

[2] Доклад Алексеева 19-го июля (1-го августа) № 4382/8005 и разговор с Даниловым 11 (24)-го июля. Там же, стр. 271 и 153.

[3] Недавно вышел из печати дневник бывшего великого кн. Андрея Владимировича, в котором автор бесхитростно описывает сеть интриг, которыми в это время был опутан Алексеев.

[4] Алексеев Янушкевичу 14 (27)-го июля № 4228/12068. Там же, стр. 200.

расположение центра армии в районе Двинска, примерно, на укрепленной позиции Подунай—Субат—Абели—Ново-Александровск — Уцяны — Маляты, откуда возможно действовать к стороне Бауска и установить связь с частями 10-й армии, находившимися в районе Вилькомир, Ширвинты. Но такое откинутое назад положение Алексеев разрешал принять только в том случае, если армии не удастся перейти в наступление и выдвинуться, по крайней мере, на линию Посволь, Поневеж, Шаты, что прикроет Ригу и Митаву и свяжет действия 5-й и 10-й армий. [1]

Однако настойчивые опасения Ставки за Ригу заставили Алексеева не только увеличить здесь свои войска, но и сдвинуть их на север. Кроме того, Ставка потребовала разделения всех собранных здесь войск на две армии (позднее сюда было перекинуто управление 12-й армии), одна на Рижском и одна на Двинском направлениях, и объединение их в особый Северный фронт, во главе которого предполагалось поставить вновь входившего в силу Рузского.

В результате силы и расположения русских войск в Риго-Шавельском районе приняли следующую форму:

В Рижском укрепленном районе в расстоянии 20 клм. к западу от Риги—VII Сиб. корпус (3 пех. и 1/2 кав. див.); на направлении Бауск—Фридрихштадт, в районе Балдон, пасторат Барберн и ст. Тауеркален,—перекинутый сюда XXXVII корпус (1 1/2 пех. и 3 кав. див.); в районе Попель, Понемуни, Понедели—2 1/2 кав. дивизии, поддержанные пехотой; на фронте Понедели—Свядосце—XIX (2 1/2 пех. див.) и III (1 1/2 пех. див.) корпуса; на фронте Свядосце—Лелюны—2 кав. дивизии; в районе Вилькомир—1 пех. и 2 кав. див.; в районе Янова XXXIV корпус (2 пех. див.). [2]

8-го августа 5-я армия перешла в наступление центром вдоль железной дороги Двинск—Шавли и сильно потеснила немцев; с другой стороны 10-я германская армия начала борьбу за передовые позиции Ковно.

---

[1] Директива 17 (30)-го июля № 4312/12087. Там же, стр. 237.

[2] Николай Николаевич Николаю II 24-го июля (6-го августа) № 2709. Там же, стр. 330.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Прорыв германцев на Свенцяны и австрийцев на Ровно.

Общее положение. Действия центральной группы армий. Действия на направлениях Рига—Вильно—Гродно. Заключение. Прорыв австрийцев на Ровно.

Общее положение.

Схема № 29.

К последнему периоду маневренной войны положение сторон представлялось в следующем виде:

Алексееву удалось, удерживая Осовец, отвести свои армии на фронт Гониондз, Цехановец, Дрогичин, Влодава. Против них Фалькенгайн сосредоточил группу Леопольда Баварского и Макензена, с целью прорвать фронт русских между Бельском и Яновом, прикрываясь со стороны Бреста.

На Немане и севернее его, Гинденбург, оттеснив русских к Двине, подвергся контр-удару перегруппированной 5-й русской армии в направлении на Шавли и должен был поспешно отступать и предпринять перегруппировку, чтобы задержать здесь успех русских. 10-я германская армия вела бои за передовые позиции Ковно.

Русская Ставка, как бы отошедшая в сторону в то время, когда Алексеев переживал кризисы под Варшавой и на Нареве, теперь вновь взяла бразды правления в свои руки, совершенно игнорируя положение в центре и обращая свое исключительное внимание на Риго-Виленский район. С этой целью она решила образовать здесь особый фронт с Рузским во главе и начала перекидывать войска с южного направления на северное. Хотя новый фронт должен был образоваться только в ночь на 31-е августа, но Рузский уже начал вмешиваться в оперативные дела, имея непосредственные доклады в Ставке. В верховном управлении вновь начался привычный ему разнобой, и в наиболее критическую минуту, ответственный за все, Алексеев должен был бороться с тайными пружинами, которые руководили заправилами Ставки.

Первым враждебным актом было спешное изъятие из состава 3-й армии, которая готовилась выдержать натиск группы Макензена, Гвардейского корпуса и переброска его в Валк, в виду распространившихся фальшивых слухов о германском десанте в Пернове. Изъятие одного корпуса из армии, в состав которой входило 8 корпусов, казалось бы, большого значения иметь не могло, но дело в том, что Гвардейский корпус был силой в 27 тыс. чел., а остальные семь насчитывали только 63 тыс., т. е. из армии сразу отнимали более трети ее лучшего состава и этим как бы предрешали участь борьбы на фронте Белосток—Брест.

Алексеев разразился против ставки грозной, но бесполезной филиппикой. Она так живо рисует состояние армий, что я приведу его доклад в подлинных словах.[1] „Каждый день боя я получаю от всех армий многочисленные донесения об опасном недостатке патронов или о высылке резервов и чем острее положение, тем настоятельнее требование немедленной присылки резервов. Это указывает насколько ослаблены части, совершенно непополненные, насколько противник господствует своей могущественной артиллерией, богато обеспеченной патронами, насколько тяжела, ответственна задача, выпавшая на долю 12, 1, 2, 4 и 3-й армий, насколько опасно отнять у них 27 тыс. штыков. Нужны исключительные мероприятия по пополнению хотя бы живой силы, чтобы не перейти предела упругости войск. Вместо многих корпусов и дивизий сохранились слабые сводные полки, только немедленным пополнением которых можно восстановить их боевое значение. Полное осуществление этого недостижимо по недостатку винтовок, но мы не имеем людей даже по количеству винтовок;—вот картина состояния армий, сдерживающих главнейший напор врага". Гвардейский корпус был все-таки изъят и в самое тяжелое время путешествовал от Вильно к Валку и обратно.[2]

Приказ о разделении Северо-западного фронта на Северный и Западный был отдан 17-го августа, но самое разделение должно было состояться в ночь с 30-го на 31-е, а до тех пор ответственность за оба фронта ложилась на Алексеева, который должен был держать в курсе своих распоряжений Рузского, пока командовавшего 6-й (Петроградской) армией.[3]

Основной задачей Северному фронту ставилось прикрытие путей к Петрограду из Восточной Пруссии и со стороны Балтийского моря; Западному фронту—прикрытие путей из передового театра на Москву.

Частными задачами для первого были: 1) прикрытие путей по правому берегу Немана в Виленский район; 2) прочное удержание среднего Немана; 3) удержание Двины от Двинска до Риги и 4) переход при первой возможности в решительное наступление, с целью оттеснить противника к западу и лишить его выгодного исходного

---

[1] Алексеев Янушкевичу 1 (14)-го августа № 4890. В.-Уч. Ар., д. № 434 стр. 13.

[2] Вступив в командование фронтом, Алексеев написал длинное письмо военному министру Поливанову, с изложением всех недостатков русских вооруженных сил; Поливанов ответил на это длинным объяснительным письмом. Эти два документа настолько интересны, что, не цитируя их, как не имеющих непосредственного отношения к моей теме в тексте, я привожу их в Приложении № 6.

[3] Директива 4 (17)-го августа № 3274. В.-Уч. Ар., д. № 434, стр. 43.

положения, для развития операций в обход правого фланга русского стратегического фронта. Частными задачами для второго были: 1) прочное удержание Гродно-Белостокского района и фронта от верхнего Нарева до Бреста (включительно) и 2) прикрытие путей по правому берегу верхнего Буга к фронту Брест—Кобрин—Пинск—Лунинец.

Для образования Северного фронта уничтожалась весьма важная 13-я армия, управление которой перекидывалось под наименованием 12-й на Двину, вместе с Гвардейским и двумя „наиболее боеспособными корпусами"; кроме того, в этот фронт включались еще 6-я, 5-я (2 корпуса) и 10-я армии, пока общей численностью в 28 дивизий. У Алексеева оставались 1-я (6 корп. и 3 отд. див.), 2-я (6 корп. и 1½ див.), 4-я (6 корп.) и 3-я (7 корп. и 5 кав. див.) армии, всего пока 61 пех. дивизия, часть которых следовало перекинуть к Рузскому.

Из крепостей: Ковно приказывалось оборонять возможно долго, не допуская полного обложения и выведя своевременно гарнизон; Гродно, Осовец и Брест теряли значение крепостей и оборонялись только, как участки укрепленной позиции.

В дальнейшем действия развивались в трех группах на Немане и к северу от него, на фронте Белосток—Брест и против Юго-западного фронта.

Действия центральной группы.

Схема № 31.

Алексеев ближайшей задачей армиям фронта ставил [1] задержание дальнейшего наступления противника на путях к Москве, севернее Полесья, для чего им были намечены для последовательных остановок 5 рубежей, как указано на схеме № 31.

На Северном фронте 5-я армия должна была удерживать Двинск, Ригу и течение Двины и 10-я—обеспечивать справа общее расположение армий, прикрывать Вильно и сосредоточение прибывающих сюда войск.

Ставка прежнего своего состава доживала последние дни. В конце августа Николай II решил вступить лично в верховное командование армиями, взяв к себе начальником штаба Алексеева, который еще оставался во главе фронта, но с 27-го августа стал фактически распорядителем и в Ставке. Надежды многих, что на эту должность будет назначен Рузский, не оправдались, и это не повело к улучшению отношений между Рузским и Алексеевым.

---

[1] Директива 4 (17)-го августа № 5011/12731. В.-Уч. Ар., д. № 434, стр. 46.

Постановка Алексеевым задачи удержания пространства и отхода, а Фалькенгайном энергичного преследования, с целью закончить скорее операцию на русском театре, предопределяли дальнейший ход операций, которые свелись к ряду частных боев и к быстрому откатыванию ослабленных русских армий.

15-го августа немцы потеснили у Нарева 1-ю армию, и отход XXI русского корпуса заставил Алексеева начать в ночь на 16-ое отвод армий на линию Осовец—Стренкова Гора — Тыкоцин — Сураж — Пацево — Семятичи — р. Буг до Орля и далее до Кодень. [1] Австро-германцы, по свидетельству иностранных источников, продвигались вперед „с трудом преодолевая упорное сопротивление русских арьергардов". Наибольшее сопротивление оказала 3-я армия, задержав наступление Бугской (германской) армии на линии Полубичи — Словатичи. Свыше двух корпусов этой армии сосредоточились на Буге между Словатичи и Влодава, для наступления на Пища и далее в обход Бреста с востока.

Австро-германское командование, отдавая полную справедливость искусству маневрирования русских армий, сознавало их неспособность к активным действиям. Группе Макензена было указано поэтому перейти к преследованию противника на север вдоль западного берега Буга, обеспечив себя справа и обложив Брест. Преследование восточнее линии Брест—Гродно не предполагалось, а потому действия к востоку от Буга не должны были выходить из рамок частных операций.

16-го августа 4-я австрийская армия вышла на линию Комарно (севернее Бяла)—Розов, а 11-я—гвардией и VI австр. корпусом — на линию Кодень — Горбов, имея в районе Бяла в резерве X, XXII корпуса и 47-ю дивизию.

Обеспечение всей операции и обложение Бреста Макензен возлагал на Бугскую армию, которой передавался VI корпус и артиллерия большой мощности. Главный удар вдоль Буга он решил наносить 10-ю пехотными и 2-мя кавалерийскими дивизиями, имея на уступе к стороне Бреста XXII рез. корпус.

17-го августа группа Леопольда Баварского дошла до линии Буга и перешла его у Немирова, 4-я армия подошла к Бугу правым флангом у Янова, а 11-я южнее этого пункта, направив две дивизии на Высоколитовск. XXII корпус дошел до Ракитно. Бугская армия начала обложение Бреста. Конный корпус Хендендрека Макензен направил с фронта Владимир-Волынск — Любомль, для захвата

[1] Директива 2 (15)-го августа № 4934. В.-Уч. Ар., д. № 434, стр. 21.

Ковеля, с целью помешать русским атаковать движением на Влодаву Бугскую армию и обеспечить развертывание австрийских частей для операции против правого фланга Юго-западного фронта.

Начавшееся наступление австро-германцев привело 22-го—23-го августа к тяжелым боям 4-й русской армии против превосходных по числу частей групп Леопольда Баварского и Макензена, что заставило Алексеева отвести ее и левый фланг 2-й армии на линию Боцки—Милейчицы—Немиров и в ночь на 25-е на фронт Огородники—Орлье—Верстаки—Верхоничи; соответственно должна была осадить свой правый фланг и 3-я армия. В ночь на 26-е вся 2-я армия должна была отойти на линию Белосток—Видово. На этой линии Алексеев хотел выждать эвакуации Бреста, после чего предполагал постепенный отход на линию Гродно—Кузница—Городок—Рудня—Шерешево—Кобрин—Дивин. [1]

20-го августа пал Новогеоргиевск, а 22-го 8-я германская армия, угрозой обхода Осовца с юга, заставила русских его очистить, что имело существенное значение для организации снабжения наступающих германских армий.

Весьма упорное сопротивление, оказываемое 3-й русской армией на путях к Бресту, не давало возможности группе Макензена продвигаться вперед. Это вызвало 23-го августа приказание группе Леопольда Баварского энергичнее наступать правым ее флангом южнее Беловежской пущи в направлении на Городище, чтобы затем, движением к югу, выйти на сообщения русских против частей группы Макензена. Кавалерийский корпус Хендендрека занял в этот день Ковель.

25-го августа Алексеев, приказав эвакуировать Брест, решил постепенно отводить свои армии к востоку, чтобы вывести их из боя и поставить в более безопасное положение, пока не разрешится завязавшийся у Вильно узел событий. [2] Поэтому 1, 2, 4 и 3-я армии должны были начать в ночь на 26-е августа отход на указанную выше линию Неман—Гродно—Рудня—Кобрин, исполнив его в 2—3 перехода. Всем армиям указывалось выделить сильные резервы, а 1-й держать таковые за своим правым флангом.

К востоку от основной линии 3-й армии, Орепичи—Жабинка—Остров—Дивин, характер местности делил обороняемое пространство на два операционных направления: главное — Кобрин — Картузская Береза — Слуцк и второстепенное — Кобрин — Пинск — Лунинец. Оборона этого последнего, которому Алексеев придавал серьезное значе-

---

[1] Директива 10 (23)-го августа № 5282. Там же, стр. 174.
[2] Директива 12 (25)-го августа № 5379/12553. Там же, стр. 216.

ние, отходившего в сторону от общего фронта армий, требовала образования самостоятельного отряда, которому приходилось действовать вне связи со своей армией. В длинной инструкции Алексеев высказывал свой взгляд на работу подобного отдельно брошенного отряда. [1]

Ему следовало подчинить все отряды, действовавшие на путях через Камень-Каширский, Любашов, Домбровица, Столин. При этом на Камень-Кащирский должна была отходить сильная пехотная дивизия, как надежная опора кавалерии и обеспечение слева всего фронта. В направлении Кобрин—Пинск действуют две дивизии, которые вместе с кавалерией образуют сильную самостоятельную Полесскую группу, долженствовавшую стремиться к самой широкой активности, к постоянным ударам во фланг и в тыл противника и в то же время не забывать энергичной подготовки позиций, порчи путей и пр.

27-го августа 12-я германская армия заняла Белосток, а части группы Леопольда Баварского подошли к западной опушке Беловежской пущи. Фалькенгайн, считая операцию законченной, начал перекидывать часть войск для действий против Юго-западного фронта (4-я армия и X рез. корпус), часть на Сербский фронт, и Гвардейский корпус оттягивался в Варшаву. В группе Леопольда Баварского оставалось всего 9 пех. и 3 кав. дивизии.

28-го августа Фалькенгайн приказал Макензену и Леопольду Баварскому приостановить преследование главными силами на линии Ратно—Кобрин—Шерешево и, для удержания выигранного пространства, приступить к подготовке позиций по Бугу через шоссе Высоколитовск—Каменецлитовск на западную окраину Беловежской пущи и далее до впадения Наревки в Нарев. Гинденбургу было указано продолжить укрепленную полосу далее до моря у Риги или Либавы. Но по ходатайству обоих частных начальников это решение было отменено; Макензену было предоставлено право отбросить противника от Кобрина в Полесье (пределом наступления ставилась линия р. Ясельды), а Гинденбургу—развивать его активную операцию, хотя он и предупреждался о том, что, в виду назреваемых событий во Франции (сражение в Шампани и Артуа), из его группы будет взято 10—12 дивизий.

29-го августа немцы повели сильную атаку по всему фронту 3-й армии, за исключением ее левофлангового корпуса, и некоторые части русских были потеснены со своих позиций. Не рассчитывая 30-го удержаться на временно занятой линии, Алексеев разрешил отвести 3-ю армию в ночь

[1] Директива 12 (25)-го августа № 5400/12552. Там же, стр. 198.

на 30-е на линию Пружаны — Большие Болота; 4-й армии указывалось отойти на линию Мстибово—Нов. Двор—Пружаны; 2-й—от Немана на Мстибово, а 1-й—удерживаться на линии Гродно—Индура по крайней мере три дня для окончания эвакуации Гродно. [1]

Германцы 31-го августа вышли на линию Кобрин—восточная опушка Беловежской пущи, а 2-го сентября продолжали наступление к Ясельде.

Действия на направления Рига—Вильно—Гродно.

В то время, как Алексеев отводил свои армии к Полесью, разыгрывались операции первостепенной важности на путях к Вильно и отчасти к Западной Двине, между Ригой и Двинском.

Гинденбург, в конце концов, добился некоторой самостоятельности действий и, одновременно с отходом в июле 10-й русской армии на сокращенные позиции ближе к Неману, развил свои демонстративные действия в Риго-Шавельском районе и главный удар на Немане, сконцентрировав его против Ковно и севернее его. С первых чисел августа начались бои под крепостью, коменданту которой было указано противодействовать обложению крепости, чтобы избежать потери гарнизона.

Ополченский, преимущественно, состав гарнизона Ковно и преступная растерянность коменданта (Григорьев) повели к тому, что крепость не выполнила как следует даже такой возлагавшейся на нее задачи и 22-го августа была очищена русскими войсками. Пути на Вильно и Двинск оказались открытыми для немцев, и внимание русского командования сосредоточивалось на сборе войск у Вильно, а внимание Ставки, кроме того, и на удержании политически важного центра—Риги.

Как только для Гинденбурга стало несомненным скорое падение Ковно, он уже 18-го августа отдал распоряжение о подготовке операции на Вильно, во исполнение чего: 10-я армия (XXI, XL рез. корпуса, 4 отд. див., ланд. див. Кенигсберга и несколько ландшт. бриг.) должна была левым флангом (ядро—XL корпус) наступать на Вильно, центром (ядро—XXI корп.) форсировать Неман у Прен и правым флангом (отд. и ланд. див.) подготовляться к наступлению от Августова на Гродно; севернее 10-й армии должна была наступать кавалерийская группа. Этому движению содействовала Неманская (I рез. корп., 4 отд. пех. и 5 кав. дивизий), прикрывая операцию со стороны Свенцян и Риги. 8-я и 12-я армии наступали вдоль Бобра

[1] Директива 17 (30)-го августа № 5512. Там же, стр. 315.

на северо-восток. Ближайшим подкреплением для Гинденбурга служили три дивизии, освободившиеся у Новогеоргиевска.

Алексеев, который должен был распоряжаться Северным фронтом до прибытия Рузского, видимо, откладывавшего свое прибытие до разрешения наступившего кризиса, директивой 20-го августа поставил фронту следующую задачу: 12-я армия (VII Сиб., XXXVII и вновь прибывший XXVIII корпуса и 3½ кав. дивизии) обороняет Рижский район и обеспечивает пути от нижней Двины на линию Пернов—Веро; 5-я армия (III, XIX и II Сиб. корпуса с 4½ кав. дивизиями) удерживает и, по возможности, оттесняет противника, действующего на направлении Поневеж—Двинск, чтобы установить непосредственное соприкосновение и совместные действия с 10-й армией, обеспечивает Двинск и пути на Псков. 10-я армия приобретала после падения Ковно исключительно важное значение по удержанию Вильно и путей оттуда на Глубокое – Докшицы и Минск, имея в виду, что противник находился к ним ближе, чем армии Западного фронта, занимавшие в то время линию Осовец—Брест. [1]

Таким образом, в то время, как противник готовился наносить свой главный удар на Вильно, центр тяжести Северного фронта был сконцентрирован на путях к Риге и Поневежу, а на Немане, в районе главного удара Гинденбурга, оставалась только ослабленная 10-я армия, неожиданно потерявшая опору в виде крепости Ковно. Чрезмерное увлечение Ставки Ригой и опасение германского десанта (Гвардейский корпус—единственный резерв Алексеева, который можно было бы использовать на Виленском направлении, в это время был направлен на Валк) давали себя чувствовать. В Вильно приходилось спешно формировать новый импровизованный отряд.

Наступление немцев развивалось. 20-го августа Неманская армия оттеснила русских за верхнюю Свенту и Яру, вышла на линию Оникшты—Попель. На Виленском направлении части 10-й германской армии 22-го—23-го августа заняли после упорного боя Кошедары и продвигались дальше; на Немане оттеснили русских к реке и переправились у Прены, однако, не могли развить удара в тыл Олитской группы русских, „в виду их упорного сопротивления“. Но фронтальное наступление на Вильно немцам успеха не сулило, почему они решили с 25-го августа наносить главный удар по северному берегу Вилии.

---

[1] Директива 7 (20)-го августа № 5128/12434. Там же, стр. 137.

Натиск на Кошедары заставил Алексеева еще 21-го августа спешно перекинуть V корпус из Белостока в район Ландварово—Вильно по единственной оставшейся не закупоренной эвакуацией рельсовой линии. 1-й армии было приказано эвакуировать Осовец и отбросить свой правый фланг, примерно, на линию Липск—Белосток. 10-й армии—отойти на более короткие позиции по Неману, чтобы усилить войска на Вильно-Ковенском направлении, а 5-й—усилить свои войска на левом фланге для обеспечения 10-й армии справа. [1]

24-го августа для Алексеева была ясна картина развертывания значительных неприятельских сил на фронте Вепры, Жосли, и Алексеев ждал глубокого обхода Вильно со стороны Ширвинты, Мейшагола. [2]

27-го августа 10-я германская армия была усилена на 1½ корпуса (III рез. корп. и 14 ланд. див.), разделенные между обоими ее флангами, на которых были особенно сильны контр-атаки русских, отошедших на линию Дукшты—Бутрыманцы—Олита — Меречь — Липск. В дальнейшем 10-я русская армия, в случае отхода от Вильно, предназначалась для прикрытия тыловых путей более южных армий на Докишцы и Минск и последовательно должна была занять линии Солы—Ошмяны—Ейшишки—Сморгонь—Вишнево—Лида и Вилейка—Воложин—р. Неман. Армия невольно должна была, таким образом, открыть направление на Полоцк и Витебск, что, при слабости 5-й армии, требовало сосредоточения здесь новой группы войск (сх. № 31 и 32 а).

26-го августа немцы произвели очередной нажим на XXXVII корпус, который отскочил к мызе Линден и Фридрихштадту, подставив железную дорогу Крейцбург—Рига под угрозу обстрела тяжелой артиллерией. Хотя незначительность германских сил и прибытие к Крейцбургу XXVIII корпуса и обеспечивали положение, но вступивший уже в командование фронтом Рузский потребовал от 5-й армии сделать такую перегруппировку, которая помогла бы ей оказать помощь 12-й армии. Это еще более ослабляло силы русских на Виленском и Двинском направлениях. [3]

Неоправдавшиеся сведения о высадке германцев у Пернова и обнаруженное наступление их по северному берегу Вилии в обход Вильно заставили русских, кроме V корпуса, перекинуть сюда Гвардейский и XXIII корпуса, которые образовали группу Олохова. Вместе с этим с северо-запада от Вильно начинается ряд длительных и упорнейших боев, так как немцы также начали перегруппировывать свои силы,

[1] Директива 8 (21)-го августа № 5174/12460. Там же, стр. 153.
[2] Алексеев Янушкевичу 11 (24)-го августа № 5320/12526.
[3] Директива Рузского 19-го августа (1-го сентября) № 59. Там же, стр. 327.

увеличивая кулак к северу от Вильно. Пока шли намеченные перегруппировки, бои здесъ во второй половине августа и в начале сентября носили характер встречных фронтальных столкновений, без особых результатов для обеих сторон. Новая операция немцев ясно обнаружилась около 10-го сентября.

30-го августа Гинденбург направил на северный берег Вилии еще четыре пехотных и одну кавалерийскую дивизии; дальнейшее подкрепление должно было итти из состава столпившихся на узком пространстве 8-й и 12-й армий. Первая из них подошла к Липску, вошла в связь с 10-й армией и получила задачу действовать против Гродно, что ограничивало задачу 10-й германской армии исключительно операцией у Вильно.

31-го немцы подошли к Оранам и к фортам Гродно, но дальнейшего успеха развить не могли. Гинденбург начал сосредоточивать к северу от Вилии XXI, III, XL и I корпуса (всего 12 пех., 4 кав. дивизии и 5 смеш. бригад). (Сх. 30 и 30-а).

Окончание эвакуации Гродно дало русским возможность отвести 4-го сентября 1-ю армию на более короткие позиции от Жагели на Немане на Озеры и Скидель. В этот же день немцы заняли очищенное Гродно.

Неманская армия атаковала 3-го сентября центр и левый фланг русской 12-й армии и отбросила ее к Двине между Икскюлем и Фридрихштадтом.

Одновременно с этой демонстрацией на крайнем севере, в виду неуспешного наступления Леопольда Баварского против центра Западного фронта, Макензен сформировал на юге группу из двух корпусов, для удара со стороны Коссова на Слоним, Бугская армия получила приказ наступать на Пинск, а 11-я—удерживаться на Ясельде.

8-го сентября Гинденбург закончил свою перегруппировку и начал наступление. Его идея сводилась к прорыву русских между Вильно и Двинском, чтобы потом выбросить всю массу своей кавалерии в глубокие тылы армий Западного фронта. Поэтому 10-я армия должна была наступать по северному берегу Вилии в общем направлении на Вильно—Сморгонь; Неманская армия—наступать главными силами на Двинск, с целью отбросить русских за Двину и этим обеспечить 10-ю армию с севера. Кавалерия обеих армий, в числе шести дивизий, должна была прорваться в тыл русским для перерыва железных дорог Полоцк—Молодечна и Орша—Минск.

Эта группировка выводила германцев на ближайшие тылы корпусов Олохова, и Гинденбург не без основания предупреждал свои войска о грядущем пленении четырех русских корпусов.

9-го сентября ударная группа 10-й германской армии вышла уже на линию Лелюны—Ширвинты, имея главные силы Неманской армии севернее, между Свядосце и Лелюны.

Для облегчения этой операции 11-й армии было приказано наступать, пройд Беловежскую пущу, на железнодорожную линию Слоним—Зельва, с целью выхода в тыл северной группе русских армий, а предел продвижени для остановки на зиму был указан Барановичи—Пинск—Огинский канал.

10-го сентября русскому командованию стало известно от воздушной разведки истинное направление германских коллон и оно предугадало направление удара на Свенцяны—Глубокое.

Промежуток между 5-й и 10-й русскими армиями в районе Лелюны—Маляты прикрывался конными отрядами Казнакова, принадлежащего к 5-й армии, и Тюлина, принадлежащего 10-й армии. Под натиском немцев оба эти отряда начали отступать на свои армии;—Казнаков—на Уцяны, а Тюлин—на Интурку—Гедройцы, открыв, таким образом, германской кавалерии прямой путь на Свенцяны.

При обнаруженной угрозе крайнему правому флангу Западного фронта, Эверт, назначенный вместо Алексеева главнокомандующим этим фронтом, решил сделать коренную перегруппировку в армиях фронта, с целью выделить резервы для борьбы на опасном направлении.

Еще 7-го сентября, после сильного натиска немцев на стык 2-й и 4-й армий, он отвел левый фланг 2-й, 4-ю и 3-ю армии на позиции по правому берегу Немана и по речке Зельвянка до Ружан и далее на Коссово-Ходаки, оставив 10-ю и 1-ю армии на занимаемых ими позициях, а левофланговый (XXXI корпус) 3-й армии на линии Ополье—Гутово—Журавы. [1] (См. сх. № 31).

Теперь же, в виду выдвинутого положения южных армий фронта и необходимости образования сильных резервов, Эверт, директивой 11-го сентября [2] приказал 1-й, 2-й, 4-й и 3-й армиям отойти в два перехода на укрепленную позицию Версака — Радунь — Василишки — устье Шары и далее по Шаре до Добромысля, оставив XXXI корпус на занимаемой им позиции. Левый фланг 10-й армии при этом уклонялся на Олькеники и Версоку.

Из 2-й армии выделялся I конный корпус Орановского, который должен был в пять переходов прибыть к Свен-

[1] Директива Эверта 25-го августа (7-го сент.) № 5766. В.-Уч. Ар., д. № 381 стр. 25.

[2] Директива Эверта 29-го августа (11-го сент.) № 5887/12772. Там же, стр. 32.

цянам; из 1-й армии выводились в резерв два корпуса в район Лида, из 4-й и 3-й по одному корпусу в Новогрудок и Барановичи. В указанные пункты резервы должны прибыть не позже вечера 15-го сентября.

Что касается до правого фланга 10-й армии, то группа Олохова 10-го—12-го сентября усиливалась 7-й и 8-й Сиб. дивизиями и Кубанской каз. бригадой, прибывавшими в Подберезье и в Подбродзе. Все его войска развернулись на фронте Подбродзе — Глинцишки — Мейшагола и должны были, задерживая противника, наступавшего с фронта Шешолы—Ширвинты, атаковать обходившие колонны на фронте Интурки—Гедройцы. (Сх. № 32).

Ставка, с своей стороны, приказала спешно направить XXVII корпус из 1-й армии в Двинск и два корпуса, выделяемые Эвертом, в резерв к Свенцянам. [1] Были назначены XXIX и XXXVI, [2] которым приходилось сделать походным порядком 80—100 верст, и они могли прибыть по назначению не ранее 25-го сентября. Одновременно приказывалось перекинуть в Глубокое одно из армейских управлений Западного фронта для образования на Полоцком направлении новой армии. Было предназначено управление 2-й армии.

Бои 12-го—13-го сентября к северу от Вильно не привели к решительным результатам. Русские успешно отбивали противника на фронте Глинцишки—Мейшагола, но атака их на фронте Интурки—Гедройцы не удалась; наиболее же опасное положение образовалось на их правом фланге.

Неманской армии удалось 12-го сентября отбросить XIX корпус 5-й армии на фронт Ганушишки—Кревно, а также III и конницу Казнакова на Двинские позиции, продвинувшись самой до Довгели. I левофланговый корпус 10-й германской армии 13-го числа завладел районом Подбродзе — Коркожишки, перерезав железную дорогу Двинск — Вильно. Кавалерийская масса, прорвавшись в свободный промежуток на Лабанары, в этот день вечером заняла станцию Ново-Свенцяны. Высланные два сильных разъезда 15-го сентября разрушили полотно железной дороги на линиях Молодечно—Полоцк и Минск — Смоленск. [3] Все это совершенно перепутало железнодорожные перевозки, и из XXVII корпуса в Двинск попало только два батальона.

---

[1] Директива Алексеева 29-го августа (11-го сент.) № 3941. В.-Уч. Арх. 439, стр. 67.

[2] Первоначально их предполагалось посадить на жел. дор. в Лиде, и Барановичах и перевести в Свенцяны. Потом XXIX кор. было приказано высадить на станциях Кривичи и Парафианово.

[3] Фактически разъезд дошел только до Логойска. *Ред.*

14-го сентября немецкая кавалерийская масса заняла своим ядром Сморгонь, а I арм. корпус начал форсировать Вилию у Быстрицы и Михалишки.

Конный корпус Орановского должен был прибыть в Свенцяны 15-го сентября; он мог дойти только до Михалишки, где путь ему был уже прегражден германской пехотой. Что касается до пехотных корпусов, то Эверт с трудом предполагал возможным их развернуть на линии Поставы — Кобыльник — Свирь. XXXVI корпус принужден был следовать походным порядком из Вороново на Музники (15-го), Ошмяны (16-го), Солы (17-го), Жодзишки (18-го), Мухнишки (19-го) и Ольшево (20-го). XXIX корпус перевозился по железной дороге из Барановичей в Кривичи (к 21-му сентября) и далее походом на фронт Поставы—Кобыльник. [1]

Таким образом, немецкая конница имела перед собой 11 дней для свободной работы по тылам, так как единственная в это время реальная преграда для ее работы, конный корпус Орановского, ввязался у Михалишки в бой с германской пехотой.

Русское командование начало принимать меры к преграждению дальнейшего пути прорвавшейся в тыл коннице и к тому, чтобы ей запереть обратный выход. Но для всего этого нужно было время. Обстановка усложнялась тем, что в отношении управления столь сложной операцией русское командование невольно подошло к Лодзинским временам, в несколько улучшенном положении. В управлении этой сложной операцией на сцену вновь выступили два главнокомандующих фронтами, Эверт и Рузский, и Ставка. Правда, Ставка на этот раз имела в лице Алексеева человека с вполне определенно сложившейся идеей операции, которую он твердо проводил в жизнь, и в этом ему усердно помогал Эверт, но со стороны Рузского Алексеев встречал только критику всех его распоряжений и требование себе бесконечного количества новых корпусов, но корпусов полновесных, которых, по справедливому выражению Алексеева, в русской армии более не существовало.

13-го сентября Алексеев потребовал от Рузского усиления Двинской группы на счет Рижской, но этого сделано не было, и 18-го числа Двинская группа была потеснена противником в районе озер Чичиры и Овиле, при чем между XIX и III корпусами образовался разрыв. Это потребовало направления к Двинску кружным путем XXIX корпуса из Поставской группы.

[1] Эверт Алексееву 31-го авг. (13-го сент.) № 5956. В.-Уч. Ар., д. № 381, стр. 50.

Так как Вильно теряло значение, как узел путей, то ее решено было очистить, и 16-го сентября Гвардейский корпус начал отводиться в резерв в район Антоколь—Нов. Вилейск—Вершубка, а 10-я армия оттянула 14-го сентября свой правый фланг за Вилию от Быстрицы через Неменчин—Корва.

Эверт кинул 14-го сентября к месту прорыва еще два корпуса, из которых IV Сиб. должен был 17-го сентября сосредоточиться в Ошмяны, а XIV, следуя через Новогрудок, Николаев, Ивье, Вишнево и Воложин, прийти 23-го к Молодечно. Пока же в Молодечно высаживался XXVII корпус, не успевший проскользнуть к Двинску.

Все сосредоточиваемые в районе Молодечно—Поставы войска (конный корпус Орановского, XXVII, XXXVI, XIV и IV Сиб. корпуса, а также направленная сюда 13-я кав. дивизия) объединялись в руках вновь образуемой 2-й армии.

Общая задача, поставленная этой армии, заключалась в овладении Свенцянским узлом, а затем—в оказании содействия, смотря по обстоятельствам, 10-й или 5-й армиям в их грядущем наступлении. Для выигрыша времени, Эверт отказался от выдвижения 2-й армии на фронт Поставы—Кобыльник, а указал развернуть XXXVI и IV Сиб. корпуса на фронте оз. Свирь,—Михалишки, направив XXVII корпус между озерами Свирь и Нароч и имея XIV корпус уступом на правом фланге. Отбросив противника за линию железной дороги Вильно — Двинск, — установить тесную связь между 5-й и 10-й армиями.

15-го и 16-г осентября конный корпус Орановского вел упорные бои с двумя германскими корпусами (всего 4 дивизии), занявшими Нестанишки и переправившимися через Вилию на участке Тартак—Маркуны. От Жодзишки и далее на юг в район Вилейки—Молодечно прошло не менее дивизии конницы; из района м. Свирь значительные силы пехоты наступали в юго-восточном направлении. 16-го сентября м. Глубокое было занято противником и у Вилейки шел бой. Это был кульминационный пункт продвижения немцев. Фактически в этот день вся германская кавалерия, кроме 9-й дивизии, направленной к Докшицам, была сосредоточена между углом Вилии, Сморгонью, Молодечно и Вилейкой. В этот же день Баварская кавалерийская дивизия, брошенная с Двинского направления, заняла Видзы; за ней следовали две пехотные дивизии. 18-го числа Гинденбург выделил из 8-й и 12-й армий на подкрепление конницы еще 4 пех. дивизии и приказал, для отвлечения внимания русских, атаковать Неманской армии Двинские позиции.

Конница Орановского отошла к вечеру 16-го числа на линию Гиры-Жавщизна—Мали, а фронт 10-й армии тянулся от Кролы на Дубники, Захарьишки и далее, примерно, на Неменчин, Судерна, Н. Троки. далее на юг до Ейшишки шел фронт 1-й армии. [1]

В виду сложившейся обстановки, Ставка 17-го сентября указала:

10-ю армию отвести на Виленскую позицию и, сосредоточив возможно большие силы на ее правом фланге, нанести энергичный удар немцам, переправившимся через Вилию у Михалишки, освободив конный корпус для действия против кавалерии. 2-й армии—продолжать энергичное сосредоточение своих сил для атаки противника, надвигающегося в направлении Вилейка—Сморгонь и обеспечить предстоявший маневр Западного фронта, а равно пользование железной дорогой от Молодечно на Вильно и Лиду. XXIX корпус—сосредоточить в Полоцке для действий против немцев, наступавших от Глубокого.

10-й, 1-й, 4-й и 3-й армиями—отойти в три перехода, начиная с ночи на 18-е сентября на линию Михалишки—Ошмяны—Новогрудок — Барановичи—озеро Выгоновское, приняв меры к овладению участком Свенцяны—Михалишки и для установления непосредственной связи с Северным фронтом; 5-й армии—оказывать Западному фронту энергичное содействие.

Во исполнение этой директивы, Эверт указал 2-й армии отбросить противника к северу в заозерное пространство и овладеть линией Кобыльник—Нестанишки, выдвигая вперед свой правый фланг. Всю кавалерию, в составе трех дивизий, также направить на правый фланг, с целью отбросить немецкую конницу к западу от линии Придруйск—Поставы—Кобыльник, прикрыть железную дорогу Вилейка—Полоцк и войти в связь с конницей 5-й армии.

Отход остальных войск на указанную линию производился последовательно в ночь на 18-е, 19-е и 20-е, как указано на схеме № 32а.

Прикрывавший левый фланг фронта XXXI корпус отскочил к этому времени за Ясельду, на участок Твардовка—Островичи. [2]

20-го сентября правый фланг 10-й армии и группа Олохова (Гвард., III Сиб., II кавк., XXIV и части XX корпуса), отойдя от Вильны, сгруппировались на фронте Сморгонь—

---

[1] Доклад Эверта 3 (16)-го сентября. В.-Уч. Ар., д. № 439, стр. 158.

[2] Для ясности приведем численный состав некоторых частей по данным к 14-му сент.: 33-я пех. дивизия имела 978 шт., 44-я—1.490 шт., 67-я—1.320 шт. и т. д. XXI, XXXV и XXXVIII корпуса имели по 2½ тыс. шт., а 1-я армия около 3½ тыс.

Солы—Ворняны—Шумск, имея нацеленными против них германские корпуса с фронта Неменчин — Болиградск, Быстрица—Гервяты и Гервяты—Сморгонь. [1] 4-я и 5-я немецкие кав. дивизии находились в районе Сморгони, имея 3-ю в резерве; баварская—у Постав.

20-го сентября Фалькенгайн приказал подготовить к отправке на французский театр шесть дивизий, а 25-го совершенно прекратить операцию, в виду начавшихся серьезных боев во Франции.

Бои на крайнем правом фланге 10-й русской армии в течение 19-го—20-го сентября шли с явным перевесом на стороне русских, и 20-го сентября немцы потеряли Сморгонь, с полным расстройством их 1-й кав. дивизии. На остальном фронте 10-й армии немцы продвинуться с боем нигде не могли и только следовали за спокойно отходившими от Вильно ее корпусами, прозевавши даже очищение ими 16-го числа Вильно.

Между тем, намеченные Алексеевым и Эвертом перегруппировки приходили к концу. 21-го сентября 2-я армия сосредоточила свои корпуса, примерно, на фронте Кривичи—Молодечно, имея четыре кав. дивизии сосредоточенными в районе Илия—Вязынь, для перекидки их на фронт Докшицы—Глубокое; 5-я кав. дивизия наступала из Шарковщизны в район Воропаево—Дуниловичи; Уссурийская бригада—из Козян на Поставы и 3-я донская—из Загатья в Глубокое.

При таких условиях было решено перейти 2-й армией и кавалерией в наступление. Директивой 22-го сентября [2] Ставка указывала: „смело, широко, предприимчиво использовать силы конницы и из района оз. Нароч—Годуцишки развить удары по тылам противника... Найти и разбить 9-го кав. дивизию, находящуюся, по слухам, в районе Докшицы". Вместе с этим, Алексеев посылал войскам вполне заслуженные упреки в отношении их тактических действий. [2] „Вообще мы утратили,—писал он, [3]—способность к свободному маневрированию, стали признавать возможность боя лишь плечом к плечу длинными растянутыми линиями, опасаемся до болезненности прорыва, охвата и поэтому прорыв роты или батальона считаем законным предлогом для отступления корпуса". Он восставал также против объединения командования над 5—5½ кавалерийскими дивизиями, действующими на широком фронте, в одних руках, ссылаясь на неудачный опыт работы конницы в районе Шавли.

[1] В.-Уч. Ар., д. № 381, стр. 117.
[2] Директива 9 (22)-го сентября № 4221. В.-Уч. Ар., д. № 439, стр. 304.
[3] Директива 7 (20)-го сент. № 4181. Там же, стр 211.

Эверт указывал [1] 2-й армии развить наступление с полной энергией, 23-го сентября выйти на линию Андрейки—Нефеды—Данюшево и 24-го сентября достигнуть линии оз. Нароч—оз. Вишневское—Жодзишки—Данюшево; XX корпус из 1-й армии направлялся к Молодечно. В дальнейшем 2-я армия имела целью закрыть промежуток, образуемый с 5-й армией.

10-я, 1-я, 4-я и 3-я армии должны были, чтобы выйти из-под угрозы охвата правого фланга, отойти последовательно в ночь на 23-е и 24-е сентября, на линии, указанные на схеме № 32.

Между тем, наступление 2-й армии продвигалось медленно, и 24-го сентября она заняла только фронт Вилейка—Купля—Чернежки. Идея же Ставки заключалась в том, чтобы после выхода этой армии на линию озер Нароч—Свирь и м. Данюшево перебросить большую часть ее восточнее озера Нароч для наступления на фронт Козяны—Поставы—Кобыльник, как для сближения с 5-й армией, так и для действия по тылам противника; сюда же, но пока в район Докшицы, была направлена и конница Орановского.

Для выполнения этой новой задачи [2] Эверт вывел в резерв еще три корпуса, XX, I и I Сиб. и управление 1-й армии. XX корпус должен был сосредоточиться к 25-му сентября в районе Крайск—Заболотье и овладеть переправами на Вилии от Погоста до Сосенки; I корпус этого же числа сосредоточивался у Красно, а I Сиб. 26-го у Радошковицы. Все эти корпуса составляли 1-ю армию, которая направлялась через район Крайска—Долгинова на фронт Докшицы—Глубокое и оттуда должна была наступать на фронт Поставы—Кобыльник.

Если мы прибавим, что 5-я армия занимала к этому времени укрепленную позицию у Двинска от Двины на Иллукст—оз. Свентен—оз. Дрисвят—оз. Богинское, имея большую часть своей кавалерии на левом фланге, то для нас, по относительному положению сторон, ясно станет, что прорыв Гинденбурга достиг своего предела и что группа его войск, глубоко вдавшаяся на юго-восток между оз. Нароч и Сморгонь, и сама находилась в опасном положении. Поэтому полученный 25-го сентября приказ Фалькенгайна о прекращении всей операции являлся как нельзя более кстати. Дальнейшей задачей на русском фронте было поставлено закрепиться на занятых позициях к началу наступавшего зимнего затишья, т. е. перейти к позиционной войне.

---

[1] Директива 9 (22)-го сент. № 6263. В.-Уч. Ар., д. № 381, стр. 133.
[2] Директива Эверта 12 (25)-го сент. № 6453. Там же, стр. 157.

Ближайшей задачей Гинденбург поставил себе выравнить свой фронт и удержать в своих руках наиболее выгодные в тактическом отношении рубежи. Он начал быстро оттягивать свои войска с фронта оз. Нароч—Сморгонь на север, сопровождая, по обыкновению, отход демонстративным ударом в наиболее опасном для него направлении. В данном случае таковым было направление на Докшицы, где заканчивала свою группировку сильная русская 1-я армия.

С этой целью, 26-го сентября отряд в Поставах был усилен 3-й пех. дивизией, которая своим авангардом заняла Дуниловичи. [1]

Корпуса русской 2-й армии продвинулись к вечеру 29-го сентября на линию Калиновка (10 клм. юго-восточнее Мядзиол) — Лужи — Ижа — Поповцы — Кулешии 30-го сентября должна была продолжать наступление на линию оз. Черняты—оз. Нароч—оз. Вишневское—Жодзишки. Корпуса 1-й армии в это время находились: I арм.—в районе Верхние, оз. Вешнянское и I Сиб.—в районе Парафианово. 30-го они должны были выйти на линию Кейзики—Дуниловичи—Петровичи—Мал. Петрелево; XIV же корпус подходил к Бояра (16 клм. южнее Дуниловичи). Конный корпус Орановского и отдельные кавалерийские отряды 5-й армии (Казнакова и Белосельского) сгруппировались между Докшицами и Козяны, при чем вся эта кавалерия была объединена в руках Орановского.

Отход немцев и сосредоточение 1-й и 2-й русских армий с многочисленной кавалерией дали Алексееву надежду на возможность развития наступления с нашей стороны. Первой задачей он ставил продвижение 1-й и 2-й армий на фронт Ново-Свенцяны—Солы с одновременным выдвижением левого фланга Северного фронта на одну высоту с западным. Целью этого маневра Алексеев ставил прорыв в районе Свенцяны фронта германцев, чтобы открыть коннице путь для производства поиска в тылу неприятеля, особенно в направлении на Поневеж—Шавли [2].

Но русские войска были слишком утомлены, слишком ослаблены в своем численном составе и лишены огнестрельных припасов, а высшие кавалерийские начальники—слишком мало подготовлены к выполнению широких стратегических задач для того, чтобы мысль Алексеева могла воплотиться в жизнь.

Весь октябрь прошел в разрозненных попытках внутренних флангов Северного и Западного фронтов и собранной

[1] Эверт Алексееву 14 (27)-го сентября № 6533/14208. В.-Уч. Ар., д. № 381, стр. 170.

[2] Директива 18-го сент. (1-го окт.) № 4458. В.-Уч. Ар., д. № 439, стр. 393

массы кавалерии для того, чтобы сдвинуть с места перешедших к обороне, укрепившихся и забронировавших себя многочисленной артиллерией немцев.

Вся совокупность сил обеих сторон была уравнена, ни одна из них не имела превосходства для продолжения маневренных операций, что приводило обоих противников к желанию закрепить за собой захваченное пространство, а растяжка их фронтов до Балтийского моря включительно, естественно, привела и здесь, как и на французском театре, к чистой позиционной войне. Наступавшая распутица, а вслед за ней зима, способствовала закапыванию врагов в землю до накопления новых сил. Все преимущества в такого рода борьбе, естественно, переходили на сторону богатых техникой и организационным опытом немцев.

К ноябрю русские войска окончательно укрепились по Западной Двине с выдвинутыми на левый ее берег сильными плацдармами у Риги и Двинска и слабым у Якобштадта, и далее на оз. Дрисвяты, Видзы, Поставы, оз. Нароч, Сморгонь, Крево, Бакшты, Делятичи, Алеевичи (вост. Барановичи), Рудня, оз. Выгоновское и Огинский канал.

Заключение.

Развивавшиеся покуда отдельно действия центральной группы русских армий и правого их крыла постепенно сводились, по мере отхода из передового театра, к одной общей операции.

Решительным поворотным пунктом в определении предела возможных достижений германских армий на русском театре следует считать принятие к исполнению плана Фалькенгайна в начале июля, который сводился к нанесению удара русским со стороны Люблина, Холма и Нарева. Мы уже отметили, что взгляд Гинденбурга, требовавшего в это время более широкого маневра, в виде одновременного удара Макензена на Брест и его армий через Неман, имел реальную ценность, в виду вполне возможного взаимодействия между северной и южной германскими армиями. Выход же на русские тылы к востоку от линии Белосток—Брест ставил армии Алексеева в несравненно худшее положение, чем ставили бы даже удачные действия немцев в направлении на Люблин и на Нарев.

Уже одно то обстоятельство, что все внимание Алексеева фиксировалось в этот период кампании на передовом театре, что он ослаблял свои правофланговые армии в пользу центральных, что он не имел бы времени противодействовать маневру Гинденбурга так, как он это делал с маневром Фалькенгайна по краткости расстояний для

перекидывания своих корпусов, давало предположению Гинденбурга большой шанс на значительный и, может быть, эффектный успех с затратой тех же сил и средств.

Фалькенгайн настоял по тем или другим причинам на своем более ограниченном маневре, который при успехе мог привести к полному разгрому только группы русских корпусов, сосредоточенных в бассейне Вислы.

Встречная воля Алексеева, который своевременно решил отказаться от Вислы и поставил для себя пределом удержание оборонительной линии Буга, привела, совместно с другими побочными обстоятельствами, к тому, что маневр Фалькенгайна вылился в простое вытеснение русских армий из передового театра, на что потребовалось слишком много времени и средств. Операция фактически была сорвана, закончена, дала немцам большие результаты, в смысле ослабления русских армий и выигрыша пространства, но дала эти результаты ценою зловредного для немцев чрезмерного усиления англо-французского военного могущества.

Фалькенгайн был прав, решив приостановить свою операцию на меридиане Белостока и Бреста. Действия по внутренним операционным линиям, к каковым принадлежали все операции немцев в Мировую войну, заставляют останавливаться на разумном пределе успеха против одного из врагов, а тем паче против врага, который имеет за собой неисчерпаемый резерв пространства. Фалькенгайн наметил этот разумный предел, который давал ему возможность перекинуть массу германских войск с русского театра на французский еще в августе. И неизвестно, чем кончились бы сентябрьские и октябрьские кровопролитные бои во Франции, в Шампани и Артуа, если бы многочисленные германские силы с русского театра начали перебрасывать туда в августе, а не 25-го сентября.

Но полная мощь полководцу на практике есть достояние исключительно редкое в военной истории, а в особенности, с тех пор, как носители верховной власти в стране, как-то по обычаю, становились и номинальными полководцами. Влияние Конрада, Макензена и Гинденбурга победило в данном случае волю Фалькенгайна, и он дал им право продолжать кампанию на востоке, имея целью отчасти попытку разгрома отдельных групп русских войск, а главное, для выигрыша пространства, ценного для Конрада, в смысле окончательного очищения от русских Восточной Галиции, и для Людендорфа в смысле обладания Прибалтийскими провинциями, пределом его националистических чисто прусских мечтаний. Однако, Фалькенгайн, соглашаясь на продолжение наступления, принял самое худшее реше-

ние, остановившись на полумерах и не дав наступавшим достаточного количества средств. К тому же, к этому времени обстановка сильно изменилась в худшую для немцев сторону.

Тотчас же после оставления Варшавы, русская Ставка начала тянуть войска на Неман и Двину, а Алексеев, который первоначально цеплялся за передовой театр, после потери его также обратил почти исключительное внимание на свой правый фланг, не стесняясь уже отдачей большего или меньшего пространства перед фронтом своих центральных армий, а заботясь исключительно о возможности переброски резервов к угрожаемому правому флангу. Сближение же центральной и правофланговой групп русских армий делало эту переброску относительно легкой даже без помощи железных дорог.

Таким образом, операция начиналась для Гинденбурга при неблагоприятных условиях и единственно, что сыграло ему на пользу, это образование русским командованием нового Северного фронта, что вело к двойственности в проведении одной сложной операции.

Центр интереса изложенного периода концентрируется на Виленском направлении, где действия носили встречный характер, характер единоборства. В центральной группе армий, где Алексеев решил отходить, не принимая серьезных боев, весь интерес исключительно сводился к технике отступления широким фронтом.

Операция Гинденбурга между нижним Неманом и Двиной началась еще в апреле и, по имеющимся источникам, трудно выяснить те размеры, которые он хотел ей придать. Вероятнее всего, что первоначально они ограничивались выигрышем свободного пространства и занятием Прибалтийских областей для соответствующей политической обработки их населения, как залог для торга при будущем заключении мирного договора. На фоне этих второстепенных целей намечалось производство сильного кавалерийского рейда на коммуникации русских армий, для чего здесь было собрано большое количество кавалерии. В течение всего лета Гинденбург предпочтительно усиливал Неманскую армию, что свидетельствует, что в это время его больше интересовала Рига и, действительно, несмотря на плохие, по свидетельству Алексеева, действия русской кавалерии, немецкий прорыв и рейд успеха не имели. Обстановка меняется после отхода русских армий из передового театра, когда германская 8-я и 12-я армии сгрудились в узком пространстве, имея естественное направление своего наступления на Неман и служа источником для усиления германской ударной группы. Только тогда Гинденбург

начал развивать активные действия своей 10-й армией. Неожиданное быстрое падение Ковно, отсутствие у русских резервов в Виленском направлении и открытый стык между 10-й и 5-й русскими армиями, из которых последняя больше тяготела к своему правому флангу, указали Гинденбургу наиболее выгодное операционное направление между Вильной и Двинском, наступлением в котором немцы облегчали себе овладение оборонительной линией Двины и давали возможность выбросить их кавалерию на русские тылы. Только с этого времени можно считать определенно сложившимся у Гинденбурга план операции—прорыв между Вильной и Двинском, с направлением дальнейшего удара на юго-восток. С этого времени, все внимание Гинденбурга было обращено на 10-ю армию, а Неманская получила второстепенную задачу обеспечивать всю операцию и оттеснить русских к Двине.

В самом ходе операции у Гиндебурга на этот раз замечается больше недочетов, чем в предыдущих. Эти недочеты я склонен приписать некоторой нервности от упущенного времени, увлечению неожиданно легким завладением Ковно и излишнему неуважению к своему противнику.

Не сосредоточив достаточно войск, Гинденбург тотчас вслед за падением Ковно двинулся на Вильно и столкнулся в лобовом ударе с неожиданным сопротивлением русских. Операцию приходилось прекратить до прибытия новых сил, после чего только Гинденбург решил главный удар перенести на левый берег Вилии в обход русских позиций с севера. Потеряв на эту перегруппировку свыше 10 дней, Гинденбург не только преждевременно открыл карты противнику, но дал ему и время для усиления на своем опасном направлении.

Начинается длительная, неудачная для обеих сторон, операция на северных подступах к Вильне, при чем у немцев не замечается такого смелого глубокого обхода русского фланга, как это было в предыдущих операциях. Все их атаки носят осторожное выискивание фланга, и только 13-го сентября им удалось, наконец, не обойти, а только охватить русский фланг у Подбродзе и потом развить свой успех на фронте Быстрицы—Михалишки.

Но уже было поздно. Задержанные на 2—3 дня здесь конным корпусом Орановского немцы дали возможность сильной группе Олохова сосредоточиться на фронте Солы—Шумск и вновь заставить немцев вести безрезультатный лобовой бой.

Несколько в ином положении был на этот раз прорыв конной массы в шесть кавалерийских дивизий. Неизвестно к чему он привел бы без помощи пехоты, если бы конные

отряды Тюлина и Казнакова не открыли немцам ворота, отступив один на юг, а другой на восток, но во всяком случае немецкая кавалерия сделала смелый и удачный бросок на фронт Поставы—Сморгонь и сумела при этом сохранить четыре дивизии из шести на узком фронте оз. Нарочь—Сморгонь. Из остальных двух дивизий 9-я пошла на Докшицы, а движение 6-й проследить не удалось.

Достигнув эффектным броском весьма выгодного, казалось бы, положения, благодаря выходу на железную дорогу на Полоцк и разрушению таковой на Минск, немецкая кавалерия приостановилась, хотя имела перед собой еще около 10 дней, пока русское командование успевало сосредоточить в угрожаемом пункте необходимые резервы, для соответствовавшего контр-маневра. И здесь виновата торопливость Гинденбурга, который не имел времени подвести необходимую пехоту 8-й и 12-й армий для своевременного поддержания кавалерии, а эта последняя требует закрепления своих успехов и одна может работать только до известного предела.

25-го сентября Фалькенгайн приказал прекратить операцию, но, по соотношению сторон, она к этому времени естественно замирала со стороны немцев сама собой. И если бы русские армии не были в таком печальном и слабом составе, в каком они находились, то Гинденбургу пришлось бы перенести много критических минут, пока он не выравнял бы свой фронт. Теперь же ему удалось закрепиться на зиму почти на той же линии, которую достигла его кавалерия.

Рейд Гинденбурга, произведенный при весьма удачных условиях отсутствия единоборства с русской кавалерией, является пределом достижения такого рода маневров, если кавалерия ведет эту операцию без взаимодействия с пехотой.

Обращаясь к действиям Алексеева, который вел эту операцию впервые, как начальник Штаба Верховного Главнокомандующего, в них можно оттенить те же положительные стороны, которые отличали его во время летней операции. То же спокойствие, то же сосредоточение всего внимания на главном без боязни потерять на второстепенном, то же правильное предвидение событий и умелое маневрирование резервами. То дурное в этой операции, что портило ее ход и результаты, а именно, несвоевременное разделение на фронты, являлось наследием старой Ставки.

Деятельность Алексеева надо рассматривать в пределах тех узких рамок, которыми задавалось русское командование, а именно, спасение кадров, вооруженных сил, ценой потери территории.

Маневры Алексеева, в смысле своевременного перекидывания конного корпуса Орановского и сосредоточения первоначально 2-й, а потом 1-й армий, достойны полного внимания. Они вполне соответствовали поставленной им себе цели восстановить прочное положение на правом фланге общего фронта, не задаваясь целью нанесения решительного поражения немцам. Его можно упрекнуть в том, что он не придал достаточного значения Двинскому направлению, удар с которого приходился бы по тылам зарвавшихся немцев, но медленность сосредоточения туда войск, в особенности при перерыве железнодорожного движения и несогласия с Рузским, были для этого основательной причиной.

Обращаясь к работе исполнителей в прошедшей перед нашими глазами операции, мы должны помнить, что русские корпуса того времени представляли собой слабые полки, а дивизии—слабые батальоны, и подходить к их работе с определенным масштабом.

Наиболее трудная задача выпала на группу Олохова, которая упорно оборонялась, но оборонялась пассивно — несколько попыток частного перехода во фронтальное наступление, без какой-либо активной работы на флангах. Хорошая пассивная оборона и привела к определенным результатам—Олохов все-таки был обойден немцами.

Что касается до действий русской кавалерии, то ядру ее, конному корпусу Орановского, первоначально выпала задача борьбы с германской пехотой, переправившейся через Вилию между Михалишки и Быстрицей, и здесь он выполнил свою задачу, дав время Олохову перегруппировать свои войска. Далее этот корпус перекидывался на фронт Докшицы—Глубокое и был пущен в дело только после того, когда немцы выравняли свой фронт и перешли к обороне, т. е. в обстановке, не соответствовавшей ожидаемым успехам. Алексеев характеризовал действия конницы весьма отрицательно. Любовь к работе в растянутых в одну тонкую линию полках, без образования в главном направлении кулака, без смелого широкого маневра и любовь сидеть на плечах своей пехоты,—таковы были и в этой операции ее отрицательные качества. Конница, разбитая по армиям, как это было в начале операции, и конная масса, объединенная в конце операции в руках одного лица, одинаково не дали положительных результатов. Воспитание кавалерийских начальников в мирное время и подбор старших из них давали свои печальные результаты в течение всего маневренного периода войны.

Прорыв австрийцев на Ровно.

Схема № 31.

Мы оставили армии Иванова во второй половине августа на верховьях Зап. Буга, Золотой Липы и Днестра. Имея перед собой 1-ю, 2-ю, Южную и 7-ю австрийские армии с сильно уменьшенной прослойкой германских войск, Юго-западный фронт получил задачу прикрывать пути к Киеву и Черкассам и служить резервуаром, из которого черпались подкрепления для северных армий.

Вся трудность положения этого фронта заключалась в большом разрыве между его правым флангом и левым флангом Западного фронта, в особенности при отходе последнего на север в направлении Ратно—Кобрин. Хотя Алексеевым и были приняты некоторые меры для поддержания связи между фронтами, в виде направления сильного корпуса по дороге от Кобрина на Пинск и отдельного отряда от Камень-Каширский на Любашево, но они скорее касались прикрытия левого фланга Западного фронта, и между фронтами образовался совершенно открытый промежуток от Камень-Каширский до Киселина, который должен был явиться естественным объектом для активных действий австрийских армий.

И, действительно, еще 19-го августа Конрад предложил Фалькенгайну начать с австрийскими армиями операцию по овладению Луцком, Дубно и Ровно, что давало возможность вытеснить русских из Восточной Галиции. Фалькенгайн согласился передать ему для этой цели из группы Макензена 4-ю австрийскую армию и VI корпус. Всего в распоряжении Конрада находились на Галицийском фронте внушительные силы в 37½ пех. и 8½ кав. дивизий, имея против себя в армиях Иванова не более 23—25 сильно ослабленных дивизий, растянутых на длинном фронте.

Директива Конрада указывала левофланговой 1-й армии, на усиление которой было дано из 4-й армии две пехотных и одна кавалерийская дивизии, связать русских на своем фронте и выделить ударную группу (3 пех. и 1 кав. дивизии), которая должна из района Ковеля наступать на Луцк, с целью его захвата. Внутренние фланги 2-й и Южной армий должны были прорвать русских в направлении Злочева, а правый фланг Южной и 7-я армии, наступлением на низовья Золотой Липы и Днестра, связывать противника. Наступление должно было начаться 27-го августа.

Иванов считал, что отход Западного фронта не вызывает необходимости отступления 8-й армии, и директивой от 25-го августа[1] указывал Брусилову обеспечить его пра-

[1] Директива 12 (25)-го августа № 1431. В.-Уч. Ар., д. № 439, стр. 211.

вый фланг активными действиями конного корпуса Рерберга в районе Локачи—Киселин и усилением разведки к северу от реки Турии. В дальнейшем Брусилову дано указание не уступать даром позиций, но не доводить упорства обороны до расстройства частей, в видах сохранения кадров.

26-го августа главные силы правофлангового XII корпуса были сосредоточены в двух группах: у Торчина и Печихвосты, а конный корпус протянул свою разведку до Ковель-Луцкого шоссе. В тылу, для более прочного обеспечения правого фланга, в районе Киверцы—Рожище, сосредоточивался XXXIX корпус.

27-го августа 1-я австрийская армия атаковала 2½ корпусами русский XII корпус между Бугом и Затурцы, но решительного успеха не имела; ударная же группа ее вышла, оттеснив конницу, главными силами на Стоход с авангардом у Сокуля. Остальные армии атаковали русских: 2-я—у Гологуры, Южная—у Дунаюва без решительных результатов и 7-я—у устья Золотой Липы без успеха. Тем не менее это заставило Брусилова отклонить свой правый фланг на линию Торчин—Езерце—Селец—Бенкув, а Иванова—решить отход остальных армий на линию реки Стрыпы [1]. В свою очередь, Западный фронт усилил свой левофланговый IV конный корпус 77-й пех. дивизией (на Камень-Каширском направлении) и приказал ему, сосредоточив большую часть своих сил на левом фланге, действовать против фланга и тыла наступавших в Полесье австрийцев.

Тем временем ударная группа этих последних подошла к Стыри и переправила к 30-му числу у Сокуля на правый берег 3 пех. и 1 кав. дивизии; остальные же части 1-й армии вели упорные бои у Рожище и Луцка против сосредоточившегося здесь XXXIX корпуса. Ударную группу было приказано усилить еще X корпусом. С 1-го сентября на Стыре собралась вся 4-я австрийская армия, в которую влилась и ударная группа. Этот сильный отряд получил задачу атаковать Ровно, а 1-я армия, из трех корпусов, наступать на Дубно. Южная армия должна была, сосредоточив кулак южнее Тарнополя, прорывать позиции русских на Стрыпе и Серете, а остальные армии получили демонстративные задачи.

Занятие 30-го августа австрийцами Луцка и приближение их кавалерии к Горыни заставило русское командование перекинуть 1-го—2-го сентября конный корпус туда же на фронт Степань—Деражно, откинуть левый фланг 8-й армии на укрепленную позицию Берестечно—Радзивилов—Подкамень—Подберезце, а 11-ю и 9-ю армии отвести за Серет.

[1] Савич в Ставку 14 (27)-го августа № 1478. Там же, стр. 242.

Брусилов намечал уже следующим рубежом для отхода своей армии правые берега рек Горыни, Струбели и Иквы по линии — Деражно — Клевань — Сатиев — Дубно — Бережцы — Каршиловка.

Во время кризиса, переживаемого левым флангом 8-й армии, 11-я и 9-я армии не только успешно отбивали наступление противника, но, переходя в короткие контратаки, наносили ему и частные поражения. Это дало возможность ослабить 9-ю армию еще на один корпус (XXX) и в начале сентября перекинуть его на крайний правый фланг 8-й армии.

Между тем продвижение 4-й австрийской армии, хоть и весьма медленное, продолжалось. 3-го—4-го сентября уже шли бои у Олыки с XXXIX корпусом, и австрийское командование направило кавалерию, поддержанную пехотной дивизией, к Горыни, на которой она 5-го сентября встретила сильный отпор русских и отступила назад. Тем не менее, Брусилов 7-го сентября отвел свою армию на фронт Горыни, Струбели и Иквы. Австрийцы подходили к Ровно. Для прикрытия левого фланга их 4-й армии в районе Колки—Кашовка 9-го сентября была сосредоточена сильная кавалерийская группа из 7 дивизий. [1]

Австрийское командование решило 13-го сентября атаковать Ровно своей 4-й армией, при содействии 1-й армии, наступавшей вдоль дороги Дубно—Ровно. Правый их фланг понес в это время сильное поражение от 9-й русской армии, будучи оттеснен на Бучач и Тлусте.

К 13-му сентября русский XXX корпус успел развернуться по Горыни южнее Степани и перешел в энергичное наступление в общем направлении севернее Берестяны и на Луцк. Хотя австрийцы были точно осведомлены о переброске этого корпуса, но место его развертывания осталось для них скрытым, а его атака неожиданной. Постоянно обходя левый фланг 4-й австрийской армии, которая не получила поддержки от своей многочисленной кавалерии, этот корпус, в составе 6½ тыс. штыков, быстро продвигался к Луцку, разбивая по частям австрийцев и захватывая массу пленных.

Вслед за XXX корпусом перешел в наступление вдоль шоссе Ровно—Луцк и соседний XXXIX. К 23-му сентября оба корпуса подошли к Луцку, а в ночь на 24-е XXX корпус форсировал, при помощи подручного материала, Стырь севернее Луцка, и выходом на шоссе Луцк—Ковель заставил пасть Луцк, захватив 12 тыс. пленных.

---

[1] По Шварте и Хилюр здесь были сосредоточены 11-я, 2-я, 9-я, 10-я, 4-я, 7-я и 1-я австр. кав. дивизии, 1-я и 3-я бриг. польских легионеров.

Разгром 4-й австрийской армии заставил немцев вновь прийти на помощь своему союзнику. Из группы Леопольда Баварского в район Маневичи—Кашовка—Колки были направлены три дивизии, которые воздушной разведкой были 25-го числа обнаружены на пути от Маневичи на Колки (сплошная колонна в 20 клм. и другие боковые). Это движение, обеспечиваемое от русской кавалерии у Чарторийска выдвижением сильного конного корпуса, грозило отрезать слабый правый фланг 8-й армии от Ровно.

Поэтому Иванов приказал[1] вывести правый фланг армии из угрожающего положения, примерно, на линию Берестяны—Олыка,—Млынов, а из XXX корпуса, с придачей ему 4-й стр. бригады, образовать ударный кулак, который направить форсированным фланговым маршем в район Красноволя—Герасимовка, откуда атаковать подходившие немецкие дивизии.

На этом фронте произошел пятидневный, весьма упорный встречный бой между XXX корпусом и тремя германскими дивизиями, в результате которого обе стороны сохранили свое первоначальное положение и начали постепенно закапываться в землю.

Маневренный период войны на русском театре закончился.

Ровненская операция, вместе с первым периодом Ригo-Шавельской, являются за весь маневренный период единственными образцами действий на широких фронтах. И если последняя не дала положительных результатов ни для одной из сторон и потребовала от противников насыщения пространства войсками и скорого перехода к сплошным линиям, то первая характеризуется в последнем своем периоде большой маневренностью правого фланга 8-й русской армией, смелой наступательной работой на фланге противника, форсированием с ничтожными силами укрепленной позиции превосходных по числу австрийцев на Стыри и полным активности контр-маневром против появившихся на фланге немецких дивизий.

Действия русского XXX корпуса особенно интересны в тактическом отношении, и они еще раз подтверждают, что может сделать даже незначительная по силе часть, неожиданно появившаяся на фланге и смело работающая.

В этой операции мы вновь встречаемся с выдвинутыми друг против друга мощными массами кавалерии и вновь без каких-либо результатов. Кавалерия выполняла даваемые ей оборонительные задачи, но операции наступательного характера ей не удавались. В данном случае этот упрек скорее относится к более многочисленной австрийской кавалерии, которая не оказала никакой помощи терпевшей поражение 4-й австрийской армии.

[1] Директива 12 (25)-го сентября № 2047. В.-Уч. Ар., д. № 389, стр. 73.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Выводы.

Общие положения. Подготовка к войне. Планы войны. Верховное командование. Фронты и группы армий. Импровизация в стратегическом развертывании. Прикрытие границы и стратегического развертывания. Характер управления операциями. Характерные черты оперативного искусства русской армии.

Общие положения.

Автор поставил себе задачей нарисовать перед читателем общую картину маневренного периода Мировой войны на русском театре, где в длительной, беспрерывной, свыше годовой борьбе, столкнулись вооруженные силы России с таковыми Австро-Венгрии и значительной части Германии.

Автор далек от мысли, что ему удалось дать достаточно углубленную картину грандиозной борьбы трех могущественных империй на полях Польши, Литвы и Галиции после почти полуторавекового между ними мира. Такая задача не могла быть разрешена ни по размерам труда, ни по времени, да навряд ли и по силам для выполнения ее одним лицом. Он постарался нарисовать общую картину маневренной войны, развития всех операций ее в связи друг с другом, с углублением в вопросы высшего управления и с предоставлением достаточного фактического материала для исследования многих элементов оперативного искусства. Кроме того, его труд, объединяющий все события маневренного периода, может рассматриваться как база для исследования частных вопросов и как труд, связующий работы исследователей отдельных операций.

Вся Мировая война на главных европейских театрах делится на две резко противоположные по своему характеру и образу действий части. *Позиционная,* с весьма кратким маневренным периодом на французском театре и *маневренная,* которая не только беспрерывно продолжалась на русском театре до декабря 1915 года, но и в последующие два года позиционной войны на этом театре слабая техникой русская армия неоднократно старалась, хоть и неудачно, выйти на маневренный простор.

Армии Германии, Франции и Англии быстро насытили собой все небольшое пространство северной Франции и после коротких встречных маневренных ударов разбились друг о друга. У них нехватило места для дальнейших маневров и средств очистить себе для них дорогу. Естественным последствием такого положения было желание удержать выигранное пространство в своих руках, почему обе стороны закопались в землю и для усиления своей мощи перешли к помощи богатейшей техники двадцатого века. Началась борьба не между живой силой враждовавших стран, а между их большой индустрией, между творческим и организаторским талантом их народов, и в частности, их инженеров. Войска отошли в сторону и постепенно уступили главенствующую роль технике.

Попытки выйти на маневренный простор были при новых условиях неумелы, боязливы и делались все реже и реже. Потребовалось три года времени для борьбы индустрии всего мира против изолированной индустрии Германии для того, чтобы сдвинуть германские войска с места и отодвинуть их на какую-нибудь сотню километров. Да и то, для достижения таких минимальных результатов потребовалось масса ошибок германского командования, во главе которых стоит 1915 год с полным успокоением на французском фронте, как бы нарочно для того, чтобы дать англо-французам время приспособиться к новым условиям борьбы и превзойти своей техникой немцев.

Невиданные до того времени средства поражения на земле, с воздуха, газами и с глубины морей должны были произвести большое впечатление на современников, а для французов, которые в глубине своей души не могли так высоко ценить своего военного искусства, как они это делают на словах в настоящее время, это был тот якорь спасения, который позволил им три года удерживать свое положение и, в конце концов, довести дело до победы.

Могли ли французы не перейти в конце 1914 года к позиционной войне? С их уменьшающимся населением, с их желанием выиграть войну кровью своих союзников и с полным отсутствием необходимого для отступательного маневра пространства им другого выхода и не оставалось.

Позиционная война с грандиозным применением техники, с отодвижением живой силы на задний план, с ее длительностью, с истощением всех жизненных ресурсов побежденного и победителя, с ее эффектными, наконец, результатами не могла не произвести сильного впечатления на современников и, естественно, что, взирая на будущее, они смотрят на этот способ войны, как на новый образец,

выдвинутый громаднейшим скачком в развитии техники и примененный в невиданной до сего времени по своим размерам борьбе народов. Она законно ложится в основание подготовки к будущей борьбе и несомненно сыграет свою роль при известном сочетании разных элементов. И с этой стороны позиционная война должна быть основательно изучена, именно, по образцам французского театра, где она получила наибольшее развитие и была применена в чистом виде.

Однако, при изучении применения такого способа борьбы в будущем, следует иметь в виду некоторые неизменные указания истории. Каждая война давала какой-нибудь эффектный образец чего-то как будто совершенно нового, что увлекало современников, заставляло в этом новом видеть источник победы и поражения, и целый последующий период мира проходил в культивировании нового образца в чистом виде для применения его в будущем. Удел очень немногих—уметь на уроках прошлого нарисовать соответствующие образцы будущего. Каждая новая война никогда не была слепым повторением принципов старой и вводила иной элемент, который вновь поражал современников своим новым эффектом.

Позиционная война является чистым представителем войны на истощение со всеми специфическими признаками этого рода борьбы, длительностью и расстройством всех ресурсов народа, которое дает себя знать и многие годы после войны. Навряд ли после того опыта, который Европа переживает восемь лет[1] после войны, она не постарается при столкновениях будущего избежать подобного разорительного способа борьбы.

Позиционная война—синоним пассивной обороны, засасывающей живую силу в землю и атрофирующей у нее все необходимые качества для активной работы в широком масштабе.

И вот, параллельно с развитием позиционной войны на французском театре в чистом виде уже через несколько месяцев после начала войны, мы видим на востоке Европы, на русском театре, почти два года беспрерывной маневренной войны, которая только с трудом, последовательно принимала формы полупозиционной, резко отличавшейся от того, что происходило на Западе. Особые условия театра, средств страны и поставленных себе сторонами целей были главными тому причинами. Насколько обстановка русских вооруженных сил требовала именно маневренной войны показывает серьезное намерение Алексеева в начале

[1] Автор писал труд в 1926 году. *Ред.*

1917 года собрать войска на определенных операционных направлениях и вырваться на маневренный простор.

Навряд ли ко времени будущих столкновений обстановка на фронте Союза республик настолько изменится, чтобы центр борьбы перешел от маневренной войны к позиционной. И подробное изучение такого рода борьбы является существенно необходимым и, именно, изучение ее на русском театре, где она вылилась во всю свою ширь с качанием маятника наступления и отхода от Лодзи до Двины и от Венгерской равнины до Ровно, где она представляла массу разнообразных операций, где столкнулись армии разной подготовки и воспитанные на различных основах своего оперативного мышления и, наконец, войны, прошедшей на той же территории Польши, Литвы и Галиции, на которой так вероятны и столкновения будущей войны.

Не задаваясь целью подробного исследования оперативного искусства по опыту Мировой войны, а ограничивая свою работу преимущественно поднесением соответственно скомбинированного фактического материала маневренной войны, иллюстрирующего оперативное искусство столкнувшихся армий, как оно вылилось в действительных фактах, я в своих заключительных выводах коснусь только коренных обобщающих вопросов.

Подготовка к войне.

Глубоко будет неправ тот исследователь, который подойдет к изучению боевых операций, не углубившись предварительно в вопросы подготовки страны к войне еще в мирное время. Не только материальная подготовка, в виде организации и обучения армии, снабжения ее техникой и всеми видами запасов, подготовка театра войны в инженерном отношении и в железнодорожной политике, но даже ход оперативного мышления мирного времени неизменно кладет отпечаток на ведение операций. И в спорах Алексеева и Данилова летом 1915 года о том, сохранить ли русским в своих руках восточную часть передового театра или перенести все внимание на Риго-Шавельский район и Неман, ясно проглядывает влияние записок 1909 года того и другого и принципиальное различие в проектах стратегического развертывания 1910 и 1912 годов.

В этом отношении фактическая часть данного труда заставляет подчеркнуть следующие мысли:

1. Подготовка к войне объемлет все отрасли жизни страны, и коренное изменение принципов одного из элементов подготовки неразрывно связывает и изменение основ остальных элементов. Сухомлиновская идея 1909 года

об изменении дислокации, в связи с улучшением мобилизации, повела к окончательной пертурбации всех остальных элементов подготовки. Развертывание армий перед войной, первоначальные планы, система крепостей, военное железнодорожное строительство, подготовка тылов и базы передового театра,—все это подверглось коренному изменению и отчасти разрушению. При таких условиях операция, не обдуманная в широком масштабе всех элементов подготовки, способна скорее принести вред общему делу, чем пользу.

2. Широкая обдуманность первоначальных основ подготовки к войне, которые обыкновенно сопровождают или коренное изменение границ страны или же основательное изменение политической обстановки, имеет первенствующее значение, так как в это время закладывается фундамент на десятилетия вперед. Милютинская система инженерной подготовки и железнодорожной политики давила в течение 35 лет на стратегическую мысль его преемников, а неосторожный подход Сухомлинова к коренной ломке всей системы повел к тому, что в последние пять лет перед войной Россия шла не вперед, а назад в деле подготовки к войне. Она улучшила мобилизацию, но ухудшила сосредоточение; она разрушила крепости, которые приходилось восстановлять во время войны, и не дала в смысле инженерной подготовки ничего нового; она замедлила железнодорожное строительство в том районе, где по проекту Милютина оно имело наибольшее значение, что подтвердилось и всей кампанией 1914 года.

3. Все это особенно относится к подготовке театра войны, которая требует прочно установившейся системы на много лет вперед.

Солидно построенная база передового театра в интендантском отношении в эпоху Обручева-Куропаткина, дававшая войскам возможность в первый месяц войны, когда слабая рельсовая сеть была занята преимущественно оперативными перевозками, питаться запасами, подготовленными на месте, была в корне разрушена и на разрешение этого вопроса в новом масштабе не было обращено никакого внимания.

4. Подготовка к войне, в смысле оборудования театра, естественно, не может оставаться в течение многих лет применительно к одной приноровленной к первоначальному развертыванию линии. По мере увеличения военной мощи страны, она будет развиваться, и перенесение ее вперед, как это было в Германии и отчасти Австрии, является естественным ходом. При этих условиях все, подготовленное ранее, принесет свою долю пользы. В совершенно

ином положении находится отнесение подготовки театра назад.

5. Обращает на себя внимание оригинальная железнодорожная политика русского военного министерства, в смысле стеснения экономического железнодорожного строительства в приграничной полосе. Идея задержать наступление противника, путем лишения приграничной полосы железных дорог, ставила в самое безвыходное положение русские войска при их попытке наступать через Карпаты и к Познани.

Другая особенность железнодорожной политики заключалась в том, что русский Генеральный Штаб центр тяжести ее переносил только на быстроту сосредоточения войск к границе и на переброску их с одного фронта на другой. Вопросы же питания и использования всех средств страны его, видимо, не интересовали.

6. Центр тяжести всей подготовки был перенесен на развитие численной силы армии, а не на вопросы ее снабжения всем необходимым, и с этой стороны армия вышла на войну, не обеспеченная даже на первые месяцы ее ведения.

7. И в отношении развития численной силы армии русский Генеральный Штаб, исходя из ожидания молниеносной войны, обращал внимание только на перволинейные войска, совершенно игнорируя вопросы длительного питания армии живой силой.

8. Сравнительно детально разработанные тылы армии по проекту развертывания 1910 года остались в том же виде и при проекте 1912 года, хотя основные принципы развертывания и первоначальных операций были коренным образом изменены по этому последнему проекту. Тылы оказались сильно отставшими в период первых операций, что легло большой тяжестью и на войска и на железные дороги.

Планы войны.

В отношении планов войны мы имеем достаточный материал исключительно с русской стороны. Относительно планов Германии и Австрии имеются сведения *отрывочные*, по которым можно только догадываться об истинных предположениях Мольтке и Конрада.

1. За весь обширный период существования в мирное время разрабатываемых планов войны работа Генерального Штаба сводилась исключительно к разрешению вопросов о сосредоточении мобилизованных армий к границам и стратегического их развертывания. Вопроса о том, что

же делать в будущем с этими армиями, почти не касались, ограничиваясь только решением вести войну оборонительную или наступательную.

Начиная с Милютина и вплоть до Сухомлинова, вопрос этот разрешался однообразно в том смысле, чтобы война велась с самого начала наступательная. Но так как русская армия была слабее двух вероятных ее противников, Германии и Австрии, взятых вместе, то было решено наступать против одного из противников—Австрии, и обороняться против другого—Германии. Россия смотрела, как на предел достижения в будущем, на одновременное наступление против Австрии и Германии, к чему она могла подойти только последовательно—путем усиления своей военной мощи.

Заключение в 1892 году франко-русской конвенции не изменило взгляда Генерального Штаба на характер войны. Россия обязывалась только объявить мобилизацию одновременно с Францией и выставить на германском фронте 700—800 тыс. человек. В остальном она сохраняла полную самостоятельность.

Но дальше этого вопрос о планах войны не шел. Как представлял себе Генеральный Штаб наступление против Австрии, на этом планы войны не останавливались, а самая группировка войск давала будущему главнокомандующему возможность принять ту или иную комбинацию.

В 1910 году Россия резко изменила свое стратегическое развертывание, отнеся его на восток на прямую линию Неман — Белосток — Брест — Ровно — Проскуров и сгруппировав в резерве две армии к северу от Полесья, в квадрате 150 клм. в стороне. Развертывание сугубо оборонительного характера, которое не давало никакой идеи будущего ведения войны, предоставляя все обстоятельствам и воле главнокомандующего. При этом две армии его стратегического резерва, собранные в компактной массе, потребовали бы при слабой рельсовой сети очень много времени для того, чтобы их ввести в боевую линию.

Такой проект стратегического развертывания, как совершенно нежизненный и несоответствовавший политической обстановке, просуществовал только один год, и в 1912 году Россия вновь перешла к занятию передового театра и к решению действовать наступательно, но на этот раз против Австрии и против Германии, нанося главный удар австрийцам. В данном случае Генеральный Штаб делал шаг вперед по сравнению с прежними проектами. Вместе со стратегическим развертыванием фронтам ставились и первые задачи—разбить живую силу противника и завладеть выступами Восточной Пруссии и Галиции.

Но вопроса о дальнейшем ходе войны, о том куда и как направлять удар, чтобы скорее достигнуть конечной цели войны, составители планов совершенно не затрагивали. Считалось необходимым разбить в конечном результате немцев, как главу враждебной коалиции, но как это сделать, какую установить руководящую идею всей войны, к выполнению которой стремиться, устраняя все препятствия на пути к ней, об этом в мирное время вопрос совершенно не подымался. Мысль о том, что будут делать русские армии по выполнении ими первой задачи, куда же направить дальнейший удар, совершенно отсутствовала. Все представлялось той обстановке, которая сложится после первого решительного боя, забывая, что при массовых армиях такой все решающий бой может иметь место только при заблаговременной его подготовке с той определенностью и в том широком масштабе, как это сделал Шлиффен.

Как следствие отсутствия в этом отношении определенной обдуманной идеи, мы встречаемся со всегдашними колебаниями русской Ставки после окончания каждой операции. Что делать дальше,—было для нее проклятым вопросом. Следствием этого и явился невообразимый конгломерат решений, на которые бросалось русское верховное командование. От Варшавы через Познань на Берлин, через Краков и Бреславль на Берлин, через Ченстохов на Бреславль, через Нарев и ближе к нижней Висле на Берлин и, как венец всего, через Карпаты на Будапешт и Вену, на Берлин, таков размах качающегося маятника русской Ставки.

Нет сомнения, что ход войны может заставить уклониться от ранее принятой основной идеи ее, но эти кидания из стороны в сторону не могут быть так велики, как это будет тогда, когда основная идея ведения войны совершенно не выработана. Впрочем, в этом отношении русскому штабу помогли французы, указав основной идеей войны наступление от Варшавы через Познань на Берлин.

2. В русских планах поражает полное отсутствие связи стратегии с политикой. Международная обстановка, какой ее представлял себе Данилов в 1910 и в 1912 годах, разительно отличалась от существовавшей в действительности. И планы русского командования совершенно не соответствовали требованиям международного положения. 1910-й год по сложившейся в Европе обстановке требовал наиболее активного развертывания, а 1912-й представил наблюдателю с широким кругозором ясную картину того, что в грядущей войне Австрию нельзя квалифицировать, как страну, нестоящую внимания, что любезно предлагали французы в начале войны.

3. В 1892 году, при заключении франко-русской военной конвенции, Обручев, бывший в то время начальником штаба русской армии, определенно предупреждал о границах военных обязательств, которые страна может принять в отношении своего союзника при совместном ведении войны.

Эти границы Обручев устанавливал в виде обязательства одновременного объявления войны и, в крайнем случае, обязательства выставления определенного количества войск на интересующей союзника границе. В остальном же Обручев требовал полной самостоятельности в оперативной деятельности своей армии. В этом духе и была редактирована конвенция 1892 года, хотя французское правительство еще в то время старалось опутать Россию теми связующими ее свободу нитями, которыми оно ее опутало к 1914 году.

Русский Генеральный Штаб согласился взять на себя в Мировой войне неблагодарную роль, оттягивать немцев от французского театра, отодвинув на задний план выигрыш войны Россией на своем театре. Он обратил большую часть вооруженных сил России в демонстрирующий, по отношению к французскому театру, элемент со всеми отрицательными свойствами такого рода операций для России и со всеми положительными для Франции. Примера такого рода союзных обязательств мы не встречаем ни в одной стране. Россия добровольно приняла на себя роль французского субалтерна, чем в достаточной степени и объясняются ненормальности в оперативных решениях ее Ставки за весь маневренный период войны.

4. Если мы сравним выдержанное до тонкости стратегическое развертывание по проекту Шлиффена, которое принуждало любого главнокомандующего начать войну по тому плану, в основу которого легло развертывание, с расплывчатым и мало определенным развертыванием русских армий, то увидим, что последнее именно своей расплывчатостью наталкивало будущего главнокомандующего на ряд импровизаций с первых же шагов войны.

5. На противной стороне большим шатанием оперативной мысли в отношении развертывания и первоначальных планов отличался австрийский Генеральный Штаб, в первоначальной деятельности которого также большую роль играли союзнические обязательства.

Верховное командование.

Лозунг—полная мощь полководцу—был в течение девятнадцатого века применен в относительно чистом виде

только один раз, а именно, Наполеоном I. Впоследствии он оставался лишь теоретическим пожеланием даже в тех случаях, когда во главе армий становился носитель верховной власти в стране. Скрытый коллектив из тайных и явных влияний, борьба политика и стратега являлись неизменным атрибутом каждого полководца. Немудрено, что с этим условием мы встречаемся и в империалистической войне.

Полководцу не только приходилось считаться с волей верховной власти, волей правительства, органов, питающих войну, с требованием политики, это все естественные и законные члены того коллектива, который ведет войну. Но и в оперативном отношении он фактически не был самостоятелен.

Союзнические обязательства даже в том случае, когда они не выливались в такую уродливую форму, как это было в России, заставляли полководца с ними считаться; лица, командовавшие очень крупными соединениями или на отдельных театрах, оказывали несомненное давление на ход военных операций и даже отдельные лица, частью ответственные, частью безответственные, служили той тайной пружиной, которая сильно и иногда пагубно давила на ход военных событий.

Влияние Конрада с его многообразным, подвижным и эластическим оперативным мышлением на более прямолинейного Фалькенгайна было несомненно и велико; удельный вес Людендорфа во всех успехах и неудачах Гинденбурга определить еще невозможно, но не даром же эти два имени сливаются воедино. Влияние безответственного Борисова на ответственного Алексеева подтверждается и документальными данными и показаниями очевидцев.

Но от этих обычных, вполне жизненных и редко устранимых воздействий на оперативное мышление и решение полководца в стороне стояла русская Ставка, которая совершенно потеряла свое лицо и как бы умышленно старалась сама себя упразднить.

Если мы откинем верховного главнокомандующего и его начальника штаба, как лиц, мало подготовленных к ведению большой войны, то в состав Ставки входил ответственный докладчик по оперативным вопросам, ее генерал-квартирмейстер, Данилов, которого никак нельзя упрекнуть

---

[1] Борисов, первые военно-литературные труды которого заставляли ожидать, что из него выйдет большой военный мыслитель, во время войны не занимал определенной ответственной должности, но неотлучно находился при Алексееве, который исключительно верил его оперативным талантам. Влияние Борисова на Алексеева было бесспорно и трудно решить, где в оперативных мыслях кончался один и начинался другой.

в отсутствии теоретической подготовки, определенного стратегического мышления и твердости характера. Можно было предполагать, что Данилов будет тем лицом, которое твердо возьмет в Ставке в свои руки камертон направления оперативных дел. В действительности же вышло иное. Данилов также самоупразднился.

Я привел массу документальных данных, характеризующих вождение Ставкой русских армий в чертах, почти граничащих с анекдотичностью. Другие историки, работавшие по первоисточникам, как-то: Бонч-Бруевич, Незнамов и Борисов, не отличаются в оценке ее деятельности от меня. В чем же причина такой оригинальной работы Ставки, долженствовавшей включать в себя лучшие элементы Генерального Штаба?

Нельзя же приписывать все незнанию и неумению и следует попытаться доискаться более глубоких причин такого ненормального явления, как верховное управление русскими армиями в первый год войны.

Генерал-квартирмейстер Ставки не является тем лицом, которое по своему положению легко могло бы давить на волю верховного главнокомандующего, да, в особенности, на такого, как Николай Николаевич. Для этого надо было иметь много гражданского мужества и уверенности в правоте своего мышления, чего, вероятно, у Данилова нехватало.

Теоретически твердый, но практически к вождению войск совершенно неподготовленный, Данилов должен был растеряться, попавши в водоворот реального разрешения всех вопросов действий и жизни войск на войне, тем более, что это было сопряжено с громаднейшей ответственностью и с крушением всей служебной карьеры, что не всегда играет последнюю роль в деятельности большинства. В таких обстоятельствах было легче перенести всю тяжесть ответственности на ближайших исполнителей, каковыми являлись такие крупные величины, как главнокомандующие армиями, действующими против Германии и Австро-Венгрии.

Ставка и остановилась на способе управления армиями в виде объединения и урегулирования почти самостоятельной работы фронтов, выявляя свою волю исключительно в перекидывании живой силы и средств с одного фронта на другой, в зависимости от большего или меньшего значения в ее глазах той или иной операции. Под этим знаком прошла вся работа первой русской Ставки. Я не ошибусь, если скажу, что самостоятельных директив ее не было совсем, кроме общего лозунга — „вперед, на скорейшую помощь французам".

Даже первоначальная директива, которая ставила фронтам первые задачи, не может быть признана самостоятельной, так как является перефразировкой директивных указаний проекта развертывания 1912 года, а условный ее тон должен был ясно показать фронтам, что руководящий импульс уже заколебался в Ставке и его легко вырвать, к чему и приступили Рузский и Иванов. Только Жилинский всецело находился под влиянием Ставки и потерпел одно из жесточайших поражений.

Даже импровизация с скороспелым образованием Варшавских армий, с целью похода на Берлин, была внушена из Парижа.

Самсоновская катастрофа окончательно выбила руль управления из рук Ставки, и она всецело оказалась в руках фронтов.

Было бы вполне естественно коллективное творчество Ставки, опиравшейся на мнения главнокомандующих фронтами. Здесь от нее требовался правильный выбор равнодействующей между разными мнениями коллектива и твердый надзор за проведением его в жизнь. Для этого не нужно даже основательного знания ведения большой войны, а только ясный ум и твердая воля. Но Ставка, к удивлению, и этого не дала. Она всегда опиралась на одного из главнокомандующих, которому в данную минуту более верила или предложения которого ей более нравились.

Источник всех многоречивых писаний Ставки всегда можно найти в предварительных переговорах с одним из фронтов, а чрезмерно длинный, туманный и как бы извиняющийся характер директив заставляет предполагать, что и эти навеянные со стороны мысли не ясно ею усваивались.

Как следствие принятой Ставкой системы управления, явилась постоянная борьба между фронтами и недоуменное положение Ставки в смысле того, на чью сторону ей стать. Немудрено, что фронты, находясь в таком положении, стали самостоятельно ставить себе задачи и потянули Ставку в разные стороны. Только июль 1915 года можно отметить в смысле твердого управления операциями, которое всецело было сосредоточено в руках одного лица.

В работе русской Ставки или, вернее, ее Генерального Штаба нельзя, к сожалению, найти ни одной положительной стороны, и она является тем отрицательным образцом коллективного вождения армий, который гораздо хуже, чем даже дурное управление одного лица.

Фронты и группы армий.

Образование двух мощных фронтов и соответствующее подразделение территории всего театра на две подчиненные главнокомандующим фронтами части являлись особенностью исключительно русского управления. И в германской (в ней первоначально были объединены в группу только 6-я и 7-я армии, действовавшие в Эльзасе и Лотарингии), и в австрийской армиях образование групп армий делалось только последовательно, в зависимости от оперативных потребностей. Подразделение фронтов не по стратегическим соображениям, а по политическим противникам (Германия и Австрия) является фактом мало объяснимым. От этого оригинального взгляда Россия отказалась только в августе 1915 года образованием Западного фронта.

Такое подразделение фронтов по политическим противникам как бы подразделяло войну России на одном театре на две отдельные войны с Германией и Австрией, с невольно развивающимся честолюбием главнокомандующих победить своего врага. На этой почве—чей враг важнее—и идут главные споры между Ивановым и Рузским.

Два мощных фронта, которыми руководила Ставка, представляли собой такие сильные организмы и с таким удельным весом, что верховному командованию с ними приходилось считаться, и в этом есть доля оправдания, что Ставка перед ними пасовала. Этот недостаток сильных организмов мы встречаем и у германцев. „Главнокомандующий Востоком" чрезмерно давил на волю Фалькенгайна. Существование, вместо сильных фронтов, более мелких, приноровленных исключительно к оперативным потребностям, групп армий волей неволей заставило бы Ставку взять управление операциями в свои руки.

Два фронта совершенно не соответствовали складывавшейся на театре войны стратегической обстановке.

Варшавская операция как бы напрашивалась на подразделение армий на три оперативных группы—Восточно-Прусскую, левого берега Вислы и Галицийскую, а между тем управление этой операцией пришлось разделить между обоими фронтами, что внесло в ведение ее разнобой. То же можно сказать относительно Лодзинской и последующих операций.

Эластичные, приспособленные к изменяющейся стратегической обстановке группы армий дают много оснований считать их более практичными, чем громоздкие фронты.

Импровизация в стратегическом развертывании.

Из трех столкнувшихся на русском театре сторон две, Австрия и Россия, внесли импровизацию в установленные

планом мобилизации сосредоточение и развертывание вооруженных сил.

В Австрии это было вызвано неправильной первоначальной, отчасти политического, отчасти военного характера, предпосылкой, а именно, надеждой разбить Сербию раньше, чем сосредоточатся на Галицийском фронте русские армии, о быстроте мобилизации которых имелись неправильные сведения.

Поэтому 2-я австрийская армия, предполагавшаяся по планам, при одновременной войне с Россией и Сербией, на русском театре, была направлена на сербский, в надежде разбить Сербию раньше, чем Россия вступит в войну и сосредоточится. Конраду приходилось спешно перекидывать эту армию в Галицию, что вне плановых перевозок производилось с большой медленностью.

Все это привело к самым печальным для австрийцев результатам. Их 2-я армия находилась на колесах в то время, когда решались вопросы первостепенной важности на русском и сербском фронтах. Если мы вспомним положение сторон в первый период Галицийской операции при окончании Томашевского сражения, то для нас будет ясно значение удержания австрийцами в своих руках Львова на несколько лишних дней, чему так помогло бы своевременное нахождение 2-й армии в Галиции.

С импровизацией в развертывании русских армий дело обстоит более сложно.

Какова была настоящая причина, заставившая верховного главнокомандующего изменить с первых же шагов войны план развертывания, сказать трудно; имеется много документальных данных предполагать, что это было следствием выполнения союзнических обязательств перед Францией. Но эта импровизация послужила вольно или невольно к исправлению ошибок в плановом сосредоточении армий.

Мы уже знаем, что во всех работах мирного времени по составлению проектов развертывания Данилов мало считался с реальной политической обстановкой. Он рассчитывал, что Россия одна будет драться чуть ли не против всего мира, почему старался все прикрыть и всюду быть сильным. Поэтому к началу войны в руках Николая Николаевича оказались свободными два корпуса в Петербурге и один в Бендерах, не считая восточно-сибирских, и скорое использование этих корпусов являлось законным желанием русского верховного командования.

В мартовском проекте 1912 года, составленном комиссией начальников штабов округов, придавалось большое и справедливое значение низовьям Нарева и участку между Вислой и Люблином. Переделанный главным управлением

Генерального Штаба майский проект того же года уменьшил количество войск в этих районах. Импровизация Николая Николаевича сводилась к тому, чтобы сосредоточить сильный кулак в Варшаве, который мог служить ему и стратегическим резервом в наиболее важном направлении.

Можно себе представить во что вылилась бы Наревская операция, если бы направление на Млаву оставалось совершенно неприкрытым своевременно перекинутым туда Ставкой с Немана I армейским корпусом; во что вылилась бы Галицийская операция, если бы правый фланг Иванова не был своевременно поддержан XVIII и гвардейскими корпусами, также импровизированно сосредоточенными Николаем Николаевичем в Варшаве. Можно с уверенностью сказать, что русские армии с самого начала операции восприняли бы, по выражению Петра Великого, „раковое движение вспять" в самой неблагоприятной обстановке, к чему и готовила уже их записка со стратегическими соображениями генерал-квартирмейстерской части Ставки, о которой упоминалось в настоящем труде.

Импровизация в период стратегического развертывания армий—сугубо нежелательная вещь, но наличие такого опасного акта во многом зависит от основательности подготовки Генеральным Штабом в мирное время планов развертывания. И в данном случае импровизация, сделанная главковерхом, в особенности в размерах, мало затрагивавших общий план перевозки, случайно принесла, пожалуй, больше пользы, чем вреда.

Прикрытие границы и стратегического развертывания.

Сложный и важный акт прикрытия границ и обеспечения стратегического развертывания в операциях на русском театре получил весьма мало развития. Мы ни в одной из столкнувшихся здесь сторон не видим даже зачатков основательной и планомерной постановки этого вопроса. И если для Германии оправданием может служить малое количество кавалерии, то для Австрии и, в особенности, для России, выдвинувших вперед массу конницы, и этого оправдания не существует.

Общая характеристика действий в этом отношении обеих сторон сводится к тому, что в пассивном смысле прикрытия сосредоточения было кое-что сделано, в активном же, в смысле помехи развертыванию противника и раскрытия его карт, были сделаны попытки только на Галицийском фронте, давшие весьма небольшие результаты.

На германском театре с немецкой стороны действия прикрывавших частей сводились к работе отдельных мелких

отрядов I корпуса, которые ни в чем не помешали русским и, напротив, перед Гумбиненским сражением представили своему командованию превратную картину группировки противника.

Деятельность громаднейшей русской кавалерии, сгруппированной на этом фронте, парализовалась, прежде всего, поставленной ей задачей—разведывать „от и до" и прикрывать. Активного характера задачи сводились только к разрушению железных дорог и давались сильным разъездам, поэтому и больших результатов иметь не могли. Попытка Виленского округа использовать при мобилизации свою кавалерию, поддержанную пехотой, встретила отказ со стороны главного управления Генерального Штаба; попытка Жилинского выдвинуть 16-го августа на поддержку сильной конницы 1-й армии III корпус встретила такой же отказ со стороны Ставки.

На Галицийском фронте и со стороны Конрада и со стороны Иванова были основательные попытки использовать свою конницу в этот первый период войны. Как тот, так и другой выкидывали ее в значительных массах по определенным операционным направлениям, но без постановки ей каких-либо конкретных, ясно очерченных задач. С австрийской стороны можно при этом отметить один факт, которого не было у русских, а именно, постановка Конрадом своей кавалерии границы, до которой она должна была продвигаться в русское расположение.

В результате мы видим и со стороны русских и со стороны австрийцев красивые кавалерийские набеги, но без какой-либо существенной пользы.

Таким образом, этот период войны, который по своему значению должен был бы иметь большое влияние на дальнейший ход первой операции, фактически почти ничего не дал.

Причину этому я склонен видеть во многих данных.

1. Вопрос о действиях, прикрывающих мобилизацию и сосредоточение отрядов, совершенно не разработан теорией и не освещен практикой. Об его важном значении говорится только в общих чертах. А между тем в нем различаются две самостоятельные части: прикрыть свою мобилизацию,—более легкая часть, и помешать сосредоточению противника и раскрыть его карты, что составляет более трудную ее часть.

2. Мы нигде не встречаем планомерной разработки этой второй части работы в смысле организации соответствующих отрядов и постановки каждому из них определенной частной задачи и связи этих частных задач в одно общее целое. Различие между германским и галицийским фрон-

тами сводилось только к более безграмотному и к более грамотному назначению своей кавалерии: распыление кавалерийских дивизий на широком фронте с целью разведки на нем, в первом случае, и нацеливание их на определенные направления—во втором.

3. Организация и вооружение кавалерии времен Мировой войны ставили известный и в общем весьма небольшой предел ее самостоятельной работе без поддержки пехоты. Максимальный успех при особо благоприятно сложившихся условиях можно приравнять к успеху Свенцянского прорыва. Между тем в мобилизационный период кампании вопрос о закреплении пехотой достигнутого кавалерией и своевременной поддержки этой последней нигде не был разрешен.

Характер управления операциями.

В отношении управления операциями мы с русской стороны видим большое разнообразие, которое, однако, можно свести к некоторым характерным чертам.

1. Если мы отбросим Ставку, то в ведении операции фронтами замечается большая вилка от директивных указаний широкого характера до вождения армий фронта как тесно связанных частей одного организма, выполняющих одну операцию, чуть ли не приказами. Представителем первого течения был Жилинский с его управлением первой Восточно-Прусской операцией, приведшим к расползанию армий фронта в разные стороны, и Рузский; представителем второго способа—Иванов или, вернее, Алексеев. При употреблении этих двух способов управления следует отметить одну существенную привходящую данную. Широкие, общего характера директивные указания, в связи с возможностью вести длительные переговоры по Юзу, приводили к тому, что авторы их в ходе операции дополняли естественные недочеты основной директивы вмешательством в средства ее выполнения, которые являются неотъемлемым правом исполнителя. Восточно-Прусская и Лодзинская операции служат в этом отношении хорошей отрицательной иллюстрацией. В управлении Иванова, который с самого начала брал всю операцию фронта в свои руки и армиям ставил короткие определенные частные задачи, иногда на 1—2 дня, этой отрицательной особенности почти не замечается.

Способ управления, принятый на Юго-западном фронте, получил свои, пока еще слабые, зачатки в Галицийскую операцию, вылился в определенную, весьма поучительную, форму во второй период Варшавской операции (наступление

на фронт Краков — Ченстохов) и получил полное развитие летом 1915 года, на этот раз уже на Северо-западном фронте, когда им командовал Алексеев.

Разные приемы в управлении армиями фронтов особенно рельефно выявились при преследовании союзников, отходивших от Варшавы к Калишу—Кракову, когда группой армий, выполнявших фактически одну операцию, командовали вместе Рузский и Иванов.

Первый все свое управление армиями фронта на левом берегу Вислы ограничивал нарезкой каждой из них полос для наступления и рубежей, совершенно не проявляя руководства ими. Поэтому каждая армия могла принять такую комбинацию корпусов, которая не только не соответствовала общей комбинации фронта, но и шла вразрез с ней; на практике, впрочем, все это выливалось в равномерные нарезки армиями полос для корпусов, а этими последними для дивизий, или, короче, к кордонному распределению армий всего фронта. В директиве Иванова, напротив, был заложен известный оперативный замысел, и регулировалась роль каждой армии в достижении поставленной фронту цели.

2. Много замечается характерных черт в постановке фронтам и армиям задач.

Прежде всего следует в этом отношении отметить типичное различие между русским командованием и германским. Каждая операция немцев задумывалась в очень широких тонах; почти каждая из них должна была повести к решительному разгрому русских армий. Правда, ни одна из них, кроме Танненбергской, в полном объеме не удавалась, но, выполненная даже отчасти, всегда приводила к внушительным результатам.

Задачи, которые ставило русское командование, были всегда узки. Только первые из них, в начале войны, ставили широкие цели уничтожения живой силы противника в Восточной Пруссии и в Галиции. В последующий же период, даже после удачи Варшавской операции и подхода к границе Силезии, задача обоим фронтам, которую они могли выполнить только после тяжелого боя с противником, сводилась к занятию исходного положения для дальнейшего глубокого вторжения в Германию. Немудрено, что при подобной постановке задач, даже при удачном выполнении их, как это было в Галицийской операции, фронты и армии не знали, что им делать дальше, и войска совершенно не были подготовлены принятой в конце операции группировкой к дальнейшему ее ходу. В результате после Галицийской операции пять армий Юго-западного фронта столпились в кучу, а наступление от Варшавы стихийно увлекло фронт Рузского к юго-западу.

Германское командование замечательно умело концентрировало все свое внимание и внимание своих войск на очередной поставленной себе задаче, не боясь в пользу ее ослаблять весь свой остальной фронт до последней крайности. Русское командование, за исключением, впрочем, Алексеева, старалось всюду быть сильным и оказывалось всюду слабым. Во время той же Варшавской операции Ставка поставила, например, сразу задачи—выхода на нижнюю Вислу, глубокое вторжение в Германию, наступление к Кракову и за Карпаты и рейд в Венгерскую равнину, в то время как союзники ограничивались одной задачей—наступлением севернее Калиша и от Ченстохова окружить и уничтожить 2-ю и 5-ю русские армии и для этой цели шли на всевозможные жертвы на остальных фронтах.

Нередко замечались случаи постановки совершенно невыполнимых для войск задач, что ложилось моральным гнетом на исполнителей и приучало их легкомысленно относиться и к тем задачам, которые были выполнимы. Брусилов упрекал в июне 1915 года XII корпус, что он, вместо действительного выполнения указанного ему наступления, обозначал его на месте; но к этому приучило войска высшее командование, давая им задачи, невыполнимые ни по средствам, ни по времени.

Немецкое командование в течение всего маневренного периода не выпускало инициативы из своих рук. Одно из средств, которыми оно этого достигало, заключалось в быстром принятии решения. В нем работа мысли командования не задерживала хода действий, а предшествовала им. Как только в течение хода операции результат ее намечался достаточно ясно, командование тотчас же намечало следующий ход и приступало к перегруппировкам. Русское командование этому примеру не следовало, и новая операция задумывалась только после окончания предыдущей. На выработку решения в Ивангородской операции потребовалось 12 дней. Директивы фронтов достигали армий тогда, когда обстановка в корне изменялась, и в результате командование и войска жили как бы отдельной жизнью; эти последние часто работали самостоятельно, не имея возможности руководствоваться запоздалыми приказами командования.

Характерные черты оперативного искусства царской армии.

За маневренный период войны можно отметить несколько общих характерных черт оперативного искусства царской армии, которые под влиянием боевой практики несомненно эволюционировали, но очень медленно. В общем можно ска-

зать, что это искусство являлось прямым наследием исповедываемых доктрин девятнадцатого века, без какого-либо учета опыта Японской войны, который оказал свое влияние почти исключительно на тактику мелких частей.

1. Царская армия панически относилась к развитию широких, оторванных от общего фронта самостоятельных действий на флангах, что совершенно законно ввела у себя в догму армия германская. В этом отношении в Мировую войну она сделала даже шаг назад по сравнению с Японской. Там, и в сражении под Ляояном и в сражении на Шахе, мы видим хоть попытки работы на флангах противника; здесь же и этого не было, если не считать попытки Самсонова сделать более глубокий охват 8-й германской армии в Восточной Пруссии, против чего так восстал Жилинский.

Любимой формой маневра старой царской армии являлся лобовой удар, с трусливо обозначенным охватом, но при непременном условии, чтобы ось группы охватывающей части плотно соприкасалась с фронтальной группой. Даже и в тех случаях, когда высшее командование хотело иногда бросить часть в обход более широкий, ей это не удавалось, так как обходящая часть сама жалась к фронтальной. Эту черту старой армии нужно рассматривать не как случайную, а как общую, культивированную из недр Главного Управления Генерального Штаба. Стратегическое развертывание по проекту 1910 года было типичным лобовым развертыванием; мартовское 1912 года было слабой попыткой соединить фронтальный удар с обходом, но уже майский проект того же года и, в особенности, январский проект 1913 года, как бы испугавшись положения обходящих частей, начали уменьшать и оттягивать на восток западные фланги обоих фронтов. Некоторую попытку смелого маневра сделал только Николай Николаевич сформированием в начале войны Варшавской группы.

То же самое мы видим и во время самой войны. Жилинский боялся глубокого обхода со стороны Самсонова; Иванов сгрудил в конце Галицийской операции свои армии в мешок между Вислой и Карпатами, боясь своевременно бросить фланги за Вислу и Днестр; Ивангородо-Варшавская операция давала возможность гораздо раньше нанести удар немцам во фланг от Варшавы, но этого не было сделано до тех пор, пока не образовался сплошной фронт и удар от Варшавы не обратился в мелкий охват. В многочисленных проектах Алексеева, относившихся к 1914 году, мы также нигде не встречаемся с широкими действиями на флангах. В 1915 году он лично уже эволюционировал в этом отношении и неоднократно настаивал на смелых маневрах

на фланге, но исполнители и войска к этому подготовлены еще не были, и на практике провести таких маневров не удавалось. Некоторые зачатки в этом отношении мы встречаем только в работе левого фланга 8-й армии в действиях севернее Луцка в сентябре—октябре 1915 года.

В этом отношении обе стороны резко отличались друг от друга, и, в то время когда немцы отказывались от всякой операции, когда она принимала фронтальный характер, русские чувствовали боязнь к широким маневрам на фланге.

Замечательно, что и кавалерия вслед за пехотой боялась широкой работы на флангах; исключение составляла конница, прикрывавшая в 1915 году промежутки между фронтами, но там ей были даны определенные операционные направления.

2. Как прямое следствие такой исповедуемой доктрины в постановке войскам задач, преобладала в их операциях ограниченность целей и даже чрезмерная осторожность, в то время, как у немцев царила нападательная дерзновенность. Правда, во вводных частях директив старой армии задачи ставились в самых решительных тонах—разбить и уничтожить, но если этот язык сравнить с следующими вслед за этим распоряжениями по группировке и по постановке частных задач, то разбить противника еще можно было, но уничтожить—нет.

3. Прямым следствием подобного способа действий являлся ограниченный характер успеха даже в удачных операциях русских; они вытесняли, но не громили противника.

4. В операциях царской армии преобладала осторожность перед разумным риском. В этом отношении перед ними сильно выигрывало даже австрийское командование с худшими войсками, срывая своими рискованными действиями их операции. Представителем желания обеспечить себя в размере полных 100% являлся Рузский, который из-за этого всегда терял возможность захватить инициативу действий в свои руки.

5. Царская армия была более сильна в обороне и в отступлении (не практика ли Японской войны?), чем во всякого рода наступательных операциях. Летнее отступление 1915 года должно быть причислено к весьма искусным.

6. Мы почти не встречаемся с желанием русских ответить на маневр противника своим смелым контр-маневром. Отход или пассивный заслон были им более по руке.

7. У них замечалось чрезмерное пристрастие к маневрированию рубежами и разграничительными линиями, причем бывали случаи назначения их вперед на 100 *км.* Неумение

пользоваться разграничительными линиями приводило к кордонному расположению войск.

8. В 1914 году царская армия не отказалась еще от применения грузных авангардов, что и повело к поражению гвардейских стрелков у Опатова.

9. В Галицийской и Лодзинской операциях применялся маневр весьма неудобного свойства, а именно, захождение плечом двумя армиями.

10. Царская армия, в особенности, в крупных своих соединениях, была мало подготовлена к ведению современной войны в большом масштабе. Неумение совершать марши-маневры, малый порыв вперед, отсутствие эластичности в маневрировании, тяжеловесность и медлительность—таковы были ее главные недостатки, с которыми должно было считаться командование, но с которыми оно считалось мало. Поэтому командование, отдавая свои распоряжения, невыполнимые для войск, жило как бы отдельной жизнью, а войска, выполнявшие их по способности, своей жизнью.

Надо, впрочем, отметить, что войска сильно эволюционировали во время войны, и это особенно относится к более мелким частям.

Таковы несколько выводов общего характера, которыми автор, в дополнение к его мыслям, изложенным в конце каждой операции, позволяет закончить настоящий труд. В нем он преимущественно сосредоточил внимание читателя на вопросах об управлении операциями и в заключение подтверждает старую истину, что при хорошем управлении и плохие войска могут много сделать.

Вождение масс на войне является делом до того многогранным, что требует полного напряжения умственных и волевых сил, удобренных широким познанием военного дела и большой разумной практикой.

Горе тому народу и классу, военные руководители которого подойдут к этому жизненному вопросу с преступной легкостью и самоуверенностью.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I[1].

Выдержки из директивы ставки 20 октября (2 ноября) 1924 г. № 5366.

1. Сведения о противнике. Большая часть немецких корпусов обнаружена на путях к Новорадомску и Влощову, но часть их отходит через Серадзь повидимому на Калиш. На Торнском направлении серьезных сил немцев пока не обнаружено. Австрийцы отходят южнее Кельцы в юго-западном направлении.

2. „Конечной целью, к достижению которой должны быть направлены все наши усилия, является вторжение в Германию, причем главную массу наших армий предположено направить в промежуток между Вислой и Судетами. Эта операция требует постепенного выдвижения армий, развернутых на левом берегу Вислы, на соответствующий фронт, каковым намечается линия Кола, Ченстохов, Освецим, и независимо от того прочного обеспечения обоих флангов этих армий как со стороны Нижн. Вислы, так и со стороны Галиции. Обеспечение флангов предстоящей операции является настолько важным, что Верховный Главнокомандующий не считает возможным дальнейшее продвижение корпусов 2 и 5 армий до тех пор, пока не будут достигнуты более решительные результаты в Восточной Пруссии и на р. Сане.

„Вследствие изложенного Верховному Главнокомандующему благоугодно было дать следующие указания:

1) Главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта ставится ближайшей задачей сломить упорство германцев в Восточной Пруссии, причем 10-я армия должна отбросить их за линию Мазурских озер, продолжая затем в связи с первой армией выполнение задачи по утверждению на Ниж. Висле.

2) Для Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта очередной ближайшей задачей является одержание решительного успеха над австрийцами в Галиции и оттеснение их к западу, причем крайне желательно энергичным нажимом на оба фланга их войск, находящихся к югу от Вислы, затруднить их отход в западном направлении. Действия в Галиции должны быть обеспечены со стороны Карпат выдвижением соответственных сил на перевалах и попыткой бросить конницу в Венгерскую равнину.

Обе указанные задачи по обеспечению флангов главной операции Верховный Главнокомандующий считает необходимым проводить с полным упорством и настойчивостью, имея в виду, что всякая задержка в выполнении этих задач ведет к невыгодной для нас отсрочке дальнейшей операции на левом берегу Вислы.

3) Армиям, развернутым на левом берегу Вислы, принять все меры к упрочению своего положения, к соответственному устройству тыла и подвозу необходимых укомплектований и запасов. Великий князь приказал обратить особое внимание на устройство достаточного числа вполне обеспеченных переправ через Вислу и скорейшее восстановление железных дорог.

---

[1] В. Уч. Арх., д. № 472.

В частности армиям Юго-Западного фронта, наступающим по левому берегу Вислы, ставится ближайшей задачей оказать частью сил решительное содействие войскам, оперирующим на Сане, обеспечивая остальными силами это содействие со стороны противника, отходящего на фронт Влощова, Андреев, Пинчов. По одержании успеха на Сане желательно постепенное в связи с с действиями на правом берегу Вислы продвижение 4 и 9 армий на фронт Пржедборж (иск.), Андреев, р. Нида. Армиям Северо-Западного фронта, действующим на левом берегу Вислы, надлежит, продвигая свой левый фланг в связи с продвижением правофланговой армии Юго-Западного фронта достигнуть главными силами указанной им линии Унилов, Шадек, Ласк, Распржа, Пржедборж (вкл.), упрочить свое положение на этом фронте, для чего, заняв достаточно глубокое расположение, сгруппироваться в соответствии с данными о противнике таким образом, чтобы иметь возможность впредь до выхода армий Юго-Западного фронта на указанную им линию Пржедборж—устье Ниды встретить противника встречным ударом в случае его наступления как со стороны фронта Новорадомск—Конецполь, так и со стороны Калиша. 2-й армии попрежнему иметь уступом за правым флангом один полевой корпус и вместе с тем организовать бдительную разведку на своем правом фланге и прочную связь с 1-й армией".

Приложение II[1].

Докладная записка Алексеева Иванову 21 октября (3 ноября) 1914 года[2].

Ход событий настоящей войны указывает, что все руководящие нити политики и стратегии нашего противника сосредоточены исключительно в Берлине. В соответствии с выработанным планом вся военная мощь Германии обращена исключительно на запад—против Франции и Англии. На нашем фронте были оставлены первоначально столь слабые силы, составленные преимущественно из резервных войск, что они могли прикрывать собственные владения, в известной мере служить угрозою нашим сообщениям, демонстрировать, но были совершенно недостаточны для выполнения какой-либо самостоятельной и серьезной операции активного характера. В своих действиях эти слабые силы должны были опираться на особые свойства местности и в совершенстве проведенную подготовку театра действий во всех отношениях.

Защиту своих интересов на русском фронте германская стратегия возложила всецело на австрийскую армию. Последняя, обеспечивая пути на Буда-Пешт и Вену, в то же время прикрывала и пути на Берлин, этому истинному и важнейшему средоточию сил и средств нашего противника и источнику, откуда исходят директивы, направляющие действия союзников. Малочисленные германские войска, независимо от того, где они развернуты—в Восточной ли Пруссии или на линии Торн—Познань — неспособны были остановить движение наших главных сил; они могли бы лишь угрожать их сообщениям.

Итак для нас главным врагом, главным предметом действия являлась австрийская армия; главным театром действий — Галиция, ибо через нее пролегают для нас пути к Берлину, т.-е. выражаясь иначе — после победы над австрийской армией.

Августовская операция, закончившаяся разгромом австрийской армии, ставя нас на путях к Берлину, явилась столь грозною для германцев, что они приняли исключительные меры для предотвращения удара, направленного непосредственно против Германии.

---

[1] В. Уч. Арх., д. № 472, стр. 105—110.

[2] Резолюция Янушкевича: „Не могу разделить этих соображений" *Г. Л.*

Меры эти были двоякие:

1) Вторжение немецких войск в пределы России, угроза захвата Варшавы, Ивангорода, течения Вислы. Услужливая агентура сделала отлично свое дело. Получались сообщения о сотнях воинских поездов, направляемых с французской границы на восточную, о сосредоточении для намеченной операции значительных германских сил, способных развить в широком масштабе наступательные действия. Общее положение дел, в связи с расстройством австрийской армии, казалось, изменялось существенным образом. Первенствующее значение приобретала германская армия; главным театром действий становился Привислинский край, ибо для защиты путей на Берлин здесь, повидимому, собирались значительные немецкие силы, угрожавшие захватом Варшавы и Вислы, что имеет для нас большое военное, моральное и политическое значение.

2) Энергичная реорганизация разбитых австрийских войск, произведенная немецкими руками. Пополнена материальная часть, утраченная в боях и при отступлении, дана тяжелая артиллерия, уменьшен в рядах славянский элемент, увеличен венгерский и особенно немецкий, пополнен офицерский состав, повидимому за счет германской армии, и еще полнее перешло общее руководство и управление к германскому генеральному штабу. Наиболее деятельные австрийские генералы, не желавшие помириться с этим положением дел, должны были оставить свои места в армии.

В короткое время австрийская армия выполнила громадную работу. Она восстановила свои силы в такой степени, что сделалась боеспособною и пригодною для упорной борьбы. Она перешла в наступление, выказала бо́льшую стойкость и упорство, чем в августовских боях, большую настойчивость в достижении поставленных ей целей. В результате она сковала свободу действий оставленных в Галиции двух армий и, имеющей перед собою также австрийцев, нашей девятой армии.

Правда, и условия борьбы сильно изменились не в нашу пользу: в августе мы имели 18 свежих корпусов с полным числом офицеров, теперь 12—14 корпусов, в которых некомплект достигает 250.000 человек, а недостаток офицеров принял угрожающие размеры.

В результате:

Немецкое вторжение в пределы Польши произведено незначительными силами, численность которых была сильно преувеличена не без деятельного участия германского генерального штаба. Попытки противника овладеть Варшавою и Вислою разрушены, немцы отступают широким фронтом. Агенты снова дают сведения о движении подкреплений с запада, но пока нет ни одного факта, указывающего на увеличение числа немецких корпусов, действующих против нас. Прибытие—если оно и состоится—одного-двух резервных, а тем более ландверных корпусов соотношения сил существенно не изменит и не позволит немцам снова с надеждою на успех произвести наступательный маневр. Они с этими силами способны лишь к упорной, длительной борьбе по прикрытию ближайших путей на Берлин.

И снова меняется существенная обстановка, снова главным нашим противником является австрийская армия; к ней опять переходит первенствующее значение в борьбе. К живой ее значительной силе присоединяется выгодная оборонительная линия Сана — Вислы с крепостями на флангах — Краковом и Перемышлем, с Карпатами, с хорошо подготовленною железнодорожною сетью, позволяющею производить переброску сил к оконечностям стратегического фронта.

Снова австрийская армия, главным образом, защищает пути к Берлину, и до нового ее разгрома нельзя рассчитывать на решительность, смелость и быстроту наших операций к Берлину.

Временно должна быть снова главною целью действий поставлена австрийская армия; левому флангу снова должно быть придано первенствующее значение и, соответственно с этим, должно быть изменено распределение сил.

Ни одно государство, при современных условиях, не может выставить таких сил, которые позволили бы считать себя готовыми к одновременному выполнению двух главных задач. Приходится группировать для удара войска

за счет других участков, прибегая на последних к выжидательным и оборонительным действиям. Такая переброска войск совершается на французском театре действий.

В данную минуту у нас намечены следующие задачи:

1) вторжение в Германию;
2) поражение австрийской армии;
3) обеспечение справа первой операции.

Из 37 корпусов, составляющих боевую силу нашу на западной границе, назначено: 1) для первой задачи 16 корпусов, т.-е. менее половины всех сил, если не принимать во внимание того, что 4 корпуса уже втянуты в борьбу с австрийцами; 2) для второй задачи направлено 10 корпусов — около $^1/_4$ части, и 3) для совершенно второстепенного назначения, для обеспечения, тоже 10 корпусов, т.-е. свыше $^1/_4$ части всех сил.

Быть уверенным в том, что $^1/_4$ часть сил справится с главною массою противника, с главным врагом, конечно, можно, но нужно откровенно сказать себе, что предстоит борьба длительная, сильно истощающая войска, требующая громадного расхода боевых запасов. Можно также догадываться, что ныне, в противоположность августовским боям, при неблагоприятном обороте дел, австрийская армия уклонится от окончательного разгрома, а наличные истощенные длительною борьбою и потерями 8—10 корпусов будут недостаточны для настойчивого преследования.

Обстановка данной минуты, по моему убеждению, требует признания, что главным театром действий снова становится Галицийский, и сообразно с этим произвести новое распределение сил, пользуясь для переброски в мере возможности нашею бедною железнодорожною сетью.

Прежде всего позволю себе высказать, что нужно решительным образом отказаться от потери 10 корпусов — $^1/_4$ всех сил, для действий там, где не решается участь войны, участь государства. Расходовать такое количество войск „на обеспечение" непрактично; еще более несоответственно обстановке вдаваться в такие отдаленные предприятия, как завоевание Нижней Вислы и Восточной Пруссии. Даже при успехе это предприятие невыгодно в том отношении, что лишает главный театр нескольких корпусов и что результат действий здесь не отразится существенным образом на важнейших операциях. Рассчитывать, что мы прочно утвердимся в Восточной Пруссии трудно и потому, что это потребует продолжительной, тягучей борьбы за крепости и укрепленные пункты.

Соответственнее было бы оставить для обеспечения наших сообщений минимальное количество войск, не свыше 5—6 корпусов, а остальные силы привлечь туда, где работа их будет продуктивна, где жертвы окупятся результатами.

К стороне германцев на левом берегу Вислы на ближайшее время оставить 9—10 корпусов, считая в том числе и XXVII корпус (в Варшаве).

Все остальные силы — не менее 21 корпуса — снова направить для достижения главной цели данной минуты — разрушения австрийской армии. Чтобы избежать при этом крупных перевозок и тяжелых медленных перемещений походным порядком, повернуть с Млавского направления 2—3 корпуса на усиление II армии, а V, IV и IX армии с линии их настоящего расположения двинуть за Вислу во фланг и тыл австрийцам для решительной их атаки и нанесения им вторичного поражения в таком размере, чтобы на последующее время армия эта не являлась для нас столь сильною и существенною, как ныне, помехою на пути достижения основной цели действий.

Сегодня, 21-го октября, получены донесения о первых признаках отхода на Сане австрийцев перед XXI корпусом. Если действительно австрийцы начнут общее отступление, то и это обстоятельство не изменит основной мысли настоящей записки. Австрийскую армию нужно окончательно расшатать, и чем скорее, решительнее и полнее это будет исполнено, тем выгоднее для общего дела. Но для этого нужны силы, имея в виду, что корпуса, особенно III и VIII армий, крайне ослаблены потерями и неукомплектованы.

Генерал от инфантерии *Алексеев*.

Приложение III[1]).

Директива Ставки от 28-го октября (10 ноября) 1914 года.

На левом берегу Вислы германцы, в общем силою свыше пяти корпусов и трех кавалерийских дивизий, отходят к своей границе, причем Калишское направление прикрывается конницей, поддержанной пехотой; на Велюнском направлении группируется меньшая часть их сил, примерно около двух корпусов; главная же масса германцев, свыше трех корпусов, а вернее четыре корпуса, собирается в районе Ченстохова, к востоку от коего, на линии Клобуцко — Костелец — Янов — Жарки, возведены местами сильные укрепления. Австрийцы, отступающие также по всему фронту, раскололись на две большие группы, из коих одна группа, повидимому, не менее трех корпусов, действовавшая на левом берегу Вислы, отходит в направлении на Краков по обоим берегам этой реки, имея пока главную массу на левом берегу; другая же группа австрийцев из района Перемышля отходит также в западном и частью юго-западном направлениях. Перед нашими войсками, дайствующими в Карпатах, австрийцы переходят к обороне, а местами даже и к отступлению. Таким образом австрийцы на всем фронте отходят, но группировка их сил в настоящее время представляется еще не в достаточной степени выясненной. Необходимость выждать результатов наших действий против австрийцев и тщательно подготовиться к дальнейшему общему наступлению на левом берегу Вислы вынудила верховного главнокомандующего отложить на некоторое время начало перехода в общее наступление, что было указано директивой № 5527. В настоящее время определилось, что армии северо-западного фронта, действующие на левом берегу Вислы, будут готовы к дальнейшему наступлению уже 29-го октября. Равным образом правофланговая армия юго-западного фронта к 27-му октября вышла на высоту армии северо-западного фронта, где, оставаясь в занятом положении, укрепляется и устраивает свой тыл. Параллельно с этим выясняется, что с 27-го октября отход австрийцев из района Перемышля местами начинает переходить в беспорядочное отступление. Таким образом, следует ожидать, что обе причины, по которым приходилось откладывать переход на левом берегу р. Вислы в общее наступление, в течение ближайших 2—3 дней устранятся сами собой. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что потеря соприкосновения с германцами, при условии отхода их на свои железнодорожные линии, чрезвычайно для нас невыгодна, так как, пользуясь своими железными дорогами, наш противник может легко менять группировку своих сил, создавая на желательных направлениях выгодную для себя обстановку. Кроме того, имеются еще пока непроверенные сведения о перевозке по железным дорогам Германии на наш фронт подкреплений, которые, однако, пока еще на этом фронте не проявились. Все это заставляет нас торопиться с началом общего наступления, которое, повидимому, могло бы уже начаться 30-го и во всяком случае не позднее 31-го октября. Предстоящее общее наступление, имеющее конечной целью глубокое вторжение в Германию, первоначально должно преследовать задачу сломить сопротивление германцев, если бы они попытались таковое оказать на фронте Калиш — Ченстохов, и затем, не останавливаясь, прочно утвердиться на линии Ярочин — Остров — Кемпен — Крейцбург — Люблинец — Каттовиц — Освецим. Для выполнения этой задачи верховным главнокомандующим намечается следующий способ действий: 1) армии, действующие на левом берегу Вислы, должны атаковать находящиеся перед ними войска противника, при чем усилия двух центральных армий должны быть направлены на то, чтобы разбить Ченстоховскую группу германцев, правофланговая армия должна наступать уступом назад за правым флангом, развивая удар на фронт Калиш — Велюнь, левофланговая же армия, продолжая преследование противника в направлении на Краков, должна обеспечить левый фланг центральных армий, направляемых для атаки Ченстоховской группы; 2) действующие на Торно-Млавском направле-

[1]) В. Уч. Арх., д. № 473, стр. 149—150.

нии и на восточно-прусском фронте должны энергично продолжать выполнение прежней задачи по обеспечению правого фланга и тыла армий, действующих на левом берегу Вислы; 3) армии, действующие в Галиции, продолжая безостановочное преследование отступающих перед ними австрийцев, должны частью сил обложить крепость Перемышль и энергично подготовлять ее атаку, постепенно закупорить Карпаты и вывести возможо большее число войск к верховьям Вислы; в частности 3-я армия, следуя по правому берегу Вислы, должна оказать содействие 9-й армии и впоследствии принять на себя задачу по первоначальному обложению Кракова; 4) в целях объединения действия войск, предназначенных для атаки Ченстоховской группы противника, 4-я армия, на период предстоящей операции временно переходит в подчинение главнокомандующему армиями северо-западного фронта, причем снабжение этой армии всем необходимым попрежнему остается на попечении главного начальника снабжений армий юго-западного фронта; 5) разграничительной линией между фронтами назначается дорога Тчица — Ежовка — Стржегова — Зложенец — Кваснев — Хехло — Неговогице — Бугай — Уейсэ — Войковице — Костельне — Рогозник и далее для разведки в направлении на Глейвиц. Названия по 2-верстной карте. Линия эта принадлежит северо-западному фронту. Изложенные предположения сообщаются по повелению верховного главнокомандующего вам для ознакомления, причем все вопросы, кои могут у вас возникнуть, благоволите сообщить не позднее полудня 29-го октября. К этому же времени благоволите уведомить, какой день ваше высокопревосходительство считаете наиболее соответственным назначить первым днем для исполнения намеченных верховным главнокомандующим предположений. Его высочество выразил также пожелание, чтобы время, остающееся до начала перехода в общее наступление, было использовано в полной мере для энергичной разведки противника и наилучшей подготовки войск и тыла к предсттоящей операции. 5565.

Приложение IV[1]).

Директива Ставки (10) 23 февраля 1915 года.

Германцы, объединив в своих руках управление австрийской армией, приступили к выполнению плана давления на оба фланга нашего общего стратегического фронта, развивая удар со стороны Восточной Пруссии против 10 армии и со стороны Восточных Карпатских проходов против левого фланга 8 армии.

Насколько можно судить, идея такого плана заключается в том, чтобы этими действиями вынудить нас очистить левый берег Вислы. С этой целью германцы перевезли в Восточную Пруссию и в Галицию частью вновь сформированные корпуса, а частью войска, снятые с их западного фронта. Всего против нас обнаружено 12 новых дивизий, из коих 7 дивизий в Восточной Пруссии и 5 дивизий на Карпатах.

Независимо от сего германцы и австрийцы в широких размерах производят переброску своих сил на правый берег нижней и верхней Вислы из Завислинского района. Всего до настоящего времени, по имеющимся сведениям, в Восточную Пруссию переброшено 8 дивизий, а в Галицию от 4 до 6 дивизий. Остается в Завислинском районе от нижней Вислы до Пилицы около 15 дивизий, а от Пилицы до верхней Вислы от 10 до 12 дивизий. Предположение о том, что давление австро-германцев на фланги нашего стратегического фронта является демонстрацией, после которой последует их удар из Завислинского района в направлениях на Варшаву и Сандомир, едва ли можно считать доказанным, тем более, что переброска австро-германцами войск для наступления в этих направлениях потребует гораздо больше времени, чем дальнейшее развитие их действий на флангах.

К сожалению, мы в настоящее время ни по средствам, ни по состоянию наших армий не можем предпринять решительного общего контр-маневра, которым мы могли бы вырвать инициативу из рук противника и нанести

[1]) В. Уч. Арх., д. № 468, стр. 93—97.

ему поражение в одном из наиболее выгодных для нас направлений. Единственным возможным способом действий, подсказываемым обстановкой, является ослабление до крайнего предела, допускаемого обстановкой, войск левого берега Вислы с целью соответственными частными контр-маневрами на правом берегу Вислы и в Карпатах в направлениях, кои должны быть избраны в соответствии с обстановкой Главнокомандующими армиями фронтов, остановить попытки противника в развитии им наступательных действий и нанести ему хотя бы частичные поражения.

В частности при выполнении сей общей задачи Главнокомандующий армиями северо-западного фронта должен иметь в виду необходимость обеспечивать операции со стороны своего правого фланга, дабы сохранить прочную связь с внутренними областями империи. В этих видах было бы крайне желательно при первой к тому возможности собрать в соответственном районе хотя бы один—два корпуса для прикрытия Немана на участке его от Гродны до Олиты включительно. Юго-Западному фронту надлежит стремиться к прочному обеспечению сообщений с районом Киевского военного округа и к постепенному перемещению базирования своих армий на этот округ с соответственным использованием также железнодорожной магистрали на Гомель с тем, чтобы при первой возможности Александровская линия могла быть целиком передана Северо-Западному фронту. Главнокомандующему армиями юго-западного фронта надлежит иметь в виду, что обстановка может вынудить Верховного Главнокомандующего выделить из армий фронта, находящихся на левом берегу Вислы, один корпус в свое распоряжение, вследствие чего Главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта надлежит теперь же подготовить соображения по выделению этого корпуса. Независимо от изложенного, желательно усилить деятельность наших войск под Перемышлем с целью возможно скорого овладения этой крепостью, значительно стесняющей свободу действий Юго-Западного фронта.

В отношении армий, расположенных на левом берегу Вислы, Главнокомандующие армиями фронтов должны стремиться к оставлению на этом берегу Вислы лишь строго ограниченного числа войск, дабы все, что возможно, могло быть перетянуто на более важные в настоящее время направления. Численность оставляемых на левом берегу Вислы войск должна быть строго согласована с находящимися там силами противника, принимая вместе с тем во внимание как силу заблаговременно укрепленных нами позиций, таки возможность использования имеющейся тяжелой артиллерии и ополчения.

Главнейшей задачей армий обоих фронтов левого берега Вислы является прикрытие внутренних флангов нашего расположения на Бобре и Нареве и в Галиции и удержание в наших руках возможно более широких плацдармов на левом берегу Вислы, необходимых для возможного развития в будущем наших наступательных действий. Эта задача наилучшим образом разрешается удержанием армиями левого берега Вислы ныне занимаемых позиций, оставление коих может быть допущено лишь с разрешения Верховного Главнокомандующего по соответственным представлениям Главнокомандующих армиями фронтов.

Верховный Главнокомандующий обращает особое внимание на необходимость согласования действий армий, находящихся на левом берегу Вислы, и на взаимное ориентирование обоих фронтов, особенно в случае возбуждения кем-либо из Главнокомандующих армиями фронтов вопроса об отходе на следующие позиции, ибо этот отход несомненно будет сопряжен с принятием соответствующих мер на соседнем фронте, подготовка к каковым мерам требует известного времени.

Все изложенные в настоящей директиве указания были уже разновременно сообщены во фронты; ныне же они подтверждаются в виде общей сводки.

Разграничительной линией между армиями фронтов на левом берегу Вислы остается прежняя по р. Пилице. Распределение же военных дорог между фронтами на правом берегу Вислы будет установлено дополнительно. 8254.

Янушкевич.

Приложение V [1]).

Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего от Алексеева.

13/26 июня 1915 года. № 2798.

С занятием Львова Галицийская операция противника может почитаться законченной:

Освободившиеся силы противник может перебросить снова на западный фронт, что однако едва ли будет предпринято, так как дальнейшее развитие действий в данный период на восточном фронте обещает нашему врагу более существенные результаты. Возобновления действий нужно ожидать в непродолжительном времени, так как для противника невыгодно дать возможность восстановить силы Юго-Западного фронта и накопить патроны.

Развивая свой успех на нашем фронте, противник может:

1) Избрать предметом действий Киев и вторгнуться в богатые средствами Волынскую и Подольскую губернии.

2) Наступать на Люблин—Холм с частью сил для более глубокого охвата на Ковель.

3) Направить удар вдоль Вислы на Ивангород, чтобы заставить нас очистить левый берег Вислы.

4) Стремиться овладеть Варшавою ударом в кратчайшем направлении на Бзуре.

5) Достигнуть той же цели атакою на Млавском направлении.

6) Атаковать участок Осовец—Ломжа.

7) Развить энергичные действия на фронте Рига—Ковно—Гродно.

Первые пять направлений сводятся к фронтальным ударам, обещающим сравнительно малые результаты, особенно первое, удаленное и оставляющее на фланге значительные наши силы.

Иные результаты обещает немцам удар на Белосток—Ломжу, а еще более, при современных условиях (особенно в нравственном отношении), развитие обширной операции на фронте Рига—Ковно—Гродно. Операция эта может вылиться, примерно, в такую форму: артиллерийская атака сильной по количеству и калибрам тяжелой артиллерии на Ковно; атака полевой армии от Россиен на Кейданы—Кошедары—Вильна и от Мариамполя — Кальварии на Олиту—Вильну; демонстративные действия на Ригу (при содействии флота) и на Бобре.

Возможность выполнения такого обширного и опасного для нас удара подсказывается нашею крайнею бедностью в снарядах, трудностью борьбы с артиллерией противника. События последних дней на фронте XII и I армий указывают, что неприятель, не стесненный в расходовании своих артиллерийских средств, имеет возможность уничтожать наши окопы, блиндажи, проволочные заграждения и вести затем массовую атаку на сильно поредевшие ряды защитников. Наоборот, на фронте 5-й армии наши атаки, слабо подготовленные артиллерийским огнем, оканчивались неудачею.

Отсюда приходится притти к выводу, что 5-я и 10-я армии одними своими силами не будут в состоянии отбить указанного удара при условии сосредоточения противником 10—12 новых дивизий на фронте Россиены — Мариамполь—Кальвария.

Бедно обеспеченные в артиллерийском отношении армии эти будут лишь сдерживать заслоны, двинутые на Ригу и Осовец — Гродно, но не будут в состоянии развить успешный удар для угрозы флангу и тылу главной атаки противника.

Парировать главную атаку противника нужно будет сосредоточением новой армии. Сокращением фронта XII, I, II и даже IV армий, занятием более коротких позиций можно получить несколько корпусов для образо-

---

[1]) В. Уч. Арх., д. № 438, стр. 165—166.

вания новой армии (3, в крайности 4 корпуса). Но средства этих армий будут недостаточны для формирования такой силы, которая, даже при нашей бедности в патронах, была бы способна сломить врага.

Нужно быть готовым к тому, чтобы в образовании такой армии приняли участие не только III и будущая XIII армии, но и армии Юго-Западного фронта. Для этого придется на более или менее продолжительное время решиться на отказ от возобновления на этом фронте наступательных действий (телеграмма Ваша от 11 июня № 1506) и, при выяснении направления удара противника на оконечность нашего правого крыла, приступить уверенно, по определенному плану, не к частичному постепенному усилению войск, а к массовой переброске армии из 6—7 корпусов, в чем должна принять участие вся наша вооруженная сила, ибо исход операции будет иметь громадное значение в общем развитии войны. Помимо сосредоточения пехоты придется прибегнуть к сосредоточению наших скудных артиллерийских средств полевой тяжелой артиллерии, решаясь оголять от нее все другие участки, дабы собрать все, что можно, на главном направлении.

Полагаю, что войска, действующие на направлении к Люблину—Холму—Ковелю, должны будут ограничиться одним полевым управлением III армии. Новое управление XIII армии придется перебросить на другое направление и ему поручить сосредоточение армии.

В состав этой последней намечается перебросить, конечно, только тогда, когда направление удара обрисуется: I ар., II Сиб., XXXI, вероятно VI Сиб., один из корпусов III армии. Было бы желательно, чтобы теперь же были намечены те силы, которые будет признано возможным выделить с Юго-Западного фронта, и разработаны все соображения по самому широкому использованию железных дорог. Было бы соответственно назначить два корпуса.

Важность предстоящей операции, если таковая разовьется на указанном мною направлении, потребует полного напряжения наших сил, переброски значительного количества войск. Все это может быть исполнено только при условии предварительной разработки вопроса, широкой подготовки железных дорог, поэтому я считаю нужным сообщить Вам свои соображения и остановиться на одном из возможных и опасных для нас способе действий противника. Переброска войск на крайний правый фланг потребует и интенсивности работы и, главное, планомерности.

Генерал от инфантерии *Алексеев*.

Приложение VI[1]).

Секретно.
В собственные руки.

А. А. Поливанову, военному министру.

Милостивый Государь, Алексей Андреевич!

Вы, конечно, знаете о всех тех недостатках, которыми страдает наша армия.

Этим письмом я не стремлюсь их перечислить, а хочу лишь подчеркнуть главнейшие, непосредственно влияющие на ход и исход наших операций и ложащиеся неодолимым бременем на решения начальника. Я хочу вместе с тем сказать, насколько эти недостатки уже стали оказывать свое пагубное влияние на оперативные соображения, и насколько их постоянное давление стало разрушающе действовать на дух войск.

Нижеприведенное представляет собою вывод из пережитого за долгий период войны и есть следствие того, что выстрадано день за днем и ночь за ночью, что может быть понято лишь путем глубоких переживаний. Не пере-

---

[1]) В. Уч. Арх., д. № 433, стр. 119—122.

живший непосредственным личным участием всей глубины этих событий мог бы, при желании, на каждый мой тезис ответить антитезисом, и убеждать его было бы бесполезно.

Избегая в дальнейшем подробных доказательств, я хочу лишь набросать заметку о том, что, на мой взгляд, приобретает признаки уже явно болезненных явлений, требующих немедленного, почти геройского напряжения, крайних усилий всего государства.

Располагая главнейшие недостатки по их значению, мне они представляются в такой последовательности:

1. Недостаток артиллерийских снарядов. Его вполне понятное гибельное влияние в настоящем может настолько тяжко отразиться в дальнейшем, что самое обильное, но запоздалое снабжение ими войск будет не в состоянии восстановить утраченное в области духа и тактических приемов борьбы.

Недостаток снарядов побуждает к постоянной экономии их, лишает войска веры в свои силы. Продолжительным наличием такого состояния в войсках волей-неволей вырабатывается тактика осторожности и неуверенности. Постепенно она пускает столь глубокие корни, что станет наконец убеждением, а тогда и при обилии снарядов трудно будет ждать от войск забвения тех приемов, на которых они воспитались обстановкой.

В войсках уже в настоящее время царит сознание, что немцы обладают огромным количеством снарядов и могут в любом месте потушить огонь нашей артиллерии, и что в этом отношении борьба с ними бесполезна.

Действительно обилию снарядов немцы в огромном большинстве случаев обязаны достигнутыми успехами. Мощная подготовка артиллерии пробивает бреши в желательном месте, и ободренная этой поддержкой туда бросается их пехота, в то время как наша геройская пехота уже понесла огромные потери и подавлена сознанием своего одиночества.

Тяжело читать подлинные донесения строевых начальников с поля сражения, когда под огнем неприятельской артиллерии гибнут их части при молчании своей артиллерии, присутствующей здесь же на месте боя; или о невозможности атаковать атакующие массы противника, не поражаемые нашим артиллерийским огнем. Дерзость неприятельской артиллерии и уверенность ее в своей безопасности доходят до того, что она в важнейшие моменты боя занимает иногда позиции в 2.000 шагах от наших окопов.

Повторяю,—это самый важный, самый тревожный недостаток как по своему влиянию на ход настоящих операций, так и по своему разлагающему действию на дух и тактику войск, на боевые достоинства и привычки начальников всех степеней, которых трудно потом будет из поневоле осторожных и нерешительных переделать в смелых и дерзких.

2. Вторым по важности вопросом ставлю вопрос укомплектования войск людьми. Государству, со столь обильными в этом отношении средствами, как наше, необходимо учесть те огромные потери, которыми сопровождаются боевые действия, и принять все меры к тому, чтобы все части армии механически и без всяких затруднений немедленно же укомплектовывали свои потери.

Огромный резервуар людей есть наше, может быть, единственное преимущество в смысле материальных средств борьбы над противником. Нам нельзя не бороться со всей энергией этим средством и не довести дела до полного напряжения.

Война затягивается, нет никаких данных полагать, что она не продолжится еще годы, а в таком случае потребуется еще огромное количество укомплектований.

В виду всего этого государственная дальновидность побуждает теперь же призвать под знамена такое количество людей, которое создало бы внутри России неиссякаемый источник пополнения армий. Государство не должно в этом отношении стремиться к экономии и пугаться, что большое количество людей пробудут, может быть, долгое время в запасных частях вследствие заполнения некомплекта армий. Путем соответствующей постановки дела обучения укомплектований можно будет добиться, что каждый день пребывания в запасных частях пойдет с пользой и даст армии не столь скороспело подготовленного бойца, как это наблюдается теперь.

Слабая поверхностная подготовка наших пополнений заметно учитывается нашими противниками, и в иностранной прессе все чаще и чаще раздаются голоса на тему, что при существующих условиях пополнения нашей армии даже и неисчерпаемость нашего человеческого материала может утратить свое значение страшного средства. Отсюда новая необходимость сразу призвать под знамена такое количество людей, которое обеспечило бы одновременно и ближайшую потребность в укомплектовании и позволило бы перейти к постоянному улучшению их подготовки предоставлением им для этого большого количества времени.

В настоящее время вопрос пополнения принимает уже прямо трагический оборот. Фронт в непрерывных тяжелых боях последнего периода понес и несет огромные потери и на ряду с этим должен руководствоваться тем, „что если он получит сейчас просимые пополнения примерно в количестве до 250 — 300 тысяч, то затем в силу обстоятельств останется без пополнений до середины—конца сентября“ (телегр. ген. Кондзеровского генералу Гулевичу 28-VI 1915 г.).

Эти немногие слова рисуют положение, на мой взгляд, совершенно недопустимое для нашего государства и свидетельствуют, что им в этом смысле далеко не проявлено того высокого напряжения, которое требуется исключительностью исторической минуты.

Вопрос этот нельзя ставить в связь с нижеследующим вопросом о недостатке винтовок, которых сегодня нет, а завтра могут и явиться.

Помимо сказанного, такой массовый призыв под знамена будет иметь и огромное моральное значение; он покажет, что Россия, несмотря на превратности боевого счастья, полна решимости рано или поздно сломить врага.

При всех оборотах и во всех случаях огромный запас подготовленных людей сыграет свою роль, и государству никогда не придется раскаиваться за допущение даже роскоши в этом отношении.

Между тем, при современной системе наших призывов небольшими сравнительно контингентами дело сводится к двум явлениям:

а) Наши корпуса и дивизии существуют лишь на бумаге, а некоторые из них, к горю начальников, умирают на их глазах. Дивизия, вышедшая из боев в составе 1.000 чел. и не получающая немедленно пополнений, постепенно расходует и свой небольшой кадр, навсегда выбывая из рядов армии, как прочная маневроспособная боевая единица. Получается затем дивизия совершенно ополченского типа.

б) Наши укомплектования поневоле приходится отправлять недоученными, в сыром виде. Этим объясняются наши большие потери вообще, а „без вести пропавшими“ особенно.

Годичный период войны даст прочный материал для решения вопроса с большою точностью—сколько государство должно иметь людей в каждую данную минуту в запасных своих частях. По моим приблизительным подсчетам, эта цифра определяется в миллион человек.

3. Недостаток тяжелой артиллерии. Наши противники обладают огромным количеством тяжелой артиллерии. Это преимущество дает себя властно чувствовать в каждой операции. Пользуясь им, противник выработал даже особый прием действий, в огромном большинстве случаев безнаказанно им применяемый вследствие недостатка у нас в тяжелой артиллерии. Этот прием заключается в сосредоточении тяжелой артиллерии против намеченного участка удара, в подавлении на нем огня нашей артиллерии и уничтожении наших окопов, закрытий и в стремительном затем ударе пехоты в образовавшуюся брешь.

Тяжелая артиллерия должна быть придана и нашим войскам в значительно большем количестве, чем это имеется сейчас, в противном случае и оборона и наступление будут нам стоить несоизмеримо больших жертв в людском составе, нежели их несут наши противники.

Помимо недостатка в тяжелой артиллерии существует в этой отрасли и другой крупный пробел — недостаток опытных артиллеристов.

Необходимо принятие настойчивых мер, чтобы на-ряду с изготовлением тяжелой артиллерии производилась подготовка специального личного состава

для руководства и производства очень точной стрельбы из тяжелых калибров.

4. Следующим по остроте является вопрос о винтовках и патронах к ним. В настоящее время создалось такое положение, когда недостаточность притока вновь изготовляемых ружей заставляет прибегать для покрытия все растущей потребности (в особенности в период крупных боев) к собиранию винтовок, что называется по крохам беря их отовсюду, где только хотя сколько-нибудь допустимо, и в буквальном смысле по десяткам. Такое положение крайне тягостно. Оно сковывает всякую инициативу в вопросе новых формирований и заставляет начальника лишаться значительной силы, в каковую могли бы, например, обратиться все ополченские части, в настоящее время так разнообразно вооруженные от берданки до японских ружей включительно, не говоря уже о том, что вследствие недостатка в ружьях войска фронта поневоле всегда будут не в полном комплекте, если бы даже они могли получить своевременно приток людей. К настоящему времени некомплект, вызываемый этой причиной в армиях фронта, достигает 100.000 чел., и, следовательно, начальник, вдобавок к сказанному, лишается содействия и этой внушительной массы бойцов.

5. Остается сказать еще несколько слов по поводу офицерского вопроса. При современной обстановке офицер в бою если не все, то почти все, и государству надлежит принять самые настойчивые меры к тому, чтобы с одной стороны дать армии непрерывный приток новых офицеров, учтя при этом и необходимость обеспечения ее офицерами-специалистами всех назначений, а с другой — неотложно озаботиться фактическим и заслуженным поощрением исключительного напряжения духовного и физического, проявленного офицерством почти за год войны. Уже в настоящее время некомплект офицеров в частях пехоты, находящихся в наибольшем порядке, в среднем превышает 50%, а если принять во внимание, что из наличного числа офицеров половина—прапорщики, то до очевидности ясным становится на сколь зыбких основаниях покоятся боевые и тактические достоинства армий в настоящее время, при ничтожности надежных кадров, более чем когда-либо зависящие от качества и достоинств командного состава всех степеней и в особенности младших начальников.

В отношении накопления большого офицерского запаса имеет силу все то, что высказано уже мною в вопросе об укомплектовании армии. Должно быть обращено особое внимание на тщательный подбор их воспитателей и наставников, так как только при этом условии создастся необходимый тип офицера-руководителя нижних чинов.

Прошу принять уверение в моем глубоком искреннем уважении и преданности покорного слуги.

Мих. Алексеев.

9 июля 1915 г. Седлец.

Управляющий Военным Министерством
по Главному Управлению Генерального Штаба [1]).
3 августа 1915 года. Петроград.
№ 6200.

Секретно.

Его Высокопревосходительству
Главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта
М. В. Алексееву.

Милостивый Государь, Михаил Васильевич.

В письме от 9-го июля сего года за № 4013 Ваше Высокопревосходительство сообщили о некоторых, наиболее существенных недостатках в вопросах снабжения наших действующих армий, каковые, по Вашему мнению, главнейшим образом, в той или другой степени, влияют на исход боевых операций.

---

[1]) В.-Уч. Ар., д. № 434, стр. 34—40.

Вполне присоединяюсь во всем к высказываемым Вашим Высокопревосходительством соображениям, я в то же время почитаю своим долгом заверить вас, что военное ведомство, отчетливо сознавая всю тяжесть и серьезность возлагаемых на него задач, в связи с важностью переживаемых событий, принимает крайние меры к постановке дела снабжения и вооружения наших армий на возможную высоту.

Для наиболее успешного достижения намечаемых современной войной грандиозных пределов и норм снабжения многомиллионных армий, в помощь военному ведомству, ныне, как известно Вашему Высокопревосходительству, привлечены общественные и частные организации, земства и союзы городов, совместная работа коих с органами военного ведомства объединяется образованным по высочайшему повелению — Особым совещанием для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения.

Однако, сравнительно недавно начатая совместная, дружная работа военного ведомства с объединившимися русскими людьми в деле оказания должного содействия в различных нуждах наших доблестных действующих армий не позволяет еще окончательно выяснить пределы той будущей помощи, на каковую наши армии, в конечном выводе, могли бы рассчитывать.

Тем не менее, в данный момент интересующие Ваше Высокопревосходительство вопросы все-таки уже имеют некоторые ближайшие перспективы, по сути коих считаю долгом поставить Вас в известность.

I. **В отношении недостатка артиллерииских снарядов** необходимо иметь в виду, что состоявшие до войны запасы были полностью к началу 1915 года израсходованы, и в дальнейшем приходилось только рассчитывать на поступление этих снарядов непосредственно с заводов.

Ничтожная производительность наших казенных заводов в сравнении с предъявляемыми войной требованиями не давала никаких надежд на благоприятное разрешение этого вопроса, почему военное ведомство обратилось к частной промышленности (также крайне незначительной в России), а главное, к заказам за границей.

Таким путем, последовательно умножая источники поступления снарядов, дело снабжения армий названными предметами артиллерийского довольствия постепенно крепнет, причем в подтверждение справедливости такого вывода может также свидетельствовать нижеследующее сопоставление чисел высылавшихся ранее и назначаемых в будущем к высылке местных парков на фронты действующих армий.

В январе месяце этого года было выслано всего 22 местных парка (12 легких, 4 мортирных, 2 горных и 4 тяжелых), тогда как, начиная с августа месяца, дальнейшую высылку снарядов до конца года предполагается выполнить в такой последовательности:

	Легк.	Горн.	Мортир.	Тяж.	Всего
В августе	32	3	5	5	45
„ сентябре . . .	52	3	6	5	66
„ октябре	60	5	8	5	78
„ ноябре	60	10	10	5	85
„ декабре	75	10	10	6	101

В течение 1916 года предполагается также итти путем увеличения в данном направлении норм снабжения армии, имея в виду, что минимальные потребности довольствия этого года исчисляются в 1—1½ местных парка на каждый корпус, общее число коих до настоящей минуты принимается равным 67—70.

Ввиду все возрастающего значения в текущей войне ручных гранат и широкого применения их с большим успехом нашими союзниками, военное ведомство ныне крайне озабочено соответственною постановкою дела снабжения наших действующих армий названными гранатами.

В этих целях к изготовлению такого рода предметов артиллерийского довольствия ныне привлекаются не только наши казенные заводы, но и

частная промышленность, производительность каковых в общей массе все-таки не обеспечивает в должной мере поступления ручных гранат, почему приходится прибегать также и к заграничным заказам.

Предполагается, в общем, довести поступление ручных гранат, по крайней мере, до 3.500.000 штук в месяц, каковую норму в данное время следовало бы считать пока достаточною.

Говоря вообще о наших заграничных заказах боевых средств, приходится отметить сравнительную ненадежность такого способа пополнения недостатков нашего снабжения, объясняемую несомненно условиями, созданными настоящей войной.

В виду громадного требования у всех воюющих держав на разные боевые средства, спрос на такие предметы повсюду во много раз превысил предложения, на каковой почве, в свою очередь, создаются различные сомнительные сделки, впоследствии не осуществляющиеся.

Военное ведомство знает уже несколько случаев, когда производившиеся за границею переговоры в конечном выводе никаких реальных результатов не дали, так было с предложением американских винтовок неким Гинни, с поставкой ружей Краго-Юргенсона и с винтовками Веттерли.

Кроме того, некоторые заграничные заводы, в виду перегруженности принятыми для исполнения заказами, крайне неаккуратны в отношении сроков поставок, что, конечно, в свою очередь, отзывается и на равномерности хода дела снабжения.

Такой неаккуратностью теперь отличаются французские заводы Шнейдера, а наибольшею исправностью в смысле соблюдения всех условий заключенных с нами заграничных заказов является Япония, выполнение коей принятых на себя обязательств стоит на должной высоте.

Наконец, следует также отметить, что изготовляемые за границею предметы боевого назначения за время пути подвергаются различным случайностям.

II. Недостаток тяжелой артиллерии и необходимость значительного увеличения числа батарей тяжелой артиллерии сознавались давно, почему большой программой развития наших вооруженных сил предполагалось к 1-му апреля 1916 года довести число тяжелых батарей до нормы по 3 полевых тяжелых (6-дм. и 42-лин.) батарен на корпус.

Открывшиеся военные действия не позволили осуществить этих предположений, тем не менее необходимые орудия военным ведомством были заказаны, и часть их, вышедшая изготовлением с заводов, обращена уже на новые формирования.

Независимо от того, с первых же дней войны, при обнаружении на фронтах наших противников весьма значительного против нас перевеса орудий тяжелых калибров, военное ведомство приняло меры к увеличению и у нас таких же орудий, почему тогда же было заказано в России: 500—42-лин. скорострельных пушек. 332—6-дм. полевые гаубицы и 32—8-дм. осадные гаубицы, во Франции 16—11-дм. осадных гаубиц и в Англии 32—8-дм. гаубицы и 9—12-дм. гаубицы.

Изготовление таких орудий требует значительного времени, почему рассчитывать на получение хотя бы части их в текущем году естественно не представляется возможным.

Поэтому формируемые нами за время войны части тяжелой артиллерии создавались и ныне продолжают создаваться частью за счет приобретенных в Японии тяжелых орудий, а остальное — из заимствуемых в крепостях подходящих образцов подвижных орудий; так были созданы л.-гв. тяжелый и с № 5 по № 10 полевые артиллерийские дивизионы (№№ 1—4 формировались на фронтах).

В течение настоящего года мы, таким образом, располагаем сравнительно незначительными средствами для удовлетворения потребностей в сторону увеличения частей тяжелой артиллерии; в этом отношении перспективы наши таковы:

а) Тяжелая артиллерия осадного типа — формирование тяжелой (свыше 6-дм.) артиллерии в текущем году предполагается осуще-

ствить за счет орудий, ожидающихся поступлением из Франции и Англии. Предполагается получить: 20—8-дм.; 4 или 6—11-дм. и 4 — 12-дм. гаубиц; кроме того, ведутся переговоры с Японией об уступке нам 4—24 см. и 15—28 см. гаубиц, что даст 17—19 батарей.

б) Полевая тяжелая артиллерия — в данное время формируются четыре полевых тяжелых артиллерийских дивизиона (№№ 11, 12, 13 и 14), из 6-дм. крепостных гаубиц, заимствованных из крепостей, и из 12—42-лин. орудий, изготовленных для нас во Франции. Такие же формирования предполагается продолжать в текущем году за счет ожидающихся поступлением с наших заводов 8 или 12—6-дм. пушек системы Шнейдера и вновь уступаемых нам Францией 12—42-лин. орудий.

Увеличение числа полевых тяжелых (и осадного типа) артиллерийских частей, путем новых формирований, за счет изготовляемых постепенно орудий, предполагается производить безостановочно, по мере выхода орудий, в целях обеспечения ими наших действующих армий в норме, хотя бы: по 3 полевых тяжелых батареи на корпус и по 1 осадного типа батарее — на армию, чтобы довести число этих батарей до 9—в армии.

Независимо от того, предполагается еще снабдить наши армии малокалиберными пушками для уничтожения материальной части пулеметов. С этой целью в Англии сделаны заказы на 37 м/м. орудия Маклена, обеспеченные достаточным боевым комплектом.

III. Что же касается снабжения наших армий винтовками и винтовочными патронами, то вопрос этот в данную минуту стоит довольно обостренно и находится в мало удовлетворительном положении.

Производительность наших заводов, достигающую теперь ежемесячного выхода винтовок по 50.000 и патронов к ним до 70.000.000, к июлю месяцу 1916 года, путем постепенного расширения заводов предполагается довести до норм: винтовок по 100.000 в месяц, а патронов до 130.000.000, при условии приобретения необходимого числа станков.

Норма эта, естественно, является неокончательною, и в будущем, по мере развития такого производства и в зависимости от предстоящих военных операций, снабжение винтовками и винтовочными патронами может принять иные формы.

Тем не менее, в виду серьезного положения такого вопроса, военное ведомство не останавливается ни перед какими мерами, чтобы поставить его на высоту исключительного внимания.

В настоящее время сверх выпускаемых нашими заводами винтовок получены из Японии наличной покупкою 100.000 винтовок (с 200 патронами на ружье), большая часть коих (около 60.000) распределена уже по указанию Штаба Верховного Главнокомандующего, и 40.000 остаются пока еще без назначения.

Затем, на днях в Архангельск прибыла первая партия винтовок (около 19.000 с завода Винчестер) в счет заграничных заказов, каковых в общем сделано всего на 3.000.000 винтовок с патронами; дальнейшие крупные партии таких винтовок с патронами начнут поступать к нам в декабре этого года.

Кроме того заключено условие с одним инженером Семеновским на продажу нам 200.000 готовых ружей Манлихера с 225.000.000 патронами; прибытие этих винтовок ожидается в сентябре месяце сего года.

Предложений на покупку ружей поступает сравнительно много, но большинство из них редко осуществляется, как это я уже отметил выше.

Из поступивших за последнее время еще предложений к более твердым следует отнести: заказ фирме Джонс 1.000.000 винтовок, заказ фирме Хоф и Коленский—2.000.000 винтовок и предложение купить 1.000.000 готовых ружей Маузера (с 1.000 патронами на ружье) от американца Артура Эдварса.

В заключение следует еще упомянуть о снабжении наших армий автоматическими ружьями.

Для соответствующего разрешения этого назревшего вопроса военное ведомство ныне к заграничным заказам ружей предъявляет требования о соответствии данного оружия с позднейшими, в этом направлении, усо-

вершенствованиями и, таким образом, постепенно и последовательно предполагает со временем осуществить перевооружение армий автоматическими ружьями.

Однако, имея в виду, что вопрос этот не может быть благоприятно разрешен в ближайшем времени, представляется соответственным такую потребность армий пока компенсировать, до некоторой степени, пулеметами и тем усилить огневое действие частей пехоты.

С этой целью предполагается использовать заказанные заграницею 1.000 ружей-пулеметов фирмы Льюиса (начнут поступать в ближайшем времени по 50 ружей-пулеметов в неделю) и 1.000 пулеметов системы Кольта (поступление по 250 пулеметов в месяц, первая партия коих уже прибыла в Архангельск).

Однако использование вышеуказанных пулеметов предполагается осуществить на несколько иных началах, чем это производится в отношении принятых у нас на вооружении пулеметов Максима, так как системы пулеметов Кольта и Люиса резко отличаются от нашей системы.

Признается более целесообразным формировать особые пулеметные команды, вооруженные этими новыми пулеметами. Команды эти, по их сформировании, будут придаваться любой части, чем будет достигаться общее увеличение числа пулеметов, без смешения в одних и тех же командах пулеметов различных систем.

Такой порядок, с одной стороны, избавит части войск от необходимости организовать собственным попечением обучение обращению с незнакомым, новым для них оружием, а, с другой стороны, даст возможность избегнуть смешения пулеметов различных систем на вооружении существующих пулеметных команд.

Наконец, остается еще сказать несколько слов по поводу отмеченных Вашим Высопревосходительством недостатков в укомплектовании войск нижними чинами и офицерским составом.

IV. По вопросу о количестве подготовляемых в запасных частях укомплектований для действующей армии я вполне разделяю мнение Вашего Высокопревосходительства о настоятельной необходимости призывать сразу возможно большее количество военнообязанных и иметь в запасных частях около 1 миллиона людей, дабы эти люди обучались возможно продолжительное время.

Однако, до наступления нынешнего летнего периода осуществить эту меру не представлялось возможным, главным образом, по следующим причинам:

После мобилизации, в распоряжении военного министерства осталось всего лишь 162 запасных батальона четырех - (большей частью) и восьмиротного состава, т.-е. со штатным переменным составом в 1.000 (большей частью 2 000 человек).

Допуская переполнение этих батальонов в два раза (временами даже в три раза) против штатного состава, все же это число батальонов не могло вместить более 400 — 500 человек. Допущение еще большего переполнения запасных батальонов было невозможным, так как при скученности зимнего размещения в казармах таковое переполнение крайне вредно отражалось на обучении людей и, кроме того, вело к увеличению заболеваний. Кроме того, небольшое число офицеров и недостаток винтовок (на одной винтовке временами обучались 3 и даже 5 человек) также ставили предел переполнению запасных батальонов сверх штата.

В виду этого я, предвидя, что с наступлением теплого времени весьма вероятно интенсивное развитие операций, сопряженное с большими потерями, военное министерство принимало все усилия к тому, чтобы к нынешнему лету запасные батальоны четырех внутренних округов были поставлены в наиболее благоприятные условия для лучшей подготовки укомплектований и могли иметь в своем переменном составе возможно большее количество людей.

С этой целью, путем больших усилий, удалось не только довести число запасных батальонов четырех внутренних округов до 180, но и развернуть

их все в 12 ротных составов, что дает возможность в переменном составе этих батальонов иметь 540.000 обучаемых только штатного состава (по 250 человек в роте, по 3.000 человек в батальоне; $3.000 \times 180 = 540.000$), а допустив хотя бы только 50% сверхкомплекта (что в летнее время в лагерном расположении вполне возможно), даже 800.000.

Считая же все запасные части Петроградского в Одесского округов и запасные части специальных родов оружия в четырех внутренних округах, является возможным одновременно иметь до 1 миллиона обучаемых людей.

В мае запасные части внутренних округов были выведены в лагери, где обучение чинов можно вести гораздо интенсивнее, нежели в казармах. Кроме того, были приняты все меры для усиления кадрового офицерского состава запасных частей путем назначения в них эвакуированных офицеров 3-й категории и прикомандирования к ним в летнее время офицеров кадетских корпусов.

Создав к летнему периоду вышеперечисленные благоприятные условия для обучения большого числа укомплектований, военное министерство наметило призывы военнообязанных в такие сроки и в таком количестве, которые вполне бы обеспечивали укомплектование армии интенсивной высылкой ежемесячно по меньшей мере 1.200 — 1.400 маршевых рот только из запасных частей четырех внутренних округов.

Так как после призыва 1-го апреля 600.000 ратников 1-го разряда в возрасте 33 — 36 лет включительно дальнейшее укомплектование армии ратниками 1-го разряда давало бы армии пожилых людей, с надорванными физическими силами и обремененных большими семьями, то было намечено произвести 1-го мая досрочный призыв новобранцев 1916 года, а через месяц после этого призыва, в крайнем же случае через 1 ½ месяца, т.-е. не позже 15-го июля, призвать четыре младших возраста (с 20 по 23 лет включительно) ратников 2-го разряда. Последний призыв дал бы сразу до 1 миллиона людей, и он был бы настоятельно необходим, так как нельзя было рассчитывать, что контингент новобранцев 1916 года будет многочисленным в силу значительных обстоятельств: а) естественного увеличения в весьма значительной степени льготных по семейному положению, зачисляемых в ополчение 2-го разряда, т. е. единственных трудоспособных работников семьи, так как после целого ряда призывов запасных и ратников 1-го разряда во многих семьях эти новобранцы остались единственными работниками; б) значительного количества среди недостигших 20-летнего возраста юношей, физически недоразвитых; в) сокращения с 8 на 3 месяца того подготовительного периода, в течение которого органами Министерства Внутренних Дел и ведомства Святейшего Правительствующего Синода производится регистрация подлежащих отбыванию впервые воинской повинности молодых людей, вследствие чего значительное число последних могло оказаться незарегистрированными и изъятыми от призыва; наконец, г) слишком широкого предоставления отсрочек призыва, допущенного Советом Министров вследствие настояний различных ведомств.

К сожалению, по совершенно независящим от военного министерства причинам выполнить эти предположения не удалось; призыв новобранцев 1915 года пришлось перенести на 15-е мая (иначе Министерство Внутренних Дел не находило возможным выполнить подготовительные работы), а призыв ратников 2-го разряда Совет Министров признал вообще невозможным в течение летнего времени, когда население занято уборкой исключительного по своим размерам урожая.

Вместо намеченного военным ведомством на 15-е июля призыва ратников 2-го разряда, Совет Министров постановил произвести 7-го августа призыв молодых людей, родившихся в 1896 году. Таким образом, намеченный военным ведомством очередной призыв военнообязанных был отсрочен Советом Министров на 23 дня (вместо крайнего срока, 15-го июля, призыв совершится лишь 7-го августа). Эти 23 дня и составили тот неизбежный в высылке укомплектований перерыв, о котором сказано в упоминаемой в письме Вашего Высокопревосходительства телеграмме генерала Кондзеровского генералу Гулевичу 28-го июня 1915 года.

Какое количество людей даст этот призыв родившихся в 1896 году, сказать заранее трудно. Вследствие уничтожения льгот по семейному положению для этого призыва предполагается получить до 700 тысяч, но, с другой стороны, постановление Совета Министров о предоставлении отсрочек призыва большому кругу молодым людей этого призыва может значительно уменьшить ожидаемое количество этих военнообязанных.

Во всяком случае, мною будут приняты все меры к тому, чтобы путем своевременных призывов военнообязанных довести количество обучаемых людей в запасных частях четырех внутренних, Петроградского и Одесского округов до 1 миллиона людей. При этом, однако, надлежащему обучению этих людей еще долгое время будет препятствовать недостаток в запасных частях винтовок, которых ныне в каждой роте запасного батальона в лучшем случае не более 150. Имея в запасных частях 1 миллион людей, придется на одной винтовке обучать, в лучшем случае, 3 человека.

V. Что касается вопроса об укомплектовании офицерского состава, то созданные во время настоящей войны источники пополнения офицерского некомплекта в частях действующей армии представляются в настоящее время в следующем виде: а) Для пополнения офицерами пехоты организованные в пехотных военных училищах ускоренные курсы дают каждые четыре месяца около 6.250 прапорщиков, следовательно, в год около 18.750 офицеров, а школы подготовки прапорщиков пехоты дают каждые три месяца около 10.350 прапорщиков, иными словами в год около 41.400 офицеров; итого в год 60.000 офицеров, не считая производимых в прапорщики за боевые отличия, а также нижних чинов с образованием 1-го разряда, производимых в строевых частях действующей армии без экзамена и во внутренних округах по экзамену. Четыре ополченских школы на трех фронтах и в VI армии могут дать каждые три месяца 1.600 прапорщиков ополчения, следовательно, в год до 6.400 офицеров. б) Для пополнения офицерами артиллерии ускоренные курсы артиллерийских училищ дают каждые 5½—8 месяцев (в зависимости от потребности действующей армии) около 1.550 прапорщиков, следовательно от 2.300 до 3.100 офицеров. в) Для пополнения офицерами кавалерии ускоренные курсы в кавалерийских военных училищах дают каждые 4 месяца около 340 офицеров, в год до 900 офицеров. г) Для инженерных войск ускоренные курсы в Николаевском инженерном училище дают ежегодно до 420 офицеров. Ввиду открытия в минувшем мае второго инженерного училища в Киеве, с 1916 года число офицеров, выпускаемых ежегодно инженерными училищами, увеличится. Кроме того, школа подготовки прапорщиков инженерных войск дает каждые четыре месяца до 400 офицеров, а в год до 1.200. Таким образом, число офицеров инженерных войск 1916 года достигнет ежегодной цифры не менее 1.800 — 1.900 офицеров. д) Для казачьих войск ускоренные курсы казачьих военных училищ дают каждые четыре месяца около 575 прапорщиков, в год до 1.700 офицеров. В мере возможности, в зависимости, главным образом, от наличности военно-педагогического персонала, предполагается еще дальнейшее расширение школ. Кроме того, признавая, что молодые офицеры с ускоренных курсов военных училищ и из школ подготовки прапорщиков пехоты, при наилучшей даже постановке дела воспитания в училищах и школах никогда не смогут заменить офицеров, окончивших военные училища в мирное время и имею щих уже более или менее продолжительный служебный опыт, приняты самые серьезные меры к тому, чтобы эвакуированные офицеры первого и второго разрядов первой категории немедленно отправились в действующую армию. Что же касается вопроса, возбужденного Вашим Высокопревосходитель ством в отношении установления новых видов боевых офицерских наград, то сведения о сем мною будут Вашему Высокопревосходительству сообщены дополнительно.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ал. Поливанов.

СПИСОК ГЛАВНЕЙШИХ ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ.

А. М. Зайончковский. — Мировая война. Общий стратегический очерк.

Его же. — Подготовка России к Мировой войне. Планы сторон.

Его же. — Мировая война и русская дипломатия. Период до 1914 года (печатается).

М. Д. Бонч-Бруевич. — Потеря русскими Галиции в 1915 году.

А. А. Вацетис. — Боевые действия в Восточной Пруссии.

Участник войны. — Краткий стратегический очерк войны 1914—1918 г.г. Русский фронт с 1-го сентября по 11 ноября 1914 г. Изд. „Военное дело".

Стратегические очерки войны 1914—1918 г.г. *Цихович.* — Ч. 1-я. *Г. К. Корольков.* — Ч. 2-я, *А. А. Незнамов.* — Ч. 3-я, 4-я. — Издание комиссии по исследованию и использованию опыта Мировой и гражданской войн.

Фалькенгайн. — Верховное командование.

Людендорф. — Мои воспоминания.

Мозер Отто. — Краткий стратегический обзор Мировой войны 1914—1918 г.г.

Reichsarchiv. — T. 2. Der Weltkrieg 1914—1918.

Konrad. — T. 4. Aus meiner Dienszeit.

Hirle Konstantin. — Der Weltkrieg in Umrissen.

Schwarte. — T. 1, 2, 5. Der grosse Krieg 1914—1918.

Stegemann. — T. 2. Geschichte des Krieges.

François. — Gorlice 1915.

Головин Н. Н. — Из истории кампании 1914 года на русском театре. Прага, изд. „Пламя" [1]).

Военно-Исторический Архив: номера дел указаны в тексте.

---

[1]) К сожалению, с этим интересным трудом я познакомился уже в то время, когда моя работа была в наборе, и не мог ее использовать.

Цена 4 рубля
(Без альбома схем).

26317